ОБЩЕСТВО и ГОСУДАРСТВО

ВЪ ДО-МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

> Pour juger le passé, il ne faut pas l'étudier avec la préoccupation ou avec le dégoût du présent.
>
> Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité, t. XII, p. 181.

Соч. Н. Хлѣбникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина. Невск. просп., д. № 18.
1872.

III 14. 78.
Т 113/63

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

ВЪ ДО-МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * РУКОПИС. И БИБЛІО- ТЕКА

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

ВЪ ДО-МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Pour juger le passé, il ne faut pas l'étudier avec la préocupation ou avec le dégoût du présent.

LAURENT. Études sur l'histoire de l'humanité, t. XII, p. 181.

Соч. **Н. Хлѣбникова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **А. М. Котомина.** Невск просп., д. № 18.
1872.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

2007088068

Оглавленіе.

ВВЕДЕНІЕ.

О значеніи родоваго быта для дальнѣйшей исторіи народа.—Родовыя формы у различныхъ первобытныхъ племенъ.—Значеніе первичныхъ родовыхъ формъ для дальнѣйшей исторіи восточныхъ и классическихъ народовъ. — Родовыя формы у славянъ и германцевъ . . . . . I—XX

Отдѣлъ I (до 862 г.).

Бытъ и политическое устройство славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ первоначальнаго Русскаго государства.

Приблизительное опредѣленіе времени переселенія русскихъ славянъ.—Культурное состояніе племенъ до Рюрика.—Центральное племенное устройство.—Управленіе колѣнъ: родовая казна, власть старѣйшинъ на судѣ и въ управленіи колѣна; сходство колѣннаго устройства съ общиннымъ.—Элементы колѣна.—Родовыя усобицы.—Святилище племени, колѣна и рода.—Сущность религіознаго міросозерцанія: страхъ предъ природой и стремленіе подчинить ее себѣ; измѣненіе религіозныхъ понятій сообразно съ степенями быта.—Культъ солнцу.—Рѣзкая разница въ отношеніи къ божеству между первобытной языческой религіей и языческой религіей вторичнаго образованія.—Отсутствіе нравственной идеи въ язычествѣ и ея замѣна идеей рока.—Вліяніе языческой религіи на устройство политическаго и общественнаго порядка; власть старѣйшинъ и князей, институтъ собственности и ихъ отношенія къ религіи . . . . . 1—59

Стр.

Отдѣлъ II.

Періодъ внѣшняго или механическаго соединенія племенъ въ одно государство.

Культура и политическое устройство сосѣднихъ съ образующимся Русскимъ государствомъ племенъ.—Нападеніе варяговъ.—Кто были варяги? Норманисты и антинорманисты.—Выводъ изъ этихъ преній.—Три элемента, изъ взаимнаго вліянія которыхъ образуются начатки русской цивилизаціи: русскій или славянскій, варяго-норманскій и византійскій.—Призваніе князей сѣверными племенами.—Особенный характеръ отношеній великаго князя кіевскаго къ подчиненнымъ князьямъ и посадникамъ.—Характеръ отношеній князя къ племенамъ до и послѣ Владиміра.—Первая земская дума.—Преобразованіе въ общественномъ устройствѣ; земское ополченіе.—Общественные элементы и отношеніе ихъ къ князю.—Огнищане-бояре, свободные землевладѣльцы, половники, смерды и рабы.—Древнѣйшее право и судъ.—Княжеское управленіе и доходъ.—Введеніе христіанства и переворотъ, который оно производитъ въ обществѣ.—Подробный разборъ этого вліянія (Уставъ Владиміра и Ярослава) . . . . . 60—183

Отдѣлъ III (1055—1156).

Періодъ господства патріархальныхъ идей и отношеній.

ГЛАВА I.

Примѣненіе идей родоуправленія, сеймовыхъ постановленій и договоровъ къ государственному устройству.—Слабость значенія права въ обществѣ, вслѣдствіе малаго политическаго и нравственнаго развитія его.—Удѣльныя системы г. Соловьева и Сергіевича.—Слабыя и вѣрныя стороны обѣихъ.—Система родоваго права съ самого начала не была вполнѣ приложена и даже во время сыновей Ярослава не пользовалась авторитетомъ.—Окончательный упадокъ системы и попытка устроить новую на любечскомъ съѣздѣ.—Причина неудачи попытокъ заключается въ племенной розни. . . . 184—214

ГЛАВА II.

Общественные элементы.

Бояре были классомъ землевладѣльческимъ.—Дружина составлялась изъ всего свободнаго народонаселенія, но не отдѣлялась рѣзко отъ народа и не составляла особаго элемен-

Стр
та.—Что такое города.—Подробное разсмотрѣніе экономическаго состоянія общества, какъ причина, образующая изъ свободныхъ массу полусвободныхъ закуповъ и рабовъ.—Владиміръ Мономахъ, какъ великій законодатель . . . 115—257

ГЛАВА III.

Государственное устройство и управленіе.

Неудача попытокъ устроить центральное правительство для цѣлой Россіи.—Князь и вѣче, ихъ взаимныя отношенія.—Должностныя лица.—Участіе общества въ управленіи.—Теорія общинъ, созданная славянофилами, и критика ея . . 258—292

ГЛАВА IV.

Право, судъ и законодательство.

Первый опытъ государства обезпечить личность: устройство вервей.—Законодательство объ убійствѣ, воровствѣ и обидахъ.—Распространеніе охранительныхъ обязанностей верви на нѣкоторыя имущества, какъ вторая попытка государства оградить частныя имущества.—Ходъ уголовнаго процесса и судебныя доказательства по обвиненію въ убійствѣ, воровствѣ и личныхъ обидахъ.—Громадный прогрессъ, сдѣланный обществомъ въ защитѣ личности гражданъ.—Чѣмъ объясняется судъ Божій.—Защита государствомъ труда и порядка, какъ начало собственности поземельной.—Слабость развитія системы договоровъ.—Наслѣдство и опека . . . . . 293—334

ГЛАВА V.

Церковь и ея отношенія къ обществу и государству.

На какіе пороки общества церковь обращаетъ нравственную проповѣдь.—Религіозные вопросы, которые наиболѣе занимали общество.—Средства, употребляемыя церковью для исправленія общества.—Строгость церкви въ отношеніи своихъ членовъ.—Отношенія православныхъ къ язычникамъ.—Начало отчужденія нашего общества отъ западно-европейскаго и первыя основанія для будущаго церковнаго раскола.—Значеніе монастырей.—Ѳеодосій Печерскій, истинный основатель монастыря того же имени.—Студійскій уставъ.—Вліяніе византійскаго права на наше, чрезъ посредство церкви.—Церковные суды . . . . . 335—360

ГЛАВА VI.

Умственное движеніе. Идеи и люди этого времени.

Главная работа вѣка состояла въ усвоеніи Священнаго писанія.—Несторъ и его лѣтопись.—Міровоззрѣніе Нестора.—

Стр.
Домострой XII вѣка и Поученіе Мономаха.—Общественные нравы XII вѣка . . . . . 361—382

Отдѣлъ IV (1155—1237).

Періодъ политической деворганизаціи и нравственнаго упадка общества.

Нѣсколько словъ о методѣ изслѣдованія.—Политическое состояніе общества: рознь племенъ и упадокъ племенныхъ центровъ.—Эгоизмъ князей, какъ единственная пружина ихъ дѣйствій.—Андрей Боголюбскій, его планы и причина ихъ неудачи.—Неизмѣнность принциповъ управленія.—Мстиславова Безсудная грамота.—Необыкновенное усиленіе княжеской власти, которое замѣчается въ ней.—Въ какомъ отношеніи находились сословія въ отношеніи къ княжеской власти.—Церковная жизнь и ея представители.—Стремленіе государства подчинить себѣ церковь.—Умственная жизнь второй половины XII и XIII вѣка: Патерикъ Печерскій.—Общая оцѣнка культуры эпохи . . . . . 383—451

Отдѣлъ V (862—1237).

Особенности Новгородской исторіи и политическія учрежденія Новгорода.

Оригинальныя начала новгородской исторіи и государственнаго устройства.—Громадное вліяніе географическаго положенія на исторію Новгорода.—Хлѣбный вопросъ.—Торговля и завоеваніе, какъ источники питанія новгородцевъ.—Слабыя и сильныя стороны Новгорода, вытекающія изъ его естественнаго положенія.—Пространство Новгорода и размѣръ его народонаселенія.—Три періода его исторіи.—Новгородская свобода выработывается въ періодъ 1117—1135 года, хотя основанія ея положены Ярославомъ.—Достоинства и недостатки новгородскихъ учрежденій.—Подробности новгородскаго устройства и управленія: организація житьихъ и черныхъ людей въ сотняхъ, а торговыхъ—въ особомъ учрежденіи.—Новгородскія учрежденія въ практической жизни . 452—512

Предисловіе.

Въ 1869 году, издавая мой первый трудъ, подъ заглавіемъ „О вліяніи общества на организацію государства въ царской періодъ Русской Исторіи“, я представилъ въ немъ лишь движеніе государственной и общественной жизни первой половины царскаго періода, отъ принятія Іоанномъ IV титула царя до Петра Великаго, намѣреваясь вслѣдъ за тѣмъ заняться второй половиной, то есть временемъ Петра Великаго. Но я пришелъ къ убѣжденію, что нельзя говорить вполнѣ понятно о новой Россіи, не представивъ своего взгляда на древнюю. Вотъ почему я рѣшился, прежде чѣмъ продолжать уже начатый трудъ, изслѣдовать первоначально княжескій періодъ. Здѣсь я представляю первую половину его, до монгольскаго ига. Имѣя въ виду государство и его учрежденія, я, однако, стараюсь представить всѣ стороны нашей общественной жизни этого времени, такъ какъ государство, въ его формахъ

и учрежденіяхъ, есть продуктъ всей экономической, умственной и нравственной жизни эпохи. Если въ моемъ сочиненіи будетъ неполнота или ошибки, неизбѣжныя при болѣе широкомъ объемѣ сочиненія, то, мнѣ кажется, будетъ не безполезна для изслѣдователей попытка связать въ одно цѣлое всѣ стороны общественной жизни.

Н. Хлѣбниковъ.

Варшава,
15-го октября 1871 года.

Введеніе.

О значеніи родоваго быта для дальнѣйшей исторіи народа.—Родовыя формы у различныхъ первобытныхъ племенъ.—Значеніе первичныхъ родовыхъ формъ для дальнѣйшей исторіи восточныхъ и классическихъ народовъ. — Родовыя формы у славянъ и германцевъ.

Въ нашей литературѣ уже давно сознана та истина, что всѣ народы проходятъ чрезъ родовой бытъ, что первоначальная политическая организація государствъ находится съ этою формой въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Но, не смотря на такое признаніе важности формы родоваго быта, самый вопросъ о томъ, какъ онъ связывается съ политическою организаціею государства, какія идеи и формы онъ вноситъ въ развитіе общества и государства, когда и почему онъ падаетъ, или, лучше сказать, въ какія переходитъ формы (потому что въ исторіи живаго народа формы не падаютъ, а только измѣняются и перерождаются); всѣ эти вопросы оставались совершенно не разрѣшонными, даже почти не поставленными. Такъ какъ изученіе политическихъ формъ нашего древняго общества составляетъ существенную часть настоящаго сочиненія, а эти формы, какъ я уже сказалъ, находятся въ тѣсной зависимости отъ родоваго быта,—то я считаю необходимымъ, въ настоящемъ введеніи, указать въ краткихъ чертахъ, что я подразумѣваю подъ родовымъ бытомъ, какъ онъ естественно образуется и естественно разлагается у на-

родовъ, до сихъ поръ еще не пережившихъ эти формы, а также и у народовъ историческихъ, которые прошли чрезъ эти формы. Какъ ни проста, по своей идеи, форма родоваго быта, но совершенно ошибочно думать, что она однообразна у всѣхъ народовъ; нѣтъ сомнѣнія, что внѣшне-родовыя формы у всѣхъ народовъ имѣютъ много сходства, но эти формы не уничтожаютъ индивидуальныхъ особенностей характера народовъ, а слѣдовательно, подъ видимымъ однообразіемъ формъ скрывается большое однообразіе въ отношеніяхъ разныхъ народовъ къ этимъ формамъ. Это разнообразіе обнаруживается всего яснѣе въ томъ, что̀ народы оставляютъ изъ этихъ формъ въ дальнѣйшей своей жизни, когда самыя формы въ естественной простотѣ падаютъ. Одни народы, напримѣръ, оставляютъ изъ родоваго быта лишь типическія понятія отношеній между властвующими и подвластными, какъ между отцомъ и дѣтьми, что всего рѣзче видно у китайцевъ, а отчасти у насъ; у другихъ народовъ родовой бытъ оставилъ слѣды въ законахъ о поземельной собственности, какъ, напримѣръ, у евреевъ, отчасти у индѣйцевъ; народы классическіе заимствовали изъ родоваго быта нѣкоторыя части своей политической организаціи. Словомъ, всѣ народы взяли какія-либо части изъ родоваго быта,—этой естественной, первобытной формы жизни, въ которой человѣкъ учился повиноваться, любить, считать своими интересы своихъ близкихъ и даже ставить долгъ выше матеріальнаго и эгоистическаго личнаго наслажденія. Такимъ образомъ, особенное значеніе родоваго быта нужно изучать отдѣльно у каждаго народа, но такъ какъ самая идея эта еще не ясно понимается, то я теперь и постараюсь уяснить ее на примѣрахъ изъ живыхъ и отжившихъ народахъ.

Въ самой сильной, тѣснѣйшей зависимости общество находится, на всѣхъ степеняхъ культуры, отъ экономическихъ условій, или, говоря проще, отъ способовъ питанія. Всѣмъ политическимъ измѣненіямъ въ устройствѣ общества всегда предшествуютъ измѣненія въ способахъ пріобрѣтенія и раздѣленія богатствъ, которыя даетъ человѣку окружающая его

природа. Эта зависимость еще рѣзче видна на первоначальныхъ ступеняхъ быта. Три первобытные способа питанія,— охота, скотоводство и земледѣліе—сопровождаютъ три различныя политическія устройства.

Самое грубое первобытное устройство представляютъ общества, питающіяся посредствомъ охоты или рыбной ловли. Такое племя, которое питается охотой или рыбной ловлей, должно постоянно измѣнять мѣсто жительства, иначе оно помретъ отъ голода. По наблюденіямъ путешественниковъ, для питанія небольшаго племени въ 300 или 400 лицъ, занимающихся охотой, необходимо пространство нынѣшней Франціи (Comte, Traité de lég., т. II, стр. 273). Какъ ни бѣденъ и жалокъ бытъ такихъ племенъ, однако уже здѣсь проявляется понятіе права собственности. У рыбачьихъ племенъ, живущихъ у Полярнаго моря, рыбу дозволяется ловить каждому, гдѣ ему угодно, но не только пойманная рыба, но даже выброшенная изъ моря вещь, вездѣ принадлежитъ тому, кто первый до нея дотронулся; для этого ему стоитъ положить на нее какой-нибудь знакъ. Если тюлень, раненый однимъ охотникомъ, убѣжитъ и послѣ будетъ пойманъ другимъ, тѣмъ не менѣе его трупъ принадлежитъ убившему. Еслибы два охотника въ одно время поразили оленя, то онъ принадлежитъ тому, чья стрѣла попала ему въ сердце (Klemm, Alg. Cult. Gesch., ч. II, стр. 294). Такія племена не имѣютъ почти никакого политическаго устройства; они подчиняются вождю только на-время, для какого-нибудь предпріятія или для защиты. Въ это время они подчиняются вождю, какъ настоящая дисциплинированная армія, но лишь кончается предпріятіе, кончается и власть вождя. Въ мирное время вожди не имѣютъ никакой власти, даже судебной; каждый долженъ защищать самъ себя. Даже участіе въ общихъ предпріятіяхъ ни для кого не обязательно. Каждый членъ племени есть полный хозяинъ и повелитель своихъ женъ и дѣтей, пока послѣднія не подросли и не сдѣлались сами охотниками. Никакой нравственной семейной связи здѣсь еще не существуетъ; сынъ, сдѣлавшись взрослымъ, не обращаетъ ни

малѣйшаго вниманія на своего отца. Хотя я говорилъ, что понятіе собственности существуетъ, но ему подчиняются лишь тѣ, которые хотятъ его признавать. Такъ какъ не существуетъ никакой центральной власти въ мирное время, то часто физически сильные отбиваютъ добычу у слабыхъ и даже убиваютъ ихъ (Comte, Tr. de lég., т. II, стр. 279).

Вотъ первая ступень общественной организаціи; едва-ли мы найдемъ въ ней слабые зачатки политическаго устройства. Общество такъ слабо, что оно готово каждую минуту разложиться. Но даже въ это время мы находимъ уже нѣкоторыя великія человѣческія начала; такъ, по отзывамъ путешественниковъ, дикій не подчиняется власти по ложно понятому чувству индивидуальной свободы и личной гордости. Право собственности, какъ мы видимъ, иногда понимается очень тонко.

Перейдемъ теперь ко второй степени развитія.

Другой порядокъ вещей мы находимъ у народа, который питается посредствомъ скотоводства. Здѣсь мы найдемъ болѣе сильную власть, признанное право собственности даже по смерти собственника, въ лицѣ его сына, начала нравственнаго развитія человѣка въ родовомъ устройствѣ и, наконецъ, начала общественнаго нравенства.

Тотъ геніальный охотникъ, который съумѣлъ сдѣлать ручнымъ и заставилъ ходить за собою дикаго буйвола, козъ и овецъ, является лицомъ богатымъ и обезпеченнымъ среди охотниковъ. Къ этому обезпеченному лицу охотно идутъ въ слуги, или, что тоже въ это время, въ рабы, многіе изъ охотниковъ въ періоды голодовокъ, которыя составляютъ неразлучныхъ спутниковъ охотничьягобыта (Klemm, Cult. Gesch., т. II, стр. 229). Этотъ богатый, обезпеченный владѣтель стадъ, пользуясь своимъ положеніемъ, имѣетъ нѣсколько женъ и наложницъ, что дозволяетъ ему скоро пріобрѣсть многочисленное потомство. Этотъ патріархъ дѣлается, такимъ образомъ, домовладыкой и государемъ своихъ женъ, дѣтей, внуковъ и рабовъ. Онъ есть судья, воевода и первосвященникъ своего рода, члены котораго подъ его властью привы-

кают повиноваться, признавать сознанную имъ правду за коном для себя, привыкают уважать боговъ—покровителей рода, которымъ поклоняется патріархъ. Такимъ образомъ, въ этомъ первичномъ родовомъ устройствѣ въ человѣкѣ пробуждается религіозное сознаніе, зарождается юридическій обычай,—первое проявленіе правовой идеи; наконецъ, вмѣстѣ съ обезпеченностью, пробуждается чувство благожелательства къ другимъ въ видѣ гостепріимства.

Выше мы предположили, что одинъ охотникъ создаетъ патріархальное устройство среди дикаго быта; но обыкновенно разомъ возникаетъ нѣсколько такихъ родовъ,—фактъ, ведущій къ замѣчательнымъ послѣдствіямъ. Патріархъ-родоначальникъ избраннаго нами племени беретъ своихъ женъ у такихъ же патріарховъ, а жены, взятыя имъ изъ своихъ рабынь, носятъ имя наложницъ. Рангъ матери переходитъ на дѣтей. У пастушескаго племени кафровъ мы находимъ всѣ эти явленія. Всѣ сыновья родоначальника, рожденные имъ отъ женъ, суть наслѣдники его достоинства и имущества; дѣти, рожденныя рабынями патріарха отъ его рабовъ, въ одно время съ которымъ-либо изъ его сыновей, дѣлаются его рабами. Дѣти, рожденныя патріархомъ отъ наложницъ, получаютъ свободу и подарки отъ патріарха (Klemm, т. III, стр. 323). Подобныя же явленія мы находимъ и въ библейской исторіи. Патріарху Аврааму наслѣдуютъ въ его достоинствѣ лишь дѣти, рожденныя отъ того же племени. Старшая жена Авраама, Сарра, есть сестра его, и отъ нея происходитъ почетнѣйшій родъ. Ея сыновья получаютъ отъ Авраама всѣ стада его, а сыновья наложницъ лишь подарки (Быт., гл. XXV). Каждый законный сынъ въ пастушескомъ племени образуетъ новый родъ. Изъ этихъ родовъ образуется первичное государство. Самую высшую степень развитія этой формы мы находимъ у бедуиновъ. Бедуины, тоже пастушескія племена, образуютъ такія первичныя государства. Нѣсколько родовъ, съ своими родоначальниками, избираютъ одного изъ родоначальниковъ главнымъ или великимъ шейхомъ, которому и подчиняются. Но это подчиненіе очень слабое и нисколько

не уменьшаетъ значенія самихъ родоначальниковъ. Общество раздѣляется на два класса: благородныхъ и рабовъ. Хотя великій шейхъ бедуиновъ почти не имѣетъ судебной власти, но въ родовомъ устройствѣ, котораго теперь достигло общество, человѣкъ получаетъ въ это время уже нѣкоторое обезпеченіе своей личности, потому что въ родовомъ устройствѣ у человѣка развивается понятіе солидарности и всѣ члены рода проникаются сознаніемъ обязанности мести за убитаго. Но месть за менѣе важныя оскорбленія все еще остается на обязанности каждаго (Comte, т. III, стр. 7).

Это политическое устройство, котораго достигли бедуины есть типъ первобытнаго родоваго государства. Отличительной чертой этого государства служитъ то, что его составныя части суть не индивиды или семейства, а роды. Оно есть нечто иное, какъ федерація родовъ, такъ какъ каждый родъ, въ свою очередь, образуетъ маленькое государство, во главѣ котораго стоитъ патріархъ. Послѣ смерти патріарха, его дѣти раздѣляютъ имущество и образуютъ новые роды. Такое типическое родовое государство можетъ держаться только у кочевыхъ народовъ; какъ скоро они переходятъ къ земледѣлію, оно измѣняется и принимаетъ другія формы.

Перейдемъ теперь къ третьей формѣ, къ государству у земледѣльческихъ народовъ.

Переходъ изъ охотничьяго быта въ пастушескій могъ совершиться даже тогда, если отдѣльная личность или семья успѣла сдѣлать домашними стада рогатаго скота. Переходъ пастушескихъ кочевыхъ племенъ къ земледѣлію долженъ былъ совершаться цѣлыми родами и даже племенами, что вытекало изъ условій первобытнаго земледѣлія. Когда племя переходитъ изъ пастушескаго быта къ земледѣлію, оно обыкновенно еще владѣетъ весьма несовершенными орудіями для борьбы съ природой.

Робертсонъ, извѣстный писатель, собравшій свѣдѣнія о культурномъ состояніи первобытныхъ американцевъ во время открытія Америки, говоритъ, что въ то время они еще не знали употребленія желѣза и работали каменными орудіями;

чтобы срубить дерево каменнымъ топоромъ, былъ нуженъ мѣсяцъ работы, чтобы выдѣлать лодку — годъ, чтобы распахать небольшое поле, покрытое лѣсомъ, нужны усилія цѣлаго племени (History of America, т. I, стр. 177). Если пастушеское племя переходитъ къ земледѣлію, то формы его политическаго устройства на первый разъ остаются тѣ же, съ небольшими измѣненіями, вытекающими изъ сущности новыхъ условій. Землю, на которой селится племя, оно разсматриваетъ какъ общую собственность и дѣлитъ ее между родами. Въ политическомъ отношеніи остаются тѣ же формы, т. е. во главѣ племени стоитъ князь, а родами управляютъ родовые старшины. Но очень скоро подъ этими формами начинаетъ вырабатываться совершенно иное содержаніе. Прежде всего первобытные, естественные роды, при лучшихъ средствахъ питанія, очень скоро растутъ и обращаются въ колѣна, или искуственные роды. Тотъ естественный родовой характеръ, который связывалъ членовъ рода, теперь становится уже невозможнымъ; вмѣсто связи родственной теперь должна появиться связь общественная, политическая, которая однако долгое время удерживаетъ многія черты, заимствованныя изъ естественнаго родоваго быта. Начальники этихъ родовъ уже не старшіе въ родѣ, но выборные изъ какой-либо фамиліи, пріобрѣтшей общее уваженіе. Государство этаго періода становится уже соединеніемъ не естественныхъ, но искуственныхъ родовъ и можетъ быть названо „искуственно-родовое государство“.

Въ этой степени развитія государство имѣетъ особую центральную организацію и особую организацію колѣнъ или искуственныхъ родовъ. Во главѣ центральной организаціи стоитъ князь съ военно-судебной и отчасти административной властью, но главный пунктъ тяжести, такъ сказать, все еще покоится въ организаціи искуственныхъ родовъ или колѣнъ. Но въ организаціи колѣна происходятъ два въ высшей степени важныя измѣненія. Первоначально колѣна, при несовершенствѣ земледѣльческихъ орудій, должны работать сообща, чтобы обработать сколько-нибудь достаточный для

пропитанія участокъ земли, и плоды трудовъ дѣлятъ между всѣми участниками предпріятія. Но какъ только земля освобождена изъ-подъ лѣса, какъ только человѣкъ нѣсколько пріучается къ работѣ, онъ спѣшитъ выдѣлить себѣ участокъ изъ общей собственности рода и работать лишь для своей семьи. На развалинахъ общей родовой собственности образуется собственность семейная, хотя идея общей принадлежности земли роду еще долго остается, какъ памятникъ старины, безъ существеннаго значенія. Такимъ образомъ, въ коммунальной формѣ общество остается только короткій періодъ и спѣшитъ оставить его, какъ скоро является возможность, какъ форму, несвойственную его природѣ. Въ XVI столѣтіи іезуиты въ Парагваѣ хотѣли удержать эту переходную форму, но довели управляемый ими народъ до такого отупѣнія и индиферентизма къ жизни, что путешественники называли Парагвай государствомъ рабовъ и наконецъ сами іезуиты были прогнаны возмутившимся народомъ (Comte, Traité de législ., т. IV. гл. XXXIII).

Посмотримъ на примѣры подобной организаціи государствъ.

У негритянскихъ народовъ Африки, стоящихъ на этой степени развитія, княжеское достоинство по большей части наслѣдственно въ извѣстномъ семействѣ, пріобрѣтеніемъ себѣ издавна права первенства. Но наслѣдство трона рѣдко идетъ по прямому колѣну, а по большей части наслѣдуютъ дѣти сестры; вслѣдствіе недовѣрія къ женщинамъ, племена думаютъ этимъ способомъ наслѣдованія быть увѣренными, что ихъ князья, хотя по женской линіи, происходятъ отъ княжескаго рода (Waitz, Antropologie der Naturvölker, т. II стр. 131—2; т. III, стр. 124). Иногда князья замѣщаются посрѣдствомъ выбора, но эти выборы происходятъ изъ членовъ извѣстной фамиліи и весьма рѣдко изъ членовъ вообще богатыхъ, аристократическихъ родовъ. У нѣкоторыхъ народовъ существуютъ два князя, изъ которыхъ одинъ есть военачальникъ, а другой занимается мирными дѣлами общаго управленія (Waitz, т. III, стр. 124—5).

Власть князя все еще остается весьма слабою, потому что

князья дѣлятъ ее съ главами родовъ; но, тѣмъ не менѣе, она получаетъ теперь нѣкоторые существенные атрибуты верховной власти. Во-первыхъ, князья получаютъ судебную власть и стремятся ограничить родовую месть и самоуправство индивидовъ. Власть князя на столько усиливается, что онъ иногда даже казнитъ смертью нарушителей мира. Какбы для того, чтобы показать обществу, какъ необходима власть, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, едва только умиралъ князь, какъ начинались разбой, грабежъ и всякаго рода безчинства, прекращавшіяся съ выборомъ новаго князя (Waitz, т. II, стр. 143). Около князя теперь появляются нѣкоторые чиновники. Такъ, у одного первобытнаго малайскаго племени въ Австраліи, менангнабао, подлѣ князя стоятъ два министра: одинъ для религіозныхъ дѣлъ, другой для юстиціи. Главный же совѣтъ націи обыкновенно состоитъ изъ князя и главъ родовъ (Waitz, т. V, стр. 139).

Гораздо замѣчательнѣе и разнообразнѣе устройство колѣнъ или искуственныхъ родовъ. Самое первобытное устройство, когда земля, считающаяся общей собственностью, обрабатывается сообща и плоды дѣлятся по частямъ между участниками,—находится у нѣкоторыхъ африканскихъ и американскихъ племенъ (Waitz, т. II, стр. 84). Но когда эта ступень быта изчезаетъ, то земля все еще считается собственностью рода. Такую форму мы находимъ у поименованнаго выше малайскаго племени менангнабао, на островѣ Суматрѣ. Роды или „суку“ считаются тамъ настоящими собственниками земли, которую они заняли съ незапамятныхъ временъ, но каждая семья имѣетъ въ наслѣдственномъ пользованіи особый участокъ земли. Этимъ участкомъ семья или, лучше сказать, ея глава, распоряжается по произволу, т. е. продаетъ, даритъ, отдаетъ въ аренду, но съ согласія рода или его главы. Согласіе главы рода необходимо для обработыванія незанятой земли по близости деревни или въ полѣ, но разчищать землю лѣсную можетъ каждый. Если семейство вымираетъ, то земля переходитъ въ родъ, который часто уступаетъ ее, за извѣстное вознагражденіе, члену другаго рода (Waitz, т. V, стр. 141).

Точно также, у негритянскаго племени кругъ земли разсматриваются какъ собственность родовъ, но ими владѣютъ на самомъ дѣлѣ семейства и передаютъ по наслѣдству какъ собственность. Въ отношеніи политическаго устройства въ родовой организаціи также происходятъ большія измѣненія, хотя остаются еще многія черты первобытнаго устройства. У приведеннаго выше племени мекангнабао во главѣ родовъ стоятъ пангулусы, званіе которыхъ наслѣдственно въ извѣстной фамиліи: они—судьи и администраторы родовъ. Члены рода обязаны повиноваться имъ; они даютъ имъ ежегодно подарки, помогаютъ имъ въ устройствѣ свадебъ и на свой счетъ празднуютъ ихъ похороны. Они смѣняются родомъ только за грубое нарушеніе родовыхъ обычаевъ.

Нѣкоторыя племена, находясь въ формѣ искуственно-родовыхъ государствъ, образуютъ племенные союзы. Весьма замѣчательный типъ такого устройства составляетъ союзъ ирокезовъ. Союзъ этотъ состоялъ изъ пяти племенъ, имѣвшихъ каждое свое независимое искуственно-родовое государство. Центральное правительство состояло изъ собранія родоначальниковъ, причемъ каждое племя имѣло одинъ голосъ, хотя число родоначальниковъ у каждаго племени было различно, отъ 8 до 14 членовъ.

Четвертую и послѣднюю форму первобытныхъ государствъ составляютъ первобытныя сословныя княжества, потому что существенной составной частью такихъ государствъ являются уже не искуственные роды, а общественные элементы въ формѣ слабо организованныхъ сословій. Эта форма, по своему существу, уже близко родственна формѣ современныхъ государствъ. Она происходитъ двоякимъ образомъ: или посредствомъ измѣненія искуственно-родоваго государства, или посредствомъ завоеванія одного племени другимъ. Существенную особенность этой формы составляетъ то, что она допускаетъ самую разнообразную организацію центральной власти, т. е. верховная власть можетъ находиться въ рукахъ князя, аристократіи и даже цѣлаго народа. Существенное отличіе отъ современныхъ государствъ при этомъ состоитъ въ небольшомъ пространствѣ

земли и немногочисленности населенія этихъ первобытныхъ государствъ. При этой формѣ колѣнное устройство совершенно преобразуется въ административный округъ, или вотчину аристократовъ.

Главная, существенная причина упадка искуственно-родовой формы, сейчасъ нами разсмотрѣнной, заключается въ экономическомъ устройствѣ колѣнъ или искуственныхъ родовъ. Мы оставили колѣна тогда, когда у нихъ, на развалинахъ комунальной собственности, образовалась собственность посемейная. Но эту форму мелкой, посемейной собственности удается удержать лишь нѣкоторымъ племенамъ; наоборотъ, почти всегда поземельная собственность скопляется въ рукахъ одной или нѣсколькихъ фамилій, успѣвшихъ захватить власть въ родѣ, а масса свободныхъ собственниковъ переходитъ въ классъ полусвободныхъ и даже рабовъ. Причина этаго факта заключается въ увеличеніи народонаселенія, причемъ мелкіе поземельные участки раздробляются до такой степени, что они уже не могутъ прокормить своихъ собственниковъ, которые продаютъ участки и переходятъ въ работники къ богатымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, во главѣ колѣнъ становятся аристократы, а съ преобразованіемъ колѣннаго устройства преобразуется и центральное. Изъ княжества образуется аристократія или олигархія. Такъ, у одного африканскаго племени бассауновъ, земля принадлежитъ аристократамъ, бывшихъ прежде родовыми старѣйшинами; всѣ живущіе на землѣ обязаны давать имъ часть жатвы, но, какъ люди свободные, они имѣютъ право оставить земли однаго аристократа, чтобы перейти на земли другаго (Waitz, т. II, стр. 347). Такое же явленіе замѣчалось у черкесовъ. У черкескихъ племенъ есть три класса: владѣтелей или князей, свободныхъ людей и рабовъ. До войнъ съ Россіей черкескіе князья владѣли почти всей землей, принадлежащей свободнымъ родамъ, и превратили свободныхъ людей въ классъ полусвободныхъ работниковъ, обязанныхъ отдавать часть жатвы (Klemm, т. IV, стр. 55).

Племя крузъ и нѣкоторыя другія негритянскія племена

успѣли сохранить въ родахъ посемейную собственность и изъ первобытныхъ княжествъ образовались тамъ маленькія республики. Замѣчательно политическое устройство племени кузъ. Здѣсь верховная власть находится въ рукахъ совѣта, состоящаго изъ главъ родовъ. Этотъ совѣтъ рѣшаетъ важнѣйшія политическія дѣла исполнительныя. Рядомъ съ совѣтомъ главъ родовъ стоитъ совѣтъ всѣхъ свободныхъ людей, въ рукахъ которыхъ находится законодательная власть. Администрація находится въ рукахъ четырехъ чиновниковъ, изъ которыхъ два засѣдаютъ въ совѣтѣ старѣйшинъ и два другіе— въ общемъ совѣтѣ.

Подобныя же этому формы первобытнаго сословнаго княжества, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, образуются тогда, когда одно племя завоевываетъ себѣ другое и его жителей превращаетъ въ рабовъ.

При этомъ земля побѣжденнаго племени дѣлается собственностью завоевателей и дѣлится между ними. И здѣсь общія причины создаютъ общія формы, безъ отношенія къ расамъ, такъ что однѣ и тѣ же формы мы находимъ у малайскихъ, негритянскихъ и американскихъ племенъ. Такъ, малайцы на островахъ Дружбы создали истинно феодальное княжество. Во главѣ княжествъ стоятъ король и военачальникъ; вся земля раздѣляется на округи, находящіеся въ подчиненіи у двоихъ военачальниковъ, которые по степенямъ подчиняются одинъ другому и всѣ подчинены королю. Побѣдители составляютъ аристократію, на которую работаютъ побѣжденныя племена (Comte, т. II, стр. 363). Подобныя же учрежденія находятся у африканскаго племени конго и американскаго племени валтоніосъ.

Таковы формы первобытныхъ государствъ у народовъ, доселѣ находящихся на первой степени цивилизаціи, или находившихся на ней въ моментъ описанія путешественниковъ. Теперь мы обратимся къ древнѣйшему періоду историческихъ народовъ, чтобы, по сохранившимся остаткамъ изъ ихъ исторіи, убѣдиться, что и они проходили эти же періоды.

Изъ древнѣйшихъ восточныхъ народовъ всего болѣе мы знаемъ о родовомъ устройствѣ евреевъ.

Мы видѣли выше, что во времена Авраама евреи находились въ пастушескомъ бытѣ. Родоначальникъ дѣлилъ свое богатство между законными сыновьями отъ почетнѣйшихъ женъ, которые образовывали новые роды. До такого сложнаго устройства, какое мы видѣли у бедуиновъ, евреи не успѣли дойти, потому что голодъ заставилъ ихъ переселиться въ Египетъ. Въ Египтѣ они перешли къ земледѣлію, что повело къ образованію искуственныхъ родовъ или колѣнъ. Здѣсь они должны были пройти степень первобытнаго комунализма, отъ которой евреи сохранили въ древнѣйшемъ своемъ законодательствѣ идею принадлежности земли колѣну. Когда евреи вышли изъ Египта, они находились въ моментѣ искуственно-родоваго государства, потому что раздѣлялись на семьдесятъ родовъ, управляемыхъ старшинами. Были-ли старшины выборными, или наслѣдственными въ извѣстной фамиліи — это неизвѣстно. Моисей регулировалъ родовое устройство, сдѣлавъ изъ него тысячи, сотни и десятки (Исх., гл. XVIII, XXIII, XXIV). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, вѣроятно послѣ завоеванія, изъ союза нѣсколькихъ, болѣе близкихъ, родовъ образовались племена, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные племенные князья (Числ., гл. XXXVI). Идея о принадлежности земли колѣну выработалась въ очень оригинальную форму. Земля, занятая евреями, принадлежитъ Богу, а потому никто не можетъ пріобрѣсть ее навсегда, такъ какъ всѣ евреи суть колонисты Бога (Лев., гл. LXV, ст. 23 и 24). Вся завоеванная земля раздѣлялась между колѣнами или племенами, которыя были настоящими собственниками. Еврей, принадлежащій какому-либо колѣну, никогда не терялъ правъ на землю своего колѣна. Всякій членъ чужаго колѣна могъ пріобрѣсти участокъ земли въ чужомъ колѣнѣ только въ пользованіе, на промежутокъ отъ однаго юбилейнаго года до другаго. Чрезъ каждыя 50 лѣтъ наступалъ юбилейный годъ, въ который происходилъ передѣлъ всей земли, и всѣ, принадлежащіе колѣну, снова получали свои участки

(Тамъ-же). Это первобытное устройство, вѣроятно, сохранялось до эпохи царей, потому что Самуилъ пророчествовалъ, что короли возьмутъ у народа лучшія земли и отдадутъ своимъ слугамъ (Перв. кн. Цар., гл. VIII).

Второй восточный народъ, о родовомъ устройствѣ котораго мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя данныя—это индѣйцы.

Въ моментъ завоеванія, индѣйцы образовали нѣсколько племенъ, находившихся въ степени первобытнаго родоваго устройства. Эти племена совершили завоеванія отдѣльно, такъ что Индія никогда не составляла единаго государства (Dunker, Gesch. des Alterth., т. I). Послѣ завоеванія, каждое племя раздѣлило землю между своими родами, которые образовали общины, съ общимъ пользованіемъ землею. Древнѣйшее индѣйское законодательство, Ману, сохраняетъ ясное указаніе такихъ учрежденій. Поземельная собственность находилась въ обладаніи цѣлыхъ деревень или городовъ, что видно изъ предписаній Ману, на случай, когда зайдетъ споръ о правѣ собственности между деревнями. „Когда возникнетъ споръ между двумя деревнями о границахъ, тогда король въ извѣстный мѣсяцъ долженъ опредѣлить эти границы. Споры этаго рода должны быть рѣшаемы допросомъ старожиловъ. Эти старожилы должны быть допрошены въ присутствіи большаго числа крестьянъ, изъ обѣихъ сосѣднихъ общинъ (Ману, гл. 8, стр. 245 и 254). Изъ первобытнаго искуственно-родоваго устройства у нѣкоторыхъ племенъ власть короля сдѣлалась деспотическою, у другихъ, наоборотъ, выработалась аристократія, стоящая около короля, ограничивая его власть и захвативъ въ свои руки поземельную собственность (Dunker, т. I, стр. 19). Но даже и въ позднѣйшее время сохранились остатки общиннаго устройства у тѣхъ племенъ, у которыхъ не образовалось аристократіи. Такъ, во многихъ индѣйскихъ княжествахъ есть и до сихъ поръ общины, владѣющія сообща землей, имѣющія своихъ судей, надсмотрщиковъ надъ водою и полями, которые получаютъ свое содержаніе отъ общины, частію посредствомъ участка земли, а иногда частію жатвы съ общинныхъ полей (Dunker, т. I, стр. 104). Рядомъ

съ крестьянской общиной уже въ древнѣйшее время существовала и отдѣльная собственность въ рукахъ жрецовъ и воиновъ. Законы Ману, дозволяя жрецамъ питаться сборомъ плодовъ, въ тоже время запрещаютъ имъ заниматься земледѣліемъ, что показываетъ, что они должны были или отдавать земли въ аренду, или обработывать ихъ посредствомъ рабовъ (Lois de Manou, гл. IV). Въ другихъ мѣстахъ, законы Ману, допуская пріобрѣтеніе земли давностью, допускаютъ предположить, что и крестьяне могли имѣть собственность (гл. VIII, стр. 149, 222). Эти различные способы владѣнія землей показываютъ, что уже въ древнѣйшія времена индѣйская община удержалась не вездѣ; во многихъ мѣстахъ на ея развалинахъ образовалась индивидуальная собственность.

Весьма близкую связь съ родовымъ бытомъ имѣли классическія цивилизаціи Греціи и Рима. Исторія маленькихъ греческихъ городскихъ республикъ и ихъ учрежденія показываютъ, что они выработались подобнымъ же образомъ, какъ и негритянскія республики Африки. Учрежденія Спарты весьма близко напоминаютъ намъ устройство негритянскаго племени крузъ и составляютъ его дальнѣйшее развитіе. Какъ въ Спартѣ, такъ и у племени крузъ высшая власть принадлежитъ собранію старѣйшинъ, а собраніе остальнаго народа играетъ подчиненную роль. Древняя Спарта раздѣлялась на три племени или колѣна, которыя раздѣлялись на обе, административные участки, за которыми скрываются древніе роды. Орестъ Мюллеръ и Бекъ предполагаютъ,—хотя это предположеніе и не раздѣляется Гретомъ,—что въ древности каждое племя раздѣлялось на 10 обе, такъ что всѣ три племени образовали 30 обе,—число спартанскихъ сенаторовъ (Grote, Hist. de la Gr., т. III, стр. 285). Идея общности земли въ Спартѣ выработалась въ особое учрежденіе, въ формѣ общихъ столовъ. Самое преданіе о дѣлежѣ земель, сообщаемое Плутархомъ, можетъ имѣть смыслъ какъ первоначальное дѣленіе при завоеваніи, которое позднѣе могло быть регулировано Ликургомъ.

Еще болѣе замѣтные слѣды родоваго устройства мы находимъ въ учрежденіяхъ Аѳинъ.

Въ основаніи Аѳинскаго государства лежали четыре племени. Каждое племя раздѣлялось на три фратріи, каждая фратрія дѣлилась на 30 родовъ, такъ что все государство дѣлилось на 4 племени, 12 фратрій, 360 родовъ и 10,800 семействъ. Это дѣленіе, очевидно, искуственное, въ подражаніе временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ; но за нимъ должно скрываться первобытное естественное родовое устройство. Гротъ, отрицая численную правильность этого дѣленія, тѣмъ не менѣе признаетъ дѣленіе на племена, роды и семейства. «Основой дѣленія, говоритъ Гротъ, было семейство; большее или меньшее число семействъ составляло родъ. Этотъ родъ былъ подобіемъ клана, потому что имѣлъ особыя религіозныя церемоніи, общія всѣмъ членамъ рода; во 2-хъ, родъ имѣлъ общія мѣста для погребенія; въ 3-хъ, обоюдныя права въ отношеніи наслѣдства; въ 4-хъ, обоюдныя обязанности поддерживать обвиненія, если одинъ изъ членовъ рода былъ убитъ; въ 5-хъ, члены рода имѣли ближайшее право жениться на дѣвушкѣ сиротѣ, наслѣдницѣ родоваго участка земли; въ 6-хъ, существовала особая родовая казна (Grote, т. IV, стр. 95). Роды, говоритъ далѣе Гротъ, составляли компактныя тѣла, какъ въ отношеніи имуществъ, такъ и въ отношеніи личностей. До времени Солона никто не имѣлъ права завѣщать свое имущество. Если кто-либо умиралъ бездѣтнымъ, члены рода наслѣдовали его имущество, что̀ соблюдалось и послѣ Солона, если умирающій не оставлялъ завѣщанія. Если кто-либо изъ членовъ рода оставлялъ послѣ себя бѣдную сироту, то родъ долженъ былъ доставить ей приданое (Тамъ-же, стр. 107).

Первоначальная исторія Рима напоминаетъ намъ другую форму первобытныхъ государствъ, форму, которую мы видѣли у американскихъ ирокезовъ,—это союзъ трехъ разноплеменныхъ народовъ, образовавшихъ единое государство. Два различныхъ племени, латинское и сабинское, жили рядомъ, на двухъ холмахъ, образуя самостоятельныя, искуственно-родовыя государства. Каждое имѣло своего князя и свой совѣтъ старѣйшинъ. Соединеніе обоихъ племенъ неизгладимыми чертами сохранилось въ памяти народа, потому что въ Капитоліи

долго показывали мѣсто, гдѣ былъ домъ Таціи (Niebuhr, Hist., т. I, стр. 268). Когда соединились два города на равной ногѣ, они построили на пути отъ одного къ другому двойной янусъ, для того, чтобы имѣть сообщеніе между собою и въ тоже время оставаться отдѣльными, такъ какъ каждый городъ имѣлъ свои особыя ворота (Тамъ-же, стр. 270). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе обоюдныхъ браковъ и общаго культа, это соединеніе укрѣпилось и изъ двухъ племенъ образовалось одно государство, имѣвшее одинаго князя и общій сенатъ, состоявшій изъ представителей родовъ. По соединеніи, оба племени стали носить названія трибъ, Рамнесъ и Тициесъ, во имя двухъ предполагаемыхъ родоначальниковъ. Къ этимъ двумъ племенамъ впослѣдствіи присоединилось третье—этрусское. Но изъ этихъ трехъ племенъ два остались преобладающими, а третье на свою часть получило не всѣ права. Всѣ три племени были уравнены въ томъ отношеніи, что каждое изъ нихъ посылало въ общее собраніе одинаковое число представителей родовъ. Каждое племя раздѣлялось на роды или gentes. Эти роды, конечно, уже въ моментъ образованія единаго государства, были искуственными родами или колѣнами, на что указываетъ равное ихъ число, по 100 родовъ для племени. Каждое племя, прежде своего соединенія, считало землю, на которой оно сидѣло, своею землей. Каждое племя, соединяясь въ цѣлое римскаго народа, отдавало свои земли ему и получало ихъ обратно для пользованія. Изъ этихъ племенныхъ земель образовался римскій ager publicus (Niebuhr, т. II, стр. 187). Ager publicus, священная земля, принадлежавшая государству, находилась въ обладаніи родовъ и семей, причемъ идея принадлежности земли государству нисколько не мѣшала семьямъ продавать свои земли и вообще поступать съ ними какъ съ собственностью. Эта живая идея общаго поля указываетъ на то время, когда роды жили въ первобытномъ коммунизмѣ. Слѣды этого остались даже въ позднѣйшей организаціи gentes. „Союзъ, основанный родами, говоритъ Игерингъ (Geits des römish. Rechts, т. I, стр. 185), обнималъ все существованіе индивида; всѣ интересы, двигавшіе его жизнь, связывали его

съ родомъ, въ которомъ онъ находилъ если не полное удовлетвореніе, то, по крайней мѣрѣ, соединительный пунктъ. Какъ въ почитаніи божества, такъ и во время войны, въ моментъ пользованія политическими правами, индивидъ стоялъ съ родомъ и даже по смерти его тѣло покоилось въ общей родовой гробницѣ. Во время самыхъ священныхъ и серьезнѣйшихъ моментовъ жизни, въ храмѣ и на полѣ борьбы, члены рода стояли рядомъ; стыдъ и честь, счастіе и несчастіе они дѣлили вмѣстѣ. Связь эта обнаружилась двоякимъ образомъ, частію въ правахъ индивида въ отношеніи рода и обратно. Индивидъ имѣлъ право требовать отъ рода защиты, а родъ имѣлъ право ограничивать волю индивида. Такъ, родъ назначалъ опекуна надъ малолѣтнимъ; родъ обязанъ былъ преслѣдовать убійцу члена рода въ судѣ. Родъ обязанъ былъ подавать помощь въ случаѣ несчастія. Послѣ вымершей семьи родъ наслѣдовалъ имущество.

Подобныя же первобытныя формы мы находимъ и у новыхъ народовъ германскаго и славянскаго племени. Въ первомъ и второмъ столѣтіи по Р. Х. все пространство нынѣшней Германіи было занято многочисленными племенами, изъ которыхъ одни уже образовали у себя племенныя княжества, а другія жили отдѣльно, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ. Тотъ же порядокъ вещей мы находимъ у англосаксовъ въ гораздо позднѣйшее время. Въ древнее время Англія раздѣлялась не только на 8 королевствъ, о которыхъ знаетъ исторія, но на огромное число маленькихъ племенныхъ княжествъ, отъ жизни которыхъ сохранились лишь слабые остатки. Такъ, небольшой Кентъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, два королевства. Королевство Мерція имѣло маленькую область Искосъ, которая имѣла нѣсколько племенныхъ князей (Kemble, Die Sachsen in England, т I. стр. 120). Это безконечное дробленіе и безъ того маленькихъ королевствъ указываетъ, что и въ древнѣйшей Англіи существовали мелкіе родовые князья и даже простые старшины родовъ. Хотя характеристическія черты родоваго устройства весьма ясно сохранились, какъ мы увидимъ ниже, въ первобытномъ устройствѣ герман-

цевъ, но многіе нѣмецкіе писатели готовы его совершенно отвергать, создавая для германцевъ особые законы быта. Три характерныхъ признака показываютъ несомнѣнно существованіе родовой организаціи у германцевъ. Во-первыхъ, даже у тѣхъ племенъ, которыя имѣли племенныхъ князей, существовали рядомъ съ ними самостоятельные начальники, которыхъ Тацитъ называетъ principes, въ отличіе отъ князя, котораго онъ называетъ rex. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, Беда, говоритъ о континентальныхъ саксонцахъ, что non enim habent regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos, suae genti praepositos (Kemble, стр. 116). Эти principes или сатрапы Беды очевидно должны быть главы родовъ. Что эти principes были выборными въ родахъ, это нисколько не противорѣчитъ сущности родоваго устройства. Во-вторыхъ, германцы имѣли двоякаго рода общественныя собранія: собранія цѣлаго племена, подъ начальствомъ короля, и частныя, подъ начальствомъ principes. Дѣла менѣе важнѣйшія, говоритъ Тацитъ, обсуждаются посредствомъ principes, важнѣйшія—всѣми (Tacit, De mor. ger., гл. XI). Далѣе онъ говоритъ, что роды даютъ своимъ principes небольшіе дары, въ формѣ рыбы и скота (Ib., гл. XV).

Наконецъ, въ 3-хъ, на это указываетъ способъ обладанія землей. Даже въ позднѣйшее время роды имѣли марки, т. е. родовыя земли. Даже Вайцъ, вообще отрицающій существованіе родовой системы у германцевъ, признаетъ, „что были въ древней Германіи области, гдѣ члены не ограничивались союзомъ деревни, но имѣли общеніе въ отношеніи пастбищъ, луговъ и даже пахатной земли (Waitz, Deutsche Verfassungsgesch., т. I, стр. 123). Такого рода устройство одно заставляло бы предполагать существованіе первобытнаго родоваго коммунизма, еслибы на это не указывали прямо Цезарь и Тацитъ. Цезарь прямо говоритъ, что никто у германцевъ не имѣлъ земли въ собственность, но короли и principes каждый годъ дѣлили землю между сочленами рода, составлявшими одно цѣлое и жившими вмѣстѣ. Тацитъ говоритъ (гл. XXVI), что земли дѣлились германцами въ племени per vices, по количе-

ству рукъ, а внутри этихъ vices—по достоинству. Очевидно, Тацитъ словомъ vices означаетъ роды, принадлежащіе одному племени, которые брали на свою долю большее или меньшее количество земли, сообразно числу членовъ, а въ самомъ родѣ старѣйшіе и аристократы получали на свою долю большее число земли. Писатели, отрицающіе родовой бытъ у германцевъ, весьма простыя и ясныя слова Тацита и Цезаря относятъ къ будто бы существовавшей у древнѣйшихъ германцевъ трехпольной системѣ хозяйства.

Если, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что во времена Тацита германцы находились въ родовомъ быту, даже въ первой ступени этого быта, образуя, какъ мы называли, естественно-родовыя государства, то есть также всѣ признаки, что они прошли форму искуственно-родоваго государства и форму первобытно-сословнаго государства.

Уже Тацитъ упоминаетъ о существованіи аристократіи, какъ класса людей, уважаемыхъ за ихъ высокое происхожденіе, и класса рабовъ, не имѣющихъ личной свободы и принадлежащихъ, какъ собственность, извѣстнымъ лицамъ. Существованіе этихъ двухъ классовъ, какъ мы видѣли, возможно и среди естественно-родоваго государства. Аристократы въ это время суть не что иное, какъ семьи, уважаемыя за ихъ близкое происхожденіе отъ родоначальниковъ. Точно также и рабы, происшедшіе отъ завоеванія или другихъ причинъ, не были многочисленны и занимались работой на поляхъ своихъ господъ, вмѣстѣ съ своими женами; но этотъ порядокъ вещей могъ держаться до тѣхъ поръ, пока германцы вели полуосѣдлый, полукочевой бытъ. Какъ скоро племена прочно осѣлись, они перешли къ формѣ искуственно-родовыхъ государствъ, т. е. родовыя марки распались и на ихъ развалинахъ образовалась посемейная собственность. Первобытные родоначальники, старики (Greise) превратились въ графовъ, съ властью, далеко превосходившею власть первобытныхъ родоначальниковъ. Наконецъ, естественный ходъ вещей завершился тѣмъ, что большая часть мелкихъ поземельныхъ соб-

ственниковъ должны были отдать земли графамъ и изъ свободныхъ людей превратиться въ крѣпостныхъ.

Наконецъ, подобный же процессъ развитія мы можемъ указать у первобытныхъ славянъ. Въ географическихъ запискахъ мюнхенской рукописи, составитель которой жилъ въ концѣ IX-го вѣка, находится исчисленіе славянскихъ племенъ, причемъ авторъ почти о каждомъ незначительномъ племени говоритъ, что оно имѣло 70 и даже 200, 300 и 400 civitatis— слово, подъ которымъ онъ, вѣроятно, разумѣлъ первобытныя родовыя государства (Шафарикъ, Слав. древ., т. II, кн. I. стр. 216). Современные писатели отъ VI до IX вѣка, какъ Прокопій, Титмаръ Мезербургскій и Константинъ Порфирородный, говорятъ, что славяне не знали наслѣдственныхъ князей, но ихъ роды управлялись старостами на родовыхъ собраніяхъ. Для родовой земли славяне имѣли собственное названіе жупы, соотвѣтственное нѣмецкому Gau, потому что въ жупѣ жило нѣсколько родовъ. Жупы состояли изъ города и прилегающей къ нему области, вотъ почему вѣроятно мюнхенскій географъ говоритъ о славянскихъ civitates. Никакихъ подробностей о внутреннемъ устройствѣ жупъ мы не знаемъ, но, вѣроятно, ихъ организація была подобна организаціи того, что мы называли естественно-родовое государство.

Гораздо рельефнѣе виденъ второй моментъ развитія, когда жупы сами сдѣлались частями искуственно-родоваго государства. Въ особенности это видно въ исторіи сербовъ и чеховъ, которые сохранили славянскую жупу. Въ VIII, IX и X столѣтіяхъ славянскія родовыя государства начинаютъ группироваться около нѣсколькихъ центровъ, что произошло или путемъ союза, вынужденнаго обстоятельствами, или путемъ завоеванія. Во главѣ чеховъ въ IX-мъ столѣтіи стояли герцоги. „Нѣмецкіе анналисты изображаютъ богемскихъ герцоговъ, говоритъ Палацкій (Gesch. von Böhmen, т. I, стр. 162), не какъ верховныхъ владѣтелей земли и народа, но какъ первыхъ между множествомъ мелкихъ князей". Это явленіе объясняется изъ измѣненій, происшедшихъ въ организаціи жупъ. Вѣроятно, уже въ первый періодъ развитія, у славянъ, какъ и у германцевъ

были нѣкоторыя фамиліи, пользовавшіяся особымъ уваженіемъ и называвшіяся лехитами или шляхтичами. Въ древнѣйшемъ устройствѣ славяне, вѣроятно, обработывали землю сообща, т. е. жили въ первобытномъ коммунализмѣ, слѣды котораго остались въ русской общинѣ; за этимъ, по естественному ходу вещей, послѣдовалъ второй періодъ, когда земля раздѣлилась между всѣми свободными людьми. Въ это время славянскіе аристократы, какъ и нѣмецкіе, должны были получить на свою долю бо̀льшіе, чѣмъ другіе участки земли, потому что въ глубокой древности у славянъ аристократы были большими землевладѣльцами. Весьма естественно, что эти фамиліи пріобрѣли значеніе и сдѣлались князьями въ своихъ жупахъ. Этотъ классъ образовалъ въ Богеміи аристократію, имѣющую первенствующее значеніе. Въ Сербіи обширное государство начало образовываться въ XI вѣкѣ, причемъ князья здѣсь носили титулъ „великихъ жупановъ“; это одно уже показываетъ, что рядомъ съ ними были и простые жупаны. Но въ Сербіи княжеская власть развивалась очень быстро и успѣла подавить развитіе аристократіи, сдѣлавъ изъ жупановъ своихъ чиновниковъ.

Но какъ въ Сербіи, такъ и въ Чехіи, второй періодъ, когда въ жупахъ, рядомъ съ большими землевладѣльцами, существовала масса мелкихъ собственниковъ, былъ непродолжителенъ. Уже въ XI и XII вѣкѣ масса свободныхъ чеховъ и сербовъ обратилась въ классъ полусвободныхъ и рабовъ.

Таковы первоначальныя формы родоваго быта у народовъ и таковы разнообразные переходы, въ которыхъ постепенно изчезаетъ и преобразуется родовое устройство. Изъ всего этого я считаю возможнымъ сдѣлать одно заключеніе: если мы находимъ, въ тотъ или другой вѣкъ, нѣкоторые признаки родоваго быта, то по этимъ признакамъ еще нельзя заключать о существованіи въ это время цѣльныхъ формъ родоваго быта. Эти признаки говорятъ только о томъ, что родовой бытъ и тогда существовалъ, но не болѣе, и изслѣдователю предстоитъ розыскать, какимъ образомъ измѣнялись у даннаго народа первичныя родовыя формы.

ВРЕМЕНА ДО ПРИЗВАНІЯ КНЯЗЕЙ.

Бытъ и политическое устройство славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ первоначальнаго Русскаго государства.

Приблизительное опредѣленіе времени переселенія русскихъ славянъ. — Культурное состояніе племенъ до Рюрика. — Центральное племенное устройство. — Управленіе колѣнъ: родовая казна, власть старѣйшинъ на судѣ и въ управленіи колѣна. — Сходство колѣннаго устройства съ общиннымъ. — Элементы колѣна. — Родовыя усобицы. — Святилище племени, колѣна и рода. — Существо религіознаго міросозерцанія: страхъ предъ природой и стремленіе подчинить ее себѣ; измѣненіе религіозныхъ понятій сообразно съ степенями быта. — Культъ солнцу. — Рѣзкое различіе въ отношеніи къ божеству между первобытными языческими религіями и языческими религіями вторичнаго образованія. — Отсутствіе нравственной идеи въ язычествѣ и ея замѣна идеей рока. — Вліяніе языческой религіи на устройство политическаго и общественнаго порядка: власть старѣйшинъ и князей, институтъ собственности и ихъ отношеніе къ религіи.

Свѣденія, которыя въ настоящее время имѣетъ историкъ о славянахъ, вошедшихъ въ составъ первоначальнаго Русскаго государства, слишкомъ незначительны, чтобы по нимъ можно было составить болѣе или менѣе точное представленіе о ихъ бытѣ и политическомъ устройствѣ. Еслибы столь же недостаточныя свѣденія мы имѣли о народахъ, стоящихъ на высокой степени культуры, то на основаніи ихъ мы не рѣшились бы судить о ихъ бытѣ и политическомъ устройствѣ. Но бытъ и политическое устройство народовъ, находящихся на первой степени цивилизаціи, какъ мы видѣли, такъ сходны между собою, что мы не будемъ далеки отъ истины, если недостаточныя и неясныя мѣста лѣтописца и исто-

ковъ будемъ объяснять аналогіей и бытомъ другихъ народовъ, стоящихъ на той же степени развитія.

Славяне давно пришли въ Европу, по крайней мѣрѣ въ лицѣ венедовъ,—племени, извѣстнаго уже Тациту. Но нѣтъ никакой необходимости предполагать чтобы передвиженіе славянъ изъ Азіи въ Европу происходило только одинъ разъ; всего вѣроятнѣе, что ихъ было нѣсколько, въ разныя времена. Іорнандъ, писатель VI вѣка, знаетъ славянъ подъ тремя названіями: венедовъ, склановъ и антовъ. Многочисленный народъ венедовъ, по его словамъ, жилъ въ безмѣрномъ пространствѣ отъ вершины рѣки Вислы, подъ различными названіями, смотря по положеніямъ и мѣстамъ; склавины обитаютъ отъ озера Музіона и новаго славяно-руманскаго города до Днѣстра и по Вислѣ на сѣверъ; третьи славянскія племена, подъ общимъ именемъ антовъ, обитали между Днѣстромъ и Дономъ (Шафар., Слав. Древн., т. I, стр. 116). Въ этомъ перечисленіи Іорнандъ очевидно идетъ отъ устьевъ Вислы по устьямъ Днѣстра и Дона, такъ что на этой линіи, въ серединѣ должно отыскивать жилище склавинъ, потому что неизвѣстно, гдѣ находится озеро Музіонъ. Эти славянскія племена были тамъ, по сказанію Іорнанда, уже давно, судя по тому, что они были покорены Ерманрихомъ.

Мнѣ кажется довольно ясно, что Іорнандъ еще не знаетъ славянъ сѣверо-восточныхъ, по крайней мѣрѣ, не говоритъ какъ высоко они поднимались по Днѣпру. Это показаніе даетъ возможность думать, что восточные славяне, которые вошли въ составъ Русскаго государства, пришли на свои мѣста позднѣе, хотя трудно сказать когда. До Нестора дошло весьма важное преданіе, что славянскія племена, въ лицѣ моравовъ, чеховъ, сербовъ, хорушанъ, разошлись съ Дуная, гдѣ они первоначально жили, вслѣдствіе нашествія волховъ или влаховъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „тако же и ти словѣне пришедши и сѣдоше по Днѣпру и нарекошеся поляне и друзіи древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“ (Нест. Лавр., стр. 3).

Неизвѣстно, думаетъ-ли Несторъ, что славяне восточные, имена которыхъ сейчасъ мы привели, пришли одновременно

съ славянами западными, или пришли позднѣе и по одной и той же причинѣ. Весьма важно было бы знать, что̀ былъ за народъ, извѣстный Нестору подъ именемъ влаховъ, и когда онъ появился въ исторіи. Эверсъ (Предв. кратк. изсл., стр. 6 и послѣд.) доказываетъ, что византійцы, какъ Анна Комнинъ и Никита Акоминатосъ называли влахами болгаръ, да и самъ Несторъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, что насельниками славянъ были: „рекоміи Болгаре“ и, такимъ образомъ, приписываетъ болгарамъ тоже, что прежде приписывалъ влахамъ, при томъ еще прибавляя „рекоміи“, хотя называетъ болгаръ въ первый разъ, какбы давая разумѣть, что говорилъ уже о нихъ подъ именемъ влаховъ.

Болгары появляются и овладѣваютъ берегами Азовскаго и Чернаго морей во второй половинѣ V-го столѣтія; слѣдовательно, въ это время, можно думать, часть славянскихъ племенъ, жившая между Днѣстромъ и Дономъ, была оттѣснена на сѣверъ и разселилась въ нынѣшней Россіи. Это разселеніе могло произойти незадолго до Іорнанда, хотя объ этомъ онъ еще могъ и не слышать, такъ какъ славяне восточные еще ничѣмъ не обнаружили, въ отношеніи Византіи, своего существованія. Это положеніе можно былобы согласить и съ Несторомъ и Іорнандомъ, если бы можно было допустить, что Несторъ ту причину переселенія русскихъ славянъ, которую онъ слышалъ отъ единоземцевъ,—т. е. нашествіе влаховъ,—перенесъ и на западныхъ славянъ.

Самый фактъ имѣетъ въ себѣ слишкомъ много внутренней достовѣрности. Вытѣсненные изъ своихъ старыхъ жилищъ болгарами, они естественно подались на сѣверъ, въ мѣста пустынныя и никѣмъ незанятыя. Эверсъ относитъ появленіе русскихъ славянъ къ эпохѣ еще позднѣйшей, къ половинѣ VII столѣтія. Я не буду вдаваться въ изслѣдованіе этого темнаго предмета, который не относится собственно къ моей задачѣ. Важно только то, что можно, по крайней мѣрѣ, съ большей или меньшей увѣренностью заключить, что за три и даже за четыре столѣтія до образованія Русскаго

государства, славяне, вошедшія въ его составъ, уже жили въ пространствахъ, занимаемыхъ Россіей.

Выше я говорилъ уже о существованіи связи между экономическими условіями и политическими формами быта; а потому и теперь я постараюсь сначала опредѣлить культурныя формы славянъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, чтобы потомъ перейдти къ ихъ политическому устройству.

Вопросъ о состояніи культуры у русскихъ славянъ, не смотря на всю свою важность, до сихъ поръ не подвергался серьозной обработкѣ. Карамзинъ предполагаетъ возможнымъ, что славяне знали земледѣліе еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. (т. 1, стр. 73). Шафарикъ считаетъ славянъ народомъ искони земледѣльческимъ. Соловьевъ не затрогиваетъ этого вопроса. Въ болѣе недавнее время Классенъ (Новые матер. для древ. ист. слав.) доказывалъ, что славяне были земледѣльцами уже во времена Гомера. Знаменитые нѣмцы, писавшіе о древней русской исторіи, какъ Шлецеръ и Эверсъ, разумѣется, были осторожнѣе, не поощряемые, такъ сказать, патріотизмомъ расы, предполагая, что русскіе славяне, въ моментъ образованія Русскаго государства, стояли на невысокой степени культуры; но и они самымъ вопросомъ занимаются мало, или почти не занимаются, увлеченные другими вопросами, занимавшими ученыхъ того времени.

Славянскія племена, вытѣсненныя первоначально болгарами или влахами изъ южныхъ плодородныхъ мѣстностей, гдѣ сама природа располагала къ земледѣлію, должны были поселиться въ срединѣ нынѣшней Россіи, климатъ которой былъ суровъ и земля была сплошь покрыта лѣсами и болотами. Самыя плодородныя мѣстности были заняты: полянами—по Днѣпру; древлянами, бывшими ихъ сосѣдями, въ нынѣшней волынской губерніи, приближаясь къ Припети; вятичами, сѣвшими въ нынѣшней калужской, тульской и орловской губерніяхъ; сѣверянами по берегамъ Десны, Сейма и Сулы, въ нынѣшней черниговской и полтавской губерніяхъ; тиверцами и уличами—по Днѣпру до моря. Наоборотъ, дреговичи, кривичи и славяне заняли мѣстности весьма мало

плодородныя, по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. Дреговичи поселились между Припетью и Западной Двиною, въ минской и витебской губерніяхъ; кривичи—по верховьямъ Двины, Днѣпра и Волги, въ витебской, псковской, тверской и смоленской губерніяхъ; славяне—между Ильменемъ, Чудскимъ и Псковскимъ озерами, въ нынѣшней псковской, петербургской и отчасти новгородской губерніяхъ. Теченіе Волги до изгиба было занято финскими племенами; наоборотъ, отъ изгиба до устья Волга была въ обладаніи монгольскихъ племенъ; самыя плодородныя мѣста по Волгѣ были заняты кочующими болгарами, а у устьевъ—Волга была занята козарами. На плодородныхъ южныхъ равнинахъ, прикасающихся къ Черному морю, одни за другими тѣснились болгары, авары, печенѣги, воинственные кочевники, находящіе здѣсь приволье для скота. Эти естественныя условія, въ которыя должна была ставить природа поселенныя на ней племена, никогда не нужно забывать, потому что если и теперь они имѣютъ могущественное вліяніе, то каково должно было быть это вліяніе въ тѣ времена, когда люди въ борьбѣ съ природой далеко не могли противопоставить тѣхъ средствъ, которыя они могутъ противопоставить ей теперь. Но это еще не все. Кіевская губернія, теперь безлѣсная страна, была тогда покрыта, какъ говоритъ Несторъ, непроходимыми лѣсами, полными звѣрей; точно также была покрыта лѣсами земля вятичей и древлянъ, хотя нынѣ эти мѣстности почти безлѣсны. Слѣдовательно, даже и тѣ племена, которыя поселились въ плодородныхъ мѣстностяхъ, въ то время должны были бороться съ препятствіями, далеко превышавшими ихъ образованіе и искусство.

Въ какомъ культурномъ состояніи находились древніе славяне, перешедшіе въ Европу? На этотъ вопросъ едвали можно и должно дать однообразный отвѣтъ. Тѣ славянскія племена, которыя ранѣе пришли въ Европу и заняли болѣе или менѣе безопасныя мѣста, тоже очень рано могли заняться земледѣліемъ и, такимъ образомъ, пріобрѣсти себѣ право называться искони земледѣльческимъ народомъ.

Наоборотъ, восточные или русскіе славяне, какъ позднѣйшіе пришельцы и занявшіе притомъ самыя неблагопріятныя мѣстности, должны были сдѣлаться земледѣльческимъ народомъ гораздо позднѣе. Но какъ тѣ, такъ и другіе, въ своей древней родинѣ, вѣроятно, были народомъ пастушескимъ, потому что нѣкоторыя славянскія племена, уже по извѣстію византійскихъ писателей VI-го вѣка, находились въ ихъ время еще на степени кочеваго быта. Прокопій говоритъ, что славяне и анты имѣютъ одинъ языкъ, весьма грубый. Нѣкогда они имѣли и одно названіе; ибо древніе ихъ обоихъ называли спорами, думаю—потому, что они живутъ *σποραδην*, т. е. разсѣянно, въ шалашахъ, изрѣдка разставленныхъ, отчего и занимаютъ великое пространство. Они кочуютъ, подобно номадамъ, по большей части лѣваго берега Дуная (Strit., Mem. popul., т. II, стр 29). Императоръ Маврикій, тоже писатель VI вѣка, наоборотъ, говоритъ, что въ странѣ славянъ и антовъ множество всякаго скота и земныхъ произрастеній, которыя они ссыпаютъ въ кучи, особенно пшена и гречи (Эверсъ, Пред. крит. изъ., т. I). Сличая оба эти показанія, можно думать, что нѣкоторые изъ славянскихъ родовъ или колѣнъ занимались скотоводствомъ, другіе—земледѣліемъ; но это земледѣліе было еще первопачальное, на что указываетъ отсутствіе постоянныхъ жилищъ (шалашей) и строеній для ссыпки продуктовъ.

Если въ такомъ переходномъ состояніи славянскія племена были потѣснены съ юга на сѣверъ, въ страну, покрытую болотами и лѣсами; то это переходное состояніе, при благопріятныхъ условіяхъ могшее скоро прекратиться, при неблагопріятныхъ условіяхъ должно было значительно затянуться. Природа страны призывала къ занятію звѣроловствомъ, пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Всего неблагопріятнѣе почвенно-климатическія условія были для славянъ новгородскихъ, пока торговля не открыла для нихъ болѣе выгодныхъ занятій. Весьма замѣчательно, что древнѣйшіе города славянъ новгородскихъ находятся при озерахъ, какъ Ладога—при Ладожскомъ озерѣ, Новгородъ—при Ильменѣ,

Псковъ и Изборскъ—при Чудскомъ озерѣ, Бѣлозеро—при озерѣ того же имени. Не указываетъ-ли это на то, что въ древнее время, пока торговля не стала давать выгодныхъ занятій жителямъ этихъ безплодныхъ мѣстъ, они занимались рыболовствомъ. Бѣлоозерцы, стоящіе въ сторонѣ отъ большаго торговаго пути, оставались рыболовнымъ городомъ во всю древнюю Русь, такъ что въ 1674 году въ Бѣлоозерѣ было 17 дворовъ каменьщиковъ и огородниковъ и 228 дворовъ посадскихъ, занятыхъ рыбною ловлею (А. Ю. № 231); рыбная ловля даже въ XVI столѣтіи была самою многочисленною, какъ видно изъ тамошнихъ грамотъ. Въ Псковѣ собственность на воды была признана закономъ и собственники отъ себя отдавали ее въ наймы рыболовамъ, подъ названіемъ исадниковъ (см. Псков. суд. грам.). Эта же безплодность почвы заставляла новгородцевъ во время Ярослава разыгрывать роль нынѣшнихъ ярославцевъ, т. е. отправляться по всей Россіи строить дома, чѣмъ и объясняется у Нестора восклицаніе кіевлянъ новгородцамъ: „ей вы, плотники, мы заставимъ васъ хоромы рубить!“.

Наоборотъ, поляне, древляне, радимичи и вятичи, поселенные въ лѣсахъ, должны были наиболѣе заниматься звѣроловствомъ и пчеловодствомъ. Такъ, Несторъ говоритъ: „были около города (Кіева) лѣса и боры великіе и (поляне) ловили звѣрей“ (Лавр., стр. 4). О древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ Несторъ говоритъ, что они жили въ лѣсахъ звѣринымъ образомъ, какъ и всякій звѣрь (Лавр., стр. 6). Что земледѣліе не только до образованія на сѣверѣ Русскаго государства, но и въ первое столѣтіе послѣ образованія, было весьма слабо,—это доказывается весьма многими фактами, какъ изъ лѣтописи Нестора, такъ и сказаніями арабовъ, которые хотя и не посѣщали русскихъ областей, но у болгаръ волгскихъ ихъ купцы встрѣчались постоянно съ русскими. Ибнъ Вагшія, писавшій въ первой четверти X-го вѣка, говоритъ слѣдующимъ образомъ о культурѣ славянъ: „между страной Баджнаковъ (печенѣги) и страной славянъ разстояніе 10 дней пути. Въ самомъ началѣ границы

страны славянъ находится городъ по имени Куяба (Кіевъ). Путь въ ихъ страну идетъ по степямъ, по землямъ бездорожнымъ, черезъ ручьи и дремучіе лѣса. Страна славянъ—страна ровная и лѣсистая; въ лѣсахъ они живутъ. Она не имѣетъ ни виноградниковъ, ни пашень. Больше всего они сѣятъ просо. Что касается до руссовъ, то они находятся на островѣ, окруженные озерами. Островъ этотъ, на которомъ живутъ они, занимаетъ пространство трехъ дней пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ и сыръ, и дотого, что стоитъ наступить ногою на землю, а она уже трясется, по причинѣ въ ней обилія воды. Пашень они не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привезутъ изъ земли славянъ. Единственнымъ ихъ промысломъ есть торговля соболями, бѣличьими шкурками и дорогими мѣхами (Гаркави, Сказ. мусульм. писат., стр. 268). Это свидѣтельство, драгоцѣнное по своей полнотѣ и отчетливости, указываетъ, что даже у полянъ, находящихся въ очень благопріятныхъ условіяхъ, земледѣліе только-что начало́сь и не получило преобладающаго значенія. Показаніе Ибнъ Вагшіи подтверждается еще показаніемъ Аль-Мухаддезы, писавшаго въ концѣ десятаго вѣка (985 г.). «Руссы, говоритъ Мухаддеза, живутъ на нездоровомъ островѣ, окруженномъ озерами, служащими укрѣпленіями для нихъ противъ враговъ. Количество ихъ около ста тысячъ человѣкъ; они не имѣютъ ни пашенъ, ни стадъ» (стр. 283). Имя Руси въ это время носили лишь славяне новгородскіе; позднѣе подъ Русью стали разумѣть по преимуществу кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ сѣверныхъ городахъ, какъ кажется, было болѣе варяговъ-Руси, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что самъ Несторъ указываетъ, что въ сѣверныхъ городахъ—Новгородѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлоозерѣ—сидѣли находники Варяги, а первыми поселенцами—славяне (Лавр., 9). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что арабы мѣсто жительства новгородскихъ славянъ называютъ островомъ, потому что центръ ихъ поселенія, въ самомъ дѣлѣ, съ трехъ сторонъ окруженъ озерами и рѣками, а съ четвертой стороны его окружаютъ болота, такъ что въ древ-

ней Руси Новгородъ считали мѣстностью недоступною; Іоаннъ III первый, къ общему изумленію, рѣшился сдѣлать туда лѣтній походъ. Показаніе Мухаддези о недостаточности скота у русскихъ подтверждается еще и Константиномъ Багрянороднымъ, который говоритъ, что руссы покупаютъ у печенѣговъ быковъ, лошадей и овецъ (Stritter, т. 2, стр. 980). Повѣримъ эти показанія иностранцевъ на основаніи русской лѣтописи.

Земледѣліе у насъ, какъ и вездѣ, должно было идти сообразно съ естественными законами, такъ основательно доказанными Контомъ для всѣхъ странъ (Traité de legislation), т. е. отъ юга на сѣверъ, отъ плодороднѣйшихъ странъ къ странамъ менѣе плодороднымъ. Ранѣе всѣхъ оно должно было существовать у уличей и тиверцовъ, жившихъ на самыхъ южныхъ частяхъ Днѣпра. Авары, подчинившіе и южныхъ русскихъ славянъ, по сказанію Фредегарія-схоластика, писателя VIII-го вѣка, презирали ихъ за хлѣбопашество. Самое мѣсто поселенія ихъ у нижнихъ береговъ Днѣпра благопріятствовало земледѣлію, потому что почва здѣсь воздѣлывалась еще скиѳами, по сказанію Геродота. Затѣмъ, земледѣліе должно было начаться у полянъ, названіе которыхъ Несторъ производитъ отъ полей, на которыхъ они жили, и если дѣйствительно земля полянъ была не вездѣ покрыта лѣсами и имѣла многочисленныя равнины, то земледѣліе должно было привиться здѣсь легко. Показаніе арабскихъ писателей, что у полянъ не было пашень, но что они сѣяли просо, безъ сомнѣнія указываетъ, какъ дурно воздѣлывались ихъ поля. Затѣмъ, земледѣліе должно было развиться въ землѣ древлянъ и вятичей, гдѣ также благопріятствовали климатъ и почва. Это естественное распространеніе земледѣлія, мнѣ кажется, подтверждается и лѣтописями. Въ половинѣ десятаго столѣтія варяги брали дань на сѣверныхъ славянъ, а казары на полянахъ «по бѣлой веверицѣ съ дыма». Безъ сомнѣнія, дань звѣриными шкурками, по меньшей мѣрѣ, показываетъ какъ легко добывались звѣри и какъ эти промысла были распространены. Но въ 964 году Святославъ, побѣдивъ полянъ, бралъ уже отъ нихъ дань «по шлягу отъ

рала». Эти слова пояснены подъ 980 годомъ, когда Владиміръ снова завоевалъ вятичей, «возложа на нь дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше» (Лавр., стр. 33). Эти слова, если не объясняютъ, что такое шляги,—было ли это монета, или, что также вѣроятно, какая-либо хлѣбная мѣра, — во всякомъ случаѣ, указываютъ, что здѣсь уже было земледѣліе. У древлянъ, по лѣтописи, земледѣліе показывается еще ранѣе, потому что Ольга, въ 946 году, обманывая коростенцевъ, говоритъ имъ, что всѣ ихъ города «ялись по дань и дѣлаютъ нивы свои и земли свои» (Лавр., 25). И. Д. Бѣляевъ, въ своей статьѣ о земледѣліи въ древней Руси (Времен. 1855 г., кн. 22), на основаніи того, что въ московскомъ уѣздѣ въ одномъ мѣстѣ нашли серпъ и нѣкоторыя языческія украшенія головы, замѣчаетъ, что это заставляетъ предполагать, что земледѣліе у насъ было распространено еще въ язычествѣ. Не оспаривая важности этого факта, должно сказать, что оно указываетъ только, что у финскихъ племенъ земледѣліе привилось ранѣе христіанства, потому что московская губернія, не только при основаніи Руси, но, можетъ быть, и при Несторѣ, была занята финскими племенами. Въ Кіевѣ земледѣліе было уже при Ольгѣ. Это видно изъ того, что у ней были здѣсь свои села и даже цѣлый городъ (Вышгородъ), тогда какъ по другимъ мѣстамъ у ней были «ловища» (Лавр., 25). Что же касается до сѣверныхъ странъ, то первыя извѣстія объ этомъ лѣтописи относятъ къ XI вѣку, когда въ ростовской области волхвы указывали на женщинъ, скрывающихъ жито (Лавр., 25); но конечно оно могло распространиться здѣсь и гораздо ранѣе. Тоже самое, съ другой стороны, доказываютъ лѣтописи тѣмъ, что главный предметъ торговли съ византійцами и арабами у русскихъ были—шкуры, медъ, воскъ и рыба. Кратчайшая редакція Русской Правды, которую по справедливости можно назвать «правдою Ярослава», ничего не упоминаетъ о земляхъ, указывая, такимъ образомъ, косвенно на то, что земледѣліе въ Новгородѣ еще не играло никакой важной роли. Наконецъ, походы князей на югъ, на Византію, совершенные, по преданію, Кіемъ, затѣмъ Аскольдомъ и Диромъ, Олегомъ,

Игоремъ, Святославомъ, Ярославомъ, какъ кажется, ясно указываютъ на стремленіе поселиться на югѣ въ благорастворенномъ климатѣ и на великолѣпной почвѣ. Какъ ни сильна у первобытныхъ народовъ страсть къ военнымъ приключеніямъ и добычѣ, взятой съ боя, но исторія указываетъ на множество примѣровъ, что одною изъ главныхъ причинъ, двигавшихъ народами, было переселеніе въ лучшія страны. Толпы варваровъ постоянно осаждали византійскихъ и римскихъ императоровъ просьбами хорошихъ земель для поселенія. Наше государство, начавшись при Рюрикѣ въ Новгородѣ, при первомъ же его преемникѣ переносится въ Кіевъ. Святославъ ясно стремится остаться въ Болгаріи, куда „все благое сходится“. Болгарія, по сказанію писателя десятаго вѣка Ибнъ Даста, была страною земледѣльческою, гдѣ воздѣлывались всякаго рода зерновые хлѣба, какъ-то: пшеница, ячмень, просо и друг. (Гарк., 263.) Тоже самое можетъ быть доказываемо и по другимъ даннымъ, именно по остаткамъ древняго русскаго міровоззрѣнія, сохранившагося въ нѣкоторыхъ пословицахъ и пѣсняхъ. Буслаевъ (Ист. очер. Рус. быта; Были и послов.) находитъ весьма ясные слѣды звѣроловства и охотническаго быта въ лѣтописныхъ выраженіяхъ. Такъ, слово «гнѣздо» въ лѣтописи употребляется въ значеніи семья; нынѣшнее слово «зять» замѣняется словомъ «вабій», отъ глагола вабить—заманивать птицъ. Древнѣйшія пословицы, господствующія въ Несторовой лѣтописи, заимствованныя изъ пастушескаго быта, какъ, напр., мнѣніе древлянъ объ Игорѣ, выразившееся въ пословицѣ: «аще ся ввадитъ волкъ къ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его». Но еще рѣзче опредѣляетъ въ себѣ звѣроловскій бытъ пѣсня объ Егоріи Храбромъ:

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе.
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися:
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучьихъ.

Переходъ отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому

весьма ясно выражается въ пословицѣ «тукъ кормитъ, а лугъ портитъ".

Полное соотвѣтствіе этому быту мы найдемъ и въ религіозномъ образованіи; но объ этомъ мы будемъ говорить далѣе, въ связи съ родовой жизнью, а теперь перейдемъ къ политическому устройству.

Наши историки XVIII вѣка не занимались совсѣмъ вопросомъ о древнѣйшихъ формахъ быта; Шлецеръ и Стриттеръ нисколько не занимаются объясненіемъ тѣхъ мѣстъ Нестора, гдѣ онъ говоритъ о родахъ и родовомъ устройствѣ. Карамзинъ (Ист. Госуд. Рос., т. I, стр. 83) имѣетъ объ этомъ особое представленіе, хотя далеко неопредѣленное. „Сей народъ, говоритъ онъ о нашихъ племенахъ, подобно многимъ, въ началѣ гражданскаго быта своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думалъ, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка... Каждое семейство было маленькою, независимою республикою; его общіе древніе обычаи служили между ними нѣкоторою нераздѣльною связью. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменники сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ; вмѣстѣ только предпринимали военные походы, избирали вождей, хотя, боясь своевольства и принужденія, весьма ограничивали власть ихъ и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ».

Карамзинъ, какъ ясно видно изъ этого мѣста, не зналъ о существованіи искуственныхъ родовъ, какъ первой политической организаціи. По его мнѣнію, семейства соединялись между собою только племенною связью и выборомъ вождя, а старцы были ничѣмъ инымъ какъ старшими начальниками семейства, обнаруживавшими свое вліяніе на племенныхъ сходкахъ. Нечего и говорить, что такое понятіе совершенно ложно и несогласно съ естественными условіями первоначальнаго быта. Семейство не могло давать никакой гарантіи безопасности его членамъ, гарантіи, которая, безъ сомнѣнія,

тогда была нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ случаѣ, если глава семейства бывалъ убитъ и у него оставались только малолѣтнія дѣти,—тогда вся семья пропадала бы совершенно и безпаказанно. Родовая месть, первая охранительница народной и человѣческой жизни, при такомъ бытѣ невозможна. Вообще, Карамзинъ думаетъ, что племена не имѣли никакой общественной организаціи, а такое отсутствіе невозможно ни въ какую эпоху, когда человѣкъ пріобрѣлъ сколько-нибудь вѣрные источники пропитанія. Представлять такое безорганизаціонное состояніе вплоть до призванія князей и съ этого времени начинать организовать государство,—это значитъ допустить такой скачекъ, какой невозможенъ въ исторіи. Понятіе Эверса о первоначальномъ устройствѣ совершенно вѣрно, хотя онъ не дѣлаетъ изъ него дальнѣйшихъ выводовъ въ отношеніи русской исторіи. „Каждый народъ, говоритъ Эверсъ (Очер. Рус., стр. 2), сплачивался изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ и семействъ, или, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ составовъ, которые сами собою, мало-по-малу, образуются изъ многочисленныхъ, вмѣстѣ живущихъ потомковъ одного какого-нибудь племени. Государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться, суть ничто иное, какъ соединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ, или бывшихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы.

С. М. Соловьевъ, въ своей монументальной исторіи Россіи, первый приложилъ понятіе рода къ объясненію древней организаціи племенъ. Но, къ сожалѣнію, его представленія о родовой организаціи племенъ темны и сбивчивы. „Предки наши, говоритъ онъ, не знали семьи; они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, а потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественномъ, въ смыслѣ народа; для отличенія родовыхъ линій употреблялось слово племя.

Единство рода, связь племени поддерживалось единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія— старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей.... Отношенія родоначальниковъ къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти; одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто". Такимъ образомъ, г. Соловьевъ, какъ мнѣ кажется, понималъ подъ родомъ чисто естественный родъ, хотя его родоначальники и носятъ имя князей. Родовыя отношенія, по его мнѣнію, носятъ характеръ чисто семейной организаціи. Понятіе Соловьева хотя не совпадаетъ вполнѣ съ понятіемъ Карамзина, но и немногимъ отклоняется отъ него. Карамзинъ понимаетъ подъ родомъ семью; Соловьевъ допускаетъ соединеніе нѣсколькихъ семействъ; но управленіе ими все еще носитъ чисто семейный характеръ, а глава рода находится въ кровной связи съ своими семьями.

Не такова была организація по нашему мнѣнію. Если даже допустить, что славяне пришли въ нынѣшнюю Россію въ V или въ началѣ VI вѣка, то и тогда до организаціи государства прошло не менѣе трехъ столѣтій, а слѣдовательно достаточно времени для образованія какой-либо болѣе сложной организаціи, чѣмъ естественные роды. Притомъ, если мы возьмемъ за точку отправленія организаціи славянъ VI вѣка, то и здѣсь мы увидимъ уже не естественные, но искуственные роды.

Императоръ Маврикій говоритъ, что у славянъ множество царьковъ, и эти царьки между собою несогласны; а потому между славянами господствуютъ постоянныя несогласія: что положатъ одни, на то не рѣшаются другіе (Макуш., Сказ. иностр., стр. 145). Прокопій пишетъ, что славяне и анты не повинуются одному лицу, но изстари живутъ въ народномъ правительствѣ, дѣлая сообща полезное и вредное. Эти два извѣстія не только непротиворѣчивы, но отлично пополняютъ другъ друга. Очевидно, оба писателя говорятъ объ

искусственно родовой организаціи, въ основаніи которой лежало повиновеніе одному старшинѣ искуственнаго рода или колѣна; но притомъ важнѣйшія дѣла рѣшались на общемъ собраніи, какъ это всегда бываетъ при организаціи искуственныхъ родовъ. Очевидно, такимъ образомъ, что такихъ царьковъ нельзя принять за простыхъ патріарховъ многочисленныхъ семействъ, съ чѣмъ былъ бы несогласенъ республиканскій характеръ управленія, въ границахъ естественнаго рода. Тѣ же самые выводы естественно вытекаютъ изъ свѣдѣній о политическомъ устройствѣ западныхъ славянъ, на сколько его сообщаютъ нѣмецкія хроники IX, X, XI и XII вѣка. Въ Эйнгардовой хроникѣ подъ 789 г. такъ описываются побѣды Карла надъ славянами: „На берегу моря жилъ въ Германіи народъ, который на своемъ языкѣ называлъ себя велатобанами, а франки называли ихъ вильцами. Карлъ перешелъ рѣку (Эльбу) и бросился въ землю вильцевъ опустошать все огнемъ и мечемъ. Народъ вильцы, хотя очень многочисленный и воинственный, не могъ устоять противъ натиска королевскаго войска, и какъ только оно подошло къ городу Драговита, уважаемаго всѣми остальными князьями вильцевъ по благородству своего происхожденія и старшинству возраста, то онъ явился къ нему со всѣми своими людьми и далъ заложниковъ въ вѣрности королю франковъ. Его примѣру послѣдовали остальные князья и старѣйшины славянъ“.

Въ 805 году Карлъ дѣлалъ нападеніе на Богемію, и какъ только онъ ворвался со всѣхъ сторонъ въ богемскую равнину, къ нему явились всѣ князья различныхъ племенъ. Въ 811 году къ Карлу явились знатные и герцоги славянъ дунайскихъ. Въ 820 году на сеймѣ къ императору явились изъ славянской земли нѣкоторые аристократы оботритовъ жаловаться на герцога Цеодрагуса. Тогда же былъ обвиненъ Тунко, одинъ изъ старѣйшихъ Сарабовъ, за его непослушаніе. Видукиндъ, въ исторіи саксовъ, сообщаетъ, что Зеро, поставленный императоромъ намѣстникомъ надъ славянскими землями, собравъ на свои пиршества до 30 славянскихъ

князей и угостивъ ихъ виномъ—умертвилъ. Титмаръ Мерзебургскій (гл. VI, § 18) слѣдующимъ образомъ описываетъ общественное устройство лютичей. „Лютичи не признаютъ надъ собою одпаго повелителя; въ соединенномъ совѣщаніи народнаго собранія переговариваютъ они о мѣрахъ, которыя необходимо принять, и согласившись между собою, приступаютъ къ дѣлу. Если кто-либо изъ членовъ народнаго собранія противится общественному рѣшенію, то онъ бываетъ укрощаемъ ударами; а если онъ, даже внѣ собранія, открыто противодѣйствуетъ рѣшенію, то онъ теряетъ, посредствомъ пожара и грабежа, свои дома и дворъ, или уплачиваетъ извѣстную сумму денегъ". Въ томъ же мѣстѣ, выше, онъ говоритъ, что „страна имѣетъ главный городъ, въ которомъ стоитъ главный храмъ; вся страна раздѣляется на округи, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой храмъ; но одинъ главный храмъ имѣетъ преимущество." Это извѣстіе Титмара было бы весьма драгоцѣнно, по своей полнотѣ и точности, еслибы онъ сказалъ, кто управлялъ, или какъ управлялись округи. Очевидно, что племена лютичей хотя не имѣли общаго единаго главы, но имѣли центральныя собранія или вѣчи, на которыхъ полагались рѣшенія, обязательныя для всего народа. Народъ раздѣлялся на округи, которые были не что иное, какъ могущественные роды, управляемые подъ началомъ старѣйшинъ. Соображая всѣ эти извѣстія, мнѣ кажется довольно ясно, что устройство лютичей въ то время было подобно устройству другихъ первобытныхъ народовъ, то есть, что во главѣ племени обыкновенно стоялъ князь, признававшійся главою; но рядомъ съ нимъ находилось множество другихъ старѣйшинъ или князей, управлявшихъ своими колѣнами. Способъ рѣшенія дѣлъ и принужденія непокорныхъ такъ характеристиченъ, что мы узнаемъ въ немъ съ отчетливою ясностію тотъ же способъ, по которому рѣшались дѣла въ новгородской республикѣ. Нужно думать, что это собраніе было общее, т. е. на немъ присутствовали не одни старѣйшины округовъ или родовъ.

Переходя теперь къ описанію характера устройства рус-

скихъ славянъ, посмотримъ сначала на иностранныя свидѣтельства, которыя древнѣе Нестора. Мюнхенскій географъ, котораго Шафарикъ относитъ къ 9-му столѣтію, перечисляя славянскія племена, говоритъ о каждомъ изъ нихъ, что они имѣли столько-то городовъ. Такъ, напримѣръ: „Unlizi, populus multus civitates CCCXVIII; Bazani habent civitates CCXXXI. Новгородъ у скандинавовъ назывался Гардарикіей, то есть, по объясненію протоіерея Сабинина, это значитъ царство городовъ (Рус. Ист. Сб., т. IV, стр. 108). Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Даста говоритъ въ одно и тоже время, что Руссы не имѣютъ городовъ и что они имѣютъ множество городовъ. Объ этомъ мѣстѣ г. Гаркави — говоритъ, что противорѣчія въ немъ происходятъ отъ того, что писатель скомпилировалъ въ одно различныя показанія. Но очевидно, что ни одинъ компиляторъ, имѣющій здравый смыслъ, не поставитъ безъ объясненія на одной страницѣ двухъ противорѣчащихъ извѣстій. Очевидно, противорѣчіе происходитъ оттого, что у писателя подъ однимъ словомъ совмѣщались два различныя понятія о городѣ. Руссы не имѣли городовъ, въ смыслѣ многолюдныхъ центровъ населенія, но имѣли множество другихъ центровъ, которые также назывались городами. У другаго арабскаго писателя, Массуди, есть нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ о прежней исторіи славянъ. «Славяне, говоритъ онъ, состоятъ изъ множества племенъ и многочисленныхъ родовъ, между которыми бываютъ войны и которые имѣютъ своихъ царей... Изъ этихъ племенъ одно имѣло прежде, въ древности, власть надъ ними... Этому племени подчинялись прочія славянскія племена, ибо власть была у него и прочіе цари ему повиновались. Впослѣдствіи произошли раздоры между племенами, порядокъ былъ нарушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя племена и каждое племя избрало себѣ царя...“ Что же такое были эти города, о которыхъ говоритъ мюнхенской географъ, скандинавы и арабы? Извѣстный ученый путешественникъ Ходаковскій находитъ чрезвычайное множество городищъ на сѣверѣ Россіи, которыя состоятъ въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ пространствѣ земли,

огороженной земляным валомъ (Ист. сбор., т. III). По всему нужно полагать, что такіе города были укрѣпленіями, построенными въ центрѣ искуственнаго рода, куда, въ случаѣ нападенія непріятеля, родъ собиралъ своихъ людей и запирался самъ. Такихъ городищъ, городковъ, городцовъ Ходаковскій насчитываетъ до 120 въ одной новгородской губ. *) Такъ протоіерей Сабининъ говоритъ, что въ Скандинавіи землевладѣльцы и теперь живутъ отдѣльными дворами, и эти дворы обнесены со всѣхъ сторонъ стѣнами и сараями и вездѣ называются „городъ," съ различными прибавленіями (Р. П. Сбор., т. IV, стр. 148). У нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ мы также находимъ укрѣпленные дворы, гдѣ помѣщаются роды.

Такого рода свѣдѣнія мы имѣемъ о характерѣ устройства славянскихъ племенъ, прежде чѣмъ мы обратимся къ лѣтописямъ. Въ лѣтописи мы имѣемъ два характеристическія мѣста для уясненія племеннаго устройства русскихъ славянъ. „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сидяще Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяще на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслены, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне, понеже не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще

*) Какъ ни важны всѣ эти мѣста, но по нимъ мы не можемъ сдѣлать вывода, были ли такіе города только у искуственныхъ, или также и у естестественныхъ родовъ. Очень можетъ быть, что какъ искуственные рода имѣли болѣе обширные города, такъ и естественные роды имѣли ихъ, но менѣе обширные.

бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду. Но се Кій княжаше въ родѣ своемъ, приходившю ему ко царю. Идущу же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еже и до нынѣ наричютъ Дунайцы городище Кіевецъ. Кіеви же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животъ свой сконча, а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася (Лавр., стр. 4). Это замѣчательное мѣсто Нестора привлекло вниманіе изслѣдователей, но они или не объясняли его, или объясняли такъ, какбы отказывались его объяснить. Шлецеръ принимаетъ отвергнутое Несторомъ преданіе о Кіѣ перевощикѣ. „Кіевъ, говоритъ онъ, основался точно также какъ и Франкфуртъ, Оксенфуртъ и пр. На Днѣпрѣ не было еще моста, а сообщеніе уже началось между жителями по ту и по сю сторону рѣки. Нѣкто, по имени Кій, держалъ всегда въ готовности лодку для перевоза, чѣмъ и питался". Какъ это естественно! Затѣмъ онъ объявляетъ сказаніе о трехъ братьяхъ баснословіемъ, переиссеніемъ на сѣверъ глупой греческой моды— дѣлать изъ географическихъ именъ названія лицъ, прямо объявляя, что названія Щекъ и Хоривъ явились отъ мѣстности (Извл. Нест., т. I, стр. 132). Карамзинъ и Соловьевъ повторяютъ происхожденіе названія братьевъ отъ мѣстъ, не упоминая впрочемъ о Кіѣ перевощикѣ (Кар., Ист. Рус., т. I, стр. 28). Только Шафарикъ не отвергаетъ безусловно и не отрицаетъ это преданіе.

Я полагаю, что въ этомъ преданіи, очень можетъ быть, кроется часть истины и часть вымысла, для объясненія современной дѣйствительности. Несторъ положительно утверждаетъ, что Кій ходилъ къ Царьграду и хотѣлъ основать на югѣ городокъ, хотя было бы совершенно нелѣпо искать, какъ это дѣлалъ Байеръ, подтвержденія этому въ византійскихъ историкахъ, которые даже не упоминаютъ о походѣ Олега, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе замѣчательномъ. Стремленіе на югъ—есть общее стремленіе сѣверныхъ племенъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что часть полянъ, подъ предво-

дительствомъ какого-либо Кія, искала поселенія. Остальная часть преданія о трехъ братьяхъ и извѣстіе о сестрѣ есть, очевидно, вымыселъ. Но для чего придуманъ этотъ вымыселъ? Всякій вымыселъ имѣетъ претензію, болѣе или менѣе вѣроятнымъ образомъ, объяснять дѣйствительность. Преданіе о трехъ братьяхъ и четвертой сестрѣ, весьма вѣроятно, создано для объясненія существованія четырехъ искуственныхъ родовъ, имѣвшихъ независимое существованіе подъ властію особыхъ родоначальниковъ. Эти роды были родственны между собою, а потому и ихъ миѳическіе родоначальники находятся въ родствѣ, въ томъ же родѣ какъ родственность радимичей и вятичей Несторъ объясняетъ происхожденіемъ отъ двухъ родныхъ братьевъ—Радима и Вятка. Мѣста, которыя были заняты искуственными родами или колѣнами, получили свое названіе отъ миѳическихъ героевъ-основателей родовъ, которые ихъ заняли. Было бы нелѣпо предполагать, что эти мѣста до прихода славянъ уже носили какое-либо названіе, такъ какъ страна эта до этого времени была пустыней. Наоборотъ, весьма естественно, что каждый родъ по имени своего миѳическаго основателя далъ и названіе занятой имъ мѣстности. У чеховъ тоже есть преданіе о миѳическомъ Чехѣ, основателѣ народа.

Каждый изъ этихъ многолюдныхъ родовъ или колѣнъ, на которые распадались поляне, имѣлъ свой особый центръ, или крѣпостцу на горѣ, на случай нападенія; но племеннымъ центромъ всѣхъ полянъ издавна сдѣлался Кіевъ, а его князь считался старѣйшимъ во всѣхъ колѣнахъ,—можетъ быть, потому, что колѣно, имѣвшее средоточіе въ Кіевѣ, было самое многолюдное, что давало возможность его предводителю отправиться въ Царьградъ, или вообще на югъ, чтобы вооруженною рукою достать себѣ поселеніе.

Таковой же характеръ управленія былъ и у другихъ племенъ. Несторъ такъ описываетъ его: „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Славяне свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочанѣ. Отъ нихъ же Кривичи, иже си-

дятъ наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ" (Лавр. 5). Но и у другихъ племенъ, кромѣ племенныхъ центровъ, были свои родовые центры; такъ кривичи имѣли нѣсколько центровъ, потому что лѣтописецъ иногда употребляетъ выраженіе „всѣ Кривичи." Это выраженіе Шлецеръ считаетъ ошибкой и ставитъ вмѣсто этого просто „Весь"; но это неосновательно, такъ такъ какъ кривичи имѣли уже два извѣстныхъ центра: Смоленскъ и Полоцкъ, и часть ихъ принадлежала Новгороду. Точно также раздѣлялись и древляне, какъ объ этомъ положительно говоритъ лѣтопись: „Пока же Ольговичи начаше воевати и до Вышгорода и до Деревъ... и тогда взя Курскъ съ посельемъ и сновскую тысячу у Изяслава и Случьскъ и Клычскъ и всѣ Дреговичи (Ип. подъ 1149 г.). Около X вѣка образуется княжество въ Туровѣ, которое, какъ прямо говоритъ лѣтописецъ, произошло отъ имени князя Тура, и это весьма вѣроятно. Туровъ не былъ племеннымъ центромъ, но родомъ или колѣномъ племени древлянъ, въ области котораго онъ лежитъ.

У Нестора слово „родъ" имѣетъ различное значеніе; оно замѣняетъ и слово семью, и родъ, и колѣно, и даже племя. Слово „племя" Несторъ употребляетъ въ смыслѣ расы, отъ племени Афетовъ и Норичи, еже суть славяне." Это однообразное означеніе словомъ родъ различныхъ понятій служитъ часто къ затемнѣнію смысла. Такъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, Несторъ очевидно говоритъ, что кіевское княженіе держалось въ семьѣ Кія, или естественномъ родѣ Кія, а древляне, новгородцы, славяне, кривичи и полочане имѣли подобные же ему роды своихъ князей. При этомъ Несторъ указываетъ на центры княженія у славянъ новгородскихъ и кривичей, то есть Новгородъ и Смоленскъ. Такимъ центромъ у древлянъ, вѣроятно, былъ Искоростень. Въ какомъ же отношеніи къ племени находился этотъ центръ и для чего онъ служилъ? Онъ служилъ главнымъ пунктомъ общихъ вѣчей племени, гдѣ постановлялось рѣшеніе, обязательное для всего племени. Хотя довольно поздно, именно подъ 1176

годомъ, но мы находимъ въ лѣтописяхъ положеніе, относящееся къ глубокой древности. „Новгородцы бо изначала и и Смолняни, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ“ (Лавр., стр. 160). Это правило: чѣмъ мы возьмемъ болѣе древнее время, тѣмъ оно вѣрнѣе. Только съ сильнымъ ростомъ племени, съ развитіемъ другихъ городовъ, понижается значеніе старѣйшихъ городовъ. Мы выше приводили устройство лютичей и ихъ главный центръ; но это же отношеніе мы рельефнѣе увидимъ изъ описанія борьбы, оставленной намъ Гельмгольмомъ. „Въ эти дни, говоритъ Гельмгольмъ, настало большое движеніе въ восточной части славянъ, которые вступили между собою въ внутреннюю борьбу. Племена, которыя носятъ названіе лютичей или вильцевъ, состоятъ изъ четырехъ колѣнъ, изъ которыхъ кицыны и цирцыпаны живутъ по ту сторону Пены, а реадуры и толенцы по эту ея сторону. Между этими колѣнами возникъ страшный споръ за господство и верховную власть, потому что реадуры и толенцы хотѣли господствовать во имя глубокой древности ихъ города и того уваженія, которымъ пользовался ихъ храмъ. Съ другой стороны, цырцыпаны и кицыны отказались быть рабами и рѣшились отстоять свою свободу силою оружія. Реадуры и толенцы были побѣждены, потому что кицыны позвали въ помощь саксовъ и оботридовъ, съ которыми и побѣдили кицыновъ и цирцыпановъ. Послѣдніе купили миръ за пять тысячъ марокъ. Князья подѣлили между собою землю (Гельмг., § 21). Этотъ споръ между колѣнами лютичей всего лучше указываетъ, какого рода значеніе имѣлъ главный или центральный городъ, передъ которымъ, на самомъ дѣлѣ, жители территоріи должны были преклоняться.

Самой трудной задачей было бы опредѣлить подробности центральнаго и городскаго управленія; но они вѣроятно были очень несложны. Для общихъ рѣшеній, обязательныхъ для цѣлаго племени, въ центральномъ городѣ должны были сходиться старѣйшины, или представители городовъ, разсѣян-

ныхъ на территоріи племени. Такъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, постановленія старѣйшихъ городовъ обязательны для пригородковъ. Самое слово „пригородъ“ какбы указываетъ на такіе города, которые имѣли лишь значеніе при существованіи племеннаго центральнаго города.

Старѣйшины городовъ нѣсколько разъ являются въ лѣтописи Нестора. Такъ, Ольга, стоя подъ Коростеномъ, послала сказать жителямъ города, что всѣ остальныя области поддались ей; взявъ городъ, она изымала его старѣйшинъ; такъ, смоленскія старѣйшины, по Архангельской лѣтописи, сдаютъ Смоленскъ Олегу (Арх., стр. 6). Существованіе въ одномъ городѣ нѣсколькихъ старѣйшинъ предполагаетъ существованіе нѣсколькихъ родовъ, что весьма возможно, такъ какъ, напримѣръ, по словамъ Архангельской лѣтописи, Смоленскъ былъ многолюднымъ городомъ, градъ великъ и многъ людьми“ (Арх., ст. 4). Во время Владиміра старѣйшины городовъ ясно играютъ главную роль въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ. Такъ, принятіе христіанства и отправленіе пословъ для выбора вѣры были сдѣланы по рѣшенію старцевъ градскихъ. Можно было бы думать, что здѣсь разумѣли старѣйшинъ только Кіева; но въ другомъ мѣстѣ лѣтопись прямо подтверждаетъ существованіе старѣйшинъ во всѣхъ другихъ городахъ. Владиміръ, избѣгши опасности отъ печенѣговъ, поставилъ церковь и сдѣлалъ праздникъ, на который позвалъ „боляры своя и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многа“ (Лавр., стр. 54).

Было бы странно предполагать, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, что эти старѣйшины были старшіе по возрасту, потому что подобной организаціи, гдѣ бы старшіе играли первостепенную роль, мы не встрѣчаемъ нигдѣ. Предположеніе Соловьева, что подъ именемъ старѣйшины нужно разумѣть старѣйшихъ въ родѣ, было бы невозможно, еслибы города состояли изъ естественныхъ, а не искуственныхъ родовъ. Но нѣтъ ничего естественнѣе, что званіе старѣйшинъ было ничто иное какъ титулъ, которымъ пользовались главы рода. Почти такимъ же образомъ у англо-саксовъ слово ealdorm (старѣй-

шина) сдѣлалось впослѣдствіи титуломъ, какъ у нѣмцевъ слово graf выработалось отъ gross—старѣйшій. Это еще тѣмъ вѣроятнѣе, что у другихъ славянъ названіе старѣйшины сдѣлалось почетнымъ титуломъ князей. Да и въ самой лѣтописи слово старѣйшина употреблялось въ смыслѣ титула, какъ, наприм., у Олега были старѣйшины конюховъ (Лавр., стр. 16).

Въ такомъ же значеніи употреблялъ Несторъ слово старѣйшина, когда онъ описываетъ побѣду хазаръ надъ кіевлянами, послѣ которой хазары приносятъ дань князю своему и старѣйшинамъ.

Чрезвычайно трудно дать какія-либо точныя данныя о внутреннемъ устройствѣ искуственныхъ родовъ, образующихъ города. Неизвѣстно, были ли старѣйшины наслѣдственными или выборными мужами между родами. У древлянъ при Ольгѣ были „лучшіе мужи иже держаху деревскую землю“ и старѣйшины; если оба эти званія совпадали, тогда нужно думать, что у древлянъ мѣсто старѣйшины принадлежало нѣкоторымъ князьямъ, пользующимся аристократическимъ почотомъ, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, они у древлянъ носили еще имя князей. Послы древлянскіе говорятъ Ольгѣ: „князи наши добры есть иже роспасли деревскую землю“. Соединеніе этихъ двухъ названій—князя и старѣйшины—были общеупотребительно у славянъ. У сербовъ и теперь княземъ называютъ всякаго старшину (Майковъ) Само собою разумѣется, что каждый искуственный родъ распадался на бо́льшее или ме́ньшее число естественныхъ родовъ, состоящихъ подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ. У западныхъ славянъ, выработавшихъ жупу, какъ единицу дѣленія племенной земли, главные города жупъ были мѣстными святилищами и центрами управленія. Жители страны, уже въ древнѣйшее время, у чеховъ распадались на леховъ и владыкъ. Лехами были большіе поземельные владѣльцы, а владыки составляли главную массу народа. Старый чехъ, или старый славянинъ, говоритъ Палацкій, строилъ свой домъ въ срединѣ принадлежащей ему земли, дѣдины; его потомки управляли отеческимъ наслѣдствомъ, часто нераздѣльно въ теченіи

нѣсколькихъ поколѣній; когда родительской домъ умножался въ числѣ жильцовъ, тогда вокругъ дома строились другіе дома, и такъ происходили большія деревни (Палацкій, Исторія Чеховъ, т. 1, стр. 169). Постройки нашихъ деревень въ древней Руси, какъ это замѣтно по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, вполнѣ согласовались съ этимъ же порядкомъ. Каждый новгородскій погостъ состоялъ изъ множества разсыпанныхъ по его обширному пространству деревень, состоящихъ, по большей части, изъ одного, или двухъ и даже трехъ дворовъ. Такой порядокъ построекъ, безъ сомнѣнія, напоминаетъ то время, когда каждая деревня была жилищемъ особаго рода. Г. Палацкій объясняетъ, что и окончанія ісі и owici, которыя имѣютъ многія чешскія деревни, какъ Мартыничи, Петровичи и др., какбы указываютъ на имущество потомковъ Мартына, Петра и т. д. (Палацкій, т. 1, стр. 159 и 143). Такія же названія мы находимъ и у насъ. Такъ, въ Смоленской грамотѣ XII вѣка, много селъ назывались Дѣдичи, Жижцы и т. д. (Д. А. И., т. 1, № 4). Родовой обычай у насъ долженъ былъ крѣпко держаться, что дѣйствительно видно изъ обычаевъ, сохранявшихся въ родѣ Рюрика. Даже въ XV столѣтіи эти слѣды родоваго обычая сохранились въ Псковской грамотѣ, которая допускаетъ послѣ смерти отца управлять домомъ старшему брату, но до перваго востребованія младшихъ братьевъ о раздѣлѣ (Пск. суд. гр.). Такимъ образомъ, внутреннее управленіе искуственныхъ родовъ заключаетъ въ себѣ два совершенно различные элемента: элементъ государственный, выражающійся въ должности старѣйшаго, и элементъ семейный, или родовой въ тѣсномъ смыслѣ.

Одно изъ первыхъ условій искуственнаго рода или колѣна есть обладаніе извѣстнымъ пространствомъ земли, принадлежащей роду. Что такая земля существовала,—на это указываетъ Несторъ, говоря, что у полянъ „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ“. Но какъ называлась земля, бывшая во владѣніи рода? Къ сожалѣнію, у русскихъ славянъ не сохранилось характеристическаго названія жупы;

но для областныхъ землей существовало множество наименованій: волость, станъ, вервь, міръ, губа, погостъ. Волость едва-ли не была у нашихъ славянъ такою же единицею, какъ жупы у славянъ южныхъ и западныхъ. Несторъ всегда употреблялъ слово „володѣть“ въ смыслѣ владѣть, царствовать, управлять, а потому, весьма понятно, что то, что находилось во владѣніи, называлось „волость“. Слово волость лично употребляется и употреблялось въ обширномъ смыслѣ владѣній племени, какъ, напр., волости Печеры, Угры, Перьми, и въ смыслѣ болѣе узкомъ—владѣнія племени. Названіе „волость“, какъ можно думать,—потому что и въ позднѣйшее время почти всѣ русскія области дѣлились на станы и волости, за исключеніемъ Новгорода,—было общимъ названіемъ родоваго владѣнія. Другія наименованія, которыя существуютъ рядомъ съ наименованіемъ волость, не уничтожаютъ значенія этого наименованія. Раздѣленіе на станы есть дѣленіе позднѣйшее, не ранѣе XVII вѣка; а въ древнѣйшее время рядомъ съ волостью были въ земляхъ кривичей дѣленіе на погосты, а въ прочей Россіи—дѣленія на верви и сотни. Сотни и вервь есть, какъ доказывалъ уже Розенкампфъ — одно и тоже: вервь, hwart, есть скандинавское названіе сотни. Но сотня есть только болѣе мелкое дѣленіе волости, и потому существованіе этого дѣленія нисколько не уничтожаетъ важности дѣленія на волости. Въ земляхъ кривичей и славянъ новгородскихъ вообще существовало дѣленіе на волости. Въ первой договорной грамотѣ Новгорода мы находимъ: „а я княже волости Новгородскіе: волокъ съ всеми волостьми Торжекъ, Бежицкъ, городецъ Повицы“ (С. Г. Г. и Д. т. 1, № 1). Изъ лѣтописи мы знаемъ, что во времена Ярослава существовало и дѣленіе на сотни, но слово сотня было скоро вытѣснено словомъ „погостъ“. Волости были, по моему мнѣнію, земли, занятыя искуственнымъ родомъ, колѣномъ; самое древнѣйшее названіе: сотня и погостъ—были явленіемъ позднѣйшимъ; были ничѣмъ инымъ, какъ систематизаціей естественныхъ родовъ, явившихся въ границахъ колѣна. Употребленіе слова погостъ, въ смыслѣ кладбища,

указываетъ на то, что здѣсь скрывается древній естественный родъ. Въ „Русской Правдѣ“ существуетъ еще слово „міръ“. Слова „міръ“, „въ своемъ міру“, употребляемыя „Русской Правдой“, чрезвычайно замѣчательны; они указываютъ на существованіе, въ очень древнее время, такого округа, который составляетъ нѣчто цѣлое для его членовъ, цѣлый міръ; или, какъ объясняетъ Кавелинъ,—и что также весьма вѣроятно,—міръ есть жилище рода, въ которомъ всѣ члены находятся въ мирѣ, въ противуположность другихъ родамъ.

Но понятіе міръ можетъ существовать рядомъ со всякимъ другимъ дѣленіемъ на волости, сотни, погосты. Я, при разборѣ „Правды“, докажу, что дѣленіе на міры совпадало съ дѣленіемъ на сотни или верви, что въ сотнѣ скрывается естественный родъ. Каковы были отношенія старѣйшинъ или князей къ своему роду? Общій типъ родоваго устройства у насъ долженъ былъ сохраниться въ тѣхъ или другихъ чертахъ.

Существенная и главная цѣль родоваго устройства есть защита личности. Искуственные роды или колѣна, съ этой стороны, во многомъ исполняютъ, хотя своеобразнымъ образомъ, роль государства. Родъ есть нравственный союзъ членовъ, которые защищаютъ каждаго родича. За убійство одного члена рода другой мститъ или самому убійцѣ, или даже другому члену. У черкесовъ мститель выбираетъ лучшаго члена рода, говоря, что убить убійцу,—это значитъ лишить родъ худаго члена. Эта обоюдная месть превращается мало-по-малу въ открытую войну двухъ родовъ, которая для своего прекращенія у черкесовъ требуетъ соглашенія между родами, которое сопровождалось религіозными церемоніями. Выкупъ отъ мести есть также естественное, какъ и древнее, обыкновеніе, потому что оно избавляетъ родъ отъ опасности мести. Въ „Русской Правдѣ“, рядомъ съ норманской вирой, существуетъ головщина, славянское слово, которое должно быть далеко древнѣе виры, установленной, вѣроятно, норманами, тѣмъ болѣе что вира была пѣнею князю, а головщина шла въ пользу семейства или рода убитаго. Сама

головщина обыкновенно бываетъ очень тяжелой, чтобы могла быть уплачена однимъ семействомъ или родомъ убитаго.

У черкесовъ за убійство мужчины платится 18 разъ 18 коровъ,—число огромное, на которое не хватило бы средствъ естественнаго рода. Такой порядокъ вещей заставляетъ всѣ первобытныя племена имѣть особую родовую кассу, изъ которой и выплачиваются издержки, если родъ не хочетъ выдавать своего члена. Когда родовая организація упадаетъ, то роды обыкновенно замѣняются обществомъ съ добровольными вкладчиками,—какъ это видно у насъ въ обществахъ дикой виры Русской Правды,—состоящимъ изъ добровольныхъ складчинъ людей, обязанныхъ помогать въ уплатѣ головщины въ случаѣ совершенія убійства однимъ изъ членовъ общины. Но это искусственное общество предполагало существованіе естественнаго въ древнѣйшее время. Кромѣ этого, слѣды существованія родовой казны мы находимъ въ томъ, что въ походѣ на Византію Олегъ просилъ отъ византійскаго императора дани по двѣнадцати гривенъ на ключъ. Въ походѣ Олега было 2000 кораблей и на каждомъ кораблѣ до 40 человѣкъ; очень вѣроятно, что эти сорокъ человѣкъ на кораблѣ были представителями своихъ родовъ, подъ начальствомъ особыхъ представителей, или своихъ старшинъ.

Старѣйшина или князь едвали не имѣлъ права женить и выдавать замужъ членовъ своего рода. У первобытныхъ народовъ, какъ это мы видимъ изъ Библіи, а также изъ обычаевъ другихъ племенъ, стоящихъ на той же степени цивилизаціи, самымъ почетнымъ бракомъ считаютъ бракъ между членами одного рода. Когда изъ естественнаго рода образуется искуственный, съ особымъ главою, на него переходятъ многія обязанности естественнаго патріарха. Арабъ Казвини, говоритъ, что бракъ у славянъ заключался по волѣ князя. „У кого родился ребенокъ, мужескаго или женскаго пола, говоритъ Казвини, тотъ получаетъ отъ царя содержаніе; когда же ребенокъ достигъ юношескаго возраста, государь женитъ его, буде онъ мальчикъ, и беретъ отъ отца его приданое, которое отдаетъ отцу невѣсты; ибо у нихъ

приданое платится впередъ. У кого родились двѣ или три дочери, тотъ богатѣетъ; между тѣмъ какъ тотъ, у кого два или три сына—бѣднѣетъ. Бракъ заключается по волѣ царя, а не по выбору. Государь беретъ на себя всѣ издержки, и онъ тратится на свадьбу. Онъ нѣжный отецъ для своихъ подданныхъ (Charmoy, 345). Въ такъ-называемой раскольнической рукописи, Татищевъ нашелъ замѣчательнѣйшее извѣстіе, именно, что въ 954 г. „отрекоша Ольга княже и уложиша брать отъ жениха по чорнѣ кунѣ какъ князю, такъ боярину отъ его поддаинаго“ и видитъ въ этомъ отреченіе отъ jus primae noctis. Эверсъ вполнѣ соглашается съ этимъ толкованіемъ и приводитъ многочисленные примѣры изъ быта древней Европы (Др. Рус. Пр., стр. 74). Но такое толкованіе едва ли заслуживаетъ довѣрія.

Между властію феодала надъ его подданными и властію старѣйшаго рода, нѣтъ никакой аналогіи. Старѣйшина или князь рода всегда находится отъ него въ большей или меньшей зависимости, и такое безсмысленное, съ точки зрѣнія родовыхъ интересовъ, право никогда не могло принадлежать его старѣйшинѣ. Но очень вѣроятно, что ему принадлежало право выдавать замужъ и женить членовъ рода,—чему мы находимъ аналогическій примѣръ,—и притомъ такое право согласно съ интересами рода *). Родовой старшина могъ покупать невѣстъ для взрослыхъ членовъ рода, или давать имъ помощь изъ родовой казны, точно также сумму отъ продажи невѣсты своего рода класть въ родовую казну. Это, какъ и многія другія права, перешло въ отчинное право бояръ, а также въ права волостелей, чиновниковъ, замѣнявшихъ родовыхъ старѣйшинъ; тогда, какъ увидимъ послѣ, роды распались и правами старѣйшинъ овладѣли бояре и волостели. Ольга отмѣняетъ это право князей, замѣнивъ его небольшою данью, потому что могли жаловаться многія лица—главы семействъ, у которыхъ отнимался такимъ образомъ большой доходъ.

Родовой старшина или князь конечно имѣлъ право суда

*) По нѣкоторымъ нашимъ пѣснямъ, выдача замужъ зависитъ отъ рода-племени (Миллеръ, Оп. Истор., стр. 130).

надъ членами своего рода. Но неизвѣстно, производился-ли этотъ судъ въ присутствіи всѣхъ членовъ рода на родовомъ вѣчѣ. Сеймы или вѣчи были народные и городскіе; у чеховъ—земскіе и жупные; у поляковъ—городскіе и сельскіе. Наши волостныя сходки напоминаютъ родовое вѣче, такъ какъ и теперь на нихъ рѣшаются судебныя дѣла. У германскихъ народовъ сотни имѣли также свои собранія, гдѣ совершался судъ. По всему этому можно съ увѣренностію предположить, что и у насъ были родовыя вѣчи, на которыхъ рѣшались важнѣйшія дѣла рода. Старѣйшина или князь налагалъ наказанія за преступленія, которыя состояли вѣроятно въ денежной пѣнѣ, потому что, уже по договору Олега, за ударъ мечемъ, виновный долженъ былъ уплатить пять литръ серебра по русскому закону. Но за важнѣйшія преступленія, за нарушеніе родоваго мира, виновный, по древнѣйшему обычаю, существующему у древнихъ римлянъ, славянъ и германцевъ подвергался изгнанію изъ рода. Такія изгнанныя изъ рода лица, или сами оставившія свой родъ, по объясненію г. Калачева, назывались изгоями. Слово изгой, по его объясненію, состоитъ изъ предлога „изъ“ и глагола „гопть“, имѣющемъ значеніе „жить“ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Лицо, изгнанное или вышедшее изъ родовой общины, стоящее внѣ родовыхъ связей, было, такимъ образомъ, изгоемъ (Арх. Ист. Юр. Св., стр. 59). У древнихъ германцевъ наказаніе за важнѣйшія преступленія состояло въ лишеніи міра. Главнымъ послѣдствіемъ этого наказанія было то, что лишенный міра становился внѣ всякой охраны, а потому могъ быть убиваемъ каждымъ безнаказанно (Шпилев., Союзъ родств. защ. у гер. и слав., стр. 46). Этотъ выводъ, или это послѣдствіе, впрочемъ, вытекало само собою; такъ какъ въ древнѣйшую эпоху только родъ, въ своей совокупности, былъ единственнымъ защитникомъ лицъ его составлявшихъ; то лицо, изгнанное изъ рода, само по себѣ являлось беззащитнымъ. Весьма замѣчательно мнѣніе Ичерина по такому же институту изъ римскаго права: „родственный союзъ, говоритъ онъ, давалъ полную правоспособность; исключеніе изъ родственнаго сою-

за равнялось отрицанію правоспособности, безъ всякой градаціи. Только живущій въ родѣ есть ingenus; кто стоитъ внѣ его, тотъ есть ex genus, безправный. Изгнаніе настоящаго времени, говоритъ онъ далѣе, есть только тѣнь того, что подъ этимъ разумѣла древность: оно состоитъ въ перемѣнѣ мѣста, лишеніи отечества; совершенно другое разумѣлось подъ этимъ въ древности: чужеземецъ есть существо безправное; тотъ, кто исключенъ изъ общества своихъ сородичей, или бѣжалъ изъ него вслѣдствіе преступленія, — долженъ испытать судьбу дикаго въ полѣ, безпокойно блуждающаго туда и сюда, подъ опасеніемъ быть убитымъ тѣмъ, кто его увидитъ. Все что ему было дорого—изгнанный оставилъ за собою: родной очагъ, товарищей, міръ, права и почитаніе боговъ и взялъ съ собою лишь чувство неисцѣлимаго горя, страхъ передъ всякою случайностью преслѣдованія (Geist, Des Romisch. Rechts, стр. 217).

Родъ, конечно, исключалъ только такихъ лицъ, которыхъ онъ не хотѣлъ защищать отъ мести или, вѣроятнѣе, такихъ, которыя совершили преступленіе противъ членовъ того же рода; онъ наказываетъ, такимъ образомъ, лицо, совершившее преступленіе противъ своихъ родичей. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, точнаго намъ ничего неизвѣстно; но изгойство очень древне, какъ и самое слово. Уже въ Русской Правдѣ оно замѣняется словомъ—потокъ, которое въ другихъ спискахъ Русской Правды замѣняется словомъ изгнаніе, погнаніе. Самый глаголъ „гнать,“ исчезъ изъ русскаго языка и не встрѣчается въ лѣтописи; все это предполагаетъ очень древнее его существованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и факты, которые онъ обозначаетъ.

Всего труднѣе при опредѣленіи искуственнаго родоваго союза объяснить гражданскія отношенія его членовъ. Конечно, искуственный родъ имѣетъ верховное право собственности на землю, имъ занятую. Вѣроятно, такая родовая земля опредѣлялась знаменами, какъ до сихъ поръ опредѣляются родовыя земли финскихъ племенъ. Эти знамена есть ничто иное, какъ внѣшніе знаки, оставляемые на деревьяхъ,

тамъ и сямъ выкапываемыя ямы для обозначенія границъ; такія знамена во всю древнюю Русь оставались единственными межевыми знаками собственности. Весьма вѣроятно, что у насъ, какъ и вообще при родовой системѣ, идея верховной принадлежности земли колѣну нисколько не мѣшала естественнымъ родамъ фактически владѣть и передавать по наслѣдству обработанные ими участки. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что земель было много, земледѣліе было развито чрезвычайно мало, такъ какъ многіе, или даже большинство, все еще занимались звѣроловствомъ. Весьма замѣчательно, что въ древнихъ грамотахъ, при продажѣ участка земли, обозначалось такъ: „что къ тѣмъ деревнямъ, пустошамъ изъ стороны потягло, куда топоръ и соха ходила," или, какъ въ новгородскихъ грамотахъ обозначается, что продастся „оранная" земля (А. Ю. № 71, IV. VI). Такое обозначеніе, безъ сомнѣнія указываетъ на то отдаленное время, когда въ границахъ рода каждый бралъ и обработывалъ себѣ участокъ земли. Одна древняя и даже древнѣйшая изъ сохранившихся купчихъ новгородскихъ грамотъ указываетъ даже весьма ясно на право рода. „А стоялъ у печати Гошнуй отъ всего племени" (А. Ю. № 71, 1). И теперь у крестьянъ сохранились весьма древніе обычаи, намекающіе на родовой бытъ. Въ нижегородской губерніи есть мѣстности, въ которыхъ никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и т. п. въ чужое общество, не спросивъ раньше охотника изъ своей деревни. Если предметъ продается въ сторону, а затѣмъ выискивается покупатель въ своей деревнѣ, то свой покупатель отбираетъ отъ чужаго купленную имъ вещь и возвращаетъ ему задатокъ или деньги, которыя онъ заплатилъ. (Дѣло. 1871 г. Май, ст. Шелгунова).

Въ сербскомъ законодательствѣ царя Душана мы находимъ совершенно подобное постановленіе: „Аще кто хочетъ продати въ селѣ какову либо вещь, да ю не продастъ надворнему человѣку, нъ того села семьянину". Наконецъ, общинное устройство, слѣды котораго восходятъ къ XIV столѣтію по грамотамъ, можно разсматривать, какъ преобразо-

ванное родовое устройство, которое удержало изъ прежняго порядка однѣ естественныя черты. Какъ община, такъ и колѣно, или искуственный родъ, имѣютъ своихъ представителей въ старостѣ или сотскомъ. Какъ община, такъ и колѣно, или искуственный родъ, считаютъ извѣстное пространство земли своею собственностію или своимъ владѣніемъ, потому что позднѣе развилась идея о верховной принадлежности земли князю. Въ правыхъ грамотахъ и судныхъ спискахъ XV столѣтія, крестьяне являются какбы представителями земли или волости; такъ, въ 1498 году „тягалися Ликурскіе волости крестьяне Мартьянъ Ларіоновъ и др. и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликурскіе волости (А. Ю., стр. 8). Община раздавала земли внутри своего владѣнія, точно также какъ и роду или колѣну всегда принадлежало такое же право раздѣла своихъ земель членамъ. Такъ, въ правой грамотѣ XV столѣтія сказано: а мнѣ тотъ лѣсъ, господине, давала волость (А. Ю., стр. 6). Точно также какъ въ колѣнѣ старѣйшина былъ хранителемъ родовой казны, такъ старосты сотскіе сдѣлались сборщиками податей. Словомъ, колѣно есть естественная переходная ступень между естественнымъ родомъ и общиной, причемъ, разумѣется, во власти главы колѣна сохраняется болѣе характеръ естественнаго родоваго быта, тогда какъ въ общинѣ онъ исчезаетъ. Но, какъ я укажу ниже, у насъ этотъ переходъ изъ родоваго быта въ общинный имѣлъ много особенностей. По обстоятельствамъ и особенностямъ нашей исторіи, нашъ искуственный родъ перешелъ въ волость административную, не имѣвшую никакого хозяйственнаго значенія.

Наконецъ, такъ какъ колѣно было маленькое государство, то въ немъ уже тогда было общественное первенство. Почти съ самого начала русской исторіи мы находимъ существованіе князей и бояръ; никто не оспариваетъ славянскаго происхожденія слова «князь», но нѣкоторые, какъ протоіерей Сабининъ, старались найти германскій корень въ словѣ боярин. Между тѣмъ, это слово общее и русскимъ и сербамъ, слѣдовательно, оно изстари славянское, а это доказываетъ, что въ нашемъ обществѣ существовали элементы, со-

отвѣтствующіе этому названію до Рюрика. И дѣйствительно, никто не противорѣчитъ существованію въ колѣнѣ фамилій, которыя считаютъ свое происхожденіе весьма почетнымъ, такъ какъ тоже самое находитъ Тацитъ у германцевъ въ самое отдаленное время; и такія же явленія мы находимъ и у другихъ народовъ, стоящихъ на первой степени цивилизаціи. У южныхъ американскихъ дикарей нѣкоторые роды уже получили титулы умнѣйшихъ и храбрѣйшихъ (Клемъ, т. II, стр. 126). Нѣтъ сомнѣнія, что и слово *бояринъ* или *болярин*ъ происходитъ отъ слова *болій*, *большой*, и этимъ титуломъ, естественно, пользовались въ колѣнѣ нѣкоторыя фамиліи, тогда какъ старѣйшины носили названіе князя. Точно также въ это время уже долженъ былъ появиться классъ рабовъ или челяди, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ. Рабство появляется вмѣстѣ съ пастушескимъ бытомъ, а еще болѣе съ земледѣліемъ. Только народы, живущіе охотою и звѣроловствомъ, не знаютъ рабства, потому что для нихъ прокормленіе раба было бы въ тягость. При первомъ своемъ зародышѣ, рабство обыкновенно имѣетъ чрезвычайно мягкія формы, потому что человѣкъ еще привыкъ къ дикой свободѣ и уважаетъ ее въ другихъ, и довольствуется малымъ. По сказанію Маврикія, у славянъ не было вѣчныхъ рабовъ, но даже военноплѣнные отпускались домой по истеченіи извѣстнаго времени. Точно также у русскихъ славянъ рабство должно было усилиться и укрѣпиться по мѣрѣ усиленія земледѣлія, когда возрастаютъ и нужды въ немъ. При первыхъ князьяхъ мы находимъ уже торговлю рабами, какъ одну изъ главныхъ статей торговли.

Въ элементахъ, изъ которыхъ могло произойти рабство, не могло быть недостатка, такъ какъ изгой, выгнанный изъ рода, или оставшіеся члены вымершаго рода легко шли въ холопы. Сверхъ того, если, какъ мы доказали ранѣе, въ эту эпоху только часть общества занималась земледѣліемъ, тогда какъ масса его жила звѣроловствомъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, чтобы звѣроловы мѣняли свой невѣрный добытокъ хотя на унизительную, но болѣе обезпеченную жизнь раба.

Выше мы говорили о судѣ и судебной власти родоначальниковъ. Но эта власть распространялась только на членовъ рода; если же преступленіе было совершено членомъ другаго рода, тогда единственнымъ средствомъ удовлетворенія была месть убійцѣ и членамъ его, если они защищали его. Отношенія одного рода къ другому, въ этомъ случаѣ, походили на отношенія двухъ государствъ, которыя только войной могли рѣшать свои споры. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего естественнѣе, что пока варяги управляли покоренными ими племенами славянскихъ и финскихъ народовъ,—въ ихъ земляхъ, не смотря на притѣсненія и поборы со стороны варяговъ, царствовало относительное спокойствіе, потому что варяги не допускали вражды родовъ. Но какъ скоро притѣсненія и поборы варяговъ вынудили ихъ соединиться и изгнать ихъ, послѣ чего роды очутились безъ высшей центральной власти, исключая племенныхъ вѣчей, то между родами начались войны, поводъ къ которымъ могла дать кровавая месть, изъ желанія захватить земли другаго рода. Объ такомъ порядкѣ вещей совершенно ясно говоритъ Несторъ: „Изгнаше варяги за море и не даша имъ дани и начаше сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати начаше сами на ся“. Конечно, что естественные и искуственные рода или колѣна тогда были достаточно способны на такую войну. Въ Архангельской лѣтописи сказано нѣсколько иначе: „И возсташе сами на ся и бысть межъ ними рать велика и усобицаи возсташе *городъ* на *городъ* и нѣсть межъ ними правды“ (Арх., стр. 3).

Слѣдствіемъ такихъ войнъ между родами было истребленіе цѣлыхъ родовъ и обращеніе въ рабство остальныхъ членовъ. Не безъ причины, во времена Олега, торговля челядью была одною изъ доходнѣйшихъ статей. Наконецъ, послѣднимъ связующимъ началомъ была религіозная связь.

Колѣно должно было имѣть и свой религіозный центръ, какъ оно было центромъ политическимъ. У западныхъ славянъ жупа была религіознымъ центромъ и мѣстомъ суда.

Во главѣ города каждой группы былъ храмъ. Гельмгольдъ говоритъ, что, исключая священныхъ гаевъ и домашнихъ боговъ, которыхъ въ излишествѣ имѣетъ каждая земля и городъ, есть еще множество боговъ, изъ которыхъ Прове есть богъ земли ольденбурговъ, Сива — богиня полобовъ, Радогостъ — богъ оботридовъ, Свентовидъ — богъ земли руговъ (Гельмгольдъ, §§ 52). Точно также у насъ волости должны были быть религіознымъ центромъ. Еще въ XIV-мъ вѣкѣ нѣкоторыя церкви считались главными въ волости и назывались волостными, что указываетъ, что въ старину каждая волость имѣла свою церковь. Несторъ, такимъ образомъ, говоритъ о построеніи церквей: „Владимеръ повелѣлъ рубити церкви и постовляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и люды; и нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селамъ“ (Лавр., стр. 51). Какое значеніе имѣетъ волость для прочихъ славянъ, такое погостъ имѣлъ для кривичей; а впослѣдствіи погостъ почти всегда дѣлался церковнымъ приходомъ.

Весьма замѣчательно, что слово *погостъ* употребляется въ смыслѣ кладбища, а на основаніи аналогіи съ бытомъ классическихъ народовъ, можно думать, что каждый народъ на своей землѣ имѣлъ кладбище для своихъ мертвецовъ. Это мнѣніе высказалъ Неволинъ, но его опровергаетъ г. Котляревскій (Погр. обыч., стр. 23), не приводя впрочемъ никакихъ доказательствъ, кромѣ того, что погостъ служитъ административною единицей; но это служеніе административной единицей нисколько не уничтожаетъ возможности религіознаго значенія, и скорѣе усиливаетъ его, такъ какъ въ основаніи древнѣйшихъ административныхъ дѣленій должно было лежать родовое устройство. Къ сожалѣнію, языческая старина наша не оставила объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, прямыхъ извѣстій; только имена городовъ и урочищъ напоминаютъ, что они нѣкогда были посвящены языческому

божеству. Такъ, Ходаковскій въ новгородской губерніи открылъ 9 мѣстъ съ именемъ Лады, одно съ именемъ Радогоста, два съ именемъ святаго Дуная (Рус. Ист. Сб., т. III, стр. 161).

Точно также, какъ особая организація колѣнъ не исключала ни племенной, ни чисто родовой организаціи; въ томъ же смыслѣ можно сказать, что религіозное значеніе колѣна допускало общихъ боговъ племени и частныхъ покровителей родовъ. Такъ Титмаръ Мерзебурскій говоритъ о религіозныхъ учрежденіяхъ лютичей: „сколько есть округовъ въ ихъ сторонѣ, столько же храмовъ и отдѣльныхъ статуй боговъ почитается невѣрными; но между ними вышепоименованный городъ (Ретра) имѣетъ преобладающее значеніе“ (Кн. 6, § 18). Весьма вѣроятно, что еслибъ наше язычество продолжало существовать еще два или три столѣтія, какъ язычество западныхъ славянъ, то Кіевъ могъ бы сдѣлаться такимъ святилищемъ полянъ, какимъ Ретра была у лютичей. Но въ эту эпоху такой особой важности въ религіозномъ значеніи центральнаго города племени едва ли можно допустить; наоборотъ, весьма вѣроятно, что естественные и искуственные роды каждый имѣли свои божества. Слѣды этого религіознаго значенія естественнаго рода видны въ почитаніи огня и очага.

Религіозное значеніе очага у славянъ было общимъ съ классическими народами и германцами. По древнему германскому обычаю, сохранившемуся также у сербовъ, невѣсту трижды обводили вокругъ пылающаго очага той семьи, куда она вступала какъ членъ (Аф., Поэт. воззр., т. II, стр. 35—36). Соотвѣтственно этому, на Руси существуетъ обычай, что новобрачная должна бросить свой дѣвственный поясъ въ печь, какбы вручая себя подъ покровительство домашняго бога (тамъ же). Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскаго языка сохранилось замѣчательное выраженіе: „родъ огньный, родство огньное, огнь родный“ (Котляр., Погреб. обр., стр. 20). Эти выраженія, безъ сомнѣнія, напоминаютъ, что сидѣвшіе около домашняго очага были родные.

Теперь я перейду къ религіи русскихъ славянъ и поста-

раюсь опредѣлить существенныя черты отношеній между человѣкомъ и божествомъ, что дастъ возможность понять многія стороны быта языческихъ племенъ, необъяснимыя безъ пониманія ихъ религіозныхъ идей.

Въ тотъ великій, торжественный моментъ, когда человѣкъ начинаетъ отличать себя отъ окружающей его природы, онъ совершенно не знаетъ и даже не подозрѣваетъ законовъ, которыми она управляется, а потому онъ, весьма естественно, придаетъ ей такую же жизненность, съ тѣми же желаніями и побужденіями, которыя онъ сознаетъ въ себѣ. Отсюда происходятъ два вывода, повидимому противуположные, но въ сущности вытекающіе изъ одного и того же источника. Человѣкъ представляетъ природу, съ одной стороны, всевластной и могучей, а потому боится ея и спѣшитъ умилостивить ее; съ другой стороны, въ его умѣ возникаетъ возможность покорить, подчинить ее себѣ. Какъ не могуча природа въ его понятіи, но она далеко не представляется его уму такой непреодолимой, какъ она представляется намъ, знающимъ ея непреложные законы. Всякое существо, какбы оно сильно не было, можетъ повелѣвать, но должно подчиняться еще высшей силѣ, а природа уму язычника представлялась существомъ. Вотъ почему человѣкъ, въ эту эпоху, то униженно склонялся передъ природой, то сознавалъ себя надъ ней могущественнымъ, всесильнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклониться. Но, разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ такую силу; ее, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, люди вѣщіе, знающіе, но это-то и важно, что народъ вѣритъ въ возможность такой власти надъ природой. Какъ естественное послѣдствіе этой двойственности міросозерцанія, являлись жертвоприношенія и мольбы передъ болотами, озерами, рѣками—съ одной стороны и попытка властвовать надъ природой—съ другой.

У русскихъ славянъ языческое религіозное развитіе было прервано христіанствомъ въ томъ періодѣ, когда фетишизмъ начинаетъ переходить въ политеизмъ. Но въ самомъ фети-

шизмѣ Огюстъ Контъ справедливо видитъ не одну эпоху, признавая въ поклоненіи солнцу, лунѣ и звѣздамъ высшую степень фетишизма,—тотъ кульминаціонный пунктъ, когда онъ переходитъ въ политеизмъ, такъ какъ луна и солнце уже такіе отдаленные предметы, представленіе о которыхъ приближается къ отвлеченной идеѣ. Но, какъ это всегда бываетъ, рядомъ съ этою высшею ступенью религіознаго міросозерцанія, существовало у народа поклоненіе и всѣмъ другимъ предметамъ его первоначальнаго обожанія. О существованіи факта поклоненія озерамъ, рѣкамъ, колодезямъ, деревьямъ,—существуетъ нѣсколько извѣстныхъ мѣстъ въ Воскресенской и Густинской лѣтописяхъ, въ уставѣ Владиміра, въ житіи муромскаго князя Константина и друг., а потому я и не привожу ихъ. Гораздо любопытнѣе узнать о тѣхъ представленіяхъ, которыя народъ соединялъ съ этимъ поклоненіемъ. Дитмаръ упоминаетъ о священномъ озерѣ Гломичскомъ, обладавшемъ силою предвѣщать будущее. Козьма Пражскій, въ началѣ XII столѣтія, запрещаетъ чехамъ жертвы и возліянія надъ источниками и увѣщеваетъ ихъ, чтобы они не искали у нихъ помощи ни во время чумы, ни въ другихъ нуждахъ. У чеховъ, вечеромъ наканунѣ Рождества, хозяева откладываютъ отъ каждаго кушанья по ложкѣ и все это бросается въ колодезь, съ такимъ причитаніемъ: „хозяинъ поздравляетъ тебя и говоритъ тебѣ черезъ меня: криница! раздѣли съ нами праздничную трапезу, а за то дай намъ обильную воду; если будетъ на землѣ засуха, то отврати ее своимъ притокомъ“. Въ Моравіи, вмѣстѣ съ яствомъ, бросаютъ въ колодезь деньги, съ причитаніемъ: „студенецъ! студенецъ! я несу тебѣ ужинъ, повѣдай мнѣ правду, чего буду спрашивать“ (Аф., П. воззр., стр. 208). У чеховъ повѣрье, что кто молится деревьямъ на страстную пятницу передъ солнечнымъ восходомъ, тотъ цѣлый годъ будетъ свободенъ отъ болѣзней; страдающіе лихорадкою преклоняютъ колѣна предъ бузиною и трижды произносятъ: „бузина! послалъ меня Господь къ тебѣ, чтобъ ты взяла къ себѣ мой недугъ (Аф., стр. 323).

Неодушевленная природа, по мнѣнію первобытнаго человѣка могла чувствовать жалость, гнѣвъ, могла благоволить къ человѣку и наказывать его. Но, рядомъ съ поклоненіемъ природѣ, человѣкъ пытался господствовать надъ ней, или посредствомъ вѣщаго слова, или съ помощью таинственныхъ травъ. Вѣщій мужъ, волхвъ, колдунъ повелѣваетъ вѣтрами, дождемъ, бурями, производитъ по волѣ засуху, неурожаи, моръ, посылаетъ печаль и недуги на людей, превращаетъ ихъ въ звѣрей и птицъ, располагаетъ по произволу людскою любовью и ненавистью. Трудно представить себѣ большую власть надъ природой. „И германцы и славяне, говоритъ Афанасьевъ, обвиняли вѣдьмъ въ похищеніи благопріятной погоды, дождей и насланіи болѣзней, скотскаго падежа и мора, всегда сопровождавшихъ голодные годы (т. III, стр. 503). Какъ ни нелѣпы кажутся намъ тѣ вѣрованія, которыя до сихъ поръ живутъ въ народѣ; но въ свое время они должны были благопріятствовать развитію человѣка". Хотя господство человѣка надъ природой, говоритъ Огюстъ Контъ, по этимъ понятіямъ, осуществилось лишь съ помощью небесныхъ силъ; но тѣмъ не менѣе очевидно, что чувство божественнаго покровительства, въ эту эпоху, должно было въ высшей степени возбуждать человѣческую дѣятельность, несмотря на громадныя препятствія, которыя онъ долженъ былъ преодолѣвать. Чѣмъ болѣе думаемъ объ этихъ первобытныхъ временахъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что первый шагъ развитія долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы вывести человѣческій умъ изъ его животной спячки, и этотъ необыкновенно трудный шагъ человѣкъ дѣлаетъ съ помощью фетишизма (Cours de ph. posit., т. V, стр. 54).

Религіозныя идеи, въ своемъ развитіи, кажется идутъ вслѣдъ за развитіемъ культурныхъ формъ, какъ и политическія учрежденія; а культурныя формы, какъ я говорилъ выше, часто обусловливаются почвенными и климатическими причинами. Человѣкъ естественно преклоняется предъ тѣми силами природы, отъ которыхъ зависитъ его питаніе. Поклоненіе лѣсамъ и рѣкамъ всего естественнѣе отвѣчаетъ та-

кому состоянію, когда человѣкъ питался звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Если наши источники IX—XI вѣка говорятъ о живучести этого поклоненія, то это, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что эти условія жизни все еще продолжали существовать для многихъ.

Наоборотъ, географическія условія не благопріятствовали развитію кочевой жизни и стада не составляли для племенъ преимущественныхъ средствъ существованія. Вотъ почему религіозныя представленія, свойственныя кочевому быту, оставили весьма слабые слѣды въ народной памяти. Нѣкоторыя названія селеній и озеръ по имени вола, какъ Волотуръ, Воловье, Воловье око, Туровъ, Туръ-озеро, вѣроятно, въ древности имѣло религіозное значеніе, наравнѣ съ Ладогой, Чернобожьемъ и т. д. Въ одномъ мѣстѣ Синопсиса сказано, что простолюдины „на своихъ законопреступныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-Сатану и прочіе богомерзкіе скареды премышляютъ (воспоминаютъ). Существуетъ сказка о вѣщей коровѣ буренушкѣ, о Буръ-Богатырѣ коровьемъ сынѣ. Въ орловской губерніи существуетъ замѣчательный обычай, по которому хозяйка вновь купленной коровѣ кланяется въ поясъ и подноситъ ей хлѣбъ-соль (Аф., т. I, гл. XIII).

Но жизнь пастуха находится въ большей или меньшей зависимости не только отъ окружающихъ его предметовъ, но и отъ небесныхъ явленій, а потому въ этотъ періодъ религіозная мысль человѣка должна была перенестись къ небу, подъ которымъ жилъ пастухъ,—къ небу, которое посылало дождь, оплодотворяющій луга, и огонь на его костры. Къ этому періоду развитія должно отнести почитаніе Сварога, бога неба, и огня—его сына.

Съ началомъ земледѣлія жизнь человѣка становится въ самую близкую зависимость отъ земли и солнца, и въ это время должно развиться поклоненіе солнцу и землѣ, причемъ этотъ культъ, своимъ близкимъ и разнообразнымъ проникновеніемъ въ жизнь, долженъ оставить въ тѣни поклоненіе озерамъ, рѣкамъ и лѣсамъ, и даже поклоненіе небу. Очень вѣроятно, что поклоненіе солнцу и мѣсяцу могло начаться

уже въ пастушескомъ періодѣ; но тогда оно не могло быть столь важнымъ, чтобы поглотить собою все вниманіе человѣка, такъ какъ зависимость его отъ солнца не была столь замѣтной. Пастушескій народъ кафровъ совершенно не зналъ поклоненія солнцу (Клемъ, т. III, стр. 345). Солнце могло являться народу въ различныхъ образахъ: то какъ молніеносный Перунъ; то какъ Дажь-богъ, оплодотворяющій поля природы; то какъ богъ или богиня красоты, Ладо или Лада. Весьма естественно, что солнце одушевлялось и имѣло въ глазахъ народа произвольное движеніе, понятіе о которомъ сохранилось доселѣ въ языкѣ; мы говоримъ: солнце всходитъ, идетъ, садится. Но для народной жизни того времени имѣютъ весьма важное значеніе тѣ представленія, которыя племена имѣли объ отношеніи солнца къ землѣ. Всѣ первобытные народы, въ томъ числѣ и славяне, представляютъ отношеніе неба къ землѣ, солнца къ мѣсяцу, солнца къ землѣ въ формѣ плотскаго союза. Лѣтнее небо обнимаетъ землю въ своихъ горячихъ объятіяхъ, какъ невѣсту или супругу, разсыпаетъ по ней сокровища своихъ лучей, и вода и земля становятся чреватыми и несутъ плодъ. Солнце въ древнее время было женскаго рода (солонь); слѣды этого остались въ словахъ „посолонь“, „слунь“. По литовскому преданію, солнце было супругою мѣсяца, и отъ этого брака происходятъ звѣзды. Солнце, какъ богъ громовержецъ, посредствомъ своихъ стрѣлъ, какъ мужскаго фаллоса, вступало въ союзъ съ тучею и проливало на землю оплодотворяющее сѣмя дождя (Аф., П. воз., т. I, стр. 71, 126, 435). Такъ какъ культъ солнца оставилъ неизгладимое впечатлѣніе въ жизни народа и создалъ праздники, понятіе о которыхъ живетъ еще до сихъ поръ, то эти представленія должны были имѣть сильное вліяніе и на характеръ праздниковъ у насъ, какъ оно имѣло его у народовъ восточныхъ и у грековъ. Весь этотъ процессъ, развившійся у русскихъ славянъ, уже совершился до ихъ прихода въ мѣсто настоящаго жительства, такъ какъ уже Прокопій, писатель VI столѣтія, знаетъ у славянъ бога-громовержца; по приходѣ племени въ мѣстожительства, тотъ или

другой образъ жизни и средства питанія должны были имѣть вліяніе на преобладающее почитаніе тѣхъ или другихъ боговъ. Но съ постепеннымъ развитіемъ земледѣлія, культъ солнца долженъ былъ поглотить все вниманіе племенъ и преобразовать ихъ религіозную и общественную жизнь.

Каково было чествованіе солнца? Наше настоящее представленіе о божествѣ такъ далеко отъ первичнаго, что мы едва можемъ понять его. Обыкновенно подъ именемъ язычества мы разумѣемъ всѣ не-христіанскія религіи; но это понятіе слишкомъ общее и закрываетъ два различные момента въ исторіи религіозной жизни человѣка. Первый моментъ есть моментъ религіознаго творчества самого народа, безъ посредства высшихъ созерцательныхъ умовъ; второй моментъ тотъ, когда самъ народъ, какбы вновь, получаетъ свою религію, прошедшую черезъ горнило высшихъ созерцательныхъ умовъ. Въ первомъ періодѣ религіозныя представленія подчиняются идеямъ большинства; во второмъ—само большинство подчиняется генію религіозныхъ создателей. Нѣкоторые народы, какъ индѣйцы, египтяне, персы прошли чрезъ оба эти періода; другіе остановились на первомъ, какъ напр. народы классическіе, славяне и германцы. Какъ ни глубоко различіе этихъ религій вторичнаго образованія отъ христіанства, но онѣ стоятъ къ нему все-таки ближе, чѣмъ первичныя религіи,—выраженіе дѣтской, наивной мысли народа. Для религій вторичнаго образованія, созданныхъ геніальными религіозными умами, было совершенно противно то веселое, живое представленіе о божествѣ, какое возможно для наивной мысли народа. Но это веселое, живое, радостное отношеніе къ божеству было естественною сущностью первичныхъ народныхъ воззрѣній. Божество не было еще для человѣка чистою и святою сущностью, предъ которою бы онъ благоговѣйно склонялся; наоборотъ, оно было для него какимъ то близкимъ роднымъ существомъ, къ которому дружелюбно, такъ сказать запросто, относился человѣкъ. Человѣкъ часто, постоянно обращался къ божеству за исполненіемъ его многоразличныхъ желаній, и само божество

вступало въ связь съ человѣкомъ, какъ это мы знаемъ у грековъ.

Принимая все это во вниманіе, нельзя не удивляться, что человѣкъ выражалъ свое почтеніе къ Богу нетолько жертвой, но и сопровождалъ свои жертвы пиромъ, плясками, пѣснями, словомъ—весельемъ въ честь Бога, и это веселье человѣка, по его мнѣнію, должно было раздѣлять и божество.

Отношеніе солнца къ землѣ, производящее характеристическія измѣненія, въ глубокой древности произвело раздѣлъ на четыре періода и соединило съ ними праздники въ честь солнца. Хотя отчасти подъ христіанскимъ покровомъ, но и до сихъ поръ сѣдая старина проглядываетъ въ народныхъ праздникахъ.

Начало весны и доселѣ сопровождается въ народѣ праздникомъ встрѣчи весны, когда варится мартовское пиво, засѣваютъ яровое, совершаютъ свадьбы въ честь супружества солнца и мѣсяца въ формѣ Ладо и Лады (Сн., Пр. пр., 3 и 1). Встрѣча весны едва-ли не была общимъ родовымъ праздникомъ, когда собирался весь родъ въ общее святилище, близъ рѣки и лѣса. Пиры и братчины, сохранившіе еще свое живое и важное значеніе во всей древней Руси и перенесенные христіанствомъ на храмовые праздники волости, должны быть живымъ остаткомъ языческихъ пиршествъ въ честь встрѣчи весны. На этотъ праздникъ, по языческому гостепріимству, вѣроятно, дозволялось приходить всѣмъ, потому что въ грамотахъ XV и XVI столѣтій постоянно встрѣчаемъ запрещенія: «чтобы на пиры и братчины незванымъ не ходить». Пиры производились подъ начальствомъ старѣйшинъ, и еще Псковская судная грамота сохранила живое преданіе такого устройства, дозволяя выбирать мироваго старосту съ правомъ суда. Пиво и брага, приготовляемыя на сельскій праздникъ, въ народѣ носили названіе «моленыхъ». Пиръ долженъ начаться жертвой и сопровождаться играми, представляющими подражаніе земледѣльческой работѣ, посѣву и плетенію плетня (Снѣгиревъ, Прав. праздн., т. 3, гл. 2). Догадка Соловьева, что хороводъ есть религіозная пляска въ честь Хорса (одно

изъ божествъ солнца), весьма-вѣроятна, такъ какъ хороводъ, своимъ круговымъ движеніемъ, напоминаетъ круговращеніе солнца. Но еще замѣчательнѣе праздникъ наступленія лѣтнихъ жаровъ,—Ярила, который сопровождался, кромѣ обычныхъ жертвоприношеній, пѣніемъ, пляскою, широкимъ разгуломъ и чувственными наслажденіями, о чемъ ясно говоритъ переяславскій лѣтописецъ, „и срамословіе и нестыденіе, діяволу угожающи, възлюбиша и предъ отцы и снохами и матерями и браци не возлюбиша, но игрища межю селъ, и ту слѣгахуся, рищующе на плясанія, и отъ плясанія познаваху, которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать и отъ-очнаго взозрѣнія, и отъ обнаженія мышца и отъ пръстъ ручныхъ показанія, и отъ прьстнеи даралоганія (прикосновенія къ персямъ?) на пръсты чюжая, тожъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ рожегшися слагахуся, и иныхъ поимающе, а другыхъ, поругавше, метаху на насмѣяніе до смерти“ (Переясл.). Тотъ же характеръ вполнѣ сохранился еще въ XVI столѣтіи въ Псковѣ, на праздникѣ Рождества Предтечи 24 іюля. „Еще и до сихъ поръ, говоритъ игуменъ Памфилъ, въ нашемъ градѣ есть остатки кумирскаго празднованія, еще не престала между нами лесть идольская..... когда приходитъ праздникъ Предтечи Христова, то въ эту святую ночь возметется и взбѣсится едва не весь городъ, и жены и дѣти, при звукѣ бубновъ и сапелей, метутся въ страстныхъ пляскахъ, сопровождаемыхъ страстными тѣлодвиженіями стана и ногъ и всескверными пѣснями..... Тогда падаютъ мужи и отроки, тогда совершается растлѣненіе женъ и дѣвъ (Д.А. И. № 22). Эти обычаи и праздники и до сихъ поръ живутъ въ разныхъ уѣздахъ костромской губерніи (Спѣг., 4, ст. 5). Въ старообрядскихъ сектахъ, въ которыхъ сохранилось много языческихъ преданій, едва-ли не глубокой старипой отзываются эти чувственныя оргіи, которыми сопровождаются ихъ богослужебныя собранія. Лѣтомъ же бываетъ празднество Купалы, вѣроятно, въ честь бога огня, потому что и теперь оно сопровождается хороводомъ вокругъ огня и очистительными прыжками чрезъ

огонь. Послѣдними лѣтними праздниками должны быть праздники осени и жатвы. Въ настоящее время народъ, перепутавъ свои обычаи, совершаетъ иногда на весенніе праздники тѣ обряды, которые приличны лишь празднику прощанія съ природой. «Въ Костромѣ, говоритъ Терещенко (Быт. Рус. нар., л. 5, стр. 100), отправляется еще погребеніе въ честь Ярилы на всесвятское заговѣнье. Такъ, старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ въ гробѣ куклу Ярилы, которая изображаетъ мужчину со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали его съ рыданіемъ, а потомъ зарывали въ землю.»

Подобные же праздники, и съ еще болѣе чувственными подробностями, Терещенко видѣлъ и въ Молдавіи.

Таково было внѣшнее служеніе божествамъ. Но мысль человѣка, ища божества во внѣшней природѣ, не могла не углубляться въ самою себя и не заниматься своей сущностью и своей будущей судьбой. Но и вѣра въ будущее должна была идти также постепенно со степенями быта, какъ и внѣшнее поклоненіе. Въ быту охотническомъ, когда человѣкъ жилъ среди звѣрей и птицъ, внутренній міръ которыхъ для него былъ чѣмъ-то таинственнымъ и загадочнымъ, было очень просто и естественно вѣрить, что души умершихъ переходятъ въ птицъ или животныхъ. Нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтящихъ червячковъ душами кающихся грѣшниковъ. Въ кіевской губерніи вѣрятъ, что душа, прежде нежели превратится въ русалку, нѣсколько лѣтъ летаетъ надъ землею. Кашубы убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія оставленныхъ ими тѣлъ, сидятъ на домовыхъ трубахъ. Въ масальскомъ уѣздѣ вѣрятъ, что души прилетаетъ въ видѣ птицы къ окну прежняго жилища (Аф., т. III, стр. 212—213). Но души усопшихъ превращались не только въ птицъ, но и въ рѣки. По свидѣтельству народныхъ былинъ, говоритъ Афанасьевъ, нѣкоторые сильные могучіе богатыри и ихъ жены, умирая, разливались широкими рѣками; такъ, Дунай рѣка произошла отъ крови богатыря Дуная. Та жизненность, которую передавалъ древній чело-

вѣкъ деревьямъ, въ трескѣ которыхъ онъ слышалъ болѣзненные стоны, дозволяетъ догадываться, что и въ деревьяхъ человѣкъ могъ видѣть души усопшихъ (Афан., т. II, стр. 320). Шагомъ впередъ къ развитію народныхъ идей,—переходомъ отъ чистаго фетишизма къ политензму,—было представленіе превращенія душъ въ рѣчныхъ дѣвъ, или русалокъ, и вплъ, или горныхъ дѣвъ. Превращеніе душъ мужскихъ и женскихъ въ русалокъ,—лицъ женскаго пола, согласуется съ понятіемъ о женственности души. Такъ, по сказаніямъ литовцевъ, души двухъ крестоносцевъ, замученныхъ язычниками, превратились: одного въ птицу, а другаго—въ дѣву (Аф., т. III, стр. 239). Безкопечно блуждающій охотникъ, занятый исключительно заботой о своемъ пропитаніи, не могъ заботиться о погребеніи своихъ ближнихъ. Кочевая жизнь пастуха, доставляющая человѣку нѣкоторое обезпеченіе и довольство, притомъ создающая родовыя формы быта и почитаніе патріарха, должна была вести къ сожженію тѣлъ, чтобъ прахъ умершихъ легко можно было перевозить въ урнахъ; это еще тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ это-же время развивается почитаніе огня, и самый актъ сожженія можно разсматривать какъ жертву божеству огня. Обрядъ сожженія тѣлъ существовалъ у славянъ; на это множество свидѣтельствъ арабскихъ и византійскихъ писателей (Котл., Погр. обр.). Съ развитіемъ земледѣлія и культомъ солнца, идея о загробной жизни приняла болѣе живой и чувственный характеръ, и до сихъ поръ въ народѣ сохраняется преданіе о буянѣ-островѣ, жилищѣ блаженныхъ. Этотъ островъ лежитъ далеко за облаками, окруженный со всѣхъ сторонъ водами. Тамъ живетъ солнце, тамъ вѣчное лѣто, откуда къ намъ прилетаютъ весеннія птицы. Этотъ островъ полонъ чудесъ; тамъ стоитъ алатырь-камень, на которомъ сидитъ красавица-заря; изъ-подъ него текутъ райскія рѣки. Радуга и млечный путь служатъ дорогою въ это царство солнца. Человѣкъ представлялъ этотъ міръ совершенно подобнымъ настоящему, а потому, при погребеніи, въ гробъ клали всѣ необходимыя принадлежности жизни. Съ умершимъ воиномъ хо-

роняли его коня, жену, рабовъ, которые должны были ему прислуживать въ будущей жизни.

Самое переселеніе въ эту радостную страну не было печальнымъ дѣломъ для семейства; напротивъ, оно сопровождалось пиромъ; у славянъ, а также и у другихъ индо-европейскихъ племенъ, существуетъ преданіе, что мертвыхъ не нужно оплакивать. Слезы родныхъ не даютъ имъ покоя въ могилѣ; они отравляютъ ихъ покой своими призывами къ землѣ,—призывами, на которые не могутъ отвѣчать покойники, запертые и засыпанные землею. Отсюда древній обычай нанимать плакальщицъ, потому что слезы чужихъ женщинъ не могутъ возмущать покоя усопшаго (Котляр., Погреб. обр., стр. 214).

Вѣроятно это и веселое и радостное представленіе будущаго не было общепринятымъ, потому что, рядомъ съ этимъ обрядомъ, существовали и другіе, по которымъ родные умершаго раздирали себѣ одежду, рвали волосы, рѣзали лице (Карамз., Житье Мур. киев., стр. 214). Рядомъ съ веселымъ представленіемъ смерти, существовали у нѣкоторыхъ славянъ и мрачныя представленія о смерти, какъ царствѣ вѣчнаго холода, подъ властью мрачной богини Морены (Аф., т. III, стр. 33).

Культъ солнца, котораго животворные лучи согрѣваютъ природу и разгоняютъ холодъ и ночную тьму, повелъ славянъ, какъ и другихъ древнихъ народовъ, къ идеѣ борьбы свѣтлыхъ и темныхъ силъ, олицетворившихся въ Бѣлъ-богѣ и Черно-богѣ. Отъ этихъ идей былъ одинъ только шагъ къ идеѣ борьбы добраго и злаго началъ въ человѣкѣ, какъ этого потребовалъ геній Зароастра. Намъ, сроднившимся съ идеями христіанства, эта борьба добра и зла представляется чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, необходимымъ, а между тѣмъ ее не знаетъ даже развитая религія индусовъ. „Если мы спросимъ, говоритъ Гегель, въ какой степени въ религіи индусовъ проявляется нравственность; то на это должны отвѣтить, что она отстоитъ отъ ихъ религіи такъ-же далеко, какъ Брама отъ его конкретнаго содержанія. Для насъ ре-

лигія есть значеніе существа, которое есть, собственною нашею сущностью, субстанція знанія и воли, имѣвшая опредѣленное назначеніе, какъ отраженіе высшей субстанціи. Отсюда, естественно, вытекаетъ, что наше существо есть субъектъ съ божественными цѣлями, которыя должны составлять содержаніе нашихъ дѣяній. Таково понятіе о существѣ Божіемъ, какъ субстанціи, опредѣляющей человѣческія дѣйствія. Такой естественной идеи мы не находимъ у индусовъ, потому что духовность не составляетъ содержанія ихъ самопознанія. Съ одной стороны, добродѣтель индусовъ состоитъ въ воздержаніи отъ дѣяній вообще, въ погруженіи въ царство Брамы; съ другой—въ исполненіи предписанныхъ обычаевъ, но не свободныхъ дѣяній, опредѣляющихся внутреннимъ самопознаніемъ; а потому нравственное состояніе индусовъ самое развращенное (Philos. der Gesch., стр. 193). Точно также и въ нашемъ язычествѣ совершенно отсутствуетъ нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любящими боговъ, богатые, другіе „убогими“,— слово, по мѣткому объясненію Буслаева, означающее отверженца боговъ. Чтобы дополнить эту бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество создало идею судьбы, рока, которая опредѣляетъ ходъ человѣческой жизни. При полномъ господствѣ фетишизма, эту судьбу соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ. Отъ вліянія звѣздъ зависитъ тотъ или другой характеръ человѣка, его счастливая или несчастная жизнь. Впослѣдствіи, при переходѣ фетишистическихъ представленій въ политическія, звѣзды превратились въ рожениць, или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее (Аф., т. 3. гл. XXV). Эта вѣра въ судьбу или рокъ, управляющій міромъ, повела къ одному изъ самыхъ существенныхъ обычаевъ язычества, — къ гаданію. Живая природа, окружающая человѣка,—деревья, рѣки, горы, звѣзды знали тайну его судьбы, тайну, которая была скрыта отъ одного лишь человѣка, но которую легко узнать людямъ вѣщимъ, которые знаютъ говоръ лѣса, журчаніе струй, видятъ ее на

днѣ воды. Оракулъ былъ блестящимъ выраженіемъ идеи, которая жила во всемъ язычествѣ вообще. Въ силу этой причины, гаданіе составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ языческаго богослуженія, вмѣстѣ съ жертвоприношеніемъ и жертвеннымъ пиромъ.

Перейдемъ теперь къ вліянію религіи на политическія учрежденія племенъ и ихъ права. Самый переходъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому Огюстъ Контъ относитъ къ вліянію развившагося фетишизма. „Хотя справедливо указываютъ, говоритъ онъ, на возростаніе народонаселенія, какъ на причину перехода отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому, потому что природа, при тѣхъ же средствахъ, не могла удовлетворять увеличившагося народонаселенія; но не смотря на всю неоспоримую реальность, это объясненіе чрезвычайно недостаточно, потому что въ немъ нѣтъ главной и существенной причины. Какъ бы не было важно вообще удовлетвореніе какой-либо соціальной потребности, этого часто еще очень недостаточно для того, чтобы оно осуществилось, если люди не были къ этому предрасположены; это можно доказать тѣмъ, что множество самыхъ нестерпимыхъ неудобствъ терпятся людьми цѣлыя столѣтія, если они не приготовлены, чтобы освободиться отъ нихъ. Тщетно самая вопіющая нужда вызывала бы человѣка къ дѣятельности: онъ предпочелъ бы вообще понемногу исправить каждый отдѣльный результатъ, чѣмъ рѣшиться на радикальное измѣненіе въ жизни и усвоить привычки, антипатичныя ему... Такъ и въ этомъ случаѣ очевидно, что новый способъ существованія людей совершился прежде прекращенія фетишизма, и въ нѣкоторомъ отношеніи эта перемѣна произошла подъ его вліяніемъ, которое постепенно приводила къ радикальной революціи въ его бытѣ. Ибо обожаніе внѣшняго міра, главнымъ образомъ направленое, по своей сущности, къ предметамъ болѣе близкимъ и обычнымъ, должно было постепенно довести до высокой степени тѣ первоначальныя, весьма слабыя чувства, которыя мы называемъ любовью къ родинѣ“ (Cours de la ph., т. V, стр. 64). У насъ пастушескій бытъ никогда не былъ развитъ, но весьма

важную роль играло звѣроловство и вообще занятіе охотой, и тѣ глубокія причины, которыя Контъ находитъ къ переходу отъ кочеваго быта къ земледѣлію, точно также приложимы и къ переходу отъ звѣроловства къ земледѣлію, такъ какъ этого рода занятіе заставляло бы охотниковъ еще болѣе удалиться отъ своихъ святилищъ.

Вліяніе религіи на жизнь у первобытныхъ племенъ такъ велико, что намъ едва-ли удастся когда-нибудь вполнѣ его изслѣдовать, такъ какъ нельзя изслѣдовать вполнѣ связь между идеями и фактами жизни этого далекаго времени, когда до насъ дошли безсвязные отрывки изъ его вѣрованій, сохранившіеся въ обычаяхъ народа, который самъ утратилъ и смыслъ. Религіозныя идеи въ первобытныя эпохи замѣняли все наше законодательство, потому что едвали не справедливо замѣнить идею обычнаго права религіознымъ правомъ. Обычай никогда, въ особенности же въ первичныя эпохи, не могъ быть произвольнымъ выраженіемъ человѣческой воли;—ему всегда должна предшествовать его разумная причина, а этой причины можно искать лишь въ религіозномъ сознаніи.

Одинъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ актовъ этого вліянія было установленіе собственности. Первобытныя племена понимали подъ собственностью лишь то, что находится подъ властью. Въ первыя эпохи, говоритъ Вико, слова власть и собственность бываютъ синонимами. Въ этомъ смыслѣ слово „законъ“ двѣнадцать таблицъ всегда замѣняютъ словомъ autoritos; auctor есть постоянно на языкѣ права—владѣлецъ собственности (Vico, Phil. de l' hist., стр. 276). Тоже самое мы видимъ и у насъ. Древнѣйшая лѣтопись всегда употребляетъ для обозначенія этихъ двухъ понятій слово „власть“, которое означаетъ волость, землю, находящуюся подъ властью, и саму власть. Происхожденіе такихъ понятій вытекаетъ изъ самой сущности вещей, когда у племени еще не выработалось понятіе о государствѣ, то родъ былъ единственнымъ собственникомъ надъ той землей, которая была въ его владѣніи, которую онъ въ состояніи защищать. Эта

земля должна была сдѣлаться священной землей для рода потому что въ ней онъ положилъ прахъ своихъ предковъ. „Держась положительныхъ свидѣтельствъ, говоритъ г. Котляревскій, мы находимъ, что балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ по лѣсамъ и полямъ; по лѣсамъ,—въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста; по полямъ же, кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія земледѣльцевъ. Этими понятіями, можно объяснить и замѣченный „Повѣстью временныхъ лѣтъ“ русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ на путяхъ, ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничною стражею ея стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ (Котл., Погр. обыч., стр. 227). Земля, въ которой были положены предки, сдѣлалась для ихъ потомковъ обязательнымъ жилищемъ, изъ уваженія къ ихъ праху; они даже были защитниками ее, изъ того же уваженія къ предкамъ. Въ обоготвореніи предковъ, мнѣ кажется, нужно видѣть обоготвореніе той же производительной силы природы, которая уважалась племенами въ отношеніи неба къ землѣ, или солнца къ землѣ. Можетъ быть, роды и у насъ вѣровали въ свое происхожденіе отъ богинь или сыновей боговъ.

Въ одной древней грамотѣ есть любопытное мѣсто, которое намекаетъ на такое миѳическое существо, „то ти не родъ, сходя на воздухѣ, мечетъ на землю груды и въ томъ рождаютъ дѣти“ (Арх. Калачева, т. II, стр. XXI).

Весьма замѣчательны по глубинѣ и чувству рѣчи американскихъ дикарей, когда американское правительство хотѣло отобрать отъ нихъ ихъ землю. „Братцы!... здѣсь погребены наши предки; въ глубинѣ этихъ старыхъ пихтъ мы можемъ услышать присутствіе ихъ духа; ихъ пепелъ здѣсь, и мы не можемъ подвигаться ни на одну пядь земли, чтобы оставить его беззащитнымъ. Мы долго двигались, уступая вамъ мѣсто, но здѣсь лежатъ наши предки.... Ужели мы должны ихъ оставить на съѣденіе волкамъ!... Братъ! оглянись кругомъ, неужели ты не видишь и не слышишь?.. Ихъ

слезы — капаютъ на землю въ каплях дождя и ихъ жалобы слышны въ завываніи вѣтра (Martz, т. III, стр. 145). Бѣлоруссы еще до сихъ поръ разсказываютъ, говоритъ Афанасьевъ, что у каждаго хозяина есть свой чуръ-богъ, оберегающій границы его поземельныхъ владѣній; на межахъ своихъ участковъ они насыпаютъ земляные бугры, огораживая ихъ частоколами, и такіе бугры никто не можетъ разрывать, изъ опасенія разгнѣвать божество (т. II, стр. 90). Очевидно, что эти огороженные бугры есть ничто иное, какъ подражаніе могиламъ, которыя тоже огораживались въ старину, или, лучше сказать, надъ ними строились срубы какъ жилище покойнаго. Боязнь мертвеца была сильна, всемогуща; отъ силы его разгнѣваннаго духа нельзя уйти живому человѣку, и вотъ хозяева собственности прибѣгали къ нѣкоторому обману; чтобы защитить свои предѣлы, они дѣлали ложныя могилы, гдѣ недоставало настоящихъ. Другой символическій обрядъ, дошедшій къ намъ отъ глубокой древности, есть обходъ спорной земли съ положеніемъ дерна на головѣ.

Въ древнемъ славянскомъ переводѣ Григорія Богослова есть замѣчательная вставка: „Оли же дернъ выкроущъ на главѣ присяга творятъ.“ Очевидно, что мать сыра-земля приводилась во свидѣтельство истины показанія, такъ какъ она хорошо знала границы владѣнія и съумѣла бы наказать нечестивца, котораго носила на себѣ. Г. Макаровъ разсказываетъ такой случай. Въ рязанской губерніи одинъ простолюдинъ, оспаривая принадлежность луга, вырѣзалъ дернъ изъ оспариваемой земли, положилъ его на голову и ограждась крестомъ, клялся предъ свидѣтелями, что если право свое на покосъ онъ утверждаетъ ложно, *пусть сама мать сыра земля* прикроетъ его на вѣки (Арх., т. I, стр. 148).

Власть родоначальника, называемая или старѣйшиной или княземъ, какъ и власть естественныхъ главъ рода, была священнаго происхожденія, такъ какъ ей же должны были приносить жертвы за весь родъ. Слово „князь“, какъ давно уже замѣтилъ Соловьевъ, употреблялось и въ значеніи жреца, что осталось въ названіи ксендза у поляковъ. Но если во власти

князя лежало и исполненіе религіозныхъ обрядовъ, то его особа должна быть священною для рода, какъ были священны римскіе трибуны, старѣйшины плебса. Я уже выше приводилъ примѣры, какъ власть главы племени, у нѣкоторыхъ первобытныхъ племенъ, принимаетъ теократическій характеръ, а князь считается пророкомъ, чародѣемъ, обладающимъ высшими силами. Остатокъ этого повѣрья слышится въ названіи Олега „вѣщимъ,"—слово, которое не можетъ быть передано словомъ „мудрый"; нѣтъ, оно значитъ покоритель вѣтровъ, бурь, океана, который не смѣлъ коснуться его легкихъ кораблей.

Часть этой священной власти имѣетъ и каждый глава семьи или естественнаго рода, такъ какъ и каждый домъ имѣетъ свои святилища, а можетъ быть и своихъ предковъ.

Замѣчательна догадка г. Котляревскаго: слово покутъ, покута, говоритъ онъ, на областномъ смоленскомъ языкѣ, значитъ кладбище и служеніе по покойникѣ; поставивъ это наименованіе въ связь съ словомъ кутъ—уголъ избы или дома, можно придти къ догадкѣ, что оно скрываетъ отголоски языческой старины, когда прахъ мертвыхъ отцовъ—покровителей роднаго крова, останки ихъ хранились въ главномъ углу жилища, какъ домашнее святилище (Котляр., Погреб. об., стр. 23). Но власть естественнаго родоначальника получила естественное значеніе и силу, когда колѣно обратилось въ общину и власть главы общины получила многіе изъ своихъ первоначальныхъ аттрибутовъ, какъ власть главы колѣна.

Одно изъ самыхъ главныхъ обязанностей главы колѣна, старѣйшины—есть власть судебная; но на исполненіи этой власти лежитъ печать исполненія священнаго обряда. Преступившихъ законъ судитъ не человѣкъ, а Богъ; священная вода выбрасываетъ его тѣло, святой огонь жжетъ члены провинившагося. Въ настоящемъ законодательствѣ клятва или присяга не имѣетъ и сотой доли того значенія, какое она имѣла въ древнее время. Какъ ни сильно и глубоко сознаніе божества въ народѣ въ настоящее время, но оно нисколько не можетъ сравниться съ тою силою, съ какою оно признавалось первобытными славянами, которые были буквально

окруженъ божествомъ, котораго гнѣвъ они могли испытать въ каждомъ моментѣ своей жизни. То, что мы относимъ къ случайностямъ жизни, какъ возможность утонуть, умереть отъ молніи, быть зашибленнымъ деревомъ или камнемъ, — то было слѣдствіемъ гнѣва оскорбленнаго божества. Вотъ почему нравы нашихъ первобытныхъ племенъ отличаются такой удивительной нравственной чистотой, что ложь является здѣсь почти невозможной. Извѣстный путешественникъ Шамбери говоритъ объ американцахъ, что имъ не нужно учиться у цивилизованнаго міра нравственности и добродѣтели, потому что они хотя не говорятъ объ нихъ, но живутъ въ нихъ. Ихъ слово—дѣло; обѣщаніе равняется исполненію (Martz, т. 3, стр. 389).

Но рядомъ съ благодѣтельнымъ вліяніемъ этого религіознаго міра, нельзя опустить другой его стороны. Одна изъ дурныхъ сторонъ язычества вообще, за немногими исключеніями, заключается въ томъ презрительномъ отношеніи, которое оно имѣетъ къ женщинамъ. Женщина у русскихъ славянъ никогда не является служительницею божествъ, но въ ней, какъ кажется, воплотилась мрачная сила природы. Недаромъ волхвы считали женщину виновницей засухи и мора (см. Лавр. лѣт. подъ 1078), а люди охотно вѣрили имъ. Не даромъ, въ позднѣйшее время, Данило Заточникъ считаетъ злую жену купницей бѣсовской; жена, говоритъ онъ, злѣе льва изъ четвероногихъ и лютѣе змѣи изъ ползущихъ (П. С. К., стр. 239); народная фантазія преимущественно вѣдьмамъ, т. е. женщинамъ, придаетъ идею связи съ дьяволомъ. По свидѣтельству мухамеданскихъ писателей, жены сожигались съ мужьями, чтобы идти съ ними въ рай. Такъ, Массуди пишетъ: „когда умираетъ мужчина, то сожигаютъ жену его живую; если умираетъ женщина, то мужа не сожигаютъ, а если умираетъ холостой, то его женятъ на невѣстѣ. Женщины ихъ желаютъ своего сожженія, для того *чтобы войти съ ними въ рай* (Гарк., стр. 129). Эта охота, это удовольствіе, которое выражали женщины, очевидно показываетъ, что онѣ сами были лишены рая, какъ и рабы

а могли войдти въ него лишь какъ слуги, для утѣшенія господъ. Низкое, подневольное положеніе женщины объясняетъ тотъ фактъ, что ихъ судьбой распоряжались произвольно, на общей сходкѣ рода племени, какъ это видно изъ народныхъ пѣсень. Замѣчательны слова Нестора: „И радомичи, вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху, живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрыща межю селы. Схожахуся на игрыща, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имаху по двѣ и по три жены (Лавр., стр. 4).

Самый первый и важнѣйшій вопросъ—было ли это игрище одного колѣна или разныхъ колѣнъ? Какъ мы видѣли выше, эти игрища имѣли религіозное значеніе; то всего естественнѣе, что они были празднествомъ одного колѣна. Это же должно подтверждать еще и то, что родъ дозволялъ безпрепятственно умыкать женъ „съ нею же кто совѣщася.“ Такой произволъ былъ бы совершенно немыслимъ, если бы игрища были праздникомъ нѣсколькихъ колѣнъ. Этотъ порядокъ вещей есть самый древнѣйшій, онъ даже далеко древнѣе выкупа невѣсты. Самый выкупъ невѣстъ можетъ совершаться только тогда, когда племена достигнутъ извѣстной экономической зрѣлости, извѣстнаго благосостоянія. Женщина въ быту охотниковъ и звѣролововъ еще не выкупается, потому что, при экономической бѣдности, она не имѣетъ еще никакой цѣны. Ловкій охотникъ беретъ себѣ по двѣ и по три жены, если онъ въ силахъ прокормить ихъ; другой же довольствуется одной женой. То отсутствіе стыдѣнія, которое Несторъ ставитъ одной изъ отличительныхъ признаковъ этихъ нравовъ, легко объясняется обычаями культа солнцу, который, какъ священный обрядъ, можетъ быть, допускалъ связи самыхъ близкихъ, какъ это ведется на моленіяхъ нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ. Притомъ у народовъ, живущихъ звѣроловствомъ и скотоводствомъ, бракъ совершался очень поздно, когда мужчина мо-

жетъ самъ содержать жену; такъ, по Библіи, Исаакъ женится 40 лѣтъ. Такіе же обычаи народнаго брака Карлъ Контъ находитъ у всѣхъ сѣверо-американскихъ племенъ, рядомъ съ многоженствомъ для лицъ важныхъ и богатыхъ (Ch. Conte, Traité de legisl., т. 2, стр. 299). Этотъ экономическій порядокъ, такимъ образомъ, допускаетъ большое число холостыхъ и дѣвушекъ у племенъ, что могло также способствовать безстыдству народныхъ игрищъ.

Рѣзкую разницу Несторъ находитъ въ нравахъ полянъ. „Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ велико стыдѣніе имѣху; брачные обычаи имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаха по ней что вдадуче (Лавр., стр. 5).

Эта рѣзкая разница въ нравахъ полянъ должна имѣть свою причину, и эта причина, безъ сомнѣнія, экономическая. Поляне, какъ я уже говорилъ выше, должны были ранѣе познакомиться съ земледѣліемъ, и здѣсь долженъ былъ начаться второй періодъ въ устройствѣ брака, т. е. выкупъ невѣсты, вѣроятно съ помощью и посредствомъ старѣйшины, какъ это мы видѣли выше у Казвини. Нельзя принять, какъ думаютъ нѣкоторые, что Несторъ описалъ быть другихъ племенъ болѣе мрачными красками, какбы нехотя, предвидя, что, можетъ быть, скажутъ, что его описанія нравовъ невѣроятны; онъ ниже проводитъ параллель между нравами другихъ первобытныхъ народовъ: „Сиріи, живуще на конецъ земля, законъ имутъ отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ни убити, ни злодѣяти весьма... Етеръ же законъ халдѣемъ, вавилонамъ, матери по плоти, съ братними чады блудъ дѣяти и убивати, всякое бо студное дѣяніе мнятся дѣюще (Лавр., стр. 6). Конечно, нельзя предполагать, что Несторъ приводитъ эти примѣры безцѣльно, ради простаго удовольствія сдѣлать выписку изъ византійцевъ; очевидно, имъ руководила мысль сопоставить нравы разныхъ народовъ, для срав-

ненія съ вышепоказанными нравами славянъ. Критическіе пріемы, въ отношеніи оцѣнки извѣстій древнихъ писателей, должны быть очень осторожны. Ссылка на пристрастіе весьма законна и естественна, когда оцѣнивается извѣстіе писателя, самого принимавшаго дѣятельное участіе въ событіяхъ имъ описываемыхъ; но оно можетъ быть допускаемо съ крайней осторожностью въ отношеніи писателя, описывающаго дѣянія, къ нему лично не относящіяся. Еще съ бо̀льшею осторожностью нужно относиться къ вѣроятности или невѣроятности фактовъ, потому что всякій вѣкъ имѣетъ свой масштабъ для вѣроятности, и если опустить изъ виду это различіе по культурѣ, тогда такихъ невѣроятныхъ фактовъ одной эпохи, въ отношеніи другой, можно было бы насчитать множество. Наоборотъ, идея вѣроятныхъ и невѣроятныхъ фактовъ можетъ быть приложена только тогда, когда извѣстный фактъ противорѣчитъ или гармонируетъ со всѣмъ строемъ жизни. Такъ, напримѣръ, извѣстныя слова Нестора о полянахъ: „а завтра приношаху по ней что вдадуче“ Переяславская лѣтопись выражается яснѣе: „утромъ за невѣстой принимаетъ, что узаконено“ никакимъ образомъ нельзя объяснить; такъ, въ это время существовалъ обычай давать приданое, а, слѣдовательно, не было вѣна или купли, набора, потому что такое объясненіе противорѣчило бы вѣроятности относительно строя жизни этого времени,—строя, подтверждаемаго нѣсколькими другими памятниками, доселѣ живущими народными пѣснями и обычаями у нѣкоторыхъ славянъ, какъ иллирійцевъ, но точно также нельзя отвергать эти мѣста по невѣроятности ихъ.

Вѣроятность здѣсь заключается въ существованіи рядомъ обоихъ обычаевъ. Невѣста покупалась у родителей чрезъ посредство князей или старѣйшинъ; но обычай допускаетъ, чтобы и невѣста приносила въ домъ жениха нѣкоторые необходимые предметы или подарки. Обычай, изъ котораго впослѣдствіи развилось приданое, когда купля невѣстъ, наоборотъ, сдѣлалась пустымъ обрядомъ, который и доселѣ

соблюдается у народа (Терещенко, Обыч. русск. народа). Въ той же Переяславской лѣтописи древлянскій князь видитъ сонъ, что Ольга приноситъ ему „порты многоцѣнны червлены, жемчугомъ осаждены, и одѣяло черныхъ куницъ съ зелеными узорами.“ И доселѣ, по обычаю, невѣста даетъ жениху халатъ и свадебную постель. Въ древне-библейскихъ свадьбахъ мы видѣли существованіе и того, и другаго разомъ: такъ, Исаакъ женится на Ревеккѣ, но Ревекка, какъ невѣста, ничего не получила за собою; но уже Яковъ, платя Лавану 14-лѣтнею службою за его дочерей, получилъ отъ него въ приданое часть скота.

ОТДѢЛЪ II.

Періодъ внѣшняго механическаго соединенія племенъ въ одно государство.

Культура и политическое устройство сосѣднихъ съ образующимся Русскимъ государствомъ племенъ.—Нападеніе варяговъ.—Кто были варяги?—Норманисты и антинорманисты.—Выводъ изъ этихъ преній.—Три элемента, изъ взаимнаго вліянія которыхъ образуются начатки русской цивилизаціи: русскій или славянскій, варяго-норманскій и византійскій.—Призваніе князей сѣверными племенами.—Особенный характеръ отношеній великаго князя кіевскаго къ подчиненнымъ князьямъ и посадникамъ.—Характеръ отношеній князя къ племенамъ до и послѣ Владиміра.—Первая земская Дума.—Преобразованіе въ общественномъ устройствѣ: земское ополченіе.—Общественные элементы и отношеніе ихъ къ князю.—Отнищанс-бояре, свободные землевладѣльцы, половники, смерды и рабы.—Древнѣйшее право и судъ.—Княжеское управленіе и доходы.—Введеніе христіанства и переворотъ, который оно производитъ въ обществѣ.—Подробный разборъ этого вліянія (Уставъ Владиміра и Ярослава.)

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ описанію культурныхъ условій и политической формы составляющагося въ этотъ періодъ обширнаго Русскаго государства, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ тою сценою, на которой будетъ дѣйствовать вновь образующаяся народность, съ характеромъ и политическимъ устройствомъ тѣхъ народовъ, которые были его сосѣдями, что особенно важно для вопроса о томъ, откуда вышли первые наши князья.

Исконной русской рѣкою въ европейской Россіи, въ бассейнѣ которой былъ центръ славянскихъ поселеній, была рѣка Днѣпръ. Великая Волга была вся въ рукахъ иноплеменныхъ: ея верховья были заняты финскими племенами, средина—болгарами, а югъ — хазарами. Очень вѣроятно, что тотъ островъ, на которомъ, по мнѣнію арабовъ, сидѣли русы или новгородскіе славяне, былъ занятъ первоначально финскими племенами, потому что главный центръ поселенія новгородскихъ славянъ, озеро Пльмепь, пишется у древняго

лѣтописца „Ильмеря",—озеро Меря; Ладожское озеро носитъ названіе Нево; огромное озеро близъ Финскаго залива носитъ названіе Пейпуса и самими славянами называется озеромъ Чуди (Чудское). Несторъ принимаетъ одновременность переселенія славянъ новгородскихъ съ славянами, заселившими Днѣпръ; но это его показаніе означаетъ лишь только то, что они поселились здѣсь съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть вскорѣ послѣ своего пришествія. Но, двинувшись на сѣверъ, славяне очень быстро начинаютъ двигаться на востокъ. Этотъ напоръ славянской волны къ востоку очень силенъ и могучъ, въ особенности на сѣверо-востокъ, между финскими племенами, такъ что уже Несторъ не знаетъ финскаго названія Бѣлаго озера. Этотъ напоръ къ востоку идетъ не только къ верховьямъ Волги, но и въ ея средину,—въ царство болгаръ, въ ея устье,—въ царство хазаръ, такъ какъ въ X-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству арабовъ, мы находимъ много славянъ между болгарами и хазарами. Но не смотря на эту силу напора къ востоку, только верховья Волги, Оки и впадающихъ въ нее рѣкъ дѣлаются, въ XI или въ XII вѣкахъ, истинной славянской или русской страною, между тѣмъ какъ для середины и устья Волги это слияніе настаетъ лишь тремя столѣтіями позднѣе.

Нынѣшній югъ европейской Россіи, прилегающій къ Черному морю, былъ занятъ тюркскими племенами, носящими различныя названія, какъ-то печенѣги, берендѣи, торки и болгары. Но болгары въ это время уже ославянились, вслѣдствіе смѣшенія съ славянскими племенами, мѣста которыхъ они заняли. Но если востокъ и югъ Россіи былъ занятъ монгольскими племенами, за то наши границы были славянскими. Славяне занимали южный берегъ Балтійскаго моря и впадающія въ него рѣки—Нѣманъ, Вислу, Одеръ и Эльбу, а также жили по Дунаю и его притокамъ. Въ эту, тѣсно сплоченную группу славянскихъ племенъ успѣло протѣсниться и занять видное мѣсто только одно монгольское племя —угры или венгры. Только на сѣверо-западѣ примкнули къ Балтійскому морю и къ Нѣману, между славянскими племе-

нами, литовскія племена. Изъ финскихъ племенъ успѣли создать себѣ нѣкоторую организацію лишь мордва, изъ племени Эрзя или Арза, названіе котораго сохранилось въ Арзамасѣ, нижегородской губ.

По извѣстіямъ Абу Исаака и Ибнъ-Хаукаля, они имѣли своего царя въ Арзѣ. Это царство Арзы, по сказаніямъ арабовъ, исполнено мрака и никто туда не ходитъ, потому что тамъ убиваютъ иностранцевъ. Г. Савельевъ замѣтилъ не безъ основанія, что эта молва, можетъ быть, была пущена болгарами, желавшими удержать тамъ свою торговлю, такъ какъ они изъ Арзы вывозили черныхъ соболей и свинецъ (Гаркави, стр. 193, 220). Ниже Арзы, по Волгѣ, сидѣли болгары, которыхъ городъ Болгаръ лежалъ близъ Тетюшъ, казанской губерніи. Болгары были полукочевымъ, полуосѣдлымъ народомъ. На лѣто городъ Болгаръ пустѣлъ и жители въ кибиткахъ откочевывали въ степь; но на зиму, или во время ярмарки, сюда собиралось множество народа и городъ былъ истиннымъ выраженіемъ ихъ цивилизаціи; часть его состояла изъ прочныхъ и постоянныхъ, деревянныхъ и каменныхъ, зданій, а другая — изъ кибитокъ кочевниковъ (Савельевъ, Мухаметанская нумизматика, стр. 70). Но часть осѣдлыхъ жителей,—вѣроятно, славяне, которыхъ было здѣсь довольно много, — занималась земледѣліемъ. Ибнъ-Фоцланъ, бывшій здѣсь въ первой четверти X вѣка, говоритъ, что главная пища болгаръ состояла изъ проса и лошадинаго мяса, не смотря на то, что въ странѣ было много пшеницы и ячменя. Болгары, говоритъ Ибнъ-Даста, народъ земледѣльческій, и воздѣлываетъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ то: просо, пшеницу, ячмень и друг. Большая часть изъ нихъ исповѣдываютъ исламъ, и въ ихъ селеніяхъ мечети и начальныя училища. Главное богатство ихъ—куній мѣхъ. Чеканеной монеты у нихъ нѣтъ, а ее замѣняютъ куньи мѣха (Гарк., 263). Государственная организація этого народа сохранила первобытный типъ. Народъ распадался на многочисленные роды или племена, во главѣ которыхъ стояли князья, но всѣ они подчинялись царю, жившему въ Болгарѣ. Каждый, кто въ

этой странѣ сѣетъ, беретъ это себѣ; царь же ничего не получаетъ изъ этого, только они даютъ ему по бычачьей шкурѣ съ дома, а когда онъ приказываетъ отряду отправиться въ набѣгъ на какую-нибудь страну, то и всѣ участвующіе получаютъ часть добычи. Когда царь показывается народу или прогуливается по базару, тогда всѣ встаютъ и снимаютъ шапки (Гарк., стр. 81). Ниже болгаръ, по Волгѣ сидѣли буртосы или мокши, которыхъ страна, по извѣстіямъ арабовъ, простиралась на двадцать дней, или на пространство 700 верстъ. Они занимали по Волгѣ нынѣшнія губерніи: саратовскую, часть симбирской и казанской, а далѣе, на западъ, нижегородскую и часть тамбовской, по рѣкамъ Сурѣ и Мокшѣ до Оки. Одна рѣка, многія селенія и урочища доселѣ удержали названіе Буртосъ (Савельевъ, стр. LXV). Буртосы были звѣроловы и жили въ первобытныхъ родахъ, потому что арабы не знаютъ у нихъ никакой политической организаціи.

Ниже буртосовъ была страна хазаръ, съ главнымъ городомъ Итилемъ, при устьѣ Волги, близъ Астрахани. Хазары были еще совершенно кочевой народъ, и ихъ городъ лѣтомъ пустѣлъ еще болѣе, чѣмъ Болгаръ. Царь и значительное большинство, въ особенности знатныхъ, исповѣдывали гебраизмъ; но въ этомъ замѣчательномъ торговомъ центрѣ господствовало разнообразное народонаселеніе и полная вѣротерпимость: христіане, мусульмане и язычники имѣли здѣсь свои церкви, мечети и капища. Кромѣ Итиля, хазары имѣли еще два замѣчательные города—Самандаръ и Сергилъ, въ особенности первый. Въ этомъ городѣ, по Ибнъ-Хаукалю, было до 40,000 виноградниковъ. Несмотря на выгодное торговое положеніе, при отсутствіи земледѣлія, жители были бѣдны и жили въ плетеныхъ мазанкахъ и въ юртахъ, питаясь по преимуществу рисомъ и рыбою. Одинъ только царь имѣлъ каменный домъ (Ибнъ-Хаукаль. Гарк., стр. 220). Политическое устройство было подобно болгарамъ, т. е. хазарскому кагану были подчинены князья и члены колѣнъ; главный доходъ кагана состоялъ изъ торговыхъ пошлинъ, такъ какъ черезъ его страну провозились всѣ товары съ верховьевъ

Волги и ея притоковъ. Судебная власть въ столицѣ была организована оригинальнымъ образомъ, примѣняясь къ потребностямъ этого царства кочевниковъ. Здѣсь было семь судей: два для мусульманъ, два для хазаръ, два для христіанъ и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ. Первые судили по Корану, вторые—по Пятикнижію, третій, для славянъ и язычниковъ, по разсудку и обычаю (Гарк., стр. 130).

На югъ отъ полянъ жили печенѣги,—племя, которое появляется уже по образованіи Русскаго государства. Печенѣги были очень дикій, кочевой народъ, не достигшій еще даже до цивилизаціи хазаровъ. У нихъ не было городовъ или постоянныхъ мѣстъ, такъ какъ между ними не было славянъ, которыхъ земледѣльческія колоніи сдѣлались бы главнымъ центромъ, къ которому примыкали бы кочевники. Печенѣжскія вежи или ставки, по сказанію лѣтописцевъ, то приближались, то отдалялись отъ жилищъ славянъ. По Константину Багрянородному, печенѣги распадались на восемь княжествъ. Но эти княжества, въ свою очередь, распадались на маленькія орды, по обыкновенію кочевыхъ монгольскихъ народовъ, такъ какъ послѣ смерти отца-князя, его дѣти раздѣляли между собою его лошадей, коровъ, овецъ и рабовъ, а сами образовывали особыя княжества, состоящія въ весьма слабой зависимости отъ князей цѣлаго колѣна. У западныхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, при впаденіи Дуная, жили болгары. Болгары пришли сюда съ береговъ Волги, чрезъ степи, къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка, (въ 578 г.), занявъ бывшую Мизію, которую стали называть Болгаріей. Болгары племенемъ были сходны съ гуннами и до поселенія были кочевымъ народомъ. Въ этой мѣстности они застали славянъ, съ которыми перемѣшались, и черезъ три–четыре вѣка—ославянились. Но не смотря на это смѣшеніе, слѣды прежняго быта живо сохранились у болгаръ. Они питались молокомъ стадъ и сражались конные, тогда какъ славяне были плохіе наѣздники и земледѣльцы (Перев. Манасеиной лѣтописи, Ист. сб.; Ч. VI,

стр. 50). Главнымъ городомъ болгаръ была Охрида, находящаяся у озера того же имени. Политическая организація была или подобна волжскимъ болгарамъ, такъ какъ, по мнѣнію Феофана, болгары раздѣлялись на семь колѣнъ или родовъ (Макушевъ, Сказанія иностранцевъ, стр. 145). Каждое колѣно имѣло своего князя, царя; память объ этой организаціи осталась въ названіи „Семиградская область". Но одно племя, вѣроятно, считалось главнымъ, а его царь—царемъ всѣхъ болгаръ. Въ половинѣ IX столѣтія болгаре приняли христіанство.

Такимъ образомъ, по всей восточной и южной границѣ жили кочевыя и полукочевыя монгольскія племена, въ жилищахъ которыхъ селились и славяне, но ихъ колоніи были, вѣроятно, весьма малочисленны, потому что они впослѣдствіи были поглощены монгольскими племенами; наоборотъ, у Чернаго моря монгольскія племена поглощены были славянскими.

Совсѣмъ другую картину представляетъ характеръ западныхъ сосѣдей вновь образующагося государства. Балтійское море имѣло разныя названія, по множеству племенъ, около него обитавшихъ. Пруссы, по объясненію Шафарика, называли его Балтійскимъ отъ слова Boltus, бѣлый; нѣмцы звали его Варварскимъ или Скифскимъ моремъ, а у русскихъ оно называлось Варяжскимъ. По южному берегу и прилегающимъ къ нему островамъ, между которыми наиболѣе замѣчателенъ Рюгенъ, садились разныя славянскія племена; по сѣверному и восточному берегамъ и прилегающимъ къ нимъ островамъ,—сидѣли норманы. Въ этой мѣстности море, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ, кишѣло торговцами и морскими разбойниками. Главный городъ шведовъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, былъ Бирка, неподалеку отъ Упсалы, которая была главнымъ святилищемъ сѣверныхъ язычниковъ. „Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ Адамъ Бременскій, Балтійское или Варяжское море образуетъ бухту, на сѣверѣ которой есть гавань,—желанное пристанище, посѣщаемое всѣми варварскими племенами, которыя окружаютъ это море, хотя для непреду-

смотрительныхъ эти племена и эти страны очень опасны такъ какъ бирканцы, подвергаясь часто нападеніямъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ въ этихъ мѣстахъ очень много, не умѣя силою оружія бороться съ ними, рѣшились уничтожить ихъ хитростью и обманомъ. Они усѣяли бухту этого немирнаго моря на пространствѣ ста стадій каменьями и, такимъ образомъ, сдѣлали входъ въ нее опаснымъ, какъ для своихъ, такъ и для чужихъ. Въ этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ самый безопасный изъ всѣхъ береговъ Швеціи, обыкновенно сходятся корабли датчанъ, норманновъ, славянъ, сембовъ и другихъ скифскихъ народовъ за разными торговыми нуждами (книга I, гл. 62)."

По южнымъ берегамъ Балтійскаго моря жило множество славянскихъ племенъ, изъ нихъ каждое имѣло свой центръ въ главномъ городѣ. Такъ, идя отъ востока къ западу, отъ Эльбы къ Вислѣ, жили вогпры главный городъ которыхъ былъ теперешній Ольденбургъ; затѣмъ аботриты, съ городомъ Мекленбургомъ; затѣмъ сидѣли хицины и цирципаны, съ городомъ Диминомъ. Между Эльбой и Одеромъ жило также множество племенъ, въ средѣ которыхъ самыя могущественныя были реторіи, съ городомъ Ретры, съ великолѣпнымъ храмомъ въ честь Радигаста. По Одеру сидѣли лютичи или вилцы, главный городъ которыхъ Юлинъ, при устьѣ озера по свидѣтельству Адама Бременскаго и Гельмгольда, былъ въ то время величайшимъ изъ всѣхъ городовъ Европы. Въ этомъ городѣ, по словамъ этихъ писателей, жили славяне и всѣ другія націи, греки и варвары. Тамъ стекались жить и пользоваться правами защиты всѣ народы. Этотъ городъ былъ богатъ товарами всѣхъ націй сѣвера, обладалъ всевозможными рѣдкостями. Тамъ можно было найдти даже вулканическую глину, которую чужеземцы называли греческимъ огнемъ. Изъ этого города въ очень скорое время можно достигнуть Димина, при устьи Пены, гдѣ также живутъ руссы, и также легко достигнуть пруссовъ. Изъ Юммы (Юлина) можно достигнуть въ 14 дней до русскаго Острогарда (Новгородъ), по свидѣтельству Адама Бременскаго

(книга II, гл. 19); а изъ Даніи въ Новгородъ приплывали въ одинъ мѣсяцъ (ibid., книга IV, гл. 2). Самымъ замѣчательнымъ изъ острововъ, заселенныхъ славянами, былъ островъ Рюгенъ, который славяне называли Рана, а нѣмцы—Руяна.

Ближайшими сосѣдями образующагося государства были литовцы, жившіе въ то время въ первобытномъ состояніи, и поляки, образующіе въ IX вѣкѣ обширное государство. Такую картину представляетъ восточная часть Европы во время образованія русскаго государства. Русскія племена, по своему положенію, занимали средину между литовскими племенами и Византійской имперіей, западными славянами и норманами. Торговый путь изъ Варягъ въ Греки, т. е. изъ Балтійскаго моря къ Черному шелъ издавна черезъ Новгородъ по Днѣпру. „Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, говоритъ Несторъ, по Днѣпру и вверхъ Днѣпра вплоть до Ловати, по Ловати внити въ Илмеръ озеро великое, изъ негоже озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера впадетъ устье въ море Варяжское“ (Лавр., стр. 3). Какъ давно существовалъ этотъ путь — это неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что онъ былъ извѣстенъ за столѣтіе или полтора столѣтія до основанія Русскаго государства. Одно изъ самыхъ важныхъ доказательствъ древности этого пути представляетъ топографическое описаніе мѣстонахожденій кладовъ съ арабскими монетами. Арабскими монетами усѣяны всѣ южные берега Балтійскаго моря, или земли бывшихъ славянъ, всѣ южные берега Скандинавіи, а также и путь изъ Варягъ въ Греки (карта при Мухаметанской нумизматикѣ Савельева). Монеты, находимыя въ земляхъ славянъ и въ Швеціи, относятся къ 699 году христіанской эры, а это чрезвычайно важно, такъ какъ у мухаметанскихъ калифовъ при каждомъ государѣ всѣ монеты переливались, слѣдовательно торговцы позднѣйшаго времени не могли привозить древнихъ монетъ. Распредѣленіе кладовъ, какъ и вышеприведенныя мѣста изъ нѣмецкихъ хроникстовъ, доказываютъ, что въ этой торговлѣ славяне принимали едва-ли не главное участіе, по крайней мѣрѣ ихъ великій городъ Юлинъ въ то время поль-

зовался такою же знаменитостью, какъ позднѣе Новгородъ. Это положеніе, мнѣ кажется, подтверждаетъ и Несторъ, разсказывая преданіе о Кіѣ-перевозщикѣ; по крайней мѣрѣ онъ не опредѣляетъ времени открытія варяжскаго пути.

Самый трудный и быть можетъ неразрѣшимый вопросъ русской исторіи есть вопросъ о томъ, кто были основатели Русскаго государства, называемые лѣтописцемъ варягами.

Очень вѣроятно, что именемъ «варягъ» наши племена называли всякаго торговца, такъ какъ они были извѣстны и до основанія Русскаго государства. Въ Москвѣ варягами называютъ ходебщиковъ-торговцевъ; въ тамбовской губерніи глаголъ варять-означаетъ заниматься торговлей. Областная поговорка: „полно варяжничать“, означаетъ-перестань выторговывать (Классенъ, Нов матер. для древ. истор. славянъ, вып. 2, стр. 5). Это употребленіе словъ доказываетъ только то, что варяги-торговцы сдѣлались раньше извѣстны, чѣмъ варяги-завоеватели. Но кто были варяги-торговцы и варяги-завоеватели? На этотъ вопросъ до сихъ поръ было предложено шесть отвѣтовъ, и каждый изъ нихъ подкрѣпляется равносильными доказательствами. Всего менѣе заслуживаютъ вѣроятія три системы, предложенныя Татищевымъ, Эверсомъ и г. Костомаровымъ, изъ которыхъ первая полагаетъ, что варяги были финны, вторая—литовцы, третья не указываетъ опредѣленно, кто они были, но намекаетъ на какихъ-то россовъ около Чернаго моря. Не говоря уже о россахъ Эверса, о которыхъ мы ничего не знаемъ, финны и литовцы, какъ я указывалъ выше, находились въ первобытномъ состояніи и нисколько не обнаруживаютъ той удали, той смѣлости, которой характеризуются наши воинственные варяги, основатели государства. Гораздо вѣроятнѣе три другія системы, изъ которыхъ первая предполагаетъ, въ варягахъ исключительно скандинавовъ, другая — славянъ и третья— морскихъ удальцевъ, состоящихъ изъ смѣси славянъ и норманновъ.

Изъ этихъ трехъ системъ, общепринятой можно назвать систему норманскую, которая, кажется, наиболѣе вѣрною,

если не принимать рѣзкой формы исключительныхъ скандинавистовъ. Основателями этой системы были—извѣстный академикъ Байеръ, затѣмъ ее принялъ и нѣсколько развилъ Шлецеръ, Тунманъ, а въ сравнительно новѣйшее время она была защищаема съ большимъ успѣхомъ г. Погодинымъ (см. Изслѣд., замѣчанія и лекціи) и Куникомъ (Die Berufung der schwedishen Rodsen). Аргументы, которые приводитъ эта система въ защиту своей гипотезы, слѣдующіе:

Слова Нестора, который довольно ясно намекаетъ на норманское происхожденіе, „идоша за море къ Варягамъ къ Руси, сице бо сія зваху тьи Варяги Русь, яко се друзіи зовутся Свѣе, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако си.... отъ тѣхъ прозвася Русская земля.... прежде бо бѣша Словѣни.»

Собственныя имена первыхъ князей и княгинь, какъ-то: Синеусъ, Труворъ, Ольга и Рогнѣда, также какъ и многихъословъ въ договорахъ Олега и Игоря—звучатъ, по мнѣнію скандинавистовъ, по-норманскн. Названіе нѣкоторыхъ должностей и званій въ договорахъ, какъ напр. „Карлы“, „нетп“; названія придворныхъ при первыхъ князьяхъ—„гридь“; названіе одной изъ общераспространенной должности въ Русской Правдѣ—„тіунъ“. Названія пороговъ, приведенныя Константиномъ Порфиророднымъ по-русски и по-славянски, причемъ многія изъ этихъ русскихъ названій могутъ быть объяснены только древними нѣмецкими словами.

Финскія племена, которыя принимали едва-ли не главное участіе въ призваніи варяговъ въ Русь, зовутъ шведовъ „руотси“, а ихъ страну—Руотсоланомъ. Rods, Rodsin въ множественномъ числѣ, въ древне-шведскомъ языкѣ назывались гребцы. Такъ издревле прозывались жители Упландскаго берега. Они раздѣлялись на гребныя общины, Rodslagen, названіе, которое дали и самому берегу, который они занимали.

Показанія византійцевъ, хотя не совсѣмъ опредѣленныя, что подъ русскими нужно понимать норманов.

Показанія Лиутпранда, бывшаго въ Константинополѣ въ 946 и 968 г., по государственному порученію отъ маркграфа Беренгара и императора Оттона I, — который говоритъ,

что тѣхъ лицъ, которыхъ греки называютъ россами, мы (итальянцы) называемъ норманами.

Неизвѣстный продолжатель грека Ѳеофана, жившій въ 963 году, говоритъ ясно, что руссы происходятъ отъ франковъ. Показаніе араба Ахмета-ель-Кадира, который говоритъ, что невѣрные, называемые руссы, въ 844 году взяли Севилью, и дѣйствительно, Севилья въ этомъ году была взята норманами.

Наконецъ, дружественныя сношенія и брачные союзы первыхъ русскихъ князей со скандинавами. Свидѣтельства лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ разныхъ документовъ. Такъ, лѣтописи Никоновская и Воскресенская прямо указываютъ, что князья пришли отъ нѣмцевъ. Новгородцы, призывая въ смутное время на русскій престолъ шведовъ, въ пригласительной грамотѣ высказали убѣжденіе, что и прежніе князья—варяги—были шведы. Въ одномъ разсказѣ объ осадѣ Тихвинскаго монастыря, XVII вѣка, сказано: „Варяги иже свѣяне наречутся. Наконецъ, нѣкоторые, въ особенности Погодинъ не безъ основанія указываетъ на черты характера первыхъ князей, которыя обличаютъ норманскій типъ.

Всѣ эти положенія, одно за другимъ, съ большимъ или мѣньшимъ успѣхомъ, опровергаютъ писатели, принимающіе варяговъ за славянъ, или за смѣсь славянъ и норманновъ. Между сочиненіями этой школы наиболѣе замѣчательны: Эверса, „Предварительныя критическія изслѣдованія для русской исторіи“, въ той своей части, гдѣ онъ занимается опроверженіемъ норманистовъ; Венелина, „Скандинавоманія и ея поклонники“; а также въ наше время—Гедеоновъ: „Отрывки о варяжскомъ вопросѣ“. Противъ болѣе или менѣе опредѣленнаго указанія Нестора на скандинавское происхожденіе россовъ, возражаетъ г. Гедеоновъ, что Несторъ, жившій два съ половиною столѣтія послѣ призванія, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о первыхъ князьяхъ; а такъ какъ норманы были хорошо знакомы въ его время на Руси, то онъ и сдѣлалъ это предположеніе. Самая неопредѣленность его языка въ этомъ мѣстѣ показываетъ, что онъ не имѣлъ объ этомъ точ-

наго понятія. Умъ перваго лѣтописца, его систематическій характеръ, обнаруживаемый имъ въ лѣтописи, допускаютъ возможность построенія такой системы. Второе положеніе скандинавистовъ, а именно доказательство посредствомъ именъ князей, пословъ и разныхъ должностныхъ лицъ, вообще отличается такою неопредѣленностью, что антискандинависты съ такимъ же правомъ выставляютъ свое словопроизводство. Такъ напр., Куникъ въ параллель съ именами Рюрика, Синеуса, Трувора, Олега и Ольги приводитъ скандинавскія имена: Hraerekr, Rorik, Thruwar, Simart, Hölgi, Helga (Die Beruf., гл. 11, стр. 122—143). Г. Гедеоновъ славянскія имена: названіе племени Реріковъ „Rerigi“, города „Ruric“; имя Синеусъ считаетъ произведеннымъ отъ славянскихъ корней, подобно: Сивоусъ; Труворъ считаетъ испорченнымъ Триборъ или Триворъ; имя Олега и Ольги находитъ у чеховъ (Отрыв. изъ изслѣд. вар., гл. XV). Наибольшую путаницу въ этомъ доказательствѣ посредствомъ именъ производитъ еще то, что норманисты находятъ норманское подобіе въ именахъ, носящихъ совершенно славянскій характеръ, какъ Туръ, Лютъ, Рогвальдъ, Улябъ и т. д., хотя, безъ сомнѣнія, многія послы Игоря и Олега въ договорныхъ грамотахъ—норманскіе, какъ Бухфастъ, Сфонда, Свѣнъ-Стелъ и т. д. Та же самая путаница происходитъ въ опредѣленіи словопроизводства нѣкоторыхъ названій, какъ напр. броня у германцевъ bronia, а слово bron по-польски значитъ оружіе; гридь Кругъ производятъ отъ Herdmen, тѣлохранитель, а г. Гедеоновъ находитъ многія мѣстечки въ Россіи подъ названіемъ Гридино, Гридинское; слово смердъ существуетъ и у славянъ, и у германцевъ и т. д. Названіе пороговъ на славянскомъ и варяго-русскомъ языкѣ было бы очень важнымъ доказательствомъ, еслибы варяго-русскія слова легко объяснялись изъ древне-скандинавскаго. Тунманъ объяснилъ эти названія изъ скандинавскаго языка; но, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ, эти объясненія отличаются нѣкоторою натянутостью. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти названія говорятъ только противъ славянства варяговъ, такъ какъ они очевидно не могутъ

быть объяснены изъ славянскаго языка, хотя г. Дуринъ съ всевозможными натяжками дѣлаетъ и это (Эверсъ, Предвар. изслѣд., т. I, стр. 141). Названіе греками норманов руссами г. Гедеоновъ объяснилъ не безъ основанія тѣмъ, что они проходили черезъ Русь и вмѣстѣ съ русскими, а потому византійцы смѣшивали тѣхъ и другихъ. Показаніе Ахметаэль-Кадира г. Гедеоновъ оспариваетъ тѣмъ, что онъ видѣлъ норманов на югѣ Россіи, извѣстныхъ здѣсь подъ общимъ съ славянами названіемъ русъ, впослѣдствіи перенесъ это названіе на чистыхъ шведовъ, потому что современные писатели не знаютъ о походѣ русовъ на Севилью, а знаютъ только о походѣ норманов; слѣдовательно, Ахметъ не могъ оттуда почерпнуть свои свѣдѣнія. Показаніе Ліутпранда Эверсъ и Гедеоновъ опровергаютъ, потому что оно отличается неопредѣленностью; потому что онъ могъ подъ норманами разумѣть кого угодно, жившихъ къ сѣверу отъ Константинополя или, по крайней мѣрѣ, могъ ихъ причислить къ балтійскимъ славянамъ. Наконецъ, свидѣтельство нѣкоторыхъ русскихъ писателей, хроникъ и другихъ документовъ опровергаются какъ позднѣйшія вставки или какъ мнѣнія, вытекшія изъ позднѣйшаго убѣжденія о тождествѣ варяговъ и скандинавовъ. Къ этимъ болѣе или менѣе важнымъ возраженіямъ антинорманистовъ присовокупимъ еще и другія, еще болѣе важныя. Г. Кавелинъ сгруппировалъ эти возраженія, и я приведу ихъ въ томъ видѣ, какъ ихъ представляетъ этотъ замѣчательный изслѣдователь. „Первый фактъ, говоритъ онъ, который поражаетъ насъ, есть болгарскій или какой бы то ни было, но не славянскій текстъ договоровъ нашихъ князей съ греками. Вспомнимъ, что первый договоръ заключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ призванной дружины. Если варяго-руссы были германскіе скандинавы,—какъ объяснить это явленіе, что они договаривались на чуждомъ языкѣ? Если варяго-русь были германцы-скандинавы,—странной, неразрѣшимой загадкой представляется русскій языкъ, которымъ мы теперь говоримъ. Что въ немъ скандинавско-германскаго? Два-три десятка словъ, да и тѣ съ натяжками...

Посмотрите на англо-саксовъ въ Великобританіи, франковъ— въ Галліи. Такъ-ли безслѣдно слились они съ туземнымъ населеніемъ.... Далѣе, какъ не поразительно, что варяго-русь, будучи язычниками, поклонялись однимъ богамъ съ нашими славянами. Миѳологія скандинавовъ извѣстна. Находимъ-ли мы въ нашей миѳологіи хоть одно божество, заимствованное оттуда? Далѣе, странно, что христіанская религія, а вмѣстѣ съ нею священое Писаніе, богослужебныя книги, Номакононъ явились къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ языкахъ, а не на другихъ. Если бы варяго-русь были скандинавскіе германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать вѣру на языкѣ имъ чуждомъ (Соч. Кавелина, т. II, стр. 204—209).

Но если отъ этихъ возраженій обратиться къ собственнымъ системамъ антинормановистовъ, то должно сознаться, что онѣ отличаются разнообразіемъ и шаткостью доказательствъ. Г. Эверсъ ищетъ руссовъ у Чернаго моря, близъ хазаръ, и хотя не утверждаетъ, но намекаетъ, что эти племена были родственными; онъ думаетъ найти руссовъ въ Геродотовыхъ роксолонахъ; все это основывается на неопредѣленныхъ сказаніяхъ арабовъ-современниковъ, на древнемъ названіи Чернаго моря Русскимъ; на одномъ мѣстѣ Никоновской лѣтописи, которая говоритъ: „Роди же нарицаемые Руси иже и Кумани, живяху въ Евсинопонти“ и нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ (Предв. Критическія изслѣдов., т. II). Но еслибы принять эту систему, то нужно отвергнуть лѣтопись Нестора, такъ какъ она начинаетъ русскую исторію отъ Новгорода и затѣмъ двигается на югъ, а по этой теоріи она должна была бы идти съ юга на сѣверъ. Появленіе руссовъ на Черномъ морѣ въ 40-хъ и 60-хъ годахъ девятаго столѣтія, можно, мнѣ кажется, объяснить тѣмъ, что варяго-руссы и прежде основанія государства знали путь изъ варягъ въ греки и, по обыкновенію торговцевъ этого времени, отправлялись толпами, которыя были не прочь и повоевать и поразбойничать. Гораздо вѣроятнѣе, впрочемъ, предположеніе Свѣтнаго, который искалъ русиновъ на островѣ

Рюгенѣ, почему средневѣковые лѣтописцы иногда называютъ жителей Рюгена — руссами. Г. Гедеоновъ предполагаетъ, что варяги вышли изъ вендскихъ славянъ, такъ какъ на ихъ языкѣ существуетъ слово „Warang“, изъ котораго только и могло произойти слово „Варягъ“, но допускаетъ значительное участіе норманскаго элемента въ составѣ варяжской дружины. Вѣроятность такого смѣшенія г. Гедеоновъ подтверждаетъ тѣмъ, что норманы весьма часто воевали въ союзѣ съ славянами. Въ опроверженіе весьма серьезнаго возраженія г. Погодина, объ отсутствіи у славянъ духа военной предпріимчивости, г. Гедеоновъ, кромѣ отважныхъ походовъ южныхъ славянъ на берега Адріатическаго и Средиземнаго морей, приводитъ характеристику прибалтійскихъ славянъ Гельмгольда: „весь этотъ родъ, говоритъ онъ о славянахъ, преданъ язычеству, не постояненъ и подвиженъ, стремится къ морскимъ разбоямъ, нападая съ одной стороны на датчанъ, съ другой на саксовъ. Славяне особенно сильны въ быстрыхъ нападеніяхъ, а потому у нихъ страсть къ грабежу даже и въ настоящее время такъ преобладаетъ, что они совершенно забываютъ выгоды земледѣлія, всегда готовы къ морскимъ предпріятіямъ, такъ что всѣ ихъ надежды и все богатство покоится на корабляхъ“ (Отр. о вар. вопр., № 3, стр. 157).

Если спокойно и безпристрастно взвѣситъ всѣ эти аргументы защитниковъ и противниковъ скандинавистовъ, то вопросъ, мнѣ кажется, не можетъ быть исключительно рѣшенъ въ пользу той или другой стороны. Весьма вѣроятно, что толпы варяговъ, прибывшія въ Россію, состояли изъ смѣси славянъ и норманновъ. Ихъ сосѣдство къ Балтійскому морю, частыя сообщенія, одинаковая страсть къ морскимъ походамъ дѣлаетъ совершенно вѣроятнымъ предположеніе, что и въ этомъ походѣ они участвовали вмѣстѣ. Главный пунктъ спора въ настоящее время сосредоточивается на томъ, изъ кого происходитъ царствующій домъ первыхъ князей,— изъ славянъ или норманновъ, такъ какъ личность князей имѣла большое вліяніе. Но этотъ споръ теряетъ значительную долю

своей важности, если припомнимъ, что, начиная съ Святослава, князья принимаютъ славянскій характеръ; если въ характерѣ Святослава можно находить норманскія черты, то его наружность и обычаи, какъ они описаны у Льва-діакона, не обличаютъ въ немъ нормана. Что же касается до Владиміра, то ни его личный характеръ, а еще болѣе ни его образъ жизни—не напоминаютъ нормана. Ласковый, обходительный, женолюбивый, Владиміръ рѣзко отличается отъ гордыхъ, суровыхъ и далеко болѣе воздержныхъ норманновъ. Рожденный отъ славянки, ключницы Ольги, Малуши, онъ получилъ воспитаніе въ Новгородѣ, подъ руководствомъ своего дяди Добрыни. Дворъ его не даромъ сдѣлался мѣстомъ постояннаго пира для всѣхъ старѣйшинъ рода, а онъ самъ центромъ, вокругъ котораго вращаются подвиги русскихъ богатырей. Воспитанный при этомъ дворѣ Ярославъ, хотя и рожденный отъ Рогнѣды, вѣроятно норманки, былъ славянинъ, и если на немъ отразилось какое-либо вліяніе, то по преимуществу византійское. А принимая это во вниманіе, этотъ періодъ нельзя назвать исключительно норманскимъ, какъ сдѣлалъ это Погодинъ. Норманское вліяніе было и, безъ сомнѣнія, оно составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ перваго періода русской исторіи; его нельзя даже отрицать и тогда, если считать первыхъ князей славянами, такъ какъ все-таки при нихъ норманская дружина играетъ весьма важную роль. Большинство лицъ, дѣйствующихъ какъ послы въ договорахъ, многіе вожди первыхъ князей были, безъ сомнѣнія, норманы. Но съ другой стороны,—что касается до вліянія норманновъ на образованіе внутренняго устройства, то его далеко нельзя приписать въ той степени, какъ это дѣлаютъ Шлецеръ, Погодинъ или Куникъ. Г. Куникъ, напримѣръ, думаетъ доказать, что варяги не были славяне, что династія, изъ которой вышелъ основатель Русскаго государства, по языку была чужда славянамъ; что предводители дружины и важнѣйшіе государственные сановники, въ теченіи многихъ поколѣній, были проникнуты исключительно другимъ закаломъ, чѣмъ славяне, такъ какъ характеръ дѣя-

ній первыхъ князей весьма рѣзко отличается отъ непосредственно за симъ слѣдующаго, такъ что дѣйствующимъ элементомъ при основаніи самаго великаго славянскаго государства были норманы, на мѣсто которыхъ стали славяне въ XI-мъ столѣтіи (Der Beruf., т. II, стр. 119). Г. Куникъ говоритъ, что вліяніе норманновъ при основаніи государства было столь же сильнымъ и значительнымъ, какъ вліяніе западной Европы при Петрѣ Великомъ (тамъ же, стр. IV). Въ этомъ случаѣ ему можно сдѣлать, съ такимъ же правомъ, тотъ же упрекъ, который онъ дѣлаетъ приверженцамъ исключительно славянскаго происхожденія варяговъ,—а именно, что онъ увлекается патріотическимъ чувствомъ пристрастія и преувеличиваетъ то вліяніе, которое на самомъ дѣлѣ имѣли норманы.

Безъ сомнѣнія, культурная и политическая форма перваго періода объясняется изъ взаимнаго вліянія трехъ элементовъ: славянскаго, варяго-русскаго и греческаго. Который изъ этихъ трехъ элементовъ важнѣе—трудно сказать, потому что каждый внесъ свою долю въ образованіе перваго Русскаго государства; но все-таки самымъ важнѣйшимъ изъ нихъ долженъ былъ быть элементъ славянскій, который поглотилъ въ себя элементъ варяжскій и по своему переработалъ элементъ византійскій. Коснемся сначала въ общихъ чертахъ этихъ трехъ элементовъ, опредѣляя путь изслѣдованія. Варяго-русь, какое бы мы ни имѣли понятіе объ этомъ элементѣ, были находники, большее число которыхъ поселилось въ новгородской области; но это число, въ сравненіи съ массою населенія, было совершенно ничтожно. Долго спорили въ 30-хъ и 40-хъ годахъ о томъ, были-ли варяги завоеватели или мирные правители, но эти споры не привели ни къ какому результату. Вся трудность заключалась въ томъ, что результаты варяжскаго завоеванія были вовсе не тѣ, что въ западной Европѣ: въ западной Европѣ завоеватели успѣли поработить побѣжденныхъ; у насъ они ограничились сборомъ дани. Безъ сомнѣнія, причина этого различія заключалась не въ томъ, что варяги были добровольно призваны: они

были добровольно призваны только новгородскими славянами; она не заключалась также въ особенной покорности славянскихъ народовъ норманамъ, какъ это дѣлаетъ г. Погодинъ (Парал. Рус. Ист. запад. Евр.). Оно объясняется той-же великой причиной, по которой крѣпостное право у насъ является только въ XVI стол.,—именно невозможностью ввести его раньше. Страна была обширна, пуста и полна лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ. Варяжскія дружины, если онѣ были даже норманскаго происхожденія, были слишкомъ малы, чтобы покорить большее народонаселеніе, при томъ разбросанное по обширной, почти необитаемой странѣ. Кромѣ того, какъ я старался выяснить это прежде, общество было слишкомъ грубо, непривычно къ земледѣлію и осѣдлости, такъ что еслибы варяги задумали обратить его въ крѣпостниковъ, то оно или возстало, или разбѣжалось бы въ лѣса. Исторія съ Игоремъ у древлянъ лучше всего показываетъ, какой трудной, даже невозможной задачей было бы порабощеніе племенъ. Игорь былъ убитъ за то, что онъ пошелъ собирать вторую дань; но что значитъ двойная дань въ сравненіи съ крѣпостнымъ или феодальнымъ правомъ! Племена охотно, а иногда и не совсѣмъ охотно, подчинялись варягамъ, готовы были платить имъ небольшую дань, предоставить имъ право суда, но съ однимъ условіемъ,—чтобы судъ былъ „по праву“ и чтобы дань была легка.

Такъ и поступили первые завоеватели. Варяги брали по „бѣлой веверицѣ съ дыма“ отъ сѣверныхъ славянъ, а хазары—отъ южныхъ. Умнѣйшій изъ первыхъ князей, Олегъ, принудилъ только непокорныхъ древлянъ, но не обидѣлъ сѣверянъ, „возложи на нихъ дань легку, и не далъ Хозарамъ дань платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“. Послѣ Олегъ къ родимичамъ рекъ: „кому дань даете?“ они же рѣше: „Хозарамъ“. И рѣче имъ Олегъ: „не давайте Хозарамъ, а мнѣ дайте“. Этой же причиной объясняется легкое подчиненіе кіевлянъ; властители ихъ были убиты, они спокойно подчинились другимъ, представляя тѣ же условія. Такимъ образомъ, и послѣ завоеванія или объединенія пле-

менъ подъ одною властью, они сохранили свою самобытность и самостоятельность развитія.

Вторымъ важнымъ элементомъ былъ варяго-русскій, въ которомъ, безъ сомнѣнія, значительную роль играли норманы. Не надо преувеличивать вліянія этого элемента, но значеніе его было громадное. Нельзя вполнѣ оцѣнить то пробужденіе къ сознательной дѣятельности племенъ, которое причинили варяги. Смѣлые и блестящіе походы на Константинополь нашихъ первыхъ князей,—походы, въ которыхъ участвовали всѣ покоренныя племена, должны были имѣть громадное пробуждающее значеніе на племена, находящіяся такъ сказать, въ первобытномъ застоѣ. По поводу похода Олега едва-ли не сложилась въ народѣ первая героическая пѣсня о томъ, какъ герой, предводитель еще недавно спящихъ мирнымъ сномъ племенъ, воткнулъ свой мечъ въ стѣны великаго города и на шелковыхъ парусахъ, съ несмѣтной добычею, приплылъ назадъ. Смерть этого героя народная фантазія также окружила легендой; „вѣщій" побѣдитель Константинополя падаетъ только въ силу рока, въ видѣ змѣи, предсказаннаго ему какимъ-то вѣщимъ мужемъ. Можетъ быть, существовала легенда и о его чудномъ рожденіи, но она не дошла до Нестора, или скептическій и здравомыслящій лѣтописецъ не счелъ нужнымъ сказать о ней. Въ настоящее время мы едва-ли можемъ понять, какъ могли такія легенды вліять на сознаніе племенъ. Кроткій и безобидный полянинъ долженъ былъ чувствовать себя героемъ, возвращаясь изъ подъ стѣнъ великаго города. Владиміръ окруженъ уже многими совершенно русскими богатырями; главный изъ нихъ—„Илья Муромецъ", крестьянскій сынъ; подобно тому, какъ и въ лѣтописи, для борьбы съ печенѣжскими богатырями отыскивали героевъ изъ своей среды.

Уже однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно, чтобы считать элементъ варяго-норманскій чрезвычайно важнымъ въ ходѣ русской исторіи; но это вліяніе, безъ сомнѣнія, обнаружилось и въ другихъ, не менѣе важныхъ фактахъ. Принятіе христіанства у русскихъ племенъ совершилось спокойно, безъ

особенной борьбы, хотя язычество держалось еще долго въ народѣ. Еще столѣтіе спустя послѣ принятія христіанства въ 1071 г., только дружина въ Новгородѣ стояла за христіанство (Лавр., стр. 77). Между тѣмъ, у западныхъ славянъ язычество защищалось упорно, и христіанство, разъ насажденное, снова вырывалось съ корнемъ. Эта относительная легкость въ принятіи христіанства, безъ сомнѣнія, объясняется вліяніемъ норманскаго элемента въ дружинѣ князей, такъ какъ дружина еще долго имѣла въ себѣ много норманновъ, занимавшихъ въ ней главное мѣсто. Нѣкоторое вліяніе варяговъ, въ большей или меньшей степени, обнаруживается въ судопроизводствѣ и судоустройствѣ, какъ объ этомъ буду говорить ниже. Исполняя судебную прерогативу, князья прямо относились къ народамъ и, весьма понятно, что здѣсь вліяніе норманскихъ идей должно было-бы имѣть важное значеніе. Но здѣсь опять не нужно прибѣгать къ преувеличиванію, такъ какъ нѣкоторое общественное устройство начинается только при Владимірѣ, который, по выраженію лѣтописца, „любяше дружину и съ ними думая о строѣ землянѣмъ“ (Лавр., стр. 54). Но составъ дружины при Владимірѣ былъ уже далеко не исключительно норманскій. Самъ Владиміръ, какъ это видно изъ лѣтописи, не особенно дружелюбно относился къ заѣзжимъ варягамъ и даже старался обманомъ освободиться отъ нихъ. Въ этомъ случаѣ, въ вопросахъ „о строѣ земленѣмъ“, безъ сомнѣнія, русскіе дружинники, знающіе домашніе порядки, должны были имѣть преобладающее значеніе, такъ какъ въ интересъ ни одного князя, въ особенности любимаго, не можетъ входить желаніе безусловно раздражить населеніе; но въ вопросѣ „о ратяхъ“, объ устройствѣ войскъ, безъ сомнѣнія, варяги, какъ болѣе опытные, имѣли преобладающее значеніе.

Наконецъ, третій элементъ, имѣющій также громадное вліяніе, есть элементъ византійской. Не говоря уже о вліяніи христіанства, перешедшаго черезъ посредство греческой церкви, гражданскія установленія Византійской имперіи имѣли свою долю вліянія на наше законодательство. Конечно, ви-

зантійская цивилизація того времени была слишкомъ высока для прямого заимствованія; но различные переводы греческихъ законовъ, какъ судебникъ царя Константина, выписки изъ законовъ Моисѣевыхъ, уставы Ярослава о земскихъ дѣлахъ,—все это было передаваемо не какъ предметъ простаго любопытства, но имѣло болѣе или менѣе обширное примѣненіе, при недостаточности своего законодательства. Кромѣ того, судебная юрисдикція церкви, имѣвшая обширное поле, уже прямо и непосредственно вліяла громаднымъ образомъ на жизнь въ вопросахъ семейныхъ, касающихся брака, споровъ родственниковъ и даже посторонних и, наконецъ, даже наслѣдства.

Обратимся теперь къ призванію варяговъ.—Много споровъ вобудило извѣстное мѣсто лѣтописца о призваніи князей: „въ лѣто 6368, въ лѣто 6369, въ лѣто 6370. Изгнаше Варяги за море и не даша имъ дани; и начаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицы и воевати начаша сами на ся. — Рѣше сами въ себѣ: а поищемъ себѣ князи, иже бы володѣли нами и судили по праву". Къ этому мѣсту, какъ оно читается въ Лаврентьевской лѣтописи, въ Никоновской прибавлено: „поищемъ и уставимъ такого (князя) или отъ насъ, или отъ Козаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунпичевъ, или отъ Варягъ» Въ призваніи участвовали чудь, славяне и кривичи по Лаврентьевской лѣтописи; славяне, меря и кривичи—по Никоновской. Послѣ соглашенія племенъ, къ варяго-руссамъ были отправлены послы, которые сказали имъ извѣстныя слова: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, да придите княжить и володѣть нами". На это приглашеніе, по Никоновской лѣтописи, сказано: „они же бояхуся звѣрипаго нхъ обычая, нравовъ, и едва избрали три брата». Затѣмъ оба лѣтописца согласно приводятъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ старѣйшій, Рюрикъ, сѣлъ въ Новгородъ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а Труворъ—въ Изборскѣ. Въ этомъ извѣстіи возбуждалось сомнѣніе какъ относительно самаго факта, такъ и смысла, въ какомъ употребляли здѣсь слово родъ,—въ смыслѣ-ли племени или естественныхъ ро-

довъ. Самый фактъ призванія чужихъ правителей казался неестественнымъ, такъ что Полевой (Ист. рус. нар.) совершенно отвергъ его; Соловьевъ справедливо не видитъ въ такомъ призваніи ничего удивительнаго, Новгородцы и послѣ нѣсколько разъ призывали князей; они же грозили Святославу „напѣсти себѣ князя", если онъ не дастъ имъ сына. Призваніе чужаго князя также весьма естественно; такъ, напр., въ итальянскихъ городахъ было обыкновеніе въ средніе вѣка призывать подесту изъ чужихъ городовъ, чтобы онъ былъ чуждъ мѣстнымъ спорамъ. Притомъ, если вѣрить Никоновской лѣтописи, было предположеніе избрать князей изъ своихъ начальниковъ, или изъ родственныхъ полянъ и дунайцевъ; но это предположеніе, судя по результату, было отвергнуто. Что касается втораго положенія, то слова лѣтописи не исключаютъ ни того, ни другаго смысла: по изгнаніи варяговъ, племена начали „сами въ себѣ володѣти", что, конечно означаетъ, что у каждаго племени былъ свой князь; это подтверждается и тѣмъ, что по призваніи были приглашены три князя, изъ которыхъ одинъ сѣлъ у славянъ новгородскихъ, другой—на Бѣлоозерѣ въ области Веси, третій—въ Изборскѣ, въ области кривичей. Изъ этихъ фактовъ призванія трехъ князей можно вывести заключеніе, что усобицы были и между племенами, и между родами. Но совсѣмъ иначе нужно относиться къ мысли, чтобы это призваніе обязывало къ чему-нибудь варяго-руссовъ, даже по отношенію къ собственнымъ, избравшимъ изъ племенамъ, не говоря уже о норманахъ. Понятіе о благодарности и признательности вообще слабо въ человѣческой природѣ, еще слабѣе въ первоначальныхъ обществахъ; да притомъ, если вѣрить Никоновской лѣтописи, что и призванные не съ большою охотою согласились на призваніе,—то и эта тѣнь нравственной обязанности совершенно изчезаетъ. Весьма понятно, что князья только такимъ образомъ могли отнестись къ призываемому ихъ племени, какъ они вообще почитали обязательное отношеніе князя къ подданнымъ, смотря по степени культуры народа, къ которому они принадлежали, смотря по личному

характеру и, наконецъ, смотря по обстоятельствамъ, т. е. по большей или меньшей упругости подвластныхъ и по количеству силы, которой они сами располагали. Все это я говорю только для того, чтобы изъ факта призванія устранить всякую возможность какого-либо сантиментальнаго отношенія варяжскихъ князей къ народу; но дѣйствительное опредѣленіе этихъ отношеній невозможно, такъ какъ лѣтописи на это не даютъ никакихъ данныхъ, если мы исключимъ сказаніе о возстаніи Вадима, сохранившееся въ Никоновской лѣтописи, судя по которому эти отношенія первыхъ князей были весьма суровы, такъ какъ новгородцы говорили: „яко быти намъ всѣмъ рабомъ и много зла пострадати отъ Рюрика и отъ рода его". Но какія-бы то ни были эти первичныя отношенія, они не имѣютъ большой важности, потому что ближайшіе пріемники Рюрика раздвигаютъ до громадныхъ размѣровъ свою державу и утверждаютъ столицу въ Кіевѣ. Въ теченіе времени отъ 880 — 885 Олегъ покоряетъ кривичей, полянъ, древлянъ, сѣверянъ и радимичей. Въ 914 году Свѣнельдъ, воевода Игоря, побѣждаетъ уличей. Въ 964 году Святославъ покорилъ вятичей. Кромѣ того, Святославъ покорилъ и сосѣднія племена, какъ-то: хазаровъ, ятвяговъ, косоговъ и мозовшанъ.

Самый важный вопросъ, который приходится разрѣшить,— это въ какомъ отношеніи эти первые наши князья находились къ призваннымъ и покореннымъ племенамъ. Отношенія эти были различны. Первыя племена, призвавшія князей, нуждались въ нихъ для своего внутренняго строя, были недовольны своими прежними порядками. Наоборотъ, другія племена, какъ напр. древляне, вятичи, были довольны своимъ внутреннимъ міромъ и неохотно подчинялись князьямъ. Они покорились Олегу только тогда, когда онъ ихъ „примучилъ"; но едва умеръ Олегъ, какъ они снова не хотятъ платить дани, наконецъ, убиваютъ Игоря. Точно также вятичи, побѣжденные Святославомъ, снова освобождаются и заставляютъ Владиміра дѣлать два похода. Древляне прямо говорятъ Ольгѣ: „князи наши добри суть, иже распасли есть де-

ревскую землю". Наконецъ, третій родъ племени, какъ кривичи, сѣверяне, поляне, отличаются удивительною апатіею: они равнодушно разстаются съ прежнимъ княземъ, равнодушно принимаютъ новаго. Привыкши, подъ властью хазаръ, къ покорности, они не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ жизни. Отношенія князей къ этимъ тремъ родамъ племенъ, по существу, были различны. Первыя племена, т. е. славяне, кривичи, меря, весь, мурома, вѣроятно, всѣ участвовали въ призваніи князей и всѣ сознавали неудовлетворенность своихъ порядковъ, а потому послѣ смерти братьевъ приняли къ себѣ посадниковъ или мужей, или, по Никоновской лѣтописи, Олегъ „раздая грады племенамъ своимъ и мужамъ". Эти мужи отъ племени Олега, конечно, назывались князьями, а прочіе—посадниками. Но даже объ этомъ нельзя сказать положительно, потому что при введеніи христіанства въ Ростовѣ, въ концѣ X или XI столѣтія, старинная повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ сообщаетъ замѣчательный фактъ: „по крещеніи русской земли Владиміръ раздѣлилъ всю землю между своими сыновьями, а городъ Муромъ отдалъ благовѣрному князю Глѣбу, брату Бориса. Но когда пришелъ Глѣбъ въ Муромъ, то жители не приняли его, и не крестились, но сопротивлялись ему. Тогда онъ выѣхалъ на рѣку Ишню и тамъ пробылъ до смерти своего отца (Памятники стар. рус. лит., т. I, стр. 228—230). Эти данныя, сообщающія такія подробности, которыя могли быть извѣстны только современникамъ, лучше всего показываютъ независимость племенъ отъ центральнаго великаго князя. Древляне, вятичи сохраняли своихъ князей очень долго; въ особенности послѣдніе управлялись совершенно самостоятельно и все ихъ отношеніе къ великимъ князьямъ состояло въ платежѣ дани. Изъ третьяго рода племенъ, покоренныхъ Олегомъ, лѣтопись говоритъ только, что Олегъ посадилъ „мужи своя" въ Смоленскъ и Любечъ, но не говоритъ ни о радимичахъ, ни о сѣверянахъ, а потому эти племена, нужно думать, остались при прежнемъ порядкѣ. Кромѣ трехъ племенъ, находившихся въ большей или меньшей за-

висимости отъ князей Рюриковичей, въ Полоцкѣ образовалось особое княжество Рогволда, пришедшаго изъ-за моря; какой-то выходецъ Туръ образовалъ маленькое княжество въ Туровѣ. Княгини получали въ управленіе города; такъ, Ольга получила Вышгородъ, Рогнѣда — область Лыбедь.

Въ какомъ отношеніи эти области находились къ своимъ князьямъ или посадникамъ князя и въ какомъ отношеніи эти князья и посадники находились къ Рюрику, Олегу, Игорю, Святославу,—вотъ важный и интересный вопросъ, объясненіе котораго находится въ той точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣли наши первые князья на свои владѣнія. Они смотрѣли на нихъ—какъ на доходъ, и на свои права княжить, какъ на средство добывать болѣе доходовъ. Олегъ, Игорь, Святославъ все свое вниманіе обращали на походы въ Византію и богатую добычу, которую могли получить такимъ образомъ. Въ отношеніи подчиненныхъ или мѣстныхъ племенъ ихъ главною цѣлью былъ тоже сборъ дани. Все ихъ вниманіе обращается на то, чтобы, собравъ шкурки дорогихъ мѣховъ зимою, отправлять ихъ лѣтомъ въ Константинополь по Днѣпру и промѣнивать ихъ на роскошную промышленность Византіи. Константинъ Багрянородный говоритъ: „грубый образъ жизни тогдашнихъ россовъ состоитъ во время зимы въ слѣдующемъ: какъ только наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, то тотчасъ же выступаютъ южные князья со всѣми россами изъ Кіева и отправляются въ области, называемыя „Гирами“, именно въ славянскія области вервинъ (древлянъ), дреговичей, кривичей, сербовъ и остальныхъ славянъ, которые состоятъ въ подданствѣ руссовъ. Послѣ того, какъ они тамъ проведутъ цѣлую зиму, то отправляются въ апрѣлѣ въ Кіевъ, если ледъ уже прошолъ (Stritter, Memor. popul., стр. 485). „Лодки, которыя съ той стороны Россіи приходятъ въ Константинополь, говоритъ онъ, идутъ изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ Святославъ, сынъ князя Игоря, а также изъ крѣпости Смоленской, Любеча, Чернигова и Вышегорода. Всѣ ихъ суда стремятся по Днѣпру и соединяются у крѣпости Кіевъ, который также имѣетъ на-

званіе *Самбатасъ* (Sambatos); славяне же, которые, какъ кривичи, лучане, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, находятся подъ данью руссовъ, работаютъ во время зимы лодки, обдѣлываютъ ихъ въ своихъ горахъ и везутъ ихъ въ ближайшія болота, какъ только ясная погода растопитъ ледъ. Оттуда они сплавляютъ ихъ въ Днѣпръ и идутъ въ Кіевъ. Пригнавши ихъ въ Кіевъ, вытаскиваютъ ихъ и продаютъ россамъ (Ibi., стр. 972). На этихъ челнокахъ россы отправляются въ Константинополь. Изъ этихъ двухъ мѣстъ Константина Багрянороднаго видно, что кромѣ центральнаго или кіевскаго князя, въ торговлѣ принимали дѣятельное участіе племенные центры: Новгородъ, Любечъ, Смоленскъ, Черниговъ и Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ *). Такъ, въ договорѣ Олега находятся слѣдующія, весьма важныя, мѣста: „и заповѣда Олегъ дати всѣмъ на 2000 кораблей по 12 гривенъ на ключъ и потомъ давать уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, также и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полоцкъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочіе города; *по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Олегомъ суща*". Когда русь придетъ для купли въ Константинополь, то греки обязаны давать имъ кормы на мѣсяцъ (мѣсячину), написавъ предварительно имена ихъ. Эти кормы они обязаны давать на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и прочіе города. Перечисливъ имена пословъ, договоръ Олега объясняетъ, что они посланы: „отъ Олега, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ иже суть подъ рукой его свѣтлыхъ и

*) Весьма вѣроятно, что всѣ отношенія какъ племенныхъ князей, такъ и посадниковъ великаго князя къ самому центральному великому князю кіевскому заключались лишь въ платежѣ извѣстной дани, а во всемъ прочемъ князья и посадники управляли совершенно самостоятельно и независимо. Доказательство этого можно вывести изъ документовъ, сохранившихся въ древней лѣтописи, а именно изъ договоровъ Олега и Игоря. Изъ этихъ договоровъ, мнѣ кажется, необходимо вывести заключеніе, что подчиненные князья и посадники играли совершенно самостоятельную роль при великомъ князѣ кіевскомъ.

великихъ князей и его великихъ бояръ". Всѣхъ пословъ въ Олеговомъ договорѣ—12, и эти послы, вѣроятно, отъ слѣдующихъ центровъ управленія, въ которыхъ сидѣли князья и свѣтлые бояре: Кіева, Чернигова, Любеча, Переяславля, Новгорода, Полоцка, Ростова, Бѣлоозера, Мурома и неизвѣстныхъ городовъ изъ области сѣверянъ и радимичей. Число пословъ вполнѣ соотвѣтствуетъ числу племенъ, участвовавшихъ въ походѣ, такъ: варяги, славяне, чудь, кривичи, меря, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулебы и тиверцы. Тоже самое должно сказать и о слѣдующемъ договорѣ Игоря. Уже Погодинъ догадывался, что всѣ имена на *овъ* и на *анъ* есть имена пословъ отъ самостоятельныхъ князей и бояръ; да это и весьма понятно: „мы отъ рода русскаго,—такъ читается договоръ,—послы и гостіе, Иворъ, посолъ Игоревъ, великаго князя русскаго и общіе послы: Вуефастъ Святославль, сына Игорева (изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Константина мы узнаемъ, что онъ сидѣлъ въ Новгородѣ), Искусевы Ольги, княгини (какъ представительницы Вышгорода), и затѣмъ слѣдуетъ 18 именъ пословъ. отъ такого же числа князей и бояръ, и нѣсколько отдѣльныхъ именъ гостей. Всѣ эти факты, мнѣ кажется, совершенно ясно говорятъ, что отношеніе великаго князя кіевскаго къ его подданнымъ и князьямъ племенъ отличаются особеннымъ характеромъ. И этотъ характеръ нетрудно понять, не прибѣгая къ феодальной системѣ, какъ это дѣлали прежде; въ нашей позднѣйшей исторіи, мы находимъ совершенно подобную форму управленія: это—кормленіе. Точно также, какъ кормельщикъ, въ позднѣйшую пору, получалъ право совершенно самостоятельнаго управленія въ подчиненныхъ имъ городахъ; такъ и теперь князья и бояре получили это право, съ обязанностью выплачивать великому князю извѣстный доходъ, или даже и безъ этого. Такъ, у Игоря, по Никоновской лѣтописи, былъ воевода по имени Свѣнельдъ, которому Игорь первоначально отдалъ дань съ угличей, которыхъ онъ завоевалъ, а потомъ отдалъ дань съ древлянъ (Ник., стр. 26). Наоборотъ, изъ другаго примѣра, который

тѣмъ важнѣе, что здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между отцомъ великаго князя и его сыномъ,—именно объ отношеніяхъ Владиміра къ Ярославу,—слѣдуетъ, что намѣстники платили великому князю опредѣленный урокъ. „Ярославу же имущю Новгородъ,—говоритъ лѣтопись,—и урокомъ дающу Кіеву двѣ тысячи гривенъ съ года до года.... тако даяху посадники новгородскіе".

Различіе въ отношеніяхъ великаго князя къ князьямъ-посадникамъ и просто посадникамъ, а также и къ самостоятельнымъ князьямъ древлянъ и вятичей заключалось въ томъ, что первые, вѣроятно, сами доставляли ему дань, какъ лица болѣе отъ него зависимыя, а ко вторымъ должны были ходить за данью; сами великіе князья и отправлялись туда зимою, по словамъ Константина Багрянороднаго. Кромѣ князей и посадниковъ, правомъ самостоятельнаго управленія пользовались и жены князей, которыя получали въ свое распоряженіе города,—обычай, долго сохранявшійся въ Россіи *). Ольга имѣла, какъ я уже говорилъ выше, Вышгородъ, Рогнѣда—Лыбедь. Кромѣ того въ договорахъ Игоря упоминаются, какъ самостоятельныя личности, Предслава и Сфандра, жена Улеба; обѣ эти личности, вѣроятно, имѣли также самостоятельные города. Всѣ эти лица, имѣвшія въ своемъ владѣніи отдѣльные города, управляли ими совершенно самостоятельно. Они имѣли свои дружины, которыя были, конечно, имъ необходимы для управленія въ завоеванныхъ земляхъ, и содержали эти дружины на свой счетъ. Когда Игорь далъ Свѣнельду дань съ угличей, то дружина сказала Игорю: „се дань есп единому мужи много", а потомъ заставилъ его идти собирать дань, говоря: „отрочи Свеньлижи изодѣлись суть оружіемъ и порты, а мы наги", слѣдовательно, дружина получала содержаніе отъ своего вождя. Подтвержденіе этому факту находимъ и въ былинахъ. Но не только князья и

*) Такъ, въ лѣтописяхъ XII-го вѣка часто упоминаются города, принадлежавшіе княгинямъ. Всѣ князья, духовныя которыхъ дошли до насъ, начиная съ Ивана Калиты, давали своимъ женамъ самостоятельныя владѣнія, въ которыхъ ихъ дѣти (князья) не должны вступаться (Соб. госуд. грам. и догов. т. I).

посадники, но и княгини имѣли свои штатъ и дружину, что видно изъ скандинавскихъ сагъ и былинъ. Всѣ эти лица, конечно, заинтересованы византійской торговлей, потому что, они сами вмѣстѣ—правители и купцы, какъ это обыкновенно бываетъ у первобытныхъ племенъ. Все, что у нихъ оставалось за данью великому князю и отъ содержанія дружины, они въ іюлѣ отправляли въ Константинополь и вымѣнивали тамъ на товары. Такой характеръ отношенія великаго князя къ подчиненнымъ племенамъ, въ первой эпохѣ образованія государства, есть самый обычный. Таково же было отношенія къ покореннымъ племенамъ Кловиса, основателя Франкскаго государства: „Войны и побѣды Кловиса, говоритъ Гизо, очень мало походятъ на то, что мы теперь разумѣемъ подъ этими словами. Главною цѣлью экспедиціи франковъ было достать добычу и захватить рабовъ. Побѣдитель налагалъ иногда дань; но изъ его побѣды не слѣдовало никакое постоянное поселеніе, никакое гражданское учрежденіе. Между другими доказательствами, я укажу на небольшое число воиновъ Кловиса, которыхъ считалось не болѣе шести тысячъ. Съ этимъ количествомъ воиновъ невозможно было совершить ни настоящее военное занятіе, ни устроить гражданское управленіе. Когда побѣдители уходятъ, побѣжденный народъ, мало-по-малу, пріобрѣтаетъ независимость, у него появляется новый вождь. Рѣдко побѣдители садились въ земляхъ, которыя они подчиняли себѣ, такъ что безпрестанно они должны были начинать снова (Histoire de gouvernement representatif, т. I, стр. 132). Совершенно подобный этому характеръ отношеній мы находимъ и у насъ. Таковы отношенія великаго князя кіевскаго къ древлянамъ, вятичамъ, а, можетъ быть, и къ другимъ племенамъ: то есть князья должны были постоянно возобновлять завоеванія, хотя лѣтописи не сохранили походовъ князей, считая ихъ маловажными. Совершенно неосновательно было бы утверждать, какъ сдѣлалъ Карамзинъ, что до призванія варяговъ племена жили въ республиканской вольности и потомъ подпали подъ власть самодержавную. Какъ въ родовомъ устрой-

ствѣ мы находимъ мало похожаго на республику, такъ въ государствѣ первыхъ князей находимъ мало похожаго на самодержавіе, которое совершенно противно характеру власти первыхъ князей у первобытныхъ народовъ, въ особенности у индоевропейскихъ племенъ. Ни сами князья, ни покоренные ими народы не имѣли понятія о такой власти. Только привычка къ повиновенію, только въ силу долгой опеки въ народѣ распространяется убѣжденіе въ важности и необходимости высшей власти, и тогда начинается ея освященіе, тогда и представители этой власти проникаются сознаніемъ ея важности для общества и величіемъ общественнаго назначенія власти въ самой себѣ. Но ни племена, вошедшія въ составъ государства, ни ихъ князья не дошли до такого пониманія. До Владиміра наши князья были храбрыми предводителями дружины, героями, которые, окруженные славою блестящихъ военныхъ подвиговъ, отдыхали среди своей дружины на счотъ побѣжденныхъ народовъ, но всего менѣе—государями въ настоящемъ смыслѣ слова. Самый рельефный примѣръ отношеній князя къ племени — это походъ Игоря для сбора дани. Игорь, по словамъ лѣтописи, отправилъ большую часть дружины домой, а самъ отправился съ малой дружиною, „желая большаго имѣнія“. Такого рода отношенія вовсе не считались чѣмъ-либо неестественнымъ и незаконнымъ. Эймундова сага прямо говоритъ, „что норманы у Ярислейфа (Ярослава) пользовались большимъ уваженіемъ и почестями, служа конунгу щитомъ въ снаряженіи и грабежѣ (Соч. Сенковскаго, т. 5, стр. 530).

Таковъ былъ порядокъ вещей до Владиміра; но съ Владиміра онъ во многомъ измѣняется. Дѣло въ томъ, что при первыхъ князьяхъ дружина состояла по большей части изъ норманновъ; но мало-по-малу въ нее проникли славянскіе элементы, вытѣсняя норманскій, по той простой причинѣ, что свои были дешевле и послушнѣе, хотя и не такъ опытны въ войнѣ, какъ норманы. Въ походахъ Олега на Константинополь участвовали: славяне, чудь, кривичи, меря, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, харваты, дуле-

бы и тиверцы; въ походѣ Игоря участвовали: поляне, славяне, кривичи и тиверцы. Послѣ этихъ походовъ масса войска разошлась по домамъ, но лучшихъ воиновъ князья оставили въ дружинахъ. Чтобы понять какъ требовательны были норманы, я приведу нѣсколько мѣстъ изъ Эймундовой саги, о рядахъ норманов съ Ярославомъ. Къ Ярославу пріѣхали, какъ видно изъ саги, до 600 норманов на ладьяхъ изъ Норвегіи въ то время, когда его отношенія къ брату Святополку были уже натянуты. „Мы хотимъ быть защитниками этого владѣнія, говорили норманы, хотимъ сойтись съ вами на условіяхъ и получить отъ васъ золото и серебро и хорошее платье; а если вы не намѣрены тотчасъ согласиться на наше предложеніе, мы получимъ тоже самое отъ другихъ конунговъ, когда вы отъ насъ уклоняетесь.“ Конунгъ Ярославъ отвѣчалъ: „и очень нуждаемся мы въ вашей дружинѣ и распорядительствѣ, потому что вы умные и храбрые мужи, норманы. Но мнѣ неизвѣстно сколько вы потребуете жалованья за вашу службу.“ Эймундъ отвѣчалъ: „во-первыхъ, ты пожалуешь домъ для насъ и всѣхъ нашихъ людей и не откажешь намъ ни въ какомъ добрѣ изъ лучшихъ твоихъ припасовъ, въ которыхъ будемъ мы имѣть надобность“. „На это пждивеніе я согласенъ“, сказалъ конунгъ Ярославъ. Эймундъ примолвилъ: „тогда эти люди готовы сражаться впереди тебя и идти на врага первые за твоихъ людей и за твое владѣніе. Сверхъ того, долженъ ты отпустить на каждаго нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику ладьи платить еще по полунціи“. Конунгъ возразилъ: „этого мы не можемъ“. Эймундъ сказалъ ему: „можешь, государь, потому что вмѣсто этой платы мы пришлемъ бобровъ и соболей и другое добро, какое здѣсь въ вашей землѣ водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами (а не наши воины). А если случится какая добыча, тогда можешь отпустить намъ пензями. Если будемъ сидѣть безъ дѣла, то добра жаловать намъ менѣе (Сенковскій, т. V, стр. 523). Послѣ побѣдъ надъ Святополкомъ, Ярославъ, находя, что все спокойно, платилъ неисправно жалованье, давалъ лишь содер-

жаніе дружинѣ, которое стоило тогда не мало, такъ какъ жизнь дружинниковъ въ мирное время была постояннымъ пиромъ. Предводитель норманновъ, Эймундъ, узнавъ, что Святославъ готовится къ новой войнѣ, прямо подступаетъ къ Ярославу и требуетъ рѣшительнаго отвѣта, желаетъ-ли онъ продолжать договоръ или нѣтъ. Ярославъ отвѣчалъ: „для насъ слишкомъ большая трата богатства давать такую большую плату, какъ ту, которой вы домогаетесь. „Оно такъ, государь“, сказалъ, помолчавъ Эймундъ, „потому что теперь ты долженъ уже отпустить намъ по унціи золота на каждаго мужа, а начальникамъ людей по полгривнѣ золота“ (Ibid., стр. 530). Такой характеръ отношеній вполнѣ согласенъ и съ лѣтописью. Точно также Владиміръ, какъ послѣ и сынъ его Ярославъ, держалъ варяговъ только по прямой необходимости. Пока представлялась ему война съ братомъ Ярополкомъ, онъ давалъ варягамъ деньги и содержаніе, а еще болѣе судилъ въ будущемъ; но какъ скоро Ярославъ былъ побѣжденъ и городъ Родна, въ которомъ онъ скрывался, былъ взятъ, „тогда Варязи, рѣша Володимеру, говоритъ лѣтописецъ: „се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривны отъ человѣка“. И рече имъ Володимеръ: „Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць“. Ждаша за мѣсяцы, и не дастъ имъ, и рѣша Варязи: „сольстилъ еси намы, да покажи ны путь въ Греки“; онъ же рече имъ: «идете». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады, прочія же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: „се идутъ къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створятъ ти зло, яко и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единаго“ (Лавр., стр. 33).

Очевидно, что Владиміръ, разставшись съ варягами, долженъ былъ иначе относиться къ племенамъ и славянскому элементу вообще; и дѣйствительно, весь его порядокъ жизни, его отношенія рѣзко отличаются отъ предшествовавшихъ ему князей. Лѣтописи и былины очень хорошо знаютъ о пирахъ и веселіи при дворѣ Владиміра не потому, чтобы такихъ пи-

ровъ не было прежде, но именно потому, что они были чужды народу, который въ нихъ не участвовалъ. Но эти пиры имѣютъ гораздо болѣе жизненное значеніе, чѣмъ это кажется на первый разъ. Въ первобытныя времена общественныя собранія были неразлучны съ пирами, и на нихъ рѣшались важнѣйшія дѣла. Я уже прежде указывалъ на слова лѣтописца, по которымъ Владиміръ думалъ съ дружиной «о строѣ земленѣмъ, ратнѣмъ и уставѣ земленѣмъ». Если принять во вниманіе, что эта дружина должна была состоять теперь изъ своихъ, славянскихъ, элементовъ, то тогда этотъ переворотъ въ отношеніи князей къ племенамъ, будетъ еще понятнѣе. Варяжская дружина могла только думать о грабежахъ и походахъ; мысль „о строѣ земленѣмъ“ была для нее совершенно чужда. Но не такъ должна была относиться дружина, состоящая изъ своихъ элементовъ и знакомая съ домашними порядками. Такимъ образомъ, Владиміръ, изъ героя и вождя дружины, является государемъ въ нашемъ смыслѣ; еще болѣе сильнымъ—является сынъ его. Но что еще важнѣе, что въ самыхъ важныхъ эпохахъ своей жизни Владиміръ поступаетъ по согласію не только съ дружиною, но и съ представителями городовъ, старѣйшинами. Предъ принятіемъ христіанства Владиміръ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «созвалъ бояры своя и старцы градскія». Эти старцы градскіе не были, какъ это можетъ показаться на первый разъ, старѣйшинами города Кіева, но старѣйшины всѣхъ городовъ. Въ 996, когда Владиміръ счастливо избѣгъ нападенія отъ полочанъ, онъ сдѣлалъ пиръ, на которомъ онъ собралъ бояръ, посадниковъ и старѣйшинъ отъ всѣхъ городовъ (Лавр., стр. 54). Если по поводу такого ничтожнаго дѣла, какъ торжественный пиръ, Владиміръ созываетъ бояръ, посадниковъ и старѣйшинъ городскихъ, то весьма понятно, что въ важнѣйшихъ дѣлахъ своей жизни онъ не рѣшился бы предпринять, по духу своей политики вообще, ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ представителями всѣхъ родовъ. Лѣтопись здѣсь не говоритъ съ такою подробностью, предполагая это само собою. Гораздо менѣе вѣроятія въ такомъ большомъ собраніи для

пира, чѣмъ для какихъ-либо болѣе важныхъ рѣшеній, а потому объ этомъ говоритъ лѣтописецъ глухо: «созвалъ бояръ и старцевъ градскихъ», или людскихъ, какъ сказано въ Воскресенской лѣтописи, или просто старцевъ—по Никоновской. Можетъ быть, такія собранія были и болѣе часты, но лѣтописецъ не упоминаетъ объ нихъ, такъ какъ онъ вообще скупъ на подробности о гражданскомъ управленіи. Что эти измѣненія въ отношенія князя къ племенамъ были теперь довольно общимъ явленіемъ, на это указываетъ и Эймундова сага, говоря объ отношеніяхъ Брячислава полоцкаго, и лѣтопись, говоря объ отношеніяхъ Ярослава къ новгородцамъ. Когда Эймундъ оставилъ Ярослава и хотѣлъ-было перейти къ Брячиславу полоцкому, прося у него того же содержанія, которое получалъ у Ярослава, то Брячиславъ отвѣчалъ: „дайте мнѣ время посовѣтоваться съ моими мужами, потому что они вносятъ мнѣ деньги, хотя я отпускаю ихъ изъ рукъ»; конечно, мужи, вносившіе деньги, были полочане (Сепковскій, т. V, стр. 555). Предъ борьбою съ Ярославомъ, Брячиславъ «созвалъ всѣхъ своихъ мужей». Такъ точно Ярославъ, передъ борьбою съ Святополкомъ, собираетъ всѣхъ новгородцевъ и проситъ ихъ защиты (Лавр., 61).

Теперь мы перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію княжеской власти и тѣхъ измѣненій, которыя мы увидимъ въ общественныхъ элементахъ. Первою обязанностью князя было обезопасить военной защитой создающееся государство отъ окружающихъ племенъ. Первые князья, герои дружинъ, были заняты войнами для добычи, а не для защиты государства. Совершенно иначе долженъ былъ поступать Владиміръ, настоящій государь племени, и его сынъ Ярославъ. Владиміръ первый строитъ первыя русскія крѣпости на югѣ отъ печенѣговъ—на Десиѣ, Востри, Трубежѣ, Сулѣ и Стугнѣ; онъ населяетъ эти города новгородцами, кривичами, чудью и вятичами. Въ этихъ городахъ были посажены, по лѣтописи, лучшіе люди, т. е. храбрѣйшіе. Безъ сомнѣнія, эта были первыя пограничныя поселенія съ обязанностью военной защиты, въ которыхъ, можетъ быть, скрываетъ начало каза-

чество. Судя по теченію рѣкъ, они заключались въ нынѣшней черниговской, кіевской, полтавской губерніяхъ. Г. Симичевскій (см. Арх. Истор. Юрид. Свѣд., книг. 2, первая половина, стр. 106) справедливо видитъ въ предшественникахъ казаковъ смѣсь славянскихъ племенъ съ туркскими племенами торковъ, берендѣевъ, черныхъ клобуковъ; наша русская пограничная стража находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этими племенами; съ ними они воевали и съ ними же входили въ брачные союзы. Продолжая дѣло защиты, Владиміръ укрѣпляетъ Кіевъ. Его сынъ Ярославъ переноситъ тѣ же стремленія на сѣверъ и западъ. Въ странѣ чуди онъ строитъ Юрьевъ, и строитъ города по Рси отъ ляховъ, устраиваетъ тамъ подобную же военную границу. Въ лѣтописи сказано: «и посади Ярославъ воя своя по Рси и суть до сего дни» (Лавр., 65).

Не менѣе важно и замѣчательно по своему значенію было другое преобразованіе въ составѣ народнаго ополченія. Когда главнымъ центромъ войскъ были наемные варяги, а прочіе присоединялись лишь для пособія и помощи, до тѣхъ поръ общество могло оставаться въ старинномъ родовомъ устройствѣ. Олегъ бралъ дань на ключъ, т. е., по родовому порядку, за родъ ихъ получали его представители. Святославъ бралъ дань и за убитыхъ, говоря: «родъ его возметъ», что и весьма естественно. Члены рода были тутъ же; они имѣли полное право требовать отъ Святослава платы за своихъ павшихъ родичей. Въ договорѣ Олега объ этомъ не упоминается, потому что Олегъ былъ безусловнымъ побѣдителемъ, который самъ указывалъ количество дани; Святославъ же былъ побѣжденъ, онъ долженъ былъ торговаться, объяснять грекамъ тѣ принципы, на которыхъ шла за нимъ его армія; вотъ почему онъ высказалъ тѣ начала, которыя не считалъ нужнымъ высказывать Олегъ. Но теперь, когда Владиміръ задумалъ построить свое государство на народныхъ началахъ, онъ долженъ былъ приступить по реорганизаціи общества. Въ интересахъ Владиміра и его преемниковъ было какъ можно меньше держать дружины и какъ можно лучше орга-

низовать земское ополченіе. Содержаніе дружины стоило дорого; земское ополченіе содержало само себя. Какъ ни важно было еще значеніе дружины, но несомнѣнно, что значеніе земскаго ополченія все болѣе и болѣе затемняетъ его собою. Дружинники теперь дѣлаются преимущественно не рядовыми войсками, какъ прежде, но думцами князя, а также и начальниками (Лавр., стр. 54). Изъ родовыхъ дружинниковъ, въ прежнемъ смыслѣ, оставались только гриди (Hirdmenn); я полагаю, что учрежденіе и слово—норманскія. Но главную массу родоваго войска составляли теперь земское ополченіе, которое состояло изъ племенъ, а потому, мнѣ кажется, что тогда послѣдовало его преобразованіе. Уже на пирахъ Владиміра участвовали, рядомъ съ боярами и гридью, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и нарочитые мужи (Лавр., стр. 54). Конечно, эти лица были членами войска; но если войско главнымъ образомъ состояло изъ земскаго ополченія, то тѣ же самыя лица (сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе) были вмѣстѣ и представителями естественныхъ распавшихся родовъ, на развалинахъ которыхъ образовалось болѣе правильное дѣленіе на сотни. Новгородское народонаселеніе распадалось при Ярославѣ на бояръ, старостъ и мужей (Лавр., стр. 62). Слово «староста», какъ основательно доказываютъ филологи, значитъ старшій въ сотнѣ, стар-о-ста. Въ настоящее время у племенъ адиге (черкесовъ), по словамъ путешественника Лапинскаго (Запис. Геогр. общ. 1863 г., т. 1), на развалинахъ родоваго устройства образовалось сотенное устройство. „По своему внутреннему устройству, говоритъ Лапинскій, адиге распадаются на три племени; самые многочисленные—шапсуги, затѣмъ слѣдуютъ абаздехи, самое малочисленное—убыхи; убыхи составляютъ только одно колѣно. Каждое колѣно дѣлится на извѣстное число родовъ, а эти послѣдніе дѣлятся на семьи; но колѣна, роды и семьи одного племени живутъ смѣшанно и въ каждомъ округѣ можно найти представителей всѣхъ колѣнъ одного племени. Административное дѣленіе, если можно такъ выразиться, составляютъ сотни дворовъ, которые, такимъ образомъ, составляютъ округи, разбросанные

на цѣлую квадратную милю. Эти сотни составляютъ какбы отдѣльныя республики, подъ управленіемъ своихъ старѣйшинъ, а вся земля составляетъ федерацію такихъ республикъ. Каждая сотня дворовъ посылаетъ въ общее представительство земли или племени двухъ представителей. Внутри каждой сотни, дворы дѣлятся на десятки, и десять представителей сотни составляютъ судъ сотни. Въ каждомъ дворѣ живутъ, кромѣ отца и матери, женатые сыновья и также неженатые сыновья и незамужнія дочери; число жителей въ такомъ дворѣ доходитъ до ста."

Изъ этого весьма важнаго и замѣчательнаго мѣста слѣдуетъ, что раздѣленіе на сотни возникло изъ того, что родъ разрастается въ цѣлое племя, такъ что прежній порядокъ устройства уже неудовлетворителенъ. Наши волости, первоначальная собственность родовъ, также разрослись и не могли удовлетворить новымъ требованіямъ, а потому онѣ должны были распасться на сотни дворовъ или семей При этомъ самыя семьи могли и дѣйствительно, вѣроятно, были настоящими естественными родами. Новгородъ, уже по Ярославлевой грамотѣ, дѣлился на сотни, названныя по именамъ ихъ древнихъ основателей: Давыдова, Ситичева, Ратиборева, Кондратова и т. д., всѣхъ одинадцать сотенъ, въ числѣ которыхъ двѣ сотни княжескія (Рус. Дост., т. II, стр. 292). Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичь (1117—1137), давая свой уставъ о церковныхъ судахъ, „созвалъ десять сотскихъ и старосту Болеслава и погадавъ есть со владыкою и съ своею княжнок и съ своими бояры съ десятскими сотцкими и старостами" (Пам. Утина, ст. 407). Но самыя области или волости новгородскія не распадались на сотни, ни на погосты, точно также какъ и въ землѣ кривичей. Древнѣйшее упоминаніе о сотскихъ встрѣчается въ договорной грамотѣ XIV столѣтія. (С. Г. Г. Д., т. I, № 27). „А которые слуги потягли къ дворецкому, а черные люди къ сотникамъ". Но не упоминаются-ли и прежде эти сотни подъ другими именами? Уже баронъ Корфъ высказалъ предположеніе, что слово „вервь" происходитъ отъ норманскаго „hwarf" (сотня),

и это, кажется, вѣрно. Въ западной Европѣ дѣленіе на сотни было общепринятымъ и очень вѣроятно, что норманы перенесли его и въ Россію, такъ какъ оно было чрезвычайно полезно для ихъ военныхъ цѣлей. „Вервь“ въ Русской Правдѣ имѣетъ значеніе округа, имѣющаго своею обязанностью въ нѣкоторыхъ случаяхъ платить виру. Очевидно, что въ такомъ случаѣ дѣленіе на верви или совпадало съ какими-либо другими дѣленіями, или расходилось. Еслибы дѣленіе на верви расходилось съ обыкновенными дѣленіями, то тогда обозначеніе этой разницы было бы и въ Русской Правдѣ и въ другихъ документахъ. Но какую могли бы имѣть особую цѣль князья, создавая для суда, помимо общихъ, еще особенную мѣру областей? Развѣ недостаточно было для всѣхъ юридическихъ и политическихъ цѣлей дѣленія на волости и сотни? Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно; а въ такомъ случаѣ должно признать, что дѣленіе на верви совпадало или съ волостнымъ, или съ сотеннымъ дѣленіемъ. Это же, мнѣ кажется, подтверждается и тѣмъ, что ни въ какихъ другихъ памятникахъ слово „вервь“ не упоминается; очевидно, что оно замѣнилось какими-либо другими, находящимся въ общемъ употребленіи. Въ XVI вѣкѣ мы знаемъ достовѣрно, что дѣленіе на верви было замѣнено дѣленіемъ на волости. Уставная грамота Марининской трети, артамановскаго стана крестьянамъ говоритъ очень опредѣленно: „а учинится у нихъ въ волости душегубство, а недоищутся душегубца, и они дадутъ намѣстникамъ за голову виры четыре рубля, а заплатятъ виру волостью“ (Утинъ, Собр. важ. пам., стр. 150). Въ уставной Онежской грамотѣ сказано еще опредѣленнѣе: „а учепится у нихъ въ волости или въ коемъ-либо стану душегубство, а не доищутся душегубца, но за голову виры два рубля новгородскіе, а заплатитъ волость или станъ, въ коемъ душегубство учепится“ (Ib., стр. 154). Такимъ образомъ, можно сказать положительно, что съ XVI столѣтія, дѣленіе на верви совпадало съ волостнымъ. Но можно-ли отсюда вывести, что и въ древнѣйшее время оно совпадало съ ними,—недумаю. Во-первыхъ, должно замѣ-

тить, что дѣленіе на волости въ XVI столѣтіи совершенно не соотвѣтствовало древнѣйшему. Въ договорной грамотѣ Новгорода съ княземъ тверскимъ 1265 г. сказано: „А се, княже, волости Новгородскіе: Волокъ со всѣми волостями, Тржекъ, Бежицы, городецъ Полнчъ, потомъ Мѣлѣга, Шипино, Егна, Вологда, Завалочье, Перемъ, Печера, Югра". (С. Г. Г. Д., т. I, № 1). Волость, какъ жилище искуственнаго рода или колѣна, было дѣленіе, обнимающее довольно обширную землю, къ размѣрѣ тѣхъ, которыя впослѣдствіи назывались уѣздами; наоборотъ, въ позднѣйшемъ дѣленіи на волости, мнѣ кажется, должно признать древнѣйшее дѣленіе на сотни, что свидѣтельствуетъ еще болѣе то, что представители волостей въ XVI столѣтіи носили древнее названіе стар-о-стъ и сотскихъ. Въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ грамотахъ говорится, чтобы волостели не судили безъ старосты, или безъ старостъ, въ послѣдней грамотѣ, такъ какъ тамъ была не одна волость. Перенесеніе на древнюю сотню, когда она разрослась съ теченіемъ времени, слова—волость совершенно понятно. Самое дѣленіе на сотни у насъ, какъ и на западѣ, очень скоро сдѣлалось фиктивнымъ. Затѣмъ на это указываетъ конечно то, что слово hwärf на шведскомъ языкѣ значитъ сотня; а если наши верви есть переводъ этого слова, то они должны были въ древности совпадать съ дѣленіемъ на сотни. Если же мы придемъ къ убѣжденію въ древности дѣленія на сотни, то у насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, оно должно было имѣть какъ военное, такъ и административное значеніе. Въ военномъ значеніи дѣленія на сотни легко убѣдиться изъ того факта, что въ концѣ XI-го столѣтія (подъ 1089 годомъ) упоминаются тысяцкіе, которые, по общепринятому мнѣнію, были воеводами земскихъ полковъ. Подъ 1089 годомъ въ лѣтописи сказано: „Воеводство держащу кіевскія тысяцки Яневи". Это указываетъ, что тысяцкихъ было не по одному лицу, но по нѣскольку, отъ разныхъ городовъ или областей, чему мы находимъ дѣйствительное подтвержденіе въ томъ, что Владиміръ (Мономахъ), созывая дружину для созданія новыхъ законовъ, пригласилъ:

Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, Прокопія бѣлогородскаго тысяцкаго, Станислава, переславскаго тысяцкаго (Русск. Правда, Калачева). Очевидно, что каждый уѣздъ имѣлъ своего тысяцкаго.

Такъ какъ военная служба въ это отдаленное время служила дѣйствительнымъ мѣриломъ важности людей въ обществѣ, то невозможно объяснить военные придворные чины безъ связи съ общественнымъ развитіемъ; а потому я и приступлю теперь къ разсмотрѣнію общественныхъ элементовъ. Самымъ высшимъ классомъ общества въ это время были князья и бояре. Титулъ князя могъ имѣть и, вѣроятно, имѣлъ двоякое происхожденіе. Во-первыхъ, три брата, основатели русскаго государства, прибыли къ намъ „съ родомъ своимъ“. Знаменитый Олегъ былъ родственникомъ Рюрика, хотя неизвѣстно въ какой степени. Рюрикъ раздавалъ въ управленіе города и людямъ племени своего и мужамъ (Ник., стр. 9). Лица, принадлежащія къ племени Игоря, вѣроятно, носили названіе князей, въ противуположность другимъ знатнымъ, носившимъ названіе боярина. Про Аскольда и Дира лѣтопись говоритъ, что они не были изъ племени его (Рюрика), но боярина. Олегъ, при убійствѣ этихъ князей, говоритъ имъ, что они не князья и не княжескаго рода. Съ другой стороны, лѣтописецъ прилагаетъ титулъ князя и къ племеннымъ князьямъ, какъ видно на примѣрѣ Мала. Когда при Владимірѣ лучшія волости были отданы его сыновьямъ; то, вѣроятно, лица изъ племени князя полу̀чили другія волости и сохранили свой титулъ, такъ какъ въ древности уваженіе къ правамъ рожденія было чрезвычайно глубоко.

Гораздо труднѣе опредѣлить происхожденіе и значеніе другаго класса—бояръ. Бояре, по лѣтописи, были приближенные люди князя; а такъ какъ, если мы допустимъ, что приближенные первыхъ князей были норманы, какъ и сами первые князья, то явится первый вопросъ: санъ боярина—русскаго или норманскаго происхожденія? Протоіерей Сабининъ объясняетъ, что слово „боярин“ норманскаго корня. На это ему справедливо возражали, что слово боярин коренное

славянское. Разрѣшеніе этого вопроса было бы возможно, еслибы мы имѣли какіе-нибудь документы древнѣе лѣтописей; тогда мы, можетъ быть, узнали бы, что при первыхъ князьяхъ знатные норманы назывались какимъ-либо другимъ словомъ чѣмъ боярипъ. Можетъ быть, также норманское слово Waegnepn было легко вытѣснено однозначущимъ русскимъ словомъ боярипъ. Всего вѣроятнѣе, что въ древнѣйшее время вовсе не было названія для высшаго класса; высшіе дружинники назывались просто „княжіе мужи", какъ въ Русской Правдѣ назывался высшій классъ. Въ древнѣйшей лѣтописи, при раздачѣ городовъ Рюрикомъ, сказано просто, что онъ роздалъ ихъ „мужамъ своимъ". Въ позднѣйшее время это слово было замѣнено словомъ „боярипъ". Договоры Олега и Игоря древнѣе лѣтописи, а слѣдовательно могли бы дать болѣе вѣрное понятіе о значеніи слова боярипъ; но-оно здѣсь употребляется не вездѣ одинаково. Въ договорѣ Игоря сказано, что послы посланы отъ Игоря великаго князя и отъ „всякоя княжья" или всѣхъ князей; между тѣмъ какъ, въ договорѣ Олега, послы посылаются отъ Олега, его свѣтлыхъ князей и великихъ бояръ. Вѣроятнѣе, что во многихъ городахъ, при этихъ обоихъ великихъ князьяхъ, сидѣли князья, а не бояре. Но когда при Владимірѣ дружина княжеская была преобразована и стала состоять преимущественно изъ русскихъ элементовъ; то тогда высшій классъ великихъ князей долженъ былъ также составиться отчасти и изъ русскихъ элементовъ. Г. Соловьевъ, на основаніи того, что въ одной новгородской лѣтописи сказано: „позвалъ Ростиславъ новгородцовъ на нарядъ: огнищанъ, гридь", а въ другой новгородской же лѣтописи сказано: „князь Мстиславъ собралъ ростовцовъ: бояръ, гридь", заключаетъ, и весьма справедливо, объ однозначеніи словъ: боярипъ и огнищанинъ. Я приведу, мнѣ кажется, еще болѣе рѣзкій примѣръ. Ярославъ собиралъ для борьбы съ Святополкомъ людей слѣдующихъ классовъ: бояръ, старостъ и мужей (Лавр., стр. 62). Послѣ счастливаго похода на Новгородъ, лѣтомъ онъ роздалъ старостамъ по 10-ти гривенъ, смердамъ по гривнѣ, новгородцамъ по 10 гривенъ (Новг.,

стр. 1). Огнищане, при раздачѣ денежнаго вознагражденія пропущены, вѣроятно, потому, что они получили другое вознагражденіе. Изъ этого перечисленія видно, что въ походѣ участвовали всѣ четыре класса Новгорода этого времени: огнищане, горожане, старосты и мужи. Старосты и мужи, очевидно, есть представители областныхъ дѣленій, въ которыхъ старосты были представителями, а мужи—рядовыми этихъ дѣленій (начальники погостовъ и простые жители ихъ). Изъ этого дѣленія, очевидно, выдвигается особый классъ огнищанъ, а въ Ярославовой грамотѣ о мостахъ мы читаемъ: „отъ Геряльдова вымола мостить огнищанамъ до Бутятина вымола“ (Утинъ, Собр. важ. пам., стр. 38). Мнѣ кажется, что подъ новгородскими боярами здѣсь также разумѣли огнищанъ, самый богатый классъ Новгорода. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды слово огнищанинъ замѣняется словомъ „княжъ-мужъ“. Но кто были бояре–огнищане? Если искать это слово не въ норманскомъ языкѣ, а въ славянскихъ корняхъ; то всего вѣроятнѣе, что слово „бояринъ“, „болярinъ“ происходитъ отъ слова болій или большой. Въ древлянской землѣ высшій классъ назывался „лучшіе люди“. Для сватовства Ольги были посланы древлянскіе „лучшіе мужи, иже держаху Деревскую землю“ (Лавр., стр. 24). Дѣленіе общества на лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей было очень распространено и позднѣе; такъ въ Судебникѣ горожане дѣлятся на эти три класса. Въ древнѣйшее время могло быть распространено и другое дѣленіе общества: на большихъ, среднихъ и меньшихъ. По церковному уставу Ярослава, высшій классъ дѣлился на большихъ бояръ, среднихъ бояръ и нарочитыхъ людей, а потому очень вѣроятно, что у нѣкоторыхъ племенъ слово болій или большой послужило основой для слова боринъ, такъ какъ въ основѣ знатности у всѣхъ народовъ вообще лежали причины чисто экономическія; люди богатые въ древнѣйшее время дѣлались и людьми знатными; поэтому и значеніе общественнаго класса бояръ-огнищанъ должно искать въ ихъ экономическомъ значеніи. Гизо чрезвычайно мѣтко опредѣляетъ по-

степенность въ значеніи высшаго класса по отношенію къ низшему. „Слово аристократія первоначально значило, говоритъ Гизо, власть сильныхъ (буквальное значеніе греческаго слова) и первоначально это были физически сильные, потомъ оно стало означать наиболѣе могущественныхъ, наиболѣе богатыхъ, наконецъ лучшихъ, наиболѣе способныхъ“ (Hist. des orig. gouv. répres., т. I, стр. 100). Русское общество этого времени вышло изъ перваго фазиса и вступило во второй, когда богатство дѣлало знатность; а богатство въ древнѣйшее время всегда состояло въ обладаніи поземельной собственностью и большимъ числомъ рабовъ ее воздѣлывающихъ. Слово огнищанинъ, равнозначущее съ словомъ боярин, и означало, вѣроятно, въ древнее время богатаго собственника, владѣльца большихъ земель, и, что еще важнѣе,—такъ какъ земля не стоила ничего,—владѣльца большаго числа скота и рабовъ. У Татищева есть важное мѣсто объ огнищанахъ.

Нѣтъ ничего естественнѣе, если лучшіе и богатѣйшіе люди изъ массы общества являлись къ Владиміру и принимались имъ въ число его приближенныхъ. Даже по лѣтописи сынъ простаго воина, побѣдитель печенѣжскаго богатыря, а вмѣстѣ и его отецъ, получили званіе вельможъ. Богатыри Владиміра, даже и главнѣйшіе изъ нихъ, происходятъ изъ мѣстныхъ жителей; а если такъ, то въ это званіе скорѣе могли попасть богатѣйшіе, почетнѣйшіе люди изъ племенъ. Но какимъ образомъ эти лица составили себѣ богатство?

Въ первобытномъ родѣ, конечно, земля считалась общею принадлежностью; но это никогда не мѣшало, какъ мы видѣли въ введеніи, отдѣльнымъ членамъ рода владѣть своимъ поземельнымъ участкомъ, какъ собственностью. Совершенною ошибкою было бы представить себѣ, что по мѣрѣ того, какъ родъ превращался въ общину, идея принадлежности земли роду перешла бы всецѣло въ общину. Наоборотъ, по общему ходу развитія, въ искусственно родовомъ или колѣнномъ устройствѣ идея принадлежности земли роду играла всегда болѣе фиктивную, чѣмъ дѣйствительную роль. Члены рода, какъ только пользованіе землею дѣлается частнымъ и общія

работы уничтожаются, получаютъ право каждый обработывать свой участокъ и имѣютъ на него фактически полное право собственности (см. введеніе). Слѣдствіемъ этого стремленія каждой семьи или естественнаго рода—располагать какъ собственностью обработанными ими участками—бываетъ то, что въ границахъ прежняго рода образуется нѣсколько большихъ поземельныхъ собственниковъ, тогда какъ масса прежнихъ свободныхъ членовъ рода дѣлаются полукрѣпостными работниками на земляхъ этихъ счастливыхъ или болѣе предпріимчивыхъ людей. Можно сказать, что это стремленіе искуственнаго рода къ саморазложенію и образованію, на развалинахъ его, одной или нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій, составляетъ почти общій, обыкновенный ходъ разложенія искуственнаго родоваго быта. Причина этого факта заключается въ томъ, что одна или нѣсколько фамилій, заправляющія дѣлами рода и управляющія родовой кассой, пользуются ею, равно какъ и родовой властью старѣйшинъ, для собственнаго обогащенія и матеріальнаго могущества. При такой силѣ и власти старѣйшинъ и ихъ близкихъ родственниковъ, нѣтъ ничего проще и послѣдовательнѣе, что они эксплуатируютъ ихъ родичей и они, какъ простая „чядь“ или „челядь“, дѣлаются полукрѣпостными на ихъ земляхъ. Но рядомъ съ такимъ ходомъ вещей возникаетъ и противоположное, т. е., что на развалинахъ прежняго рода, когда онъ распадается на простыя сотни, въ границахъ прежняго рода образуется множество мелкихъ земледѣльцевъ или землевладѣльцевъ, и сотня дѣлается настоящей общиной, состоящей изъ людей равнаго состоянія. Но никогда не бываетъ, да и невозможно себѣ представить, чтобы всѣ естественные роды и семьи прежняго колѣна сдѣлались такими землевладѣльцами и работниками небольшихъ участковъ. Какъ ни малы средства, потребныядля этого, въ отношеніи скота и земледѣльческихъ орудій, но ихъ не имѣютъ и не успѣваютъ пріобрѣсти многіе члены прежняго рода. Въ слѣдующій періодъ я укажу на экономическія причины этого факта со всею подробностью, на основаніи данныхъ Русской Правды и дру-

гихъ источниковъ; но для этого періода я ограничусь только общимъ указаніемъ. Такимъ образомъ, всякое первобытное общество, выходя изъ родоваго быта, распадается на три главные класса: большихъ землевладѣльцевъ, мелкихъ землевладѣльцевъ и безпомощныхъ людей, готовыхъ идти въ работники или рабы къ кому угодно. Такую картину представляло и настоящее общество во времена Владиміра и Ярослава. Во времена Владиміра мы все еще застаемъ градскихъ старостъ, играющихъ дѣятельную роль; но далѣе мы уже ихъ не встрѣчаемъ; очевидно, что произошелъ какой-то единовременный переворотъ, который уничтожилъ эти порядки. Во времена Ярослава общество уже распалось на классы, т. е. бояръ, свободныхъ людей и рабовъ, получившихъ характеристическое названіе смердовъ. Всѣ эти классы общества находятся, въ отношеніи военной службы, въ тѣснѣйшей связи съ правительствомъ и имѣютъ у него значеніе по количеству своего имущества. Эти факты также общи въ первобытныя эпохи у народовъ, не подвергавшихся иностранному завоеванію, что въ особенности рѣзко обрисовывается у англо-саксовъ. Такъ, у англо-саксовъ общество раздѣлялось на четыре класса: тановъ королевскихъ, просто тановъ, свободныхъ людей и рабовъ. Вся разница въ этихъ классахъ заключалась въ количествѣ владѣній или земли. Таны королевскіе должны были владѣть, по крайней мѣрѣ, 50 или 40 гидами земли, простые же таны владѣли меньшею собственностью (Gisot, Histor. des orig. des gouv. repr., т. I, стр. 51).

Различіе въ степеняхъ нашихъ бояръ, которое мы находимъ въ Ярославовой грамотѣ, должно было имѣть тоже происхожденіе. По нѣкоторымъ статьямъ церковнаго устава Ярослава I, можно заключить, что общество раздѣлялось на большихъ или великихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ людей и простую „чядь“. Но весьма замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ того же устава это исчисленіе идетъ другимъ путемъ. Я приведу для ясности двѣ статьи: „аще кто пошибетъ боярскую дочку или боярскую жену, за

соромъ 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ—гривна золота а нарочитыхъ людей три рубля, а простой чади—15 гривенъ". Другая статья той же редакціи: „аще кто зоветъ чужую жену б.... великихъ бояръ за соромъ 5 гривенъ золота, меньшихъ бояръ за соромъ ей 3 гривны золота, а будетъ городскихъ людей за соромъ ей 3 гривны серебра, а сельскихъ людей за соромъ ей гривна серебра" (Утинъ, Собр. важн. памят.). Сопоставленіе этихъ двухъ статей весьма замѣчательно; во второй статьѣ не упоминается о нарочитыхъ людяхъ, а только о горожанахъ; не упоминается о простой чади, а только о сельскихъ людяхъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что нарочитыми людьми назывались горожане, а сельскіе—чадью *). Экономическое и общественное значеніе этихъ классовъ можно видѣть изъ платы за безчестье, которое видно изъ устава Ярослава, и изъ одного мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о налогѣ на различные классы, сдѣланномъ Ярославомъ для борьбы съ Святополкомъ. Въ древней Руси вообще господствовалъ принципъ, очень ярко выразившійся въ Судебникѣ Іоанна IV, по которому плата за безчестье опредѣлялась по количеству годоваго дохода. „А безчестье дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывать противъ доходу" (Акты Истор., т. I, № 155, стр. 26). Церковныя наказанія въ Уставѣ Ярослава гораздо строже; но изъ этихъ данныхъ все же можемъ узнать относительное значеніе классовъ, какъ оно узнается изъ количества вирныхъ денегъ за убійство. Такъ, за пошибанье дочери большихъ бояръ полагается пѣня въ 5 гривенъ золота, меньшихъ бояръ—гривна золота, нарочитыхъ людей — 3 рубля, а простой чади — 15 гривенъ. Еслибы, на основаніи наказаній, положенныхъ за оскорбленіе женъ и дочерей, можно было

*) Въ самомъ словѣ «чадь» слышится явный слѣдъ родоваго быта, когда всѣ члены рода были чадами, дѣтьми родоваго старѣйшины. Теперь, хотя на развалинахъ родовъ образовались сотни, или боярскія имѣнія, но слово чадь не пропало. Жители сотенъ назывались въ общемъ смыслѣ чадью; такъ назывались и полукрѣпостные бояръ: «мирошкина чадь» и т. д.

опредѣлить приблизительно отношеніе и значеніе общественныхъ классовъ; то по цѣнности денегъ этого времени, если мы приведемъ данныя въ одно наименованіе, мы получимъ слѣдующую таблицу:

За оскорбленіе женъ большихъ бояръ платится 250 грив. кун.
" " " меньшихъ бояръ " 150 " "
" " " нарочитыхъ (гор.) людей $22^1/_2$ " "
" " " сельскихъ людей или чади $17^1/_2$ " "

(Для цѣнности монетъ я беру данныя въ прекрасномъ сочиненіи Ланге: Угол. право Русской Правды).

Уже эти данныя весьма ярко показываютъ на различіе въ состояніи четырехъ общественныхъ классовъ этого времени. Для повѣрки этихъ данныхъ я еще приведу другой замѣчательный фактъ. Когда новгородцы собирались защищать Ярослава, то они собрали для войны съ различныхъ классовъ, конечно по ихъ богатству, съ бояръ новгородскихъ по 18 гривенъ, со старостъ—по 10 гривенъ, съ мужей по 4 куны; если мы предположимъ, что ихъ состояніе было въ десять разъ болѣе этихъ суммъ, тогда мы получимъ, что бояре имѣли 900 кунъ, старосты—500, а простые мужи—40 купъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мы убѣдимся въ громадномъ различіи состоянія различныхъ классовъ въ этомъ обществѣ.

Въ какихъ отношеніяхъ находились эти общественные классы между собою и гдѣ они черпали источники своего благосостоянія? По недостаточности данныхъ трудно, представить себѣ это положеніе; но я все-таки попытаюсь, на сколько это возможно.

Я не буду говорить о высшемъ классѣ землевладѣльцевъ, потому что о нихъ не осталось никакихъ данныхъ, болѣе того, какъ я уже сообщилъ. Классъ земледѣльцевъ распадался на три отдѣла: свободныхъ и самостоятельныхъ, жившихъ на чужихъ земляхъ; наконецъ, смердовъ и рабовъ. Классы свободныхъ земледѣльцевъ, по распаденіи рода, жили, какъ кажется, въ Новгородѣ общинами, которыя вѣроятно совпадали съ сотнями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ только

одно мѣсто въ Уставѣ Ярослава о земскихъ дѣлахъ: „аще раздѣленіе земли будетъ, и пообидитъ кто въ жребіи ихъ, вольно будетъ нарушити бывшее раздѣленіе“ (Уст. Ярос., стр. 39). *) Но это общинное устройство могло было быть только у новгородскихъ славянъ, и притомъ было явленіемъ непродолжительнымъ, какъ мы увидимъ далѣе. Наоборотъ, у вятичей, какъ кажется, существовала индивидуальная собственность. Они платили Святославу „по щьлягу, отъ рала или плуга“,—какъ сказано въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Лавр., стр. 27, 35). У Гельмгольда есть одно весьма любопытное мѣсто: вогпры и аботриты платили дань епископу отъ плуга, а плугъ, прибавляетъ онъ, „такъ великъ, какъ пара воловъ или лошадь“; подразумѣваются слова „обработать могутъ“ (Helmh., стр. 12). Впослѣдствіи плугъ замѣнился словомъ „обжа“; „обжа, говорили новгородцы, — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ“ (Лѣт. 6, №1478). Такимъ образомъ плугъ=15 десятинамъ.

---

*) О дѣйствительной принадлежности этого акта Ярославу мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что на немъ стоитъ имя Ярослава, точно также какъ и объ его Русской Правдѣ и Церковномъ уставѣ, потому что лѣтописцы не считали нужнымъ касаться законодательствъ, а все ихъ вниманіе было поглощено политическими событіями. Такимъ образомъ, главный критеріумъ его подлинности, какъ и подлинности двухъ другихъ документовъ, заключается въ внутренней необходимости ихъ содержанія. Вѣроятность принадлежности этого устава Ярославу заключается въ нѣсколькихъ данныхъ. При Ярославѣ была усиленная умственная работа, какъ видно изъ лѣтописи, и производилось очень много переводовъ съ греческаго. «И бѣ Ярославъ, любя церковный уставъ, и презвотеры любяше повелику и книги почитая; а собравъ писцы многи и прелагаше ихъ же на славянское писаніе, и списаша книги многи и списка, тѣмъже научахуся вѣрніи людіи, послѣдующіе ученію божественнаго» (Ник., стр. 80). Объ уставѣ Ярослава упоминается въ древней Новгородской лѣтописи наравнѣ съ Правдой: «и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глагола тако: по сей грамотѣ ходити; якоже имѣхъ васъ, такоже держите» (Д. Р. В., т. II, стр. 335). Подъ именемъ Устава Ярослава мы знаемъ уставъ церковный и уставъ о земскихъ дѣлахъ; всего вѣроятнѣе, что здѣсь упоминается объ уставѣ о земскихъ дѣлахъ, по-

Вторымъ классомъ были свободные люди, жившіе на чужихъ земляхъ. Изъ Устава Ярослава мы узнаемъ, что отношеніе между землевладѣльцами и ихъ арендаторами, если можно такъ выразиться и такъ назвать лицъ, нанимающихъ у нихъ земли—было половничество. „А десятина нивы, сѣявшему 10 сноповъ, имѣющему земли 10 сноповъ; аще ли кто инако раздѣлитъ — Богомъ проклятъ будетъ". Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Устава важны слѣдующія опредѣленія: нанимающійся могъ оставить собственность во всякое время, возвративъ свои задатки; если собственникъ отдастъ необработанную землю, то тогда не имѣетъ права требовать отъ земледѣльца плодовъ въ теченіе трехъ лѣтъ; если земледѣлецъ, взявши обработать землю, не обработавъ ее достаточно, бросаетъ хозяйскую пшеницу, то лишается своей половины; если же, взявъ обработать землю, бросаетъ ее, то не только лишается плодовъ, но долженъ еще самъ приплатить (Утинъ, Сборн., стр. 39).

Низшій, несвободный классъ раздѣлялся на смердовъ и хлоповъ или рабовъ. Очень долго думали, даже этого мнѣнія держался и Соловьевъ въ своей исторіи Россіи, что смер-

---

тому что второй уставъ, по его содержанію могъ, быть данъ только кіевскому митрополиту. Замѣчательная разница въ словахъ Ярослава: онъ дастъ имъ правду и списываетъ уставъ. Въ этихъ словахъ скрывается и глубокая разница въ значеніи этихъ двухъ памятниковъ. Русская Правда была обычнымъ закономъ, имѣющимъ дѣйствительное вліяніе на жизнь, потому что въ ней выражалась сама жизнь; другой памятникъ былъ только «списанъ», былъ чужой и едва-ли привился къ жизни во всѣхъ своихъ частяхъ. Необходимость устава заключалась въ неполнотѣ Русской Правды, которая касалась лишь наказаній уголовныхъ и нисколько не касалась гражданскихъ распорядковъ. Русская жизнь еще не выработала самостоятельно законодательствъ по этому предмету, а потому необходимо было заимствованіе. Наконецъ, многія постановленія Устава Ярослава вошли въ позднѣйшую Русскую Правду, да и нѣтъ ничего естественнѣе предположенія, что какъ въ позднѣйшее время, такъ и при Ярославѣ, въ законодательныхъ сборникахъ помѣщались рядомъ русскіе и греческіе законы.

дами норманы называли всѣ славянскія племена. Но это мнѣніе совершенно неосновательно. Еслибы норманы дѣйствительно завоевали и обратили въ рабство населеніе,—тогда бы это было возможно; но на какомъ основаніи они могли бы сдѣлать это съ незавоеванными? Съ перваго раза въ дружинахъ норманвъ участвовали славянскія племена, такъ что сами норманы составляли незначительную часть въ ополченіяхъ Олега, Игоря и, вѣроятно, Святослава. По какимъ образомъ можно представить себѣ армію рабовъ, послушную своимъ повелителямъ? Характеристической чертой свободнаго человѣка у первобытныхъ племенъ служила вира, платимая за голову убитаго его жителямъ и семейству. Такая вира платилась по древнѣйшей Русской Правдѣ (Акад. списокъ) и за „славянина“, т. е. новгородца, между тѣмъ какъ за смерда и хопа (холопа) платился только урокъ въ 5 гривенъ. При началѣ войны, Ярославъ созываетъ войско изъ мѣстныхъ племенъ, а какъ видно по лѣтописи, ихъ было 40,000; Эймундова сага говоритъ, что конунгъ Ярислейфъ послалъ ратный приказъ по всему своему владѣнію, и собралась къ нему большая рать изъ вольныхъ поселянъ (вапда) (Сенк., т. V, стр. 532).

Смердами первоначально назывались крѣпкіе землѣ люди, жившіе въ собственныхъ имѣніяхъ великаго князя; но кажется очень скоро это слово сдѣлалось болѣе общимъ. Въ 1071 году, нѣкто Янъ собиралъ отъ Святослава дань въ ростовской землѣ, когда ему доложили, что въ области появились два волхва; „Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдавъ яко своего князя, посла къ нимъ иже около его суть, рѣче имъ: выдайте волхва, та семо яко смерда еста моего князя“ (Лавр., стр. 75). Это мѣсто очевидно доказываетъ, что смердами могли быть люди чьи-либо, слѣдовательно крѣпостные. Еще важнѣе одно мѣсто въ Псковской лѣтописи. Въ XV столѣтіи уже забыли, что такое смерды, и какое они прежде имѣли назначеніе, „и потомъ по мале времени, приключилося нѣкому попу у поровскихъ смердовъ чести грамоты, и найдя тую грамоту, по коей смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ

князю дань даяти и Пскову и всякія работы урочныя по той грамотѣ имъ знати, а той грамотѣ смердь и во всей землѣ смятеніе бысть, что они потаивши грамоты не потянувши на свои работы, а псковичамъ, не свѣдущимъ о нихъ, како отъ начала бысть" (Псков. лѣт., изд. Погодина, стр. 168). Очевидно, что грамоты, открытыя въ Псковѣ въ концѣ XV столѣтія, были до такой степени древни, что были совершенною новостью для Пскова, — это было археологическое открытіе. Весьма вѣроятно, что при смѣнявшихся князьяхъ, мало-помалу забылось, что смерды поровскіе есть государственная собственность Пскова, его доменъ. Жители этихъ доменовъ обязаны были особыми „урочными работами", что отзывается самой глубокой стариной. Съ этой точки зрѣнія, гораздо справедливѣе и правдоподобнѣе объясняется извѣстное мѣсто Новгородской лѣтописи, объясняющее причины изгнанія Всеволода. Всеволода изгнали потому, говорила лѣтопись, что онъ не блюдетъ смердовъ (Нов. лѣт., стр. 7), т. е. разоряетъ государственные домены, изъ которыхъ содержатся новгородскіе князья.

Такимъ образомъ, можно сказать положительно, что смердами назывались преимущественно жители княжескихъ селъ, тѣхъ людей, которые въ XIV столѣтіи назывались численными людьми (С. Г. Г. Д., т. I, №№ 21, 35), а потомъ, въ XV и XVI столѣтіи, стали подклѣтными и дворцовыми крестьянами. Древніе смерды были ихъ прародители. Классъ рабовъ (холоповъ или хлоповъ) ничѣмъ не разнился отъ смердовъ по своему положенію, кромѣ своихъ занятій. Появленіе того и другаго класса обусловливалось одинаковыми причинами. При войнахъ князей, даже далеко позднѣйшаго періода, плѣнные обращались въ рабовъ, часть которыхъ селилась въ княжескихъ селахъ, а часть продавалась въ Константинополь. Святославъ избралъ Переяславль своей столицей потому, что сюда, говорилъ онъ, все благое сходится: „изъ Чехъ серебро и кони; изъ Руси скора (шкуры), воскъ, медъ и челядь" (Лавр., стр. 27). По Игореву договору, рабъ или раба, юноша или дѣвица, въ зрѣломъ возрастѣ стоили

10 золотниковъ, средняго возраста—8, старики—5 золотниковъ. Эта дешевизна рабовъ указываетъ на легкость ихъ добычи въ это первобытное время. Не только войны, но и голодъ, который, при необработанности земли часто повторялся, заставлялъ жителей продавать своихъ дѣтей (см. Новгор. лѣт.); это еще болѣе подтверждается Русской Правдой въ XII вѣкѣ, когда государствомъ было запрещено порабощать за пропормленіе въ голодные годы (Рус. Прав., списокъ троиц. Карамзина). Свободный человѣкъ по какой-либо причинѣ, изгои, не могущіе найти себѣ работу въ имѣніяхъ огнищанъ, шли въ холопы къ свѣтскимъ или церковнымъ людямъ. Достаточно раскрыть первое путешествіе, описывающее бытъ первобытныхъ племенъ, чтобы убѣдиться, какъ легко тамъ свободные люди обращаются въ рабовъ. Извѣстный арабскій путешественникъ, Ибнъ-Фоцланъ, оставилъ любопытную картину продажи невольниковъ. „Они (руссы) приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь въ Итиль (Волгу), которая есть большая рѣка, и строятъ на ея берегу большіе деревянные дома; въ одномъ домѣ собирается ихъ десять, двадцать, также менѣе или болѣе. У каждаго изъ нихъ есть стулъ, на которомъ они садятся вмѣстѣ съ красивыми дѣвушками для торга; иной сочетается со своей дѣвушкой, а его товарищи смотрятъ на него; часто же собираются многіе изъ нихъ въ такомъ положеніи". Въ заключеніе я добавлю о характерѣ жизни русскихъ славянъ вообще, насколько мы ее знаемъ изъ арабскихъ писателей. Объ образѣ жизни славянъ въ X вѣкѣ, арабскій писатель Ибнъ-Даста, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „холодъ въ ихъ странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную, остроконечную крышу, на подобіе (крыши) христіанской церкви, и на крышу накладываетъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, разводятъ огонь и раскаляютъ камни на огнѣ до красна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отъ чего распространяется паръ, нагрѣ-

вающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду" (Гаркави, стр. 267).

Перехожу теперь ко второй важнѣйшей прерогативѣ княжеской власти,—къ праву суда.

Нѣтъ сомнѣнія, что право суда—одна изъ важнѣйшихъ и древнѣйшихъ прерогативъ княжеской власти. Но, съ другой стороны, мнѣ кажется также вѣрно, что чѣмъ ближе къ времени основанія государства, тѣмъ эта прерогатива имѣла менѣе обширное приложеніе. Въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи, при призваніи князей, посланные зовутъ норманов„княжить и володѣть нами". Конечно, какъ и видно изъ лѣтописи, главной причиной призванія „варяговъ" чужеземцевъ, была постоянная вражда родовъ и племенъ; слѣдовательно чужеземцы здѣсь должны были явиться безпристрастными примирителями, нарядниками.

Въ первобытныхъ обществахъ месть служитъ единственной охраной человѣческой безопасности, а потому родовое общественное устройство являлось первымъ охранителемъ личности, было необходимѣйшей общественной организаціей. Только государственная власть, и то не въ первыя времена, когда она является чрезвычайно слабой,—можетъ замѣнить родовую защиту. Священное право и обязанность мести есть первая нравственная связь человѣка съ обществомъ, первая идея обязанности, которая была имъ сознана и свято исполнена. По арабски месть называется „освета", священная *). По одной древней исландской сагѣ, одинъ слѣпецъ отъ рожденія, на котораго пала обязанность мести, прозрѣвъ, исполнилъ месть и снова ослѣпъ (Шпилев., Союзъ родствен. защиты, стр. 53). Но не смотря на это великое и благотворное право мести, она часто приводитъ первобытные народы къ самымъ тяжелымъ результатамъ. Роды не ограничиваются тѣмъ, что ближайшій родственникъ убитаго убиваетъ убійцу, но иногда вмѣсто него убиваетъ другаго, луч-

*) Сербы говорятъ: «Тко се не освети, Богъ та не освети», т. е. за кого не отмстили, того Богъ не освятилъ (Шпилев., Союзъ родств. защиты, стр. 54).

шаго члена рода, какъ у черногорцевъ и черкесовъ. Поповъ, видѣвшій бытъ черногорцевъ, говоритъ о правѣ мести, какъ она понималась тамъ: „при родовомъ устройствѣ понятіе о преступленіи не можетъ образоваться и быть понято въ его истинномъ смыслѣ, потому что нѣтъ преступника. Преступникъ является въ общественномъ дѣлѣ представителемъ цѣлаго рода и, слѣдовательно, только родъ можетъ совершить преступленіе. Наказаніе точно также падаетъ не на лицо, совершившее преступленіе, но на цѣлый родъ. То или другое лицо будетъ наказано—все равно для обиженнаго. Отношеніе между родами не опредѣляется никакими юридическими условіями, а потому и наказаніе, и его степень произвольны—месть“... „Часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій. И месть почти никогда не останавливалась на одномъ, но многіе падали жертвою за обиду, причиненную однимъ“ (Поповъ, Путеш. по Черног., стр. 144).

Тоже самое мы видимъ у черкесовъ, гдѣ часто роды совершенно истребляютъ другъ друга, или оканчиваютъ месть религіозно, церемонно. Такова же по своему характеру, вѣроятно, была месть и у новгородскихъ славянъ, когда возставалъ „родъ на родъ“.

Когда надъ родовой властью возвышалась племенная или государственная власть; ея первою обязанностью было остановить кровавую борьбу родовъ. Но она сначала была безсильна уничтожить ее, отчасти потому, что сама не могла защищать личность, отчасти потому, что этотъ порядокъ вещей вошелъ въ нравы. Только мало-по-малу, постепенно, государственная власть смягчаетъ и ограничиваетъ месть, обставляетъ ее различными обрядами, которые долженъ совершать мститель. Такъ, на основаніи германскихъ „gragas“ можно было мстить за оскорбительныя слова или ударъ, но не далѣе какъ до ближайшаго суднаго дня. Месть должна быть явной и мститель, совершивъ месть, долженъ явиться въ судъ. Gragas опредѣляетъ также всѣ поводы къ мести (Шпилев., Род. союз., стр. 37).

Но право мести переходитъ къ другому только тогда, когда самъ обиженный не существуетъ болѣе, или не въ состояніи отомстить за себя. Въ другихъ случаяхъ онъ самъ мститъ за свою обиду. Причиною мести могутъ быть всевозможныя обиды, какъ это видно по нормапскому законодательству: прелюбодѣяніе съ женою или дочерью, увозъ дѣвушки, бранныя слова, ударъ, убійство раба, истребленіе скота. Словомъ, человѣкъ обязанъ былъ защищать самъ себя отъ всѣхъ обидъ, такъ какъ государство и его судебная власть были еще слишкомъ слабы. Самосудъ есть господствующая форма суда въ первобытныхъ обществахъ.

Какова была власть князя по отношеніи къ суду у насъ,— вотъ весьма трудный вопросъ, по недостаточности данныхъ. Древнѣйшіе начатки нашего права сохранились въ договорахъ Олега и Игоря, гдѣ есть три статьи, опредѣляющія главнѣйшія преступленія первобытнаго общества.

1) „Русской-ли убьетъ христіанина или христіанинъ русскаго, да умретъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убійство. Если же убійца скроется, то, буде онъ домовитъ, да возьметъ ближайшій родственникъ убитаго часть убійцы, то есть какая будетъ ему приходится по закону; но и жена убійцы да получитъ часть, какая слѣдуетъ ей по закону. Если же сдѣлавшій убійство и скрывшійся не имѣетъ собственности, то да остается подъ судомъ, доколѣ не отыщется, и въ слѣдъ за тѣмъ да умретъ.

2) „Если же ударитъ кого мечемъ или зашибетъ какимънибудь орудіемъ, да заплатитъ за сіе удареніе или побои пять литръ серебра по закону русскому. Если же сдѣлавшій не имовитъ, то да заплатитъ сколько можетъ; да сниметъ съ себя и ту самую одежду, въ которой ходитъ, а по отношеніи къ остальному да клянется по своей вѣрѣ, что никто изъ посторонпихъ не поможетъ ему; съ того времени да прекратится взысканіе по долгу.

3) „Когда русской украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у русскаго, и воръ въ ту минуту, какъ онъ дѣлаетъ покражу, будетъ пойманъ хозяиномъ вещи, и если

воръ, дѣлающій покражу, начнетъ сопротивляться и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его, ни отъ христіанина, ни отъ русскаго, а напротивъ еще лишившійся вещи да возьметъ обратно свое.

„Но если воръ не станетъ сопротивляться, то да будетъ взятъ тѣмъ у кого у кралъ онъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что осмѣлился сдѣлать".

4) „Если кто изъ христіанъ или русскихъ покусится на насиліе и возьметъ что нибудь у другого силою, да отдастъ за то втрое.

5) „Если кто изъ работающихъ въ грекахъ руси у христіанскаго царя умретъ, не урядивъ своего имѣнія, или не будетъ имѣть подлѣ себя ближнихъ; то возвратить имѣніе его къ малымъ (иногда милымъ) ближникамъ въ Русь."

Вотъ пять статей, въ которыхъ заключается все право первобытнаго народа. Безъ всякаго сомнѣнія эти статьи, по своему складу и содержанію, принадлежатъ законодательству первобытнаго племени. Но при объясненіи этихъ статей намъ предстоитъ рѣшить много затрудненій: во-первыхъ, есть-ли это законодательство славянское, или норманское; во-вторыхъ, такъ какъ этотъ судъ былъ вмѣстѣ для грековъ и русскихъ, то несомнѣнно здѣсь должно было происходить соглашеніе противуположныхъ правовыхъ воззрѣній, какъ справедливо догадывался Эверсъ (Древн. Русс. Пр., тл. III, IV и V).

Остановимся на первомъ вопросѣ.

Конечно рѣшеніе этого вопроса тѣсно связывается съ тѣмъ, кто были первые князья, славяне или норманы, и такъ какъ, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться въ силѣ и значеніи норманскаго элемента до Владиміра, то нужно думать, что эти статьи взяты изъ права норманскаго. Это, мнѣ кажется, можно подтвердить еще тѣмъ, что и сами законы должны прилагаться къ норманамъ, такъ какъ въ это древнѣйшее время только норманы преимущественно вели торговлю съ Византіей. Наконецъ, на это же указываетъ и послѣдняя статья, допускающая самое широкое право завѣщанія. Такое широкое право завѣщать могло развиться только въ норман-

ской дружинѣ, оторванной отъ всѣхъ основъ родоваго быта. Норманскій воинъ, составлявшій свое состояніе на чужбинѣ, въ бояхъ, считалъ себя въ-правѣ располагать своимъ достояніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ лично. По извѣстіямъ арабовъ, если у руссовъ родился сынъ, то отецъ бросалъ ему мечъ, говоря: будешь имѣть только то, что добудешь этимъ мечомъ (Гаркави, стр. 283). Но если мы допустимъ, что въ этихъ статьяхъ заключается право норманское, то этимъ не уменьшится ихъ важность для исторіи русскаго права, такъ какъ норманы были въ это время главными воеводами, намѣстниками и посадскими князей, а потому ихъ правовыя идеи, при отсутствіи русскаго писаннаго закона, должны были имѣть сильное вліяніе и на наше правовое сознаніе. Сверхъ того, первобытныя законодательства у всѣхъ народовъ такъ сходны въ главныхъ положеніяхъ, что ихъ можно считать почти одинаковыми у всѣхъ народовъ, какъ вытекшими изъ однихъ и тѣхъ же условій. Несомнѣнно важнѣе опредѣлить, что въ этихъ законахъ принадлежитъ сознанію первобытнаго племени и что внушено греческимъ вліяніемъ и соглашеніемъ.

Два главнѣйшія положенія первой статьи, т. е. допускающія убить на мѣстѣ убійцу или довольствоваться выкупомъ, есть несомнѣнно положеніе первобытнаго племени. Въ первобытныя времена человѣкъ разсматривается только какъ членъ рода или дома, какъ собственность рода. Родъ первоначально мстилъ за смерть своего члена, потому что онъ теряетъ въ немъ работника. Это матеріальное пониманіе могло повести и къ двумъ матеріальнымъ результатамъ, т. е. родъ могъ удовлетворяться извѣстнымъ вознагражденіемъ и не мстить убійцѣ, и къ другому, столь же прямо вытекающему изъ него, по которому умышленныя и неумышленныя убійства не различались. Поэтому у всѣхъ первобытныхъ народовъ выкупъ является всегда рядомъ съ местью. Уже Тацитъ знаетъ у германцевъ о выкупѣ рядомъ съ местью. Но нельзя сказать, чтобы у древняго человѣка матеріальная сторона всегда поглощала сторону нравственную: въ первобыт-

ныя времена никто не обязанъ приносить выкупъ и часто мститель отказывается отъ него, говоря: „я не могу носить своихъ дѣтей или братьевъ въ кошелькѣ“. Самое вознагражденіе за убитаго опредѣлялось добровольнымъ соглашеніемъ, какъ это видно и здѣсь, и только впослѣдствіи въ это вмѣшивается законодательство (Шпилев., Союзъ родств. защиты, стр. 11). То же самое положеніе было и въ правѣ норманновъ; и третье положеніе первой статьи, по которой право выкупа принадлежало ближайшему родственнику, какъ лицу, который имѣлъ право мести. У племенъ, живущихъ на своихъ мѣстахъ, конечно, право выкупа принадлежало не одному ближайшему родственнику, но и семейству убитаго; но здѣсь, такъ какъ торговецъ норманнъ былъ оторванъ отъ семьи, то это право естественно переходило къ ближайшему родственнику, который тамъ находился. Но четвертое положеніе первой статьи, по которому жена убійцы имѣетъ право взять свою часть изъ имѣнія, произошло подъ вліяніемъ греческаго права, какъ справедливо думаетъ Эверсъ (Древ. Прав., стр. 162), потому что у первобытнаго племени, какъ это было и у нашихъ славянъ, жена была собственностью мужа, его рабой, а потому не только не могла требовать изъ имѣнія своего мужа своей части, но часто за вину мужа сама отдавалась какъ имущество.

Вторая статья, указывающая за собой денежное вознагражденіе (5 литръ), также принадлежитъ къ первобытному праву, но не перваго, а уже втораго его періода. Въ древнѣйшее время обиды также подлежали мести; у черкесовъ, получившій рану измѣряетъ ея длину хлѣбными зернами и получаетъ право дать своему врагу подобной же величины рану (Гакстгаузенъ, Путеш. въ Закавказьѣ). Эта статья какбы уничтожаетъ месть за обиды и устанавливаетъ денежную пеню, а потому предполагаетъ право суда въ этихъ случаяхъ, что чрезвычайно важно.

Также замѣчательна и третья статья о воровствѣ. Первобытное право въ этомъ отношеніи должно было рѣзко отличаться отъ греческаго, по двумъ причинамъ: во-первыхъ,

первоначально смотрѣли на воровство, не какъ на нарушеніе общественнаго порядка, но какъ на частную обиду, а потому воръ, по первобытному правовому сознанію, былъ виноватъ только въ нарушеніи интереса лица, а не общества. Этотъ взглядъ оставался долго господствующимъ, такъ что онъ сохранился во всей цѣлости даже въ Псковской грамотѣ 1467 г.: „а на тати и на разбойникѣ же чего истецъ не возметъ, ино и князю продажи не взяти“ (Энгельманъ, Гражд. зак. псков. суд. гр., стр. 120). Вторая черта, отличающая древнее правовое сознаніе—самоуправство. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, считался внѣ закона: его можно убить, не подвергаясь мести. Этотъ принципъ ясно выразился въ Русской Правдѣ: „если убьютъ огнищанина у клети, коня, или при воровствѣ коровы, то убить вмѣсто пса“ (Акад. сп., стр. 20). По греческому праву, воръ былъ нарушителемъ общественнаго мира съ одной стороны, а потому долженъ быть наказанъ за преступленіе, хотя бы этого и не желалъ обкраденный; но, съ другой стороны, и самъ воръ былъ членомъ общества, надъ которымъ право суда принадлежало государству, а потому убить его можно было лишь изъ самозащиты. Изъ сопоставленія этихъ противуположныхъ взглядовъ возникла неясность и двухсмысленность этой статьи.

Всѣ вышеприведенныя статьи одинаково можно отнести къ правовому сознанію руссовъ и славянъ; но послѣдняя статья о наслѣдствѣ относится здѣсь къ особому положенію норманновъ, а потому объ этомъ институтѣ я буду говорить ниже.

Эти статьи были вполнѣ достаточны для огражденія личности норманновъ или даже славянъ на чужбинѣ, въ Греціи. Но нельзя не имѣть въ виду того, что на родинѣ онѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ были во многомъ измѣнены, согласно обстоятельствамъ и условіямъ государственнаго порядка.

Въ отношеніи законовъ объ убійствѣ два существенныя положенія, неизвѣстныя идеямъ договора, мы находимъ въ русскихъ источникахъ. Государственная власть въ Россіи и ея представители стали очень рѣзко смотрѣть на убійство, не

только какъ на нарушеніе интересовъ рода, но какъ на нарушеніе мира государства. По этому взгляду, всякій вообще преступникъ, кромѣ отвѣтственности передъ семьей убитаго, подвергался отвѣтственности передъ государствомъ, и долженъ былъ заплатить ему пѣню, называвшуюся вирой; слово и идея взяты у норманновъ. Во-вторыхъ, даже и при этомъ не всѣ убійцы могли откупиться передъ родственниками и государствомъ; извѣстный разбойникъ подлежалъ казни. Арабъ Ибнъ-Вакшія, писавшій около 930 года, слѣдовательно при Олегѣ, говоритъ: „поймаетъ царь въ государствѣ своемъ разбойника, велитъ или задушить его, или же отдастъ его подъ надзоръ кого-либо изъ правителей на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣній“ (Гаркави, стр. 267). Тоже подтверждаетъ сага Олафа, источникъ норманскій: „въ Холмгардѣ, говоритъ она, такъ строго соблюдалось всеобщее спокойствіе, что каждый, убивавшій другаго человѣка безъ суда, наказывался смертью. Теперь (когда Олафъ убилъ Клеркона), сбѣжался весь народъ, по обычаю и законамъ ихъ, искать Олафа, гдѣ онъ скрылся, и хотѣлъ лишить его жизни, какъ повелѣваетъ законъ» (Русс. Ист. Сбор., т. IV, стр. 41). Тоже говоритъ и извѣстное мѣсто лѣтописи: „жилъ Владиміръ въ страхѣ Божьемъ и умножились разбойники, и сказали епископы Владиміру: вотъ умножились разбойники, зачѣмъ не казнить ихъ? Онъ отвѣчалъ имъ: „боюсь грѣха“. Они сказали ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на помилованіе добрымъ; тебѣ слѣдуетъ казнить разбойниковъ, но прежде узнать дѣло“. Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, и тогда сказали епископы и старцы: войнъ много, нужны виры, которыя шли бы на оружіе и на коней. И сказалъ Владиміръ: такъ буди. И жилъ Владиміръ по устроенному „дѣдню и отню».

Очевидно, что преобладающей чертой установленія «дѣдня и отня», т. е. русскаго права, до Владиміра было наказаніе убійцъ денежною пѣней или вирой, причемъ собирался столь большой доходъ, что изъ него можно было покупать копей и оружіе для дружины. Но это преобладаніе

не исключало и строгихъ наказаній для разбойниковъ. Когда Владиміръ принялъ христіанство, религію милосердія и прощенія, то онъ очевидно хотѣлъ совершенно отказаться отъ второй части древней прерогативы—казнить разбойниковъ, считая ее нехристіанской. Епископы принесли съ собой другой взглядъ развитаго права грековъ, которое не знало выкуповъ, а только подвергало обиженныхъ казни, но съ испытаніемъ, т. е. только уличенныхъ въ винѣ, какъ говорили греки. Владиміръ подчинился ихъ совѣту и уничтожилъ виры, какъ противныя правовому сознанію грековъ. Но эта полнѣйшая отмѣна виръ была еще слишкомъ высока для этого общества и, сверхъ того, „виры" составляли едва-ли не самый главный доходъ князя. Епископы должны были уступить въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, и примѣниться къ обстоятельствамъ. Наконецъ, эта же идея проявляется и въ Русской Правдѣ, хотя только въ позднѣйшихъ спискахъ.

Но вира, платимая князю убійцею и его родомъ, разумѣется, не смягчала права мести или денежное вознагражденіе родственникамъ убитаго. Кромѣ того, изъ церковнаго устава Владиміра мы узнали, что онъ отдалъ $^1/_{10}$ часть „виръ" и продажъ церкви; а это указываетъ, что князья собирали пошлины въ свою пользу и отъ меньшихъ преступленій, за которыя, по опредѣленію Русской Правды, брались пошлины. Впрочемъ, о продажахъ не говорится въ древней лѣтописи, но это не противорѣчитъ дѣлу, такъ какъ продажъ Владиміръ могъ никогда не отмѣнять. Самое слово „продажа" означало, можетъ быть, наказаніе еще древнѣйшее, чѣмъ вира и относится къ тому отдаленному времени, когда преступникъ или изгонялся изъ рода (изгой), или просто продавался въ рабство. Доказательствомъ этого можетъ служить и то, что остатокъ такой продажи, какъ мы увидимъ ниже, допускала Русская Правда въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Норманы, можетъ быть, замѣнили настоящую продажу только пѣней князю и ввели въ общество особую плату или виру. Такая суровость наказаній за преступленія неудивительна и въ обычаяхъ первобытныхъ племенъ, да и замѣнившая ее

пѣня не менѣе строга и тяжела. Если вспомнимъ, что за одинъ толчекъ нужно было заплатить 3 гривны или 3 коровы, то это не-малое наказаніе.

О древнѣйшемъ судопроизводствѣ до временъ Ярославовой Правды мы имѣемъ одно чрезвычайно важное извѣстіе у арабовъ: „если кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ князю, предъ которымъ и препираются; когда князь произнесъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ. Если же обѣ стороны приговоромъ князя недовольны, то, по его приказанію, онѣ должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и кто одолѣетъ противника, тотъ выигрываетъ дѣло“ (Ибнъ-Даста. Гаркави, стр. 269).

Это замѣчательное извѣстіе выставляетъ три положенія: 1) если одна изъ сторонъ довольна, то тогда другая должна безусловно подчиниться рѣшенію; 2) если обѣ недовольны, тогда дѣло рѣшается поединкомъ; 3) въ этомъ послѣднемъ случаѣ родственникъ (родъ) защищаетъ каждаго своего члена.

Какой глубокой древностью дышатъ всѣ эти три постановленія! Первобытный человѣкъ не признавалъ надъ собой никакой власти, кромѣ собственнаго сознанія. Первая уступка порядку это—призваніе „третьяго“ для рѣшенія спора, т. е. обѣ стороны добровольно соглашаются подчиниться рѣшенію лица, которому они довѣряютъ. Такъ, у чеховъ, по словамъ Козьмы Пражскаго, къ тому, кто считался въ своемъ племени почтеннымъ и мудрымъ, безъ его зова, добровольно приходили судиться въ нарушаемыхъ правахъ и обидахъ (Шпилев., Союзъ род. защ., стр. 87). Это рѣшеніе, само собой, имѣетъ нравственную обязательность, если имъ довольна хотя бы одна сторона; но оно теряетъ свою нравственную силу, какъ скоро обѣ стороны недовольны. Тогда и послѣ суда онѣ находятся въ такомъ же положеніи, какъ до суда. Но лицо слабо; оно имѣетъ силу только какъ членъ рода, а потому родъ является нравственнымъ представителемъ и за-

щитникомъ своего члена; оно является на мѣсто боя, на мѣсто Божьяго суда, и смотритъ, чтобы условія были равны, чтобы его членъ не былъ обиженъ. Очевидно, что весь этотъ взглядъ на судъ совершенно противенъ сколько-нибудь развитому государственному порядку, и онъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу, но побѣждаетъ его лишь постепенно. Въ этомъ случаѣ князь является только еще посредникомъ, обязательнымъ посредникомъ, но не болѣе. Ибнъ-Даста не обозначаетъ, къ какому князю они приходили на судъ: къ племенному или къ центральному великому князю. И то, и другое возможно отдѣльно и вмѣстѣ. Великій князь могъ рѣшать дѣла во время своихъ поѣздокъ на полюдьяхъ, о которыхъ согласно говорятъ русскіе, византійскіе и арабскіе источники. Но государь хочетъ выйти изъ такого унизительнаго положенія, сдѣлать свое рѣшеніе обязательнымъ, уменьшить количество дѣлъ, рѣшающихся безъ его посредства. Такъ, у чеховъ одно правило Конрада I, 1189 г., говоритъ: „судъ, который именуется слюбнымъ, можетъ свободно производиться для рѣшенія тяжбъ о козѣ, объ овцѣ, или тому подобномъ, но не о большемъ“. Еще вреднѣе для порядка было присутствіе рода при рѣшеніяхъ суда, которое часто могло вести къ немалымъ безпорядкамъ. Наши законодательства долго боролись противъ этого стараго порядка, и слѣды этой борьбы замѣчаются въ Новгородской и Псковской грамотахъ, т. е. въ XV стол. „А на судъ помочью не ходити“, говоритъ Псковская грамота (Енгельманъ, стр. 116). Новгородская грамота, опредѣливъ кому быть у доклада въ судѣ, прибавляетъ: «а иному никому у доклада не быть» (Новгор. гр., А. А., т. I, № 92).

Но какой важный, громадный шагъ сдѣлало русское право при Ярославѣ, когда была дана первая Русская Правда новгородцамъ. Я считаю древнѣйшую Ярослава Правду въ 17 статей, до мѣста, гдѣ говорится о правдѣ сыновей (Д. Д. В., т. 2). Конечно, противъ этого можно возразить, что этотъ списокъ, можетъ быть, только сокращенный списокъ полной Ярославовой Правдой и принимать за Правду Ярослава, какъ это сдѣлали Карамзинъ и Соловьевъ, полную Правду

въ 120 или 130 статей. Я считаю одинаково вреднымъ для науки увлеченіе излишнимъ скептицизмомъ для скептицизма, какъ излишнее довѣріе, забывающее естественный ходъ общественнаго развитія. Во-первыхъ, я думаю, совершенно невозможно и неестественно предполагать, чтобы въ теченіе времени, отдаляющаго Русскую Правду отъ договоровъ, общество успѣло сдѣлать такой шагъ, какой былъ бы между полной Русской Правдой и законами договорныхъ грамотъ. Право, сохраняющееся въ обычаѣ, всегда немногосложно. Во-вторыхъ, предполагая такую обширную Правду, уже созданную Ярославомъ, мы должны допустить, что послѣ него наше законодательство и русская жизнь почти не двигались. Что обширная редакція Правды всегда носитъ заглавіе Ярослава,—это очень обыкновенно въ древнія времена. Въ настоящее время уже никто не сомнѣвается, что Ликургу приписаны такіе законы, которые были сдѣланы его преемниками, а также и его предшественниками. Только писанное право можетъ быстро расти и пополняться, а Правда Ярослава должна была быть ни что иное, какъ запись обычаевъ, до тѣхъ поръ сохранявшихся въ памяти народа. Ничто не мѣшаетъ предположить съ полною основательностью, что первый списокъ Русской Правды, вмѣстѣ съ уставомъ о земскихъ дѣлахъ и уставомъ о мостахъ, хранился въ какомъ-либо святилищѣ Новгорода, какъ высочайшая драгоцѣнность, и точный снимокъ съ него вошелъ въ какой-либо древнѣйшій хронографъ. Г. Срезневскій справедливо угадываетъ, что прежде лѣтописи велись болѣе или менѣе полнѣе записей по годамъ, которыя позднѣе дополнялись новыми источниками (Зап. Акад.). Наконецъ, новыя работы Костомарова, Сухомлина и Бестужева-Рюмина о составѣ лѣтописей оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что лѣтописецъ вообще весьма часто вставляетъ въ свой трудъ труды другихъ, а также и разные документы. Во-вторыхъ, древнѣйшая Ярослава Правда знаетъ кровную месть и опредѣляетъ ее, тогда какъ въ позднѣйшихъ спискахъ, кромѣ статей, опредѣляющихъ порядокъ мстителей, сейчасъ же идетъ и отмѣна ея сыновьями Ярослава. Нако-

нецъ, три важные отдѣла подобныхъ списковъ: отношеніе, когда свободный человѣкъ дѣлается рабомъ и законы о наслѣдствѣ и опекѣ —не могли быть постановленіемъ Ярослава, такъ какъ они касаются уже такого отношенія государствъ къ общественнымъ элементамъ, какого нельзя себѣ представить въ это время, какъ я укажу на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, необходимѣйшіе регулы для отношеній между землевладѣльцами и работниками были уже даны въ уставѣ о земскихъ дѣлахъ, а статьи о наслѣдствѣ не могли входить сюда, потому что Владиміръ всѣ этого рода дѣла отдалъ на судъ церкви. О самомъ фактѣ, была ли Ярославова Правда дана въ Новгородѣ или въ Кіевѣ,—было высказано сомнѣніе. Извѣстно, что Новгородская лѣтопись, передъ помѣщеніемъ Правды Ярослава, говоритъ: «онъ далъ имъ правду и уставъ, сказавъ: «по сей грамотѣ ходите». Эти слова Розенкампфъ и Морошкинъ, а вслѣдъ затѣмъ и Калачевъ, съ вѣроятностью относятъ къ какой-либо другой грамотѣ, которая была бы болѣе важна новгородцамъ, чѣмъ Ярославова Правда, которая есть ничто иное, какъ записанный обычай (Изслѣд. Русс. Правды Калачева, стр. 31). Но это мнѣніе мнѣ нисколько не кажется основательнымъ. Во-первыхъ, хотя содержаніе Правды Ярослава и было въ обычаяхъ; но всѣ обычаи отличаются вообще неопредѣленностью и разнообразіемъ, а потому нельзя сказать, чтобы письменное установленіе обычая не было важнымъ. Во-вторыхъ, Правда опредѣляетъ количественно денежныя пѣни, которыя въ обычаяхъ должны были зависѣть отъ частнаго соглашенія. Такая Правда, съ ея точными опредѣленіями, была важна и для позднѣйшихъ поколѣній, такъ что новгородцы могли приглашать князей «на всѣхъ грамотахъ Ярослава», потому что еслибы они этого не сдѣлали, то князья могли бы производить судъ по собственному усмотрѣнію и новгородцы подпали бы полнѣйшему произволу, такъ какъ они признавали за княземъ право суда. Г. Соловьевъ, въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, справедливо доказываетъ, что такъ--называемая грамота Ярослава не могла

опредѣлить вольностей Новгорода, потому что онѣ выработались гораздо позднѣе, въ XII и XIII вѣкѣ. Не менѣе остроумна и важна догадка г. Бѣляева, что въ Правдѣ Ярослава нѣтъ пошлинъ въ пользу князя; такимъ образомъ, онъ далъ новгородцамъ льготу отъ судебныхъ пошлинъ, а такая льгота, безъ сомнѣнія, есть громадное облегченіе. Наконецъ, разборъ самой грамоты яснѣе всего укажетъ ея древность и принадлежность Новгороду. Обратимся теперь къ самой Правдѣ Ярослава.

Правда Ярослава содержитъ въ себѣ 10 статей по уголовному праву, 3 по гражданскому и 4 по судопроизводству.

Двѣ статьи по уголовному праву опредѣляютъ право мести:

1) если убьетъ мужъ мужа, то мстить за брата брату, сыну за отца или отцу за сына, или братнину или сестрину сыну; если не будетъ этихъ мстителей, то взять 40 гривенъ за голову, все равно, будетъ ли это русинъ, или гриденъ, или купецъ, или ябетникъ, или мечникъ, или изгой, или словѣнинъ; 2) если кто уткнетъ руку и она упадетъ или усохнетъ, то взять 40 гривенъ; или, если (въ силу удара) нога хотя и останется цѣлой, но (получившій ударъ) начнетъ хромать, то пусть смиряютъ (мстятъ) дѣти.

Если мы остановимся на этомъ положеніи Правды относительно убійства и сравнимъ ее съ предшествовавшимъ правомъ, то первое, что насъ поразитъ,—мы не находимъ здѣсь виры и находимъ опредѣленную пѣню за голову, которая, по всему вѣроятію, платилась здѣсь роду убитаго. Наоборотъ, въ позднѣйшихъ спискахъ Правды мы снова находимъ доказательство, что вира идетъ князю, а пострадавшій получаетъ особое вознагражденіе, въ размѣрѣ половины виры. Напр., въ Троицкомъ спискѣ вторая приведенная нами статья читается такъ: „если уткнетъ руку и отпадетъ рука или усохнетъ, или нога, или око, то полвиры, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ“. Что вира платилась князю, это же доказываетъ и должность вирниковъ, которые очевидно были

сборщиками виры, а также и тѣмъ, что въ обширныхъ редакціяхъ за вирами непосредственно идутъ уроки за убійство княжескихъ ремесленниковъ, кормильцевъ и смердовъ. Наконецъ, для платы роду убитаго обширная редакція знаетъ особое слово—„головщина". Такимъ образомъ, если въ Правдѣ Ярослава ничего не говорится о вирѣ, то можно справедливо догадываться, что эти деньги отъ убійцы и его рода шли не князю, а прямо роду убитаго; князь при этомъ не получалъ ничего,—огромная привиллегія новгородцамъ. Точно также въ новгородской Правдѣ Ярослава ничего не говорится о продажѣ, т. е. пѣни за менѣе важные проступки, пѣни, которая, какъ это ясно доказываютъ всѣ обширныя редакціи, всегда шла князю. Наоборотъ, всѣ тѣ проступки, которые по полнымъ сборникамъ считаются нарушеніемъ общаго мира, здѣсь считаются только личной обидой лица, которое и получаетъ за это пѣню. Замѣчательно также, что Псковская судная грамота совсѣмъ не знаетъ виры, а князь за убійство получаетъ только рубль продажи.

Второе положеніе Правды опредѣляетъ—кому за кого мстить. Эти мѣста подвергались разнымъ толкованіямъ; нѣкоторые изслѣдователи думали, что Ярославъ установляетъ мстителей только примѣрно; другіе же, какъ это мнѣ кажется, справедливо и основательно видѣли здѣсь ограниченіе мести и опредѣленіе ея только ближайшими родственниками. Да и странно было бы думать иначе, если самое призваніе князя имѣло своей причиной возстаніе одного рода на другаго. Притомъ его сыновья даже окончательно измѣняютъ месть; слѣдовательно, это было послѣдней ступенью историческаго развитія права до отмѣны мести.

Третьимъ положеніемъ Ярославовой Правды постановляется, что за убійство всѣхъ людей свободныхъ, безъ различія народности, состоянія или должностей, платится одинаковая вира. По слабости, въ отвлеченіи, вмѣсто общей идеи, Правда выказываетъ національности, званія и другія отличія. Что таково значеніе этой статьи, это доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ полнѣйшихъ редакціяхъ назначается нѣня за

убійство, „по мужу“ смотря (Калач., Изслѣд., стр. 109). Да и Изяславова Правда уже возвысила виру за огнищанъ и тіуновъ князя.

Во второй приведенной нами статьѣ опредѣляется, что виновный долженъ платить полную пѣню въ 40 гривенъ, если онъ отсѣкъ руку; а если онъ повредилъ только ногу, то статья предоставляетъ право мести его дѣтямъ.

Я не считаю нужнымъ приводить прочія статьи, касающіяся уголовнаго права, а скажу только, что въ нихъ опредѣляется, какія пѣни долженъ заплатить обидчикъ за ударъ разными орудіями, или за выдергиваніе усовъ, бороды, выбитіе зубовъ и т. д. Самое важное касательно этого я уже сказалъ,—а именно, что всѣ эти пѣни идутъ обиженному, а князь не получаетъ никакой продажи, тогда какъ въ позднѣйшихъ спискахъ за всѣ эти преступленія князь беретъ огромную продажу, а обиженный получаетъ, и то не всегда, самое ничтожное вознагражденіе (Списокъ Троицкій и Карамзина).

Статей гражданскаго права всего три, и онѣ не касаются ни собственности, ни наслѣдства. Въ одной изъ нихъ опредѣляется, что взявшій на подержаніе какое-либо военное оружіе или другія вещи, долженъ возвратить ихъ цѣну; въ другой—за поѣздку на чужомъ конѣ безъ дозволенія налагается пѣня за обиду въ 3 гривны; въ третьей—за укрывательство чужаго раба взыскивается пѣня въ 3 гривны. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ положеній? Прежде всего, тотъ, что законъ признавалъ движимую собственность. Но эти признаки движимой собственности и умолчаніе о недвижимой—не есть ли ея отрицаніе?

Уже очень давно этимъ аргументомъ умолчанія воспользовались школы родоваго и общиннаго быта для доказательства своихъ любимыхъ теорій: одна, что поземельная собственность принадлежала роду, другая—общинѣ, а потому Правда и не знаетъ ее. Первую мысль объ этомъ высказалъ Эверсъ (см. Древ. прав., стр. 305). Доколѣ имущество, во всей своей совокупности, остается собственностью племени

или семейства, дотолѣ законы о правѣ наслѣдства бываютъ излишни. Г. Губе развилъ эту мысль и выставилъ положеніе, что въ древнее время собственность принадлежала роду; наконецъ, г. Никольскій, въ своей прекрасной книгѣ (О началахъ наслѣдованія) развилъ ее и дополнилъ преимущественно подробнымъ разборомъ пѣсни чеховъ о судѣ Любуши. Но можно-ли послѣ всего этого считать мысль вполнѣ вѣрной? Во-первыхъ, она совершенно не опредѣляетъ, что такое родъ и смѣшиваетъ, такимъ образомъ, колѣно, или искуственный родъ съ естественнымъ, а отъ этого смѣшенія и происходитъ путаница. Идея поземельной собственности проходитъ три или даже четыре ступени: племенную, колѣнную, родовую и семейную. Первоначально все племя признаетъ земли, на которыхъ оно охотится за звѣрями, своей собственностью; затѣмъ, при началѣ земледѣлія, роды выдѣляются изъ племени и получаютъ свои земли. Эти роды, при размноженіи, дѣлаются колѣнами и выдѣляютъ естественный родъ, который получаетъ себѣ земли; наконецъ, распаденіе естественныхъ родовъ образуетъ посемейную собственноть. Тотъ періодъ, когда колѣно распадается, образуя родовую и посемейную собственность, очень продолжителенъ и тогда въ сознаніи еще живетъ идея принадлежности земли роду не естественному, а искуственному, или колѣну. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, разбивая собственность колѣна на родовую и посемейную, а въ писанныхъ законахъ объ этомъ можетъ ровно ничего и быть, такъ какъ это такое глубокое, всѣми сознанное право, которое не подвергается никакимъ измѣненіямъ, никакому разнообразію въ пониманіи. Въ „Traité de législation“ Конта и въ „Antrophologie der Natur Völker“ Вайца можно найдти множество примѣровъ племенъ, у которыхъ существуетъ посемейная собственность, хотя они совсѣмъ не знаютъ письменныхъ законовъ. У насъ это объясняется еще тѣмъ, что весьма долго поземельная собственность не имѣла никакой цѣны, въ особенности необработанная. По одной грамотѣ, приложенной къ Временнику, у насъ еще въ XVI столѣтіи участокъ

земли могъ стоить рубль, т. е. цѣну лошади. Основываясь на этомъ, я думаю, что у насъ поземельная собственность, безъ поселенныхъ на ней рабовъ, не имѣла ни малѣйшей цѣны, въ особенности, если она была необработана и лежала вдали отъ села. Что же касается до предположенія славянофиловъ о переходѣ изъ родоваго землевладѣнія въ общинное, то оно безъ сомнѣнія было, но не у всѣхъ нашихъ племенъ, а можетъ быть только у славянъ, новгородцевъ и кривичей, потому что въ Малороссіи, какъ и въ Бѣлоруссіи, мы не находимъ и слѣдовъ общиннаго быта. Въ самомъ Новгородѣ, если и былъ въ древнее время общинный бытъ, то онъ скоро былъ вытѣсненъ и земли перешли или къ церкви, или къ боярамъ и купцамъ, или къ мелкимъ собственникамъ, какъ это видно изъ изданныхъ писцевыхъ книгъ.

Наконецъ, дѣла о поземельной собственности, наслѣдствѣ и духовномъ завѣщаніи, по Уставу Владиміра, перешли къ церкви, а слѣдовательно вотъ еще объясненіе, почему объ этомъ предметѣ ничего не говорится въ Русской Правдѣ Ярослава. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, изъ этого умолчанія нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ.

Перехожу теперь къ судопроизводству по Правдѣ Ярослава. Вотъ важнѣйшія статьи:

1) „Если кто возьметъ чужаго коня или оружіе, или платье, а (хозяинъ) узнаетъ (похитителя) въ своемъ міру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду“.

2) „Но когда хозяинъ познаетъ похитителя, то не долженъ самъ взять у него (вещь), говоря: „мое“ но долженъ сказать такъ: пойдемъ на сводъ, тамъ мы укажемъ гдѣ ты (это) взялъ, а если не хочешь идти, то долженъ представить поручителя на 5 дней“.

3) „Если вообще кто что-либо станетъ взыскивать на другомъ, а тотъ станетъ запираться, то онъ долженъ идти на изводъ предъ 12 человѣками, а если тотъ обвинитъ, то взять обиженному свое, а за обиду 3 гривны“.

Безъ всякаго сомнѣнія, смыслъ этихъ трехъ статей ясенъ: въ нихъ личность ограничила свой произволъ и предоставила рѣшать дѣла общинѣ или ея представителямъ. (Родъ,

какъ я укажу далѣе, въ это время превратился въ административный округъ). Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что судъ принадлежалъ родоначальнику, который, неизвѣстно, былъ ли выборнымъ или наслѣдственнымъ, или, можетъ быть, нѣкоторыя власти имѣли выборныхъ, другіе—наслѣдственныхъ старѣйшинъ. Но сами родоначальники или старѣйшины не судили одни, а, вѣроятно, въ присутствіи стариковъ или главъ естественныхъ родовъ. Вмѣсто этого, вѣроятно, въ древнее время, а можетъ быть и при князьяхъ, въ судные дни стали собираться только нѣкоторые члены; такимъ образомъ могъ произойти судъ 12-ти. Подобнымъ образомъ Савиньи объясняетъ для германцевъ и франковъ судъ шофеновъ. „Въ царствованіе Карла Великаго, говоритъ Савиньи, на всемъ пространствѣ его имперіи господствовала одна форма суда: повсюду приговоръ произносился извѣстнымъ числомъ скабиновъ или юдиціевъ на собраніи, въ присутствіи графа, или его наслѣдника, или посадника короля, который предсѣдательствовалъ въ судѣ. Кто были эти скабины и какъ они произошли, объ этомъ ясно говорятъ Капитуляріи; посадникъ (messus) долженъ былъ выбирать ихъ вмѣстѣ съ графомъ и народомъ; онъ же отрѣшалъ недостойныхъ, а на мѣсто ихъ, тѣмъ же способомъ, выбиралъ другихъ“ (Gesch. der Röm. Recht's, стр. 195).

Несомнѣнно, что наши 12 человѣкъ здѣсь замѣняли общину и имѣли рѣшающее значеніе. Но сохранилось-ли подобное учрежденіе въ остальной Россіи? Эта статья находится только въ академическомъ спискѣ, т. е. въ Правдѣ, данной Ярославомъ новгородцамъ. Здѣсь это учрежденіе сохранилось до позднѣйшаго времени, потому что здѣсь мы находимъ судъ одинъ, состоящій изъ выборныхъ отъ пяти концевъ по 2 и по приставу отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, т. е. тѣ же двѣнадцать человѣкъ. Каждый конецъ избиралъ по боярину и по житьему человѣку (см. Акты И., стр. 71). Это совпаденіе 12-ти судей одного суда и 12-ти человѣкъ, на которыхъ указываетъ Правда Ярослава, можетъ-ли быть случайнымъ? Не нужно-ли его признать скорѣе переработаннымъ

судомъ 12-ти и принаровленнымъ къ развитію новгородскихъ сословій. Новгородская исторія держалась крѣпко старины, потому что эта старина ей много давала; всѣ государства, которыя рано пріобрѣтаютъ свободу, какъ напр. Англія, очень консервативны и любятъ ссылаться на старину. Могли-ли новгородцы, столь приверженные къ грамотѣ Ярослава, бросить и оставить безъ развитія такое важное учрежденіе, какъ судъ 12-ти? Я думаю—нѣтъ. Но можно-ли сказать то же самое объ остальной Россіи? Въ другихъ редакціяхъ Русской Правды можно найти слѣды бывшаго общиннаго суда, но только въ другой формѣ, а именно въ формѣ публичныхъ обвинителей; но нѣтъ никакихъ слѣдовъ участія общества въ судѣ, въ роли новгородскаго извода 12-ти человѣкъ. Такъ-называемыхъ судныхъ мужей, которые появляются въ грамотахъ XV столѣтія, нужно-ли признать остаткомъ старины, или, наоборотъ, нововведеніемъ государства? Мнѣ кажется, можно допустить и то и другое. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, можетъ быть, сохранился обычай присутствія судныхъ мужей, но по большей-части онъ совершенно исчезъ; это доказывается тѣмъ, что въ XV и XVI столѣтіяхъ само правительство настаиваетъ на присутствіи судныхъ мужей въ судахъ, слѣдовательно они вышли изъ обычая (см. Бѣлозерск. грам. и въ особенности Судеб. Ив. IV). Г. Дмитріевъ знаетъ одно судное дѣло временъ Димитрія Донскаго, въ которомъ упоминаются судные мужи (О Судеб. Инст., стр. 41); на это есть документы. Наоборотъ, въ кіевскихъ лѣтописяхъ, во время сильныхъ революцій, по поводу злоупотребленія властей тіуновъ, ничего не говорится о какомъ-либо участіи общества на судѣ. Самое общественное и правительственное движеніе XV столѣтія, можно думать, было перенесеніемъ новгородскихъ учрежденій въ остальную Россію, такъ какъ наши князья тогда ближе познакомились съ новгородскими порядками. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; Новгородъ для Россіи въ XV столѣтіи былъ совершенно особымъ міромъ, въ которомъ не было ничего сходнаго съ остальною Русью: его порядокъ, его жизнь давно уже тамъ поблек-

ли, да и не имѣли никогда такого развитія, какъ въ Новгородѣ. А если такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что новгородская Ярославова Правда была той льготной грамотой, которой такъ дорожили Новгородцы. Она давала участіе общества въ судѣ, котораго не было или, лучше сказать, которое исчезло уже въ эту эпоху въ остальной Россіи.

Самымъ труднымъ вопросомъ было бы опредѣлить, въ какихъ дѣлахъ участвовало общество, въ видѣ своихъ 12-ти присяжныхъ? По прямому смыслу вышеприведенныхъ статей, оно участвовало только въ искахъ гражданскихъ, а дѣла уголовныя никогда не принадлежали его вѣдому, потому что мы не видимъ никакого слѣда суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Но какія даже гражданскія дѣла подлежали этому суду,—этотъ вопросъ очень теменъ; на него не даетъ отвѣта и сама новгородская судная грамота.

Разсматриваемый нами списокъ Правды ничего не говоритъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, кромѣ одной слѣдующей статьи:

„Если кто будетъ избитъ до крови, или синихъ пятенъ, то ему не нужно искать очевидца (для того, чтобы завести дѣло въ судѣ); если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то долженъ привести очевидца; если не можетъ, то и дѣлу конецъ. Если не можетъ за себя отомстить, то взять за обиду 3 гривны и заплатить лѣкарю за леченіе“.

Эта статья доказываетъ, что месть дозволялась и за меньшія оскорбленія, причемъ лице тогда только могло удовлетвориться платой, если не могло или не хотѣло мстить за свою обиду. По аналогіи этого процесса можно думать, что всѣ дѣла, возникавшія изъ побоевъ разными орудіями, судились такимъ же образомъ, т. е. обиженный долженъ былъ представить или знаки на своемъ тѣлѣ, или очевидца. Но какъ производился судъ объ убійствѣ? Долженъ-ли былъ имѣющій право мести представить доказательство, что такой-то совершилъ убійство, чтобы воспользоваться своимъ правомъ мести,—объ этомъ ничего не сказано. Можно бы думать, что мститель долженъ былъ представить 7 послуховъ для того,

чтобы воспользоваться правомъ мести, какъ впослѣдствіи долженъ былъ представить ихъ, по другой редакціи Правды, обвиняющій въ убійствѣ; но замѣчательно, что въ спискѣ новгородской Правды конца XIII вѣка, положенномъ при новгородскомъ князѣ Димитріѣ въ Софійскомъ соборѣ (Руск. Дост., т. I), нѣтъ это статьи, такъ что можно думать, что обвинительные жюри новгородцамъ были неизвѣстны. Есть еще одна статья, касающаяся судопроизводства: „если толкнетъ мужъ мужа къ себѣ или отъ себя, то 3 гривны; а видока два выведетъ, а если будетъ варягъ или колбякъ, то на роту". Очевидно, что толчекъ доказывался свидѣтелями-очевидцами, а варягамъ и колбякамъ, какъ иностранцамъ, къ которымъ мѣстные жители могли быть пристрастны, дозволялось подтверждать присягой.

Но если Русская Правда, которую мы разсматривали, есть не только судная, но и привилегированная грамота Новгорода, то рождается вопросъ: въ какомъ видѣ она дѣйствовала во время Ярослава въ остальной Руси? Древнѣйшаго списка Правды для остальной Руси мы не имѣемъ, что и очень понятно, потому что его не стоило хранить, такъ какъ это не была привилегированная грамота. Но что Ярославова Правда новгородская дѣйствовала и въ Россіи, хотя въ измѣненномъ видѣ,—это свидѣтельствуется тождественностью многихъ статей Правды разсматриваемой нами редакціи съ остальными редакціями. Сравненіе тождественныхъ статей нашей редакціи съ остальными можетъ указать различіе.

Я уже выше указывалъ, что по новгородской Правдѣ, въ случаѣ отсѣченія руки—платилось 40 гривенъ, хотя не сказано—кому, но очевидно обиженному. По Троицкому списку, въ этомъ случаѣ платится полувирье—20 гривенъ, а тому за вѣкъ—10 гривенъ. Очевидно, что самъ обиженный получалъ здѣсь только 10 гривенъ, а полувирье идетъ князю.

Тѣмъ же характеромъ проникнуты и другія тождественныя статьи обоихъ списковъ. Для сравненія, я приведу нѣсколько статей:

По новгородской Правдѣ:	*По Троицкому списку:*
Если перстъ уткнетъ который либо, 3 гривны за обиду.	Если перстъ уткнетъ какой либо три гривны продажи, а самому гривна кунъ.
Если ткнетъ мечемъ, не вынявъ его (изъ ноженъ), или рукоятью, то 12 гривенъ за обиду.	Если кто ударитъ мечемъ не вынявъ его, то 12 гривенъ продажи.
Если толкнетъ мужъ мужа, либо къ себѣ, либо отъ себя, то 3 гривны.	Если толкнетъ мужъ мужа либо къ себѣ, либо отъ себя, либо по лицу ударитъ, либо жердью ударитъ, то 3 гривны продажи.

Но достаточно сравненія этихъ тождественныхъ статей, чтобы убѣдиться въ различіи Правды Ярослава, данной новгороддамъ, и Правды Ярослава, дѣйствовавшей въ остальной Руси. По Правдѣ Ярослава, въ остальной Руси государство или князь наказывали за обиду денежной пѣней, или продажею, а самъ обиженный только въ нѣкоторыхъ случаяхъ получалъ небольшую плату, когда былъ выбитъ зубъ, перстъ или была сдѣлана рана. Такъ, напримѣръ, говоритъ одна статья, которой нѣтъ въ Ярославовой новгородской Правдѣ: „если кто ударитъ мечемъ, а не ударитъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, да лечебное". Итакъ, свободному и гордому новгородцу за отсѣченіе руки давалась вира, а жители остальной Руси должны были довольствоваться четвертью ея; въ мелкихъ обидахъ они должны были довольствоваться тѣмъ, что князь взыщетъ съ виновнаго большую пѣню или продажу. Противъ этого можно сдѣлать только одно важное замѣчаніе, что, вѣроятно, и въ самомъ Новгородѣ Ярославова льготная грамота недолго дѣйствовала, по крайней мѣрѣ во всѣхъ своихъ статьяхъ. Въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича (1137 г., Русс. Дост., т. I, стр. 82) есть одно замѣчательное мѣсто: „Уставъ, бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ, брать епископамъ десятину отъ даней, виръ и продажъ, изъ всего, что входитъ въ княжь дворъ. А здѣсь, въ

Новгородѣ, десятина отъ даней, какъ я узналъ, уже установлена князьями, бывшими прежде меня; но что касается десятинъ отъ виръ и продажъ, то они идутъ только въ имѣнье княже". Это мѣсто показываетъ то, что уже до Святослава въ Новгородѣ были виры и продажи, такъ и то, что онѣ не шли на церковь. Если десятины отъ виръ и продажъ, по свидѣтельству Святослава, во всей Россіи шли на церковь, то очевидно, что всюду дѣйствовалъ Церковный уставъ св. Владиміра. Почему же онъ не дѣйствовалъ въ Новгородѣ? Очевидно, не потому-ли, что при Ярославѣ новгородцы были освобождены совершенно отъ виръ и продажъ, а впослѣдствіи, когда они были установлены, ихъ не давали князья, по обычаю уже установившемуся. Во всякомъ случаѣ, въ 116 лѣтъ, которыя отдѣляютъ грамоту Святослава отъ Правды Ярослава, новгородцы потеряли уже эту льготу. Вѣроятно они были уничтожены до Всеволода, княжившаго въ первый разъ отъ 1128—1136; потому что при его изгнаніи новгородцы, вычисляя вины его, не упоминаютъ объ этой, чтѣ бы они, безъ сомнѣнія, не приминули сдѣлать, еслибы онъ ввелъ это нововведеніе, Но во всякомъ случаѣ одну привилегію Ярослава, а именно судъ 12-ти новгородцы крѣпко держали и сохранили до XV вѣка.

Мнѣ остается еще сказать объ одномъ вопросѣ, касающемся древнѣйшей Правды Ярослава, а именно,—насколько въ ней отражается древнее норманское право и насколько славянское. Въ этомъ вопросѣ у насъ издавна господствовали двѣ партіи, изъ которыхъ одна признавала Правду Ярослава норманскимъ законодательствомъ (Погодинъ, Разсужденія и изслѣдов., т. III) и другая, считающая ее чисто-славянскимъ законодательствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правовыя идеи нашихъ славянскихъ племенъ во многомъ совпадали съ норманскимъ правовымъ сознаніемъ, какъ и правовыя идеи всѣхъ первобытныхъ народовъ очень сходны, такъ что изъ внѣшняго сходства нѣкоторыхъ узаконеній нельзя придти ни къ какимъ заключеніямъ, какъ на этомъ настаиваетъ Погодинъ, ставя ни во что общее сходство первичныхъ законо-

дательствъ. Но были, вѣроятно, и нѣкоторыя особенности, внесенныя прямо норманами. Я укажу на нѣкоторыя изъ нихъ. Безъ сомнѣнія, первое и главное нововведеніе норманов ъ были виры или государственныя пѣни на преступниковъ. До норманов ъ роды или вели кровавую борьбу, или ограничивались выкупомъ или головщиной. Вообще, наибольшее вліяніе норманов ъ на русское право обнаружилось болѣе въ судопроизводствѣ, чѣмъ въ правѣ. Славяне, какъ племена до того времени не воинственныя, едва-ли могли такъ вѣровать, такъ сказать, въ религію меча, какъ норманы. Извѣстное мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится о присягѣ дружинниковъ Олега въ сохраненіи договора, читается по Лаврентіевской лѣтописи такъ: „по русскому закону клянемся оружіемъ своимъ, и богомъ своимъ Перуномъ, и скотьимъ богомъ Волосомъ". Мѣсто это возбуждало споры, какимъ образомъ варяги-норманы клялись Перуномъ и Волосомъ; но мнѣ кажется, оно указываетъ, что русскіе (норманы) клялись оружіемъ, а славяне клялись Перуномъ и Волосомъ. Клятва оружіемъ едва-ли была обычаемъ славянскимъ, такъ какъ это исконно норманскій обычай. Должность мечника, о которой говорится уже въ Ярославовой Правдѣ къ новгородцамъ, не для того-ли существовала въ судахъ, что они принимали присягу на мечѣ, въ вышеприведенномъ случаѣ, когда варягъ или колбякъ, толкнутые славяниномъ, подтверждаютъ это на судѣ ротой? (Ярослав. Правда, Акад. списокъ, стр. 9). Слово ябедникъ, по объясненію Розенкампфа (Обозр. Кормчей. кн., изд. I, отд. II, стр. 311), происходитъ также отъ норманскаго или готскаго языка. „Во всѣхъ сихъ діалектахъ, говоритъ онъ, Uetbed, Aembeh, значитъ должность, порученіе, на кого-либо возлагаемое. Aembetsmann, на теперешнемъ шведскомъ и датскомъ языкѣ, означаетъ чиновникъ. Весьма вѣроятно, что всѣ чиновники при судѣ, кромѣ мечника, назывались просто ябедниками или чиновниками. Наконецъ, судебные поединки на судѣ, о которыхъ явственно говорятъ арабы, можетъ быть, были также нововведеніемъ норманов ъ. Но дѣйствовали-ли судебные поединки во время Русской Правды,

это вопросъ, подверженный немалому сомнѣнію. Весьма замѣчательно, что въ гражданскихъ искахъ, которые рѣшались судомъ 12-ти по Правдѣ Ярослава,—а именно въ томъ случаѣ, когда двѣ стороны совершенно отрицали показаніе одна другой,—Правда не указываетъ, какъ, на основаніи чего, рѣшались эти споры, что̀ даетъ поводъ думать, что они рѣшались такъ, какъ пишутъ арабы, т. е. поединкомъ. Но, съ другой стороны, также замѣчательно, что во всѣхъ спискахъ Правды нѣтъ ни слова о поединкахъ; они являются въ первый разъ въ договорѣ Мстислава съ Ригой (1230 г.), а затѣмъ явно господствуютъ во времена судебниковъ. Г. Калайдовичъ (Рус. Историч. Сбор., ч. IV, ст. 7), видитъ судебные поединки въ той статьѣ Правды Ярослава, гдѣ она опредѣляетъ порядокъ мести, и думаетъ, что эта месть совершалась въ поединкѣ; но я считаю это натяжкой, такъ какъ поединокъ могъ быть только между лицами, виновность которыхъ была неизвѣстна и мститель являлся не ищущимъ правды, а какбы исполнителемъ приговора обычнаго права. Весьма вѣроятно, что по мѣрѣ изчезновенія норманскаго вліянія, и поединки исчезали, замѣняясь другими ордаліями, о которыхъ знаетъ Правда, какъ испытаніе желѣзомъ и водою.

Для полноты обозрѣнія права въ эту эпоху, мнѣ нужно бы прибавить о новомъ взглядѣ на жизнь и новыхъ видахъ преступленій, сдѣлавшихся извѣстными въ обществѣ подъ вліяніемъ христіанства; но я буду объ этомъ говорить ниже, въ отдѣлѣ о вліяніи христіанства. Теперь я перейду къ управленію князя и его доходамъ.

Мы уже видѣли выше, что Олегъ сталъ посылать мужей своихъ въ племенные центры, гдѣ, можетъ быть, были прежде свои племенные князья,—въ Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ. Олегъ посадилъ своихъ мужей въ Любечѣ и Смоленскѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ въ земляхъ древлянъ, вятичей и сѣверянъ, оставались собственные князья до Владиміра, который по всѣмъ городамъ посадилъ собственныхъ сыновей; но въ землѣ вятичей сохранились собственные князья даже и позднѣе. Какое было отношеніе

между этими князьями и великимъ княземъ кіевскимъ? Уже Эверсъ замѣчаетъ большую разницу между княземъ и посадникомъ. „Лѣтопись, говоритъ онъ, весьма точно различаетъ эти два рода подчиненнаго управленія, употребляя два различныя выраженія. О Рюрикѣ говорится: раздаяше грады; а объ Олегѣ: посади въ градѣ (Смоленскѣ) намѣстника“ (Эверсъ, Древ. Рус. пр., стр. 38, прим. 2). Справедливо можно думать, что князь былъ лицемъ самостоятельнымъ, обязаннымъ давать великому князю только извѣстный урокъ, какъ тогда Ярославъ платилъ Владиміру, а посадникъ былъ настоящій намѣстникъ князя, собиравшій доходъ съ суда и управленія въ пользу князя. Эти два типа управителей областей долго жили въ древней Руси. Такъ-названные „путные“ бояре, о которыхъ упоминается въ нашихъ договорныхъ грамотахъ XIV столѣтія (см. С. Г. Г. и Д., т. I), были настоящими князьями въ своихъ владѣніяхъ, въ родѣ Игоревскаго воеводы Свенельда, которому Игорь далъ право собирать дань съ уличей. Даже въ XVI столѣтіи цари отдавали любимымъ боярамъ нѣкоторыя свои права; такъ, въ 1556 году, намѣстнику Новгорода, Глинскому, было дано право собирать пошлины съ половины Новгорода (Д. А. И., т. I, № 109). Нѣтъ ничего проще предположенія, что такая форма была господствующей въ древнѣйшемъ періодѣ; но рядомъ съ нею существовала и другая, также древняя, а именно—сборъ доходовъ на великаго князя, причемъ намѣстникъ получалъ въ свою пользу особыя опредѣленныя пошлины.

Но намѣстники или князья сидѣли въ центральномъ городѣ племени, къ которому прилегала волость, которая прежде управлялась старѣйшинами. Такіе старѣйшины долгое время существовали и при первыхъ князьяхъ, даже при Владимірѣ; но мало-по-малу эта система стала измѣняться и мѣсто старѣйшинъ получали чиновники князя, или довѣренные люди князя и посадниковъ. Должность волостелей едва-ли не возникла въ-замѣнъ прежнихъ старѣйшинъ. О волостеляхъ упоминаетъ уже Уставъ о земскихъ дѣлахъ Ярослава (Утинъ, стр. 39). О нихъ говоритъ также Уставъ церковный Яро-

слава: „во все, что дѣлается относительно домовныхъ людяхъ (т. е. живущихъ при церквахъ), не должны вступаться княжескія волостели“ (Утинъ, стр. 462). Въ другихъ древнихъ грамотахъ о волостеляхъ не упоминается; но даже судя потому, какое значеніе они имѣли въ XVI столѣтіи, можно убѣдиться, что это были управители и судьи небольшихъ административныхъ округовъ, которые назывались волостями и станами. „Се азъ великій князь Василій Ивановичъ на Руси пожаловалъ есми въ Переяславскомъ уѣздѣ, въ Маринипской трети, Артамоновскаго стану старосту и всѣхъ крестьянъ той волости, черныхъ людей: кто у нихъ нашъ волостель не будетъ, и онъ ходитъ по сей нашей грамотѣ“ (А. А. Э., т. I, № 144). „Се азъ князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есми Высоцскаго села старосту и всѣхъ крестьянъ, сельчанъ и деревещанъ: кто у нихъ нашъ волостель не будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ“ (Акты Ист., т. I, № 137).

Но столь же обыкновенный могъ быть и судъ въ волостяхъ посредствомъ тіуновъ князя. Разница между волостелемъ и тіуномъ была та же, что между княземъ и посадникомъ. Князь, управлявшій отъ своего имени и въ свою пользу племенемъ, посылалъ въ волости своихъ тіуновъ, бывшихъ его личными рабами, которые и судили и собирали пошлины въ его пользу. Намѣстникъ великаго князя могъ отправлять въ волости лишь волостелей, которые были также люди независимые и судили и собирали пошлины въ пользу князя. Это различіе между тіуномъ и волостелемъ, какъ и обѣ системы управленія, сохранились до XVI столѣтія, какъ живая картина старины. Управленіе и судъ въ древней Руси, вплоть до XVI столѣтія, носили въ себѣ живые отпечатки глубокой старины, и только въ XVI столѣтіи начинаетъ быть замѣтна сильная государственная дѣятельность, стремившаяся обновить устарѣвшія формы.

Какія права и обязанности имѣли князья съ ихъ тіунами, посадниками и волостелями? Конечно, такія же, какъ и прежніе князья, и прежніе старѣйшины. Они собирали дань, про-

изводили судъ и казнь, собирали торговыя пошлины, были мѣстными военачальниками. Но эта власть не распространялась на земли огнищанъ или бояръ, которые на своихъ земляхъ были такими же полновластными распорядителями, какъ намѣстники и волостели по отношенію къ свободнымъ людямъ. Эта полнота власти и есть истинный типъ первоначальнаго управленія. Великій князь первоначально какбы передавалъ ее всецѣло своимъ управителямъ и собственникамъ земель. Вотчинный судъ, хорошо знакомый нашей и западно-европейской старинѣ, есть ничто иное, какъ преобразованіе родовой формы быта. На это можно привести нѣсколько указаній. Въ извѣстномъ мѣстѣ у Татищева читаемъ: „тогда же отрѣши Ольга княжее и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ, какъ князю, такъ и боярину отъ его подданнаго“. Поселенные на земляхъ бояръ или огнищанъ были такіе же подданные, какъ и живущіе на земляхъ князя. Во всѣхъ спискахъ Русской Правды упоминаются „тіуны боярскіе“, игравшіе важную роль, и хотя по большей части рабы, но за убійство ихъ назначалась вира, какъ за свободнаго человѣка. Эти тіуны были судьями и прикащиками въ имѣніяхъ бояръ-огнищанъ, какъ впослѣдствіи и въ имѣніяхъ князей, такъ и у бояръ были сельскіе тіуны. Русская Правда позднѣйшихъ временъ говоритъ: „а въ сельскомъ тіунѣ князя или въ ралейномъ, то 12 гривенъ, а за рядовича 5 гривенъ, также и за боярскъ“. Эту же первоначальную полноту власти напоминаютъ многіе привиллегіи древняго времени. Въ жалованной грамотѣ Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю (1128—1132) читаемъ: „се азъ Мстиславъ Владимиръ сынъ, держа русскую землю въ своемъ княженіи повелѣлъ есть сыну своему Всеволоду отдати Буйцѣ святому Георгію съ данью и съ вирами и съ продажами и все Вотское и осеннее полюдье даровное“ (Д. А. И., т. I, № 2). Очевидно, что князь отказывается здѣсь отъ всѣхъ правъ на эти земли и ихъ поселенія, и монастырь дѣлался на этихъ земляхъ полнымъ повелителемъ; отказывался потому, что передавалъ эти земли въ собственность. Идея собственности на землю

въ это время равнялась почти верховной власти на нее и всѣхъ живущихъ на ней; вотъ истинный прототипъ вотчиннаго права, который мы знаемъ въ XVI столѣтіи уже только какъ блѣдный призракъ прежней полноты. Подобно этой вышеприведенной грамотѣ, мы находимъ въ XIV столѣтіи другую грамоту, которая тѣмъ любопытнѣе, что есть подтвержденіе еще болѣе древнѣйшей грамоты. Олегъ, князь рязанскій, даетъ жалованную грамоту монастырю того же имени на село Арестовское, и воззрѣвъ прежнія грамоты, данныя этому монастырю Ингваремъ, Олегомъ и Юріемъ (слѣдовательно, грамоты относились къ концу XII и началу XIII столѣтій), грамота даетъ монастырю 6 погостовъ съ рязанскими и съ шестидесятью и съ винами, и съ поличнымъ, и со всѣми пошлинами (А. А. И., т. I, № 2). Дѣятельность князей и посадниковъ, а также ихъ представителей въ волостяхъ, вѣроятно, ограничивалась надзоромъ великаго князя. Какъ арабскіе, такъ греческіе и русскіе источники согласно утверждаютъ, что князь каждый годъ отправлялся по племенамъ для сбора дани и, конечно, при этомъ производилъ судъ и принималъ жалобы на своихъ намѣстниковъ. Но судъ все-таки былъ второстепенной цѣлью; главная же цѣль была—дары, въ особенности „осеннее полюдье даровное“. Осенью поспѣвали хлѣба, собирался медъ, однимъ словомъ, это была самая удобная пора для сбора дани. Совсѣмъ другое значеніе должно было имѣть „весеннее полюдье“, которое имѣетъ, вѣроятно, позднѣйшее происхожденіе, потому что Константинъ Багрянородный знаетъ лишь походы князей зимой, тогда какъ весной они отправлялись для торговли въ Константинополь. Весеннее полюдье имѣло цѣлью тоже сборъ дани, такъ какъ это лучшее время для сбора звѣриныхъ шкурокъ, — плодовъ зимней охоты.

Княжескіе доходы состояли въ собственныхъ имѣніяхъ и различныхъ налогахъ на подчиненныя племена.

Княжескія имѣнія, доставлявшія особый доходъ, были столь же разнообразны, какъ были разнообразны занятія подданныхъ какого-либо князя.

У Ольги на всей землѣ были раскинуты „ловища“, т. е. мѣста, гдѣ ловили дикихъ звѣрей. Такъ какъ страна въ это время была покрыта лѣсами, въ которыхъ звѣри бродили часто цѣлыми стадами, то и ловля ихъ могла совершаться по нѣскольку штукъ, даже и десятковъ штукъ разомъ, подобно тому, какъ это и до сихъ поръ бываетъ въ Сибири. Для такой ловли нужно особое устройство, и о такихъ-то ловищахъ, вѣроятно, говоритъ лѣтопись. Эти мѣста, на которыхъ производились ловы Ольги, отмѣчались особымъ знакомъ, „знамѣнами“, какъ называетъ ихъ лѣтопись, которыя состояли въ зарубкахъ на деревьяхъ, ямахъ и т. п. знакахъ, которые всегда употребляются у первобытныхъ племенъ, для обозначенія собственности.

Въ лѣсахъ тогдашней Россіи водились такіе звѣри, которые теперь или вывелись, или находятся въ незначительномъ количествѣ. Въ сѣверо-восточной Руси водились кабаны, даже около Новгорода. Двинская земля, нынѣшняя вологодская губернія, имѣла тогда еще бобровъ, соболей и бѣлокъ. Бобры водились тогда даже въ нынѣшнихъ рязанской, симбирской и московской губерніяхъ. Въ переяславльской области водились дикіе быки, олени, лоси, кабаны и медвѣди (Аристовъ, Промышл. древн. Руси, гл. I).

Точно также были особыя учрежденія для ловли птицъ: „и по Днѣпру перевѣсище (ея) и по Двинѣ“, говоритъ лѣтопись. Точно также мы не можемъ представить себѣ той массы птицъ, которыя посѣщаютъ первобытные лѣса, въ которыхъ еще рѣдко бываетъ нога человѣка. Чтобы имѣть понятіе о громадномъ количествѣ звѣрей и птицъ, жившихъ въ лѣсахъ даже въ XVI столѣтіи, мы прочтемъ любопытное мѣсто, сохранившееся у Михалоны Литвилы. „Звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, пишетъ онъ, что дикіе волы, дикіе ослы и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимой изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ рѣкъ живетъ множество

бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняютъ птичьи дворы" (Аристовъ, Древ. промышл., стр. 7).

Скотоводство было мало развито въ древней Руси, и наши племена, по словамъ Константина Багрянороднаго, покупали скотъ у половцевъ; но изъ Церковнаго устава Владиміра видно, что князья имѣли табуны лошадей и стада рогатаго скота. У Олега былъ „старѣйшина конюховъ",—должность по видимому очень важная, потому что въ XVI столѣтіи одна изъ важнѣйшихъ должностей была должность „конюшаго". Это нисколько неудивительно, если вспомнимъ первыхъ министровъ царя Одиссея въ Гомеровыхъ пѣсняхъ: верховнаго скотовода, овцевода, свинопаса и т. д.

Но самый важнѣйшій доходъ, конечно, доставляли княжескія села, населенныя рабами или смердами. Уже Ольга имѣла село Ольжичи; Рогнѣдѣ была отдана волость Лыбедь, гдѣ во времена лѣтописца было село Предславино, вѣроятно названное по имени сестры Ярослава Предславы. Понятно, что чѣмъ болѣе развивалось земледѣліе, тѣмъ болѣе распространялись княжескія села. Уже во времена Ярослава, княжескіе смерды были въ землѣ новгородской. Что эти села были личная собственность князя, населенная его рабами,—на это указываетъ примѣръ Ольги. Ольга, покоривъ древлянъ раздѣлила ихъ мужамъ своимъ въ работу, конечно не обижая и себя. Въ позднѣйшихъ спискахъ Правды Ярослава упоминается цѣлая администрація въ собственныхъ имѣньяхъ князя. Я уже выше упомянулъ, что въ имѣньяхъ князя и бояръ были сельскіе или ратайные тіуны; это двоякое названіе обозначаетъ надсмотрщиковъ за сельскими работами (ратай—земледѣлецъ), конечно въ отличіе отъ другихъ тіуновъ, которые были судьями въ волостяхъ, отданныхъ въ управленіе князей. Наконецъ, что смерды были земледѣльческіе рабы,—на это указываетъ и ихъ названіе „смердъ", холопъ или хопъ, конечно въ отличіе отъ обыкновеннаго раба.

Княжескіе доходы съ племенъ, подчиненныхъ ему только

въ государственномъ отношеніи, состояли: изъ даней, оброковъ, уроковъ и пошлинъ.

Варяги и хазары брали дань на славянскихъ племенахъ по бѣлкѣ отъ дома, или „съ дыма“, какъ выражается лѣтопись. Олегъ, примучивъ древлянъ, взялъ съ нихъ дорогую дань „по черной кунѣ“. Вятичи и радимичи платили Олегу по щелягу или шлягу отъ рала, или плуга. Я уже объяснилъ выше, что плугъ былъ участокъ земли въ 15 десятинъ, которыя впослѣдствіи назывались обжею, потому что ее можно было опахать на одной лошади или двухъ волахъ. Эта мѣра участковъ земли вытекала изъ естественныхъ условій силъ отдѣльнаго лица, или скорѣе естественнаго рода, а потому, кажется, была общей всѣмъ европейскимъ народамъ. У франковъ въ VIII столѣтіи всѣ земли раздѣлялись на мансы, имѣющіе около 12 римскихъ югеровъ и могущихъ доставить пропитаніе одному семейству и, сверхъ того, давать ренту собственнику (Lasard., т. I, стр. 394—399). У англосаксовъ земли раздѣлялись на гиды (hida), а гида земли, говоритъ Кемблъ, былъ такой участокъ, который былъ достаточенъ для пропитанія семейства. Генрихъ Гунтингдонъ такъ означаетъ пространство гиды: „Hida autem Anglice vocatur terra unius aratri cultusa sufficiens per annum“ (Die Sachsen in England, т. I, стр. 74).

На протяженіи почти всей древней Россіи, до XV и XVI столѣтія земледѣльцы жили по отдѣльнымъ дворамъ, находящимися въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ что вмѣсто той же мѣры обжей, употреблялось слово „деревня“, „полдеревни,“ или „дворъ“, „полдвора“. Такими участками земель, какъ видно, жили земледѣльческіе радимичи и вятичи уже въ IX столѣтіи. Гораздо труднѣе опредѣлить подать „по щелягу“ или шлягу, которая и до сихъ поръ остается спорной. Эмминъ утверждалъ, что шляги составляли третью долю польскаго гроша, который и во времена Эммина въ Польшѣ назывался „шелегомъ“. Тоже самое находится и въ Синопсисѣ, гдѣ сказано: „Владиміръ побѣдилъ Вятичевъ и наложилъ на нихъ дань по шелегу, меньше полушки отъ

плуга". Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и самъ Кругъ, предполагая, что шелегъ произошелъ отъ Shilling, а этотъ послѣдній былъ уже извѣстенъ въ V-мъ или VI-мъ столѣтіяхъ (Кругъ, Критическ. разсужденіе о монетахъ, стр. 269). Нѣмецкія и англосаксія монеты заходили къ намъ путемъ торговли съ нѣмцами, которые покупали разные мѣха, до которыхъ были большіе охотники, по свидѣтельству Адама Бременскаго. Клады англосаксскихъ и нѣмецкихъ монетъ X, XI и XII столѣтій открываютъ и до сихъ поръ въ губерніяхъ: петербургской, псковской, московской, кіевской, владимірской, смоленской, ярославской и пермской (Кине, Описаніе Европейскихъ монетъ, стр. 20). Дань по полушкѣ отъ плуга была очень не тяжела; вѣроятно она приравнивалась къ цѣнности горностая или бѣлки, которыми платили другія племена. Впрочемъ, можетъ быть, что шелегъ означалъ хлѣбную мѣру.

По выраженіи Архангельской лѣтописи, Олегъ „оброки по всей Русской землѣ устави". Эверсъ объясняетъ, что оброкъ означалъ подать съѣстными припасами, потому что въ древнемъ славянскомъ переводѣ Библіи этимъ словомъ переводится греческое слово, означающее съѣстной припасъ, или солдатскій паекъ, а также во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ это слово означаетъ опредѣленное дневное содержаніе, коштъ (Древ. Рус. Пр., стр. 42).

Третья подать есть „уроки". Лѣтопись говоритъ объ Ольгѣ: „иде Вольга по Деревстей землѣ съ сыномъ своимъ и съ дружиной, уставляюще уставъ и уроки". Эверсъ затруднялся, какъ объяснить урокъ и какое отличіе онъ имѣлъ отоброка. Но самое обстоятельство наложенія „уроковъ" на порабощенныхъ древлянъ ясно указываетъ, что это были повинности крѣпостныхъ селъ. Ольга не хотѣла больше довольствоваться „данью", даже въ большихъ размѣрахъ, съ древлянъ и совершенно не установила ее и послѣ наказанія, а замѣнила ее „урокомъ", т. е. поступала съ древлянами какъ съ рабами своихъ селъ. Это еще болѣе подтверждается уставной грамотой Мстислава Смоленскаго XII вѣка, по которой онъ далъ церкви десятину отъ своихъ доходовъ отъ прочихъ

подданныхъ и совершенно отдѣльно исчисляетъ свои села, гдѣ онъ беретъ „уроки“. „А се Подгородіе отъ Мстивлавля 6 гривенъ урока“. Можетъ быть, что эти „уроки“, которые въ Мстиславовой грамотѣ замѣнены денежной пѣней, были уплачиваемы и личнымъ трудомъ, опредѣленной работой на княжескихъ земляхъ и лугахъ, о чемъ говорятъ нѣкоторыя грамоты XVI столѣтія (А. А. Э., т. I, №№ 28, 34 и др.).

Торговыя пошлины, при продажѣ на рынкахъ товаровъ вѣсомъ и мѣрою, упоминаются уже въ Церковномъ уставѣ Владиміра, а также въ вышеприведенномъ мѣстѣ у Татищева. Наконецъ, послѣдній и самый прибыльный доходъ доставляли князю виры и продажи, доходъ отъ которыхъ былъ такъ великъ, что на нихъ можно было даже содержать княжескую дружину.

Обратимся теперь къ введенію христіанства и тому перевороту, который оно произвело въ обществѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что христіанство, принятое всѣмъ народомъ при Владимірѣ, перешло въ Россію еще ранѣе; въ особенности много было христіанъ въ варяжской дружинѣ. Уже въ 945 году, при заключеніи мира съ Греками, часть его дружинъ приняла присягу по христіанскому закону (Лавр., стр. 23). Конечно, эти ранніе христіане много способствовали къ распространенію христіанства и между славянскими членами дружины у первыхъ князей, чѣмъ и объясняется относительная легкость, съ которой было принято христіанство при Владимірѣ. Но прежде чѣмъ Владиміръ принялъ христіанство, нѣкоторое время въ русскомъ язычествѣ замѣчается чрезвычайное, дотолѣ неслыханное оживленіе. Владиміръ ставитъ статуи боговъ въ Кіевѣ, а его дядя Добрыня — въ Новгородѣ. Совпаденіе этихъ двухъ религіозныхъ движеній при Владимірѣ,—при чемъ языческое предшествовало христіанскому,—весьма важно и замѣчательно. Оно, мнѣ кажется, служитъ полнымъ и весьма важнымъ подтвержденіемъ норманизма первыхъ нашихъ князей. При первыхъ князьяхъ не замѣчается ни малѣйшаго религіознаго движенія въ славянскихъ массахъ народа, вѣроятно потому, что князья и дружины были совершенно чужды народной жизни и не при-

нимали въ ней ни малѣйшаго участія. Еслибы эти князья были изъ западныхъ славянъ, то тогда языческое религіозное движеніе должно бы возникнуть еще ранѣе и, быть можетъ, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ западные славяне отличались преданностью язычеству и оно у нихъ, уже въ эту эпоху, было гораздо болѣе развито.

Какое вліяніе должно было производить христіанство на нашъ языческій міръ,—вотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, столь же важный, сколько и глубокій. Я говорю здѣсь только о христіанскихъ идеяхъ, потому что съ христіанствомъ къ намъ проникло греческое образованіе, а также законодательство, письмо, школы,—все это уже само-по-себѣ должно было производить большое вліяніе; но вліяніе всего этого еще болѣе усилилось тѣмъ, что его несли съ собою проповѣдники вѣры.

Я уже выше говорилъ, что языческая религія, по своей сущности, раздѣляется на религію первичнаго и вторичнаго образованія. Языческая религія вторичнаго образованія, какъ религія персовъ—буддизмъ, можетъ быть религія египетскихъ жрецовъ,—всѣ имѣютъ болѣе или менѣе развитую мораль, идея поклоненія божеству въ нихъ соединяется, въ большей или мéньшей мѣрѣ, съ исполненіемъ нравственныхъ обязанностей. Но нравственный элементъ совершенно отсутствуетъ въ языческихъ религіяхъ первичнаго образованія, созданныхъ массою народа; къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ и наше язычество. Характеристическую картину поклоненія русскихъ представляетъ намъ Ибнъ-Фоцланъ. „Во время прибытія ихъ (русскихъ) судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому поставленному столбу, имѣющему лицо похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія; позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: „о, господине! Я пришелъ издалека и привелъ много дѣвушекъ, столько и столько-то головъ, соболей, столько и столько-то шкуръ“,—пока не

перечислитъ все, что онъ привезъ съ собою изъ своего товара. Затѣмъ говоритъ: „этотъ подарокъ принесъ я тебѣ“, и оставляетъ принесенное имъ передъ столбомъ, говоря: „желаю, чтобы ты мнѣ доставилъ купца съ динарами диргемами, который купилъ бы у меня все, что я ему покажу“; послѣ онъ удаляется. Если продажа бываетъ затруднительная и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ, а если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ, говоря: „эти суть жены господина нашего и его дочери“ (Гаркави, стр. 95).

Вотъ картина отношеній человѣка къ божеству, которая такъ ясна, что не требуетъ комментарій. Трудно представить себѣ болѣе грубое, эгоистическое отношеніе. Отсутствіе нравственнаго элемента было отличительной чертой не только нашего первичнаго язычества, но и язычества грековъ и римлянъ. Идеи основателей или только собирателей разсказовъ, живущихъ въ народной памяти о богахъ въ Греціи, Гомера, Гезіода, были до такой степени дѣтски-наивны, что Платонъ считалъ Гомера развратителемъ народа (см. Республ.) и объявилъ, что видѣлъ Гезіода, прикованнаго въ аду къ мѣдному столбу, а Гомера повѣшеннаго на деревѣ, окруженнаго змѣями, за басни, которыя онъ распространялъ о богахъ (Lecky, History of European morals). Эта ненависть великихъ умовъ Греціи даетъ понять, какое развращающее вліяніе имѣли эти религіозныя идеи на нравы.

Въ самомъ дѣлѣ, боги Гомера посылаютъ благо своимъ незаслуженнымъ любимцамъ и больше всего смотрятъ на количество жертвъ, которыя имъ приноситъ человѣкъ. Язычникъ судитъ о благоволеніи боговъ по внѣшнимъ фактамъ; человѣкъ бог-атъ, это значитъ, что къ нему милостивы боги; у-богъ,—это значитъ, что они его презираютъ.

Христіанство въ первый разъ выдвигаетъ идеи грѣха и внутренняго порока, какъ причины негодованія божества. Оно впервые обращаетъ вниманіе на внутренній міръ че-

ловѣка и заставляетъ его анализировать себя. „Христіанское понятіе,—говоритъ Лекки,—о громадности самаго незначительнаго грѣха; вѣра, что малѣйшія подробности жизни, будутъ подвергнуты суду Божію; что та слабость характера и ничтожное нарушеніе долга, на которыя историки и біографы не обратятъ ни малѣйшаго вниманія, которыя не будутъ имѣть даже ни малѣйшаго вліянія на общество, которыя едва будутъ замѣчены людьми,—но между тѣмъ они послужатъ основаніемъ для вѣчнаго осужденія“ (Lecky, Hist. of Europ. morals, т. II, стр. 4). Язычникъ вполнѣ преклоняется предъ фактами настоящаго и переноситъ ихъ даже въ будущій міръ; господинъ въ этомъ мірѣ будетъ господиномъ и въ будущемъ; рабы въ этомъ мірѣ будутъ рабами и въ будущемъ. По извѣстіямъ арабовъ, вмѣстѣ съ господиномъ, на его могилѣ, умерщвлялось множество рабовъ, которые должны ему служить въ будущей жизни (Ибнъ-Фоцланъ). Въ особенности презираютъ женщинъ, которыя могутъ вступить въ рай лишь какъ прислужницы мужчинъ, какъ рабыни ихъ.

Невозможно представить себѣ большаго подчиненія фактамъ и мѣньшей нравственной оцѣнкѣ ихъ. Какая противуположность между идеями варвара-язычника и идеями христіанства! Для варвара-язычника идеалъ есть неустанная дѣятельность, война, геройскіе подвиги, жизнь чувственныхъ наслажденій. Я уже выше указывалъ, какимъ безчинствомъ отличались жертвенные праздники въ честь солнца. Но намъ трудно представить себѣ то безстыдство, которое было, такъ сказать, общей чертою жизни, общераспространеннымъ обычаевъ. По извѣстію Ибнъ-Фоцлана, князь руновъ окруженъ дѣвушками и стражей его тѣлохранителей. Сорокъ дѣвушекъ сидятъ около его престола, и онъ иногда сочетается съ ними въ присутствіи своихъ сподвижниковъ. Такіе же самые факты, говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, случаются и при торговлѣ невольниками, и рабовладѣлецъ, привезшій на рынокъ дѣвушекъ, злоупотребляетъ своею властью, не стыдясь другихъ. Мы не можемъ представить себѣ это грубое, животное отношеніе людей! Мы едвали въ состояніи вполнѣ понять, что Несторъ

разумѣетъ подъ „нестыдѣніемъ передъ снохами и домашними“. Какую же противоположность съ этой жизнью, какое страшное вліяніе на такое общество должны были имѣть первые основатели Печерскаго монастыря и его первые сподвижники, эти гиганты силы человѣческой воли, для которыхъ созерцаніе божества и умерщвленіе плоти составляетъ единственную цѣль жизни! Антоній, какъ говоритъ о немъ сказаніе (см. Пат. Печер.), родился въ Любичѣ, во время княженія св. Владиміра, откуда онъ отправился на св. Гору, гдѣ постригся, горя страстью превзойти въ подвигахъ мученичества иноковъ этаго монастыря. Игуменъ св. Горы упросилъ его отправиться въ Россію и основать здѣсь монастырь, что онъ и исполнилъ свято. Но онъ пришелъ въ Россію въ несчастное время Святополка и, боясь притѣсненій, снова удалился на св. Гору. По смерти Святополка, онъ снова возвратился и поселился въ пещерѣ, которую ископали варяги. Живя въ пещерѣ, онъ ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день, пилъ одну воду и не давая себѣ отдыха, день и ночь молился, плакалъ и копалъ пещеру. Въ жизни этаго человѣка сказанія не находятъ ничего чудеснаго, кромѣ дѣйствительно чудесной желѣзной воли характера этаго основателя русскихъ монастырей. Какая противуположность этой жизни и ея идеаловъ съ жизнью въ теремахъ Владиміра, гдѣ были постоянно пиры, на которые могли приходить званые и незваные, съ ихъ языческимъ княземъ, который, по словамъ лѣтописца, имѣя множество женъ, „бѣ несыть блуда, приводя къ себѣ мужескія жены и дѣвицы растляя“.

Не менѣе характерна и другая противоположность между міромъ языческимъ и христіанскимъ. Для язычника-варвара убить соперника, хотя бы онъ былъ братъ, не составляетъ ничего удивительнаго, въ исландскихъ сагахъ слово „умный“ тождественно со словомъ „коварный“ (Соч. Сенковск., т. V, стр. 553). Ибнъ-Даста такъ характеризуетъ руновъ: „всѣ постоянно носятъ при себѣ ники, потому что они мало довѣряютъ другъ другу и что коварство между ними дѣло самое обыкновенное; если кому удастся пріобрѣсть хотя малое имуще-

ство, какъ ужъ родной братъ или товарищъ начинаетъ завидовать и домогается какъ бы убить его и ограбить" (Гарк., стр. 270). Бѣглый взглядъ на наши лѣтописи указываетъ, что въ этой характеристикѣ варваровъ-язычниковъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Такъ, Олегъ хитростію выманиваетъ Аскольда и Дира и убиваетъ ихъ; князь Игорь погибаетъ отъ древлянъ, потому что хочетъ взять съ нихъ другую дань, тайно отъ своей дружины, съ которой онъ не хотѣлъ раздѣлять добычи; Владиміръ, тотъ кроткій Владиміръ, который впослѣдствіи больше не хотѣлъ умерщвлять разбойниковъ, убиваетъ брата Ярополка, посредствомъ подкупа его близкаго воеводы, и этотъ близкій Ярополку человѣкъ изъ корысти продаетъ своего князя самымъ наглымъ, постыднымъ образомъ. Всѣ эти примѣры ярки и живы. Но напрасно пытаться объяснить ихъ правомъ мести,—единственной святыней варварства. Не нужно искать мести тамъ, гдѣ ея не было, гдѣ дѣйствіемъ людей управляло чистое коварство. Я вполнѣ признаю, что Ольга употребила хитрость для отмщенія древлянамъ, точно также какъ признаю право мести Рогнѣды Владиміру за убійство ея отца. Свенельдъ, мстя Олегу за убійство своего сына, могъ наущать Ярополка на Олега; но Олегъ, конечно, дѣйствовалъ только изъ корысти. Убійство Ярополка со стороны Владиміра еще можно объяснить местью; но ею нельзя объяснить вѣроломство Люта. Отношенія между дружинниками и княземъ святы даже по понятіямъ варвара, что доказываетъ примѣръ Варашка, другаго дружинника Ярополка, который низачто не хотѣлъ согласиться служить Владиміру, изъ благородной мести за убійство своего князя, и павелъ на него печенѣговъ, такъ что Владиміръ, „едва приваби (привлекъ) его заходивъ къ нему ротой" (поклявшись ему). Но какую противоположность составляетъ съ этимъ міромъ коварства и лжи христіанскій характеръ Бориса и Глѣба! Если даже они, можетъ быть, вымышленные христіанскіе идеалы, то и въ такомъ случаѣ ихъ значеніе не уменьшается и только отъ личностей людей переносится на самое ученіе. Но ихъ біографія, написан-

ная Несторомъ, по своимъ фактамъ, даетъ возможность вѣрить въ дѣйствительность этихъ характеровъ. „Глѣбъ, говоритъ Несторъ, былъ еще очень малъ, а блаженный Борисъ былъ уже въ разумѣ, исполненъ благодати Божіей. Они брали книги и читали ихъ, такъ какъ они знали грамоту, читали житія и мученія святыхъ и молились, обращаясь къ Богу: „Владыко, сподоби насъ такой смерти, какой Ты сподобилъ одного изъ святыхъ, и даруй намъ идти по стопамъ Твоимъ". Борисъ услышалъ, что Святополкъ хочетъ погубить его, но, не вѣря молвѣ, онъ распускаетъ войска и посылаетъ къ Святополку отрока съ изъявленіемъ покорности. Когда его снова возвѣстили, что братъ посягаетъ убить его, онъ удаляется въ пещеру; тамъ онъ молится и прощается со всѣми близкими ему и, послѣ молитвы, говоритъ посланнымъ: „исполняйте волю пославшаго васъ" (Ист. Сбор., т. IV, стр. 443). Борисъ погибъ не даромъ: его смерть была великимъ нравственнымъ подвигомъ и урокомъ въ глазахъ потомства и, вѣроятно, потому Святополкъ получилъ названіе „окаяннаго", тогда какъ, по идеямъ язычества, онъ считался, какъ справедливо догадывается Погодинъ, только мстителемъ отца. Владиміръ женился на матери Святополка, греческой монахинѣ, когда она уже была беременна отъ Ярополка Святополкомъ, и онъ могъ справедливо считаться мстителемъ за смерть отца, убитаго съ немсньшимъ вѣроломствомъ, чѣмъ онъ убилъ Бориса. Но нравственная сила, съ которой Борисъ встрѣчаетъ смерть, глубоко, навсегда погубила его репутацію; народная молва назвала его окаяннымъ.

Мы сейчасъ видѣли, что языческій міръ представляетъ будущее такимъ же дѣйствительнымъ продолженіемъ настоящаго. Въ христіанствѣ человѣкъ познакомился съ идеею будущаго суда; мы не можемъ себѣ представить то вліяніе, какое могла имѣть эта идея на жизнь. Справедливо говоритъ Лекки, что на языческое общество должны были имѣть громадное вліяніе христіанскія понятія о важности самаго ничтожнаго грѣха; вѣра, что малѣйшія подробности жизни подвергнутся суду Божію,—эти тайны будущей жизни, способ-

ныя приковать къ себѣ вниманіе даже отчаяннаго скептика нашего времени, должны были имѣть страшное вліяніе на пугливое воображеніе первичнаго человѣка. Идея будущей жизни всего болѣе поражаетъ Владиміра; по словамъ лѣтописца, „хитро говорятъ они (греки), говоритъ Владиміръ боярамъ и старѣйшинамъ городовъ; каждому любо ихъ послушать: повѣдаютъ, что будетъ другой свѣтъ, что кто изъ тѣхъ, которые въ ихъ вѣру поступятъ, умретъ, снова встанетъ, и уже потомъ никогда не умретъ, а такіе, которые не послушаются, на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть будутъ“ (Лавр., стр. 45). На стѣнахъ старинныхъ церквей и до сихъ поръ можно видѣть тѣ страшныя картины ада, которыя составляютъ едвали не обыкновенную принадлежность каждой церкви въ старину.

Какое громадное вліяніе должно было имѣть на общество это олицетвореніе идеи любви въ Спасителѣ и безграничной женской доброты въ Его Матери. Хотя можно возражать, что христіанство и его идеи любви и милосердія не измѣнили міра, что рабство и экономическія бѣдствія существовали и послѣ христіанства въ той же мѣрѣ; но думать такимъ образомъ— это значитъ смотрѣть на вопросъ не съ той точки зрѣнія, съ которой должно на него смотрѣть. Христіанство, какъ ученіе нравственное, не можетъ дать матеріальнаго блага, которое дается лишь экономическимъ движеніемъ общества; оно не даетъ политической конституціи, которая образовала бы свободу каждаго, но оно измѣняетъ внутренній міръ человѣка, дѣлаетъ отвратительными тѣ страсти, которыя недавно были ему любезны, отвращаетъ его отъ тѣхъ поступковъ, которые недавно казались ему извинительною хитростью. Вполнѣ оцѣнить вліяніе христіанства возможно было бы тогда, еслибъ намъ были извѣстны тѣ поступки, которые не совершились, но которые могли бы совершиться, еслибы на человѣка не дѣйствовали христіанскія идеи. Совершенно вѣрно, что та благотворительность, которая является съ христіанствомъ, ничтожна для помощи бѣднымъ; но

она приноситъ громадную нравственную помощь самимъ благотворителямъ.

Но христіанскія идеи, какъ справедливо замѣчаетъ Гизо, имѣютъ потому еще большую нравственную силу, что ихъ проводила церковь богатая, могущественная, хорошо дисциплинированная. Первые князья-насадители христіанства, Владиміръ и Ярославъ, дали христіанской церкви, въ лицѣ ея первыхъ представителей, двѣ грамоты, изъ которыхъ одна пополняетъ и разъясняетъ другую. Содержаніе этихъ грамотъ и правъ, предоставленныхъ церкви, дѣлаютъ ихъ замѣчательнѣйшими памятниками древности. Обѣ грамоты, конечно не дошли до насъ въ подлинныхъ спискахъ, но въ различныхъ редакціяхъ позднѣйшаго времени, болѣе или менѣе несходныхъ, что подало поводъ къ сомнѣнію въ ихъ подлинности въ періодъ господства скептическаго направленія въ русской исторіи, такъ что въ подлинности ихъ сомнѣвался даже Карамзинъ. Но внутренная необходимость уставовъ, вытекающая изъ самого ихъ содержанія, свидѣтельство о существованіи ихъ грамотъ даже XII вѣка (Д. А. И., т. I, № 4) дѣлаетъ подлинность ихъ внѣ всякаго сомнѣнія *).

*) Возраженія противъ подлинности церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава были сдѣланы Карамзинымъ, еще болѣе сконцентрированы и усилены Неволинымъ (Собр. соч., т. VI, о простр. церк. суда). Вотъ возраженія противъ Устава Владиміра: 1) хронологическія несообразности, находящіяся въ нѣкоторыхъ спискахъ; 2) противорѣчія съ Рус. Правдой въ вопросѣ о наслѣдствѣ, такъ какъ по Правдѣ этотъ процессъ судится княземъ, по Уставу—церковью; 3) несообразность устава съ состояніемъ общества: гдѣ тогда были тѣ заведенія, о которыхъ упоминается въ уставѣ? Къ этимъ возраженіямъ Неволинъ присовокупляетъ противорѣчіе Устава съ греческимъ Номоканономъ, хотя Уставъ на него ссылается.

Противъ подлинности Устава Ярослава Карамзинъ привелъ слѣдующія возраженія: 1) въ немъ есть выраженія новѣйшихъ временъ; 2) онъ несогласенъ съ Русскою Правдою, по которой зажигатель гумна судится княземъ, а по Уставу—церковью; 3) онъ несогласенъ съ правиломъ митр. Іоанна, который за прелюбодѣяніе подвергаетъ только епитеміи, а не денежному штрафу; 4) онъ содержитъ въ себѣ неясности; такъ, напримѣръ, по Уставу брань боярской жены под-

Конечно, одно изъ глубочайшихъ золъ, завѣщанныхъ язычествомъ, съ которымъ всего труднѣе было бороться церкви,—это было преобладаніе чувственныхъ элементовъ жизни общества, глубокое униженіе женщины, полное отсутствіе нравственныхъ отношеній между членами семьи, грубая

вергается большему наказанію, чѣмъ по Правдѣ убійство боярина. Къ этимъ возраженіямъ Неволинъ присовокупляетъ отъ себя слѣдующія: 1) какимъ образомъ въ нѣдрахъ церкви могла родиться мысль обложить преступленія, предоставленныя церкви, денежными пѣнями; 2) послѣ каждаго наказанія пѣнею въ Уставѣ прибавляется: «а князь казнитъ», т. е. виновные подвергаются какбы двойному наказанію; 3) объ Уставѣ не упоминается до XIV столѣтія.

Но едва-ли эти возраженія могутъ заставить усомниться въ подлинности уставовъ. Возраженія, заимствованныя отъ несходства съ Русской Правдой въ обоихъ уставахъ, произошли у Карамзина оттого, что онъ полнѣйшую Русскую Правду XII столѣтія приписывалъ Ярославу. Весьма вѣроятно, что многіе процессы, которые первоначально судила церковь, отошли къ государству,—это общій, естественный ходъ вещей. Возраженія Неволина, исходящія отъ несходства съ Номоканономъ, тоже легко объясняются. Они были бы дѣйствительны, еслибы Номоканонъ и церковные уставы положительно противорѣчили другъ другу; а если они несходны только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, наиболѣе касающихся не догматической стороны, а церковныхъ преимуществъ, то это несходство естественно. Очевидно, наша бѣдная церковь должна была получить болѣе преимуществъ, чѣмъ богатая греческая. Обложеніе наказаній денежными пѣнями было естественнымъ приноровленіемъ къ складу и духу общества, а бо́льшая суровость этихъ наказаній происходитъ оттого, что церковь вообще смотрѣла на денежныя наказанія, какъ на черезчуръ легкія. Но самое важное, должно спросить: могло-ли существовать христіанство безъ этихъ уставовъ? Могла-ли церковь равнодушно смотрѣть на попираніе ногами самыхъ священныхъ установленій христіанства? Чѣмъ болѣе всматриваешься въ подробности Устава, тѣмъ болѣе убѣждаешься не въ противорѣчіяхъ его съ дѣйствительностью, но его удивительному согласію съ ней. Всѣ возраженія выставлялись по той простой причинѣ, что изслѣдователи недостаточно вникали въ духъ и потребности этого общества и, находясь подъ вліяніемъ западной науки, раскрывшей узурпацію католической церкви, перенесли эти сомнѣнія на нашу церковь, не вдумываясь въ то, что такіе глубоко согласные съ жизнію документы не могъ бы выдумать ни одинъ величайшій археологъ нашего времени, не только темные люди XIV вѣка.

и деспотическая власть отца,—патріарха рода, которая само-по-себѣ вызывала реакцію въ отношеніи дѣтей къ родителямъ. Борьба противъ этихъ золъ, устройство христіанской семьи—были одною изъ величайшихъ и героическихъ задачъ христіанской церкви, давшей грубому варварскому обществу начатки истинно гуманной цивилизаціи. Прежде всего, церковь направила свои удары противъ легкости, съ которою въ варваро-языческомъ обществѣ устраивали и уничтожали браки. Умычка и роспускъ или разводъ были обыкновеннымъ способомъ заключенія и разрыва брака. Умыканіе жены или умычка—явленіе общее всѣмъ первобытнымъ обществамъ; въ самую глубокую, первобытную эпоху, когда человѣкъ живетъ исключительно звѣроловствомъ, она есть самый обыкновенный способъ заключать браки. Въ это время женщиной не дорожатъ, а потому каждый, способный добывать пропитаніе, беретъ столько женъ, сколько онъ можетъ содержать (Ch. Comte, Traité de législation).

Во вторую эпоху, когда вмѣстѣ съ земледѣліемъ роды живутъ отдѣльно, изъ естественнаго рода образуется могущественный родъ или колѣно; тогда родъ дорожитъ своими женщинами и браки обыкновенно заключаются между членами того же рода, и чужеродцу нужно употребить силу, чтобы получить женщину изъ чужаго рода. Но уже и въ этомъ періодѣ женщина получаетъ цѣнность, потому что содержаніе общества обезпечено и она начинаетъ имѣть цѣну роскоши. Впрочемъ, этотъ обычай можетъ развиться только по мѣрѣ паденія власти старѣйшинъ, по мѣрѣ выдѣленія естественныхъ родовъ изъ колѣна. Наконецъ, когда родъ обращается въ административную единицу, управляющуюся выборнымъ лицомъ или по назначенію князя, каждый естественный родъ получалъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, а самое цѣнное имущество каждаго отца есть его дѣти,—сыновья, дочери, которыхъ, по идеямъ родоваго быта, онъ имѣетъ право продавать. Тогда умычка является какъ средство избавиться отъ дорогаго вѣна.

Купленный у отца сынъ дѣлается рабомъ, купленная дочь

женой и рабыней, а иногда наложницей. Этотъ взглядъ на жену и дѣтей, какъ на собственность имущественную, едвали можетъ быть оспариваемъ для древней Руси. Приведу нѣсколько доказательствъ. Во время голода 1024 года въ Суздалѣ, говоритъ лѣтописецъ, „мужи жены свои дояху, да прокормливаютъ себя, челядиномъ“ (Софійскій Временникъ, стр. 153). Русскій князь Мстиславъ и косожскій Редедя, вступивъ въ единоборство, условились, что побѣдитель возьметъ жену и дѣтей побѣжденнаго (Лавр., стр. 13). По Русской Правдѣ XII вѣка, за убійство жены была назначена половинная вира; слѣдовательно, до этого времени платили просто урокъ ея мужу, какъ и за убійство ребенка. По Русской Правдѣ XII вѣка, домъ вѣдомаго разбойника предавали на разграбленіе, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, слѣдовательно, дѣти отвѣчали за отца, какъ его собственность. По Судебнику Ивана IV, сынъ не могъ продаться въ рабство безъ согласія отца, конечно потому, что отецъ имѣлъ преимущественное право на эту продажу (Судебн. Ив. IV). Въ Сибири еще въ XVII столѣтіи мужья закладывали своихъ женъ и продавшихъ, какъ это видно изъ посланія Филарета. Всѣ эти данныя, конечно, ставятъ внѣ сомнѣнія этотъ вопросъ, который потверждается еще болѣе тѣмъ, что это обычный взглядъ первичныхъ народовъ.

Другой обычай, непосредственно отсюда вытекающій,— это легкостъ развода. Въ первобытныхъ обществахъ, когда жена перестанетъ нравиться своему повелителю, онъ беретъ другую, а прежняя остается хозяйкой, а иногда и совершенно прогоняется, что зависитъ только отъ воли господина. Когда было принято нашими племенами христіанство, конечно, первое, что должна была сдѣлать церковь—это бороться противъ такого порядка; она не могла оставить заключеніе брака на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ это равнялось бы полному искаженію христіанства. Вотъ внутренняя необходимость устава, ставящая его подлинность внѣ всякаго сомнѣнія. Владиміръ отдаетъ просто на волю церкви лицъ, похитившихъ женщинъ, или самовольно расторгшихъ бракъ. Яро-

славъ-законодатель не могъ ограничиться такой неопредѣленностію и долженъ былъ назначить пѣни за преступленіе этихъ законовъ, примѣняясь къ идеямъ права самого общества. Вотъ постановленія Ярослава:

1) „Если кто похититъ дѣвушку или изнасилуетъ, то если это боярская дочь, за пострамленіе ей 5 гривенъ золота и князю (ошибка: митрополиту) 5 гривенъ золота, а митрополиту гривну золота; а добрыхъ людей за пострамленіе ей 5 гривенъ серебра, князю (митропол.) 5 гривенъ серебра и на умытницахъ по гривнѣ серебра митрополиту, а князь казнитъ.

2) „Если самовольно отгоняетъ отъ себя безъ вины жену, великій бояринъ за пострамленіе ей 5 гривенъ золота и столько же митрополиту, нарочитыхъ людей—3 рубля и столько же митрополиту; простой чади 15 гр. и столько же митрополиту“ (Мак., т. II, стр. 215, 221).

Между этими двумя статьями замѣчаются нѣкоторыя различія. Такъ, при умычкѣ все русское общество раздѣляется на два класса: бояръ и добрыхъ людей; при самовольномъ расторженіи брака—на три класса: бояръ, нарочитыхъ людей и протую чадь.

Во-вторыхъ въ первомъ преступленіи князь (я замѣняю слово „митрополиту“ словомъ „князю“, потому что митрополитъ получаетъ свою долю особо) принимаетъ бо̀льшее участіе, чѣмъ митрополитъ *). Послѣднее обстоятельство легко понять: умычка гораздо болѣе была преступленіемъ государственнымъ, чѣмъ церковнымъ; церкви было все равно, какимъ образомъ состоялся бракъ, лишь-бы онъ состоялся; тогда какъ умычка могла нарушать государственный порядокъ, возбудить борьбу между родами и послужитъ предлогомъ кровавой мести. Наоборотъ, въ послѣднемъ случаѣ, при самовольномъ разводѣ, по идеямъ времени, была оскорблена лишь церковь, а потому князь не мѣшался въ это дѣло.

*) Здѣсь я перевожу такъ потому, что въ церковномъ уставѣ Смоленскаго князя, который во многомъ сходенъ съ Владиміровымъ, сказано: «а четвертая (тяжба) уволочская аще уволочетъ кто дѣвку, что возьметъ князь съ митрополитомъ наполы» (Д. А. И., т. I, стр. 7).

Гораздо труднѣе объяснить, почему за умычку совсѣмъ не наказывалась простая чадь или поселяне. Всего вѣроятнѣе, что трудность преслѣдовать преступленіе заставляла князей и церковь отказываться отъ наказаній. Намъ извѣстно по другому доказательству, что до XII столѣтія простой народъ не считалъ необходимымъ церковный бракъ. Въ церковныхъ правилахъ митрополита Іоанна сказано: „я уже говорилъ, что у простыхъ людей нѣтъ обычая вѣнчаться, а вѣнчаются только бояре и князья“ (Др. Рус. Д., т. I, стр. 107). Если въ XII или, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XI вѣка еще не было въ обычаѣ вѣнчанія между простымъ народомъ, то весьма понятно, что Ярославъ не могъ и думать наказывать за это. Но если не наказывали за умычку въ простомъ народѣ, то какъ можно было преслѣдовать за разводъ,—относился-ли этотъ разводъ къ церковному браку, или къ браку, заключенному безъ христіанскихъ обрядовъ? Въ Уставѣ Ярослава есть любопытная статья, указывающая на то, что церковь признавала и неосвященный бракъ. „Если мужъ разойдется съ своей женою по доброй волѣ, то митрополиту 12 гривенъ, а если невѣнчено, то 6 гривенъ“. Эта статья прямо узаконяетъ даже бракъ безъ соизволенія церкви, лишь бы не допустить развода,—статья весьма замѣчательная, совершенно удовлетворительно объясняющая различіе между первою и второю статьями. Это отношеніе церкви къ обществу, если оно и грѣшитъ съ догматической стороны, то показываетъ истинно государственный умъ въ установленіяхъ закона.

Третья статья, которая обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ узаконеніяхъ,—это размѣръ пѣни за преступленіе: за умычку дочери великихъ бояръ законъ назначаетъ 550 гривенъ кунъ (11 гр. золота), а добрыхъ людей — 132 гривны кунъ, то есть въ первомъ случаѣ въ восемь разъ болѣе, чѣмъ за убійство огнищанина, а во второмъ—въ три раза болѣе кары за убійство свободнаго человѣка. Но это не должно удивлять насъ, потому что наказанія церкви вообще строже свѣтскихъ наказаній, такъ какъ церковь могла смо-

трѣть вообще на наказанія денежной пѣней, какъ слишкомъ легкія въ сравненіи съ кодексомъ греческимъ.

Второе зло, противъ котораго церковь также должна была бороться,—это многоженство, которое было во всеобщемъ обычаѣ до принятія христіанства. Замѣчательно, что Уставъ Владиміра ничего не говоритъ о двуженствѣ или вообще многоженствѣ. Весьма вѣроятно, что когда вводилось христіанство, то тогда нельзя было и преслѣдовать за многоженство, которое существовало какъ фактъ, можетъ быть, въ теченіи цѣлаго поколѣнія. Церковь благоразумно молчала, какъ она благоразумно признавала впослѣдствіи браки безъ церковнаго вѣнчанія. И точно, строгое преслѣдованіе многоженства, тотчасъ по введеніи христіанства, могло бы произвести переворотъ въ цѣломъ обществѣ, разстроить множество уже создавшихся брачныхъ отношеній и возбудить вражду къ новой церкви. Церковный Уставъ Ярослава знаетъ и наказываетъ преступленія двуженства. „Если кто будетъ держать двѣ жены, то митрополиту 40 гривенъ, а вторую жену взять въ домъ церковный, признавая первую законной; если же мужъ съ ней будетъ грубо (лихо) обходиться, то казнью казнить.“ „Если жена оставитъ своего мужа и пойдетъ къ другому, то жену взять въ домъ церковный, а митрополиту продажа.“ Но многоженство, къ несчастію, долго существовало, хотя подъ смягченною формою наложничества, и церковь ничего не могла сдѣлать противъ этого зла. Это обстоятельство очень просто: наложница была обыкновенно рабынею, состоявшею въ полной волѣ у господина. Этого рода отношенія были въ такомъ обычаѣ, что ихъ знаетъ очень хорошо и Русская Правда. По законамъ царя Константина, церковь наказывала за такое преступленіе, но едва-ли тогда этотъ законъ прилагался. Вотъ этотъ законъ царя Константина, составлявшаго часть церковнаго Номоканона, на основаніи котораго судила церковь: „если кто, имѣя жену, совершитъ прелюбодѣяніе съ рабою, то мужа наказать, а рабу продать въ чужую землю, раздавъ проданные деньги убогимъ“ (Рус. дост., стр. 148).

Но церковь нетолько настаиваетъ на одноженствѣ и стремится уничтожить разводъ: она стремится регулировать всѣ отношенія между мужемъ и женой.

Весьма важно опредѣлить, какое вліяніе греческое законодательство имѣло въ опредѣленіи отношеній между мужемъ и женою.

Намъ совершенно неизвѣстно, какія идеи объ этихъ отношеніяхъ существовали до христіанства; но, судя по общему положенію жены въ отношеніи мужа, едва-ли можно допустить, чтобы жена имѣла какую-либо собственность. Правда, княжескія жены, какъ Ольга, Рогнѣда, получали въ собственность села; можетъ быть и другіе члены княжескаго семейства имѣли также собственность; но едва-ли это правило можно распространить на массу славянскихъ племенъ. Ольга могла имѣть свои села, когда она была правительницей; Рогнѣдѣ Владиміръ далъ село въ вознагражденіе за отнятыя вотчины ея отца. Есть одинъ примѣръ, касающійся славянскихъ племенъ: въ договорѣ Игоря участвуетъ посолъ отъ Предславы, жены Улеба, что, конечно, указываетъ на отдѣльное имущество жены. По договору Олега, мститель за убійцу не имѣлъ право брать часть, принадлежащую женѣ, но это мы не относимъ къ греческому вліянію. Весьма вѣроятно, что между княземъ и высшими классами общества женщины знатнаго происхожденія имѣли отдѣльныя имущества, подарки своихъ богатыхъ мужей и отцовъ; но въ массѣ народа, гдѣ крѣпко жила идея принадлежности жены мужу, жены не имѣли никакой собственности. Въ такомъ случаѣ, принципомъ раздѣльности имущества, строго проведеннымъ въ русскомъ законодательствѣ, мы были обязаны церкви. Но, можетъ быть, что обычай допускалъ женѣ сдѣланное ея руками считать какбы ея собственность. Вотъ статья Ярославова Устава: „если мужъ станетъ красть конопли, или ленъ, или всякое жито, то долженъ заплатить пѣню князю и митрополиту. Точно также поступать, если мужъ станетъ красть бѣлье, порты, полотна или поневы, снѣдобное и огородное.“ „Если жена будетъ красть у мужа, и онъ обличитъ ее, то

митрополиту 3 гривны, а мужъ казнить, а за это разторгать брака."

Всего вѣроятнѣе, что церковь, желая защищать женщину-работницу отъ злоупотребленій власти мужа, внесла эту статью въ Уставъ Ярослава. Въ первобытныхъ обществахъ жена обыкновенно является работницей не только дома, но и въ полѣ. Мужъ считаетъ ниже своего достоинства заниматься работою земледѣльца; только одна охота за звѣрьми считается имъ довольно почетной. Потому нѣтъ ничего не возможнаго, чтобы у насъ женщины по преимуществу не занимались домашней работой.

Но мужъ, не работая, могъ злоупотреблять своею силой и отнимать плоды ея рукъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, какъ мы увидимъ ниже, церковь являлась защитницей женщины и съ помощью князя заставляла мужа заплатить пѣню. Совершенно иной исходъ имѣлъ случай, когда жена крала, или когда она злоупотребляла безъ согласія мужа его имуществомъ; тогда церковь предоставляла наказывать ее мужу и брала на немъ небольшую пѣню въ 3 гривны.

Но защищая жену, церковь не думала ослаблять и власть мужа надъ женою. Только въ одномъ случаѣ она наказываетъ мужа за дурное обращеніе съ своей женой, когда злонамѣренность его явна, когда онъ стремится освободиться отъ своей жены, чтобъ взять другую; тогда „казнить казнью". Случай съ воровствомъ жены, когда церковь не вступаетъ въ наказаніе ее, предоставляя его мужу, еще болѣе подтверждаетъ это постановленіе. Причины, по которымъ уставъ допускалъ разводъ, еще болѣе подтверждаютъ, что церковь не только не ослабила власть мужа, но во многомъ уступила въ этомъ отношеніи взглядамъ общества. Причины, по которымъ она допускаетъ разводъ, слѣдующія: 1) если жена услышитъ отъ чужихъ людей, что думаютъ на князя и не скажетъ мужу; 2) въ случаѣ прелюбодѣянія жены; 3) когда жена покушается убить или отравить мужа; 4) если жена безъ своего мужа будетъ ходить къ посторонимъ и тамъ

ѣсть и пить, или спать внѣ своего дома; 5) если жена будетъ днемъ или ночью ходить на игрища и не послушаетъ увѣщаній мужа; 6) если не скажетъ своему мужу о томъ, что какіе-либо люди намѣреваются совершить воровство. Изъ этихъ шести причинъ развода мы видимъ, что уставъ требовалъ отъ жены полнѣйшей откровенности къ мужу во всемъ томъ, что она слышала или видѣла. Но самыми характеристическими причинами развода для этого времени и общества — есть четвертая и пятая. Церковь, конечно, снисходя къ взглядамъ общества, не допускала женщинѣ выходить изъ дома одной безъ мужа, а присутствіе ея на игрищахъ было уже нѣчто равносильное прелюбодѣянію. Первая причина, если не говоритъ о затворничествѣ женщинъ, то о состояніи весьма близкомъ къ этому.

Въ самомъ дѣлѣ, было-ли уже затворничество женщины въ это время? Затворничество женщины есть почти всегда слѣдствіе многоженства и унизительныхъ взглядовъ общества. Обѣ эти причины, какъ кажется, уже существовали въ это время. Нѣтъ сомнѣнія, что наложницы Владиміра жили въ заключеніи; также весьма вѣроятно, что въ заключеніи жили жены богатыхъ бояръ; конечно, женщины низшихъ классовъ не могли быть въ затворничествѣ, потому что онѣ должны работать. Женщины низшаго класса не живутъ въ затворничествѣ даже у магометанъ. Во-вторыхъ, замѣчательно, что уставъ, выставляя шесть причинъ развода для мужчинъ, не выставляетъ ни одной для женщинъ; за прелюбодѣяніе женщины мужъ имѣлъ право требовать развода, а жена— только наказанія пѣнею у митрополита. Только одна статья защищаетъ прямо женщину въ случаѣ побоевъ, слѣдствіемъ которыхъ была-бы смерть: „въ случаѣ боя и убійства, если учинится душеубійство (т. е. убійство жены), то платить вину князю пополамъ съ митрополитомъ“.

Опредѣливъ отношенія между мужемъ и женою, церковь стремится опредѣлить ихъ между отцами и дѣтьми. Взглядъ ея въ этомъ отношеніи отличается замѣчательною гуманностью, и нѣтъ сомнѣнія, что ея нравственное вліяніе въ

нѣкоторыхъ степенахъ этого вопроса было сильно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ея идеи не расходились рѣзко съ идеями общества. Церковь превращала эту семью, не знавшую стыдѣнія, въ чистую, нравственную семью. „Если сынъ бьетъ отца — казнить его волостельскою казнью, а митрополиту пѣню". Эта строгость наказанія за непочтительность къ отцу, безъ сомнѣнія — вліяніе церкви, хотя уваженіе къ старшимъ и могло существовать въ обычаяхъ; церковь въ этомъ случаѣ не только поддержала, но и освятила почитаніе. Еще важно слѣдующее постановленіе церкви: „если свекоръ бьетъ сноху или деверь невѣстку (Ятровь), то платить ей по закону, а митрополиту пѣню". Такъ какъ внѣ сомнѣнія, что общество въ это время жило естественными родами, т. е. при отцѣ жили его женатые сыновья; то церковь должна была стремиться облегчить положеніе той дѣвушки, которая вступаетъ въ чужой родъ и разомъ получаетъ надъ собою нѣсколько чужихъ властей, не связанныхъ съ нею ни узами родства, ни симпатіею. Самъ мужъ ея,—ея единственный защитникъ,—былъ подчиненное лицо въ этой семьѣ, гдѣ господствовалъ его отецъ, свекоръ по отношенію къ женѣ. Масса русскихъ пѣсень какъ нельзя болѣе выясняетъ это печальное положеніе. „Кормилецъ мой батюшка, говоритъ одна пѣсня, ты торгомъ торговалъ моей волнистой косой" (Терещенко, т. II стр 169). Еще драматичнѣе прощаніе невѣсты съ волей, записанное Терещенкой: „Улетѣла моя любимая вольная волюшка за горушки высокія, за лѣсушки темные, за озерушки широкія... Какъ же будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ?.. Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубровушку, посмотрю на четыре стороны: не увижу-ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? обернусь я, красная дѣвица, къ косятчету окошечку: посмотрю на широкую улицу: исполна-ли печетъ красное солнышко... Поднимись ручка правая на буйную головушку, опустись ручка правая противъ вздоха тяжолаго. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнной—итти на чужую

сторону. Введеніе Мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ“ (Терещенко, т. II, стр. 225).

Наконецъ, отношенія къ членамъ чужой семьи ярко выставляются въ одной старинной пѣснѣ:

«Не успѣла, свѣтъ-головушка, оправиться,
Началъ свекоръ-батюшка журить,
А свекровь-матушка бранить,
А свѣтъ княгиня-боярыня плакать.
. . . . . .
А какъ разсердился великій князь,
Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ,
Паче лютыя змѣи.

(Терещенко, т. II, стр. 153).

Эти бытовыя черты, конечно, есть слѣды глубокой древности. Обычай есть инстинктивное выраженіе тѣхъ взглядовъ, которые имѣло общество въ старину. Если въ домѣ своего отца самъ мужъ новобрачной не имѣлъ значенія, то какое значеніе могла имѣть его жена? Она была просто работницей, такъ какъ хозяйкой была свекровь; ея мужъ былъ простымъ работникомъ, такъ какъ хозяиномъ былъ его отецъ. Но между сыномъ и отцомъ эти отношенія еще смягчались родственной привязанностью, которой не было въ отношеніи свекрови къ невѣсткѣ, къ женѣ ихъ сына. Родовой бытъ или, лучше сказать, жизнь естественными родами, такъ долго державшаяся у сѣверныхъ племенъ, оставила по себѣ печальную память; этой горькой участи женщины мы не слышимъ въ пѣсняхъ малороссійскихъ, вѣроятно потому, что здѣсь родовой бытъ палъ еще въ незапамятныя времена.

Гораздо менѣе имѣло значенія другое постановленіе церкви, еще болѣе великое по своему существу, потому что оно шло въ разрѣзъ съ понятіями общества. „Если дѣвка захочетъ идти замужъ, а отецъ и мать не отдадутъ ее, и послѣ этого она что-нибудь сдѣлаетъ съ собою, то митрополиту обязаны заплатить пѣню отецъ и мать, а также и отрокъ“. Вторая статья: „если дѣвка не захочетъ идти замужъ, а отецъ и мать выдадутъ силой и она что-нибудь сдѣлаетъ съ собою,

то отецъ и мать должны заплатить пѣню митрополиту, а также они должны заплатить „исторь“, т. е. протори и убытки“. Послѣднее слово „исторь“ весьма замѣчательно. У племенъ, у которыхъ дѣвушки покупаются для замужества, и покупаются дорогимъ вѣномъ, существуетъ обычай, что если жена возвращается къ родителямъ, то родители обязаны возвратить вѣно (Klemm, Cultur Geschichte, т. IV, стр. 2). Конечно, въ этомъ случаѣ слово „исторь“, убытокъ, означаетъ не что иное, какъ возвращеніе вѣна. Если дорогой цѣной купленная дочь лишаетъ себя жизни, то, конечно, они вправѣ требовать возвращенія вѣна.

Хотя церковь выговаривала себѣ право вступаться въ эти семейныя отношенія, когда изъ нихъ выходило преступленіе, но нѣтъ сомнѣнія, что мотивъ этотъ имѣлъ въ основаніи свободу брачныхъ отношеній. Но эта статья не имѣла, кажется, никакаго практическаго значенія, потому что церковь дѣйствовала слабо и даже сама потворствовала обычаямъ. Въ лѣтописяхъ, когда разсказывается о бракахъ князей, всегда дѣйствуютъ главнымъ образомъ отцы, а о волѣ сыновей и дочерей нѣтъ и рѣчи. Такъ, подъ 1148 годомъ, лѣтопись замѣчаетъ, что Ростиславъ Смоленскій просилъ дочь у Святослава Ольговича за своего сына, и она была приведена (Ипатьев., стр. 39); или: Ярославъ Галицкій взялъ за сына своего дочь Болеслава (тамъ-же, стр. 94). Притомъ дочери и сыновья едвали могли выражать свою волю, такъ какъ выдавались въ маломъ возрастѣ. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ выдалъ въ 1189 г. дочь свою Верхуславу, когда ей было 8 лѣтъ, а сына своего женилъ когда ему было 10 лѣтъ (Ипат., 135). Церковный Номоканонъ требовалъ для брака 12 лѣтъ возраста, но и въ этомъ возрастѣ едва даже можно имѣть свою волю и разумъ.

Гораздо суровѣе и строже относилась церковь къ прелюбодѣянію между членами семьи, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ величайшую благодарность общества. Въ родахъ, не знавшихъ „стыдѣнія“, по лѣтописцу, эти мѣры были необходимы. За прелюбодѣяніе между братомъ и се-

строю уставъ, кромѣ эпитеміи, наказывалъ пѣнею въ 100 гривенъ; за прелюбодѣяніе съ женою брата 100 гривенъ, а жену въ домъ церковный; за прелюбодѣяніе съ двоюродными сестрами—30 гривенъ; съ мачихой—40 гривенъ. Вообще, церковь строго преслѣдовала развратъ въ семьѣ. Если въ домѣ отца и матери дочь родитъ, то взять ее въ церковный домъ, откуда родъ ее долженъ выкупить.

Устроивъ, насколько ей было по средствамъ, семейныя отношенія, церковь стремилась оказать другое великое благодѣяніе обществу,—именно: защитить своею силой тѣхъ людей, которые по идеямъ и учрежденіямъ общества оставались беззащитными. Заслуга церкви въ этомъ отношеніи столь же громадна.

Безъ сомнѣнія, самымъ беззащитнымъ лицемъ въ этомъ обществѣ была женщина. Въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ суда, гдѣ обиженнаго защищаетъ право мести, положеніе женщины самое печальное. Конечно, ихъ должны защищать и за нихъ мстить мужчины.

Въ нѣмецкомъ законодательствѣ (Gragas) мы дѣйствительно находимъ, что мужчины мстятъ за оскорбленіе женщинъ (Шишлевскій, О союзѣ родственной защиты). Но въ Русской Правдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намёка о такой защитѣ, въ чемъ высказывается опять неуваженіе къ женщинѣ. Женщину, оставленную безъ защиты, поставленную, такъ сказать, внѣ общественныхъ законовъ, церковь взяла подъ свою защиту. Она назначаетъ суровыя пѣни за побои женщинъ, смотря по званію. Митрополитъ взыскиваетъ громадную пѣню въ 5 гривенъ золота за побои дочери великихъ бояръ; 5 рублей—меньшихъ и 15 гривенъ за дочь простыхъ людей; сама оскорбленная получала такую же плату. За побои, нанесенные замужней женщинѣ, уставъ относился менѣе сурово, предоставляя платить женщинѣ за оскорбленіе обыкновенную плату по званію. Митрополитъ въ свою пользу взыскивалъ только 3 гривны. Почему же? Вѣроятно потому, что оскорбленіе, нанесенное дѣвушкѣ, портило всю ея будущность, тогда какъ оскорбленіе, нанесенное замужней женщинѣ, какъ составив-

шей уже карьеру, не могло имѣть столь тяжелыхъ послѣдствій. Наконецъ, церковь разбираетъ и такой вопросъ, который едва-ли судился бы гражданскимъ судомъ. „Если двѣ жены побьются, то митрополитъ бралъ по 6 рѣзаней съ виноватой".

Но не одна женщина была беззащитнымъ членомъ этого общества, основаннаго на самозащитѣ, на правѣ мести. Къ числу ихъ относится и „прощенникъ", т. е. лице прощенное Богомъ, освободившееся отъ недуга, который считался наказаніемъ Божіемъ, а лица, подвергнутыя ему, презирались. „Если же кто изъ нихъ (русскихъ), говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, заболѣваетъ, то они строятъ ему палатку вдали отъ нихъ, бросаютъ его туда и кладутъ съ нимъ кое-что изъ хлѣба и воду, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не навѣщаютъ его во время болѣзни, особенно если онъ бѣденъ или невольникъ" (Гаркави, стр. 46). Вотъ язычество въ чистомъ видѣ своего поклоненія предъ фактомъ: кого презираетъ Богъ, того презираютъ и люди. Къ этой же категоріи относились вдовы, слѣпцы, хромые, странники, больные, вообще всѣ убогіе, лишенные божественнаго покровительства, въ языческомъ смыслѣ слова. Вотъ одинъ изъ великихъ плодовъ христіанскихъ идей—милосердіе, котораго язычество не знало. Отрицать эту заслугу, намъ кажется, нѣтъ никакой возможности. Значеніе человѣка внѣ богатства, происхожденія, человѣка самого по себѣ, выдвинуло христіанство, и это есть его величайшая заслуга (см. Уставъ Владиміра). Къ этой категоріи покровительства церкви относится и „задушный" человѣкъ. Это слово, какъ остроумно объясняетъ Неволинъ (О происх. церк. суд. въ Россіи, т. VI), есть рабъ, вольноотпущенный по духовной. До насъ дошли только духовныя XIV столѣтія (С. Г. Г. Д., т. I), и здѣсь мы дѣйствительно постоянно находимъ, что князья отпускаютъ своихъ рабовъ на волю. Но „задушные" люди въ грамотѣ Владиміра доказываютъ, что такое вліяніе церкви на освобожденіе рабовъ началось чрезвычайно рано и при этомъ самихъ „задушныхъ людей" она беретъ подъ свое покровительство. И

дѣйствительно, только покровительство церкви могло защитить этихъ людей безъ роду и племени; они подвергались опасности пропасть даромъ въ обществѣ, гдѣ единственной защитой была месть родственниковъ.

Кромѣ устройства семьи и защиты беззащитныхъ членовъ общества, церковь преслѣдовала и нѣкоторыя другія преступленія, менѣе важныя и даже не заслуживающія никакого преслѣдованія. Справедливо преслѣдовала церковь, по Уставу Владиміра, нарушителей покоя умершихъ, конечно, изъ корысти похитить драгоцѣнныя вещи изъ ихъ гробницъ, святотатство-похищеніе церковныхъ вещей и людей, вводящихъ безъ нужды въ церковь птицъ или звѣрей. Справедливо она преслѣдовала прелюбодѣяніе во всѣхъ видахъ между всѣми членами общества, въ особенности между духовенствомъ и монашествующими, а также противоестественныя преступленія. Съ извѣстнымъ ограниченіемъ можно сказать, что она имѣла нравственное право преслѣдовать язычниковъ и исповѣдующихъ языческіе обряды. Но гораздо менѣе, или даже вовсе не заслуживаетъ сочувствія стремленіе церкви—отдѣлить православный міръ отъ всего остальнаго, наказывать за сообщеніе съ лицами, стоящими внѣ этого міра. „Если кто, говоритъ Уставъ, будетъ пить или ѣсть съ некрещенымъ, то наказывается митрополитомъ". Это постановленіе, примѣненное впослѣдствіи и къ иновѣрцамъ вообще, стремилось создать ту замкнутость русскаго общества, которая помѣшала ему принимать въ себя новые элементы европейской жизни, тогда какъ Византія сама мало-по-малу падала и, наконецъ, совершенно пала.

Еще болѣе глубокаго сожалѣнія заслуживаетъ то, что церковь уступила и дала освятить нѣкоторыя языческія идеи, которыя впослѣдствіи принесли ей расколъ, когда она захотѣла отдѣлить ихъ отъ себя. Уже въ Уставѣ Ярослава говорится: „если кто подстрижетъ голову или бороду, то платитъ митрополиту пѣню, а князь казнитъ". За эту уступку обществу церковь дорого поплатилась и, должно сказать, нанесла обществу громадный, неисчислимый вредъ.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ и управленіи церкви.

Христіанская вѣра, принятая въ 988 году, весьма быстро распространилась въ обществѣ, благодаря ревности князя-просвѣтителя, который прокняжилъ послѣ принятія христіанства еще 28 лѣтъ. Но принимая это положеніе вообще, не нужно его слишкомъ преувеличивать, какъ это дѣлаетъ, по моему мнѣнію, преосвященный Макарій. Единственнымъ основаніемъ для его, въ этомъ случаѣ, служатъ слова лѣтописи, что св. Владиміръ повелѣлъ крестить людей по всѣмъ городамъ и селамъ (Ист. русск. церкви, т. I, стр. 23). Но что значитъ эта фраза, кромѣ общаго указанія, что Владиміръ стремился распространить христіанство по возможности болѣе? Распространеніе христіанства можно разсматривать со стороны, такъ сказать, географической или, лучше сказать, этнографической; христіанство принялось наиболѣе между славянскими племенами и было почти не принято финскими. Подтвержденіемъ этому служитъ даже то, что въ настоящее время большая часть финскихъ племенъ, живущихъ въ вологодской и вятской губерніяхъ, пребываютъ въ полнѣйшемъ язычествѣ. Не нужно забывать, что въ моментъ призванія князей, въ мѣстахъ поселенія финскихъ племенъ,—въ Ростовѣ, Муромѣ и Бѣлоозерѣ, было еще слишкомъ мало славянской колонизаціи. Въ теченіе столѣтія, съ 862 по 988 г., оно могло значительно увеличиться, но все-таки этотъ край, въ X столѣтіи и отчасти въ XI, можно считать финскимъ. Но не нужно даже дѣлать этого предположенія, когда мы имѣемъ фактическія данныя. Самъ преосвященный Макарій сознается, что хотя въ Ростовѣ было крещено „безчисленнаго множества народа“ и поставленъ епископъ, но онъ скоро долженъ былъ бѣжать оттуда отъ язычниковъ. Второй епископъ Ростова, Леонтій, былъ тоже изгнанъ жителями (Макарій, Ист. рус. церкви, стр. 17). Извѣстно, что христіанство въ Ростовѣ распространилъ Авраамій, котораго Карамзинъ, по нѣкоторымъ чертамъ, справедливо относитъ къ XII вѣку. Самъ преосвященный Макарій соглашается, что жители Му-

рома не приняли тогда крещенія, а вятичей Кукша крестилъ лишь въ XII вѣкѣ.

Еще менѣе можно сказать, если мы примемъ во вниманіе такъ сказать глубину христіанства, что оно сразу твердо укрѣпилось даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ оно было принято. Еще въ 1070 г., слѣдов. столѣтіе спустя, въ Новгородѣ только дружины князя Глѣба были за христіанство, а весь народъ всталъ за волхвовъ, т. е. за язычество. Въ самыхъ центрахъ христіанства, Кіевѣ и Новгородѣ, крещеніе было не совсѣмъ добровольнымъ, что видно изъ словъ Владиміра, сохранившихся въ лѣтописи: „кто не крестится изъ богатыхъ или убогихъ, тотъ мнѣ противенъ“. Выше я уже говорилъ, что низшіе члены или простая чадь стояли какбы внѣ церковныхъ отношеній. Въ самыхъ высшихъ классахъ языческія правила долго сохранились, какъ мы видимъ при разборѣ Устава Ярослава, въ особенности въ отношеніи наложничества.

Съ самого основанія церкви у насъ были, кажется, митрополиты, какъ догадывается преосвященный Макарій, хотя въ древнихъ лѣтописяхъ говорится объ установленіи митрополіи Ярославомъ. Сами митрополиты, какъ предполагаетъ преосвященный Макарій, жили первоначально въ Переяславлѣ, а потомъ уже поселились въ Кіевѣ. Епископства, кажется, были открыты въ самыхъ главнѣйшихъ удѣлахъ: Новгородѣ, Ростовѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Тмутаракани, Полоцкѣ и Туровѣ. Первыми митрополитами и епископами были у насъ греки; только мудрый Ярославъ сдѣлалъ дерзкую для того времени попытку и соборомъ епископовъ вызвалъ къ митрополитскому престолу знаменитаго Иларіона. Митрополиты имѣли право суда надъ всѣми членами церкви, начиная съ епископовъ, что видно изъ наказанія кіевскимъ митрополитомъ новгородскаго епископа Луки Жидяты (Нпк., подъ 1055 г.). Но значеніе епископовъ въ эту эпоху, вѣроятно, вполнѣ зависѣло отъ митрополита. Вмѣстѣ съ христіанствомъ явились и монастыри. Есть преданіе, что первый монастырь основанъ первымъ митрополитомъ Михаиломъ на одной изъ кіевскихъ горъ. Другое преданіе говоритъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ

было капище Перуна, былъ построенъ монастырь, который назывался Перинскимъ. Кромѣ этаго, было еще нѣсколько другихъ монастырей въ Кіевѣ и Новгородѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ; но цвѣтущее время для монашества и его значеніе для распространенія христіанской цивилизаціи начинается позднѣе, въ слѣдующую эпоху; тогда мы будемъ и говорить о немъ.

Весьма интересно было бы знать о распространеніи церквей и мѣстахъ ихъ построенія. Я уже въ первомъ отдѣлѣ говорилъ, что, судя по лѣтописи, церкви были построены по волостямъ, прежнимъ средоточіямъ язычниковъ, на что указываютъ и позднѣйшія выраженія, попадающіяся часто въ актахъ XVI столѣтія—„волостныя церкви“, а также особенности церковнаго управленія, по которымъ, еслибы въ волости явилась и не одна церковь, то все-таки главной волостной оставалась бы одна. Наконецъ, въ Уставѣ Ярослава есть одно замѣчательное постановленіе: „если попъ окреститъ дитя въ чужемъ уѣздѣ (волости) или иное что священническое, за исключеніемъ нужды и болѣзни, то обязанъ пѣнею митрополиту“. Это мѣсто указываетъ, что каждая волость была подчинена, въ духовномъ отношеніи, своему священнику.

Вмѣстѣ съ появленіемъ церкви, государи-просвѣтители, Владиміръ и Ярославъ, озаботились дать ей какъ силу матеріальную, такъ и силу юридическую, для того, чтобы она могла какъ успѣшно сплотить и дисциплинировать себя самою, такъ и воздѣйствовать на общество. По Уставу Владиміра, церкви была дана десятая часть отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ, десятина отъ даней, вири и продажъ, десятина отъ стадъ и лова князя, также отъ пошлинъ и съ княжескихъ селъ. Это щедрое обезпеченіе церкви княземъ, разумѣется, не исключало и другихъ доходовъ, собираемыхъ съ самихъ жителей, а также съ собственныхъ владѣній церкви; но для настоящей эпохи мы имѣемъ объ этомъ мало свѣдѣній.

Церковный уставъ Владиміра предоставлялъ церкви право суда надъ всѣми лицами, и прямо и косвенно относящимися къ церкви, и ихъ семьями. Эти лица слѣдующія: игуменъ,

игуменья, попъ, діаконъ, попадья, діаконица и дѣти ихъ, клирошникъ, черецъ, черница, проскурникъ и пономарь. Этимъ правомъ для церкви была предоставлена громадная власть надъ своими членами, необходимая для поддержанія единства религіозныхъ идей и обрядовъ, а также чтобы вырвать церковь изъ подчиненія обществу, которое было въ то время гораздо грубѣе ея.

Наконецъ, церкви было предоставлено громадное вліяніе на общество, посредствомъ права суда въ тѣхъ вопросахъ, которые мы указали выше. Кромѣ того, церкви было предоставлено право рѣшать дѣла о наслѣдствѣ; но едва-ли это право было ею употребляемо, а потому я и не говорю о немъ въ настоящее время.

Перехожу къ умственному движенію.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ у насъ появились школы, письменная литература и вообще книжная ученость. Школы началъ устроивать еще св. Владиміръ, который повелѣлъ „поимати у нарочитое чади дѣти и даяти на ученіе книжное". Слово „дѣти нарочитыхъ", какъ мы видѣли выше, значило дѣтей городскихъ или вообще дѣтей достаточныхъ людей тогдашняго средняго сословія, изъ которыхъ должно было образоваться духовенство. Собственные члены семейства Владиміра получили хорошее книжное образованіе, въ особенности Ярославъ, отличавшійся замѣчательными способностями. Сколько и гдѣ были открыты школы—это неизвѣстно. Лѣтописецъ объ этомъ говоритъ въ общихъ чертахъ, какъ и о распространеніи христіанства. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ повелѣлъ „попамъ по градамъ и селамъ люди къ крещенію приводить, а дѣти грамотѣ учить (Суздл. лѣт., стр. 31). Изъ этого мѣста, конечно, можно вывести заключеніе, что Владиміръ старался устроить такія училища при всѣхъ храмахъ; но были-ли они дѣйствительно устроены—неизвѣстно и, конечно, на этотъ вопросъ можно отвѣтить скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Ни родители, ни дѣти, какъ видно изъ лѣтописи, не обнаруживали охоты къ ученію, а со стороны всѣхъ священниковъ-грековъ едвали

можно ожидать большей ревности въ этомъ дѣлѣ. Съ еще бо́льшею ревностью дѣйствовалъ Ярославъ, который можетъ считаться отцемъ нашей книжной литературы и образованности. Онъ собралъ множество книгъ, конечно, преимущественно богословскихъ, и положилъ ихъ при Кіево-Софійскомъ монастырѣ; это была наша первая библіотека, изъ которой, конечно, черпали свое духовное образованіе знаменитые иноки Печерскаго монастыря, доставившіе намъ первыхъ лѣтописцевъ и множество замѣчательныхъ іерарховъ. Въ этой Софійской библіотекѣ вѣроятно было множество греческихъ подлинниковъ; но еще важнѣе для массы нашего общества множество славянскихъ переводовъ, сдѣланныхъ по приказанію Ярослава и переписанныхъ, вѣроятно, въ нѣсколькихъ экземплярахъ множествомъ писцовъ, которыхъ онъ собралъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить важность этого благодѣянія, нужно принять въ соображеніе необыкновенную цѣну книгъ въ древней Руси вообще, а въ особенности во время Ярослава, что и весьма понятно, такъ какъ книги переписывались уставомъ,—работа чрезвычайно трудная, да кромѣ того и самыхъ писцовъ было чрезвычайно мало. Судя по надписи, находящейся на Остромировомъ Евангеліи, діаконъ Григорій писалъ эту книгу съ 20 октября 6564 (1056) по 12 мая 6565 (1057), изъ чего г. Срезневскій заключаетъ, что если онъ велъ счетъ году съ сентября, то онъ писалъ ее 19 мѣсяцевъ, а если съ Марта, то 7 мѣсяцевъ (Изв. втор. отд. Имп. Акд. Наукъ, стр. 227). Если же, такимъ образомъ, переписчикъ цѣнилъ свою работу только втрое дороже обыкновеннаго каменьщика, то, считая, что онъ работалъ 7 мѣсяцевъ, его трудъ стоилъ бы 31 гривну кунъ, или 7 гривенъ серебра,—цѣна ужасная, дѣлающая такую плату доступной только для такихъ лицъ, какъ знаменитый посадникъ Остромиръ *). Кромѣ того, Ярославъ открылъ въ Новгородѣ школу для 100 дѣтей старостъ, что стоило конечно не мало, такъ какъ дѣти должны были

*) Заработная плата во время Ярослава для каменщика стоила нагату или $^1/_{20}$ гривны,—цѣна, назначенная Ярославомъ при построеніи храма.

конечно и содержаться на его счетъ, по обычаямъ древней Руси, такъ какъ отцы были бы не въ-состояніи, да едвали бы и согласились, платить за ихъ содержаніе. Въ школахъ, устроенныхъ Ярославомъ и Владиміромъ, конечно, обученіе состояло въ обученіи грамотѣ и священному писанію, такъ какъ и самые ученые назначались для церкви; но, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ школахъ учили и греческому языку, считая его необходимымъ для самихъ святителей новопросвященной Руси. Книжная, умственная дѣятельность и вообще письменная литература состояли: 1) изъ переводовъ греческихъ богословскихъ книгъ, знаменитыхъ проповѣдей и житій святыхъ; 2) изъ перевода законовъ, относящихся къ церкви и необходимыхъ для свѣтскаго общества; и 3) изъ собственной дѣятельности нашихъ первыхъ проповѣдниковъ.

Какія книги уже были переведены тогда,—объ этомъ говоритъ преосвященный Макарій. Нельзя сказать ничего положительнаго, но какъ видно, и тогда были извѣстны книги пророковъ и апостоловъ, судя по одному мѣсту изъ проповѣди Иларіона, сказавшаго: „излагать въ семъ писаніи проповѣди пророковъ о Христѣ и о ученіи апостоловъ о будущемъ вѣкѣ, было бы излишнимъ и клонилось бы къ тщеславію, ибо это писано въ другихъ книгахъ, всѣмъ уже извѣстно, и о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости“ (Ист. Цер., стр. 117). Въ 1147 году для новгородскихъ князей Владиміра и Ярослава, были написаны книги шестнадцати пророковъ съ краткими объясненіями на нихъ. Изъ житія Бориса и Глѣба, написаннаго Несторомъ, мы видѣли выше, что для этихъ первыхъ русскихъ святыхъ, а также, вѣроятно, для другихъ княжескихъ людей, житія святыхъ и мучениковъ составляли любимое чтеніе, которыми они зачитывались. И въ самомъ дѣлѣ, житія святыхъ какъ у насъ, такъ и вообще въ средневѣковой Европѣ, играли чрезвычайно важную роль; они были чтеніемъ вмѣстѣ легкимъ и назидательнымъ и имѣли громадное вліяніе на жизнь, такъ какъ изображаемые въ нихъ святые были недостижимыми идеалами святости и духовной силы. Мнѣ кажется, невозможно отвергать,

что въ эти житія были занесены въ измѣненномъ видѣ тѣ представленія о господствѣ человѣка надъ природой, которое служитъ отличительнымъ признакомъ этого времени. Но только то, что въ язычествѣ дѣлалось съ помощью чаръ, въ житіяхъ являлось слѣдствіемъ всепобѣждающей святости. Предъ воображеніемъ читателя носился тотъ идеалъ святаго, который силою поста и молитвы, ночныхъ бдѣній и слезъ о своихъ грѣхахъ, возвышался до такой силы, что могъ, какъ Антоній Римлянинъ, приплыть на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, или, какъ Іоаннъ Новгородскій, съѣздить на бѣсѣ въ Іерусалимъ (Памят. Стар. Рус., стр. 245, 263). Этотъ идеалъ могъ дать Борису нравственную силу спокойно умереть отъ Святополка, не принявъ ни малѣйшей предосторожности, а другому, святителю Феодосію, дать нравственную силу бросить домъ и богатство для нищенскихъ лохмотьевъ и скудной пищи Печерскаго монастыря. Мнѣ кажется, мы можемъ объяснить такіе закаленные характеры, какъ у Антонія, только принимая во вниманіе эти идеалы и эту пламенную вѣру въ нихъ тогдашняго общества.

Не менѣе важенъ и второй отдѣлъ книжной литературы, а именно—переводы законодательныхъ постановленій. Мы уже подробно разбирали уставы Ярослава и Владиміра и тѣ идеи, которыя они внесли въ русскую жизнь. Церковный Номоканонъ былъ переведенъ уже при Владимірѣ, какъ догадывается г. Срезневскій, на основаніи словъ Устава князя Всеволода, который говоритъ: „азъ смотрѣвъ во житіи патріарха цареградскаго грамоты, что принесли въ Русь къ великому князю Владиміру (Изв. II отд., 276 л.). Къ этому же времени я отношу и „Уставъ о земскихъ дѣлахъ“ Ярослава. Впослѣдствіи я постараюсь указать, какое вліяніе эти переводныя статьи имѣли на дальнѣйшее развитіе Русской Правды.

Гораздо скуднѣе, по своему значенію и вліянію на общество, были собственные обращики литературнаго творчества, хотя нельзя забывать, что этимъ писателямъ мы обязаны первыми литературными извѣстіями. Безъ сомнѣнія, самымъ

замѣчательнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ Иларіонъ, бывшій первоначально священникомъ въ селѣ Берестовѣ, а впослѣдствіи первымъ русскимъ литераторомъ. „Нельзя не удивляться, говоритъ преосв. Макарій, зрѣлости ума, глубинѣ чувства, обилію богословскихъ свѣденій и тому ораторскому искуству, какими запечатлѣно это образцовое слово, написанное Иларіономъ еще въ санѣ пресвитера. Оно состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по-видимому, разнородны между собою, но имѣютъ тѣсную связь и составляютъ одно художественное цѣлое. Въ первой части витія доказываетъ превосходство закона евангельскаго, во второй—восхваляетъ равноапостольнаго Владиміра, въ третьей—обращается съ молитвой къ Богу“ (Ист. церк., т. I, стр. 127). Я приведу одно мѣсто изъ этой проповѣди, гдѣ Иларіонъ говоритъ о тогдашней Руси: „уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія, но уповаемъ на жизнь вѣчную; уже не капища строимъ, но создаемъ церковь Христову; не заколаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ за насъ заколается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвы вкушаемъ и погибаемъ, а пречистую кровь Христову и спасаемся“ (тамъ же). Другой проповѣдникъ—новгородскій епископъ Лука Жидята, отъ котораго до насъ дошла одна проповѣдь, замѣчательная по своей простотѣ и общедоступности. „Въ церкви Божіей, говоритъ онъ въ своей проповѣди, стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, но молите Бога всѣмъ сердцемъ, да отдастъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте ко всѣмъ людямъ и еще болѣе къ братіи. Не имѣйте одного на сердцѣ, а другаго на устахъ. Не ройте подъ братомъ ямы, чтобы Богъ васъ самихъ не ввергнулъ въ нее. Помилуйте убогихъ и голодныхъ, сидящихъ въ темницахъ; съ своими сиротами (т. е. рабами) будьте милостивы; не распутствуйте съ женами, не пейте безъ времени, но въ мѣру, а не въ пьянство, не ѣшьте осквернѣннаго... чтите святые дни“ (Макарій, Приб. къ ист. церкви, т. II).

Не мѣньшее значеніе имѣетъ и устная литература, создателями и хранителями которой были народные пѣвцы. Къ

сожалѣнію, мы поздно стали записывать эти памятники народнаго творчества; но что уже въ это время составился эпосъ, окружившій своимъ ареоломъ солнышко-князя Владиміра,—это доказывается очень большимъ сходствомъ въ цѣломъ былинъ, которыя и до сихъ поръ разсказываются въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Еще разъ возвращаемся къ этому замѣчательному князю, дворъ котораго сдѣлался доступнымъ для народа, при которымъ начали строить языческія капища, ожила народная муза. Я думаю, что все это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что первые князья были норманы, потому что народныя пѣсни не знаютъ ничего о вѣщемъ Олегѣ, о прославленномъ битвами Святославѣ, тогда какъ онѣ воспѣвали дворъ ничего недѣлающаго (по былинамъ) Владиміра. Я не буду касаться художественной стороны былинъ, прекрасно изслѣдованной въ сочиненіи г. Миллера (Илья Муромецъ), а также источниковъ ихъ, изложенныхъ въ предисловіи Буслаева къ пѣснямъ Рыбникова; но коснусь только нѣкоторыхъ идей и идеаловъ времени, а также бытовыхъ особенностей общества.

Былины, можно сказать, стоятъ на переходной степени изъ міра миѳовъ, изъ міра чудеснаго и сверхъ-естественнаго, въ жизнь бытовую. И тѣ и другія стороны одинаково важны и характеристичны для вѣка. Человѣкъ все еще вѣрилъ въ свои сверхъестественныя силы, но эта вѣра не оставила слишкомъ большихъ слѣдовъ въ былинахъ, или слѣдъ этотъ исчезъ. Причина этого заключается вѣроятно въ томъ, что эпосъ создался въ переходное время отъ язычества къ христіанству и сохранился въ памяти народа, давно уже принявшаго христіанство. Слѣды этаго сверхъестественнаго элемента видны въ такъ-называемыхъ старинныхъ богатыряхъ, которые есть ничто иное, какъ олицетвореніе могучихъ силъ природы. Богатырь Святогоръ, бывшій выше лѣса стоячаго, упирающійся головою подъ облако, по всей вѣроятности есть политеистическое представленіе духа горы, какъ видно изъ его имени и его формы. Хотя народная фантазія и отнесла слѣдующую черту къ Ильѣ Муромцу, богатырю уже въ

бытовыхъ формахъ, по мнѣ кажется, она лучше идетъ къ Святогору и дополняетъ его образъ:

У него конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ....

По другому стиху, относящемуся прямо къ Святогору, былина говоритъ, что „его и земля черезъ силу носитъ".

Въ другомъ богатырѣ, Микулѣ, къ которому богатырь Вольга ѣхалъ три дня и каждый день слышалъ его какбы близъ себя, г. Миллеръ справедливо видитъ олицетвореніе нашей безконечной равнины (Илья Муромецъ, стр. 203). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ именахъ богатырей видно еще ихъ чудесное происхожденіе, ихъ связь съ природой, какъ напр. Дунай Ивановичъ или сынъ-Ивановичъ Дунай; Потокъ или Патыкъ, олицетворявшій въ своемъ имени чудесную силу ручья, потока, и его жена—лебедь бѣлая. Самые уже человѣческіе богатыри находятся еще въ ближайшей связи съ матерью-природой. Богатырь Илья получаетъ свою силу отъ калекъ-перехожихъ, напоившихъ его чудесной водой, которая, вѣроятно, есть олицетвореніе божественнаго дождя. Наконецъ, эта близкая связь съ природой видна изъ того, что, напримѣръ, богатырь Добрыня обертывается въ тура, а миѳическая развратница Маринка обертывается и оборачиваетъ другихъ въ различныхъ животныхъ.

Въ этой формѣ былины еще все чудесно и человѣческое вниманіе преклоняется предъ силами природы. Но человѣкъ уже выходитъ изъ-подъ ея непосредственнаго вліянія; его занимаетъ уже и міръ людей, ихъ отношенія и истинно человѣческіе характеры. Глубоко важенъ и симпатиченъ главный герой, центръ русскаго эпоса, идеалъ народа, Илья Муромецъ. Я воспользуюсь характеристикой этаго героя у г. Миллера, положившаго столько труда на его изученіе. „Не зная никакого стремленія ни къ личнымъ, ни къ семейнымъ цѣлямъ, онъ издавна уже задался прочищеніемъ крещеному люду дороги, заложенной вѣковымъ раззорителемъ (причемъ, по пути, спасаетъ отъ раззоренія городъ—даже вопреки за-

повѣди отцовской); далѣе является стоятелемъ на заставѣ, во главѣ богатырской общины побратенниковъ, съ тѣмъ, чтобы каждаго проѣзжаго изъ русскихъ богатырей причислять къ своей братіи, а каждаго *чужаго нахвальщика* удерживать отъ вторженія въ землю Русскую. Болѣе всѣхъ побратенниковъ подвизаясь за общее дѣло, онъ неустанно готовъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и каждому изъ этой своей не родной, а названой, крестовой братіи, узы съ которою *паче* узъ крови. Оберегая ихъ отъ насилія, самъ добровольно служа другимъ и никого не держа въ услуженіи, постоянный труженникъ и за богатырей, такъ часто *туляющихся*, и за Владиміра князя, никогда ничего не дѣлающаго, отъ требуетъ лишь одного: чтобы великое значеніе его признавалось, чтобы ему, крестьянскому сыну, было мѣсто не ниже бояръ за столомъ у князя. Когда, неучествованный Владиміромъ, онъ больно проучилъ за это,— самъ онъ опять не воспользовался притомъ ни малѣйшей выгодой, а только усадилъ голей за столъ Владиміровъ, нимало не домогаясь у нихъ того почетнаго мѣста, которое не хотѣлъ уступить боярамъ. Напомнивъ князю о томъ, что княжество — служба, и что поставленіе на такую службу во власти его, Ильи, стоятеля за народъ и родную землю, муромскій мужичокъ-богатырь, убѣдившись, надобно думать, въ невнимательности Владиміра къ подобнаго рода напоминаніямъ, удаляется... Но при первой вѣсти о новыхъ насильникахъ, злыхъ таторовьяхъ, онъ, только переодѣтый, опять тутъ-какъ-тутъ, и открываясь растерянному Владиміру, сейчасъ же сдается на призывъ княжескій—снова стать за спротъ и вдовъ, сдается собственно на такой призывъ, а вовсе не на битье ему челомъ князя, оставаясь нимало непольщеннымъ этимъ признакомъ крайней почтительности, но столько же мало имъ смущеннымъ или озадаченнымъ. Вовсе не стремясь выслужиться у князя, Илья не стремится при этомъ и выслужиться у Бога: ополчается ради самыхъ сиротъ и вдовъ, а не ради награды, сулимой за то церквами. Но хотя эти послѣднія, такимъ образомъ, не возбуждаютъ въ немъ вѣро-

исповѣдной корысти, онъ возстановляетъ и пѣніе церковное, и звоны колокольные, не только въ Русской, но и въ Цареградской землѣ, — а вмѣстѣ съ ними возстановляетъ и проповѣдуемую въ нихъ милостыню..." (Илья Мур., стр. 805). Этотъ идеалъ народной поэзіи замѣчателенъ не только какъ идеалъ Владимірова вѣка, но какъ вообще выраженіе нравственныхъ силъ русскаго духа. Анализъ, вытекающій изъ глубины народной совѣсти, не далъ этому герою ни личной гордости, ни стремленія къ личнымъ наслажденіямъ. Служить цѣлому государству и народу и не думать о себѣ,—вотъ великія черты народнаго духа, создавшаго этотъ идеалъ.

Кромѣ этаго героя, котораго общія черты, такъ сказать, выходятъ изъ рамокъ вѣка и напоминаютъ о немъ только своими подробностями, народныя былины даютъ другихъ героевъ, въ которыхъ болѣе отразились вѣкъ и его нравы. Эти герои являются настоящими представителями этаго грубаго и жестокаго вѣка. Богатырь Дунай женится на удалой поленицѣ Настасьѣ, которую, по нѣкоторымъ былинамъ, онъ убиваетъ изъ зависти, что она лучше его стрѣляетъ изъ лука. Богатырь Иванъ Годиновичъ, съ помощью дружины, вырываетъ себѣ жену у богатаго гостя Димитрія, съ позволенія самого Владиміра, который, давъ ему дружину, сказалъ: „честью не дастъ, то и силою бери, не смотря на то, что невѣста его уже просватана за царя Афромѣя". Весьма замѣчательно, что въ былинахъ появляются матушки-государыни, что общество выходило изъ той первобытной грубости родоваго быта, гдѣ женщины ничего не значили, не только какъ жены и дочери, но и какъ матери. Конечно, и здѣсь женщина имѣетъ значеніе только какъ мать-государыня; какъ жена и дочь, она не имѣетъ ни воли, ни значенія. Но эти матушки-государыни являются не въ очень привлекательныхъ образахъ. На пиру Владиміра двѣ вдовы матери-государыни поссорились и подрались между собою, при общемъ смѣхѣ зрителей, изъ-за сватовства, которое одна считала личнымъ оскорбленіемъ для другой. Въ этомъ сватовствѣ одна мать дѣйствовала за своего сына, другая за свою дочь,

которые, такимъ образомъ, являются въ безусловномъ подчиненіи матери-государыни.

Въ другой былинѣ еще рѣзче выставляется власть матери-государыни: она продаетъ своего сына въ рабство, потому что сынъ этотъ прокутилъ ея достояніе, будучи посланъ матерью для торговли въ Царьградъ.

Но рядомъ съ этими героями, рисующими господство грубой силы, деспотизмъ родоваго быта и чувственное отношеніе къ женщинѣ, эпосъ знаетъ и болѣе высокія отношенія. Таково, сама по себѣ симпатичная, личность Добрыни богатыря. Добрыня, какъ и Илья Муромецъ, ставитъ выше всего дѣло общее, а не личное дѣло; у него нѣтъ никакой личной охоты до борьбы; но Добрыня не поглощается, какъ Илья, службою отечеству; у него есть семейныя привязанности. Отношенія его жены къ нему напоминаютъ отношенія Пенелопы къ Одиссею. Уѣзжая на службу, онъ обѣщалъ воротиться, по нѣкоторымъ былинамъ—черезъ шесть лѣтъ, прося жену свою дожидаться его и не выходить замужъ втеченіе этого времени; но жена его, прождавъ пять лѣтъ, сама накидываетъ еще другой срокъ—шесть лѣтъ, и тогда уже рѣшается идти замужъ. На свадебный пиръ ея во дворецъ князя является Добрыня, въ костюмѣ пѣсенника, и въ чашу вина, поднесеннаго его женѣ, кладетъ свой обручальный перстень. Образы Добрыни и его жены полны глубокой симпатіи.

Въ заключеніе я скажу, что совершенно несправедливо, по примѣру глубоко-уважаемаго Бѣлинскаго, думаютъ унижать нравственный смыслъ и значеніе характеровъ нашихъ былинъ. Совершенно неосновательно думать, что если эти характеры, по основнымъ своимъ идеямъ, велики, то это значитъ, что и время ихъ создавшее было великимъ. Едвали поэзія когда-либо создавала характеры болѣе высокіе и симпатичные, чѣмъ характеръ Патрокла у Гомера; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы въ вѣкъ Гомера люди были болѣе образованы, чѣмъ въ вѣкъ Перикла. Эпической поэзіи судьба предоставила драгоцѣнный даръ — быть болѣе выра-

женіемъ народныхъ идеаловъ, чѣмъ картинной дѣйствительности. Въ эпической поэзіи выражаются, такъ сказать, основныя черты народнаго духа и гораздо менѣе черты времени. Это въ особенности должно сказать объ нашемъ эпосѣ, который, бывъ долго въ устахъ народа, утратилъ много чертъ, рисующихъ современный бытъ. Но тѣ черты, которыя остались пощаженными временемъ, глубоко вѣрны и характерны.

ОТДѢЛЪ III.

(1055—1155).

Періодъ господства патріархальныхъ идей и отношеній.

ГЛАВА I.

Примѣненіе идей родоуправленія, сеймовыхъ постановленій и договоровъ къ государственному устройству.—Слабость значенія права въ обществѣ, вслѣдствіе малаго политическаго и нравственнаго развитія. — Удѣльная система г. Соловьева и Сергіевича. — Слабыя и вѣрныя стороны обѣихъ.—Система родового права съ самого начала не была вѣрно приложена и даже въ теченіе перваго поколѣнія не пользовалась авторитетомъ между членами рода.—Окончательный упадокъ системы и попытка устроить новую на любечскомъ съѣздѣ.—Причина неудачи попытки заключается въ племенной розни.

Первое столѣтіе послѣ смерти Ярослава представляетъ такой своеобразный міръ идей, отношеній и характеровъ, что для того, чтобы понять этотъ міръ, освоиться съ нимъ, нужно совершенно отрѣшиться отъ понятій и представленій окружающей насъ жизни. Этотъ міръ и наше государственное устройство не подходятъ ни подъ какую опредѣленную норму политическихъ отношеній. Россія не составляла тогда ни союзнаго государства, ни союза государствъ,—двѣ формы, которыя наиболѣе близко подходятъ къ системѣ удѣловъ. Союзное государство требуетъ болѣе или менѣе сильной и политически обезпеченной центральной власти, чего совершенно не было у нашихъ великихъ князей кіевскихъ. Союзъ государствъ, предоставляя каждому отдѣльному князю въ полное распоряженіе его владѣнія, все-таки допускаетъ нѣкоторыя центральныя учрежденія, которыми, пожалуй, и были, хотя

въ весьма слабой степени, съѣзды нашихъ князей (любечскій и вятичевскій); но вліяніе этихъ съѣздовъ продолжалось весьма недолго и затѣмъ князья уже совсѣмъ не собирались. Съ другой стороны, княжества и ихъ правители не были совершенно чужды другъ другу: князья состояли между собою въ родственныхъ отношеніяхъ, подчиненныя имъ племена были одного происхожденія и исповѣдывали одну религію. Какъ у князей, представителей племенъ, такъ и у самыхъ племенъ, никогда не пропадало сознаніе, что они составляютъ нѣчто цѣлое, несмотря на разъединеніе и видимую отдѣльность.

Но если, съ одной стороны, вѣрно, что этотъ порядокъ вещей не подходитъ ни подъ какую опредѣленную юридически-политическую форму; то, съ другой стороны, внимательно читая лѣтописи, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ эту эпоху господства личнаго эгоизма, который часто управлялъ дѣйствіями героевъ этаго періода, надъ дѣйствіями людей носился какой-то особый, ему лишь только свойственный, міръ идей, предъ обязательнымъ значеніемъ которыхъ эти герои иногда преклоняютъ головы, иногда враждуютъ, отбрасывая ихъ въ сторону, но никогда совершенно не освобождаясь отъ нихъ. Г. Соловьеву русская историческая наука глубоко обязана тѣмъ, что онъ съ успѣхомъ попытался опредѣлить этотъ міръ идей и пролилъ свѣтъ на этотъ племенный періодъ русской исторіи. Эта господствующая идея народа, такъ рельефно выставленная г. Соловьевымъ въ его исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома,—есть *родовое владѣніе*, т. е., говоря точнѣе, наслѣдники Ярослава со своимъ потомствомъ составляли естественный родъ, который считалъ Русь своею наслѣдственною собственностью, и между членами этаго рода, на основаніи общихъ естественному роду понятій, право управленія принадлежало старшему въ родѣ. „Первымъ главнымъ правомъ на велико-княжеское достоинство, говоритъ Соловьевъ, было старшинство физическое; слѣдовательно, дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшимъ,

мужъ старшей сестры надъ младшимъ зятемъ. Итакъ, по первому естественному представленію о старшинствѣ, дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: послѣ смерти отца, старшій братъ, заступивъ его мѣсто, для младшихъ становился отцомъ въ отношеніи къ нимъ; слѣдовательно, его дѣти должны были быть братьями дядьямъ своимъ, и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядьямъ своимъ. Но при такомъ представленіи необходимо рождается вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцомъ для младшихъ братьевъ, сталъ поэтому братомъ дядьямъ своимъ, но какимъ братомъ,—старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основанное на физическомъ старшинствѣ, отдавало преимущество дядьямъ предъ племянниками; сыновья старшаго брата были братьями дядьямъ своимъ, но братьями младшими. Но въ пользу племянниковъ скоро являлось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцомъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца, какъ необходимо старшій между братьями, слѣдовательно старшій племянникъ старше дядей". Эта теорія, отличающаяся полнѣйшею простотою и естественностію, дѣйствительно бросаетъ свѣтъ на этотъ періодъ русской исторіи и объясняетъ много изъ того круга идей, въ которомъ вращались герои періода. Но ненадо забывать, что эти идеи имѣли для дѣйствующихъ лицъ періода только моральную обязанность; что изъ нихъ не выработалось и не могло выработаться никакого государственнаго устройства. Если мы въ настоящее время читаемъ въ Сводѣ законовъ, что старшій сынъ императора по смерти отца становится императоромъ, которому его дѣти и братья обязаны безусловно повиноваться; то эта идея не виситъ, такъ сказать, только въ воздухѣ, но наслѣдникъ престола съ перваго раза получаетъ дѣйствительную, физическую силу, предъ которой все должно преклоняться по существу вещей.

Строго опредѣленный законъ, общественный обычай и, наконецъ, взгляды и убѣжденія народа,—все это дѣлаетъ этотъ порядокъ вещей въ такой степени прямымъ и установившимся, что никому не приходитъ въ голову колебать его. Совсѣмъ не таково было положеніе вещей въ разсматриваемомъ нами періодѣ. То лицо, которое, по идеямъ времени, должно было становиться старшимъ въ родѣ князей, не получало вмѣстѣ съ этимъ старшинствомъ никакой фактической силы, которая обязывала бы всѣхъ родныхъ подчиняться ему безусловно. Одинъ изъ нихъ подчинялся, другой не подчинялся, смотря по своему характеру и обстоятельствамъ. Совѣстливые князья, для которыхъ эти идеи были дѣйствительно нравственно обязательны, подчинялись имъ добровольно, какъ Владиміръ Мономахъ; другіе признавали ихъ обязательную силу, когда не въ состояніи были бороться, или дѣлали имъ извѣстную уступку. Словомъ, эти идеи были лишь нравственнымъ идеаломъ, который, какъ и всякій идеалъ, имѣлъ болѣе или менѣе громадное вліяніе на жизнь, на все тогдашнее общество, но вліяніе котораго все-таки не можетъ сравниться съ фактически обязательнымъ закономъ. Послѣднему (т. е. закону) фактически повинуются всѣ, а не повинующіеся страдаютъ, тогда какъ первому (т. е. нравственному идеалу) одни подчиняются болѣе, а другіе менѣе, а третьи почти не подчиняются; но и совсѣмъ не подчиняющіеся иногда выигрываютъ, если они люди ловкіе и успѣли пріобрѣсти хорошія средства. Г. Соловьевъ, открывъ свою свѣтлую теорію, придалъ этимъ идеаламъ непринадлежащую имъ силу закона, а потому въ своихъ объясненіяхъ удѣльнаго періода долженъ былъ дѣлать многія натяжки для доказательства, что жизнь шла безусловно по этимъ идеямъ. Эти ошибки вызвали другую теорію, впервые формулированную въ замѣчательной книгѣ г. Сергіевича: „Вѣче и князь“. Г. Сергіевичъ, видя, что безконечное множество фактовъ противорѣчатъ исторіи г. Соловьева; видя, что нравственно управляющія идеи, высказанныя г. Соловьевымъ, имѣютъ относительно малое вліяніе на жизнь, сталъ дока-

зывать, что личный эгоизмъ князей и ихъ случайная сила были единственными двигательными пружинами періода. „Родственныя связи, говоритъ г. Сергіевичъ, которыя существовали, такимъ образомъ, между всѣми князьями, не могли, конечно, остаться безъ вліянія на ихъ взаимныя отношенія; но отношенія эти управлялись не родствомъ, а положеніемъ князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей. Каждому князю, вышедшему изъ-подъ отеческой власти и занимающему столъ какой-либо волости, принадлежитъ верховная власть въ этой волости... Надъ такимъ княземъ не существуетъ никакой высшей княжеской власти" (Вѣче и князь, стр. 123). „Княжеская Россія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались... Добываніе есть дѣйствіе личной энергіи, направленной на пріобрѣтеніе стола. Успѣхъ добыванія обусловливается умѣніемъ употреблять въ свою пользу тѣ силы, отъ совокупнаго дѣйствія которыхъ зависѣла судьба древнихъ русскихъ волостей" (тамъ-же, стр. 253).

Вотъ теорія, совершенно противоположная теорія г. Соловьева. Если мы для этой теоріи развернемъ лѣтописи, то дѣйствительно, въ фактахъ жизни найдемъ множество подтвержденій ея, но нисколько не менѣе фактовъ, поддерживающихъ г. Соловьева. Что это значитъ, мы уже объяснили выше. Но множество фактовъ, опровергающихъ теорію г. Соловьева, нисколько не уничтожаютъ ее, какъ не уничтожается дѣйствіе физической теоріи безконечнаго движенія разъ брошеннаго тѣла тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ оно очень конечно. Я нимало не отвергаю, что значеніе нравственныхъ теорій для жизни нисколько не уничтожается той массою отступленій отъ нихъ, которыя мы ежедневно встрѣчаемъ въ жизни. Жизнь людей есть постоянная борьба эгоизма; но было бы полнѣйшей ошибкой сказать, хотя бы про одинъ вѣкъ, что люди въ немъ управлялись исключительно эгоизмомъ. Въ самыя грубыя первобытныя времена, когда люди жили отдѣльными родами, когда эгоизмъ былъ, можно сказать, пре-

обладающимъ стимуломъ жизни, всѣ признавали святость кровавой мести и для нее умирали не только люди, но цѣлые роды и племена. Какъ низко ни стоялъ человѣкъ, но не было періода, когда бы нравственныя идеи не имѣли на него болѣе или менѣе глубокаго вліянія. Теорія г. Сергіевича, безъ сомнѣнія, много объясняющая въ удѣльномъ періодѣ, какъ многое вообще въ человѣческихъ дѣйствіяхъ объясняется эгоизмомъ, тѣмъ не менѣе силится отнять у цѣлой эпохи нравственные идеалы, что совершенно несправедливо. Во всякую эпоху происходитъ борьба между ея нравственнымъ идеаломъ и эгоизмомъ людей; поэтому, чтобы уразумѣть смыслъ эпохи, необходимо принять во вниманіе и то и другое. Но заслуга г. Сергіевича несомнѣнно заключается въ томъ, что онъ указываетъ односторонность теоріи г. Соловьева. Попытаемся указать въ общихъ чертахъ главные моменты періода, не имѣя въ виду исторической полноты, а именно—со стороны, обрисовывающей характеристическія идеи и стремленія эпохи.

Ярославъ, умирая, созвалъ своихъ сыновей и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „вотъ теперь я оставляю этотъ міръ, сыновья мои; любите другъ друга, потому что всѣ вы братья одпаго отца и матери; если будете любить другъ друга, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ всѣхъ сопротивляющихся, и сами будете жить мирно; если же будете жить ненавидя другъ дру́га, порознь, то сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли великимъ трудомъ. Живите мирно, слушайтесь другъ друга; вотъ я поручаю старѣйшему сыну моему, а брату вашему, Кіевъ; слушайтесь его, какъ слушались меня, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; а Святополку даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владиміръ, а Вячеславу Смоленскъ“. Обратившись къ Изяславу, онъ сказалъ: „если кто захочетъ обидѣть твоего брата, то ты помогай обиженному“. Вотъ краткое прощаніе отца къ дѣтямъ, исполненное простоты, отъ которой вѣетъ совершенно эпосомъ. Ярославъ установляетъ совершенно не юридическія отношенія, а отношенія

нравственныя. Отецъ, умирая, далекъ отъ мысли установить какую-нибудь простую государственную власть. Онъ, можно сказать, съ совершенною легкостью предвидитъ усобицы, которыя ему кажутся даже неизбѣжными, и онъ предостерегаетъ отъ нихъ сыновей только тѣмъ, что усобицами они сами себя погубятъ. Онъ постановляетъ своего старшаго сына вмѣсто себя, но это только въ нравственномъ отношеніи; всѣ дѣти получаютъ отдѣльныя волости, въ которыхъ они будутъ настоящими государями или, лучше, хозяевами, въ совершенной независимости отъ старшаго брата. Всѣ отношенія ихъ чисто нравственныя: младшій братъ обязанъ слушаться старшаго; старшій, какъ старѣйшій, долженъ стараться подать примѣръ младшимъ. Старшій братъ могъ вмѣшиваться въ семейную жизнь младшихъ, даже могъ совѣтовать имъ лучше управляться, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права отнять хотя бы одну волость отъ братьевъ, ни требовать хотя бы малѣйшей части отъ нихъ, ни вступаться въ ихъ управленіе не какъ старшій братъ, а какъ великій князь русскій. Самъ Ярославъ, какъ видно изъ словъ его къ сыну своему Всеволоду, считалъ такой порядокъ вещей естественнымъ.—„Сынъ мой, говорилъ онъ Всеволоду, когда тебѣ Богъ дастъ принять власть стола моего, то прими по братья своя съ правдой, а не съ насиліемъ“. Слѣдовательно, онъ установляетъ какъ законъ порядокъ смѣны однаго сына за другимъ, по старшинству, въ Кіевѣ. Въ теченіе перваго поколѣнія (50 лѣтъ) Россія представляетъ еще цѣлое государство, причемъ князья не имѣютъ самостоятельныхъ удѣловъ, а скорѣе похожи на простыхъ посадниковъ князей съ расширенною властію. И хотя отношенія дѣтей Ярослава къ ихъ старшему брату имѣли совершенно характеръ отношеній выдѣленныхъ дѣтей, но въ теченіе всего первого пятидесятилѣтія до любечскаго съѣзда — всѣ Ярославичи еще смотрятъ на Русь, какъ на общее достояніе рода, что ясно доказывается тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ за это время не получаетъ постояннаго удѣла. Но между частнымъ наслѣдствомъ имуществъ и государственнымъ наслѣдствомъ

есть одна существенная разница: въ первомъ случаѣ наслѣдуется самое имѣніе, во второмъ — только доходъ отъ области, которая находится вовсе не въ такомъ подчиненіи князю, какъ частная собственность — хозяину; во-вторыхъ, при управленіи и пользованіи частнымъ наслѣдствомъ, всѣ члены могутъ быть въ одномъ мѣстѣ, подчиняясь волѣ старшаго брата, что невозможно въ отношеніи управленія государствомъ. Идеи родоваго быта съ перваго же раза не могли быть примѣнены въ цѣлости къ совершенно новому роду имущества,—къ управленію государствомъ свободныхъ людей; но онѣ даже не были примѣнены и въ той части, въ которой возможно было примѣнить ихъ. Очевидно, полное примѣненіе идеи родоваго быта требовало полнѣйшей зависимости братьевъ отъ старшаго брата, такъ что они не должны бы были самостоятельно распоряжаться доходами съ своихъ имѣній. Уже при первомъ началѣ, при смерти Ярослава, родовыя идеи наши, такимъ образомъ, далеко не имѣли примѣненія; можно сказать, онѣ получили только частное примѣненіе. Два событія, случившіяся уже при первомъ поколѣніи князей, доказали еще больше, какъ слабы и шатки могли быть примѣненія этой системы къ управленію государствомъ. Но прежде, чѣмъ я скажу объ этихъ фактахъ, укажу еще на одинъ очень важный фактъ. На другой годъ по смерти Ярослава, умеръ сынъ его Вячеславъ, и лѣтописецъ говоритъ: „посадиша Игоря въ Смоленскѣ изъ Владиміра выведеше“. Слово „посадиша“ очевидно доказываетъ, что не одинъ Изяславъ это сдѣлалъ своею властію, но или всѣ князья, или, что вѣроятнѣе, старшіе князья. Этотъ случай снова показываетъ, что власть старшаго брата была очень слаба. Чрезъ 10 лѣтъ по кончинѣ Ярослава, на Русь нашу шли половцы, и противъ нихъ выступаютъ три князя: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ; но вскорѣ Изяславъ побѣжалъ отъ враговъ, при чемъ лѣтописецъ заключаетъ: „усобная рать бываетъ отъ соблазненія дьявола“. Очевидно, что лѣтописецъ намекаетъ на то, что несчастіе народа произошло отъ ссоръ между братьями, что давало новый примѣръ слабости власти

старшаго брата. Но затѣмъ совершается событіе, которое вовсе не входило въ планъ Ярослава,—событіе, которое въ самомъ корнѣ разрушило всю систему. Жители Кіева требуютъ отъ Изяслава „оружія и коней", чтобы биться съ половцами, которые опустошаютъ ихъ землю. Изяславъ не исполнилъ желанія народа; тогда толпа народа вывела изъ погреба (тюрьмы) плѣнника его, Вячеслава полоцкаго, и посадила его на старшій столъ кіевскій. Очевидно, что этимъ фактомъ была разрушена вся система: на престолъ сѣлъ чужеродецъ, и что всего удивительнѣе, такъ это то, что не младшіе братія единодушными усиліями возстановляютъ нарушенное право, а польскій король Болеславъ; къ нему бѣжитъ изгнанный Изяславъ, а не къ братьямъ. Очевидно, эта система грозила если не разрушеніемъ, то кореннымъ измѣненіемъ отъ вмѣшательства этаго новаго элемента, и дѣйствительно, она было измѣнена въ корнѣ, какъ мы увидимъ дальше. Но прежде, чѣмъ система эта была разрушена вмѣшательствомъ польскаго народа, страшное пораженіе нанесли ей сами братья. Чрезъ девятнадцать лѣтъ по смерти Ярослава, лѣтописецъ заноситъ такое извѣстіе: „дьяволъ воздвигъ крамолу между братьями Ярослава; между ними произошли распри, а Святославъ съ Всеволодомъ пошли на Изяслава; Изяславъ вышелъ изъ Кіева, Святославъ же и Всеволодъ вошли въ Кіевъ и сѣли на столѣ въ Берестовомъ, преступивши заповѣдь отца. Святославъ совершилъ начало изгнанія братей; желая большей власти, онъ прельстилъ Всеволода, говоря: Изяславъ сговаривается съ Вячеславомъ идти на насъ; если мы его не укротимъ, то онъ насъ прогонитъ" (Лавр., стр. 98). Въ этомъ отзывѣ весьма замѣчателенъ какъ самый фактъ, такъ еще болѣе его причина. Вѣра въ святость родовыхъ отношеній была до того слаба, что было достаточно простаго наговора на Изяслава, чтобы этому повѣрилъ Всеволодъ, который, по отзывамъ лѣтописца, былъ „изъ дѣтства боголюбивъ, любилъ правду, снабжалъ убога" и вообще былъ любимѣйшимъ сыномъ Ярослава, который, по словамъ того же лѣтописца, говорилъ ему: „сынъ мой!

благо тебѣ, яко слышу о тебѣ кротость, и радуюся, что ты потѣшишь старость мою". Такъ какъ единственное основаніе системы родоваго управленія въ своихъ корняхъ лежало въ довѣріи и безпрекословномъ обычномъ повиновеніи младшихъ братьевъ старшему, то это нарушеніе родоваго права однимъ изъ лучшихъ князей, по бездоказательному наущенію властолюбиваго Святослава, еще разъ доказываетъ, какимъ шаткимъ созданіемъ была самая система, когда угасло довѣріе къ ней даже у лучшихъ людей. При этомъ нужно еще замѣтить, что самъ Изяславъ, какъ доказываетъ его поступокъ и слова лѣтописца, былъ человѣкъ удивительной доброты и безукоризненной честности, чего конечно не могъ не знать Всеволодъ. Если, не смотря на это, онъ повѣрилъ простому наущенію, то дочего же слаба была въ это время вѣра въ нравственное достоинство человѣка и его честность! Сколько нужно было фактовъ и опытовъ жизни, чтобы такой добродушный человѣкъ, какъ Всеволодъ, ни на іоту не увѣровалъ въ лучшія намѣренія еще болѣе хорошаго человѣка, чѣмъ онъ самъ. Къ сожалѣнію, множество фактовъ лѣтописи за это время вполнѣ подтверждаютъ, что Всеволодъ былъ правъ вообще, будучи неправымъ въ частности, что нравственныя идеи имѣли малое, даже лишь ничтожное вліяніе на князей *).

Святославъ держалъ столъ кіевской до смерти; по смерти его принимаетъ столъ Всеволодъ, тогда какъ его старшій братъ скитается въ Польшѣ, и Всеволодъ уступилъ ему кіевскій столъ только тогда, когда онъ привелъ съ собою войско ляховъ. Факты сами по себѣ характеристичны.

Другою характеристическою чертою времени и общества, служитъ отношеніе живыхъ братьевъ къ дѣтямъ умершихъ братьевъ, къ племянникамъ: Олегу Святославичу и Борису Васильевичу, а также весьма вѣроятные замыслы самихъ племянниковъ.

---

*) Если же такъ слабо было нравственное довѣріе людей другъ къ другу и слабо понятіе обязанности, то отсюда уже легко можно видѣть, какое слабое значеніе могла имѣть родовая система, основанная лишь на нравственномъ началѣ.

Въ 1076 году лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ „бѣ у Всѣволода Черниговъ“, то есть вѣроятно Всеволодъ, занявъ столъ брата своего Святослава, по родовому старшинству, далъ сыну умершаго какой-нибудь маленькій городъ черниговской области. Въ 1077 г. лѣтописецъ заноситъ извѣстіе, что Олегъ бѣжалъ отъ Всеволода; этотъ же Черниговъ, во время борьбы Всеволода съ Изяславомъ занялъ Борисъ Васильевичъ, но также долженъ былъ бѣжать, когда въ Черниговъ явился Всеволодъ. Въ томъ же году эти князья, недовольные Всеволодомъ, привели „поганыхъ“ на Русскую землю и пошли на Всеволода съ половцами; побѣда досталась недовольнымъ, и они „мняще одолѣвше о земли Русски много зла створше, проливше кровь христіянскую“. Всеволодъ, оставивъ Черниговъ, прибылъ въ Кіевъ къ брату, и добродушный Изяславъ сказалъ замѣчательныя слова: „братъ, не тужи! если мы будемъ причастны къ землѣ Русской, то оба, а если будемъ лишены, то оба; я сложу за тебя голову“. Спрашивается, кто былъ правъ и кто виноватъ въ этой исторіи? Я думаю, что племянники были виноваты противъ родоваго права. Ни Олегъ, ни Борисъ не имѣли ни малѣйшаго права требовать Чернигова у Всеволода, который онъ занялъ согласно родовому праву. Согласно этому же родовому праву, имъ нужно было поклониться въ землю старшимъ дядямъ и сказать: „будьти нашими отцами, дайте намъ волость“. И тѣ, если у нихъ сохранилась идея родовой обязанности, непремѣнно дали бы ее. (Впослѣдствіи, изъ фактовъ лѣтописи мы дѣйствительно увидимъ существованіе этихъ взглядовъ). Но Олегъ и Борисъ рѣшительно и фактически отрицали всѣ идеи родоваго права; по словамъ Изяслава, можно думать, что они намѣревались даже изгнать дядей и сѣсть на ихъ мѣсто; но, впрочемъ, болѣе вѣроятно, что это было лишь ни на чемъ не основанное подозрѣніе Изяслава. Любечскій съѣздъ, какъ я скажу дальше, доказалъ, что идея родоваго владѣнія совершенно погибла, потому что всѣ требовали не совмѣстнаго владѣнія, а раздѣла по частямъ. Очевидно, что Олегъ и Борисъ основывали свои притязанія на этой новой

теоріи, разрушающей въ-конецъ родовой бытъ. Но любечскій съѣздъ состоялся уже по смерти всѣхъ сыновей Ярослава, какъ послѣднее доказательство, что внуки Ярослава еще уважали родовое право дядей, но почти совершенно не признавали родовой власти за старшимъ сыномъ старшаго брата, или за старшимъ двоюроднымъ братомъ *). При жизни Всеволода родовые идеи и обычаи еще держались, на что указываетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: „сбылось, говоритъ лѣтописецъ, предсказаніе отца его, потому что онъ (Всеволодъ) получилъ столъ отца послѣ своей братьи; но когда онъ сталъ княжить въ Кіевѣ, ему стало больше печали, чѣмъ тогда, когда онъ княжилъ въ Переяславлѣ; когда онъ засѣлъ въ Кіевѣ печаль была ему отъ своихъ племянниковъ, которые постоянно докучали ему, хотя волостей, тотъ этой, этотъ другой; онъ же, „смиривая ихъ“, раздѣлялъ имъ волости“. Вотъ истинный типъ родоначальника, замѣнявшаго отца, къ которому всѣ лѣзутъ, просятъ дать часть родоваго достоянія, а онъ однихъ „смиряетъ“, другимъ даетъ, смотря по тому, что кажется ему правѣе.

Хотя родовое право было съ самого начала слабо и шатко, но его идеи все еще были обязательны въ сердцахъ лучшихъ людей, что доказываетъ поступокъ Владиміра Мономаха, который, будучи въ Кіевѣ при смерти отца Всеволода, не захотѣлъ воспользоваться случаемъ и овладѣть властію, хотя сами жители были согласны на это. Послѣ погребенія отца, Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, „наче разшевеливати, река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ (сынъ Изяслава). Яко престолъ отца его прежне отца моего былъ“. Отказавшись отъ Кіева, Владиміръ Мономахъ занялъ второй столъ черниговскій; по родовымъ идеямъ, онъ имѣлъ на это право. Черниговскій столъ принадлежалъ по смерти дядей старшему сыну Святослава, Глѣбу; но онъ еще въ 1078 году былъ убитъ, слѣдовательно, по

*) Борьба Всеволода и Изяслава съ племянниками кончилась благополучно, побѣдою дядей; но Изяславъ погибъ въ битвѣ. Старшій столъ занялъ Всеволодъ.

родовымъ идеямъ, второй столъ принадлежалъ старшему сыну третьяго брата, именно Владиміру Всеволодовичу.

Очевидно, что все шло по идеямъ этого права, а между тѣмъ обдѣленные Святославичи протестовали и наводили половцевъ, страшно опустошавшихъ Русь. Этотъ ходъ событій навелъ на мысль двухъ старшихъ князей, Святополка, сына Изяслава, и Владиміра, сына Всеволода, основать совершенно новый порядокъ вещей въ замѣнъ потерявшаго кредитъ стараго. Въ 1095 году, Святославъ и Всеволодъ, по словамъ лѣтописца, отправили пословъ къ Олегу Святославичу (протестанту противъ родовыхъ идей), сказавъ такъ: „пойди въ Кіевъ и положишъ порядъ о Русской землѣ, предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцевъ нашихъ и предъ людьми гродскими, чтобы оборонить Русскую землю отъ поганыхъ". Олегъ же, воспріявъ смыслъ буй и словеса величавы, сказалъ такъ: „нѣсть мене лѣпо судить епископу, игуменамъ, или смердамъ, и не захотѣлъ придти къ братьямъ своимъ, послушавъ злыхъ совѣтовъ". Святополкъ и Владиміръ сказали ему: „ты наводишь на насъ поганыхъ и не хочешь идти на совѣтъ; это значитъ, что ты умышляешь на насъ съ помощью поганыхъ, а въ такомъ случаѣ пусть Богъ разсудитъ между нами". Это мѣсто исполнено глубокаго смысла. Очевидно, Святополкъ и Олегъ хотѣли устроить совершенно новый порядокъ вещей, видя, что власть родоначальника потеряла кредитъ. По идеямъ этого новаго порядка вещей, рѣшающая власть въ государствѣ принадлежала бы представителямъ религіи и народа. Я не знаю, что значитъ въ точности эта фраза: „предъ людьми гродскими"; разумѣются-ли здѣсь только жители Кіева, или, что вѣроятнѣе, представители всѣхъ городовъ, какъ это было при Владиміръ Святомъ. Еслибы такой порядокъ вещей могъ установиться, то Россія образовала бы союзное государство, въ которомъ верховная власть принадлежала бы представителю народа, словомъ, тогда бы устроилась форма совершенно политическая и даже принадлежащая къ одной изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ формъ. Но возможно-ли было устроить эту

форму, было ли сколько нибудь приготовлено къ ней общество? Россія этого времени, если и имѣла сознаніе объ единствѣ государства, то это сознаніе было чрезвычайно слабо; только опустошенія половцевъ напоминали князьямъ и племенамъ о необходимости единства; только тогда всѣ они понимали, что князья перваго періода „нанесли потомъ своимъ Русскую землю“.—Но проходила гроза, и эта необходимость единства никѣмъ не ощущалась. Всѣ торгово-промышленные и общіе государственные интересы, которые въ настоящее время всѣмъ и каждому наглядно показываютъ пользу большаго государства, тогда не существовали. Какъ ни тяжелы были эти постоянныя усобицы нашихъ князей, сопровождавшіяся огнемъ, опустошеніемъ и плѣномъ, но онѣ были не особенно ощущаемы племенами, которыя во время единства Руси не пользовались благоденствіемъ. Тогда какой-нибудь посадникъ, или просто сборщикъ дани, производилъ такія же опустошенія въ своей области; теперь, когда каждое племя получило своего отдѣльнаго князя, жизнь его сдѣлалась во многомъ даже лучше прежняго порядка. Вообще, историки этаго періода не обращаютъ никакого вниманія на племенную рознь, которая въ это время должна была существовать въ полной силѣ. Какое-нибудь столѣтіе единства Россіи не могло сплотить племена, еще живущія совершенно отдѣльно и самостоятельно. Еще Надеждинъ въ 30-хъ годахъ указываетъ на племенную рознь, какъ на одну изъ существенныхъ причинъ живучести удѣльной системы (Труд. общ. Ист. Др., 1830, кн. 5). Но я долженъ замѣтить, что удѣльная система, если и поддерживала племенную рознь, то сама же способствовала ея уничтоженію, такъ какъ князья этого періода раздѣляли города, не обращая никакого вниманія на племенные центры управленія, и ослабили, такимъ образомъ, значеніе самыхъ племенныхъ центровъ. Итакъ, племенная рознь помѣшала осуществиться проэкту устройства, достойному генія Владиміра Мономаха, которому, по всей вѣроятности, принадлежалъ и самый проектъ, такъ какъ Святополкъ, по своему уму и характеру, былъ совершенно неспособенъ со-

ставить такой геніальный планъ, опередившій нѣсколькими столѣтіями идеи общества. Презрительный отвѣтъ, который далъ Олегъ, указываетъ, какъ князья вообще, за немногими исключеніями, цѣнили значеніе племенъ, которымъ Олегъ даетъ презрительное наименованіе „смердовъ", т. е. слѣпыхъ рабовъ князя, какими они, конечно, не были. При отказѣ Олега подчиняться рѣшенію сейма, братьямъ оставалось призвать „судъ Божій"—войну, успѣхъ который, по идеямъ общества, рѣшалъ Богъ. Но можно спросить, почему Олегъ не поѣхалъ на сеймъ, если можно считать его отвѣтъ увертkой? Причина этого заключалась именно въ томъ, что Олегъ боялся, что на этомъ сеймѣ будутъ господствовать идеи родоваго права, по которымъ онъ могъ надѣяться получить какой-нибудь маленькій городишко, но никакъ не Черниговъ, котораго онъ добивался и въ которомъ онъ сидѣлъ, выгнавъ Владиміра. Война рѣшила его участь: онъ бѣжитъ изъ Чернигова въ Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ его младшій братъ, но смольняне его не приняли. Олегъ вторично не захотѣлъ, по просьбѣ брата, идти въ Кіевъ для поряда, но, набравъ войско, пошелъ къ Мурому, гдѣ сидѣлъ сынъ Владиміра, Изяславъ, къ которому онъ отправилъ посла со слѣдующимъ замѣчательнымъ словомъ: „ступай въ волость отца своего въ Ростовъ, а эта волость отца моего; я хочу, тутъ сидя, порядокъ положить съ твоимъ отцемъ, такъ какъ онъ выгналъ меня изъ города отца моего: развѣ ты не дашь мнѣ здѣсь ѣсть моего хлѣба?" Въ этихъ энергическихъ словахъ Олега слышалось громкое слово родоваго права. Владиміръ Мономахъ былъ въ правѣ сидѣть въ Черниговѣ, но не имѣлъ никакого права отдавать своему сыну другіе города черниговской области. Въ этомъ случаѣ великій Владиміръ отступилъ отъ права въ пользу семейнаго эгоизма. Самъ лѣтописецъ, вѣрный хранитель идей вѣка, говоритъ: „Олегъ, говоря эти слова, надѣялся на правду, ибо правъ былъ Олегъ" (Лавр., стр. 108). Изяславъ, сынъ Владиміра, не уступилъ; началась война, кончившаяся въ пользу Олега. Наконецъ, всѣ эти событія принудили князей съѣхаться на сеймъ. Въ

1077 г., говоритъ лѣтописецъ, пришли Святополкъ, Владиміръ и Давидъ Игоревичи, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ и соединились въ Любечѣ для устроенія мира, говоря сами себѣ: „зачѣмъ губить Русскую землю, сами съ собой постоянно ссорясь, а Половцы несутъ розно нашу землю и по причинѣ ихъ между нами постоянныя войны. Соединимся отнынѣ въ едины сердцы, будемъ блюсти Русскую землю: пусть каждый держитъ свою отчину: Кіевъ пусть держитъ Святославъ, какъ сынъ Изяслава; Владиміръ пусть держитъ Мономахъ, какъ сынъ Всеволода; Давидъ, Олегъ и Ярославъ пусть держатъ Черниговъ, отчину Святослава, а прочіе князья пусть держатъ тѣ волости, которыя имъ роздалъ Всеволодъ: Давиду и Владиміру Ростиславичамъ Перемышль, Василькy—Теребовль. И потомъ поцѣловали крестъ, что если отнынѣ кто-либо изъ членовъ съѣзда возстанетъ на другаго, то на него должны идти всѣ и на него же пусть будетъ честный крестъ (Лавр., 109). Очевидно, что этотъ сеймъ былъ не что иное, какъ исполненіе проекта, представленнаго Владиміромъ. Но весьма важно, что этотъ проектъ, какъ видно, прошелъ урѣзаннымъ въ самой живой своей части: мы не видимъ на сеймѣ ни духовенства, ни представителей городовъ. Очевидно, что мысль Олега—о постыдности князей подчиняться рѣшенію „смердовъ“ — была раздѣлена и другими князьями, и Мономахъ долженъ былъ уступить. Но помимо всего этого, сеймъ погребалъ навсегда родовое право: онъ признаетъ право семейнаго наслѣдства и верховную власть надъ Русью поручаетъ съѣзду князей, вмѣсто родоначальника Святополка. Но дальнѣйшій ходъ исторіи показалъ, что родовое право еще не умерло въ силу рѣшенія съѣзда, что оно было еще живуче; но при этомъ нельзя опустить изъ виду и того, что идеями родового права въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи, пользовались сильные и ловкіе люди, для прикрытія своихъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій. Это, конечно, обычный ходъ человѣческой исторіи, въ которой сильный или создаетъ право, или повинуется старымъ, совершенно забытымъ правамъ, для при-

крытія своей силы. Но нельзя не замѣтить, что даже и въ этихъ случаяхъ выступаетъ человѣческая натура: фактъ голой силы возмущаетъ сознаніе, какъ замѣтилъ еще Гизо, и онъ прикрывается правомъ.

Едва кончился съѣздъ, какъ его рѣшеніе было возмутительнымъ образомъ нарушено убійствомъ одного изъ его членовъ. Снова повторилась та же исторія, которую мы уже видѣли по отношенію Святослава къ Всеволоду. Давиду Игоревичу послѣ съѣзда шепчутъ злые совѣтники: „Владиміръ Мономахъ сговаривается съ Василькомъ на тебя“. Давидъ вполнѣ вѣритъ навѣту, передаетъ его Святополку и прибавляетъ: „если мы не захватимъ Василька, то ни тебѣ не владѣть въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ“. Святополкъ соглашается, и они обманомъ, посредствомъ дружескаго приглашенія позавтракать, захватываютъ Василька; тогда Святополкъ созываетъ вѣче, передаетъ ему всѣ факты. Вѣче спокойно отвѣчаетъ: „тебѣ, князь, прилично соблюдать свою голову; если справедливо сказалъ Давидъ, пусть Василько приметъ заслуженную казнь, если нѣтъ, пусть Богъ отмститъ Давиду“. Василько былъ ослѣпленъ. Въ этой исторіи не знаешь, что̀ хуже: поведеніе-ли Давида, или Святополка, или кіевлянъ. Очевидно, что надъ всѣми ими носился духъ вѣка, его малая развитость и чуткость къ нравственнымъ вопросамъ. Только духовенство было возмущено поступкомъ князей. Постановленіе съѣзда было еще у всѣхъ въ памяти. Владиміръ, Святополкъ и Олегъ, собравши войско, отправилиословъ къ Святополку, сказавъ ему такъ: „зачѣмъ ты сотворилъ это зло въ землѣ Русской и вверіъ ножъ въ насъ? зачѣмъ ты ослѣпилъ твоего брата? еслибы онъ былъ виноватъ, зачѣмъ ты не собралъ сеймъ (подразумѣвается: какъ бы люди рѣшили) и не обличилъ его передъ нами и не доказалъ его вину передъ нами; теперь скажи его вину“. Силою военныхъ дѣйствій, Давидъ долженъ былъ бѣжать къ ляхамъ; Василько былъ освобожденъ. Для характеристики вѣка, пельзя опустить двухъ важныхъ фактовъ. Ослѣпленный Василько снова получилъ Теребовль; но лишь только настала весна, Василько

съ братомъ пошли на Давида, запертаго въ Владимірѣ. „Они же, говоритъ лѣтописецъ, взяли копьемъ градъ Всеволожъ и зажгли огнемъ, и побѣжали люди отъ огня, и повелѣлъ Василько убить ихъ всѣхъ, и сотворилъ мщеніе на людяхъ неповинныхъ, и пролилъ кровь неповинную. Нѣсколько времени спустя, Василько пришелъ къ Владиміру вытребовать тѣхъ людей, которые наущали Давида на убійство или, можетъ быть, передали слухи, ходившіе въ обществѣ, и эти люди были повѣшаны передъ городомъ Владиміромъ". И вотъ второе мщеніе, прибавляетъ лѣтописецъ, котораго не слѣдовало бы дѣлать, предоставляя месть Богу" (Лавр., стр. 114). Если совершенно объяснимы съ точки зрѣнія родовой мести, походъ Василька на Давида и даже казнь его наушниковъ, то какъ объяснить это поголовное избіеніе всеволожанъ? Не былъ-ли это прежде городъ Всеволода, населенный его рабами-смердами, такъ какъ владимірская область принадлежала прежде Всеволоду. Это очень вѣроятно, такъ какъ это указываетъ и самое названіе города. Этотъ городъ или перешелъ вмѣстѣ съ областью въ собственность Давида, который могъ купить его у Мономаха, такъ какъ онъ сдавалъ князьямъ эти области. Въ такомъ случаѣ, мщеніе Василька, какъ оно ни ужасно по нашимъ понятіямъ, еще оправдывается идеями вѣка. Василько избилъ всеволожцевъ и пожегъ ихъ городъ, какъ простую собственность врага своего Давида. Смердъ, по идеямъ вѣка, былъ не человѣкъ, а только собственность, имущество, болѣе цѣнное, чѣмъ скотъ, но ни мало отъ него не отличающееся. Только лѣтописцу, проникнутому христіанскими идеями, такіе поступки могли казаться ужасными. Наконецъ, для рѣшенія дѣла былъ собранъ съѣздъ, на которомъ, въ 1100 году, говоритъ лѣтописецъ, братья сотворили миръ между собою; тогда въ Увѣчигахъ собрались Святославичи: Владиміръ, Давидъ и Олегъ. Къ нимъ пришелъ Давидъ и сказалъ имъ: „на что меня звали? вотъ я пришелъ, кому до меня обида?" и отвѣчалъ ему Владиміръ: „ты присылалъ за нами, говоря: хочу, братья, придти къ вамъ и жаловаться на свои обиды;

вотъ ты пришелъ и сидишь съ братьею на одномъ коврѣ; почему ты не жалуешься, на кого ты хотѣлъ жаловаться?" Давидъ молчалъ.... тогда братья оставили его и каждый думалъ со своей дружиной, сидя на коняхъ.... Согласившись, послали къ Давиду сказать ему: „такъ тебѣ говорятъ братья: не хотимъ дать тебѣ стола владимірскаго, потому что ты ввергъ ножъ въ насъ, что не бывало въ землѣ Русской; мы не хотимъ тебѣ дѣлать зла: ступай, садись въ Бушьскъ, Островъ, а Дубень и Чарторижскъ дастъ тебѣ Святославъ и Владиміръ; Давидъ и Олегъ даютъ 400 гривенъ" (Лавр., стр. 116). Это рѣшеніе было первымъ и, къ сожалѣнію, послѣднимъ примѣненіемъ власти князей. У виновника бѣды была отнята большая часть его волости; Святославичи должны были дать ему два города, конечно въ наказаніе за участіе въ злодѣйствѣ, вся тяжесть наказанія за которое пала на Давида; прочіе ограничились ничтожными денежными подарками. Послѣ этого единственнаго правового рѣшенія, настало время господства силы и ловкости, эгоизма родовъ, слегка только прикрытаго идеями родового права. Святополкъ изгоняетъ Давида Игоревича, своего несчастнаго соучастника, и идетъ войною на несчастныхъ Володаря и Василька, подъ предлогомъ, „что они живутъ въ волости отца моего и брата" (Лавр , стр. 114). Возгорѣлась война, которая, къ счастію, кончилась благопріятно для братьевъ. Вскорѣ изъ Кіева выбѣжалъ родной племянникъ Святополка, былъ обманомъ захваченъ двоюроднымъ братомъ, сыномъ Святополка, и вскорѣ умеръ неизвѣстно какъ (Лавр., стр. 117). Очевидно, начался новый разгулъ произвола, а сеймъ безмолвствовалъ. Наконецъ, въ 1113 году умираетъ Святополкъ. На основаніи рѣшенія сейма въ Любечѣ, престолъ принадлежалъ конечно, потомку Изяслава, т. е. столъ кіевскій долженъ былъ наслѣдовать ихъ братъ Святославъ, или его старшій сынъ, смотря потому, хотѣлъ-ли соблюдать родовое право въ семействѣ Изяслава, или не хотѣлъ. На основаніи погребенныхъ идей роднаго права, престолъ принадлежалъ Владиміру, такъ какъ старшій сынъ Святослава, Глѣбъ, какъ я уже говорилъ, умеръ.

Но вопросъ рѣшаетъ въ этомъ случаѣ не право, а воля кіевлянъ. Они распорядились по-своему, въ духѣ своего времени; для того, чтобы заставить Владиміра забыть о договорѣ, въ которомъ онъ самъ игралъ видную роль, „кіевляне, говоритъ лѣтописецъ, отправили къ Владиміру посольство, разграбивъ дворъ тысяцкаго Путяты; пошли грабить жидовъ и отправили новыхъ пословъ къ Владиміру, говоря: иди, княже, въ Кіевъ, а если не пойдешь, то знай, что много зла воздвигнется; это еще пустяки, что ограбили дворъ Путяты, сотскихъ и десятскихъ, ограбятъ твою невѣстку, разграбятъ монастыри и боаръ, а ты будешь отвѣчать предъ Богомъ“ (Лавр., стр. 4). Владиміръ рѣшился. Очевидно, что Владиміръ и кіевляне противъ своей воли были возобновителями родового права. Но кого изъ нихъ можно винить. Кіевлянъ? Но они справедливо могли презирать рѣшеніе князей, въ которомъ они не участвовали, которое было ихъ частнымъ рѣшеніемъ. Неизвѣстно, такъ-ли бы пошло дѣло, еслибы эти замѣчательныя рѣшенія были сдѣланы не отъ имени князей, а отъ имени всѣхъ представителей Руси, какъ предполагалъ сдѣлать Владиміръ. Конечно, такое рѣшеніе имѣло бы нравственный авторитетъ несравненно большей силы, чѣмъ простое, частное соглашеніе князей. Съ другой стороны, можно винить и Владиміра, который своимъ поступкомъ хотя и нарушилъ имъ же самимъ принятое постановленіе съѣзда, но съ точки зрѣнія родоваго права — былъ правъ и, кромѣ того, получалъ такія энергическія приглашенія. Едва-ли за это можно строго порицать Владиміра. Но нельзя оправдывать его дальнѣйшія дѣйствія, которыя шли даже противъ родового права, не говоря уже о постановленіяхъ любечскаго съѣзда. Владиміръ, увлекшись семейнымъ эгоизмомъ, роздалъ всѣ лучшіе столы своимъ дѣтямъ, съ очевидной обидой племянниковъ, дѣтей умершаго Святополка. Подъ 1116 годомъ лѣтописецъ вноситъ характерное извѣстіе: „въ это время ходилъ Владиміръ на Ярослава (Святополковича) во Владиміръ, съ помощью Давида Ольговича, Володаря и Василька, и обступилъ его во Владимірѣ, и стоялъ шестьдесятъ дней, и

сдѣлалъ миръ съ Ярославомъ. Ярославъ покорился и *билъ челомъ* предъ дядей своимъ, Владиміромъ, и покоривъ его совсѣмъ, Владиміръ велѣлъ ему приходить къ себѣ, „когда тя позову“ (Ипат., стр. 8). Въ слѣдующемъ году Ярославъ убѣжалъ въ Угры, а Владиміръ послалъ въ его городъ княжить своего сына. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Ярославъ приходитъ къ Владиміру, съ помощью ляховъ, угровъ и чеховъ, и говоритъ Андрею, сыну Владиміра, „что городъ мой; если не отворитесь и не выйдите съ поклонами, то увидите, что завтра я возьму городъ“; но онъ самъ былъ убитъ. Въ приведенномъ мѣстѣ характерны отношенія главы рода къ родичу, высокомѣріе родоначальника и поклоны челомъ, т. е. до земли, племянника. Но какъ ни разсматривать эти отношенія Владиміра къ племяннику, они есть попраніе права въ пользу семейнаго эгоизма. Удивительно при этомъ, что лѣтописецъ стоитъ за Андрея, потому что онъ смирялся и надѣялся на Бога, тогда какъ право было на сторонѣ его не смиреннаго противника. Въ 1125 году умеръ Владиміръ Мономахъ, оставивъ въ Кіевѣ сына Мстислава. Съ этого момента, собственно говоря, не существуетъ ни права, установленнаго Ярославомъ, ни права, установленнаго любечскимъ съѣздомъ. Право, установленное любечскимъ съѣздомъ, было попрано самимъ Владиміромъ и никогда уже не возвращалось къ законнымъ владѣльцамъ—потомству Изяслава, а по родовому праву, установленному Ярославомъ, престолъ кіевскій принадлежалъ второму сыну Святослава, Ярославу, внуку Ярослава Мудраго, въ моментъ смерти Владиміра бывшему старѣйшимъ во всемъ родѣ. Но сознаніе права было такъ слабо и въ обществѣ и въ княжескихъ родахъ, что этотъ старѣйшина Ярославова рода не только не получилъ кіевскаго стола, но даже былъ изгнанъ своимъ племянникомъ изъ втораго по важности стола, черниговскаго. Этотъ старѣйшій потомокъ Ярослава долженъ былъ *кланяться* своему младшему племяннику Мстиславу о возстановленіи нарушеннаго права. Дальнѣйшая исторія этаго періода есть борьба въ потомствѣ Владиміра за право владѣнія кіевскимъ

престоломъ, не надолго прервавшаяся княженіемъ однаго потомка Святослава и сына его Олега, Всеволода Ольговича, завладѣвшаго Кіевомъ не столько по родовому праву, сколько потому, что этотъ преемникъ ума, ловкости и изворотливости своего ловкаго и неразборчиваго на средства отца успѣлъ сдѣлаться, на нѣкоторое время, грозой для потомства Владиміра. Силою событій общее родовое право въ потомствѣ Ярослава было уничтожено, но борьба за него возобновилась только въ потомствѣ однаго изъ его сыновей, Всеволода, успѣвшаго вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ, завладѣть тремя четвертями его наслѣдства. Но если мы оставимъ въ сторонѣ общее родовое право потомства Ярослава, разсматривая его какбы поглощеннымъ давностью; то въ борьбѣ Изяслава Мстиславовича, внука Мономаха, съ его младшимъ сыномъ, Юріемъ, мы должны снова признать право на сторонѣ Юрія, а ловкость и узурпацію—на сторонѣ Изяслава Мстиславовича. Это тѣмъ болѣе справедливо, что родовое право, уничтоженное въ Любечѣ для цѣлаго потомства Ярослава, продолжало процвѣтать въ отдѣльныхъ колѣнахъ его сыновей. Разсмотримъ нѣкоторыя характеристическія черты этого времени.

По смерти Владиміра, столъ кіевскій переходитъ, совершенно согласно съ родовымъ правомъ, къ потомству Владиміра, именно къ двумъ старшимъ его сыновьямъ, Мстиславу и Ярополку. При этомъ сынѣ Владиміра, Ольговичи считали себя въ силахъ позаботиться о возстановленіи нарушеннаго Ярославова права, требуя, „что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того и мы хочемъ; если вы этого не сдѣлаете, то сами будете виноваты за кровь“. Очевидно, внуки Святослава были совершенно правы, тогда какъ Мономаховичи раздѣлили города въ своемъ родѣ не по праву, а просто на основаніи семейнаго эгоизма. Но не только чужіе (Ольговичи), въ самомъ потомствѣ Мономаха младшіе братья и племянники были недовольны распоряженіемъ родоначальника Ярослава; начавшаяся война кончилась уступкою Ярослава Ольговичамъ; младшему брату Андрею онъ далъ Перемышль, а

старшему племяннику, Изяславу Мстиславовичу, Владиміръ. „При этомъ, говоритъ лѣтописецъ, между Ольговичами и Мономаховичами, были споръ и большаязлоба; и говорятъ Ольговичи: вы прежде начали насъ губить". Всѣ эти событія если и указываютъ, что Ярославъ былъ, положимъ, родоначальникомъ, то они же показываютъ, какъ мало уважалась его власть, и ее могло поддерживать только право. Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ, внукъ Святослава, овладѣлъ Кіевомъ, не столько опираясь на право, сколько на свою силу и ловкость, и самъ хотѣлъ держать всю землю Русскую, стремясь отнять у Ростислава (Мстиславовича) Смоленскъ, у Изяслава (Мстиславовича) Владиміръ, у Андрея (сына Владиміра Мономаха) Переяславль. И отправивъ пословъ къ Изяславу, велѣлъ ему сказать: „иди изъ Владиміра", а самъ пошелъ на него съ войскомъ, но воротился, и пошелъ на Андрея, желая посадить на мѣсто Андрея своего брата. Онъ отправилъ пословъ къ Андрею и велѣлъ ему сказать: „ступай въ Курскъ". Но Андрей такъ отвѣтилъ, подумавъ съ дружиной: „лучше я умру съ дружиной на моей отчинѣ и дѣдинѣ, нежели пойду въ Курскъ; отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ, но сидѣлъ въ Переяславлѣ, хочу и я на своей отчинѣ принять смерть; если тебѣ, братъ, мало волостей и ты хочешь держать всю Русскую землю, то, убивъ меня, возьмешь волость, а живъ изъ волости не пойду; все это не дивно нашему роду, также и прежде было: Святополкъ за волость убилъ Бориса и Глѣба, а долго ли пожилъ? и здѣсь былъ лишенъ живота, а на томъ свѣтѣ будетъ вѣчно мучимъ".

Вся эта исторія есть, конечно, то же попраніе права во имя семейнаго эгоизма, такъ какъ Всеволодъ хотѣлъ держать Русскую землю, конечно, не во имя пользы единства, о которомъ онъ и думать не могъ, а только чтобы доставить хорошее имѣніе и доходъ своимъ дѣтямъ и племянникамъ. Этимъ чадолюбіемъ и семейнымъ эгоизмомъ объясняются всѣ его поступки. Какъ прежде онъ нарушалъ родовое право въ своемъ родѣ, выгналъ изъ Чернигова своего дядю, такъ и

теперь нарушилъ его во второй разъ и хотѣлъ загладить свою вину на чужой счетъ. Идя въ Кіевъ, онъ обѣщалъ своему брату Игорю отдать Черниговъ, на который онъ имѣлъ дѣйствительное право, такъ какъ братъ его сдѣлался княземъ кіевскимъ, то онъ сдѣлался старшимъ въ родѣ Олега. Но Всеволодъ, обманувъ его, хотѣлъ для него достать Переяславль, выгнавъ Андрея, что ему не удалось. По смерти Андрея, онъ перевелъ въ Переяславль Василька Владиміровича; Туровъ отдалъ сыну, что было его братьямъ не по сердцу; „онъ, говорили его братья, волости даетъ сыновьямъ, а братьевъ ничѣмъ не надѣлилъ. И позвалъ Всеволодъ братьевъ къ себѣ: и пришли братья Святославъ, Владиміръ, Изяславъ и Игорь. И спросилъ Святославъ у Игоря: „что тебѣ даетъ братъ старѣйшій? даетъ четыре города, а отчины своей Вятичей не даетъ“; и заключили договоръ между собою братья и пошли къ Всеволоду, сказавъ: „ты сидишь въ Кіевѣ, а мы просимъ у тебя черниговской и новгородской волости, а кіевской не хочемъ“. Его братья не только не были довольны благоразуміемъ Всеволода, который былъ не въ силахъ выгнать потомковъ Мономаха изъ ихъ владѣній, но они жаловались, что онъ„ осажалъ ими (Мономаховичами) нашими врагами около, а намъ на безголовье и безмѣстье“ (Ип., 19). Нельзя представить лучшаго примѣра родоваго эгоизма, какъ эти жалобы, показывающія полное отсутствіе нравственнаго сознанія у братьевъ Всеволода. Но оружіе не помогло ихъ несправедливымъ претензіямъ, а потому они должны были довольствоваться тѣмъ, что имъ дали. Всеволодъ пожелалъ передъ смертію сдѣлать уступки требованію братьевъ, и призвавъ своихъ братьевъ и Игоря, онъ сказалъ имъ: „ты, Игорь, цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ, а вы, братья, что будете довольствоваться тѣмъ, что вамъ онъ дастъ не по необходимости, а добровольно (Ип., 21). Эта была попытка подкрѣпить слабѣвшее родовое право религіознымъ освященіемъ, попытка самая безплодная. Если святость родового права была потеряна сознаніемъ, то эта новая подпора не могла удержать его. Когда Владиміру галичскому указы-

ваютъ, что, если онъ нарушитъ крестоцѣлованіе, то крестъ накажетъ его, то онъ, смѣясь, сказалъ: „сей ли крестецъ малый?“ (Ип.. 72). Но для того, чтобы оставить за братомъ Игоремъ Кіевъ, нужно было еще отстранить живыхъ сыновей Владиміра Мономаха, Вячеслава и Юрія, и ихъ племянниковъ отъ стремленія къ этому престолу своего отца и дяди. И здѣсь Всеволодъ прибѣгаетъ къ договору, скрѣпленному крестнымъ цѣлованіемъ. Такимъ образомъ, Всеволодъ стремится поставить договорное право вмѣсто родоваго. Тщетная попытка, потому что правомъ въ это время признавались сила и ловкость, а святость родоваго права и крестнаго цѣлованія не имѣла никакого вліянія на души ловкихъ и оборотливыхъ правнуковъ Ярослава. Не довольствуясь этимъ, Всеволодъ даже привелъ къ крестному цѣлованію кіевлянъ, что они по его смерти будутъ вѣрны Игорю. Но всѣ эти договоры и крестныя цѣлованія не послужили Игорю ровно ни къ чему, не смотря на всю его уступчивость, что служитъ яркимъ подтвержденіемъ того, что не право, а сила и ловкость создавали себѣ законъ. Едва умеръ Всеволодъ, Игорь снова привелъ къ крестному цѣлованію кіевлянъ и послалъ спросить Владиміра и племянника Святослава, что они хотятъ? „Они же, говоритъ лѣтописецъ, запросиша у него волостей много“. Но все это ровно ни къ чему не послужило. Изяславъ тайно интриговалъ кіевлянъ, а они, преступивъ крестъ, позвали его въ Кіевъ; Изяславъ, преступивъ крестъ, согласился на это. Это возмутительное событіе украсилось еще явнымъ вѣроломствомъ кіевлянъ, которые, дѣлая видъ, что будутъ защищать своего князя Игоря, передались Изяславу, лишь только онъ подошелъ съ войскомъ; несчастный Игорь бѣжалъ, былъ пойманъ и запертъ въ погребъ; имѣніе его и брата его Святослава было разграблено. Дальнѣйшія событія еще болѣе дополнили и безъ того мрачную картину: Изяславъ Мстиславовичъ, желая устранить всякую помощь сыновей Олегу, сдѣлалъ уступки Игорю и Святославу, и заключилъ договоръ съ ихъ двоюродными братьями и племянниками. Этотъ договоръ былъ со стороны потомковъ

рода Святослава родовой измѣной, которую они хотѣли продать дороже, чѣмъ думалъ купить Изяславъ. Тогда, чтобы прикрыть эту причину, они рѣшились на другую и, преступая крестное цѣлованіе, хотѣли схватить Изяслава обманомъ и убить его (Ипат., 31). Изяславъ раньше узналъ объ этой измѣнѣ и вѣроломствѣ, которыя, сказать по правдѣ, были только достойною местью за измѣну и вѣроломство самого Изяслава въ его отношеніяхъ къ Игорю. Святость мести въ то время, хотя общество было давно христіанскимъ, играло бо́льшую роль, чѣмъ святость присяги и крестнаго цѣлованія. Изяславъ послалъ къ нимъ своего мужа, чтобъ узнать: такъ-ли это? Потомки Святослава не отпирались и прямо сказали: „братъ! мы договорились съ Святославомъ Ольговичемъ, потому что намъ жаль стало, что ты держишь въ тюрьмѣ брата нашего, который уже схимникъ; пусти брата нашего, и мы будемъ ѣздить подлѣ тебя; ты самъ разсудишь, братъ! доволенъ-ли бы ты былъ, если бы мы такъ держали твоего брата?“ (Ипат., 12). По моему глубочайшему убѣжденію, право и нравственность скорѣе были на сторонѣ Изяслава. Конечно, они должны были открыто разорвать прежній договоръ, а не подкапываться тайно. Но самъ не очень совѣстливый, Изяславъ былъ взбѣшенъ этимъ покушеніемъ на его жизнь: онъ отослалъ имъ крестныя грамоты и объявилъ объ ихъ поступкѣ кіевлянамъ. Кіевляне, надобно отдать имъ полную справедливость, глубоко уважали потомство поборника Русской земли, Владиміра Мономаха, а потому отказали Изяславу въ помощи, когда онъ просилъ ее для личной борьбы съ своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ, сказавъ: „мы не подымемъ рукъ на племя Мономаха, а вотъ на Ольговичей такъ пойдемъ съ женами и дѣтьми“. Эта долго державшаяся любовь къ потомству Мономаха, за его дѣйствительно великія заслуги, отчасти извиняетъ весьма продолжительную ненависть къ потомству Олега, не разъ во имя эгоистическихъ цѣлей опустошавшаго Русскую землю вообще, а кіевскую въ особенности, съ помощью половцевъ. Когда Изяславъ объявилъ кіевлянамъ о поступкѣ Ольговичей и ихъ

близкихъ родственниковъ и звалъ ихъ на войну мщенія, то кіевляне ни на минуту не задумались согласиться на предложеніе. Изяславъ говорилъ кіевлянамъ: „доспѣвайте отъ мала до велика: кто имѣетъ коня, пусть идетъ на конѣ, а кто не имѣетъ, пусть плыветъ въ лодьѣ; онъ вѣдь не меня одного хотѣлъ убить, но и васъ искоренить". Кіевляне отвѣчали: „рады, что Богъ тебя и братью нашу избавилъ отъ великой мести; пойдемъ за тебя и съ дѣтьми, какъ ты хочешь". Тогда одинъ изъ толпы сказалъ: „за князя своего рады идти, но прежде должны о себѣ подумать, чтобы не случилось того же, какъ при Изяславѣ, когда толпа высадила изъ погреба Василька и было за это много зла нашему городу". Нужно припомнить это событіе, о которомъ упоминаетъ кіевлянинъ, чтобы объяснить совершившееся вслѣдъ за симъ безжалостное и возмутительное убійство Игоря кіевлянами. Когда Изяславъ, сынъ Ярослава Мудраго, отказался идти на половцевъ, которые опустошали кіевскую область,— часть города высадила изъ погреба Всеслава Полоцкаго (обманомъ захваченнаго въ плѣнъ Изяславомъ и посаженнаго въ погребъ) и посадила его на тронъ. Изяславъ, съ помощью поляковъ, снова подступилъ подъ Кіевъ; Всеславъ бѣжалъ, а Изяславъ послалъ туда сына своего Мстислава. „И пришелъ Мстиславъ, говоритъ лѣтописецъ, и велѣлъ убить всѣхъ тѣхъ, которые возвели на тронъ Всеслава, и казнилъ 70 человѣкъ, а другихъ ослѣпилъ, нѣкоторыхъ же погубилъ безъ вины, не разобравъ дѣла" (Лавр., стр. 74). Когда кіевляне вспомнили объ этомъ событіи и этой мести, тогда ничто уже не могло удержать ихъ ярости, стремившейся предупредить возможность повторенія такого событія, т. е., чтобы въ то время, когда они всѣ, отъ мала до велика, пойдутъ за Изяславомъ, Игорь не овладѣлъ бы тономъ и не отомстилъ бы за всѣ ихъ вѣроломства къ нему, которыя были дѣйствительно достойны суровой мести. Вся толпа народа бросилась въ монастырь св. Ѳеодосія, гдѣ находился постриженный въ схиму Игорь, и эта толпа, „какъ звѣри свирѣпые, выхватили его изъ церкви, и не смотря на заступничество брата Изяслава

и нѣкоторыхъ видныхъ людей, убила Игоря, разорвавъ его одежды и ругаясь надъ нимъ; полуживое тѣло его тащили чрезъ площадь, гдѣ окончательно добили и бросили" (Ип., 34). Это злодѣйство кіевлянъ, боявшихся праведной мести, равно возмутительно, смотрѣть-ли на него съ точки зрѣнія языческаго права мести, или, еще болѣе, съ христіанской точки зрѣнія. Вся эта исторія отношеній Изяслава къ Ольговичамъ составляетъ яркую картину нравовъ вѣка, въ которомъ право и нравственность отступали на задній планъ предъ семейнымъ и личнымъ эгоизмомъ.

Послѣ этой возмутительной исторіи, начинается отчаянная борьба между дядей и племянникомъ за обладаніе Кіевомъ. Въ этой борьбѣ право и сила были на сторонѣ дяди, Юрія Владиміровича, ловкость и умъ на сторонѣ племянника—Изяслава. Нѣкоторые эпизоды этой борьбы характеристичны для ознакомленія со взглядами вѣка.

Старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Ростиславъ, „раскоторался" съ отцомъ своимъ за то, что онъ не далъ ему володѣти въ суздальской землѣ, и отправился къ Изяславу, своему свояродному брату, *поклонившеся ему* и сказалъ: „отецъ меня преобидѣлъ и волости мнѣ не далъ, а я пришелъ *передъ Бога и тебя*, такъ какъ ты старшій насъ между внуками Владиміра, а за Русскую землю хочу страдать и подлѣ тебя ѣздить". Это странное отреченіе отъ собственнаго отца въ пользу выборнаго старѣйшины, который даетъ волость, весьма характерно. Изяславъ, польщенный *поклономъ*, не отказалъ, а далъ ему нѣсколько городовъ. Отправляясь на войну съ своимъ дядей и отцемъ Ростислава, онъ поручилъ ему Кіевъ, „доколѣ не схожу на отца твоего, а любо съ нимъ миръ возьму, паки же инакося съ нимъ уложу, а ты постереги Русскую землю". Но основательно или нѣтъ, когда Изяславъ воротился въ Кіевъ, ему донесли, что Ростиславъ подговариваетъ кіевлянъ-берендѣевъ помочь его отцу. Изяславъ повѣрилъ этому доносу, весьма вѣроятному по правамъ эпохи, такъ какъ очень неудивительно, что Ростиславъ скорѣе дружилъ отцу, чѣмъ дядѣ, отнялъ у него всѣ города и отправилъ его об-

ратно къ отцу,—поступокъ весьма извинительный, хотя дѣло было и недоказано. Но не такъ посмотрѣлъ на дѣло Юрій. „Юрій, говоритъ лѣтописецъ, принялъ близко къ сердцу позоръ своего сына и сказалъ: „неужели мнѣ и моимъ дѣтямъ нѣтъ части въ Русской землѣ“ (Ип., 41). Эти слова Юрія весьма понятны въ вѣкѣ, когда семейный эгоизмъ былъ едва-ли не самымъ уважаемымъ нравственнымъ началомъ. Юрій былъ чадолюбивый отецъ восьми человѣкъ дѣтей, которыхъ всѣхъ нужно было размѣстить, дать удѣлы, да и самому нужно же было жить прилично. Началась борьба, въ которой по одной сторонѣ стояла семья Мстислава, по другой—многочисленная семья Юрія; никому не хотѣлось уступить волостей изъ своей семьи въ чужую, но Юрій, не говоря уже о томъ, что имѣлъ на своей сторонѣ право, былъ умѣреннѣе и благоразумнѣе. Когда оба войска приготовились къ борьбѣ, Юрій отправилъ къ Изяславу посла, велѣвъ сказать ему: „братъ! ты воевалъ со мною и земли мои повоевалъ и *старѣйшинство мое съ меня снялъ*, нынѣ, братъ и сынъ, для Русской земли, и чтобы не проливать христіаскую кровь, дай мнѣ Переяславль, куда я посажу своего сына, а ты сиди, царствуй въ Кіевѣ“. Это предложеніе, да и все предшествующее поведеніе Юрія, какъ князя, болѣе указывало, что родовое право и стремленіе къ занятію прародительскаго стола начало утрачивать свою заманчивость. Юрій воюетъ собственно не за старшинство въ родѣ, даже не за Кіевъ, а для семейныхъ эгоистическихъ цѣлей—надѣла своего многочисленнаго семейства. Изяславъ не согласился. Юрій достигъ своихъ цѣлей: выгналъ Изяслава изъ Кіева, посадилъ своего сына Ростислава въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, Василька въ Суздалѣ (Ип., 45). Далѣе, борьба эта замѣчательна тѣмъ, что Изяславъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего дядю Вячеслава, старѣйшаго дядю въ родѣ Мономаха, но человѣка слабаго, не предпріимчиваго, котораго Изяславъ нѣсколько разъ прежде выгонялъ изъ Кіева, княжившаго въ Туровѣ, подконецъ задумалъ сдѣлать его

ширмою родоваго права и противопоставить его другому дядѣ, Юрію. Эта комедія съ Вячеславомъ была полнѣйшимъ униженіемъ и горькой насмѣшкой надъ родовымъ правомъ. Этаго бѣднаго, несчастнаго Вячеслава ловкій Изяславъ призываетъ въ Кіевъ и говоритъ ему: „отче, кланяюсь тебѣ, Богъ взялъ мнѣ отца Мономаха, такъ ты будешь моимъ отцемъ; согрѣшилъ предъ тобою, каюсь... отдаю тебѣ Кіевъ, сиди въ покоѣ". Догадливый старикъ отвѣчалъ: „сыну! я уже старъ, всѣхъ родовъ не могу рядить, но будемъ мы оба въ Кіевѣ, а ты всѣмъ ряди". Изяславъ, говоритъ лѣтописецъ, „со великою радостью и великою честью поклонился отцу своему". Характеристиченъ также и другой эпизодъ. Во время этой долгой борьбы, счастіе улыбнулось Изяславу, такъ что сыновья Юрія, спокойно усѣвшіеся въ удѣлахъ, должны были возвратиться восвояси. Тогда одинъ изъ сыновей Юрія, Глѣбъ, отправляется къ Изяславу, чтобы сказать: „какъ Юрій мнѣ отецъ, такъ и ты отецъ, я тебѣ кланяюсь; ты самъ, какъ хочешь, вѣдайся съ моимъ отцемъ, а ко мнѣ цѣлуй крестъ, что ты меня отпустишь къ отцу и я приду самъ и поклонюсь тебѣ". Изяславъ поцѣловалъ къ нему крестъ и сказалъ: „вы мнѣ своя братья, до васъ мнѣ нѣтъ дѣла, не уважаетъ меня отецъ вашъ *и не умѣетъ съ нами жить*. Эта борьба двухъ семей кончилась въ пользу Юрія, когда Изяслава уже не было въ живыхъ,—въ 1154 году.

Что сказать вообще о состояніи государственнаго права въ теченіе этаго періода? Сообщенные факты уже достаточно знакомятъ съ нимъ историка. Выводъ, вытекающій изъ всего этаго ряда фактовъ, весьма естественъ и простъ: къ государственному праву не могутъ быть приложены ни идеи роднаго права, ни договорныя постановленія князей, ни, на конецъ, ихъ обоюдные договоры. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ и третьемъ случаяхъ народное благо, могущее быть единственною цѣлью государства, отдаляется на самый задній планъ, а на передній планъ выдвигаются права и интересы князей. Безъ цѣли народнаго блага государство теряетъ всякій регуляторъ, и правовыя идеи государства—

всякую прочность и самостоятельность. Въ разсматриваемую нами эпоху ни князья, ни народъ не возвышались до истинно государственнаго помпнанія. Только изрѣдка между духовенствомъ и поэтами слышались слабые голоса о народномъ благѣ, и то подъ вліяніемъ нашествія половцевъ. Такъ, въ 1097 г., во время борьбы Владиміра съ Святославомъ, кіевляне отправили къ Святополку посломъ митрополита Николу, который сказалъ: „молимся, княже, тебѣ и братьямъ твоимъ: вы не можете губить Русскую землю; если будете бороться между собою, поганые возмутъ нашу землю, которую отцы ваши и дѣды стяжали великими трудами и храбростью“ (Лавр., стр. 112).

ГЛАВА II.

Общественные элементы.

Бояре были классомъ землевладѣльческимъ.—Дружина составлялась изъ всего свободнаго народонаселенія, но не отдѣлялась рѣзко отъ народа и не составляла особаго элемента.—Что такое города.—Подробное разсмотрѣніе экономическаго состоянія общества, какъ причина, образующая изъ свободныхъ массъ полусвободныхъ закуповъ и рабовъ.—Владиміръ Мономахъ, какъ великій законодатель.

Для пройдаго періода я уже доказывалъ, что бояре были мѣстные землевладѣльцы, вступающіе въ княжескую дружину и пользующіеся въ ней наибольшимъ почетомъ, такъ какъ они имѣли огромное вліяніе на жителей. Внимательно всмотрѣвшись въ лѣтопись, нельзя не убѣдиться, что слово „дружина“ употребляется иногда вообще, а иногда въ частности, означая въ первомъ случаѣ все войско, собранное изъ мѣстныхъ жителей, во второмъ же случаѣ—дружину, т. е. небольшое число ратниковъ, тѣлохранителей, состоящихъ на службѣ князя. Впрочемъ, весьма часто, для означенія земскаго ополченія, употребляется слово „вои“. Къ слову дружина иногда прилагается эпитетъ—„лучшая“ или „старѣйшая“, „передніе мужи“, а для другихъ членовъ дружины употребляется названіе „дружина младшая“ или „отроки“. Но даже лучшіе члены дружины называются не боярами, а мужами, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ, что служитъ, мнѣ кажется, доказательствомъ, что слово бояре не означало наемниковъ, дружинниковъ, игравшихъ прежде болѣе важную роль въ дру-

жинѣ, но мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Такъ-называемая дружина младшая или отроки, я думаю, вполнѣ отвѣчала своему названію. Это была молодежь, новобранцы, которые становились къ князю на службу ради жалованья, или ради ближайшей карьеры въ будущемъ. Изъ этихъ новобранцевъ-отроковъ болѣе ловкіе и способные люди могли, съ теченіемъ времени, возвыситься, приблизиться къ князю, который могъ поручить имъ болѣе важное мѣсто въ дружинѣ, или даже посылать ихъ для управленія городами или волостями; наоборотъ, очень многіе, послуживъ въдружинѣ и накопивъ себѣ капиталъ, оставляли ее для какихъ-либо другихъ занятій, такъ какъ служба въ дружинѣ не была обязательной и каждый могъ всегда изъ нея выйти, найдя себѣ что-нибудь лучшее. Это свободное передвиженіе изъ дружины въ общество и наоборотъ—изъ общества въ дружину было какъ нельзя болѣе естественно, потому что тогдашніе дружинники были сыны того же народа, да притомъ и самъ народъ въ цѣломъ сохранилъ еще духъ воинственности, такъ какъ часто, по зову князей, жители областей оставляли мирныя занятія и шли „отъ мала до велика“ на защиту князя, или родной земли. Приведемъ нѣкоторыя болѣе рельефныя мѣста изъ лѣтописи, которыя могуть намъ объяснить эти различные классы.

Во время княженія Изяслава Ярославовича и нашествія половцевъ, когда кіевляне взбунтовались и требовали у него оружія и коней для борьбы, Изяславъ сидѣлъ „на сѣняхъ съ дружинниками своими“, а между тѣмъ кіевляне, рѣшившись освободить плѣннаго Всеслава Полоцкаго, кричали: „пойдемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба“ (Лавр., стр. 73). Это мѣсто очевидно указываетъ, что у Изяслава было мало „дружины“, если всѣ они умѣщались на его сѣняхъ, а во-вторыхъ, что, вѣроятно, въ дружинѣ Всеслава Полоцкаго было много кіевлянъ, такъ какъ они употребляли слово „своя дружина“. Что у князей послѣ смерти Ярослава было весьма мало ихъ собственной дружины,—это, мнѣ кажется, весьма естественно, такъ какъ содержаніе дружины было слишкомъ

дорого. Даже во время единства Россіи, въ первый періодъ, число дружинниковъ было крайне незначительно, въ сравненіи съ массою земскаго ополченія. При борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, у него было 1000 дружинниковъ и 40 тысячъ новгородцевъ. Очень понятно, что при раздробленіи удѣловъ и уменьшеніи доходовъ князей, количество дружинниковъ уменьшилось до самого незначительнаго числа.

Изгнанный изъ Кіева, Изяславъ „побѣжалъ въ Ляхи съ имѣніемъ многимъ, говоря: яко симъ налѣзу вои" (Лавр., стр. 78). Очевидно, что Изяславъ нисколько не разсчитывалъ на свою дружину, потому что ея не было, въ смыслѣ войска. Наоборотъ, въ тогдашнее время съ деньгами было легко найти бродячихъ чеховъ, угровъ, ляховъ и нанять ихъ на одинъ походъ. Племена, какъ наши, такъ и сосѣднія, сохранили духъ первобытной воинственности и легко бросали соху для сабли, лишь бы была награда. Вотъ образецъ составленія дружины: въ 1097 году Давидъ бѣжалъ къ ляхамъ, захвативъ съ собою для найма дружины 50 гривенъ золота, т. е. цѣнность, равнявшуюся 2,500 гривнамъ кунъ или 50,000 нагатъ. Если нагать была обыкновенная заработная плата каменьщика въ день, то онъ могъ нанять на мѣсяцъ до 1,700 человѣкъ дружины, а если, что очень вѣроятно, въ дружину нанимались вдвое дешевле, надѣясь на добычу, то до 4,000 чел. Въ 1078 г. Олегъ и Борисъ навели половцевъ на Всеволода, который бѣжалъ въ Изяславу. Изяславъ рѣшился вступиться за брата и „повелѣлъ сбирати вои отъ мала до велика" (Лавр., стр. 86). Эти вои отъ мала до велика, конечно, не дружина, но жители самой области, кіевляне. Это простое повелѣніе князя—собираться на войну—указывало бы на сильную власть князя, еслибы половцы не угрожали и самимъ кіевлянамъ, и защищаться не было бы въ ихъ интересѣ. Во всякомъ случаѣ, это, какъ и множество другихъ мѣстъ, указываетъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ не дружина, но масса народа могла играть роль, составлять войско. Это подтверждается и слѣдующимъ мѣстомъ. Въ 1093 году, во время княженія въ Кіевѣ Святополка, пришли

половцы и обступили Торцыскъ. „Святополкъ, говоритъ лѣтописецъ, нача сбирати вои, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смышленіи: не кушайся противу, яко мало имѣши вой. Онъ же рече: имѣю отрокъ своихъ 800“ (Лавр., стр. 93). 800 отроковъ — вотъ вся дружина старѣйшаго князя кіевлянъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда сами жители не заинтересованы въ битвахъ, князья не приказываютъ, а просятъ ихъ, или просто „скупаютъ“, т. е. принимаютъ за деньги. „Георгій, говоритъ лѣтописецъ, услышавъ, что пожгли его городецъ. „нача скупати вои“ (Ипат., стр. 69). Ростиславъ же съ Святославомъ, выступивъ изъ Кіева къ Пересѣчню, „нача скупати дружину“ (Ипат., стр. 73). Дружина, кажется, играла роль особыхъ тѣлохранителей князя. Такъ, въ 1151 году, Изяславъ „повелѣлъ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не нарушити“ (Ипат., стр. 60). Слѣдовательно, дружина не составляла въ это время чего-нибудь особаго по составу отъ полковъ, но очевидно имѣла особое назначеніе. Что дружина князя состояла изъ жителей тѣхъ же городовъ,—это видно также изъ слѣдующаго мѣста, гдѣ дружина совѣтуетъ Изяславу: „князь, не предпринимай ничего, а поѣзжай въ Тетеревъ, тамъ къ тебѣ прійдетъ твоя дружина, а дойдешь до Бѣлгорода, и еще больше дружины къ тебѣ придетъ (Ип., 55). Весь доходъ смоленскаго князя въ 1150 году составлялъ отъ 7 до 8 тыс. гривенъ, какъ я скажу объ этомъ, позднѣе; если считать содержаніе дружинника въ 3 гривны то смоленскій князь могъ бы содержать до 2,000 дружины, если не считать его собственнаго содержанія. Но такой дружины не имѣлъ ни одинъ князь, даже въ военное время. У Святополка было всего 800 отроковъ, которыми онъ хвалился. Въ 1146 году дружина по крайней мѣрѣ пяти князей состояла изъ 3 тысячъ, слѣдовательно каждый имѣлъ до 600 отроковъ (Ип., стр. 27) *). Въ западной Европѣ отношенія между королемъ и дружиной были иныя: тамъ дружинники клялись

*) Изъ всего этого видно, что отношенія между княземъ и дружиною у насъ основывались на наймѣ, на простомъ договорѣ.

королю въ вѣрности и за оставленіе его наказывались смертью. Самое неприсутствіе члена дружины въ рядахъ войска, во время походовъ, наказывалось тамъ денежнымъ штрафомъ. У насъ господствуетъ иное положеніе, и дружинникамъ— „вольнымъ воля".

Изъ такихъ-то элементовъ состояла младшая дружина, отроки или молодь. Старшая, или передняя дружина, состояла отчасти изъ выслужившихся младшихъ дружинниковъ, отчасти изъ мѣстныхъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Разсмотримъ сначала первыхъ.

Въ 1064 году Ростиславъ Владиміровичъ, сынъ старшаго сына Ярослава, бѣжалъ въ Тмутаракань, а съ нимъ бояре Порей и Вышата, сынъ Остромира, воеводы новгородскаго; оба эти лица были на службѣ у Святослава. Очевидно, что они были передніе дружинники, важныя лица, ловкіе воины, рядители, которыхъ переманилъ къ себѣ Ростиславъ. Во время бунта кіевлянъ, важную роль игралъ на сѣняхъ Изяслава „Тукы, братъ Чудинъ", тоже дружинникъ, но не бояринъ. Воеводой у Изяслава былъ Коснякъ, тоже не бояринъ. Въ 1178, Тукы и Порей были убиты на сторонѣ Изяслава, въ борьбѣ съ половцами; очевидно, что Порей недолго оставался въ Тмутаракани, снова возвратился и былъ принятъ въ дружину Изяслава. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ убитъ, а въ 1070 г. мы находимъ Яна, сына Вышаты, въ службѣ у Святослава, собирающимъ ему дань въ Ростовѣ. Въ 1082 году Янъ былъ воеводою въ Кіевѣ у Всеволода (Лавр., 80). Эти факты даютъ нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ главныхъ дружинниковъ къ князю. Порей и Вышата бѣжали, потому вѣроятно, что они были въ дружинѣ Святослава. Они бѣжали для того, чтобы выгнать изъ Тмутаракани Глѣба, сына Святослава. Очевидно, это была измѣна, и они должны были тайно скрыться, чтобы Святославъ не отомстилъ имъ. Но спустя нѣкоторое время, мы находимъ сына Вышаты на должности у Святослава, слѣдовательно его отецъ уже помирился съ нимъ, а сынъ поступилъ въ его дружину. Другой изъ дружинниковъ, Порей, уже не являлся въ дружину Свято-

слава, но къ Изяславу, гдѣ и погибъ. Всѣ эти факты наглядно указываютъ, во-первыхъ, что въ это время важнѣйшія должности занимали часто не бояре; нерѣдко даже лучшіе дружинники не назывались боярами. О дружинникахъ лѣтописецъ часто говоритъ вообще подъ именемъ мужей: „съ мужами своими сладивъ“ (вмѣсто съ дружиной, (Ип., 29); „Петръ—мужъ отца его“ (тамъ-же), и множество другихъ мѣстъ, которыя было бы утомительно приводить. Между дружинниками даже въ первыхъ рядахъ были чужеземцы. Чудинъ, участвовавшій въ числѣ немногихъ въ составленіи законовъ сыновьями Ярослава, и его братъ Туки—очевидно инородцы и вѣроятно племени Чудь. Коснякъ и Порей—тоже имена не славянскія. Приведенные факты также указываютъ на переходъ изъ одной дружины въ другую по простымъ, личнымъ неудовольствіямъ, или просто изъ выгоды.

Обратимся теперь къ классу старѣйшихъ или переднихъ дружинниковъ,—къ боярамъ.

Подъ 1097 годомъ Лаврентьевская лѣтопись упоминаетъ о боярахъ. Святополкъ, захвативъ съ Давидомъ Василька для ослѣпленія, „созвалъ бояръ и кіянъ“ повѣдать о навѣтѣ Давида, „и ему отвѣчали бояре и людье“. Слово „людье“ соотвѣтствуетъ слову кіяне, а тому и другому сопоставляются бояре. Кто же могли быть эти бояре? Очевидно, лучшіе изъ народа, потому что о дружинѣ вовсе не говорится (Лавр., 118) Наоборотъ, на сеймѣ въ Вятичевѣ, гдѣ у всѣхъ князей была дружина, совсѣмъ не упоминается о присутствіи бояръ (Лавр., 116). Точно также въ походѣ на половцевъ упоминается дружина при созѣщаніи князя, а о боярахъ нѣтъ и рѣчи (Лавр., 188). Но въ 1136 г. мы дѣйствительно встрѣчаемъ бояръ въ числѣ дружины. Въ это время Ярославъ Владиміровичъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, борясь съ Ольговичами, не дождавшись вой, т. е. земскаго ополченія, съ одной дружиной своей и своихъ братьевъ, въ числѣ 3,000 человѣкъ, пошли противъ Ольговичей и потерпѣли пораженіе, „яше, говоритъ лѣтопись, бояръ многихъ: Давида Якубовича, тысяцкаго и Станислава, добраго Тужовича, и

прочихъ мужей... много бо бяше взяли бояръ кіевскихъ" (Ип., 13). Это мѣсто, конечно, подтверждаетъ, что боярами назывались мѣстные жители; здѣсь прямо они называются бояре кіевскіе, а не Ярославовы. Если теперь бояре кіевскіе играютъ важную роль въ дружинѣ, то это указываетъ только на то, что сама дружина стала наполняться мѣстными боярами, богатыми землевадѣльцами. Что бояре часто противупоставляются воемъ, т. е. земскому ополченію,—это нисколько неудивительно, такъ какъ они и прежде противупоставлялись простымъ кіевлянамъ, или „людямъ". Это весьма рѣзко видно изъ происшествія съ Игоремъ, случившимся въ 1146 году. Игорь Ольговичъ, положившись на кіевлянъ, которые давно задумывали тайно измѣнить ему и передаться его противнику, Изяславу Мстиславичу, пошелъ „съ бояры и со всѣми воинствомъ противъ Изяслава Мстиславича съ дружиной"; но измѣнники бросили его и побѣжали, такъ что Игорь и его братъ должны были спасаться съ незначительнымъ числомъ людей (Ип., 169). Здѣсь, очевидно бояре и войско кіевское, какъ земское ополченіе, противупоставляются „дружинѣ" Изяслава, какъ противуположность *). Но кто же были эти бояре? Въ Ипатьевской лѣтописи мы читаемъ, что Изяславъ, послѣ побѣды надъ Игоремъ, войдя въ Кіевъ „бояре многія изыма: Данила Великаго, Георгія Прокопича, Ивана Георгевича, Мирославля внука и иныхъ изымаша много въ городѣ Кіевѣ и такъ тѣхъ на искупъ пустиша... и разграбили кіяне съ Изяславомъ домы дружицы Игоревой и Всеволодовой, и селы и скоты, и взяли имѣнія много въ домѣхъ и въ монастырѣхъ". Это мѣсто весьма замѣчательно. При Владимірѣ Мономахѣ въ Кіевѣ были мужи: Прокопій и Мирославъ (см. Рус. пр. Троиц. сп.); теперь, черезъ 20 лѣтъ, мы находимъ ихъ въ числѣ бояръ: одного—Прокопича, вѣроятно сына Прокопія, и другаго—боярина Ивана Гюрьевича, внука Мирослава. Отецъ одного и дѣдъ другаго носили простое названіе мужей, а ихъ

*) За Игоря измѣннически стоятъ бояре и воп, за его противниковъ лишь меньшая дружина.

томство называется боярами. Почему это? Не прямой-ли отвѣтъ на это находимъ въ томъ, что они, служа въ дружинѣ у Всеволода, пріобрѣли имѣніе и получили названіе бояръ,—имя, которымъ вообще назывались мѣстные земле-владѣльцы? Въ 1147 году Изяславъ, желая идти на Юрія, „созвалъ себѣ всѣ бояре и дружину и кіяны вся“ (Ип., 174). Здѣсь перечислены всѣ эти элементы раздѣльно. Точно также и въ 1149 г., во время борьбы Изяслава съ Юріемъ, кіевляне, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, стали за Изяслава. Передъ самой битвой, Изяславъ „созва бояры своя и всю дружину свою“. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, боярами названы богатѣйшіе земцы, такъ какъ вопиство Изяслава состояло изъ однихъ кіевлянъ. Въ 1150 году, когда Изяславъ проигралъ битву, онъ говорилъ своей дружинѣ: „вы для меня вышли изъ русской (кіевской) земли, своихъ селъ и своихъ жизней лишился, и я опять свою отчину и дѣдину не могу „призрѣти“; но опять я налѣзу свою отчину, а вашу всю жизнь“ (Ип., 59). Это мѣсто, мнѣ кажется, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что люди дружины Изяслава, въ которой участвовали бояре и простые кіевляне, не были наемными голышами, но земельными людьми, а едвали возможно сомнѣваться, что эта земля принадлежала боярамъ. Въ томъ же году, по Никоновской лѣтописи, Изяславъ, вступивъ въ Кіевъ, „возрадовался зѣло со всѣми боярами своими“ (стр. 183). Эта радость понятна, такъ какъ бояре получили свои отчины. Чрезъ три года, Изяславъ, въ отомщеніе за помощь врагу его, Юрію, осаждалъ галицкой городъ Теребовль; битва была несчастна и „галичане поймавши *кіевскихъ мужей, Изяславовыхъ бояръ и воеводъ*“; и далѣе: „галичане его (Изяслава), бояръ и воеводъ и нарочитыхъ людей отведоша въ Галичъ“ (Ник., 197). Итакъ, это послѣднее мѣсто доказываетъ, что Изяславовы бояре были „кіевскіе мужи“; нарочитыми людьми, какъ я уже объяснилъ выше, назывались достаточные горожане.

Эти факты помогутъ намъ уразумѣть, изъ кого дѣйствительно состояли общественные элементы.

Общество состояло изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состояли и княжескія войска, т. е. бояръ, мужей дружины и простыхъ воевъ, свободныхъ людей. Бояре были землевладѣльцами, но эту землю они пріобрѣли не отъ князей, а собственными трудами; это были разбогатѣвшіе жители княжескихъ областей. До завоеванія монголами, русскіе князья имѣли слишкомъ мало власти и слишкомъ мало средствъ, чтобы раздавать зе́мли своимъ дружинникамъ; у нихъ самихъ едва было по нѣскольку селъ, населенныхъ рабами или смердами. Нельзя себѣ представить, чтобы князья въ это время, занятые постоянными войнами, истощая свои необходимыя средства на жалованье дружинникамъ, „наймами“ половцевъ, чеховъ, угровъ и ляховъ, были въ состояніи давать своимъ дружинникамъ земли. Наоборотъ, зная, что ихъ дружины и— еще болѣе—главныя силы состояли въ земскомъ ополченіи, весьма естественно думать, что богатѣйшіе земцы, имѣвшіе, конечно, огромное вліяніе на народъ, сдѣлались бы знатнѣйшими дружинниками. Изяславъ, любимецъ кіевлянъ, въ войскахъ котораго состояли постоянно знаменитые бояре, вѣроятно за то былъ любимъ кіевлянами, что въ его дружинѣ совсѣмъ не было никого не изъ Кіева.

Но ни о количествѣ, ни объ экономическомъ благосостояніи этаго класса мы не можемъ ничего сказать. Русская Правда сыновей Ярослава назначила за убійство „огнищанина“ или, какъ сказано въ позднѣйшихъ спискахъ, „княжихъ мужей“—80 гривенъ, т. е. вдвое больше, чѣмъ за простаго, свободнаго человѣка. Но что разумѣется подъ словомъ „княжъ-мужъ“ или „тіунъ-княжъ“: обыкновенный-ли дружинникъ или бояринъ? Почему въ Русской Правдѣ, въ статьѣ объ убійствѣ, не говорится о бояринѣ, тогда какъ та же Правда въ другихъ мѣстахъ упоминаетъ это названіе? Разсмотримъ эти мѣста, и они подтвердятъ нашу вышеусмотрѣнную догадку: Русская Правда упоминаетъ о тіунѣ боярскомъ и о задницѣ боярской: тіунъ былъ вообще управитель и судья въ имѣніяхъ, населенныхъ крестьянами; боярская задница, конечно, означала поземельную собственность. Нѣтъ нака-

кого сомнѣнія, что подъ именемъ „княжи-мужи“ въ спискахъ Правды разумѣлись и бояре, потому что, если за тіуна боярскаго платилась 40-гривенная вира, то ужь, конечно, за самаго боярина платилась двойная. Но Русская Правда въ статьѣ о убійствѣ не говоритъ о боярахъ вѣроятно потому, что не всѣ „княжи-мужи“ имѣли поземельную собственность, и въ странѣ извѣстны были подъ именемъ бояръ; многіе „княжи-мужи“, дружинники высшаго разряда, не имѣли имѣній, не были боярами, а князь за нихъ, конечно, хотѣлъ назначить двойную виру *).

Кто же разумѣлся подъ именемъ „княжихъ-мужей“: всѣ ли дружинники или только высшіе? Русская Правда говоритъ объ этомъ весьма опредѣленно: „яже въ княжихъ отроцѣхъ, или въ конюшихъ, или въ поварѣхъ, то 40 гривенъ (Калачевъ, стр. 108). Обыкновенные дружинники носили названіе „отрока“ и плата за его убійство была та же, какъ за обыкновеннаго свободнаго человѣка. За убійство низшихъ должностныхъ лицъ при судѣ, какъ мечника, ябедника, платилось тоже 40 гривенъ. Слѣдовательно, къ „княжимъ-людямъ“ принадлежали только члены передней дружины, или дружинники старѣйшіе, думцы князя,—высшія должностныя лица княжескаго двора.

Члены младшей дружины, отроки, или даже просто „молодь“, не составляли никакого отдѣльнаго общественнаго элемента и даже не выходили, по моему мнѣнію, навсегда изъ общества и едвали часто оставались навсегда при дворѣ князя. Когда Изяславъ съ Ростиславомъ пришли въ Новгородъ, въ которомъ остался Изяславъ, а Ростиславъ отправился въ Смоленскъ, „то, говоритъ лѣтописецъ, „одна часть дружины русской (кіевляне) съ Ростиславомъ идоша, а друзіе

*) Если слово боринъ, болринъ, производитъ, какъ это теперь всѣ дѣлаютъ, отъ слова болій, то конечно это тоже указываетъ на то, что они были общественнымъ классомъ, а не членами дружины, такъ какъ только общество дѣлилось на большихъ, среднихъ и молодыхъ людей, тогда какъ дружина дѣлалась всегда не старшую и младшую, но никогда на вышеуказанные разряды.

кому куда годно" (Ип., 40). Въ вышеприведенномъ мѣстѣ мы видѣли, что у Изяслава была дружина и въ Тетеревѣ, и въ Бѣлгородѣ, но чтобы достать ее, нужно было туда идти. Все это показываетъ, что отроки или молодь были не что иное, какъ простые охотники, которыхъ легко было сыскать въ этотъ воинственный вѣкъ, но содержать ихъ постоянно было слишкомъ дорого, не по средствамъ князей, да притомъ и не для чего: военной науки тогда не существовало; военное искуство заключалось въ ловкости предводителей, а отъ дружины и воевъ требовалась лишь только храбрость.

Перейдемъ теперь къ тому обществу, изъ котораго составлялась дружина.

Русское свободное народонаселеніе жило въ городахъ и волостяхъ. Города и вообще центры тогдашней жизни были наиболѣе расположены въ нынѣшней южной Россіи и Западномъ краѣ. Такъ, по числу древнихъ городовъ, существовавшихъ до 1155 года, первое мѣсто принадлежитъ нынѣшней кіевской губерніи (26 городовъ); затѣмъ черниговской (25 городовъ), полтавской (15 городовъ), волынской (14 городовъ), минской (12 городовъ), орловской (8 городовъ), могилевской (5 городовъ), подольской (5 городовъ). Наоборотъ, на сѣверѣ Россіи было очень мало городовъ, потому, что даже въ это время славянская колонизація здѣсь была еще далеко невсемогуща: во всемъ сѣверѣ Россіи было едва 15—20 городовъ (Невол., Общ. спис. город., т. IV). Но что это были за города—объ этомъ едвали можно составить себѣ какое-нибудь ясное представленіе. Городъ означалъ вообще огороженное мѣсто, за стѣнами котораго скрывались жители, вслучаѣ нашествія половцевъ, или во время усобицъ. Во время усобицъ нерѣдко всѣ жители города оставляли его и бѣжали въ другой городъ, или скрывались въ лѣсахъ. Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, сказано, что Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ „взяша Всеволожъ городъ на щитъ и ина въ немъ бяста, два города вошло. Слышавши иніи гради: Упенѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачь, оже Всеволожъ взятъ, и побѣгоша; слышавше Изяславъ и

Ростиславъ, посласта по нихъ и постигоша на поли и ту взяша ти три городы, а нніи уйдоша; Изяславъ же повелѣ зажечи грады ти. Слышавши же Гл҃бльцы, оже Уненѣжъ и Бохмачь и Бѣлувѣжу взяли, и не утя́гли убѣжати, и тако пришедше къ Гл҃бу, исполчившеся пойдоша къ граду полкы, и начаша битися; изъ града крѣпко бьющимся, и бившася наченъше съзаутра и до вечера, и тако Богъ, и Святая Богородица, и святая мученика избависта градъ отъ сильные рати" (Ип., 36). Все это мѣсто ясно указываетъ, что были такіе города, изъ которыхъ жители убѣгали при первой опасности, такъ что въ стѣнахъ однаго города легко могли сходиться два другихъ. Едва-ли эти города можно представить себѣ чѣмъ-нибудь инымъ, какъ селеніями, огороженными и вмѣщающими въ себѣ отъ 50 до 100 душъ. Только въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ названіе тысяцкихъ, какъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Бѣлгородѣ, можетъ быть, было больше 1,000 душъ Городъ Кіевъ былъ блестящимъ городомъ, который, по словамъ Адама Бремскаго, соперничалъ съ Византіею. Нашъ лѣтописецъ говоритъ о немъ тоже съ восторгомъ: „кто не полюбитъ кіевскаго княженія, такъ какъ въ немъ заключается честь, слава, величіе русскихъ городовъ; отъ всѣхъ странъ сходятся сюда разные люди и купцы; сюда же стекаются богатства отъ всѣхъ странъ" (Ник., 282). Это величіе города и его богатство объясняютъ, почему такъ стремились сюда всѣ князья и съ такой ревностью боролись за обладаніе имъ. Его богатство, въ свою очередь, объясняется выгоднымъ торговымъ положеніемъ, такъ какъ еще со временъ Константина Богрянороднаго (въ X-мъ столѣтіи) онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ торговли, куда стекались со всѣхъ русскихъ областей мѣха, для отправки ихъ въ Константинополь, а оттуда везли греческія паволоки, фофудьи и прочую богатую одежду для князей и дружинниковъ.

Въ 1148 г. Изяславъ былъ у брата Ростислава въ Смоленскѣ, „и тутъ, говоритъ лѣтописецъ, они дарили другъ друга дарами многими: Изяславъ далъ дары Ростиславу отъ

Русскія (кіевскія) земли и отъ всѣхъ царскихъ (византійскихъ) земель, а Ростиславъ далъ дары Изяславу отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ (Ип., 39). Въ этомъ мѣстѣ ясно характеризуется вся тогдашняя торговля: чрезъ Новгородъ и Смоленскъ шла торговля со сторонъ Балтійскаго моря, а чрезъ Кіевъ—изъ Византіи. Но каково было число жителей въ Кіевѣ, объ этомъ можно судить лишь приблизительно: въ XII столѣтіи здѣсь уже было до 600 церквей, а такъ какъ церкви эти были—простые деревянные срубы, которые строились иногда въ мѣсяцъ, три дня, даже въ день, то можно полагать, что вмѣстимость каждой церкви была не больше 100 человѣкъ, и даже гораздо меньше, такъ что можно считать всѣхъ прихожанъ кіевскихъ въ 60,000, и эта цифра едва-ли непреувеличена, можетъ быть, въ два раза. Въ городахъ жили купцы, ремесленники, но большинство жителей въ нихъ были обыкновенно земледѣльцы.

О богатствѣ купцовъ тогдашняго времени мы не имѣемъ данныхъ; въ этомъ случаѣ нѣкоторую помощь могутъ оказать клады, находимые въ разныхъ мѣстахъ Россіи, содержащіе древнѣйшія монеты X, XI и XII столѣтій. Уже въ X-мъ столѣтіи, судя по одному кладу, найденому около Великихъ Лукъ, находились замѣчательные богачи. Такъ, въ этомъ кладѣ найдено серебра въ монетахъ, отъ 924—971 г., въ одномъ котлѣ около семи пудовъ,—богатство громадное, судя по цѣнамъ серебра въ это время (Савельевъ, стр. XXIV). Англосаксонскія и нѣмецкія монеты X, XI и XII столѣтій были находимы въ нынѣшнихъ петербургской, псковской, могилевской, кіевской, владимірской, смоленской, вологодской и пермской губерніяхъ, а въ особенности кіевская губернія богата всевозможными монетами, какъ западными, такъ и византійскими (Кене, Оч. евр. мон., стр. 16—20). Самый большой кладъ этихъ монетъ найденъ близъ Ораніенбаума; онъ содержалъ въ себѣ до 4,000 монетъ. Но главнѣйшее богатство городовъ состояло не въ деньгахъ купцовъ, скрытыхъ для завоевателей, но въ земледѣльческомъ богатствѣ. Такъ, въ 1142 г., Игорь Ольговичъ, говоритъ лѣтопись,

„пойма градъ Юрьевъ и взя скоты и кони и богатства“ (Ник., стр. 166

Но далеко не всѣ города были полны свободнымъ народонаселеніемъ. Между ними было, вѣроятно, очень много владѣльческихъ городовъ. Такъ, при осадѣ Уненѣжа въ 1159 г., изъ города повыскакало болѣе 300 смердовъ, что ясно указываетъ, что это былъ владѣльческій городъ, населенный княжескими смердами (Ип., 84). Въ 1151 г. Изяславъ Мстиславовичъ кіевскій взялъ Городецъ князя Юрья Долгорукаго, причемъ онъ городъ „сожжегъ и раскопа, а людей разведе“ (Ник., 191). Конечно, Изяславъ развелъ не свободныхъ людей, но смердовъ. Юрій Васильевичъ отомстилъ Давиду, выжегши его городъ Всеволожскъ и перерѣзавъ его людей; конечно, эта месть только тогда имѣетъ смыслъ, если этотъ городъ состоялъ изъ рабовъ Давида. Князья этаго періода, воюя другъ съ другомъ, не столько стремились опустошать ихъ волости, населенныя свободными людьми, сколько полонить и сожечь ихъ собственные села и города, дававшіе имъ большій доходъ, чѣмъ села свободныхъ жителей волостей. Эти собственныя имѣнія князей характеристически называются въ лѣтописяхъ „жизнь“. Изяславъ, воюя съ черниговскимъ княземъ, пожегъ „села ихъ вся и жизнь ихъ вся“ (Ип., 37). На основаніи мирнаго договора между Юріемъ Долгорукимъ и Изяславомъ, въ 1150 году, было постановлено, что Изяславъ отдастъ Юрію Кіевъ, а Юрій долженъ былъ за это возвратить награбленное имущество его и его дружины: „по переяславскому полку, что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю. Изяславъ же посла мужи своя и тивуна своего, дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, а мужи своего дѣля, они самѣ ѣхаша, а друзіи тивуны своѣ послаша“ (Ип., стр. 48).

Сельскіе жители распадались на свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ. Свободные сельскіе жители жили въ свободныхъ волостяхъ, владѣя землей и скотомъ, доставшимися на ихъ долю отъ предковъ. Но полусвободные жители были половниками на земляхъ бояръ, подъ именемъ *закуповъ*-

Рабы или челядь жили какъ въ имѣніяхъ князей, такъ и въ имѣніяхъ бояръ. Объ экономическомъ благосостояніи свободныхъ крестьянъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій за эту эпоху; но объ ихъ экономическомъ положеніи мы получимъ очень точную и яркую картину изъ разсмотрѣнія состоянія полусвободныхъ и обозрѣнія причинъ рабства въ эту эпоху.

Въ чемъ состоитъ экономическое благосостояніе людей? Конечно, его производятъ три главныхъ фактора: дары природы, трудъ и знаніе. Но между этими тремя факторами, безъ сомнѣнія, главный есть знаніе. Дикій можетъ жить въ богатѣйшей странѣ, награжденной всѣми благами міра, но въ тоже время спокойно умирать отъ голода, тогда какъ человѣкъ образованный можетъ оттуда извлекать едва вѣроятныя богатства. Природа похожа на ту заколдованную сказочную красавицу, которая можетъ дать массу наслажденій, но чтобы заставить ее повиноваться себѣ, необходимо быть волшебникомъ, кудесникомъ, т. е. обладать знаніемъ. Все это, безъ сомнѣнія, дотого просто и ясно, что объ этомъ не стоило бы и говорить; но, къ сожалѣнію, самыя простыя вещи усвоиваются съ наибольшимъ трудомъ, и человѣкъ всегда болѣе фантазируетъ, чѣмъ мыслитъ, въ особенности когда его воображеніе переносится въ тѣ отдаленныя эпохи, о которыхъ онъ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній. Итакъ, богатство человѣка, главнымъ образомъ, заключается въ знаніи, которое даетъ ему возможность направлять такимъ образомъ природу, чтобы она сдѣлалась послушной его рабой, машиной производящей, насколько у ней есть силъ, тѣ продукты, которые производить ей прикаэываетъ человѣкъ. Человѣкъ стремится обуздать природу, какъ непокорнаго раба и овладѣть всѣми ея силами. Даже значеніе втораго фактора человѣческаго богатства — труда, вполнѣ зависитъ отъ знанія. Чѣмъ больше человѣкъ обладаетъ знаніемъ, тѣмъ, конечно, больше природа вознаграждаетъ его трудъ, тѣмъ самый трудъ человѣка, an und für sich, какъ говорятъ нѣмцы,—дѣлается цѣннымъ

Въ варварскомъ обществѣ человѣческій трудъ почти ни-

чего не стоитъ, потому что онъ ничего не даетъ. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ знанія, цѣнность человѣческаго труда естественно поднимается въ отношеніи къ цѣнности произведеній природы. Цѣнность самаго человѣка, какъ рабочей силы, какъ раба, возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія знаній, а слѣдовательно и благосостоянія. Въ первобытныя эпохи человѣку иногда жалѣютъ дать пищу, чтобы поддержать его жизнь, сдѣлать его рабомъ, потому что цѣнность пищи, необходимой для него, стоитъ больше, чѣмъ произведеніе труда, который онъ можетъ дать. Все это наглядно можно видѣть изъ цѣнъ продуктамъ, находящихся въ Русской Правдѣ.

Въ разсматриваемое нами время, земель было такое множество, что я сомнѣваюсь, чтобы земля имѣла какую бы то ни было цѣнность. Каждый, кто могъ очистить себѣ землю изъ-подъ лѣса, выжечь его, дѣлался ея собственникомъ, и никому не было до этого дѣла. Каждый могъ селиться гдѣ ему угодно; но онъ селился, конечно, не въ лѣсу, а въ своей волости, отчасти для удовлетворенія своей любви къ общежитію, но еще болѣе для того, чтобы доставить себѣ защиту. Въ эти первобытныя времена, когда во время усобицы мечъ и огонь опустошали поля, деревни, скотъ; когда жителей брали на щитъ, т. е. убивали или разводили въ плѣнъ,—человѣкъ прежде всего долженъ былъ думать о безопасности. Эти усобицы не были перемежающимся явленіемъ, но явленіемъ постояннымъ. Въ особенности страдали отъ нихъ нижнія области, которыя, сверхъ того, подвергались почти ежегоднымъ набѣгамъ печенѣговъ.

Земля ничего не стоила, но громадную цѣнность имѣли скотъ и орудія, необходимыя для земледѣлія. Вотъ цѣны скота по Русской Правдѣ: волъ стоилъ гривну кунъ, корова $^2/_3$ гривны, свинья 5 кунъ, лошадь 2 гривны, овца 5 кунъ, баранъ нагату. Если мы будемъ считать необходимымъ для хозяйства крестьянина одну корову, лошадь, пять овецъ, барана, двухъ свиней, то по цѣнамъ того времени все это стоило $3^1/_2$ гривны; между тѣмъ, лѣтній трудъ работника,

по Русской Правдѣ же, цѣнился всего въ ½ гривны; за работу женки съ дочерью платилась 1 гривна. По этому счету мужъ съ женой могли бы заработать въ лѣто до одной гривны, а въ четыре года получить необходимыя средства для жизни; но нужно вычесть стоимость собственнаго содержанія и одежды, а также стоимость содержанія семейства. Если даже мы предположимъ, что человѣкъ могъ сберегать ⅔ своего дохода, т. е. ⅔ гривны, тогда на покупку не обходимаго домашняго скота ему потребовалось бы не менѣе 6 лѣтъ сбереженій. Но самый скотъ не составляетъ еще всего, потому что необходимо было распахать землю изъ-подъ лѣса, выстроить домъ, купить земледѣльческія орудія; все это предполагаетъ такія же трудности, какъ и пріобрѣтеніе скота, такъ что едвали какой-либо свободный человѣкъ двѣнадцатилѣтнимъ трудомъ могъ скопить себѣ настолько средствъ, чтобы завестись независимымъ хозяйствомъ. И весь этотъ трудъ, всѣ эти невѣроятныя усилія и бережливость каждый годъ могли уничтожиться во время усобицъ, во время нашествія половцевъ, когда трудолюбивый хозяинъ нетолько лишался всего пріобрѣтенія, но и самъ уводился въ плѣнъ, продавался просто ни за грошъ въ рабы. Какая же разница существуетъ въ цѣнности человѣческаго труда въ то время и теперь, по отношенію къ цѣнности продуктовъ? Во времена Русской Правды за годовой трудъ человѣка платилось ½ гривны, т. е. за одну корову человѣкъ долженъ былъ работать почти два года, тогда какъ въ настоящее время въ теченіе одиаго года крестьянинъ можетъ заработать цѣнность 5-ти коровъ, считая цѣнность коровы въ 15 рублей. Такимъ образомъ, трудъ человѣка, относительно продуктовъ, сталъ дороже въ десять разъ. Человѣкъ сдѣлался въ десять разъ дороже!

Все это мы говоримъ, имѣя въ-виду ревностныхъ хозяевъ, какихъ можетъ дать настоящее состояніе общества. Но не таковъ былъ трудъ человѣка. Еще недавно отвыкшій отъ бродячей жизни, привыкшій скитаться по лѣсамъ съ стрѣлою и лукомъ, онъ смотрѣлъ на земледѣльческій трудъ, какъ на

божественное наказаніе, какъ обыкновенно смотрятъ народы, переходящіе отъ звѣроловства или скотоводства къ земледѣлію. Скотоводецъ сдѣлался земледѣльцемъ лишь по необходимости, лишаясь своихъ стадъ; въ его глазахъ трудовая жизнь крестьянина почти равнялась рабству. Всѣ тѣ общественные пороки, которые и въ настоящее время крѣпко сидятъ въ нашей массѣ, какъ пьянство, свирѣпствовали и тогда и, конечно, въ еще большей мѣрѣ, потому что едва-ли считались пороками. Мы знаемъ, что во дворѣ князя Владиміра устроивались постоянные пиры. Князья давали пиры цѣлому городу: такъ, въ 1149 г., Изяславъ послалъ по всѣмъ улицамъ Новгорода звать къ князю на обѣдъ „отъ мала до велика“ (Ип. 40). Этотъ же Изяславъ созывалъ на пиръ всѣхъ кіевлянъ, когда счастливо попалъ въ Кіевъ, изгнавъ дядю Юрія. Языческіе пиры во время солнечныхъ праздниковъ преобразовались въ христіанскіе приходскіе праздники, на которыхъ составлялись складчины. Въ то время этими пороками были заражены всѣ классы общества, а также и духовенство; но оно первое очнулось и возстало противъ зла въ лицѣ одного изъ основателей Печерскаго монастыря, Ѳеодосія. „Бѣсы радуются нашему пьянству, восклицаетъ Ѳеодосій, и, радуясь, дьяволы принимаютъ пьянственную жертву отъ пьяницъ“ (Мак., т. II, стр. 16). Правительство князей уже въ XII-мъ столѣтіи вздумало воспользоваться этими пороками для пополненія казны: такъ, уже въ грамотѣ Ростислава смоленскаго, въ половинѣ XII-го вѣка, есть указаніе на корчмы: „а отъ корчмовъ не знаю что получится“, говоритъ грамота (Д. А. И., т. I, № 4).

Если мы вникнемъ въ положеніе этого общества и тѣхъ страшныхъ враговъ, съ которыми оно должно было бороться, какъ невѣжество, безпрестанныя опустошительныя войны, наконецъ, отвращеніе къ земледѣлію и пьянство, то для насъ станетъ понятно, какимъ образомъ у всѣхъ народовъ въ первобытныя времена массы людей стремятся не къ свободѣ, а къ рабству, или состоянію близкому къ нему. Указанныя мною причины существовали и оказали вліяніе не на одинъ нашъ народъ, но на всѣ безразлично первобытныя общества.

Мы знаемъ изъ классической исторіи Греціи и Рима, что первыя страшныя политическія движенія этихъ свободныхъ центровъ имѣли своею причиною чрезмѣрные проценты, которые увлекали въ рабство массу свободнаго народонаселенія. Великій Солонъ и законодатели XII таблицъ начинаютъ отчаянную борьбу съ процентами, какъ источникомъ рабства; ту же самую роль въ нашемъ обществѣ играетъ Владиміръ Мономахъ. Проценты грековъ и римлянъ никогда не были столь ужасны, какъ проценты, о которыхъ знаетъ Русская Правда. Русская Правда дозволяетъ брать въ заемъ нетолько деньги, но и скотъ, хлѣбъ и крупу въ патурѣ и отдавать проценты этими же предметами *). Проценты на эти предметы столь ужасны, что объ нихъ никогда не мечтало испорченное воображеніе какого-нибудь современнаго ростовщика, вѣроятно потому, что въ это время было въ обычаѣ брать землю въ аренду на 12 лѣтъ, и Правда высчитываетъ, сколько должно бы было заплатить чрезъ 12 лѣтъ процентовъ натурою то лицо, которое рѣшилось бы взять хозяйство, состоящее изъ 2 плуговъ земли, 20 овецъ, 2 барановъ, 20 козъ и 2 козловъ, 3 свиней, 2 кобылъ. Проценты высчитываются сообразно естественной плодовитости животныхъ и считается процентъ на процентъ. Такъ, считается, что каждая овца даетъ ежегодно приплодъ въ 12 овецъ, изъ которыхъ въ слѣдующій годъ каждая принесетъ по 12, такъ, что 20 овецъ, по этому разсчету, дадутъ въ 12 лѣтъ 90,000 барановъ и 90,000 овецъ, всего 180,000 штукъ, на сумму 45,055 гривенъ и 40 рѣзаней, а самъ капиталъ въ овцахъ, по этому же расчету, первоначально стоилъ 6 гривенъ и 16 нагатъ; такимъ образомъ, хозяинъ овецъ бралъ при займѣ натурой 200 процентовъ и считалъ проценты на проценты. Точно также 20 козъ давали чрезъ 12 лѣтъ 90,112 козъ и 90,111 козловъ, на сумму 45,053 гривенъ, при той же стоимости капитала въ козахъ и въ овцахъ, то есть въ 6 гривенъ.

---

*) Самое названіе процентовъ словомъ «ростъ» намекаетъ на то, что заемъ скотомъ былъ самымъ древнѣйшимъ.

Три свиньи давали 73,729 свиней, цѣнностью въ 36,684 гривны, но капиталъ въ свиньяхъ въ 1½ гривны. Словомъ, за первоначальный капиталъ въ этихъ продуктахъ, цѣнностью въ 20 гривенъ, арендаторъ чрезъ 12 лѣтъ долженъ заплатить невѣроятный капиталъ въ 116,994 гривны! Сравнительно съ этимъ займомъ въ продуктахъ, заемъ въ деньгахъ былъ еще очень благопріятенъ. Владиміръ Мономахъ установилъ законные годичные проценты въ 10 кунъ на гривну, т. е. 20%, такъ какъ гривна содержала въ себѣ 50 кунъ (см. Ланге, Уг. Гр. Рус. Прав.).

Принимая во вниманіе проценты роста въ продуктахъ, мы можемъ сдѣлать изъ этого два несомнѣнныхъ вывода: во-первыхъ, этимъ несомнѣнно подтверждается страшная дороговизна продуктовъ въ отношеніи цѣнности человѣческаго труда, или человѣка вообще, такъ что эта таблица устраняетъ сразу всякое мечтаніе о необыкновенномъ благосостояніи людей въ первобытныя времена; во-вторыхъ, эта таблица прямо говоритъ всякому свободному человѣку, что никакой свободный наемъ земель со скотомъ и хлѣбомъ невозможенъ и человѣкъ даже долженъ былъ забыть всякія мечты объ этомъ. Я не могу предположить, чтобы эта таблица имѣла когда-либо жизненное значеніе во всемъ своемъ объемѣ, т. е. что когда-либо находились свободные люди, бравшіе такую аренду на двѣнадцать лѣтъ. Рядомъ съ этой таблицей, какбы въ насмѣшку надъ человѣческимъ трудомъ, мы читаемъ: „а женки съ дочерью, тѣмъ страда на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 24 гривенъ кунами"; т. е. въ 12 лѣтъ жена съ дочерью могла пріобрѣсть такой капиталъ, на который можно купить всѣхъ кобылъ, свиней и овецъ, за которыхъ чрезъ 12 лѣтъ нужно заплатить 117,000 гривенъ. Все это несомнѣнно доказываетъ, что никакая свободная аренда въ этомъ обществѣ не могла существовать и человѣкъ долженъ былъ избирать или состояніе полусвободнаго закупа, или раба. Если должникъ не платилъ денегъ и капитала, то онъ превращался въ раба; такъ, свободный человѣкъ, взявшій деньги или скотъ, подъ обезпеченіемъ своей личности, „об-

ращался въ раба, при первомъ покушеніи къ бѣгству, т. е. къ неуплатѣ долга" (Рус. Прав., Троицк. сп., стр. 52). Чтобы показать, что тѣ же самые законы господствовали у всѣхъ первобытныхъ народовъ и въ силу одной и той же причины, т. е. страшной цѣнностью продуктовъ и ничтожества цѣны человѣческаго труда, я укажу на историческіе факты жизни другихъ народовъ въ первобытныя эпохи.

Въ Аѳинахъ, передъ временемъ Солона, свободная поземельная собственность мало-по-малу переходила въ руки большихъ землевладѣльцевъ, успѣвшихъ скопить себѣ капиталъ. „Прежніе свободные собственники, говоритъ Дункеръ, въ большомъ числѣ сдѣлались полукрѣпостными на земляхъ аристократовъ; они обязаны были платить землевладѣльцамъ большій урокъ, чѣмъ спартанскіе илоты, а именно $^5/_6$ всей жатвы, такъ что имъ оставалось лишь одна шестая часть продукта. На земляхъ тѣхъ крестьянъ, которые еще оставались свободными, всюду возвышались каменныя стрѣлы съ именемъ кредитора и количествомъ долга, — простѣйшая форма гипотеки. Весь народъ былъ въ долгу у богатыхъ... Но еще было бланю тѣмъ, которые, какъ должники подъ условіемъ платы въ $^5/_6$ продукта, могли сидѣть какъ поденщики на своихъ земляхъ: жители городовъ, ремесленники, матросы, поденщики могли брать въ долгъ лишь подъ обезпеченіе ихъ тѣла. Если такой земледѣлецъ не платилъ, то онъ долженъ былъ продавать въ рабство своихъ дѣтей, чтобы самому избавиться отъ него" (Dunker, Geschichte des Alterthums, т. IV, стр. 159). Чтобы выйти изъ этого положенія, народъ требовалъ полнаго передѣла собственности и уничтоженія всѣхъ гипотечныхъ законовъ. Что сдѣлалъ Солонъ противъ этого зла и его возобновленія? Во 1-хъ, посредствомъ уменьшенія вѣса монетъ, онъ уменьшилъ долги на 27%, т. е. все равно что уничтожилъ $^{27}/_{100}$ капитала и процентовъ; во 2-хъ, запретилъ долги подъ обезпеченіе жизни должникамъ, т. е. запретилъ продавать за долги въ рабство; въ 3-хъ, запретилъ отцу продавать въ рабство дѣтей; въ 4-хъ, опредѣлилъ наибольшое количество земли, ко-

торое могло имѣть одно лицо; въ 5-хъ, опредѣлилъ узаконенные проценты, вѣроятно въ 12%; въ 6-хъ, запретилъ богатымъ жениться на богатыхъ, и давать большое приданое (Duncker, Gesch., т. IV, стр. 181). Вотъ всѣ мѣры, посредствомъ которыхъ законодатель старался остановить увеличивающееся зло, и едва-ли новый законодатель что-либо могъ придумать болѣе рѣшительное. Знаменитые законы Спарты, цѣль которыхъ видѣли въ осуществленіи идеала военной республики, въ самомъ дѣлѣ могли имѣть лишь тѣ же причины. Уничтоженіе монеты, опредѣленіе участковъ неотчуждаемой земли, опредѣленіе законнаго костюма, общій столъ,—всѣ эти мѣры, предпринятыя законодателемъ для уничтоженія роковаго зла, къ которому стремились всѣ первобытныя общества, т. е. къ раздѣленію народа на два слоя богатыхъ и свободныхъ землевладѣльцевъ, бѣдныхъ и крѣпостныхъ поденьщиковъ въ ихъ земляхъ.

Съ тѣмъ же самымъ зломъ и тѣми же средствами боролись и римскіе законодатели. Римское право было вполнѣ знакомо съ тѣмъ же институтомъ, который знаетъ Русская Правда подъ именемъ закупничества,—это „nexus“. „Nexus, говоритъ Нибуръ, былъ тотъ, который посредствомъ формальной продажи, на основаніи права квиритовъ, т. е. въ присутствіи свидѣтелей, отдавалъ самого себя, слѣдовательно, все то, что ему принадлежало за деньги, которыя онъ бралъ въ займы; формально это была продажа, на дѣлѣ же былъ заемъ съ залогомъ“ (Histoire Romaine, т. I, стр. 541). Когда должникъ не уплачивалъ своего долга, онъ обращался въ рабы вмѣстѣ съ своими дѣтьми (тоже, стр. 544). Противъ этого зла римскіе законодатели боролись такимъ же способомъ; такъ, Кай Лициній Столонъ стремился передѣлить наибольшее число земель, которыя можетъ имѣть одно лицо; опредѣлить закономъ процентъ роста (6—10%) и запретить рабство за долги. Подобные же факты мы находимъ у франковъ, во время царствованія двухъ первыхъ династій. „Самая слабая оцѣнка, говоритъ M-lle Lezardière, количества рабовъ во время господства двухъ первыхъ династій должна предпола-

гать, что рабы составляли $^{9}/_{10}$ населенія всей территоріи. Объясненіе этого страшнаго количества рабовъ не должно искать въ законахъ франковъ. Международное право, которому слѣдовали франки, порабощая нѣмцевъ, дозволяло обратить въ рабы лишь того, кто былъ схваченъ на войнѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Войны, въ теченіе которыхъ были покорены вышеупомянутые народы, были слишкомъ коротки, чтобы можно было предполагать, что франки ими пріобрѣли такое количество рабовъ. Наоборотъ, въ этомъ состояніи находилась Галлія уже до и послѣ завоеванія Юлія Цезаря" (Lois politiques, т. I, стр. 98—100). Такимъ образомъ, причины рабства западнаго европейскаго населенія нужно искать не въ завоеваніи, а въ тѣхъ же чисто-экономическихъ фактахъ. M-lle Lezardière ищетъ его въ первобытномъ порабощеніи, но нужно объяснить это первобытное порабощеніе. Нѣкоторыя цифры цѣнностей, которыя даетъ г-жа Лизардіеръ, въ состояніи легко объяснить его. Въ это время рабъ стоитъ 12 су, а быкъ стоитъ 2 су, т. е. рабъ имѣлъ цѣнность 6-ти быковъ, совершенно столько же, какъ и по Русской Правдѣ (тамъ-же, стр. 90 и 95). Это равенство въ цѣнѣ раба, конечно, указываетъ и на одинаковое ничтожество заработанной платы, потому что цѣна раба опредѣляетъ заработанную плату свободнаго человѣка. Принимая это во вниманіе, $^{9}/_{10}$ французскаго общества сдѣлалось рабами. То же самое явленіе мы находимъ и въ Англіи. Первоначальные англо-саксы были племенами, почти незнавшими рабства; но въ послѣдній періодъ англо-саксонской исторіи свободные землевладѣльцы или Ceorle совершенно исчезли съ лица земли и вся поземельная собственность сосредоточилась въ немногихъ рукахъ богатыхъ собственниковъ земли (Кембль, Die Sachsen in England, т. I, стр. 251).

Изслѣдовавъ всеобщность экономическихъ законовъ первобытныхъ обществъ, обратимся къ законодательству Русской Правды. Я отношу къ законодательству Владиміра Мономаха три важнѣйшія постановленія Русской Правды: уставъ о процентахъ, уставъ о закупничествѣ, и о рабахъ, потому что

эти три рода постановленій вытекали изъ одной и той же причины и клонились къ одной и той же цѣли. Въ нашемъ обществѣ въ XII столѣтіи—то же всеобщее стремленіе къ образованію двухъ классовъ, землевладѣльцевъ и рабовъ, какъ и во всѣхъ первобытныхъ обществахъ. Это стремленіе не могъ оставить безъ вниманія такой свѣтлый и великій умъ и такой характеръ, какъ характеръ Владиміра-Мономаха. Я не могу себѣ представить, чтобы то обожаніе и благоговѣніе къ памяти Владиміра Мономаха, которое мы находимъ у кіевлянъ, положительно отказавшихся „поднять руки на Владимірово племя“, не имѣло своимъ источникомъ какихъ-либо болѣе великихъ заслугъ, чѣмъ его военные подвиги. Изъ 83 походовъ, предпринятыхъ Владиміромъ по его собственному счету, только 20 имѣютъ отношеніе къ половцамъ (Лавр., стр. 104), а слѣдовательно 63 похода были во имя чести княжескихъ интересовъ, а между ними были и такіе, какъ походъ въ Минскъ, при которомъ не было оставлено у врага „ни челядины, ни скотины“. Если даже допустить, что Минскъ былъ крѣпостнымъ городомъ, то въ остальные 63 похода нельзя себѣ представить, чтобы они обошлись совершенно безъ вреда для проходимыхъ земель. Во-вторыхъ, это доказываетъ порядокъ статей въ различныхъ редакціяхъ Русской Правды. Изъ разсмотрѣнныхъ Калачевымъ 50 списковъ, въ шести спискахъ первой редакціи, заключающихъ въ себѣ только законодательства Ярослава и его сыновей, совершенно нѣтъ статей о рѣзѣ, закупничествѣ и холопствѣ. Наоборотъ, во всѣхъ остальныхъ спискахъ, послѣ общаго заглавія: „а я уставилъ Владиміръ князь“, идутъ статьи о лицахъ, которыя участвовали въ составленіи законовъ, и затѣмъ, во всѣхъ спискахъ слѣдуютъ статьи о рѣзѣ (о процентахъ); потомъ въ 33 спискахъ идутъ статьи послѣдовательно, въ одинаковомъ порядкѣ, о куплѣ, о долгѣ и о закупахъ (Прил. Калач., списокъ порядка статей). Эта удивительная послѣдовательность такого множества списковъ, заключающаяся только въ отношеніи этихъ статей, не ясно-ли обнаруживаетъ, что при измѣняемости всего остальнаго, эти

статьи неизмѣнно переписывались съ оригиналовъ и копій, какъ неизмѣняемая старина.

Наконецъ, еще одно важное обстоятельство—это духъ и направленіе вѣка. XII вѣкъ былъ тѣмъ вѣкомъ, когда страсть къ заселенію пустыхъ пространствъ и вообще къ распространенію земледѣльческой культуры была общей. Въ 1103 году, Святополкъ и Владиміръ сошлись въ Доробоскѣ, „сидѣли Святополкъ съ своей дружиной, а Владиміръ съ своей во единомъ шатрѣ. И начали думать; и говоритъ дружина Святополка: не хорошо весной идти на половцевъ: такъ мы погубимъ смердовъ и ихъ поля, конечно потому, что для похода нужно было взять у смердовъ лошадей: такъ ихъ было мало). И сказалъ Владиміръ „дивно мнѣ, дружина, что жалѣете лошадей, которыми долженъ пахать смердъ, а того не вспомните, что придетъ половчанинъ неповиннаго ударитъ смерда стрѣлою, возметъ его лошадь, пойдетъ въ его село и возметъ его жену и дѣтей и все имѣнье? Вы жалѣете лошадь, а самаго смерда не жалѣете“ (Лавр., стр. 118). Эта заботливость дружины объ успѣхахъ жатвы указываетъ на то, какъ стали цѣнить земледѣліе тѣ лица, которыя еще недавно думали только о походахъ и битвахъ. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что въ числѣ этихъ дружинниковъ было уже много богатыхъ землевладѣльцевъ. Но нечего говорить о Владимірѣ Мономахѣ: даже такой поэтъ-мечтатель, какимъ былъ несчастный Василько, думалъ о заселеніи своихъ земель. Когда, послѣ его ослѣпленія, съ нимъ видѣлся лѣтописецъ, онъ говорилъ ему: „по истинѣ навелъ на меня Богъ за мое возвышеніе; пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ берендѣи, печенѣги и торки, и я думалъ: скажу своимъ братьямъ Володарю и Давиду: „дайте мнѣ дружину свою молодшею, а сами пейте и веселитесь, а я зимою наступлю на землю лядскую, а лѣтомъ возьму землю лядскую и отомщу за землю русскую; послѣ я хотѣлъ захватить болгаръ дунайскихъ и посадить ихъ у себя“ (Лавр., стр. 113). Въ Словѣ о полку Игоревѣ поэтъ обращается къ Всеволоду и говоритъ, что когда бы онъ былъ здѣсь, то плѣница была бы по нагатѣ, а плѣникъ по рѣ-

зани" (Рус. Дост. т. III, стр. 149). У всѣхъ князей этого періода мы видимъ богато населенные городки и села. Въ одномъ селѣ у Святослава Ольговича было до 700 челяди; изъ поученія Мономаха мы видимъ, что Минскъ былъ населенъ челядью т. е. рабами. Владиміръ Мономахъ дѣлаетъ наставленіе кіевлянамъ: „когда пойдете по землямъ, не дѣлайте пакости отрокамъ ни своимъ, ни чужимъ, чтобы васъ не проклинали" (Лавр., стр. 102). Вообще, этотъ вѣкъ по справедливости можетъ быть названъ вѣкомъ хозяйства, земледѣлія, и въ этомъ вѣкѣ всего естественнѣе было подумать Мономаху, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ, объ опредѣленіи закономъ отношеній между землевладѣльцами и нанимающимися.

Конечно, переходъ массы народа въ колонистовъ на землѣ бояръ, начался ранѣе временъ Владиміра; политическія событія, со смертію Ярослава, въ высшей степени способствовали этому переходу. Чрезъ три года послѣ смерти Ярослава, въ 1058 г., напали половцы на Русскую землю и побѣдили Всеволода, слѣдовательно опустошили Переяславскую область. Чрезъ девять лѣтъ, въ 1067 г., послѣ этаго набѣга начинается второй; половцы разбили Изяслава, Святослава и Всеволода и опустошили кіевскую область. Въ 1078 г., Олегъ навелъ половцевъ, которые „землѣ русской много зла сотворили и пролили много крови хрестьянской". Въ 1093 году,— новое нашествіе половцевъ, разбившихъ войска великаго князя Святополка, который самъ-третей прибѣжалъ въ Кіевъ. Въ 1094 году, Олегъ пришелъ съ половцами къ Чернигову и все сжегъ около города, не исключая и монастырей. „Се ужъ третье нашествіе поганыхъ на землю русскую, говоритъ лѣтописецъ (онъ опускаетъ менѣе важныя); это Богъ насъ наказываетъ, потому что множество крестьянъ погублено, а другіе полонены и росточены по землямъ". Въ этомъ же году „придоша пруси (т. е. саранча), поѣла всякую траву и много жита". Въ 1096 году половцы едва не овладѣли Кіевомъ и, опустошивъ всѣ его окрестности, сожгли Печерскій монастырь. Въ 1097 году Олегъ поймалъ ростовцевъ, бѣлозерцевъ,

суздальцевъ; однихъ расточилъ (т. е. отдалъ въ рабы), у другихъ отнялъ имѣніе.

Эти опустошительные набѣги половцевъ, а также безконечныя усобицы собственныхъ князей, не могли не повлечь за собою страшнаго обѣднѣнія большинства населенія, которое, не будучи въ состояніи вновь завести собственное хозяйство, по неволѣ стремилось на земли богатыхъ людей, чтобы какъ нибудь найти пропитаніе. Конечно, богатые пользовались силою обстоятельствъ и стремились превратить ихъ въ настоящихъ рабовъ. Въ это время Владиміръ, по настоятельному требованію озлобленныхъ кіевлянъ, грабившихъ дома дружины Святополка, взялъ на себя кормило правленія. Конечно, прежде всего онъ долженъ былъ подумать объ устройствѣ отношеній къ выгодѣ обѣихъ сторонъ. Первое, на что онъ долженъ былъ обратить вниманіе,—это, конечно, законъ о процентахъ. Этотъ законъ былъ направленъ противъ евреевъ, которые тогда, какъ и теперь, занимались ростовщичествомъ, какъ своимъ главнымъ ремесломъ. За это законодательство Владиміръ принялся тогда же. „По Святополкѣ, говоритъ Русская Правда, Владиміръ созвалъ дружину свою на Берестовомъ и установилъ: кто беретъ въ заемъ деньги на треть года, то если онъ возьметъ два раза проценты, то послѣ этого онъ можетъ взять только капиталъ, если же возьметъ три раза проценты, то не долженъ брать капитала. Кто беретъ по 20% на годъ, то считать это законнымъ". Изъ этого постановленія видно, что евреи и собственно капиталисты брали за заемъ на три мѣсяца 40%, а Владиміръ установилъ годовой ростъ лишь въ 20%. Отсюда весьма понятно, что кредиторъ, который взялъ за двѣ трети года по 40%, взялъ, слѣдовательно болѣе чѣмъ 20%; если взять три раза проценты, то въ такомъ случаѣ, онъ взялъ уже капиталъ и 20%, такъ какъ трижды 40% равняется 120%, т. е. капиталу и 20%, а потому ему уже запрещено брать капиталъ. Этотъ законъ даетъ понятіе, какое ужасное ростовщичество было въ Кіевѣ до Владиміра, если ростовщикъ бралъ въ треть по 40%, по прошествіи года бралъ еще ка-

питалъ, т. е. въ одинъ годъ капиталъ его не только удвоился, но онъ получилъ еще сверхъ того 20%!

За этимъ самымъ серьезнымъ дѣломъ Владиміра было — опредѣлить отношенія землевладѣльцевъ къ тѣмъ свободнымъ людямъ, которые, не имѣя имущества, занимали деньги подъ обезпеченіе собственной особы. Самое слово „закупъ", употребляемое въ отношеніи къ этимъ людямъ, указываетъ, что они были уже полупроданы. Трудность закона заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія такимъ образомъ, чтобы обѣ стороны, т. е. землевладѣлецъ и закупъ, были по возможности удовлетворены. Въ первой же статьѣ закона Владиміръ старался опредѣлить эти отношенія:

„Если закупъ бѣжитъ отъ господина, тогда онъ дѣлается круглымъ холопомъ его; но если онъ откровенно пойдетъ къ князю, или къ судьямъ жаловаться на обиды своего господина, или искать передъ судомъ своего имущества, тогда не только не должно его порабощать, но дать ему управу" (Тр. сп., стр. 52).

Статья эта прямо объявляетъ, что смотритъ на закупа какъ на свободнаго человѣка, не подсуднаго господину, вступавшаго съ нимъ только въ опредѣленныя отношенія, въ договоръ; закупъ имѣетъ право сохранить собственное имущество и искать управы въ судѣ. Только въ обезпеченіе господина, въ случаѣ тайнаго бѣгства или явнаго отказа отъ договора, безъ уплаты долга, закупъ наказывался рабствомъ, какъ несостоятельный должникъ, какъ злостный банкротъ. Но защищая интересы господина, законъ еще болѣе защищалъ и закупа; въ одной изъ слѣдующихъ статей законъ постановляетъ, что если господинъ продастъ закупа въ рабы, то не говоря о томъ, что законъ освобождаетъ закупа отъ всѣхъ его обязанностей, — господинъ его долженъ заплатить огромную пѣню въ 12 гривенъ продажи. Законъ, такимъ образомъ, возставалъ всею своею силою противъ злоупотребленія землевладѣльцемъ въ отношеніи несчастнаго, но свободнаго человѣка.

Труднѣе было опредѣлить, за что долженъ отвѣчать закупъ. По слѣдующимъ двумъ статьямъ закупъ отвѣчаетъ: 1) если онъ испортитъ плугъ и борону; 2) если закупъ потеряетъ скотъ на полѣ (по своей безпечности), не загнавъ его на дворъ и не заперевъ тамъ. Но закупъ не отвѣчаетъ: 1) если не устережетъ войскаго коня; 2) если земледѣльческія орудія, данныя ему господиномъ, пропадутъ въ то время, когда его господинъ отошлетъ закупа за своимъ дѣломъ; 3) если пропадетъ скотина, запертая въ хлѣвѣ.

Мысль законодателя въ этихъ двухъ статьяхъ очень опредѣленна: закупъ долженъ отвѣчать только за тѣ предметы, которые прямо вручены ему землевладѣльцемъ, какъ необходимое для его работы: земледѣльческія орудія, скотъ. Сомнительно, что разумѣлось подъ словомъ „войскій конь“? Но, такъ какъ закупъ былъ полусамостоятельный крестьянинъ своего хозяина, боярина-дружинника, то весьма вѣроятно, что въ числѣ другихъ предметовъ, ему поручалось стеречь дорогихъ коней, которыхъ ихъ господинъ употреблялъ во время походовъ; за потерю этихъ коней земледѣлецъ не долженъ отвѣчать, такъ какъ это не входитъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Слѣдующая затѣмъ четвертая статья о закупѣ весьма интересна, потому что стремится опредѣлить экономическія отношенія и обязанности закупа; но, къ сожалѣнію, текстъ написанъ крайне нечетко, или, лучше сказать, въ немъ существуютъ нѣкоторыя старыя слова, не совсѣмъ понятныя. Для пониманія этихъ положеній, не нужно забывать, что отношенія между закупомъ и землевладѣльцемъ, хотя законъ и считалъ закупа свободнымъ, все-таки были патріархальными. Законъ говоритъ: „еслигосподинъ бьетъ закупа за дѣло, то за это не взыскивать съ него; если же бьетъ безъ основанія, будучи пьянъ, то платитъ за обиду, какъ и свободному человѣку“ (Тр. сп., стр. 55), т. е. самъ законъ не возвышался до того, чтобы не допускать никакихъ патріархальныхъ отношеній между закупомъ и хозяиномъ.

Теперь обратимся къ статьямъ, которыми опредѣлялись экономическія отношенія. Вотъ первыя два поло-

женія Правды, по Карамзинскому списку: 1) „оже господинъ пріобидитъ закупа, оувѣдетъ вражду и оуведитъ цѣноу и введетъ вкоупоу его асли отарицоу, то ему все воротити, а за обиду ему платити 60 кунъ"; 2) „аще ли приметъ на немъ кунъ, то опять воротити куны, что будетъ пріялъ, а за обиду ему платити три гривны продажи".

Объяснить эти два положенія будетъ не трудно, если мы вспомнимъ, въ чемъ могли состоять обязанности закупа. Закупъ могъ платить за свой участокъ хозяину небольшое денежное вознагражденіе, такъ какъ еще хазары брали по шелягу отъ плуга; онъ могъ платить извѣстную часть жатвы, какъ это всегда бываетъ въ этихъ отношеніяхъ и, наконецъ, долженъ былъ отдавать часть изъ родившагося скота. По новгородскимъ писцовымъ книгамъ XV столѣтія, крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, платили хозяину отъ 4-хъ до 20-ти денегъ, отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ жатвы и, наконецъ, разные поборы льномъ, масломъ, бараньими лопатками. Но на сѣверѣ никогда такъ не было развито овцеводство, какъ въ Кіевѣ, а потому тамъ не давалась часть поворожденныхъ овецъ. Въ настоящихъ статьяхъ непонятны слова купа и отарица. Но слово „купа" объясняется предшествующими статьями, гдѣ сказано, что земледѣлецъ емлетъ купу отъ плуга и бороны, а потому куна, конечно, означаетъ жатву. „Отарицей" въ Бѣлоруссіи называлось пользованіе плодомъ съ участка, даннаго хозяиномъ; въ Великоруссіи такъ называютъ жатвенный хлѣбъ; въ минской губерніи это слово употребляется въ значеніи господскаго оброка (Зап. И. Ак. Н., т. II, 102). Но слово „отара" имѣетъ и общее значеніе скота, приплода (Словарь Даля), въ какомъ, я полагаю, оно и употреблено здѣсь. Соображая все это, я перевожу такимъ образомъ эти два положенія статьи: 1) если господинъ, обидѣвъ закупа и узнавъ, что онъ питаетъ къ нему вражду (т. е. стремится отомстить за свою обиду, по идеямъ вѣка), самъ, умѣньшивъ денежное вознагражденіе, замѣнитъ его увеличеннымъ требованіемъ жатвы, или части скота, то обязанъ возвратить лишнюю часть жатвы и заплатить за обиду 60 купъ; 2) если

господинъ возьметъ бо́льшее (чѣмъ по условію) денежное вознагражденіе, то обязанъ возвратить лишнее и заплатить за обиду 3 гривны. Обѣ эти статьи, очевидно, предполагаютъ существованіе обычая, устанавливавшаго общую сумму денежнаго вознагражденія, а также обычную часть жатвы. Какую часть жатвы опредѣлялъ обычай,—намъ неизвѣстно, но не болѣе половины, какъ утверждаетъ Уставъ Ярослава о земскихъ дѣлѣхъ, и не менѣе четверти, какъ взималось въ Новгородѣ въ эпоху болѣе благопріятную для крестьянъ. При тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя допускалъ законъ, обидѣть закупа было легко; не нужно забывать, что еще не давно закупъ считалъ себя свободнымъ человѣкомъ, который мстилъ за обиду, что еще не могло сложиться въ обществѣ рабскаго благоговѣнія къ волѣ господъ. Духъ мести еще вполнѣ царилъ въ этомъ обществѣ. Такъ Изяславъ изъ мести сжегъ городокъ у Юрія; Юрій, услыхавъ объ этомъ, сейчасъ же собралъ войско, сказалъ: „сожегъ мой городецъ, то и я отожгу противу“ (Ип., 70). Законъ старался здѣсь предупредить раздоры и обоюдную месть, встать между землевладѣльцемъ и закупомъ.

Наконецъ, въ послѣдней статьѣ закона опредѣляется, что господинъ долженъ былъ отвѣчать за закупа, въ случаѣ если онъ совершитъ воровство; въ такомъ случаѣ, господинъ долженъ заплатить за воровство и превратить закупа въ рабы; а если не хочетъ платить, то обязанъ, продавши закупа, прежде возвратить потерянное хозяину украденной вещи. Эта статья необходимымъ образомъ вытекаетъ изъ условій тогдашняго общества. По законамъ этого времени, свободный человѣкъ, совершившій воровство, долженъ былъ заплатить огромную пѣню въ 12 гривенъ и возвратить вещь. Конечно закупъ должникъ тогда не могъ имѣть такого капитала, какой необходимъ для уплаты такой пѣни; въ этомъ случаѣ, законъ возлагалъ на господина обязанность платить украденное, обративъ закупа въ холопа, или просто возвратить украденное; такимъ образомъ, на господина законъ возлагалъ косвеннымъ образомъ обязанность смотрѣть за заку-

помъ, такъ какъ его собственныя потери онъ ставитъ на второй планъ.

Это законодательство о процентахъ и закупахъ, опредѣлившее эти трудныя отношенія, устранившее всякую возможность эксплуатаціи землевладѣльцами обѣднѣвшихъ свободныхъ людей и возможность безвиннаго превращенія ихъ въ безправныхъ холоповъ, — было величайшимъ благодѣяніемъ, какое княжеская власть могла оказать странѣ. Принимая, кромѣ того, во вниманіе такого заботливаго человѣка, какъ Владиміръ, нужно думать, что законъ его долженъ былъ соблюдаться буквально. Въ своемъ завѣщаніи, Владиміръ даетъ такія наставленія своимъ дѣтямъ: „въ домѣ своемъ не лѣнитесь, а старайтесь все видѣть, не полагайтесь на тивуна или отрока, чтобы не посмѣялись надъ вами пришедшіе на обѣдъ; куда ни пойдете, гдѣ ни остановитесь, всюду напойте и накормите бѣдняка... посѣщайте больныхъ, идите за мертвымъ, такъ какъ всѣ мы смертны; не проходите мимо человѣка, не привѣтствовавъ его добрымъ словомъ. Всего же больше не обижайте сиротъ, сами судите вдовицъ и не давайте сильнымъ обидѣть человѣка“ (Лавр., 102). Принимая во вниманіе это завѣщаніе, въ которомъ такъ живо рисуется гуманный характеръ Владиміра, можно представить себѣ то благоговѣніе, которое возбуждало къ себѣ это чудо вѣка. Но всѣ эти качества его законовъ были бы только домашними добродѣтелями, мало имѣющими значенія для народа, безъ его законовъ; только законы, по которымъ давался судъ во всѣхъ подчиненныхъ ему областяхъ, могли сдѣлать имя его столь популярнымъ въ народѣ. Эта заслуга, по моему мнѣнію, даетъ Владиміру имя великаго законодателя.

Я затрудняюсь, къ какому времени отнести законодательство о холопахъ. Во всѣхъ спискахъ оно значительно отдѣляется отъ статей Русской Правды о процентахъ и закупахъ, такъ что можно сомнѣваться, появились-ли эти законы при Владиміре или послѣ него. По существу Владимірова законодательства, оно было бы неполнымъ, еслибы къ нему не было приложено статей о рабствѣ. Стараясь опре-

дѣлить взаимныя отношенія закуповъ и хозяевъ, чтобы тѣмъ не превращать ихъ произвольно въ рабовъ, Владиміръ долженъ былъ опредѣлить случаи, въ которыхъ свободный человѣкъ дѣлался рабомъ. Во всякомъ случаѣ, постановленіе о холопахъ, если не относить его къ Владиміру, должно было быть сдѣлано вскорѣ послѣ него, какъ необходимое дополненіе его законовъ.

Перейдемъ теперь къ положенію этаго послѣдняго класса русскаго общества,—къ холопамъ. Мы уже говорили выше, что у франковъ, при первыхъ двухъ династіяхъ, $^9/_{10}$ общества состояло изъ рабовъ. Въ Россіи этого времени, если не считать закуповъ въ числѣ рабовъ, количество ихъ должно было быть далеко не столь значительно. Но все же оно должно было значительно превосходить количество свободныхъ людей. Рабы у франковъ раздѣлялись на два класса: колоновъ и рабовъ въ собственномъ смыслѣ. Колоны были рабы, прикрѣпленные къ землѣ, и сидѣли на земляхъ королевскихъ или фиска, и назывались фискалинами колоновъ, принадлежавшихъ церкви и феодаламъ. Наши рабы также дѣлились на три класса: смердовъ, т. е. рабовъ, живущихъ на земляхъ князя; рабовъ, живущихъ на земляхъ бояръ и дружины; рабовъ, бывшихъ обыкновенно челядью, прислугой въ домахъ. Я уже выше старался доказать, что наши смерды были не что иное, какъ фискалины или рабы фиска *) князя. Русская Правда говоритъ объ нихъ потому, что она сама была не что иное, какъ грамота, данная въ руководство княжескимъ тіунамъ; смѣшеніе общихъ интересовъ съ частными было вполнѣ въ духѣ этого времени и общества. По своему количеству, смерды составляли весьма обширный классъ населенія, такъ какъ княжескія села были раскинуты по всему пространству русскихъ владѣній. Это смѣшеніе частнаго и общаго въ одной грамотѣ было очень удобно для князя, который смотрѣлъ на себя болѣе какъ на собствен-

*) Это же мнѣніе высказываетъ и Костомаровъ въ его исторіи единодержавія (см. Вѣстн. Европы, 1871 г.).

ника, собирающаго доходы, чѣмъ какъ на князя-устроителя. Самая Русская Правда есть, въ большинствѣ своихъ статей, не что иное, какъ доходная грамота, опредѣляющая количество и размѣръ взысканій со всѣхъ подданныхъ за совершенныя ими преступленія; въ этой грамотѣ какъ нельзя болѣе умѣстно было постановить и объ отношеніяхъ князя къ его смердамъ, такъ какъ смерды составляли его главную собственность, доставляя ему большіе доходы. Это же самое доказываетъ самый порядокъ статей и общее ихъ заглавіе. Въ спискахъ, разсмотрѣнныхъ Калачовымъ, послѣ общаго заглавія „о княжихъ отрокахъ и епископовыхъ винахъ", слѣдуютъ: 1) статья, требующая за убійство стараго конюха, тіуна огнищнаго 80 гривенъ; затѣмъ, 2) за княжескаго отрока и конюха 40 гривенъ; 3) за сельскаго старосту 12 гривенъ; 4) за ремесленника и ремесленницу 12 гривенъ; 5) за смердьяго холопа 5 гривенъ и за рабу 6 гривенъ. Изъ 50 списковъ, разсмотрѣнныхъ Калачовымъ, этихъ статей недостаетъ только въ шести спискахъ первой редакціи древнѣйшей Правды и въ двухъ спискахъ недостаточныхъ. Во всѣхъ остальныхъ спискахъ онѣ идутъ послѣдовательно, подъ общимъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Этого общаго заглавія недостаетъ только въ одномъ спискѣ и въ двухъ оно читается такъ: „а я о вирахъ же" (Калачевъ, стр. 110, Прилож. соотвѣтств. статей). Что же значитъ это общее заглавіе: „о княжихъ отрокахъ и епископовыхъ винахъ"? Мы видѣли изъ церковнаго устава Ярослава, что церковь защищала тѣхъ, которыхъ не защищали законы гражданскіе, и церковь же наказывала за такія преступленія, о которыхъ не знаетъ гражданскій законъ. Раба, на котораго гражданскій законъ смотрѣлъ какъ на вещь, церковный законъ защищалъ какъ человѣка и христіанина. За раба, по идеямъ того времени и гражданскому закону, хозяинъ его могъ взять лишь опредѣленный урокъ, а церковь наказывала убійцу раба на основаніи великихъ началъ христіанства. Всѣ эти статьи подъ общимъ заглавіемъ говорятъ о вознагражденіи, которое потребуетъ князь за убійство его рабовъ. Я думаю, что даже старый

конюхъ и тіунъ огнищный были рабы, также какъ простой конюхъ и отрокъ, но рабы дорогіе, за которыхъ княжескій урокъ возвышается до двойной виры свободныхъ людей *). Затѣмъ слѣдуютъ уроки за людей меньшей цѣнности, какъ сельскаго тіуна, простаго деревенскаго прикащика въ имѣніи князя, за ремесленника и ремесленницу, раба-кормильца и кормилицу—по 12 гривенъ. Пѣня въ 12 гривенъ, конечно, не вира, а урокъ, потому что обыковенная вира—40 гривенъ, полувира—20 гривенъ, двойная вира 80 гривенъ. Рабъ-кормилецъ есть рабъ-воспитатель. Въ первобытныхъ обществахъ воспитаніе мужчинъ ввѣрялось чаще мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ, и такіе рабы цѣнились высоко. Такой обычай существуетъ у черкесовъ (Klemm, Cultur Gesch.) и существовалъ у насъ; такъ, въ Ипатьевской лѣтописи сказано: „Владиміра не пусти кормилецъ его, зане молодъ бѣ въ то время“ (стр. 6). Наоборотъ, простой смердій холопъ, т. е. земледѣльческій холопъ, цѣнился княземъ въ 5 гривенъ. Въ самомъ словѣ смердъ слышится презрѣніе вольнаго охотника къ тяжелому труду и поту селянина. Такимъ образомъ, вся статья „о княжихъ отрокахъ“ есть не что иное, какъ частное дѣло, внесенное въ общественный законъ. Всѣ эти уроки платились князю, какъ собственнику его рабовъ. Что за рабовъ не платили виръ, а только продажи, объ этомъ прямо говоритъ Русская Правда: „а за холопа и рабу виры нѣтъ, а если будетъ убитъ, то за убитаго заплатить (хозяину) урокъ, а князю продажу“. (Калачевъ, стр. 84). Къ нему же шелъ и огромный урокъ, равняющійся двойной вирѣ, за убійство стараго конюха, какъ видно изъ самой статьи: „а за конюха стараго у стада 80 гривенъ, какъ оцѣнилъ Изяславъ своего конюха, котораго убили дорогобужцы“ (Акад. сп., стр. 21).

Принявъ это положеніе, намъ будетъ совершенно ясна статья о наслѣдствѣ послѣ смерда. „Если смердъ умретъ,

*) Это же мнѣніе высказываетъ и Ланге (Угол. законы Русск. Правды).

то его имущество идетъ князю; если у него будетъ дочь, то дать часть за ней, если она дѣвица, а если замужняя, то ничего не давать (Тронц. сп., стр. 85). Весьма понятно, что князь наслѣдовалъ послѣ своего раба; но было бы совершенно непонятно, еслибы онъ наслѣдовалъ послѣ свободныхъ людей. Что князь въ Русской Правдѣ даетъ часть послѣ умершаго, если остается дочь, то это проистекаетъ изъ простаго добродушія христіанскихъ князей и записано въ грамоту въ силу смѣшенія частнаго интереса съ общимъ. Если же послѣ смерда оставался сынъ, то князь не бралъ у него ничего, потому что онъ вступалъ во владѣніе отца и несъ его оброкъ, какъ и всѣ смерды.

Только въ пяти спискахъ Калачевъ отыскалъ статью, запрещающую смерду мучить смерда „безъ княжа слова“, подъ страхомъ продажи и пѣни обиженному. Эта статья есть не что иное, какъ запрещеніе самосуда, такъ какъ судъ состоялъ въ испытаніи посредствомъ огня и воды. Рѣдкость этой статьи доказываетъ ея позднее происхожденіе; она относится къ XIII или даже къ XIV вѣку, когда стало замѣтно стремленіе государства уничтожить самосуды.

Противъ высказаннаго нами положенія, что смерды были рабами фиска, на основаніи Русской Правды, можно сдѣлать одно возраженіе: 42-я статья, по Карамзинскому списку, находящаяся въ отдѣлѣ подъ общимъ заглавіемъ: „о татьбѣ, уроци скотѣ“, опредѣляя, какую цѣнность воръ долженъ возвратить хозяину вмѣсто украденной вещи, если самой вещи не имѣется у него на лицо, оканчивается весьма замѣчательно: „то ти уроци смердамъ, аже плотятъ княжю продажу“. А между тѣмъ, по статьѣ 42 (Тронц. сп.), холопы, чьи бы они ни были, какъ княжескіе, такъ боярскіе и монастырскіе, какъ несвободные, не платятъ продажи. Но это видимое противорѣчіе разъясняется тѣмъ, что въ XII стол. слово смердъ сдѣлалось общимъ названіемъ земледѣльцевъ. Объ этихъ-то общихъ, свободныхъ смердахъ и говоритъ статья, на что указываетъ и самый смыслъ ея: „это урокъ тѣмъ смердамъ, которые платятъ князю продажу“; слѣдова-

тельно; были смерды, которые не платили продажи князю, какъ его смерды.

Множество рабовъ сидѣли на земляхъ церковныхъ и боярскихъ. Обычай садить купленныхъ рабовъ на земли сохранился въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ, до всеобщаго прикрѣпленія крестьянъ. Причина этого весьма понятна: такъ какъ власть землевладѣльца была безгранична только надъ рабами и онъ могъ отыскивать ихъ всюду, тогда какъ надъ закупами они не имѣли далеко такой власти, то въ интересѣ землевладѣльцевъ было садить на свои земли настоящихъ рабовъ. Въ 1150 году Ростиславъ смоленскій далъ смоленской епископіи огородъ съ капустникомъ, женою и дѣтьми, тетеревскимъ съ женою и дѣтьми; село Ясенское съ бортникомъ, землею и изгоями; село Дросенское съ изгоемъ и землею (Д. А. И., т. I, № 4). Въ концѣ XII столѣтія, преподобный Варлаамъ далъ Хутынскому монастырю землю, пожни, нивы и при нихъ нѣсколько рабовъ (А., № 4). Объ обычаѣ сохранять купленныхъ людей или рабовъ на землѣ, видно изъ нѣсколькихъ грамотъ XV и XVI стол. (см. А. А. Э., т. I, № 31; Д. Р. В. и XVII, стр. 391). Кромѣ того, въ домахъ всѣхъ богатыхъ людей рабы были во множествѣ, какъ домашняя прислуга; у Святослава Ольговича было 700 рабовъ въ его селѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію причинъ рабства и положенія раба въ отношеніи къ господину.

Тѣ же общія причины, которыя служили основаніемъ для образованія многочисленнаго класса закуповъ, вели къ образованію рабства. Не всякому свободному человѣку удавалось найти себѣ мѣсто закупа и онъ тогда поневолѣ шолъ въ рабы. Развитію рабства способствовали какъ привычки вѣка, такъ и взглядъ людей. Тѣ должности, которыя въ настоящее время исполняются свободными людьми, въ то время повѣрялись только рабамъ. Ключникъ въ домѣ или прикащикъ въ деревнѣ были непремѣнно рабы, потому что хозяева не ввѣрили бы такія должности свободнымъ людямъ, съ которыхъ было трудно взыскивать, въ случаѣ неисправности, или

воровства. Этотъ взглядъ продолжался даже до XVI столѣтія, и мы находимъ въ Судебникѣ Ивана IV положеніе, что всякій человѣкъ, державшій въ своемъ домѣ свободную прислугу, которая послѣ совершила воровство, за воровство не можетъ взыскивать: „самъ виноватъ, за чѣмъ держалъ безъ крѣпости“ (Доп. У. къ Суд. А. И., т. I, № 154,). Во-вторыхъ образованію рабства способствовало уголовное и гражданское право этого времени. Первый взглядъ на Русскую Правду можетъ привести къ заключенію, что это было легкое законодательство, которое требовало лишь извѣстной пѣни за всѣ преступленія, начиная съ убійства и воровства и кончая личными обидами. Но, всмотрѣвшись внимательно въ количество этихъ пѣней, должно придти къ совершенно противуположному заключенію. За ударъ рукоятью меча, палкой, чашкой или вообще какимъ-либо тяжелымъ орудіемъ, нужно было заплатить 12 гривенъ, т. е. 12 воловъ; за толчекъ нужно было заплатить 3 гривны и 3 вола. Всякій воръ, кромѣ того, что долженъ возвратить украденное, долженъ заплатить 3 гривны продажи. За убійство, вольное или невольное, нужно было заплатить 40 или 80 гривенъ или воловъ князю, да въ половину такую же пѣню, или по соглашенію съ родственниками убитаго, чтобы освободиться отъ мести. Всѣ эти пѣни, по количеству имущества того времени, были ужасны, и несостоятельные должники, конечно, должны были продаваться въ рабы. Тяжесть этихъ наказаній легко узнается изъ того, что съ теченіемъ времени, не смотря на то, что общество богатѣло, пѣни уменьшались. Такъ, въ договорной грамотѣ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ, онъ имѣлъ право брать только 4-хъ гривенную виру за убійство новгородскаго гражданина (А. А. Э., т. I, № 83). По Псковской судебной грамотѣ, князь тоже бралъ за убійство только 1 рубль виры, а продажа по этой грамотѣ дошла до ничтожной пѣни не болѣе 9 денегъ (Энгельг., Гр. ак., стр. 71, 75).

Развитіе общества и въ древней Руси выразилось въ смягченіи наказанія. Все это даетъ право предполагать, что до варяговъ „продажа“ была не денежной пѣней, а дѣй-

ствительной продажей въ рабы. Теперь, конечно, количество случаевъ продажи уменьшилось,—но все-таки ихъ было довольно и судебныя пѣни, безъ-сомнѣнія, многихъ вели въ рабство. Туда же, безъ сомнѣнія, вели и гражданскіе законы неоплатныхъ должниковъ, и при суровости процентовъ этого времени, они, вѣроятно, доставляли еще болѣе рабовъ, чѣмъ законы уголовные. Законъ Владиміра Мономаха говоритъ: „а кто многимъ долженъ будетъ... то вести его на торгъ и продать". Купецъ, промотавшій или испортившій товаръ, также продавался кредиторами въ рабство (Пр., стр. 50 и 51). Войны съ инородцами, какъ съ половцами, такъ и съ финскими племенами, доставляли огромное число рабовъ; но оставались-ли они въ рабствѣ навсегда, или обмѣнивались—неизвѣстно. Этотъ источникъ я считаю менѣе важнымъ, чѣмъ другой. Необычайно низкія цѣны такихъ рабовъ доказываютъ, что они легко выкупались. Цѣны половецкаго раба по рѣзанѣ, а рабыни по нагатѣ, что видно изъ „Слова о полку Игоревѣ",—могутъ быть объяснены только правомъ обмѣна или выкупа. Точно тѣмъ же можно объяснить и то, что новгородцы продавали суздальца по нагатѣ, т. е. по цѣнѣ дневной платы каменьщика. Такіе рабы были непрочной собственостью, потому что они могли бѣжать подъ защиту своей родины. Въ законахъ царя Константина сказано: „если кто купитъ плѣнника, то долженъ отпустить его за свою цѣну, а если онъ не имѣетъ средствъ, то долженъ ихъ заработать" (Рус. Дост., т. II, стр. 164).

Наконецъ, переходъ отъ свободы къ рабству облегчался начинающими складываться правами общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ первобытномъ родовомъ состояніи человѣкъ гордъ и дорого цѣнитъ свою свободу. „Чувство свободы у американскихъ дикарей въ моментъ прихода европейцевъ было запечатлѣно такъ глубоко, говоритъ Робертсонъ, что казалось никакое измѣненіе общественныхъ условій не могло принудить ихъ къ рабству" (History of Amerika, т. I, стр. 179). Но проходитъ два, три поколѣнія, когда племя дѣлается осѣдлымъ и, вслѣдствіе экономическихъ при-

чинъ, рабство дѣлается дотого всеобщимъ фактомъ, что оно перестаетъ удивлять кого бы то ни было. Человѣкъ спокойно и даже охотно идетъ въ рабы, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе; цѣна рабовъ дѣлается дотого низкой, что ее трудно себѣ представить чѣмъ-нибудь, кромѣ простой формальности, требуемой закономъ. Вотъ законы о холопствѣ по Русской Правдѣ:

1) если кто купитъ раба, хотя бы за полгривны, по предъ свидѣтелями, и нагату даетъ предъ самимъ холопомъ, то онъ дѣлается рабомъ купившаго;

2) если кто возьметъ въ домъ женщину (рабу), а она не заключитъ съ нимъ договора, то она дѣлается рабой; если же заключаетъ договоръ, то поступать согласно договору;

3) если кто сдѣлается тіуномъ или привяжетъ къ себѣ ключъ, не заключивъ предварительнаго договора, то дѣлается рабомъ, а если съ договоромъ, то онъ остается въ своей силѣ (Тр. сп., стр. 102—4).

Весьма замѣчательны вторая и третья изъ приведенныхъ нами статей. Онѣ прямо указываютъ, что рабство сдѣлалось дотого общимъ фактомъ, что всякое жительство въ чужомъ домѣ было уже доказательствомъ рабства. Всякій, живущій въ чужомъ домѣ, считался рабомъ; если онъ хотѣлъ быть свободнымъ, то на его обязанности лежало доказать, что онъ заключилъ договоръ съ домохозяиномъ, или землевладѣльцемъ. Такіе договоры, вѣроятно, были случаемъ исключительнымъ и человѣкъ вообще легко разставался съ свободой. Но изъ этого общаго правила было одно важное исключеніе:

4) а въ дачь не холопъ, говоритъ четвертое положеніе ни по хлѣбѣ работать, ни по придатъцѣ; но оже недоходятъ года, то ворочати ему милость; отходитъ ли, то не виноватъ есть.

Эта статья мѣтко характеризуетъ какъ время, такъ общество и законодательство. При слабой обработкѣ земель въ это время, голодъ былъ ожидаемымъ гостемъ, и гостемъ ужаснымъ. Въ 1127 году въ новгородской области морозъ забиваетъ озимовый хлѣбъ, такъ что лѣтомъ сдѣлался голодъ и осьмина ржи продавалась по полугривнѣ. Понятно, что

наступилъ голодъ, потому что годовая зароботная плата давала лицу всего только полугривну съ осьмины ржи, на что человѣкъ не можетъ быть сытъ. Вотъ почему лѣтопись въ этомъ мѣстѣ говоритъ: „отцы и матери даромъ отдавали своихъ дѣтей (въ рабство) гостямъ; многіе умерли, другіе разбрелись по чужимъ краямъ“. Такіе же голода повторялись въ 1137, 1161, 1170, 1188 и 1215 г. Въ послѣднемъ году голодъ былъ дотого страшенъ, что трупы валялись по всѣмъ улицамъ и собаки не успѣвали поѣдать ихъ: „о горе тогда, братья! восклицаетъ лѣтописецъ, дѣтей своихъ давали одерень“ (въ рабство) (Аристовъ, Промыш. древ. Рус., стр. 28).

Такіе голода, конечно, были рѣдки и не столь ужасны въ южныхъ волостяхъ, пользовавшихся благорастворенным климатомъ и великолѣпной почвой, но они бывали и здѣсь. Но законодатель счелъ возможнымъ уничтожить рабство въ корнѣ за прокормленіе во время голода и обязательство прокармливаемыхъ ограничилъ только годовой работой. Эту статью я перевожу такимъ образомъ: за полную ссуду хлѣба, или за ссуду части хлѣба (недоставшей), или вообще за прокормленіе нельзя порабощать, а получившій ссуду обязанъ или проработать на кредитора годъ, или возвратить ссуду; но онъ во всякое время можетъ отойти отъ кредитора.

Человѣкъ, дѣлаясь рабомъ, переставалъ быть членомъ общества и рода, и дѣлался полной собственностью господина. Его жизнь принадлежала господину и за его смерть только онъ, а не семейство получали урокъ, т. е. обычную цѣну. Государство не защищало вѣрной цѣной жизнь раба: человѣкъ, убивши раба, платилъ въ два раза менѣе за это, чѣмъ за ударъ рукоятью меча свободнаго человѣка. Одна только церковь защищала всѣми оставленнаго, всѣми презираемаго раба. Мы видѣли выше общее заглавіе объ урокахъ за убійство княжескихъ рабовъ: „о княжихъ отроцахъ и епископовыхъ винахъ“. Это заглавіе даетъ поводъ догадываться, что убившій чужаго раба, кромѣ урока его господину, судился судомъ церковнымъ. Но если господинъ самъ убилъ своего раба? Русская Правда не упоминаетъ этаго случая, считая

его яснымъ по сущности дѣла; господинъ, убившій раба, терялъ свою вещь. Уставная двинская грамота 1398 года, прямо дозволяетъ убійство раба своимъ господиномъ (А. А. Э., т. I, стр. 13). Но церковь и здѣсь не оставляла въ покоѣ убійцу: въ древнихъ кормчихъ, въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Законы Царя Константина“, употреблявшемся епископами при судѣ, мы находимъ статью древняго библейскаго права: „если кто ударитъ раба жезломъ и онъ умретъ подъ его рукою, то виновный судится какъ за убійство; но если послѣ этого рабъ проживетъ день или два, то не наказывать господина, такъ какъ рабъ есть его собственность“ (Рус. достопр., т. II, стр. 185). Весьма вѣроятно, что эти законы церковь примѣняла къ убійцамъ рабовъ. Другая статья говоритъ о тяжкихъ побояхъ раба: „если кто вышибетъ рабу глазъ и онъ окривѣетъ, то отпустить его на волю“ (16 стр. 186). Рабъ не имѣлъ чести и былъ существомъ беззащитнымъ. Въ Русской Правдѣ нѣтъ ни одной статьи, наказывавшей за ударъ холопа, но она строго наказываетъ, если осмѣливается ударить холопъ. Ярославъ дозволялъ убить холопа, если онъ осмѣлился ударить свободнаго человѣка. Его сыновья смягчили наказаніе и обязали господина заплатить 12 гривенъ пѣни, если онъ не хочетъ выдать своего холопа; но и эти пѣни не освобождали холопа отъ побоевъ, гдѣ обиженный найдетъ его (Тор. А., 58).

Рабъ не имѣетъ права быть свидѣтелемъ. Русская Правда во всѣхъ спискахъ, исключая первой редакціи, имѣетъ слѣдующую статью: „раба къ свидѣтельству не принимать лишь по нуждѣ можно сослаться на тіуна боярскаго, а въ малой тяжбѣ на закупа“ (К. о С., VII).

Холопъ не имѣлъ никакой собственности, а слѣдовательно въ странѣ, гдѣ всѣ наказанія были денежною пѣней, за него долженъ былъ отвѣчать его господинъ. „Если холопы украдутъ, говоритъ 43 ст. Правды (Кар. сп.), то кому бы они ни принадлежали, князю-ли, боярину-ли, или монастырю, то господа ихъ должны заплатить истцу вдвое болѣе стоимости покраденнаго“.

обманомъ (скрывъ свое состояніе), гдѣ-нибудь задолжалъ, то его господинъ или обязанъ заплатить за него, или лишиться холопа (Кар., ст. 127). Если рабъ въ бѣгахъ займется торговлей, то все, что онъ пріобрѣтетъ, принадлежитъ господину, но онъ же обязанъ заплатить и долги его.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда преступленіе, совершенное рабомъ, возлагало на господина обязанность заплатить большую пѣню, онъ могъ, отказавшись отъ раба, освободиться и отъ платы. Но въ одномъ случаѣ законъ не дозволялъ господину, отказомъ отъ раба, освобождаться отъ отвѣтственности за его дѣянія,—это именно тогда, когда онъ самъ дозволялъ ему открыть торговлю. „Если кто дозволитъ рабу торговать, а рабъ одолжаетъ, то господинъ обязанъ заплатить за него долги и не имѣетъ права отказаться отъ холопа“ (Кар., ст. 180). Очевидно, эта статья создана съ тою цѣлью, чтобы подъ видомъ холопа не занимался торговлею господинъ и не отдѣлывался легкимъ образомъ отъ долговъ.

Ко всему этому я долженъ прибавить, что хотя государство и стремилось защитить свободу людей, но разъ человѣкъ дѣлался холопомъ, оно защищало всею своею силою интересы собственника. За удержаніе и укрывательство бѣглаго раба законъ наказываетъ продажей въ 3 гривны.

ГЛАВА III.

Государственное устройство и управленіе.

Неудача попытокъ устроить центральное правительство для цѣлой Россіи.—Князь и вѣче.—Ихъ взаимныя отношенія.—Должностныя лица.—Участіе общества въ управленіи.—Теорія общинъ, созданная славянофилами, и критика ея.

Русь послѣ Ярослава хотя и составляла страну, имѣющую единство по національности, религіи, управленію одного княжескаго дома, но въ правительственномъ отношеніи это единство почти ничѣмъ не обнаруживалось. Старѣйшинство кіевскаго князя было, какъ мы видѣли, очень слабымъ основаніемъ для подчиненности его братьевъ и племянниковъ. Владиміръ Мономахъ попытался было сдѣлать общій сеймъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, подобно сеймамъ, бывшимъ при Владимірѣ Святомъ; но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, вслѣдствіе презрѣнія, которое питали многіе князья къ мнѣнію общества. На любечскомъ съѣздѣ князья, правда, постановили рѣшать вмѣстѣ дѣла, касающіяся не однѣхъ управляемыхъ ими областей; но это рѣшеніе только разъ было приведено въ дѣло, при ослѣпленіи Василька. На любечскомъ же съѣздѣ, по лѣтописи, мы видимъ дѣйствующими только однихъ князей, а потому едвали можно думать, что въ ихъ заключеніяхъ принимала участіе даже дружина: въ вятичевскомъ съѣздѣ дружина явно участвуетъ, но общество остается въ сторонѣ (Лавр., 108, 116). При той важности и значеніи, которое въ это время несомнѣнно имѣло вѣче городовъ, какое-либо прочное устройство, обнимающее всю Русь, могло состояться лишь тогда, когда бы это рѣшеніе

поддерживало общество. Но князья не считали особенно выгоднымъ для себя такое единство общества, которое бы поставило право выше личной воли и личныхъ интересовъ князей, а общество, въ свою очередь, было слишкомъ молодо и незрѣло, чтобы за личными дѣлами племенъ подумать объ общихъ интересахъ. Можно сказать, что въ этотъ періодъ единство Руси, какъ въ правительственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, не существовало, а каждая волость, каждое племя жило отдѣльною жизнью.

Успѣху удѣльной системы и ея упроченію много способствовали розни племенъ и племенное единство. Въ самомъ дѣлѣ, наши княжества образовались въ тѣхъ же племенныхъ центрахъ, гдѣ, вѣроятно, сосредоточивалось управленіе и во времена до Рюрика. Этими племенными центрами сдѣлались: Кіевъ, Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ, Муромъ и Черниговъ. Но племенное единство, даже и въ древнѣйшее время, не всегда сплачивало племя въ одно управленіе. Родовое устройство способствовало выдѣленію изъ племени и образованію отдѣльнаго цѣлаго для разросшагося колѣна; такъ, кривичи примкнули къ тремъ центрамъ: одному въ Полоцкѣ, другому въ Смоленскѣ, а третьему въ Новгородѣ. Вскорѣ послѣ Рюрика образовалось туровское княжество, слѣдовательно, новый центръ въ племени кривичей. Удѣльная система создала въ старыхъ племенахъ нѣсколько новыхъ центровъ. Подъ 1128 годомъ лѣтопись говоритъ: „того же лѣта послалъ князь Мстиславъ съ братьею своею много кривичи, четырьмя путьми, Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Володимира, Всеволодка изъ Городка, Вячеслава Ярославича изъ Клечьска (Ипат., 11). Вятичи были подѣлены между двумя разными домами: часть ихъ принадлежала Владиміру Давидовичу, часть Юрію Долгорукому (Ипат., стр. 41). Все это должно было значительно видоизмѣнить древній обычай управленія, по которому старые города безусловно управляли своими племенными волостями; ихъ вѣчевыя рѣшенія имѣли для нихъ законодательную силу, по извѣстному положенію, „на чемъ старшіе вздумаютъ, на томъ пригороды стапутъ“. Те-

перь область, на которую могло имѣть вліяніе рѣшеніе главнаго города, должна была совпадать съ тѣми границами, до которыхъ распространялась власть князя. И дѣйствительно, уже въ этотъ періодъ мы видимъ, что прежніе младшіе города дѣйствуютъ совершенно независимо отъ старшихъ и имѣютъ свои вѣча. Такъ, куряне въ 1147 году принимаютъ посадниковъ отъ Юрія (Ипат., стр. 35).

Въ разсматриваемый нами періодъ, въ управленіе князей входитъ новый элементъ, это — вѣче. Нельзя сказать, чтобы само вѣче было новою формою: оно было исконною формою славянъ, какъ и всѣхъ первобытныхъ народовъ. Г. Сергіевичъ (Вѣче и князь) справедливо видитъ вѣче даже на первыхъ страницахъ лѣтописи, какъ въ призваніи князей, такъ и въ отвѣтахъ полянъ хазарамъ: „сдумаше поляне и дали отъ дыма мечъ". Но тѣмъ не менѣе, вѣче не играло важной роли въ царствованіе первыхъ князей, и слабость его вліянія замѣтна при Владимірѣ; но и здѣсь, какъ мы уже говорили прежде, главную роль играло не кіевское вѣче, а скорѣе представители родовъ, собиравшіеся въ Кіевѣ. Причина этаго факта очень понятна: первые князья опирались не на племена, а на свою дружину. Исторія съ Игоремъ какъ нельзя болѣе рѣзко указываетъ, что всѣ ихъ цѣли были въ сборѣ по возможности большей дани. Племена и въ это время имѣли свои вѣча, но ихъ рѣшеніе не имѣло ни малѣйшаго вліянія на князей, которые опирались совершенно на другой элементъ. Порядокъ вещей началъ измѣняться уже со Владиміра, когда онъ завелъ дружину изъ мѣстныхъ элементовъ; но Владиміръ и его сынъ Ярославъ были все-таки всероссійскіе князья, которые могли, по своимъ средствамъ, содержать болѣе или менѣе значительную дружину, съ помощью которой могли подавить неудовольствіе и возстаніе подвластныхъ племенъ. Совсѣмъ въ другія обстоятельства были поставлены князья по смерти Ярослава, когда они сами жили въ племенныхъ центрахъ, съ ихъ ничтожными средствами, и даже дружину свою должны были собирать изъ мѣстныхъ жителей. Я уже говорилъ въ предшествовавшей главѣ, что

князья не могли содержать большой дружины, что ихъ главная сила—младшая дружина или отроки — принадлежала къ тому же населенію и составлялась только въ случаѣ необходимости, по минованіи же ея—распускалась по домамъ. Никакой особенной дисциплины и военнаго строя, который могъ бы поддерживать отдѣльность воиновъ отъ народа, хотя бы они происходили и изъ него же, тогда не существовало. Мнѣніе массы народонаселенія имѣло безусловное вліяніе и на тѣ ея части, изъ которыхъ князья собирали своихъ отроковъ; да еслибы они и успѣли удержать ихъ на службѣ, то, при воинственности всего населенія, эти отроки дали бы имъ слишкомъ мало силы; да и согласились-ли бы они когда-нибудь воевать противъ своихъ отцовъ! Такимъ образомъ, князья, послѣ Ярослава, были поставлены въ полнѣйшую зависимость отъ народонаселенія, и его рѣшеніе должно было имѣть для нихъ безусловную силу. Изъ этого общаго правила было возможно только одно очень важное исключеніе: князь другой волости, какъ, напримѣръ, Юрій Долгорукій, опираясь на дружину своей земли, — мужей другаго племени, могъ сидѣть въ землѣ полянъ и въ Кіевѣ, не будучи любимъ мѣстнымъ населеніемъ и опираясь чисто на силу своей арміи. Юрій Долгорукій, могущій „скупить“ громадную силу въ своихъ областяхъ, является и садится въ Кіевѣ противъ воли жителей; но такое княженіе непрочно, по той простой причинѣ, что у Юрія далеко не хватило бы средствъ постоянно содержать такую большую дружину, и онъ, совершивъ походъ, долженъ распустить ее, а слѣдовательно снова стать въ зависимость отъ народонаселенія. Вся исторія этаго періода служитъ доказательствомъ этого положенія.

Чрезъ десять лѣтъ по смерти Ярослава, въ Кіевѣ совершается революція, которая изгоняетъ старшаго представителя его дома,—явленіе неслыханное и невозможное въ предшествующую эпоху. Подробности этой революціи ясно показываютъ, въ какомъ зависимомъ положеніи отъ народа находился князь.

Въ 1066 году Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ были

побѣждены половцами, которые разсыпались по кіевской области. „Людіе кіевскіе прибѣжали къ Кіеву и сдѣлали вѣче на торговой площади и отправили къ князю пословъ сказать: „вотъ половцы разсыпались по землѣ, дай намъ оружіе и коней, чтобы еще побиться съ ними". На основаніи этого мѣста и, вѣроятно, на основаніи общаго положенія, что земля тянетъ къ городу, г. Сергіевичъ заключаетъ, что „земля была собственностью горожанъ" и этимъ объясняетъ самую революцію (Вѣче и князь, стр. 26 и 27). Но это объясненіе очень шатко и неопредѣленно. Въ какомъ смыслѣ земля принадлежала городу: въ смыслѣ-ли государственнаго или гражданскаго права? Въ смыслѣ государственнаго права она, конечно, принадлежала городу, т. е. въ городѣ составлялись рѣшенія, обязательныя для всей земли; но никогда въ смыслѣ гражданскаго права. Въ городѣ могли жить нѣсколько бояръ, собственниковъ земель внѣ города; но чтобы сказать, что всѣ собственники земли жили въ городѣ, на это мы не имѣемъ данныхъ, да это и не можетъ быть вѣрно. Положеніе, что земля тянетъ къ городу, имѣетъ чисто-государственный смыслъ, т. е., что здѣсь находится центръ управленія. Самая же революція, послѣдовавшая послѣ совѣщанія на площади, объясняется тѣмъ, что въ городѣ было, и вѣроятно очень много, жителей всей территоріи, такъ какъ города въ то время служили убѣжищемъ и мѣстомъ защиты, и эти жители, разумѣется, были заинтересованы въ своемъ имуществѣ, находящемся внѣ города. Начало самой фразы „людіе кіевскіе прибѣжали къ Кіеву", едва-ли означаетъ самихъ жителей Кіева, а не области кіевской, такъ что и сама революція могла быть сдѣлана не собственно кіевлянами, хотя и сами кіевляне, имѣвшіе, конечно, свои пашни внѣ стѣнъ города, были заинтересованы въ защитѣ ихъ отъ опустошенія половцами. Такъ, въ 1096 году половцы опустошили всѣ поля до самыхъ стѣнъ Кіева, даже взяли Печерскій монастырь, хотя самъ Кіевъ и не былъ взятъ (Лавр.).

Итакъ, вѣче высказало свое требованіе Изяславу, но Изяславъ не послушалъ его. „Тогда людіе начали собираться на

воеводу Коснячко (конечно приписывая его вліянію отказъ Изяслава) и пошли съ вѣча на гору, гдѣ былъ дворъ Коснячко, и не нашли его тамъ. Толпа стала у двора Бречислава и сказала: „пойдемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба". Послѣ этого, толпа раздѣлилась надвое: одна половина пошла къ погребу, а другая къ мосту; эта послѣдняя пришла на дворъ князя. Изяславъ тогда сидѣлъ съ своей дружиной на сѣняхъ, къ которымъ и подошла толпа, и начала спорить съ княземъ. Толпа стояла внизу (подъ теремомъ князя) и была видна изъ окошка, изъ котораго, вѣроятно, и разговаривалъ съ нею Изяславъ. Тогда одинъ изъ дружинниковъ, Тукы, братъ Чудинъ (другаго княжескаго дружинника) сказалъ Изяславу: „видишь, князь, какъ люди взбунтовались; пошли, чтобы стерегли Всеслава" (Всеславъ, князь полоцкій, сидѣлъ въ это время въ погребѣ или тюрьмѣ, взятый обманомъ въ плѣнъ). Въ то время, какъ они говорили это, другая половина людей подошла къ погребу (тюрьмѣ) и отворила погребъ... Изяславъ, увидѣвъ это, убѣжалъ со двора, а люди выняли Всеслава изъ погреба и поставили его среди княжескаго двора, а сами разграбили княжескій дворъ, содержащій безчисленное множество серебра и золота кунами и бѣлками" (Лавр., стр. 74).

Эти факты весьма замѣчательны. Во-первыхъ, мы не видимъ около Изяслава никого, кто бы могъ защищать его, кромѣ нѣсколькихъ членовъ передней или старшей дружины. Слово передняя или старшая дружина можетъ обманывать воображеніе, если мы представимъ ее имѣющей какое-либо численное значеніе. Наоборотъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, передняя дружина состояла просто изъ нѣсколькихъ человѣкъ совѣтниковъ или думцевъ князя, за которыми, по преданію, сохранилось слово дружина. Очевидно, что у Изяслава не было никакой опоры, никакого войска, когда совершилась революція. Послѣ, когда Изяславъ снова возвратился въ Кіевъ, его сынъ захватилъ и ослѣпилъ 70 кіевлянъ, которые высадили изъ погреба Всеслава; слѣдовательно, 70 человѣкъ могли совершить подобный переворотъ,

хотя, конечно, эти 70 человѣкъ были только тѣ, которые лично высаживали Всеслава изъ погреба. Весьма замѣчательно, что толпа хотѣла высадить „свою дружину“ изъ погреба; не засадилъ-ли Изяславъ въ погребъ нѣкоторыхъ кіевскихъ бояръ при самомъ началѣ возстанія? Въ этомъ не было бы ничего удивительнаго: въ числѣ лицъ, окружающихъ Изяслава въ это время, мы не находимъ ни одного славянскаго имени: воевода его—Коснячко, совѣтникъ—Тукы. Весьма вѣроятно, что кіевскіе бояре всего болѣе заинтересованные въ возстаніи на половцевъ, такъ какъ ихъ имѣніе могло подвергнуться грабежу, настаивали на новой борьбѣ, и Изяславъ засадилъ ихъ по погребамъ, думая остановить революцію.

Наконецъ, весьма замѣчательна самая цѣль революціи, освобожденіе изъ погреба чужаго князя и поставленіе его на княженіе. Хотя Всеславъ былъ и довольно предпріимчивый человѣкъ, но вся его исторія показываетъ, что онъ не владѣлъ никакими особенными талантами. Кіевляне стремились къ нему не какъ къ извѣстной личности, но просто какъ къ князю. Князь былъ необходимымъ условіемъ, необходимою сущностью управленія; безъ князя не могли сидѣть гораздо болѣе энергическіе и свободолюбивые новгородцы, точно также какъ и другія племена. Подъ 1154 годомъ, лѣтописецъ говоритъ: „кіевляне боялись тогда половцевъ“; тяжко было кіевлянамъ, такъ какъ у нихъ не осталось ни одного князя; и послали кіевляне епископа Даніила къ Изяславу, говоря: „поѣзжай къ намъ, чтобы не взяли насъ половцы“ (Ип., 76). Князь, безпрекословно, какъ начальникъ войска, какъ судья, былъ необходимою пружиною управленія.

Послѣ Изяслава въ Кіевѣ княжилъ Всеволодъ, князь не любимый, который едва не кончилъ революціей; но затѣмъ идутъ любимые князья: Владиміръ, Мстиславъ, Ярополкъ, самый любимый князь-устроитель и его ближайшіе потомки. Во время управленія этихъ князей, между ними и народомъ должно было царить полнѣйшее согласіе: они были любимыми князьями. Я употребляю слово „согласіе“, но при этомъ я не думаю, чтобы между князьями и народомъ существо-

вало соглашеніе посредствомъ вѣчей. Вѣче, во всѣхъ земляхъ, кромѣ Новгорода и, можетъ быть, Полоцка, не было элементомъ, имѣющимъ органически установленное участіе въ управленіи князей; это былъ элементъ въ то время революціонный, только въ крайнихъ случаяхъ выражавшій свою волю. Доказательствомъ этого служатъ многіе фэкты. Во-первыхъ, законодательствомъ князья занимались безъ всякаго участія народа. Такъ, первое дополненіе къ Правдѣ Ярослава, сдѣланное его сыновьями Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, вѣроятно въ 1055 или 1057 годахъ, когда князья, по лѣтописи, были вмѣстѣ, рѣшая раздачу волостей по смерти Вячеслава смоленскаго, или при общемъ рѣшеніи, когда былъ освобожденъ изъ погреба ихъ дядя, Судиславъ. При этомъ опредѣленіи законовъ присутствовали: Коснячко, Никифоръ Кыянинъ, Чудинъ и Никула. Всѣ эти лица были просто членами передней дружины; объ участіи общества или вѣча нѣтъ и рѣчи (Акад. сп.). Точно также Владиміръ свои знаменитые законы издалъ даже не въ Кіевѣ, а въ Берестовѣ, гдѣ онъ собралъ свою дружину, т. е. переднихъ дружинниковъ или думцевъ: Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, Прокопья, бѣлгородскаго тысяцкаго, Станислава, переяславскаго тысяцкаго, Нажира, Мирослава, Ивапка Чудиновича, Олегова мужа. Объ участіи общества, даже о возвѣщеніи на вѣчѣ этихъ законовъ, нѣтъ и помину. Все это весьма понятно, если вспомнимъ, что наши князья для большинства племенъ были элементомъ пришлымъ, не развившимся изъ внутренняго быта, какъ князья грековъ или цари римлянъ. Они падали на жителей сверху, и послѣдніе привыкли имъ повиноваться. Если у большинства племенъ, гдѣ оставались еще свои князья, вѣче долгое время могло имѣть на нихъ вліяніе; то въ Кіевѣ, гдѣ съ 882 по 1054 г. сидѣли, въ теченіе 170 лѣтъ, сильные центральные князья всей Руси, народъ тогда только принималъ участіе, когда его приглашали князья, а слѣдовательно у него не могло сложиться обычая органическаго участія вѣча въ государственныхъ рѣшеніяхъ. Послѣ смерти Ярослава, кіевляне заявили свою волю революціей, но ви-

новниковъ ея постигла страшная кара, въ убійствѣ и ослѣпленіи 70-ти ея главныхъ вожаковъ, и это безропотно должны были снести кіевляне. Затѣмъ эти привилегіи не могли достаться вѣчу при первыхъ сильныхъ князьяхъ, которые слѣдовали обычаю предковъ. Извѣстный отвѣтъ Олега на требованіе Владиміра Мономаха „поряда предъ епископомъ и людьми градскими",—„не хочу подчиниться рѣшеніямъ смердовъ", показывалъ, какъ еще мало въ это время князья цѣнили народную волю и какое малое значеніе они придавали вѣчу.

Точно также за это время очень мало фактовъ указываютъ на участіе вѣча въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, въ администраціи и судѣ. Въ 1178 году, когда половцы побѣдили Всеволода и онъ прибѣжалъ въ Кіевъ, Изяславъ, сжалившись надъ братомъ, „повелѣлъ сбирать вои отъ мала до велика" (Лавр., 86). Здѣсь Изяславъ, по прежнему, рѣшаетъ дѣла собственной властью, безъ всякаго согласія вѣча. Во время другого нашествія половцевъ, при Святополкѣ, послѣдній сталъ дѣйствовать не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, хотя ему и говорили люди смышленые: „не ходи противу, мало у тебя войска".

При Святополкѣ мы видимъ первое обращеніе князя къ вѣчу за совѣтомъ: слѣпить или не слѣпить Василья. Такое обращеніе очень понятно, потому что этимъ поступкомъ Святополкъ вооружалъ противъ себя всѣхъ князей, а слѣдовательно онъ долженъ былъ гдѣ-нибудь искать опоры. Первымъ, дѣйствительно серьезнымъ, рѣшеніемъ вѣча было призваніе на княженіе Владиміра въ 1113 году; но при этомъ замѣчателенъ самый характеръ призванія: кіевляне, какъ разгулявшіяся дѣти, зовутъ Владиміра, грозя учинить въ Кіевѣ такіе грабежи, отъ которыхъ онъ ужаснется. Народъ здѣсь дѣйствуетъ не какъ созпательная, организованная сила, но какъ сила разрушительная, ищущая внѣ себя элементовъ примиренія. Затѣмъ отъ 1113 до 1147 года совсѣмъ неслышно о вѣчахъ.

Точно также за все это время не видно ни малѣйшаго

участія вѣча въ администраціи или судѣ. Въ лѣтописи есть слѣдующее важное мѣсто о княженіи Всеволода Ярославича. „Когда Всеволодъ сидѣлъ въ Кіевѣ, печаль была ему отъ племянниковъ своихъ, которые надоѣдали ему, прося одинъ одной, другой—другой волости; онъ же, „смиривая ихъ", раздѣлялъ имъ волости. Къ этимъ трудамъ и печали присоединились недуги, приспѣла старость, и началъ Всеволодъ пристращаться къ любимцамъ, совѣщаясь съ ними о дѣлахъ. На этотъ порядокъ вещей стала негодовать его старшая дружина (думцы) и народъ, къ которому не стала доходить правда князя; тіуны его стали грабить и продавать людей, а князь и не зналъ объ этомъ въ своей болѣзни." Это мѣсто очевидно указываетъ, что все управленіе князя и судъ заключались въ рукахъ его тіуновъ. Надъ ними единственной грозой былъ самъ князь, который долженъ былъ до всего доходить самъ, смотрѣть за всѣмъ, чтобы не случилось грабежа и притѣсненій. Единственный источникъ правды для народа было личное сношеніе князя съ народомъ; какъ скоро князь заболѣлъ, засѣлъ въ своемъ теремѣ,—ему не откуда было узнать что дѣлается.

Тоже самое доказываетъ и завѣщаніе Владиміра Мономаха. „Всего больше, говоритъ Владиміръ, не забывайте убогихъ, накормите ихъ, сколько будетъ силъ, вдовицу оправдайте сами (онъ предполагаетъ, что вдова непремѣнно будетъ обижена) и не давайте сильнымъ обидѣть человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивать и не повелѣвать убить его" (Лавр., 102). Власть князя и его тіуновъ была неопредѣленна, находя себѣ границу лишь въ доброй волѣ князя и его нравственныхъ правилахъ. Въ 1034 году лѣтопись упоминаетъ, что Давидъ Ростиславичъ захватилъ въ Олемьѣ греческихъ купцовъ и отнялъ у нихъ имущество (Лавр., 88). Ярославъ держалъ 24 года въ тюрьмѣ брата своего Судислава безъ воли суда, по навѣту. Мстиславъ былъ настолько силенъ, что велѣлъ схватить князей Давида, Ростислава и Святослава, посадилъ ихъ на ладьи и отправилъ въ Царьградъ, посадя въ ихъ области своихъ людей (Ип., 15). Само

завѣщаніе Владиміра признаетъ какъ фактъ существованіе у князя власти казнить и миловать. Но не только князья, но и ихъ посадники или даже сборщики имѣли полную власть казнить смертью, какъ это доказываетъ распоряженіе Яна съ волхвами.

Такимъ образомъ, можно сказать, что столѣтіе спустя послѣ Ярослава жители Кіева не принимали никакого участія въ законодательствѣ, судѣ и администраціи. Они были довольны управленіемъ князей и относились къ этому управленію пассивно. Кромѣ двухъ случаевъ, гдѣ упоминается вѣче (революціи и совѣщанія Святополка), едва-ли въ Кіевѣ собирались вѣча. Но съ 1140 года наступаетъ для кіевлянъ другая эпоха. Въ это время въ Кіевѣ сидѣлъ Всеволодъ Ольговичъ, князь черниговскій и, конечно, имѣвшій у себя дружину, набранную изъ черниговцевъ. Такой князь былъ, конечно, вполнѣ независимъ отъ кіевлянъ, т. е. могъ дѣлать что хотѣлъ, не боясь возстанія. Его княженіе не могло особенно нравиться кіевлянамъ, но Всеволодъ Ольговичъ былъ человѣкъ необыкновенно ловкій, предпріимчивый, имѣлъ дружину, на которую могъ положиться, и кіевляне молчали. Но при смерти своей, онъ задумалъ посадить на престолъ брата, а потому созвалъ кіевлянъ и просилъ ихъ присягнуть ему. Они сказали: „принимаемъ“ и поцѣловали ему крестъ, говоря: „ты нашъ князь“, но дѣлали это „лестью“, т. е. вѣроломно (Ип., 22). Этотъ фактъ лучше всего указываетъ, какъ слабо было вѣче при Всеволодѣ, если кіевляне не осмѣливались даже открыто выразить свою волю и согласились на вѣроломство. Но по смерти Всеволода, дѣйствительно начинается явное вліяніе кіевлянъ на дѣла управленія и даже подчиненное отношеніе князя къ вѣчу.

„По смерти Всеволода, говоритъ лѣтописецъ, Игорь созвалъ кіевлянъ на Ярославлѣ дворѣ, гдѣ они снова принесли ему присягу. Но, выйдя оттуда, жители снова остановились у Туревой божницы и послали за Игоремъ, сказавъ: „князь, поѣзжай сюда“. Игорь, взявъ брата своего Святослава, поѣхалъ къ нимъ, но сталъ съ дружиной своей особо, а

на вѣче послалъ только брата Святослава. И начали кіевляне жаловаться на тіуна Всеволода, на Ротшу, и на другаго тіуна вышгородскаго, на Тудора, говоря: „Ротша погубилъ насъ, кіевлянъ, а Тудоръ вышгородцевъ; теперь, князь Святославъ, цѣлуй намъ крестъ и за брата своего, если кто насъ обидитъ, то ты заступишься". Святославъ сказалъ: „я цѣлую крестъ за себя и брата, что не будетъ вамъ никакого насилія; а вотъ вамъ тіунъ, отдаю его на вашу волю". Святославъ сошелъ съ коня и на всемъ этомъ цѣловалъ крестъ кіевлянамъ; кіевляне же, сошедши съ коней, начали говорить: „Пусть будутъ братъ твой и ты князьями" и цѣловали крестъ за себя и съ дѣтьми, чтобы подъ Игоря и Святослава не подкапываться (не льстить).

„Святославъ, взявъ лучшихъ мужей кіевскихъ, отправился съ ними къ брату и сказалъ: „братъ! я на томъ поцѣловалъ крестъ, чтобы тебѣ управлять ими по правдѣ и любить ихъ". Игорь же сошелъ съ коня и поцѣловалъ къ нимъ крестъ *по всей ихъ волѣ*. Кіевляне же устремились грабить Ротшинъ дворъ; Игорь послалъ Святослава съ дружиною, которая едва уняла бунтъ".

Такимъ образомъ, кіевляне достигли въ первый разъ такого значенія, что принудили князя къ присягѣ, заставили его отдать въ свое распоряженіе обвиненнаго въ грабительствѣ тіуна и, слѣдовательно, хотя косвенно, какбы признать за вѣчемъ судебную власть; но все-таки изъ этого не послѣдовало никакого органическаго участія вѣча въ управленіи княжествомъ.

На этомъ дѣло не кончилось. Ольговичи были вообще нелюбимы кіевлянами, которые послали сказать Изяславу: „иди къ намъ, хочемъ тебя". Составляется заговоръ, жертвой котораго дѣлается Игорь. Но кто заговорщики? Передніе мужи его собственной дружины. Уладившись съ кіевлянами и братьями, Игорь позвалъ къ себѣ Глѣба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковскаго и сказалъ имъ: „чѣмъ вы были у брата моего, тѣмъ же будете и у меня"; а Глѣбу сказалъ: „держи ты тысячу, какъ держалъ у брата моего".—Но всекозненный

врагъ діаволъ, говоритъ лѣтописецъ, вложилъ въ сердце злые совѣты Глѣбу Тысяцкому, Ивану Войтишичу, которые, по совѣту съ кіевлянами, послали просить Изяслава".—„Начальники этому заговору, продолжаетъ лѣтописецъ, были, какъ я уже говорилъ, Глѣбъ Тысяцкій, Иванъ Войтишичъ и Лазаръ Саковскій, а въ Святославомъ полку Василій Полочанинъ и Мирославъ Хиличъ внукъ; собравъ вокругъ себя кіевлянъ, они начали думать, какбы имъ избавиться отъ князя. Они рѣшили, что какъ только появится Изяславъ передъ Кіевомъ, тотчасъ, бросивъ знамена Игоря, отойти на его сторону, что они и исполнили" (Ип., стр. 23)

Эта вторая революція замѣчательна тѣмъ, что главными дѣятелями здѣсь выступаютъ передніе члены дружины, по существу дѣла болѣе всѣхъ заинтересованные въ сохраненіи настоящаго порядка. Чѣмъ объяснить это? Конечно, прямое объясненіе этаго страннаго факта заключается въ томъ, что эти ловкіе люди предвидѣли, что Игорь не удержится въ Кіевѣ, а потому участіемъ и даже руководствомъ въ заговорѣ надѣялись сохранить за собой мѣсто на болѣе продолжительное время, чѣмъ они могли надѣяться при Игорѣ. Наконецъ, что еще важнѣе, участіемъ въ заговорѣ они надѣялись пріобрѣсти популярность въ массѣ кіевлянъ. По характеристическимъ фактомъ въ этой исторіи снова является то обстоятельство, что не смотря на то, что вся масса народа и нѣкоторые члены передовой дружины были противъ Игоря, они должны были прибѣгать къ интригамъ, ждать самого Изяслава съ его дружиной, чтобы открыто высказать свою волю. Лишь съ приходомъ Изяслава открыто выразилась давно сдерживаемая злоба кіевлянъ: члены дружины Всеволодовой были похватаны, ихъ села сожжены.

Изяславъ былъ любимѣйшимъ княземъ кіевлянъ, за котораго они много разъ рисковали своими домами и животами. Положеніе Изяслава на кіевскомъ столѣ было непрочно; противъ него былъ сильный дядя его Юрій, князь сѣвера, могшій выставить громадное войско; противъ него были черниговскіе князья и Владиміръ галицкій; слѣдовательно, для

Изяслава единственными шансами успѣха были любовь кіевлянъ и собственная ловкость. Принимая все это во вниманіе, намъ будетъ понятно, что Изяславъ употреблялъ всѣ средства для поддержанія своей популярности. Въ княженіе Изяслава мы дѣйствительно находимъ, что всякій разъ, какъ нужно было рѣшить вопросы о войнѣ или мирѣ, князь прибѣгаетъ къ вѣчу кіевлянъ; вѣче дѣлается, въ отношеніи этихъ вопросовъ, дѣйствительной политической силой. Все это весьма понятно, потому что дѣлу Изяслава могло бы повредить не только неучастіе кіевлянъ, но просто ихъ скрытое недовольство. Но не смотря на полнѣйшее единеніе кіевлянъ съ княземъ, на ловкость и военное дарованіе Изяслава, кіевская область была слишкомъ слаба, чтобы бороться съ силами Юрія Долгорукаго, когда онъ подступалъ съ ними подъ Кіевъ. Противъ этихъ силъ кіевляне могли противупоставить лишь тайное неудовольствіе и ловко веденную интригу и отомстить за себя въ благопріятное время. Чрезъ два года послѣ своего прихода въ Кіевъ, Изяславъ былъ разбитъ, и кіевляне прямо сказали ему: „Господинъ нашъ князь! не губи насъ до конца; вотъ теперь наши братья и сыновья, которые были въ полку, одни изъяты, а другіе избиты и оружья у нихъ отняты, и теперь возьмутъ насъ въ полонъ; поѣзжай лучше въ свои волости, а вѣдь ты знаешь, что намъ съ Юріемъ не ужиться; какъ только мы увидимъ твои знамена, то сейчасъ пойдемъ за тобою“ (Ип., стр. 44).

Изяславъ такъ и сдѣлалъ: отдалъ пока Кіевъ Юрію, а тотъ, разумѣется, долженъ былъ вскорѣ распустить свои дружины, которыя онъ не въ состояніи былъ содержать. Между тѣмъ, Изяславъ, узнавъ, что его желаютъ кіевляне, даже и берендѣи (часть мирныхъ кочевниковъ, принадлежавшихъ къ Кіеву), послалъ также въ Кіевъ сказать: „ничто для меня не любезно такъ, какъ ваша любовь, и я желаю вашего спасенія и здоровья и хочу угождать вамъ во всемъ; я такъ васъ люблю, что готовъ душу свою за васъ положить“ (Нпк., 185). Дѣйствительно, какъ только Изяславъ подступилъ къ Кіеву, Юрій долженъ былъ бѣжать, не полагаясь на кіевлянъ

Изяславъ вышелъ впередъ, собралъ къ себѣ всѣхъ кіевлянъ, цѣловалъ каждаго изъ нихъ поодиночкѣ и говорилъ имъ такъ: „Вы мнѣ отцы и матери, а я вамъ рабъ и должепъ за васъ положить голову свою“. И говоря это, продолжаетъ лѣтописецъ, онъ возвеселилъ и утѣшилъ всѣхъ. Потомъ онъ началъ говорить: „Знаю, что вы больше любите меня, чѣмъ я заслуживаю, и я спрашиваю вашего приказанія, — не хотите-ли, чтобы я пригласилъ сюда моего любезнаго дядю Вячеслава Владиміровича?“ Кіевляне всѣ единогласно сказали: „справедливо ты сдѣлаешь, и для насъ это будетъ пріятно“ (Ник., стр. 186).

Если справедлива эта сцена, сохраненная намъ только въ Никоновской лѣтописи, то она весьма рельефно рисуетъ, что такое идеальный патріархальный князь—созданіе поэтическаго юга. Онъ не заводитъ никакихъ новыхъ учрежденій, новыхъ порядковъ, которые бы болѣе обезпечивали массу отъ злоупотребленій власти, да и сама масса не требуетъ этого. Она вполнѣ удовлетворена, если видитъ, что ея князь всегда равенъ, доступенъ, что къ нему доходятъ всѣ народныя жалобы, что онъ не дастъ никого въ обиду и самъ никого не обидитъ. Безъ всякаго сомнѣнія, что кіевляне добились бы отъ Игоря гораздо болѣе гарантій, обезпечивающихъ прочно ихъ политическую свободу. Игорь былъ уступчивъ, видя свое непрочное положеніе; но не гарантій свободы добивались поляне, а любимаго князя. Я не могу себѣ представить на другомъ мѣстѣ той сцены, которая разыгралась на югѣ, по пріѣздѣ въ Кіевъ Изяслава. Въ то время, какъ смѣлые и скептическіе новгородцы болѣе всего придерживаются грамоты, строго опредѣленныхъ писанныхъ гарантій ихъ конституціи, стремятся захватить въ свои руки судъ и администрацію, опредѣлить границы власти князя,—на югѣ не придаютъ всему этому ни малѣйшаго значенія. На югѣ ищутъ любимаго князя, а съ любимымъ княземъ имъ не нужно никакой конституціи. Если же, паче чаянія, ихъ столомъ овладѣетъ князь нелюбимый, какъ Юрій, они не возстанутъ противъ него открыто, не потребуютъ гарантій своей

свободы; но будутъ тайно интриговать, пересылаться съ любимымъ племенемъ, чтобы снова пріобрѣсти любимаго князя.

По смерти Изяслава и Вячеслава, на столѣ кіевскомъ сѣлъ братъ Изяслава Ростиславъ, на долю котораго выпало продолженіе борьбы съ черниговскими князьями. „Мужи же, говоритъ лѣтописецъ, не давали ему идти въ Черниговъ: говоря: вотъ Богъ взялъ твоего дядю Вячеслава, а ты еще съ людьми не утвердился; поѣзжай въ Кіевъ, утвердись съ людьми, потому что когда придетъ Юрій, а ты съ людьми не утвердился, то тебѣ нельзя будетъ съ нимъ ни воевать, ни мириться". О какомъ утвержденіи здѣсь говоритъ лѣтописецъ? Г. Сергіевичъ предполагаетъ, что за этимъ словомъ скрывается „подробный рядъ", но я вовсе не думаю этого, такъ какъ письменный рядъ былъ не въ духѣ полянъ. Скорѣе всего здѣсь можно разумѣть просто присягу, въ родѣ той, какую давалъ Игорь, т. е. присягу княжить хорошо, не давать кіевлянъ въ обиду тіунамъ и воеводамъ. О подобномъ же рядѣ мы встрѣчаемъ одно мѣсто въ лѣтописи, въ началѣ слѣдующаго періода, когда въ Кіевъ вступилъ сынъ Изяслава, Мстиславъ, „взявъ рядъ съ братіею и съ дружиною и съ кіяны, въ тотъ же день отправился къ Вышгороду и на болонье отъ Днѣпра зажгли дворъ тысяцкаго Давида, и иныхъ дворовъ 7 сгорѣло" (Ип., 96). Я не думаю ошибиться, если скажу, что этотъ рядъ представляетъ замѣчательное сходство съ рядомъ кіевлянъ съ Игоремъ. И тутъ и тамъ одни и тѣ же послѣдствія—самосудъ и грабежъ дворовъ прежнихъ начальниковъ. Мстиславъ принесъ присягу кіевлянамъ и выдалъ имъ головой ихъ недруговъ, какъ это сдѣлалъ и Игорь, а самъ отправился принести такую же присягу вышгородцамъ. Ни о какихъ перемѣнахъ въ порядкѣ управленія, ни о какомъ-либо письменномъ договорѣ здѣсь нельзя и думать, потому что во всей кіевской исторіи нѣтъ и слѣдовъ какихъ-либо политическихъ учрежденій.

Въ какихъ отношеніяхъ князья находились къ племенамъ въ другихъ центрахъ,—объ этомъ мы не имѣемъ свѣденій;

но по отрывкамъ лѣтописцевъ можемъ только сказать, что во всѣхъ центрахъ вѣче имѣло большее или меньшее значеніе, но нигдѣ также, кромѣ Новгорода, о которомъ мы будемъ говорить особо, вѣче не выработалось въ политическую силу, имѣющую органическое участіе въ управленіи.

Общимъ правиломъ для періода было то, что столами въ областяхъ распоряжались князья по рядовымъ счетамъ и договорамъ, или овладѣвали столами съ помощью силы дружины, половцевъ или другихъ союзниковъ, а исключеніемъ, довольно рѣдкимъ, изъ этого правила было самостоятельное проявленіе воли жителей. Такъ, подъ 1095 г. лѣтопись говоритъ, что Изяславъ Владиміровичъ пришелъ изъ Курска въ Муромъ и „пріяше его муромцы, схвативъ посадника Олегова". Но чрезъ годъ является Олегъ, побѣждаетъ Изяслава, и его снова принимаютъ муромцы (Лавр., стр. 98 и 168). Подъ 1139 г. новгородцы выгнали Святослава Ольговича, а смольняне приняли и посадили его у себя. Въ это время нѣсколько выказались всегда апатичные черниговцы: они посовѣтовали своему князю отстать отъ „своего высокоумія и мириться съ Ярополкомъ Владиміровичемъ" (Ип., стр. 15). Въ 1147 г. куряне добровольно подчинились Юрію, отказываясь стоять за Мстислава, сына Изяслава (Ип., стр. 35).

Конечно, недостаточность извѣстій о вѣчахъ въ другихъ центрахъ, какъ кажется, указываетъ, что здѣсь вѣчевая жизнь была далеко слабѣе, чѣмъ даже въ Кіевѣ. Престолами этихъ областей располагаютъ князья Рюрикова дома, не обращая никакого вниманія на жителей, а тѣ смиренно и апатично подчиняются ихъ рѣшеніямъ. Изъ всѣхъ этихъ областныхъ центровъ, только въ одномъ Полоцкѣ вѣче имѣло дѣйствительное значеніе, и лѣтописецъ, какъ ни отдаленъ этотъ городъ отъ Кіева, хорошо знаетъ объ этомъ и заноситъ въ лѣтопись. Такъ, въ 1127 году лѣтопись говоритъ: „полочане, согласившись, выгнали Давыда съ сыновьями и взявши Рогволода (сына Мстислава), пошли къ Мстиславу и просили дать его имъ въ князья. Мстиславъ согласился на это желаніе, и они, взявъ Рогволода, пошли къ Полоцку" (Лавр., стр.

131). Рогволодъ княжилъ здѣсь 15 лѣтъ; потомъ онъ перешелъ въ Переяславль, оставивъ въ Полоцкѣ брата Святополка, но въ 1132 г. полочане выгнали его и посадили Василька Святославича (Лавр., стр. 132). Въ 1151 г. полочане схватили своего князя Рогволода Борисовича и держали его въ великой нуждѣ, а просили къ себѣ другаго князя (Ип., стр. 66). Всѣ эти факты доказываютъ, что въ Полоцкѣ вѣче имѣло дѣйствительную силу; но тамъ, гдѣ лѣтопись ничего не говоритъ объ участіи вѣча, гдѣ столомъ распоряжаются сами князья, было бы, мнѣ кажется, совершенно произвольно предполагать, какъ это думаетъ г. Сергіевичъ, какое бы то ни было значеніе вѣча.

Вотъ все, что можно сказать о вѣчѣ и отношеніи къ нему князя; на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя намъ даетъ лѣтопись. Но, можно спросить далѣе, изъ кого состояло вѣче, какъ оно составляло свои рѣшенія, кто имѣлъ право въ немъ участвовать? Всѣ эти вопросы были бы очень важны и, вѣроятно, для рѣшенія ихъ мы имѣли бы основательныя данныя, еслибы вѣче было организованной силой, имѣющей опредѣленное участіе въ управленіи. Но такъ какъ вѣче не было нигдѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, организованной силой, имѣющей опредѣленное участіе въ управленіи; такъ какъ вліяніе его на дѣла было, такъ сказать, случайное, временное,—то и самое вѣче не имѣло никакой правильной организаціи.

Во-первыхъ, должно сказать, что право голоса на вѣчѣ и вообще право вліянія на рѣшеніе судебъ области имѣли всѣ жители области. Когда, въ 1147 г., жители Кіева послали приглашеніе къ Изяславу и онъ ѣхалъ уже въ Кіевъ, къ нему прислали сказать бѣлгородцы и васильевцы, жители другихъ городовъ кіевской области: „поѣзжай, ты нашъ князь“ (Ип., стр. 23). Вообще, центральный или старѣйшій городъ потому имѣлъ преобладающее вліяніе на судьбу области, что его стѣны въ древности было мѣстомъ сходки всего племени; точно также и теперь, вѣроятно, жители области имѣли право являться на вѣче, какъ объ этомъ мы

положительно знаемъ изъ лѣтописи для жителей областей новгородскихъ.

Во-вторыхъ, нужно сказать, что политическое право могло принадлежать лишь людямъ свободнымъ, но не рабамъ. Рабъ, всѣми презираемый, который не принимался даже въ свидѣтели, конечно, не осмѣлился бы явиться на площадь, гдѣ собирались свободные люди, потому что здѣсь его могли ожидать безнаказанные толчки и побои отъ свободныхъ людей. Имѣли-ли право являться сюда закупы? Весьма сомнительно и даже невѣроятно, потому что въ это время у закупа могли пропасть какія-либо вещи, за которыя онъ по закону долженъ былъ отвѣчать передъ господиномъ, а едва-ли судьи приняли бы въ уваженіе законность такой отлучки. Никоновская лѣтопись, говоря о присутствовавшихъ на вѣчѣ, употребляетъ выраженіе „всѣ мужи кіяны“ (стр. 124). Это выраженіе едвали можно считать простымъ оборотомъ. Слово „мужъ“ у насъ имѣетъ такое же значеніе, какъ на древне-германскомъ слово „baro“, означающее вообще только вполнѣ свободнаго человѣка и въ переносномъ смыслѣ дружинника, имѣющаго самостоятельное значеніе. Слову „мужъ“ противупоставляется естественно слово „отрокъ“, какъ лицо несамостоятельное, можетъ быть, состоящее подъ отцовской властью. Принимая во вниманіе самое развитіе отеческой власти, г. Сергіевичъ предполагаетъ, что на вѣчѣ могли участвовать лишь отцы (Вѣче и князь, стр. 43),—заключеніе, противъ котораго нельзя было бы ничего сказать, еслибы вѣче была сила организованная.

Наконецъ, рѣшенія составлялись на вѣчѣ или единодушно, или же такимъ большинствомъ, противъ котораго меньшинство должно было молчать и смиряться. Г. Сергіевичъ, придающій вообще вѣчу гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ оно имѣло на самомъ дѣлѣ, такъ говоритъ о вѣчевыхъ рѣшеніяхъ: „простого большинства у насъ не было достаточно; у насъ требовалось или единодушное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставило бы смолкнуть разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ

большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, не смотря на противостаніе многочисленнаго меньшинства. Гдѣ же главная сила исполнительная—въ томъ же народѣ, тамъ не можетъ быть достаточно простаго большинства, ибо при простомъ большинствѣ меньшинство такъ еще сильно, что можетъ легко воспротивиться исполненію" (Вѣче и князь, стр. 53). Я совершенно согласенъ съ фактомъ, но не могу согласиться съ его объясненіемъ. Сила, сосредоточенная въ рукахъ единичной власти, конечно могла зависѣть отъ средствъ, которыми располагаетъ князь, но всего болѣе—отъ духа законности, который живетъ въ народѣ, отъ хорошей организаціи самыхъ народныхъ собраній. Безъ этого условія не можетъ быть никакой, прочно организованной свободной политической формы. Недостаткомъ этого условія объясняется то, что даже нашъ Новгородъ, можно сказать, не имѣлъ выработанной конституціи, не смотря на то, что тамъ вѣче было дѣйствительнымъ государемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась политическая власть. Но что же послѣ этого можно сказать о вѣчахъ другихъ центровъ? Это были совершенно безформенныя собранія, въ которыхъ фактическая сила замѣняла право. Такъ, въ 1151 году кіевляне говорятъ князьямъ: „всѣ пойдутъ на войну, кто только можетъ взять въ руки хлудъ; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его".

Въ отношеніи управленія, нужно указать на три рѣзко различные органа: князей, посадниковъ и тіуновъ.

Князья не всегда были самостоятельными и независимыми владѣтелями; дѣти при отцѣ-князѣ, даже иногда младшіе братья при старшихъ, часто играли роль скорѣе ихъ старшихъ посадниковъ, чѣмъ независимыхъ князей. Отцы безпрекословно распоряжались своими князьями-сыновьями, сажали ихъ или выводили изъ волости, указывая, что имъ нужно дѣлать. Лѣтопись даетъ только одинъ примѣръ, когда сынъ, недовольный распоряженіями отца, оставляетъ его и

идетъ къ другому князю: это Ростиславъ, сынъ Юрія. Наоборотъ, не только-князья отцы, но и старшіе братья повелѣваютъ князьями-сыновьями и младшими братьями. Такъ, во время борьбы Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ, въ его арміи участвуютъ всѣ его сыновья, и притомъ съ полками тѣхъ городовъ, которыми они управляли, а главнымъ распорядителемъ арміи былъ Андрей, какъ старшій сынъ (Ип., стр. 63).

Впрочемъ и сыновья безъ волостей иногда замѣняли обязанность воеводъ; такъ, Изяславъ проситъ королей угровъ и ляховъ придти самимъ съ полками, а если не могутъ, то послать полкъ съ младшими братьями своими или съ воеводами (Ип., стр. 41). Очевидно, Изяславъ предполагаетъ такой порядокъ вещей, какой былъ на его родинѣ. Самый рѣзкій примѣръ власти старшаго брата составляетъ Мстиславъ Изяславичъ, который, по лѣтописцу, просто „повелѣлъ“ братьѣ своей идти къ городу Изяславлю и даже опредѣлилъ время похода (Ип., стр. 11). Но эти подчиненія, въ военномъ отношеніи, не даютъ никакого права предполагать какую-либо организованную подчиненность по дѣламъ управленія.

Вторымъ органомъ управленія были посадники. Посадниками назывались не только свободные люди, но самые важные и способные члены передней дружины. Они посылались въ такія области, гдѣ они должны были замѣнять князя. Такъ, подъ 1071 годомъ лѣтопись замѣчаетъ, что Вышгородъ „держалъ“ Чудинъ. Въ 1022 году Всеволодъ сдѣлалъ посадникомъ въ Тмутаракани Ратибора, бывшаго при Владимірѣ Мономахѣ тысяцкимъ въ Кіевѣ. Такіе правители, какъ Чудинъ и Ратиборъ, замѣняли собою настоящихъ князей и потому должны были пользоваться громадными правами. Въ предшествующей главѣ мы замѣтили, что важнѣйшія лица передней дружины наслѣдственно сохраняли свое значеніе и занимали важнѣйшія мѣста; иногда они оставляли службу у одного князя и переходили къ другому. Такія важныя лица, какъ Ратиборъ, имѣли свои дружины (Лавр., стр. 97). Въ городахъ, гдѣ они сидѣли, они замѣняли князя,

т. е. обязаны была защищать городъ, собирали дани и производили судъ. Въ 1046 г. Олегъ, захвативъ ростовскую и муромскую землю, „посажа посадники по городамъ и дани нача брати“. Этими посадниками для сбора даней были подчиненные данники, должностныя лица, которыя здѣсь же упоминаются (Лавр., стр. 168). Каждая такая область, какъ Тмуторакань, Вышгородъ, гдѣ правили намѣстники, распадалась на волости, подъ управленіемъ волостелей. Эти должностныя лица, какъ можно видѣть уже изъ установленій Ярослава, а также самыхъ древнѣйшихъ грамотъ, получали съ управляемыхъ ими волостей разные доходы. По Уставу Ярослава, вирникъ—менѣе важное чиновное лицо—получалъ съѣстные припасы, которые носили названіе „поклона“. Въ это время уже сложился обычай, продолжавшій существовать до XV и даже XVI столѣтія, что при въѣздѣ намѣстника жители его уѣзда являлись къ нему съ поклономъ и приносили при этомъ кто что могъ, какбы стараясь задобрить будущаго судью. Кромѣ того, намѣстникамъ приносили на его содержаніе барановъ, сыры, крупу, солодъ, хлѣбъ, куръ, рыбу и т. д., въ опредѣленной пропорціи, вмѣсто чего онъ могъ получить деньгами уже по Уставу Ярослава. Второй доходъ посадника состоялъ въ извѣстной части тогда громадныхъ судебныхъ пошлинъ. Но дань и прочіе сборы шли, кажется, прямо къ князю.

Кромѣ должностей посадниковъ, для членовъ передней дружины была открыта не менѣе важная и почетная должность тысяцкаго или воеводы. Армія каждаго князя состояла изъ двухъ главныхъ элементовъ: отроковъ и воевъ, или дружины и вооруженныхъ мѣстныхъ жителей, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ полкъ; такъ, говорится въ лѣтописяхъ: „полкъ переяславскій“, „сильный полкъ кіевскій“. Члены передней или старшей дружины назначались начальниками надъ отроками въ отрядахъ полка, но главное начальство надъ всѣмъ земскимъ полкомъ имѣлъ тысяцкій. Такъ, подъ 1084 г. лѣтописецъ замѣчаетъ: „воеводство держаще, кіевскіе тысящи Яневѣ“ (Лавр., стр. 89). Такъ, тысяцкіе или воеводы

были начальниками земскихъ полковъ во всѣхъ городахъ, гдѣ былъ князь.

Третій родъ органовъ управленія были тіуны. Тіуны, какъ мы видѣли выше, были рабами князя,—рабами, урокъ за которыхъ равнялся двойной вирью. Княжескимъ тіунамъ поручалось управленіе даже цѣлой областью, но, разумѣется сами тіуны, въ отношеніи князя, оставались не самостоятельными лицами, какъ члены передней дружины, которымъ поручались посадничество, но простымъ орудіемъ для сбора доходовъ отъ суда и даней. При Всеволодѣ Ольговичѣ тіуны управляли Кіевомъ и Вышгородомъ. Въ лѣтописи постоянно слышатся жалобы на злоупотребленіе властью тіунами, но нѣтъ жалобы на посадниковъ. Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что тіуны не получали отъ князей значительнаго содержанія, какъ посадники, и старались собственнымъ плутовствомъ скопить себѣ деньги.

До сихъ поръ мы видимъ, что главную дѣйствующую роль въ государственной организаціи того времени принимали князь и его чиновники. Но какое участіе принимало само общество въ правительственной дѣятельности? Участіе общества въ управленіи могло быть двоякое: всѣ свободные люди въ цѣломъ, какъ члены вѣча, имѣли, какъ мы видѣли, извѣстное вліяніе на ходъ дѣлъ; но, кромѣ этого общаго участія, могло быть частное: въ каждой отдѣльной волости, рядомъ съ правительственнымъ чиновникомъ, могли быть выборные члены волости, въ лицѣ старостъ или сотскихъ. Словомъ, рядомъ съ государственными органами могли существовать общественные, рядомъ съ государствомъ—общины. Но существовали-ли въ это время эти общины, рядомъ съ правительственными лицами, объ этомъ нѣтъ данныхъ. Но судя потому, что во время Ярослава существовали старосты, что предполагаетъ общину, а затѣмъ въ XIV столѣтіи мы снова находимъ сотскихъ и старостъ, какъ представителей волостей (см. А. А. Э., т. I, № 5; С. Г. Г. и Д., т I, № 1), можно предполагать, что они существовали и въ этотъ промежутокъ времени съ XI до XIV столѣтія. Но если въ волостяхъ, ря-

домъ съ правительственными волостелями, которые пріобрѣли судебную власть, и существовали старосты и сотскіе, то ихъ функціи ограничивались лишь нѣкоторыми полицейскими обязанностями и, можетъ быть, нѣкоторымъ участіемъ въ судѣ, сборомъ даней, но и то не всегда, такъ какъ для этого существовали данщики Внѣ этихъ вопросовъ, едвали общины и ихъ представители имѣли какое-либо другое, въ особенности экономическое значеніе. При томъ богатствѣ земель и ничтожности народонаселенія, едва-ли можно повѣрить, чтобы общины распредѣляли земли, какъ это было въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, когда громадная масса земель отошла къ церкви, къ боярамъ, и всѣ остальныя земли стали считаться принадлежностью государства, а отсюда вытекла необходимость разграничить эти земли и отдѣлить принадлежавшія церкви, частнымъ лицамъ и двору отъ земель, заселенныхъ свободными людьми. Въ настоящее время, когда общество едва образуется, ловкіе люди успѣли захватить столько земель, сколько они могутъ обработать. Лица, не вступавшія ни въ какія отношенія съ другими, считаются свободными, какъ и ихъ земли. Тѣ же, которыя чрезъ закупничество переходятъ въ крѣпость, влекутъ за собою и земли. Я склоненъ думать, что самое количество свободныхъ земель, какъ и свободныхъ людей, въ эту эпоху постоянно уменьшалось. Еслибъ этотъ порядокъ вещей продолжался и государство не воспротивилось естественному ходу вещей, то во всей Россіи свободныя сельскія общины исчезли бы, какъ они дѣйствительно исчезли въ Новгородѣ. Разверните новгородскія писцовыя книги, и вы не найдете въ цѣлыхъ пятинахъ ни одной сельской общины; кромѣ нѣсколькихъ владѣльныхъ лицъ или своеземцевъ, вся земля въ пятинахъ принадлежитъ или церкви, или землевладѣльцамъ. Въ новомъ родѣ, гдѣ княжеская власть ни вылилась въ естественный родъ вещей, свободныя земли исчезли. Въ остальной Россіи этотъ естественный порядокъ вещей былъ остановленъ княжескою властью въ XIV столѣтіи. Въ договорной грамотѣ 1381 года, мы встрѣчаемъ слѣдующее необыкновенно важное постановленіе: „а кто по-

купалъ земли, данныя служни или черныхъ людей, во время жизни отца моего великаго князя, тѣ пусть ее выкупятъ, если могутъ выкупить, а не могутъ выкупить, то пусть потянутъ съ черными людьми" (С. Г. Г. Д., № 33). Эта грамота доказываетъ, что еще въ первой и даже отчасти второй половинѣ XIV вѣка „земли данныя" продавались. Что такое земли данныя? Конечно, всѣ земли, съ которыхъ сбиралась дань, т. е. всѣ, за исключеніемъ земель церковныхъ и боярскихъ, словомъ, тѣ земли, которыя впослѣдствіи стали называться *черными* *). Кто же ихъ продавалъ и у кого ихъ нужно выкупить? Продавали ихъ крестьяне, а выкупать ихъ нужно было у государства. Какъ скоро государство стало проповѣдывать, что черныя земли есть его собственность, оно, понятно, не дозволяло ихъ продажу крестьянамъ. Этотъ великій переворотъ совершился во второй половинѣ XIV столѣтія. До этого времени, слѣдовательно, земля считалась принадлежностью того, кто ея обработывалъ. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, наша политическая община, въ смыслѣ области, имѣла ограниченное, какъ мы видѣли, политическое вліяніе, а волостныя и сельскія общины имѣли малое значеніе въ мѣстномъ управленіи. Но, какъ для значенія нашей общины въ политическомъ смыслѣ, такъ и для значенія ея въ смыслѣ экономическомъ, существуетъ цѣлая стройная теорія, извѣстная подъ названіемъ „славянофильской", то я и хочу нѣсколько остановиться и разсмотрѣть эту теорію.

По моему глубокому убѣжденію, славянофильской школѣ русская историческая наука обязана очень многимъ, а самое главное—стремленіемъ найти особые самостоятельные законы для развитія нашей исторіи. Славянофилы старались найти въ нашей исторіи особенности нашего національнаго духа—стремленіе, заслуживающее глубокаго уваженія. Но при этомъ они впали въ крайность и стали искать этой особенности

*) Самое раздѣленіе земель на бѣлыя и черныя произошло, кажется, подъ вліяніемъ монголовъ. У монголовъ земли дѣлились на черныя—данныя и бѣлыя—свободныя отъ дани.

въ общинѣ—слово, получившее въ этой школѣ самое неопредѣленное и растяжимое понятіе. Разсмотримъ эти понятія, какъ ихъ выработали два главные представителя школы, г. Аксаковъ и Кирѣевскій. „Въ Россіи, говоритъ Аксаковъ, земля призываетъ государство въ лицѣ князей Рюрикова дома".—„Призваніе было добровольное, говоритъ онъ далѣе, земля и государство не смѣшивались, а раздѣльно стали въ союзъ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означались уже отношенія земли и государства—взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія. Такъ начинается русская исторія. Двѣ силы въ ея основаніи, два двигателя и условія во всей русской исторіи: земля и государство" (стр. 4). „Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ, а потому вражда—ихъ начало; въ Россіи же власть явилась какъ званый гость, а потому добровольность, свобода, миръ. Западъ изъ состоянія рабства переходитъ въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею; Россія же постоянно хранитъ свободно признанную власть и не унижается предъ идоломъ бунта. Намъ скажутъ, восклицаетъ онъ, нужна гарантія этой свободы. Гарантія не нужна. Гарантія есть зло, отвѣчаетъ онъ; гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощію зла (стр. 8). „Но хотя русскіе сами призвали государство, однако у нихъ государство играетъ совершенно особую роль, чѣмъ въ западной Европѣ. Государь у насъ былъ защитникъ, хранитель земли, а народъ, *подъ верховною властію, управлялся самъ собою*" (стр. 13). Весьма любопытно, въ чемъ же заключается эта оригинальность отношеній между землею и государствомъ. „Внѣшняя правда — государству, внутренняя правда—землѣ; неограниченная власть — царю, полная свобода жизни и духа — народу; свобода дѣйствія и закона — царю, свобода мнѣнія и слова —народу" (стр. 276). „Право духовной свободы, другими словами, свобода мысли и слова, есть неотъемлемое право земли: только при немъ — ника-

кихъ правъ политическихъ она не хочетъ, предоставляя государству неограниченную власть политическую. Сила нравственная, это свобода мысли и слова, есть элементъ, въ которомъ живетъ и движется земля, при которомъ только она отказывается отъ всякой политической свободы" (тамъ-же). „Западъ, говоритъ Аксаковъ, весь пропитнутъ ложью внутренней, фразой и эффектомъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного краснваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какимъ поражаетъ и увлекаетъ насъ исторія запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не бо́льшую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея — и нѣтъ у насъ... Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно бо́льша́я и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрастная доблесть. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на русскій народъ и его исторію. Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ" (стр. 18). „Исторія русскаго народа, говоритъ онъ дальше, есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа, христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни" (стр. 19). Но это христіанское стремленіе, въ которомъ, по мнѣнію г. Аксакова, выказывается индивидуальность русскаго духа, не могло еще объяснить удовлетворительно недостатка индивидуальной дѣятельности, потому что смиреніе совершаетъ дѣла, но только не хвалится ими. Тогда г. Аксаковъ призываетъ на помощь общину, и все объяснилось... „Община, говоритъ онъ, есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей, и являющихъ общее ихъ согласіе: это дѣйствіе любви, высокое дѣйствіе христіанское, болѣе или менѣе выражающееся въ разныхъ своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ, такимъ образомъ, нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ: такъ и въ общинѣ не теряется личность,

но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей" (стр. 292). Другой недостатокъ нашего политическаго строя, какъ я уже замѣтилъ, есть отсутствіе законности, строго формализованаго права и обязанности личности; но и это ничего. Община же стала, служить въ родѣ жизненнаго элексира, вылечивающаго отъ всѣхъ болѣзней. Вотъ эта-то община, по мнѣнію г. Аксакова, является хранительницей правды внутренней, въ противуположность правдѣ внѣшней, представляемой государствомъ.

„Не силою принужденія, говоритъ г. Кирѣевскій, но силою жизни самой уничтожается все противорѣчащее истинѣ, дается мѣра и строй всему... какъ бы ни падала община, ставшая на этотъ путь, но, вѣруя въ силу жизни, она высока уже этою самою вѣрою,—и всегда возможна для нее высокая гарантія нравственныхъ силъ" (стр. 2). „Въ государствѣ же, наоборотъ, правда внѣшняя. Все формулируется. Но прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни... давая человѣку возможность опираться на законъ, вооруженной принудительной силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ положенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія. Это путь внѣшней правды, путь государства. Этимъ путемъ двинулось западное человѣчество" (стр. 3). „Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, говоритъ онъ дальше, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли Русской разсѣянныхъ и имѣющихъ, каждая въ извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ; эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, большія согласія, которыя, въ свою очередь, составляютъ согласія областныя и, наконецъ,

племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей Русской земли" (т. II, стр. 264). „Эта община, съ своей внутренней правдой, идетъ чрезъ всю русскую исторію рядомъ съ государемъ, представителемъ правды внѣшней. Въ самомъ началѣ русской исторіи, посредствомъ такого общиннаго совѣщанія были призваны князья. Потомъ, когда цѣлый родъ Рюриковъ княжилъ въ Россіи, когда князья этого рода безпрестанно переходили изъ города въ городъ, — въ каждомъ городѣ видимъ мы вѣче, совѣщанія. Когда Русская земля сплотилась въ одно цѣлое — являются земскіе соборы, какъ представители всероссійской общины. Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою Русскою землею, какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро великій князь московскій сталъ царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой Русской землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство, а между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная" (т. I, стр. 150).

Вотъ цѣльная теорія древне-русской жизни, которой славянофильство пыталось послужить русскому самосознанію. Цѣль благородная, достойная подражанія, но какъ далеко выполненіе отъ великости задачи! Можетъ-ли мыслящій человѣкъ, нежелающій добровольно обманывать себя, чувствовать себя удовлетвореннымъ въ этомъ идеальномъ образѣ, не говоря уже о вѣрности его исторической жизни?

Начнемъ разборъ самой теоріи. Основаніе ея заключается въ противуположности между землей и государствомъ. Такая противоположность, или, по крайней мѣрѣ, различіе, безъ сомнѣнія существуетъ, но существуетъ въ жизни всѣхъ народовъ, а не у насъ только. Но рядомъ съ различіемъ всегда существуетъ и связь, иначе государство было бы какой-то безсодержательной формой.

Общество всегда служитъ представителемъ прогресса, средой, въ которой развивается народная мысль. Государство, въ своемъ содержаніи и формахъ, всегда представляетъ идею не настоящаго, но прошлаго момента созрѣвшей народной массы. Въ этомъ заключается и разнообразіе общественной и государственной функціи, и связь ихъ между собою. Понимать общество и государство, какъ двѣ рядомъ существующія силы, которыя одна съ другой не сообщаются, — значитъ лишить смысла и общество, и государство. Нечего и доказывать, что всякая сознанная потребность, какъ у насъ, такъ и вездѣ, выражалась и въ государственномъ институтѣ, что государство было всегда вѣрнымъ отразителемъ идей общества. Въ здоровой и хорошо организованной политической жизни, государство и общество находятся въ постоянномъ обмѣнѣ идей и стремленій. Если эта связь слаба, если общество живетъ отдѣльно отъ государства, то это еще лишь недостатокъ политической организаціи, а ни какъ не національной особенности. Такъ, въ Новгородѣ, гдѣ политическая организація была болѣе развита, общество принимало въ государствѣ не пассивное, а активное участіе и вовсе не думало, оставляя себѣ „мнѣніе“, предоставлять государству „дѣло“. И на чемъ, спрашивается, покоится эта идея? на добровольномъ призваніи князей, по разсказу Нестора, и отсутствіи завоеванія. По моему мнѣнію, это лучшее доказательство именно несуществованія никакой противуположности, въ особенности у насъ, между обществомъ и государствомъ. Я могу еще понять такую противуположность, напримѣръ, въ Англіи, въ періодѣ норманскаго завоеванія, до сліянія норманновъ съ англо-саксами въ одну націю; но на чемъ можетъ основываться такая противуположность у насъ? Варяжскія дружины были слишкомъ малочисленны и очень рано, при Владимірѣ, онѣ уже сдѣлались почти славянскими, такъ что вліяніе варяговъ почти незамѣтно: его нужно отыскивать съ чрезвычайнымъ вниманіемъ въ лѣтописи и древнемъ законодательствѣ, но въ жизни не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ его; если же чрезъ столѣтіе и дружина и об-

щество состояло изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, были представителями одной и той же національности, одного и того же народнаго духа,—то спрашивается, гдѣ же эта противоположность? Если же искать ее въ слабости вѣча вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова; то мнѣ кажется, это вовсе не особенность формы, а недоразвитость жизни. Что касается до такъ-называемой добровольности призванія варяговъ, то это опять-таки теорія, основанная на самыхъ шаткихъ доказательствахъ. Во-первыхъ, варяги были призваны только племенами, жившими близъ Ильменскаго озера, а всѣ остальныя славянскія племена были завоеваны, и завоеваны съ упорствомъ. Россія весьма скоро распалась на удѣлы, главнѣйшимъ основаніемъ которыхъ, вѣроятно, было отсутствіе, еще невыработанность цѣлой, единой національности. Почти всѣ народы въ первоначальную исторію проходятъ два момента развитія: моментъ княжескій и моментъ королевскій или царскій. Очень вѣроятно, что княжество есть представитель племеннаго разнообразія, тогда какъ царство или королевство есть представитель національнаго единства. Исторія Франціи, Англіи, Германіи, Россіи, Литвы, Польши, представляетъ оба эти момента. Когда началась наша исторія, у насъ еще не было велико-русскаго племени, которое составляетъ теперь основу государства; когда образовалась Франція, еще не было французской націи, которая теперь даетъ физіономію французскому государству. Идея единой Россіи, не въ сознаніи только Рюрикова дома, но въ сознаніи членовъ русскаго общества, возникла далеко позднѣе призванія варяговъ, а потому теорія добровольнаго призванія русскимъ народомъ варяговъ лишена основанія, по той простой причинѣ, что тогда не было русскаго народа, въ томъ смыслѣ, какъ это мы теперь понимаемъ. Быстрота объединенія, совершонная князьями перваго періода, можетъ, мнѣ кажется, этимъ указать слабость племенъ, недостатокъ въ нихъ духа предпріимчивости и воинственности, чѣмъ отличались кіевляне или вообще поляне и въ этотъ періодъ. А самое призваніе чуждыхъ князей, если можетъ служить къ чему-либо, то развѣ

къ доказательству недостатка общинности, въ смыслѣ, придаваемомъ этому славянофилами, потому что они кажется призвали оттого, что не могли согласиться выбрать себѣ представителя изъ своей народности.

Еще менѣе исторической основательности и правды имѣетъ вторая теорія славянскаго благодушія и довѣрчивости, при которой государство завѣдывало у насъ внѣшними дѣлами, а мысль предоставляло народу. Во-первыхъ, въ древнѣйшемъ періодѣ нашей жизни нѣтъ даже никакого подобія этому, потому что въ древнихъ княжествахъ народъ принималъ не только совѣщательное участіе, но весьма дѣятельную роль въ дѣлахъ государства. Свою мысль онъ самъ же и приводилъ въ исполненіе. Земскія думы, явившіяся вмѣстѣ съ единствомъ государства и объединившей его царской властью, принадлежатъ къ явленіямъ иного порядка. Здѣсь, дѣйствительно, мы видимъ самодержавную власть дѣятельною, а общество только имѣющимъ право совѣщательнаго голоса. Но чтоже изъ этого слѣдуетъ? Развѣ такіе соборы составляютъ исключительную особенность Россіи? Развѣ Франція, Англія и Германія не имѣли также времени, когда ихъ парламенты имѣли только совѣщательное право? Совѣщательное собраніе—это просто неразвившійся парламентъ, въ которымъ одинъ элементъ имѣетъ подавляющую силу, тогда какъ другой слабъ и бѣденъ. Я не понимаю, почему нужно искать мистическаго объясненія этому явленію, выводить его изъ духа національности, тогда какъ оно объясняется общечеловѣческими законами. Вездѣ въ Европѣ, при переходѣ изъ княжескаго момента развитія, мы видимъ возникновеніе сильной центральной власти, въ которой вновь образовавшійся народъ воплощаетъ сознанное имъ единство. Въ началѣ, когда власть имѣетъ множество задачъ, а общество только начинаетъ, жить, очень естественно, что тотъ элементъ, или та власть, которая одна можетъ выполнить сознаваемыя обществомъ задачи, и беретъ перевѣсъ, приглашая общество къ совѣщанію.

Третья славянофильская теорія, представленная какъ индивидуальность русскаго духа, была теорія особаго характера

общины. Не было, мнѣ кажется, на свѣтѣ теоріи болѣе таинственной и темной, чѣмъ эта теорія, которая потому-то и сдѣлалась талисманомъ отъ всѣхъ золъ. По теоріи г. Кирѣевскаго, у насъ были общины мѣстныя, мѣстныя входили въ общины областныя, областныя—въ всероссійскую общину. Но спрашивается, чѣмъ понятіе всероссійской общины разнится отъ понятія русскаго народа? Или это вещи однозначащія, или всероссійская община, стоящая внѣ русскаго народа, есть миѳъ. А всероссійская община идентичная съ народомъ, не есть оригинальность, потому что въ этомъ смыслѣ можно сказать: французская община, англійская община. Община областная имѣетъ за себя болѣе основательности. Въ XVI столѣтіи мы дѣйствительно находимъ, что само государство стремится повсюду образовать общины, которымъ оно передаетъ большую часть правительственныхъ функцій. Но въ этомъ смыслѣ областная община есть административный округъ, въ которомъ мѣстнымъ жителямъ предоставляется въ извѣстномъ кругѣ самоуправленіе. Въ этомъ смыслѣ и наша община представляла зародыши самоуправленія, которые однако скоро погибли, тогда какъ на англійской почвѣ они достигли зрѣлости и процвѣтанія. Но, по моему мнѣнію, славянофилы совершенно вѣрно отмѣтили, какъ особенность русскаго народа,—стремленіе управлять посредствомъ выборныхъ представителей, а не посредствомъ независимыхъ отъ общества органовъ государства. Въ XVI столѣтіи и въ настоящее великое царствованіе само государство возвращаетъ обществу самоуправленіе. Но въ обоихъ случаяхъ государство предоставляло не пассивное только, посредствомъ мнѣній, участіе въ дѣлахъ, но настоящее, активное. Что же касается, наконецъ, до указываемаго и нами факта неопредѣленности отношеній личности къ обществу, въ силу, котораго общество или вѣче силой принуждало лицо покориться, то отсюда только можно вывести, что всякая неопредѣленность отношеній ведетъ къ злоупотребленію власти, къ деспотизму одной сильной стороны. Общество, въ которомъ отношеніе единицы къ цѣлому опредѣлено, есть не общество

юридически и политически неразвитое. Я думаю, что всякій человѣкъ промѣняетъ внутреннюю правду общины на болѣе узкую, но строго формулированную правду закона, предоставляющую лицу извѣстный кругъ правъ, которыхъ общество не можетъ даже коснуться. Но дѣло въ томъ, что и самая теорія невѣрна и даже противоположна фактамъ. Въ нашей исторіи есть двѣ рѣзко противуположныя эпохи: эпоха вѣчеваго уклада и эпоха московской централизаціи. Если что можно найти въ первую эпоху, такъ это именно произволъ личности, совершенно непризнающей ни государства, ни общества: Что такое вся новгородская исторія, какъ не одинъ рядъ фактовъ, указывающихъ на неуваженіе отдѣльными личностями и частями народа другихъ частей или цѣлаго? Что доказываетъ существованіе насильственнаго принужденія личности покориться рѣшеніямъ цѣлаго, какъ не недостатокъ въ личности уваженія цѣлаго. Наконецъ, что такое общее положеніе, признаваемое древней Русью—„а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“, какъ не признаніе безграничной личной свободы. Эта неограниченная свобода личности сгубила поляковъ, а мы, можетъ быть, по этой причинѣ должны были пройти періодъ московской централизаціи, который и спасъ нашу самостоятельность и образовалъ сильное государство. Мы пережили и ту и другую крайность, но въ которой изъ нихъ заключается нашъ идеалъ? Безъ сомнѣнія, ни въ той, ни въ другой. И такъ, если я долженъ сказать вообще о политическомъ и историческомъ значеніи теоріи общины, представляемой славянофилами, то, мнѣ кажется, она очень слаба. Но заслуги славянофиловъ еще недостаточно измѣрять ихъ теоріей общины. Заслуги ихъ заключаются въ той любви къ народу, въ томъ стремленіи къ умственному сознанію въ себѣ народнаго достоинства, которое ярко отличаетъ эту школу. Подъ вліяніемъ этой любви, ея дѣятели отличались необыкновеннымъ трудолюбіемъ въ собираніи и обработкѣ нашей исторіи, а самое главное—имъ мы обязаны, что отъ исторіи государственной перешли къ исторіи народной. Въ трудахъ гг. Аксакова, Кирѣевскаго, Бѣляева,

Лешкова разсыпано множество драгоцѣнныхъ данныхъ и мнѣній, которыя принесли уже свои плоды. Наконецъ, нельзя не сказать, что и въ самой теоріи важности общины для русскаго народа есть своя и очень вѣрная сторона: французы, далеко опередившіе насъ въ своемъ политическомъ развитіи, до сихъ поръ не могутъ получить того самоуправленія, которымъ пользуется русское общество. Кромѣ того, нельзя не отказать въ мѣткости, съ которою славянофилы опредѣлили особенность русскаго національнаго духа; благодаря имъ, мы избѣжали тѣхъ крайностей западничества, до которыхъ долелъ Чаадаевъ въ своей извѣстной статьѣ.

Въ концѣ этой главы, я скажу еще о доходахъ князей. По грамотѣ Ростислава смоленскаго, доходъ князя состоялъ изъ дани, которая въ смоленской области давала 2,615 гривенъ; передмѣра 100 гривенъ,—доходъ который состоялъ, какъ видно, въ пошлинѣ за право измѣрять казенной мѣрой жито; въ Россіи даже въ позднѣйшее время было запрещено частнымъ лицамъ имѣть свои вѣсы и мѣры; сбора съ пстужниковъ 100 гривенъ; это была, какъ кажется, пошлина за право „вѣсить"; пстужниками назывались люди, которые въ зимнюю пору ходили съ гирями и вѣсами. Кромѣ того, каждый гость платилъ семь гривенъ; торговцы вообще платили гостиную дань, но количество ее неопредѣлено. Копысь давалъ 4 гривны отъ перевоза и 4 гривны торговаго сбора. Нѣкоторые промышленники, какъ, напримѣръ, солодовники, платили особенную пошлину въ 20 гривенъ: Въ Копысѣ, Прупояхъ, Лучинѣ были княжескія корчмы, доходъ которыхъ также неопредѣленъ. Собственныя села князей давали князю до 80 гривенъ урока и, сверхъ того, 30 лисицъ и 10 черныхъ куницъ, неводъ, трои саней рыбы, двѣ скатерти, три полотенца и берковецъ меда. Въ числѣ этихъ доходовъ не упоминаются виры и продажа, такъ какъ онѣ не давались епископу и доходъ отъ нихъ неизвѣстенъ (Д. А. И., т. I, № 4). Если предположить, что доходъ отъ нихъ давалъ столько же, то весь доходъ князя доходилъ отъ 7 до 8 тысячъ гривенъ.

ГЛАВА IV.

Право, судъ и законодательство.

Первый опытъ государства обезпечить личность: устройство вервей.—Законодательство объ убійствѣ, воровствѣ и обидахъ.—Распространеніе охранительныхъ обязанностей верви на нѣкоторыя имущества, какъ вторая попытка государства оградить частныя имущества.—Ходъ уголовнаго процесса и судебныя доказательства по обвиненію въ убійствѣ, воровствѣ, личныхъ обидахъ.—Громадный прогрессъ, сдѣланный обществомъ въ защитѣ личности гражданъ.—Чѣмъ объясняется судъ Божій.—Защита государствомъ труда и порядка, какъ начала собственности поземельной.—Слабость развитія системы договоровъ.—Наслѣдство и опека.

Въ прошломъ періодѣ, говоря о правѣ и судѣ я высказалъ, что считаю Правдой Ярослава лишь короткую Правду въ 17 статей Академическаго списка. Затѣмъ 24 статьи того же списка, которыя слѣдуютъ послѣ словъ: „Правда установлена Русской земли, когда совѣщались Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кіянинъ, Чудинъ, Микула“,—относятся, по моему мнѣнію, къ законодательству сыновей Ярослава, установленному на этомъ съѣздѣ князьями, съ участіемъ передовыхъ дружинниковъ. Этого же мнѣнія держались Погодинъ, Эверсъ и Дювернуа (Ист. Прав., стр. 65) *). Но г. Дювернуа справедливо замѣчаетъ, что всѣ статьи, установленныя сыновьями, вошли

*) Г. Каченовскій (О кожаныхъ деньгахъ и Русской Правдѣ) всю вообще Правду Ярослава считаетъ памятникомъ позднѣйшаго происхожденія; но доказательства, приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія, столь слабы и натянуты, что нѣтъ надобности останавливаться на нихъ.

сюда, такъ какъ въ этомъ спискѣ нѣтъ отмѣны кровавой мести. По лѣтописи, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ сходились нѣсколько разъ въ 1055, 1057, 1067 г. Самая статья Троицкаго списка доказываетъ, что она была установлена въ другое засѣданіе, потому что въ числѣ дружинниковъ здѣсь присутствовали лишь трое: Коснячко, Перенѣгъ и Никифоръ, а по Академическому списку въ моментъ установленія статей, кромѣ этихъ лицъ, участвовали еще двое: Чудинъ и Микула. Но если сыновья Ярослава въ разное время составляли свое законодательство, то рождается вопросъ: что̀ явилось прежде, отмѣна-ли кровавой мести, или другія статьи закона сыновей. Съ одной стороны, можно думать, что отмѣна кровавой мести была рѣшена прежде, такъ какъ статья говоритъ: „что сыновья отложили убіеніе за голову и поставили вмѣсто этого денежный выкупъ, а все прочее какъ установилъ Ярославъ, такъ и установили и его сыновья", такъ что первое ихъ законодательство ограничивалось только отмѣной мести. Но почему эта статья не была тогда внесена въ новое, болѣе обширное, законодательство сыновей, — я не знаю.

Правда сыновей Ярослава вноситъ слѣдующія новыя положенія: 1) установленіе вервей; 2) постановленіе объ убійствѣ огнищанъ; 3) постановленіе о воровствѣ; 4) уроки за убійство княжескихъ рабовъ; 5) постановленіе о самосудѣ; 6) защиту собственности. Послѣ сыновей, до Владиміра Мономаха были прибавлены еще новыя статьи: 1) общество дикой виры; 2) поклепная вира.

Постановленіе объ убійствѣ огнищанъ, или даже объ убійствѣ вообще, тѣсно связано съ постановленіемъ о верви, а потому мы и будемъ разсматривать оба эти постановленія вмѣстѣ.

Въ первобытномъ родовомъ быту за убійство члена рода мстилъ родъ и, по идеямъ первобытнаго общества, родъ не считалъ своею обязанностью ограничиваться лишь убійствомъ убійцы. Родъ считалъ возможнымъ вмѣсто убійцы убить любаго члена рода; даже убійство убійцы не считалось

вполнѣ достойной местью, такъ какъ самъ убійца могъ быть человѣкъ ничтожный, дрянной, а, между тѣмъ, убитое имъ лицо могло быть несравненно болѣе значительнымъ. „При родовомъ правѣ, говоритъ Поповъ, преступникъ является представителемъ цѣлаго рода, и слѣдовательно только родъ можетъ совершить преступленіе.... часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій“ (Пут. въ Черног., стр. 143). Тѣ же самыя идеи баронъ Гакстгаузенъ замѣчаетъ у осетинъ (см. Путеш. въ Закавк.). Такимъ образомъ, въ силу преступленія одпаго изъ членовъ, цѣлый родъ находился въ опасности и каждый изъ его членовъ могъ упасть подъ ударомъ мстителя. Отсюда въ интересахъ цѣлаго рода было стремленіе избавиться, откупиться отъ мести, заключить миръ съ родомъ убитаго. Когда явилась княжеская власть, она ввела „виры“, т. е. пѣни въ пользу князя, кромѣ платы за убійство семейству или роду убитаго. Но кого она могла обязать уплатой этой виры? Конечно, тотъ же родъ, такъ, какъ онъ одинъ составлялъ первоначально, такъ сказать административную единицу. Но съ теченіемъ времени родъ распадается; на мѣсто родовъ являются волости, словомъ совершенно административныя единицы. Весьма естественно что и обязанность платить виру должна переноситься на административные округи, замѣнившіе роды, или ихъ подраздѣленія. Въ XVI-мъ столѣтіи виры платили волости. „А учинится у нихъ въ волости душегубство и они дадутъ намѣстникамъ за голову виры четыре рубля, а заплатятъ виру волостью“. „А учинится у нихъ въ волости душегубство,.... и не доищутся душегубца, ино за голову виры два рубля, а заплатитъ волость или станъ, въ коемъ душегубство учинилось“ (А. А. Э., т. I, №№ 144 и 181). Но самое количество вирныхъ денегъ, въ одномъ случаѣ 4, а въ другомъ 2 рубля, уже указываетъ, что вира здѣсь уже потеряла свое первоначальное значеніе, а слѣдовательно можно думать, что и округъ, обязанный платить виру, былъ расширенъ; притомъ, еслибы всегда волость платила виру, то тогда не

нужно было бы этого точно обозначать. Весьма вѣроятно, что первоначально не цѣлая волость, а лишь ее подраздѣленіе—сотня платила виру. Баронъ Розенкампфъ въ „Обозрѣніи кормчей книги“ говоритъ: „въ Швеціи, какъ и въ Россіи и во всѣхъ сѣверныхъ краяхъ, селенія и волости въ древнѣйшія времена раздѣлялись на округи и разряды, большіе и малые. Сіи послѣдніе назывались сотнями или вервями (Warf, hunderi, centenae, caentumpagi). Весьма вѣроятно, что слово „верфь“ есть слово норманское и имъ были обозначены наши сотни, на которыхъ было возложено платить виру.“

Какъ ни тяжела была плата виры для округовъ, но введеніе виры княжеской властью оказало дѣйствительную и громадную услугу общественному миру. По тѣмъ же самымъ мотивамъ, подобное этому устройству было и въ западной Европѣ. „Германская марка, говоритъ Кембль, прежняя родовая единица, была раздѣлена на сотни и десятки, которыя въ Англіи получили названіе „thithinhs“ и „hundreds“. Въ каждомъ десяткѣ былъ свой десятскій, въ каждой сотнѣ—свой сотскій. Цѣлью этихъ десятковъ и сотень было то, чтобы каждое лицо въ своемъ десяткѣ и сотнѣ не могло явиться нарушителемъ мира, какъ въ отношеніи своихъ согражданъ, такъ и въ отношеніи къ государству; чтобы каждое лицо могло найти въ этой организаціи защиту своей жизни и имущества, и было принуждено уважать то и другое въ другихъ; чтобы каждый имѣлъ опредѣленное жилище, гдѣ бы онъ всегда находился и уплачивалъ государственныя повинности; наконецъ, для того, чтобы каждый, кто нарушилъ миръ, и право, и безопасность другаго, былъ бы представленъ въ судъ, или, если онъ потерпѣлъ что-либо отъ другихъ, то его сограждане помогаютъ ему получить узаконенное вознагражденіе“ (Die Sachsen in Engl., т. I, стр. 205).

Наша статья о верви въ Правдѣ читается такъ: „если убьютъ огнищанина въ разбоѣ, или вообще когда убійца не будетъ сысканъ, то та вервь, въ которой будетъ лежать голова убитаго, должна платить виру“ (Ак. сп., ст. 19). Въ Троиц-

комъ же спискѣ эта статья читается такимъ же образомъ, но къ ней прибавлено: „и если людинъ, то 40 гривенъ“ (ст. 3). Не указываетъ-ли это на то, что Правда сыновей установила вирную плату лишь тогда, когда былъ убитъ огнищанинъ; а уже въ позднѣйшее время, можетъ быть при Всеволодѣ или Владимірѣ Мономахѣ, это постановленіе было распространено и на всѣхъ свободныхъ людей.

По этимъ статьямъ вервь платитъ лишь тогда, когда она допустила разбой, или когда не сыскала убійцу; но если убійца сысканъ, подвергалась-ли тогда вервь наказанію и какому она подвергалась наказанію? Правда старшихъ сыновей Ярослава не даетъ на это никакого отвѣта. Троицкій списокъ постановляетъ, что разбойникъ выдается головой на потокъ и разграбленіе. Но Троицкой списокъ, начиная отъ ст. 1 до 48, содержитъ въ себѣ, можно думать, русское законодательство въ періодѣ отъ 1072, когда сыновья Ярослава рассорились и не могли издавать общихъ постановленій до 1113 г. — года вступленія на престолъ Мономаха. Этотъ списокъ можно назвать Правдой младшихъ сыновей Ярослава. Основаніе этого мнѣнія я нахожу въ порядкѣ статей. Въ большинствѣ списковъ, разсмотрѣнныхъ Калачовымъ, исключая списковъ первой редакціи и 2-хъ списковъ съ недостающими статьями, во всѣхъ спискахъ статьи идутъ въ такомъ же порядкѣ, какъ въ спискѣ Троицкомъ, а потому я предполагаю, что это законодательство было издано въ какомъ-либо моментѣ изъ этаго сорокалѣтняго промежутка причемъ въ основаніе была взята Правда Ярослава и сыновей, нѣсколько измѣненная и дополненная.

Такимъ образомъ, въ Правдѣ сыновей ничего не говорится какъ поступать въ этомъ случаѣ, а потому здѣсь должны были дѣйствовать старые порядки, т. е. родъ убійцы долженъ былъ платить государственную пѣню и головщину семейству убитаго. Но въ то время, когда плата за голову, въ случаѣ непахожденія убійцы, была перенесена на вервь, на сотню, словомъ на административный округъ,—могли-ли долго продержаться и за родомъ эти обязанности? Конечно

нѣтъ, такъ какъ родовыя связи были уже слишкомъ ослаблены. Съ другой стороны, пѣни за убійство были столь громадны, что никакого имущества семейства не было бы достаточно для уплаты ихъ, а потому послѣдующее законодательство перепесло на вервь и обязанность помогать убійцѣ и его семейству. Вервь и здѣсь, такимъ образомъ, стала замѣнять родъ; но она здѣсь являлась совершенно въ другомъ качествѣ. Когда вервь платила за голову, въ случаѣ ненахожденія убійцы, она здѣсь являлась административнымъ округомъ, отвѣтственнымъ предъ государствомъ за нарушенія порядка. Во второмъ случаѣ, она являлась какбы особымъ учрежденіемъ, замѣнявшимъ родъ,—добровольнымъ обществомъ для пособія несчастному преступнику. Не всякому преступнику сотня захотѣла бы помогать; преступникъ могъ быть просто вреднымъ членомъ сотни, которому она не только что не захотѣла бы помогать, но котораго съ удовольствіемъ сбыла бы съ рукъ. Вотъ почему въ законодательствѣ, составленномъ послѣ съѣздовъ сыновей Ярослава, находятся три важныя статьи:

1) „если найдется въ верви убійца, то въ уплатѣ виры (пѣни князю) участвуетъ онъ самъ, какъ членъ верви, и сама вервь ему помогаетъ; убійца обязанъ уплатить только свою часть въ вирѣ, но самъ онъ лично долженъ заплатить головничество“ (т. е. пѣню семейству убитаго). (Троиц. сп., ст. 4);

2) „если кто не вложится въ дикую виру, то ему люди не помогаютъ, но самъ платитъ“;

3) „если кто станетъ разбойничать безъ всякой причины, то за разбойника люди не платятъ, но выдадутъ его съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе“.

Вторая изъ приведенныхъ нами статей ясно указываетъ, что вервь,—не какъ уголовно-полицейскій округъ, но какъ общество дикой виры,—было учрежденіемъ добровольнымъ, въ которое каждый могъ вступать и не вступать,—государство объ этомъ не хлопотало. Само общество, въ лицѣ его членовъ, должно было позаботиться о себѣ; еслибы кому-

нибудь изъ его членовъ пришлось совершить убійство, хотя невольное, то онъ бы пропалъ, такъ какъ не въ состояніи былъ бы заплатить огромной государственной пѣни и головщины. Заботливые люди вступали въ союзъ, образовывали общество; беззаботные или надѣющіеся, что не совершатъ убійства, не вступали. Но общество дикой виры, слагая съ убійцы обязанность платить пѣню князю, въ то же самое время не освобождало отъ уплаты головщины или пѣни родственникамъ, что и справедливо; виновный долженъ былъ самъ сколько-нибудь отвѣчать за свои проступки. Велика-ли была пѣня семейству, объ этомъ законъ не говоритъ ничего положительнаго и заставляетъ думать, что опредѣленіе ее зависѣло вполнѣ отъ личнаго соглашенія убійцы съ родственниками убитаго. Это же заставляетъ думать и одно, очень важное, обстоятельство: хотя сыновья Ярослава отмѣнили убіеніе за голову, но однако статья о кровавой мести стоитъ первой во всѣхъ спискахъ. Что же это значитъ? Не значитъ-ли это то, что законодательство предоставляло на волю семейства убитаго или мстить за убійство, или взять выкупъ. Оно предпочитаетъ выкупъ, но постановляетъ это скорѣе какъ совѣтъ, чѣмъ какъ законъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и то, что въ Русской Правдѣ нѣтъ ни одной статьи, которая бы наказывала того, кто предпочелъ месть выкупу, тогда какъ такія статьи находятся въ варварскихъ законодательствахъ, которыя положительно хотѣли изгнать месть. Законодательство аллемановъ наказывало смертью тѣхъ, которые не довольствовались платой, а хотѣли мстить (Lezardière, т. II, стр. 448). Духъ мести у насъ царилъ вполнѣ еще въ XII вѣкѣ, какъ объ этомъ напоминаетъ каждая страница Ипатіевской лѣтописи. Если же мы допустимъ это, то для насъ будетъ вполнѣ понятно, что законъ оставлялъ головничество вполнѣ на волю соглашенія, а въ случаѣ разногласія родственники могли мстить. Это еще можно подтвердить тѣмъ, что въ случаѣ если кто-либо не совершилъ полнаго убійство, но все-таки повредилъ ему-либо руку или ногу, то обязанъ былъ платить государству полувирье, а самъ изувѣченный

получалъ только 10 гривенъ (Тр. сп., стр 21); слѣдовательно, въ этомъ случаѣ законодательство прямо опредѣляло вознагражденіе.

Итакъ, всякій предусмотрительный человѣкъ, состоящій членомъ дикой виры, платилъ лишь головничество, а вервь, въ качествѣ добровольнаго общества дикой виры, уплачивала виру. Но законъ допускалъ одинъ случай, когда общество дикой виры могло отказаться помогать ему,—это когда онъ оказывался явнымъ разбойникомъ, совершившимъ убійство не вслѣдствіе нанесенной ему обиды, но вслѣдствіе злого намѣренія совершить грабежъ. Въ такомъ случаѣ, вервь выдавала его государству и тѣмъ кончалось дѣло *).

Таково было учрежденіе верви, созданное сыновьями Ярослава и ихъ ближайшими потомками.

Сыновья Ярослава измѣнили отчасти постановленіе Ярослава объ убійствѣ, именно—увеличили виру вдвойнѣ, для нѣкоторой части русскаго общества, напр., для огнищанъ. Законъ Ярослава, данный для новгородцевъ, отличался демократизмомъ, уравнивающимъ всѣхъ членовъ общества, потому что этотъ же духъ жилъ и въ новгородскомъ обществѣ. Право сыновей создано было въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ другого общества, гдѣ землевладѣльцы-огнищане начали рѣзко выдаваться изъ остальнаго общества. Законъ замѣтилъ это неравенство и установилъ для огнищанъ двойную виру. Позднѣйшій списокъ слово „огнищанинъ“ замѣняетъ словомъ „княжъ мужъ“, т. е., распространяетъ законъ на всѣхъ членовъ передней дружины, были-ли они землевладѣльцами или нѣтъ.

При Владимірѣ Мономахѣ были внесены въ уголовный законъ еще новыя, весьма важныя постановленія: такъ, тогда

*) Учрежденіе дикой виры для пособія убійцѣ вовсе не такъ безнравственно, какъ это можетъ казаться съ перваго раза. Достаточно указать на то, что первоначально роды не различали злонамѣреннаго убійства отъ убійства неосторожнаго. Притомъ, такая «дикая вира» выступала какъ судъ присяжныхъ и всегда могла выдать убійцу, если онъ былъ разбойникъ.

было установлено полувирье за убійство женщинъ (Тр., ст. 83). Нѣкоторые думали, что здѣсь разумѣлось убійство мужемъ жены, а за убійство женщины уплачивалась вира. Но это не вѣрно, потому что убійство мужемъ жены судила церковь, какъ и всѣ семейныя отношенія, а потому до этого закону гражданскому не было дѣла. Выраженіе закона: „кто пріобидитъ жену, то тѣмъ же судомъ судить какъ и мужа“ указываетъ, что въ другихъ случаяхъ, когда жена получала матеріальныя обиды, она точно также съ этого времени ограждалась продажей, а слѣдовательно получала и часть себѣ, въ случаѣ выбитія зуба, усѣченія перста и такъ далѣе. Только при убійствѣ за нее платилась не цѣлая, а половина виры. Но какъ судили до этого? Вѣроятно, мужъ получалъ просто урокъ, такъ какъ жена была его рабой. Во-вторыхъ, Мономахъ постановилъ, что за поджогъ гумна отдавать на потокъ домъ виновника, заплативши прежде изъ его имущества причиненные имъ убытки; князь получалъ все остальное, вмѣстѣ съ самимъ виновникомъ (Тр. сп., стр. 79). Всѣ эти постановленія относятся лишь къ убійству свободныхъ людей. Убійство раба не наказывалось вирой по закону, а разсматривалось просто какъ уничтоженіе чужой вещи, причемъ убійца обязанъ уплатить лишь собственнику раба небольшую пѣню или урокъ, по рыночной стоимости рабовъ вообще. Князь за своихъ рабовъ назначалъ большое вознагражденіе себѣ, смотря по стоимости раба. Но обо всемъ этомъ я уже говорилъ выше, а потому не буду повторять здѣсь.

Правда сыновей Ярослава внесла въ Русскую Правду новый важный отдѣлъ законовъ — это законодательство о воровствѣ. Какъ, можно спросить, неужели Ярославъ ничего не говоритъ о такомъ важномъ отдѣлѣ въ своемъ законодательствѣ? Но это очень естественно и согласно съ духомъ первобытныхъ обществъ. Первобытные люди гораздо болѣе строги и менѣе гуманны, чѣмъ ихъ потомки, въ отношеніи къ лицамъ, совершавшимъ такое дѣяніе, признаваемое всѣми въ высшей степени постыднымъ. Воръ разсматривается тогда какъ никуда негодный членъ общества, за котораго никто

даже не будетъ мстить, котораго никто не будетъ защищать. По обычаямъ осетинъ, убившій вора не подвергался никакой мести (Гакстгаузенъ, т. II, стр. 128). Эта же идея господствовала и у насъ. Правда сыновей Ярослава говоритъ: „если убьютъ огнищанина у клѣти, или около коней и коровъ, то въ пса мѣсто“ (Акад., ст. 20). Такимъ образомъ, лучшій членъ общества, если онъ совершилъ воровство, приравнивался къ презираемому псу; онъ былъ уже не только не важный человѣкъ, но считался въ этомъ случаѣ хуже раба. Но Правда сыновей Ярослава уже вводитъ болѣе гуманное начало и не всегда допускаетъ безнаказанное убійство вора. „Если убьютъ вора на своемъ дворѣ, или у клѣти и хлѣва, то тотъ убитъ (т. е. безнаказанно); если же кто придержитъ вора до свѣта, то вести его на дворъ князя; если же убьютъ вора, котораго люди видѣли связаннымъ, то платить за него“ (Акад. сп., стр. 38). Слѣдовательно, Правда Ярослава совершенно иначе смотритъ на воровство. Она очевидно допускаетъ убійство лишь по самозащитѣ, но ни въ какомъ случаѣ изъ мести. Она защищаетъ вора нѣней, но какой—въ Правдѣ сыновей (Акад. сп.) не сказано; за то въ Троицкомъ спискѣ постановлено 12 гривенъ (ст. 36). Ужели сыновья взыскивали полную виру? Это невѣроятно. По салическому закону, человѣкъ, убившій другаго, защищая жену или дочь, долженъ былъ явиться передъ судомъ, чтобы оправдаться, что онъ не могъ связать преступника. Точно также, убивъ вора, онъ долженъ былъ явиться въ судъ, для доказательства что убилъ его по необходимости, изъ самозащиты (Lezad., т. I, стр. 449).

Но если воръ не былъ убитъ, а представленъ въ судъ, то Правда сыновей обязываетъ его возвратить украденное и кромѣ того, заплатить князю пѣню. Для предупрежденія всякихъ споровъ, въ случаѣ, еслибы воръ не могъ возвратить вещь лицомъ, она назначаетъ цѣну всѣмъ предметамъ, которые могли быть украдены. Такъ, Правда сыновей назначаетъ и ставитъ цѣну, въ случаѣ воровства кобылы, вола, коровы, теленка, овцы, барана, голубя, журавля, собаки, ястре-

ба, сокола; Правда ближайшихъ потомковъ прибавляетъ къ этому цѣны жеребца, свиньи. Принципъ наказанія за воровство остается тотъ же и въ Правдѣ сыновей Ярослава, установленной послѣ съѣздовъ, что и въ Правдѣ, установленной на первыхъ съѣздахъ, но съ нѣкоторыми важными измѣненіями. Такъ, Правда младшихъ сыновей Ярослава отличаетъ уже, такъ сказать, простое воровство отъ воровства со взломомъ, а именно отличаетъ воровство скота въ полѣ и въ клѣти. Въ первомъ случаѣ, воръ долженъ былъ платить 60 кунъ, во второмъ—3 гривны 30 кунъ, т. е. въ три раза болѣе. Правда старшихъ сыновей Ярослава установила только большее наказаніе за воровство коровы или вола, чѣмъ за воровство предметовъ меньшей цѣнности, не обращая вниманія, совершилось-ли воровство въ полѣ или изъ клѣти. Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія, Правда внуковъ Ярослава сдѣлала громадный шагъ впередъ. Наконецъ, какъ сыновья, такъ и внуки единогласно постановляютъ, что количество пѣни не измѣняется, кралъ-ли одинъ или нѣсколько, такъ что каждый изъ участвующихъ платитъ одинаковую пѣню.

Всѣ эти постановленія законодательства въ отношеніи воровства были сдѣланы при старшихъ и младшихъ сыновьяхъ Ярослава. При внукахъ Ярослава были сдѣланы, въ отношеніи этаго же предмета, два важныя постановленія.

При Владимірѣ Мономахѣ, или даже послѣ него, государство стремится распространить охранительныя обязанности верви и на нѣкоторые случаи воровства, касательно тѣхъ предметовъ, которые находятся внѣ дома, такъ сказать, у всѣхъ на виду. „Если будетъ разсѣчена земля или знаки на ней, или орудія ловли, то по верви искать вора или платить продажу“ (Тр., ст. 63). Кто же по этому закону обязанъ искать вора или платить продажу? Вервь должна искать вора, а если не найдетъ, то она же и платить продажу. Тоже самое законъ постановляетъ и тогда, когда выдраны пчелы или украденъ боберъ изъ ловушки (Тр., ст. 62, 68). Вервь же обязана отвѣчать за поврежденіе межевыхъ знаковъ или во-

обще знаковъ земель, указывающихъ на границу поземельной собственности; за уничтоженіе орудій, которыя оставались внѣ дома, такъ-сказать подъ общественной охраной.

При Мономахѣ, а можетъ быть и позднѣе, Русская Правда вводитъ одно новое и важное постановленіе, а именно: *коневаго татя* или конокрада она постановляетъ выдавать князю на потокъ. Въ этомъ случаѣ, Правда вполовъ дѣйствуетъ въ духѣ сыновей и чрезмѣрно усиливаетъ наказаніе за воровство такой цѣнной вещи, какой былъ конь въ это превобытное время.

Перехожу къ законодательству объ обидахъ. Уже выше, сравнивая Правду Ярослава съ первой половиной Троицкаго списка, содержащей Правду младшихъ сыновей Ярослава, я замѣтилъ рѣзкую разницу въ уставахъ объ обидахъ. А именно: по Правдѣ Ярослава, во всѣхъ этихъ случаяхъ всю пѣню получалъ обиженный, а государство не получало ничего, тогда какъ по Правдѣ младшихъ сыновей обиженный имѣлъ право на ничтожное вознагражденіе въ одну гривну въ случаѣ выбитія зуба, отсѣченія перста, раны мечемъ, тогда какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ государство брало за нарушеніе мира продажу въ 3 гривны; за ударъ рукоятью или ножнами меча, или какимъ-либо не острымъ орудіемъ, за толчокъ, государство взимала громадную пѣню отъ 3 до 12 гривенъ, а самъ обиженный не получалъ ничего и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что за него отомстило государство. Спрашивается, это весьма рѣзкое и важное измѣненіе произошло-ли при младшихъ сыновьяхъ Ярослава, или Правда, данная полянамъ, была иная, чѣмъ Правда, данная новгородцамъ? Я склоняюсь къ той мысли, какъ это я доказывалъ прежде, что въ Кіевѣ съ самого начала не дѣйствовала та Правда, которая была дана Новгороду, но короткой редакціи Кіевской Правды мы не имѣемъ. Но если считать это различіе въ законахъ объ обидахъ Ярославовой Новгородской Правды съ Правдою младшихъ сыновей существующимъ издавна, то въ законахъ объ обидахъ не произошло ничего важнаго. Всѣ эти законы оставались тѣ же, что и при Ярославѣ.

Перехожу къ судоустройству и уголовному судопроизводству.

Кому принадлежало право суда? Неоспоримо, что высшимъ источникомъ судебной власти были князья, и прерогатива суда была одной изъ древнѣйшихъ прерогативъ князя. Но на кого распространялись эти прерогативы? На всѣхъ свободныхъ людей, такъ какъ рабы, составляя частную собственность, судились у своего господина. Но и рабы подлежали суду князя, если совершили уголовное преступленіе. Правда внуковъ Ярослава говоритъ: „если будутъ холопы ворами, то судитъ князь“ (Терещенко, стр. 42). Всѣлица, поселившіяся на чужихъ земляхъ, въ качествѣ закуповъ, до Мономаха разсматривались, вѣроятно, какъ полные рабы и судились ихъ господиномъ; но Владиміръ Мономахъ и для нихъ открылъ княжескій судъ. Я говорю о прерогативѣ князя, какъ она сознавалась народомъ; но самъ князь могъ уступить свою прерогативу суда какому-либо монастырю или боярину и добровольно ограничить свои права, что дѣйствительно и было въ XII вѣкѣ. Жалованная грамота Мстислава Юрьевскому монастырю (1128 — 1132) даетъ ему село съ вирами и продажами, т. е. Юрьевъ монастырь, по этой грамотѣ, дѣлался полнымъ государемъ на своей землѣ, со всею судебною властью (Д. А. И., т. I, № 2). Такое самоограниченіе князя было вообще въ духѣ времени и, мнѣ кажется, только Владиміръ Мономахъ не слѣдовалъ этому правилу, имѣя цѣлью защитить закуповъ. Вообще, можно думать, что уже въ эту эпоху у насъ, какъ и въ Западной, Европѣ было общимъ правиломъ: „чья земля, того и судъ“. Но это правило, у насъ стремился ограничить Владиміръ Мономахъ, и можно полагать, что въ этотъ вѣкъ, оно не было еще въ полной силѣ, пока существовала Русская Правда. Только лишь жалованныя грамоты ограничивали добровольно княжескую власть на извѣстномъ пространствѣ, или, лучше сказать, только нѣкоторымъ монастырямъ князья рѣшались отдавать на жертву закуповъ, не заступаясь за нихъ.

Но одинъ-ли князь имѣлъ право суда? Г. Чеглоковъ (Объ орг. суд. вл., ст. 9), на основаніи того, что въ Правдѣ не

упоминается о посадникахъ, какъ о судьяхъ,—думаетъ, что они не имѣли судебной власти. Но это совершенно несправедливо. Если по лѣтописямъ намъ извѣстно, что судили и губили народъ вирами и продажею просто тіуны, т. е. рабы князя, то нѣтъ основанія думать, чтобы свободные люди, посадники, не имѣли судебной власти. Такіе посадники, какъ Ратиборъ въ Тмуторакани, или Чудинъ въ Вышгородѣ, были полными представителями князя, а слѣдовательно и его судьями.

Въ грамотѣ смоленскаго князя Ростислава сказано: „аже будетъ или тяжа или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тіуну, ни иному не кому же“ (Д. А. И., т. I, стр. 4). Слѣдовательно, посадники были судьями въ половинѣ XII вѣка, а въ такомъ случаѣ и ранѣе. Противъ этого можно привести одинъ важный фактъ, а именно существованіе вирниковъ. Г. Чеглоковъ считаетъ вирниковъ судьями по уголовнымъ преступленіямъ, и на это дѣйствительно указываютъ нѣкоторыя данныя. Такъ, вирникъ получалъ отъ виры пятую часть; ему же, по Уставу Ярослава, давалось замѣчательное содержаніе отъ общества, въ количествѣ 7 ведеръ солода въ недѣлю, 2 сыровъ, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена и соли (Тр., ст. 7 и 8). Вѣроятно, что рядомъ съ судебною властью посадника, существовала другая судебная власть—вирника, такъ какъ посадникъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ всюду производить слѣдствія объ убійствахъ и, сверхъ того, собирать вирныя деньги съ сотенъ или вервей. Но можно-ли допустить, чтобы судебная власть, принадлежа вирникамъ, не принадлежала бы посадникамъ, представителямъ княжеской власти? Весьма замѣчательно, что слово „вирникъ“, какъ и слово „вервь“, нигдѣ не попадается въ лѣтописяхъ и грамотахъ, что указываетъ на то, что въ жизни оно, вѣроятно, замѣнялось другимъ словомъ. Но совпадало-ли оно съ словомъ волостель, обозначавшимъ чиновниковъ, замѣнявшихъ представителей рода? Названіе волостель для чиновниковъ, судящихъ и управляющихъ волостью, попадается уже въ Церковномъ уставѣ Ярослава и Уставѣ о земскихъ дѣлахъ,

а въ XVI столѣтіи названіе волостелей существуетъ непрерывно (А. А., т. I, стр. 45). Допустивши это предположеніе, намъ все будетъ понятно: посадникъ былъ главой области, а въ волостяхъ этой области сидѣли судьи, которыхъ Правда знаетъ подъ именемъ вирниковъ, такъ какъ въ древнѣйшее время, можетъ быть еще до Ярославовой Правды, ихъ обязанность состояла только въ сборѣ виръ, когда судъ въ волости производитъ старѣйшина, а княжескій чиновникъ лишь собиралъ виры; позднѣе эти вирники стали замѣнять старѣйшинъ и въ народѣ получили названіе волостеля, а у князей все еще продолжали называться вирниками.

Итакъ, судъ надъ массою свободныхъ людей въ областяхъ производили: посадникъ, волостели (вирники) и тіуны; но кто судилъ огнищанъ, бояръ или княжескихъ мужей?

Конечно, князь, какъ чистый представитель дружины. Въ древней Руси, даже въ позднѣйшій періодъ, судъ надъ высшими членами общества принадлежалъ великому князю, а потомъ царю; было бы совершенно невѣроятно, чтобы въ еще болѣе ранній періодъ судъ этотъ принадлежалъ кому-либо другому, кромѣ князя. Г. Чеглоковъ (тамъ-же, стр. 13) предполагаетъ, что огнищанъ судилъ тіунъ огнищный; но это невѣроятно, такъ какъ этотъ тіунъ все-таки былъ рабъ князя. Тіунъ огнищный былъ родоначальникомъ дворецкаго, главнаго управителя княжескаго двора и имѣній, какъ тіунъ конюшій есть родоначальникомъ конюшаго боярина.

Другіе чиновники при судѣ остались тѣ же, а потому мы объ нихъ не будемъ теперь говорить.

Ярославъ и его дѣти по преимуществу занимались законодательствомъ о правѣ. На долю внуковъ Ярослава и ихъ лучшаго представителя—Владиміра Мономаха выпала обязанность устроить правильное судопроизводство; вотъ почему я предполагаю, на основаніи вышепоказаннаго порядка статей, что большая часть нижеслѣдующихъ постановленій явилась именно при внукамъ Ярослава и при Владимірѣ Мономахѣ.

Кто вчиналъ искъ по уголовнымъ дѣламъ? Конечно,

вчинаютъ искъ тѣ лица, которыя наиболѣе заинтересованы, кого болѣе касалось нарушеніе права. Но, можно думать, что государство съ перваго раза выступало какъ охранитель тишины и спокойствія, что оно само, такъ сказать, болѣе всѣхъ было заинтересовано въ ненарушеніи мира. Если къ этому общему положенію мы прибавимъ, что такъ какъ наказаніе было денежное и судебныя пошлины составляли одну изъ важныхъ статей княжескаго дохода, то князь былъ заинтересованъ въ судѣ не только какъ охранитель мира, но какъ собиратель дохода отъ суда. Но и это положеніе справедливо только отчасти; если въ какой-нибудь верви появилась голова убитаго, то вирникъ или волостель могъ созвать общину и требовать, чтобы она или сказала убійцу, или заплатила виру. Этимъ могло оканчиваться и, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ оканчивалось вмѣшательство государства. Какъ ни важна по настоящему нашему взгляду судебная власть, но непосредственное, прямое вмѣшательство государства въ дѣло суда лишь постепенно и медленно входитъ въ законы и практику. Весьма вѣроятно, что въ эту эпоху все вмѣшательство государства ограничивалось требованіемъ виры, если община не знала убійцы, или не хотѣла его сказать; затѣмъ, община или вервь платила виру и тѣмъ оканчивалось дѣло со стороны государства. Но въ преступленіи убійства, какъ нравственно, такъ и матеріально, была заинтересована какъ сама община, такъ еще болѣе семейство убитаго, имѣющее право на головщину. Эти-то физическія и юридическія лица и должны были вчинать искъ. Изъ этихъ двухъ лицъ болѣе всего была заинтересована семья убитаго. Правда, вервь должна была платить виру, какъ охранительница жизни своихъ членовъ или мира вообще; слѣдовательно, она была тоже матеріально заинтересована; но она же, въ случаѣ, еслибы убійца былъ ея членъ, стала бы платить дикую виру, въ качествѣ частнаго общества, и надо предполагать, что только весьма рѣдкимъ исключеніемъ было то, чтобы кто-нибудь изъ членовъ верви не былъ членомъ общества дикой виры. Только въ одномъ случаѣ община была

заинтересована, когда убійства въ ней дѣлались часты, когда въ верви находился явный разбойникъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ болѣе всѣхъ была заинтересована семья убитаго, которая съ ненахожденіемъ убійцы теряла головщину. По всему этому можно думать, что въ рѣдкихъ случаяхъ искъ начинала община, когда она знала въ своей средѣ явнаго разбойника, а въ большинствѣ случаевъ его начинала семья убитаго, въ лицѣ ея мужскихъ представителей, т. е. тѣхъ, которымъ принадлежала месть и которые имѣли право получить часть головщины. Въ Русской Правдѣ есть двѣ статьи, гдѣ, какъ видно, указывается на тотъ и другой искъ:

1) „если будетъ на кого поклепная вира и будетъ противъ него семь свидѣтелей, то они выведутъ виру, но это тогда, когда (обвиненнымъ) будетъ варягъ или кто-либо иной (т. е. не мѣстный житель):

2) если не найдется послуха, а истецъ станетъ клепать головою (т. е. обвинять въ убійствѣ), тогда дать ему въ правду желѣзо“.

Я предполагаю, что семь свидѣтелей или послуховъ, требовалось лишь тогда, когда обвинялся въ убійствѣ варягъ, хотя многіе, въ томъ числѣ гг. Калачовъ и Пахманъ, думаютъ, что это число было необходимо вообще для обвиненія всякаго въ убійствѣ (Пах. Суд., доказ., стр. 59). Но это едва-ли такъ. Самъ г. Пахманъ (ibid., стр. 13) предполагаетъ въ первобытномъ обществѣ такую довѣренность къ показаніямъ людей, что такое большое число послуховъ, въ случаѣ обвиненія въ убійствѣ, едва-ли могло требоваться. Въ самой статьѣ объ этомъ, послѣ указанія 7 послуховъ, прибавлено: „такимъ ворахъ или кто инъ тогда“,—слова совершенно лишнія, еслибы вообще требовалось семь свидѣтелей. Наконецъ, Русская Правда вообще болѣе защищаетъ варяговъ, какъ чужеземцевъ, во всѣхъ процессахъ, какъ чужихъ членовъ общины, а потому она же должна была еще болѣе защищать ихъ въ самомъ тяжкомъ изъ обвиненій. Въ случаѣ толчка или удара тупымъ орудіемъ, для обвиненія своего согражданина довольно было двухъ свидѣтелей,

а для варяга нужно было „полная видока", въ чѣмъ и самъ г. Пахманъ видитъ семь свидѣтелей. Для обвиненія гражданина въ убійствѣ, мнѣ кажется, было довольно тѣхъ же двухъ свидѣтелей. Впрочемъ, я допускаю, что, можетъ быть, въ этомъ случаѣ число свидѣтелей какъ для варяга, такъ и для мѣстнаго жителя верви было одинаково, такъ какъ и законъ царя Константина требуетъ до семи послуховъ въ важныхъ искахъ (Русск. Достоп., т. II, стр. 151). Если узаконенное число свидѣтелей находилось, то тогда обвиненный обязанъ былъ, какъ признанный виновнымъ, платить часть виры, если онъ былъ членомъ общества дикой виры, и головщину, по соглашенію съ семействомъ убитаго. Два или даже семь свидѣтелей, такимъ образомъ, требовались тогда, когда нужно было доказать вину виновника и заставить его платить виру или часть ее и головщину. Но сколько требовалось лицъ для того, чтобы лицо, какъ явнаго разбойника, отъ котораго отступилась вервь, отдать на потокъ князю,— объ этомъ Правда не говоритъ, предполагая, что дѣло ясно само-по-себѣ. Въ такомъ случаѣ, должно было составиться рѣшеніе вѣча, сотни или верви, по обычному порядку вѣчевыхъ рѣшеній, т. е. единогласно.

Если же не было свидѣтелей, или узаконеннаго ихъ числа, или вообще доказательствъ, тогда истецъ могъ требовать суда Божія, посредствомъ желѣза. Кто же долженъ былъ подвергнуться желѣзной пыткѣ. Г. Пахманъ думаетъ, и совершенно вѣрно, что когда не было свидѣтелей, испытанію подвергался самъ истецъ. Въ искахъ о смертоубійствѣ и воровствѣ, когда (истецъ) не могъ представить свидѣтелей или подкрѣпить искъ другими доказательствами, онъ подвергался испытанію желѣзному даже противъ своей воли, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „искавше-ли послуха не налѣзутъ, а истца начнетъ головой клѣпати: и тому дати правда желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ и поклепѣ, оже не будетъ лица, то дать ему желѣзо изъ неволи" (О суд. доказ., стр. 75).

Но если у истца хотя и не было свидѣтелей, но было

какое-либо другое доказательство, то пыткѣ желѣзомъ подвергался отвѣтчикъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія статьи Русской Правды: 1) „Всѣ тяжбы судятся послухами свободными; если будетъ послухъ холопъ, то онъ самъ не можетъ выступать какъ послухъ; но истецъ, если хочетъ, то можетъ, на основаніи рѣчей холопа, требовать испытанія желѣзомъ, говоря отвѣтчику (передъ судомъ), по рѣчамъ этого (раба) я, но не холопъ взялъ тебя и требую испытанія желѣзомъ; если (судъ Божій) обвинитъ его, то истецъ беретъ свое, а не обвиняетъ, то обязанъ заплатить ему гривну за муку, зачѣмъ требовалъ испытанія на основаніи рѣчей холопа". 2) „Если кто будетъ требовать желѣзнаго испытанія, на основанія свидѣтельства свободныхъ людей, или на основаніи существованія на обвиненномъ знаковъ (нанесенныхъ убитымъ), *) или на основаніи того, что видѣли его проходящимъ ночью (близъ мѣста убійства), или вслѣдствіе какого бы то ни было доказательства, если послѣ всего этого обвиненный не ожегся, то за муки не платить ничего обвиняющему, который долженъ заплатить одно желѣзное" (Тр., ст. 81, 82).

Такимъ образомъ, если были хотя бы малѣйшія основанія для обвиненія, истецъ могъ требовать суда Божія, испытанія желѣзомъ. Вѣроятно, самое испытаніе было не очень тяжело, если въ случаѣ оправданія только взыскивалась гривна за муку, т. е. столько же, сколько нужно было заплатить за выбитіе зуба, за отсѣченіе перста, за легкую рану мечемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда у обвиненнаго были какія бы то ни было доказательства, испытанію подвергался истецъ. Въ случаѣ, еслибы судъ Божій былъ противъ него, тогда слѣдовало тоже, что и послѣ свидѣтелей, т. е. виновный подвергался платежу виры и головщины.

Кто начиналъ процессъ, въ случаѣ воровства? Точно

---

*) Такъ я перевожу слово «или запа на немъ будетъ» по самому существу дѣла, хотя Карамзинъ и Эверсъ подъ словомъ «запа» подразумѣваютъ подозрѣніе, а Тобинъ—предохранительное вещество отъ ожога.

также община или заинтересованное лицо. Въ такихъ случаяхъ, когда была выдрана борть (пчелы), или украденъ бобръ изъ открыто стоящаго внѣ двора капкана, или повреждены межевые знаки, то община обязана была платить продажу, если она не нашла татя, а потому она должна была позаботиться объ его отысканіи. Но такъ какъ община была въ этомъ случаѣ слишкомъ заинтересована результатомъ его, то законъ требовалъ нѣкоторыхъ предосторожностей и прямо указывалъ даже судебныя доказательства, необходимыя для обвиненія. Судебнымъ доказательствомъ для отысканія вора въ этомъ случаѣ былъ слѣдъ; если слѣдъ велъ отъ мѣста кражи къ какому-либо селу или мѣсту, гдѣ хранилось чье-либо имущество, то оно обязано было заплатить продажу князю, а цѣну товара истцу. Но когда былъ найденъ слѣдъ, то община должна была пригласить „нужныхъ людей“, членовъ чужой верви, которые были не заинтересованы въ результатѣ, и въ ихъ присутствіи доказать, что слѣдъ велъ въ такому-то дому. Государство, возлагая на общину отвѣтственность за воровство въ этихъ случаяхъ, само защищало личность противъ несправедливыхъ нападокъ общины (Тер., стр. 30). Если слѣдъ пропадалъ на большой дорогѣ, или въ пустомъ пространствѣ, тогда не платилось ни продажи, ни татьбы, т. е. не платилось пѣни ни общиной, ни лицомъ, потому что въ этомъ случаѣ виновнымъ оказывался чужой человѣкъ, не членъ общины или верви, а государство защищало противъ воровства лишь своихъ людей, членовъ верви.

Личность пострадавшая сама должна была вчинать искъ, когда пропажа совершилась изъ дома. Въ этомъ обстоятельствѣ Правда допускаетъ два случая: во 1-хъ, когда истецъ узналъ о нахожденіи своей вещи у другаго; или, во 2-хъ, когда онъ имѣлъ какія-нибудь основанія подозрѣвать другаго въ воровствѣ. Въ первомъ случаѣ, истецъ долженъ былъ требовать свода, какъ мы уже видѣли изъ Правды Ярослава. Сводъ, конечно, долженъ былъ производиться на общей сходкѣ, или на вѣчѣ верви, или мѣстѣ близъ волости; здѣсь онъ начинался и здѣсь же оканчивался; „а изъ своего города

въ чужую землю свода нѣтъ“ (Тр., ст. 35). На вѣчѣ сводъ производился обыкновенно такъ: тотъ у кого нашлась краденая вещь, долженъ былъ указать у кого купилъ ее, тотъ—другаго, и такъ далѣе до того лица, которое не могло указать продавца, который и признавался татемъ, обязаннымъ возвратить истцу вещь и заплатить князю продажу. Истецъ долженъ былъ идти до конца свода, если всѣ лица, чрезъ руки которыхъ прошла вещь, жили въ городѣ, и взять вещь, такимъ образомъ, прямо изъ рукъ вора. Если же сводъ шолъ изъ города въ деревню, то истецъ долженъ былъ слѣдить за нимъ лишь до третьяго свода, а затѣмъ взять вещь и предоставить право иска своему третьему представителю (Тр., ст. 31). Правда допускаетъ одинъ случай, когда истецъ не могъ взять назадъ своей вещи, — именно, когда владѣлецъ краденой вещи могъ указать какъ продавца, у котораго онъ купилъ вещь, такъ и свидѣтеля, присутствовавшаго при покупкѣ. Въ такомъ случаѣ, владѣлецъ предоставлялъ вѣдаться съ воромъ самому хозяину и отыскивать цѣну вещи, какъ онъ знаетъ. Но если владѣлецъ краденой вещи можетъ доказать свидѣтелями, что онъ ее купилъ, но у кого—не знаетъ, то онъ обязанъ былъ возвратить вещь, хотя самъ не обвинялся въ воровствѣ, за имѣніе вещи, какъ за вещественную улику (Тр., ст. 32). Воръ, отысканный по своду, обязывался не только возвратить вещь, или цѣну ея, но и все что пропало вмѣстѣ съ этою вещею.

Во второмъ случаѣ, т. е. когда у истца было лишь подозрѣніе противъ кого-либо, или существовали основательныя доказательства, то искъ тогда былъ почти тождественъ съ искомъ объ убійствѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Когда не было послуховъ, тогда процессъ совершался судомъ Божіимъ и виновный, по испытанію суда Божія, платилъ цѣну вещи и продажу. Если были свидѣтели, то они рѣшали дѣло безъ суда Божія; но сколько требовалось для этого послуховъ: два или семь? Если мы допустимъ, что семь послуховъ требовалось для доказательства о убійствѣ, то вѣроятно такое же

число требовалось и для обвиненія въ воровствѣ. Если свидѣтелей не было и истецъ продолжалъ поклепъ въ кражѣ, то тогда онъ долженъ былъ подвергнуться испытанію, или суду Божію, какъ и въ процессѣ объ убійствѣ. Но здѣсь начиналась разница: не по всѣмъ процессамъ о воровствѣ можно было требовать испытанія желѣзомъ, а слѣдовательно и самому истцу подвергаться ему, но лишь тогда, когда искъ имѣлъ громадную цѣнность полугривны золота, или 25 гривенъ купъ, т. е. цѣнность 25 воловъ; если искъ по цѣнности не превышалъ 25 гривенъ и былъ не ниже двухъ гривенъ, то производилось болѣе легкое испытаніе водою (Тр., ст. 17). Если искъ былъ ниже двухъ гривенъ, тогда истецъ или отвѣтчикъ ограничивались присягой. Когда у истца были какія-либо судебныя доказательства, то, на основаніи вышеприведенной статьи, онъ могъ требовать—испытанія обвиненнаго, конечно, также въ цѣнѣ иска—желѣзомъ, водою, или просто ограничиться присягой, если искъ былъ ниже двухъ гривенъ.

Въ процессѣ о воровствѣ былъ возможенъ и еще одинъ случай, когда воръ былъ самъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и представленъ связаннымъ въ судъ; тогда, конечно, поимка на мѣстѣ преступленія была достаточной уликой.

Судопроизводство по личнымъ обидамъ, имѣющимъ матеріальный характеръ (единственныя обиды, которыя знаетъ Правда въ это время), начиналось, конечно, лишь по жалобѣ истца. Государство въ это время, конечно, еще не разсматривало всякую драку, какъ нарушеніе общественной тишины, и не судило лицъ, производившихъ ее, если не было жалобника. Доказательство, котораго требовалъ отъ обвинителя законъ по иску въ личной обидѣ, состояло или въ указаніи на матеріальный слѣдъ преступленія, какъ синяки, рана, отрѣзаніе пальца, или въ свидѣтеляхъ, если слѣдовъ матеріальныхъ не было, причемъ, если обвинялся членъ верви, нужно было лишь двухъ свидѣтелей, а если обвинялся варягъ—„полная видока“, или 7 свидѣтелей, по мнѣнію всѣхъ толкователей Правды.

Таковъ вообще былъ ходъ уголовныхъ процессовъ. Нельзя не видѣть громаднаго прогресса, который сдѣлало общество во время внуковъ Ярослава. Очевидно, государство стремилось уничтожить личный произволъ и самосудъ и защитить личность, насколько оно само понимало возможность такой защиты. Если мы представимъ себѣ, что еще во время Ярослава, по собственному сознанію о томъ, кто совершилъ убійство, каждый могъ производить месть или самосудъ, то при этомъ порядкѣ вещей личность не имѣла никакой гарантіи. Я ужасаюсь при мысли, что въ древнемъ обществѣ, когда государство не вмѣшивалось въ процессъ, возможны были ни на чѣмъ не основанныя подозрѣнія и въ силу ихъ— месть. Г. Пахманъ считаетъ самоуправство лишь второй степенью суда (Судебн. доказ., стр. 18); въ естественномъ родѣ судебная власть принадлежала родоначальнику; но когда родъ разросся въ племя и его главой сдѣлался выборный старшина, или право старѣйшинства осталось въ какой-нибудь фамиліи,—тогда первоначальная довѣренность по суду не могла уже существовать, и начинается самоуправство. Такимъ образомъ, самоуправство, быть можетъ, существуетъ съ самого начала нашей исторіи, такъ какъ оно началось уже искуственнымъ родомъ. Но государство, какъ скоро оно образовалось, стремится изгнать положительно всякое самоуправство. Уже сыновья Ярослава постановляютъ, что за муку простаго смерда или людина должно заплатить ему за обиду 3 гривны, а за муку огнищанина, тіуна или мечника—12 гривенъ. Конечно, здѣсь слово мука есть не что иное, какъ самопроизвольная пытка желѣзомъ или водой, т. е. самосудъ.

Самое поражающее современнаго человѣка явленіе въ этомъ процессѣ — это судъ Божій. Конечно, въ самомъ существѣ, это явленіе языческое, потому что оно видитъ проявленіе божественной воли въ огнѣ и водѣ; огонь и вода объявляютъ праваго и виновнаго,—мнѣніе, которое до сихъ поръ сохранилось въ пословицѣ „правда на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ“. Это приписываніе огню и водѣ чисто

нравственныхъ свойствъ (открывать правду), указываетъ на то, что даже въ эпоху фетишизма, въ эпоху поклоненія чистымъ силамъ природы, человѣкъ соединяетъ съ божествомъ чисто-нравственныя представленія. У славянъ рюгенскихъ въ рукахъ Бѣлбога, т. е. бога свѣта и правды, находился кусокъ желѣза, который распалялся, когда то было нужно для производства испытанія. Въ Богеміи подсудимый долженъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ (обыкновенно на плугѣ), или держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предположенную присягу (Пахманъ, Судеб. доказ., стр. 71). У насъ неизвѣстно какъ производилось испытаніе желѣзомъ, но судя по тому, что дѣйствующимъ лицомъ былъ мечникъ, испытанія, вѣроятно, производились на мечѣ. Испытаніе водой состояло въ томъ, что обвиненнаго, связаннаго, бросали въ воду, и если онъ былъ правъ, то святая стихія принимала его въ свои объятія, если виноватъ, то она выбрасывала его. Прекрасную картину первобытнаго суда даетъ одно мѣсто изъ чешскаго сказанія о судѣ Любуши. Любуша, княжна чеховъ, собиралась судить по закону вѣчно-жизненныхъ боговъ, вступала на отній златой столъ и при ней было

. . . . Двѣ вѣщія дѣвы,
Изученныя премудрымъ вѣщьбомъ;
У одной стояли доски правдодатныя,
У другой—мечъ поражающій кривду,
Противъ нихъ горѣло пламя, правды вѣстникъ.
И надъ нимъ святочудная вода.

(Аѳан., т. II, стр. 197).

Въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ мы находимъ полную гармонію между религіею и правомъ. Вѣщія дѣвы узнаютъ волю боговъ по стихіямъ. Когда язычество было замѣнено христіанствомъ, это представленіе легко могло съ нимъ согласиться, потому что въ язычествѣ сама вода и огонь, какъ боги, производили судъ; въ христіанствѣ же черезъ нихъ только говорилъ Богъ, внѣ ихъ жившій. Эта возможность прими-

ренія и объясняетъ, почему судъ Божій долго могъ существовать и при христіанствѣ.

Перехожу къ праву гражданскому.

Первый и труднѣйшій вопросъ, который мнѣ предстоитъ обсудить, это вопросъ о поземельной собственности.

Существовала-ли въ это время поземельная собственность? Двѣ школы, предполагающія родовой и общинный бытъ въ древней Руси, противоположныя между собою во всемъ, сходятся только въ томъ, что обѣ отрицаютъ индивидуальную собственность. „Древніе славяне, говоритъ Энгельманъ, жили въ условіяхъ первобытной жизни всякаго народа: образъ жизни ихъ долгое время не подвергался никакимъ колебаніямъ. Имущественныя отношенія очень долго, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, оставались въ своемъ единообразномъ первобытномъ состояніи и подверглись измѣненіямъ во внѣшней и внутренней своей формѣ лишь въ ближайшія къ намъ времена. На основаніи отдаленнѣйшихъ свидѣтельствъ гражданской жизни первобытныхъ славянъ, мы заключаемъ, что вся населенная территорія ихъ раздѣлялась между отдѣльными родами, а владѣніе каждаго рода опредѣлялось мѣрою занятія земли его членами, иначе говоря—разграниченія родовыхъ владѣній вовсе не существовало: ихъ пространство опредѣлялось мѣрою означеннаго владѣнія и пользованія землею“ (О пріобр. права собствен., стр. 6). Эта теорія, съ перваго раза кажущаяся ясной, въ сущности въ высшей степени темна и несправедлива, потому что слово „родъ“ употребляется здѣсь то въ смыслѣ естественнаго, то въ смыслѣ искуственнаго рода. У насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, поземельная собственность принадлежала роду, но роду въ широкомъ смыслѣ, т. е. колѣну. Такое колѣно, какъ я уже говорилъ, землю, находящуюся въ его владѣніи (волость), считало своею собственностью; но въ границахъ колѣна, каждый естественный родъ занималъ землю, на которую онъ имѣлъ лишь право пользованія, какъ я заключаю по аналогіи со всѣми первобытными народами. Но родовой бытъ уже палъ передъ временемъ Ярослава; изъ

рода выросла волость, въ главѣ которой стоялъ волостель, княжескій чиновникъ. Прежняя теорія принадлежности земли роду должна была перейти въ принадлежность земли волости, но здѣсь она стала имѣть лишь политически-государственный смыслъ. Она служила теперь для опредѣленія подсудности волостеля, для сбора и раскладки повинностей. „А судъ по землѣ и по водѣ“ — вотъ фраза, часто упоминаемая въ грамотахъ, наравнѣ съ другою: „тянуть съ городомъ“—тянуть къ старостѣ. Но, что же сдѣлалось съ поземельными владѣльцами? Каждый, который въ границахъ волости распахалъ себѣ землю и устроилъ домъ, былъ фактическимъ собственникомъ, если онъ нажилъ домъ и распахалъ землю на собственныя средства. Земля считалась его до тѣхъ мѣстъ „пока его топоръ и коса ходили“; на этомъ пространствѣ собственникъ ставилъ межи и знаки, которые законъ поставлялъ подъ защиту верви или, можетъ быть, волости. Уже сыновья Ярослава установили: „кто переоретъ межу или перетесъ, то долженъ заплатить 12 гривенъ продажи“. Позднѣе, при Владимірѣ Мономахѣ, было поставлено: „кто перетнетъ межу бортную (т. е. уничтожитъ въ лѣсу знаки, указывающіе, что здѣсь ставитъ пчелъ извѣстный хозяинъ), или „переоретъ ролейную, или дворную тыномъ перегородитъ, то 12 гривенъ продажи“. Спрашивается, о какой межѣ здѣсь говорится, или можетъ говориться? Конечно, о границахъ частной собственности, принадлежащей индивиду, семьѣ или естественному роду. Это не есть собственно защита земли, а просто защита труда, или даже просто тишины и порядка. Я назначилъ себѣ это мѣсто для того, чтобы завести пчелъ, распахалъ землю, чтобы посѣять хлѣбъ,—и никто не имѣетъ права уничтожить мой трудъ; если другой хочетъ сдѣлать тоже, пусть дѣлаетъ это въ другомъ мѣстѣ: никто ему мѣшать не будетъ; но здѣсь мой трудъ неприкосновененъ и охраненъ закономъ. Законъ не имѣетъ здѣсь въ виду охранять поземельную собственность, но охраняетъ трудъ; земля сама-по-себѣ не имѣетъ никакой цѣнности—такъ ея много. Когда народъ занимался охотой, для него

земля была гораздо цѣннѣе, т. е. не самая земля, а живущіе на ней звѣри; тогда родъ старался захватить больше земли и крѣпко защищалъ ее, потому что чѣмъ больше земли, тѣмъ больше звѣрей, тѣмъ легче охота. Теперь, когда всѣ стали жить земледѣліемъ, земля потеряла всякую цѣнность, потому что на одномъ ничтожномъ клочкѣ ея можно было достать пропитанія для цѣлаго семейства или рода, а этихъ клочковъ такое необъятое количество, что ихъ достанетъ заглаза на всѣхъ. Но, могутъ возразить, что если поземельная собственность существовала, то почему нѣтъ слѣдовъ продажи ея, почему въ Русской Правдѣ не упоминается о такой продажѣ? Да просто потому, что продажа земли, какъ земли, вовсе не существовала и не могла существовать. Когда я распахалъ землю, построилъ дворъ или лачугу, завелъ скотъ, земледѣльческія орудія,—мой участокъ для меня охраненъ закономъ о межахъ. Но я обѣднѣлъ и продалъ скотъ, орудія земледѣлія; послѣ этого мнѣ ничего не остается, какъ бросить эту землю и идти въ закупы. А что же я дѣлаю съ землей, дворомъ,—можно спросить? Но развѣ кому-нибудь нужна моя земля, кто-нибудь купитъ ее, когда ея всегда довольно; новый хозяинъ моей истощенной почвѣ предпочтетъ новину, которую онъ самъ выберетъ для себя, а дворъ имѣлъ развѣ только самую ничтожную цѣнность, и то для охотника. Еще во времена Ивана IV дворъ въ лѣсу стоилъ полтину (Суд., ст. 88). Такимъ образомъ, когда у крестьянина пропадалъ скотъ, прежній собственникъ дѣлался безземельнымъ и ему ничего не оставалось, какъ идти въ закупы или холопы.

Былъ одинъ случай, когда земля могла имѣть цѣнность,—это тогда, когда на ней сидѣли крѣпостные холопы. Такъ, въ 1150 году Ростиславъ смоленскій даетъ смоленской епископіи село Дросенское, съ землею и съ изгои, село Ясенское, съ бортникомъ, съ землею и съ изгои, огородъ съ капустникомъ, съ женою и дѣтьми, тетеревникъ съ женою и дѣтьми (Д. А. И., т. I, № 4). Въ 1192 году Варлаамъ даетъ Хутынскому монастырю тоже нѣсколько селъ

„съ челядью и скотомъ“ (тамъ-же, № 15). Въ обоихъ случаяхъ земля упоминается лишь между прочимъ, такъ какъ главная цѣнность состоитъ въ челяди и скотѣ. Мстиславъ Владимировичъ даетъ Юрьеву монастырю село „съ вирами и продажами“ (тамъ-же, № 3). Здѣсь князь собственно уступаетъ не землю, а просто верховное право суда. Отъ этого времени мы имѣемъ лишь одинъ примѣръ дачи земли, какъ земли,— это отводъ Изяславомъ горы Печерскому монастырю (Лавр., 68); но, вѣроятно, это было перенесеніемъ обычая, чуждаго этому времени, изъ Византіи. Такой порядокъ вещей продолжался до XIV вѣка, отъ котораго дошли до насъ купчія грамоты на землю и, стало быть, земля получила цѣнность и стала собственностью, могущею сравниваться съ другими цѣнностями, а потому съ этого времени земля попала въ составъ цѣнностей. Неволинъ и Рейцъ (Соч. Нев., т. IV, стр. 137) допускаютъ тоже возможность ранняго образованія у насъ поземельной собственности; но Неволинъ совершенно иначе объясняетъ, почему въ Русской Правдѣ ничего не говорится о поземельной собственности. Неволинъ думаетъ, что это происходило потому, что при отсутствіи движимостей, могущихъ сравняться по цѣнности съ землею, она не продавалась и не мѣнялась. Владѣлецъ не могъ ее продавать, потому что съ нею онъ терялъ все. Я совершенно иначе объясняю это и, какъ кажется, болѣе справедливо. Странно, чтобы извѣстное количество коровъ или скота въ какое-либо время не равнялось по цѣнности съ участкомъ земли! Да и какъ можно предположить, чтобы земля могла имѣть тогда такую цѣнность, если и теперь, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, она не имѣетъ никакой цѣны.

Другое предположеніе, почему въ Правдѣ не упоминается о поземельной собственности, сдѣлано тѣми, кто предполагалъ широко развитый общинный бытъ. Земля принадлежала тогда общинѣ, а слѣдовательно, не могла продаваться, мѣняться и такъ далѣе. Допустимъ, что дѣйствительно общинный бытъ былъ широко развитъ и община имѣла большое значеніе въ жизни. Но что такое община, какія она обни-

мала пространства? Конечно, община обнимала пространства волости, или, по крайней мѣрѣ, сотни. Среди этого пространства были раскинуты на отдаленное разстояніе другъ отъ друга отдѣльные дворы съ ихъ хозяевами. Спрашивается, какое не отвлеченное, но жизненное практическое значеніе могла имѣть такая община для хозяевъ? Весьма понятно, что въ настоящее время, когда каждая волость имѣетъ сравнительно громадное населеніе, когда въ ней почти нѣтъ земель не вспаханныхъ, идея принадлежности земли общинѣ находитъ въ передѣлахъ земель, для обдѣленія вновь нарождающагося населенія, весьма важное практическое значеніе. Но какое значеніе могла имѣть эта идея тогда, когда никакого передѣла и существовать не могло и онъ не имѣлъ смысла? Она была тогда пустой и никому не нужной идей. Въ границахъ этой же верви, какой-нибудь ловкій и энергичный человѣкъ могъ обработать землю и все болѣе и болѣе распахивать предѣлы своихъ владѣній, превращая прежнихъ свободныхъ общинниковъ въ закуповъ и рабовъ, а земли ихъ считать своею собственностью въ томъ смыслѣ, что на ней сидятъ его люди. Такъ, новый собственникъ могъ поглотить всю вервь или сотню и она бы изчезла вмѣстѣ съ своей землей безъ всякой купли-продажи. Лишь тогда, когда государство объявило всѣ незанятыя земли своей собственностью, признавъ прежніе практическіе захваты законными, стала возможна и собственность общинная. Итакъ, до XIV вѣка была-ли поземельная собственность? И да и нѣтъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на вопросъ. Она была, потому что законъ защищалъ каждое владѣніе, каждый захватъ земли, на пространствѣ котораго были поставлены знаки; ея не было, потому что земля не имѣла мѣновой цѣнности, а слѣдовательно, съ ней нельзя было дѣлать никакихъ сдѣлокъ. Можно сказать, тогда было владѣніе равное собственности и не было собственности безъ владѣнія. Самое тождество въ древнемъ нашемъ языкѣ слова владѣнія и волости доказываетъ это. Волость была собственностью рода, когда онъ

могъ владѣть ею, защищать ее отъ другихъ. По упадкѣ родоваго быта, каждое лицо было собственникомъ того, чѣмъ оно завладѣло. Какъ скоро я оставилъ свою землю, она переставала быть моей собственностью. Вотъ все, что можно сказать о правѣ собственности на землю этого времени.

Если такъ слабо былъ развитъ въ то время институтъ собственности, то столь же, если не болѣе, была бѣдна и область договоровъ, въ которые вкладывалась вся практическая жизнь этихъ временъ. Правда знаетъ лишь слѣдующіе договоры: *купли-продажи*, *займа*, *найма* и *поклажи*.

Договоръ *купли-продажи*, для своей полной крѣпости, требовалъ присутствія мытника и двухъ свидѣтелей. Мытникомъ былъ княжескій чиновникъ, собиравшій пошлины при покупѣ, такъ что онъ былъ необходимымъ свидѣтелемъ всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ. Сверхъ того, покупатели должны были знать продавца, чтобы, въ случаѣ предъявленія иска на купленную имъ вещь какъ на краденную, онъ могъ истцу указать продавца и предоставить ему вѣдаться съ нимъ (Тр., ст. 32).

Договоръ *займа* совершался въ присутствіи свидѣтелей, которые, въ случаѣ отреченія должника, должны были принесть присягу. Изъ этого общаго правила было одно важное исключеніе въ пользу купцовъ, которые могли совершать заемъ безъ послуховъ, и въ случаѣ спора, кредиторы были обязаны только принести присягу (Тр., ст. 43, 44). Заемъ совершался съ процентами, установленными закономъ. О количествѣ процентовъ мы уже говорили выше. Особенный видъ займа, вытекающій изъ обстоятельствъ этого времени, въ которомъ почти не было цѣнностей, былъ заемъ подъ обезпеченіе личной свободы, закупничество. Особенности этаго договора заключались, во 1-хъ, въ томъ, что проценты на капиталъ заемщика платились частью личнаго труда и его плодовъ, условленныхъ по договору и, во 2-хъ, въ томъ, что для отдачи капитала не было опредѣленнаго срока. Несправный должникъ, имущество котораго не могло удовлетворить кредиторовъ, по обычаю, обращался въ раб-

ство. Владиміръ Мономахъ смягчилъ этотъ суровый законъ для купцовъ, обанкротившихся несчастнымъ образомъ, безъ вины съ ихъ стороны, допустивъ разсрочку въ уплатѣ. При закупничествѣ, такъ какъ это былъ заемъ безсрочный, то должникъ превращался въ раба лишь тогда, когда фактомъ бѣгства нарушалъ контрактъ.

Договоръ *найма* былъ въ высшей степени слабо развитъ и почти не существовалъ, такъ какъ всякій хозяинъ работалъ самъ на себя, а въ случаѣ, еслибы собственной работы было ему мало, то легко и за безцѣнокъ могъ купить раба. Рабство было дотого общимъ фактомъ, что всякій считался рабомъ, если жилъ въ чужомъ домѣ, и долженъ былъ представить доказательства, что жилъ по свободному ряду (Тр., ст. 103, 104). Особенный родъ договора найма, былъ наемъ за хлѣбъ, существовавшій въ голодные годы; въ обезпеченіе личности нанявшагося, государство установило, что за прокормленіе въ голодное время прокормленный обязанъ годичной работой (Тр., ст. 105).

Наконецъ, договоръ *поклажи* былъ безвозмезднымъ, совершался безъ свидѣтелей, а въ случаѣ спора, принявшій вещи на сохраненіе обязанъ былъ лишь принять присягу.

Постановленія Русской Правды о наслѣдствѣ и опекѣ могутъ быть объяснимы лишь принимая во вниманіе раздѣленіе общественныхъ классовъ, съ одной стороны, и ту форму семействъ, которая начинаетъ теперь вырабатываться подъ вліяніемъ христіанства, сохраняя, впрочемъ, многія черты прежнихъ идей, сложившихся въ родовомъ бытѣ.

Общество раздѣлялось въ то время на пять классовъ: дружинниковъ, свободныхъ людей, закуповъ, смердовъ и рабовъ.

Первый классъ—дружинниковъ, въ своихъ отношеніяхъ къ князю, прошелъ два рѣзко различные, даже противоположные момента. Первоначально дружина наша, до Владиміра, состояла по большей части изъ скандинавовъ, и тогда въ ней должны были господствовать скандинавскія идеи. Затѣмъ, она стала состоять наболѣе изъ славянскихъ элементовъ,

но дружинники все-же не имѣли никакой осѣдлости и жили княжескимъ содержаніемъ. Второй моментъ развитія начинался съ того времени, когда дружина стала состоять изъ поземельныхъ собственниковъ, мѣстныхъ бояръ.

Въ первомъ періодѣ своего развитія, какъ справедливо замѣтилъ г. Никольскій (О начал. наслѣд., стр. 368), дружинники были всѣмъ обязаны князю; все ихъ имущество состояло въ жалованьи князя; сами они были бездомные скитальцы, оставившіе родину, почти безъ надежды возвратиться въ нее, а потому, если они оставляли наслѣдниковъ, то князь являлся ихъ естественнымъ наслѣдникомъ. Въ этомъ періодѣ отношенія между княземъ и дружиною у насъ строились на основаніи идей, господствовавшихъ въ Западной Европѣ. Въ Западной Европѣ отношенія между дружиною и королемъ были тѣснѣе, чѣмъ у насъ въ позднѣйшую эпоху развитія. Такъ, дружинникъ приносилъ королю присягу въ вѣрности и оставленіе королевской службы разсматривалось какъ государственная измѣна, за которую, по кодексу франковъ, опредѣлялась смертная казнь. Въ силу этой близости, король бралъ виру за убитаго дружинника, онъ же естественно наслѣдовалъ имущество (Lesard., т. I). Такой же порядокъ вещей господствовалъ и у насъ до XII столѣтія, когда между дружинниками стали являться бояре, пріобрѣвшіе свое имѣніе независимо отъ князя. Тогда и совершился переворотъ въ отношеніяхъ между княземъ и дружиной, поведшій къ измѣненію законовъ о наслѣдствѣ. Русская Правда говоритъ: „а между боярами и дружиной за князя наслѣдства не идетъ, но если не будетъ сыновей, то возмутъ дочери“. Самый порядокъ статьи убѣждаетъ въ томъ, что прежде наслѣдство послѣ бояръ переходило къ князю, иначе зачѣмъ бы объ этомъ особенно напоминать.

Но дружина князя, мало-по-малу, стала составляться изъ мѣстныхъ элементовъ и раздѣляться на старшую и младшую, изъ которыхъ послѣдняя была не постоянной, а вѣчно смѣняющейся и пропадающей въ народѣ. Положеніе о наслѣдствѣ отъ дружины мало-по-малу стало распространяться

и на всѣхъ свободныхъ людей, которые входили въ составъ ея. Это подтверждается различными варіантами въ заглавіяхъ статей о наслѣдствѣ: „о боярстей задницѣ и людстей“, „о боярскихъ статкахъ и о людскихъ“, „о задницѣ боярской и людстей“. Эти измѣненныя названія находятся въ шести спискахъ (см. Калачева). Такимъ образомъ, это постановленіе, относящееся первоначально къ старшей дружинѣ, самымъ ходомъ вещей распространялось на всѣхъ свободныхъ людей, могущихъ быть членами дружины.

Второй классъ свободныхъ людей, жившихъ первоначально вмѣстѣ съ своими племенами, управлялся, конечно, своими собственными обычаями и князь не имѣлъ къ нимъ никакого отношенія, кромѣ сбора дани. Въ этомъ классѣ господствовало обычное право наслѣдованія. Если же его члены и вступали въ княжескую дружину или полки, то эти отношенія были слишкомъ временны, скоропреходящи, чтобы изъ нихъ могло развиться какое-либо право князя на ихъ наслѣдство.

Третьимъ классомъ, образовавшимся въ это время, были закупы. Мы видѣли, что законъ признавалъ за закупами право имѣть отдѣльное имущество, но это отдѣльное имущество состояло въ небольшомъ заработкѣ, тогда какъ все цѣнное, какъ скотъ, земледѣльческія орудія—принадлежали хозяину. Конечно, всѣ эти предметы бралъ себѣ его землевладѣлецъ, какъ свою собственность, и затѣмъ уже давалъ все, что оставалось, его женѣ или дѣтямъ, если онъ хотѣлъ что-нибудь дать имъ. Въ Псковской судной грамотѣ наслѣдство класса, во всемъ сходнаго съ закупами, уже опредѣлено закономъ; но эта грамота относится къ XV вѣку и проникнута такимъ демократическимъ духомъ равенства и защиты всѣхъ членовъ, какого нѣтъ и слѣда въ Русской Правдѣ. Одна статья въ Карамзинскомъ спискѣ Правды весьма замѣчательна, а именно: „а женкѣ съ дочерью за работу по полугривнѣ на лѣто“. Кто могли быть эти женка съ дочерью? Конечно, это были жена и дочь закупа, оставшіяся по смерти мужа безъ состоянія и ищущія заработка, въ качествѣ на-

емницъ. Еслибы у закупа былъ взрослый сынъ, то онъ, конечно, занялъ бы мѣсто отца и фактически былъ бы наслѣдникомъ его имущества, и по договору съ хозяиномъ, по которому получалъ отъ него все состояніе, онъ становился бы къ хозяину въ такія же отношенія, въ какихъ состоялъ и его отецъ.

Тоже самое должно сказать о наслѣдствѣ смердовъ, которые были въ состояніи, близко подходящемъ къ закупамъ, но жили на княжескихъ земляхъ. Конечно, когда смердъ оставлялъ сына, то послѣдній вступалъ во всѣ обязанности отца и князь не наслѣдовалъ его имущества, потому что оно было строго необходимо для заведенія новаго хозяйства; но когда послѣ смерда оставались только дочери, то князь отбиралъ себѣ его имущество, передавалъ его другому лицу, которое могло бы работать и платить урокъ князю, а дочерямъ, если онѣ не были пристроены, давалась часть, по волѣ и великодушію князя.

Наконецъ, послѣдній классъ—холопы, какъ неимѣющій по закону имущества, такъ какъ все, что они имѣли, принадлежало ихъ господамъ, не могъ имѣть и наслѣдственнаго права.

Въ средѣ свободныхъ людей имущественныя отношенія опредѣлялись отчасти обычаями, отчасти вліяніемъ византійскаго права. Какъ въ предъидущую, такъ и въ настоящую эпоху, семья поглощалась въ правахъ и власти своего властелина. Начальникъ семьи былъ полнымъ господиномъ своей жены и своихъ дѣтей. Эта идея перешла изъ родоваго быта. Въ разсматриваемую эпоху обычай жить естественнымъ родомъ, т. е. совмѣстно, въ одномъ домѣ, всѣмъ братьямъ, оставшимся послѣ смерти отца съ ихъ женами и дѣтьми, хотя еще могъ держаться, но во многихъ случаяхъ онъ уже замѣнялся другимъ обычаемъ, по которому всѣ взрослые братья, одинъ за другимъ, заводили собственныя хозяйства и только младшій оставался въ домѣ и наслѣдовалъ его. Развитію этаго обычая благопріятствовала масса земель, которыми располагала Русь, и преобладаніе занятія земле-

дѣліемъ надъ всѣми другими родами занятій. Что бы ни говорилъ г. Кавелинъ о патріархальности нашей деревенской жизни, гдѣ крестьяне называли помѣщика отцомъ, а себя— его дѣтьми, младшихъ—молодками, ребятами, а старшихъ— дядями, дѣдами, тетками, бабками (т. I, стр. 311), но у насъ нѣтъ и слѣдовъ ни въ прежней, ни въ настоящей жизни, чего-либо подобнаго устройству рода въ Славоніи. Въ Славоніи до послѣдняго времени всѣ члены семейства жили нераздѣльно, подъ управленіемъ господаря, такъ что въ одномъ домѣ было отъ 60 до 100 душъ. Родовой домъ занималъ одинъ домоначальникъ съ семействомъ; каждая брачная чета жила отдѣльно. Домоначальникъ—господарь и жена его— господарица управляли всей фамиліей. Домоначальникъ избирался фамиліей, и гражданская власть принуждала членовъ дома повиноваться его распоряженіямъ (Эверсъ, Др. ист., стр. 307).

Спрашивается, можно-ли у насъ найти что-нибудь подобное въ эту эпоху, или хоть слѣды такого устройства даже во времена Русской Правды? Если въ Великороссіи братья по смерти отца живутъ нераздѣльно, то это, конечно, можетъ доказывать крѣпость семейной связи, но ничего болѣе. Уже Псковская судная грамота XV вѣка ясно и опредѣленно говоритъ, что она предпочитаетъ отдѣленіе сыновей послѣ отца всякому совмѣстному сожительству и допускаетъ его какбы противъ воли, до первой ссоры (Энгельманъ, Гражд. закон. Псков. Суд. гр., стр. 2). Слѣды этаго взгляда также ясно указываются и въ Русской Правдѣ: „когда братья заспорятъ о задницѣ передъ княземъ, то который дѣтскій пойдетъ дѣлить ихъ, тотъ и возметъ гривну“, т. е. при малѣйшей ссорѣ братьевъ послѣ отца, законъ и не думаетъ поддерживать родовую власть старшаго брата, а тотчасъ же раздѣляетъ ссорящихся (Пер., стр. 100). Если въ Великороссіи и живутъ братья вмѣстѣ послѣ смерти отца, то это тогда, когда ихъ немного, у нихъ немногочисленныя семейства и они не связаны какимъ-либо интересомъ, напримѣръ торговлей; но старшій братъ здѣсь не имѣетъ никакой особенной

власти, кромѣ власти, вытекающей изъ его способностей и опытности. Все это, безъ сомнѣнія, указываетъ, что родовой бытъ у насъ изъ естественнаго не сдѣлался искуственнымъ, наподобіе словаковъ и сербовъ,по совершенно изчезъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Единственное наслѣдство, оставленное намъ родовымъ бытомъ, была та безграничная власть главы семьи надъ женою и дѣтьми, какую мы замѣчаемъ и въ этомъ періодѣ. Чтобы понять институтъ наслѣдства, необходимо, такимъ образомъ, понять отношенія главы семьи къ ея членамъ. Въ первобытное время, когда женщина покупалась, она, какъ и всякая купленная вещь, становилась собственностью мужа–покупщика. У первобытныхъ народовъ мы нигдѣ не находимъ правила, чтобы родъ, выдававшій женщину, сохранилъ за собою право мести, въ случаѣ дурнаго обращенія или убійства жены; какъ проданная, женщина переставала быть собственностью рода и переходила въ собственность мужа. Низкое положеніе женщины ярко указывается тѣмъ, что до временъ Владиміра Мономаха за ея убійство не платилось виры, а слѣдовательно платился только урокъ мужу, ея собственнику. Владиміръ Мономахъ первый дѣлаетъ попытку охранить женщину, но и онъ не рѣшился ввести полную виру, а только половину виры за убійство жены. Кто же могъ охранять жену отъ убійства ея мужемъ, если за убійство постороннимъ лицомъ платилась половина виры? Очевидно, одна христіанская церковь, насколько сильно было ея вліяніе. Если таково было положеніе женщины въ семьѣ, то нечего и говорить о возможности существованія въ эту эпоху отдѣльнаго имущества, которымъ жена могла бы распоражаться, независимо отъ господина и мужа. Эта же полнота власти была въ рукахъ отца въ отношеніи дѣтей. Жена и дѣти были собственностью отца и мужа, или главы дома. Г. Никольскій такъ вычисляетъ власть главы дома: 1) въ случаѣ преступленія отца семейства, все его семейство подвергалось наказанію. За разбой, коневую татьбу и зажигательство Правда выдаетъ преступника князю съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе; 2) понятіе свободы и не-

свободы лежитъ на одномъ отцѣ. Если отецъ свободенъ, то и всѣ члены въ семьѣ свободны, если только онъ самъ не продалъ кого-нибудь изъ нихъ въ неволю; 3) отецъ имѣлъ судебное представительство въ цѣломъ семействѣ; 4) древнѣйшіе акты на пріобрѣтеніе и отчужденіе совершались отцомъ семейства (О начал. наслѣд., стр. 272—282).

Этотъ характеръ родовыхъ отношеній, унаслѣдованный семьею, объясняетъ и постановленіе о наслѣдствѣ. „Если кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтямъ, то на этомъ и основывать все; если умретъ безъ рода, то все дѣтямъ, а часть дать на поминъ души. Жена—наравнѣ съ дѣтьми, и въ отношеніи къ мужу не имѣетъ никакихъ правъ: „она получаетъ только то, что дастъ мужъ". Дѣти женскаго пола наслѣдуютъ только по необходимости, когда нѣтъ сыновей; но и это значительный шагъ впередъ отъ идей родоваго быта, совершонный подъ вліяніемъ церкви. Если есть братья, то они берутъ все себѣ, но обязаны притомъ выдать свою сестру замужъ. При существованіи въ одной семьѣ дѣтей отъ двухъ отцовъ или двухъ матерей, дѣти наслѣдуютъ только послѣ своихъ отцовъ и матерей. Особенное постановленіе въ Русской Правдѣ вызвано слабостью христіанскаго семейства въ обществѣ этого времени и господствомъ въ немъ многоженства, подъ фирмою наложничества или связей домохозяевъ съ рабынями. Какъ ни сильно ратовала церковь противъ такого осквернения брака, но ея вліяніе было безсильно противъ установившагося обычая; она могла лишь настоять на томъ, чтобы дѣти отъ рабыни не получали наслѣдства, а только свободу, вмѣстѣ съ матерью.

Въ постановленіи объ опекѣ выразились очень ярко какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны этого общества. Что, по смерти жены, мужъ и отецъ былъ естественнымъ опекуномъ,— объ этомъ Правда ничего не говоритъ, потому что, по справедливому замѣчанію г. Никольскаго, это разумѣлось само собою; отецъ, по смерти жены, былъ такимъ же властелиномъ, какъ и при ней; но если умиралъ отецъ, а оставалась мать, тогда законъ Мономаха стремился сдѣлать ее

опекуншей, но достигалъ этого, какъ кажется, лишь съ большимъ трудомъ. Женщина пользовалась слишкомъ малымъ уваженіемъ даже въ лицѣ матери. При родовомъ бытѣ, она не могла играть никакой роли; по смерти мужа, ея старшій сынъ дѣлался ее естественнымъ господиномъ. Эти идеи все еще жили въ обществѣ, хотя противъ нихъ церковь боролась всею своею силой. Остатки этихъ идей ясно видны въ нравахъ, и обнаруживаются даже иными статьями Русской Правды. „Если жена обѣщается сидѣть (т. е. не выходить замужъ) послѣ смерти мужа, говоритъ Правда, а дѣти не захотятъ имѣть ее на дворѣ, не смотря на то, что она всячески будетъ стараться остаться тамъ, то защищать ея волю а дѣтямъ воли не давать". Но и живя въ мужнемъ домѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, она не была полновластной опекуншей. Не говоря уже о томъ, что она обязана была отдать полный отчетъ объ опекѣ, принять имущество по описи предъ сторонними людьми и возвратить его тоже по описи, но законъ прямо говоритъ: „что ей далъ мужъ, съ тѣмъ пусть она и сидитъ, или пусть возьметъ свое и идетъ". Конечно, мать управляла домомъ до фактическаго совершеннолѣтія дѣтей, но когда исполнялось это совершеннолѣтіе, объ этомъ ничего нѣтъ въ Правдѣ Дѣти, достигши совершеннолѣтія, также фактически вступали въ управленіе домомъ и жили вмѣстѣ, или раздѣлялись; въ такомъ случаѣ, мать, съ своимъ имуществомъ, оставленнымъ ей мужемъ, должна была жить или особо, или искать убѣжища у кого-либо изъ сыновей, или даже у замужней дочери, какъ это видно изъ слѣдующей статьи: „а матери который сынъ добръ, первой или второй-ли, тому она и дастъ свое; а если всѣ сыновья „лихи", то пусть дочери дастъ, которая была добра и кормила ее". Окружонной недовѣріемъ общества и неуваженіемъ дѣтей, положеніе вдовы было столь горькое, что Владиміръ завѣщалъ сыновьямъ самимъ рѣшать всѣ процессы, гдѣ была замѣшана вдова; „оправдайте вдовицу"—такъ характеристически выражается Владиміръ.

Въ случаѣ выхода матери замужъ, опекуномъ дѣлался ея

мужъ, или ближайшій родственникъ умершаго мужа принималъ имѣніе по описи и имѣлъ право пользоваться приплодомъ, но обязанъ былъ возвратить въ цѣлости оставшійся капиталъ (Тр., ст. 93).

Я не буду говорить о гражданскомъ судопроизводствѣ, потому что оно ничѣмъ существенно не разнилось отъ уголовнаго.

Въ заключеніе этой главы я скажу о составѣ Русской Правды и законодательной дѣятельности князей вообще.

Долгое время Русскую Правду не хотѣли признавать памятниковъ столь же важнымъ, какъ и законодательные акты настоящаго времени. Возраженіе противъ нее сгруппированы слѣдующимъ образомъ г. Пахманомъ (О суд. доказ.):

1) Русская Правда дошла до насъ во множествѣ списковъ, различныхъ между собою по формѣ, по бо́льшей или мéньшей полнотѣ содержанія, по порядку изложенія, по времени ихъ составленія и по другимъ признакамъ.

2) Мы не имѣемъ первоначальнаго подлиннаго текста Правдыа. Въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, он не можетъ быть названа документомъ оффиціальнымъ и есть не болѣе какъ частный сборникъ законовъ.

3) Признавая Русскую Правду источникомъ права, трудно обозначить время, въ теченіе котораго она имѣла практическую силу.

4) Трудно опредѣлить, гдѣ именно имѣла силу Русская Правда; была-ли она источникомъ общимъ для всей Руси, или только мѣстнымъ?

5) Была-ли Русская Правда туземнымъ произведеніемъ, или обязана своимъ происхожденіемъ чужеземнымъ законодательствамъ?

Всѣ эти возраженія, мнѣ кажется, нисколько не колеблятъ силы и значенія Русской Правды.

Во–первыхъ, хотя Русская Правда дошла до насъ въ разныхъ спискахъ, но это разнообразіе списковъ можетъ быть для насъ лишь подтвержденіемъ жизненности Правды и служить для опредѣленія постепенности ея развитія. Эти

списки, при всемъ своемъ разнообразіи, подходятъ подъ три главныхъ категоріи, какъ это доказано Калачовымъ. Списки, содержащіе краткую Правду Ярослава и сыновей, и списки Правды XII вѣка, переработанные и дополненные младшими сыновьями Ярослава и въ особенности внукомъ Ярослава Мономахомъ. Типомъ этой Правды служитъ Троицкій списокъ и согласные съ нимъ почти вполнѣ 26 другихъ списковъ, изъ 50-ти, разсмотрѣнныхъ Калачовымъ. Эта Правда есть, такъ сказать, ея основаніе, ея ядро. Первая ея половина, конечно, есть переработка и дополненіе младшими сыновьями Ярослава Правды съѣздовъ или старшихъ сыновей Ярослава, а вторая часть Правды—Владиміра Мономаха и его ближайшихъ пріемниковъ. Третій родъ списковъ содержитъ въ себѣ дополненіе XIII вѣка. Наконецъ, четвертый родъ списковъ есть очевидно сокращеніе Правды для какихъ-либо цѣлей переписчиками, или даже княземъ, какъ они и позднѣе дѣлали въ уставныхъ грамотахъ. Примѣры такого сокращенія законодательствъ объясняются обстоятельствами; такіе списки были вполнѣ удовлетворительны для какихъ-либо болѣе глухихъ мѣстностей государства. Такимъ образомъ, съ большой долей вѣроятности, можно указать на четыре эпохи законодательства Правды: 1) Ярославова—17 статей; 2) Правда старшихъ сыновей; 3) Правда младшихъ сыновей (первая половина Троицкаго списка); 4) Правда Владиміра Мономаха и его ближайшихъ преемниковъ (2-я половина Троицк. сп.). Ко временамъ Изяслава Мстиславовича, праправнука Ярослава, нужно отнести перенесеніе въ Русскую Правду законовъ о наслѣдствѣ, потому что процессы о наслѣдствѣ, еще по Уставу Всеволода Мстиславовича (1117—1137), судились церковью, а по Уставу Ростислава Мстиславовича, брата Изяслава, княжившаго въ Смоленскѣ въ половинѣ XII вѣка, эти процессы уже не судились церковью. Къ какому времени и къ какимъ дѣятелямъ относится дополненіе Правды XIII вѣка,—мы не знаемъ этого съ достовѣрностью; но это и не имѣетъ особенной важности, такъ какъ все существенное было сдѣлано въ XII вѣкѣ.

Русская Правда не была оффиціальнымъ актомъ, въ смыслѣ законодательнаго памятника, изданнаго оффиціально княземъ. Власть законодательная есть позднѣйшій продуктъ народнаго развитія. Первоначальныя нормы жизни были установлены природой вещей и исконнымъ обычаемъ; никому изъ первыхъ князей не могло придти въ голову издавать нормы для жизни и оффиціально обнародовать ихъ. Законодательная дѣятельность лишь мало-по-малу только входитъ, какъ одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей княжеской власти, но имѣетъ первопачально лишь характеръ дополненія къ обычаю. Князья не думаютъ первоначально ограничить и исключительно присвоить себѣ власть установлять нормы жизни; ихъ намѣстники и судьи точно также и сами вносятъ въ свои списки, списанные ими для руководства, и свои собственныя постановленія, какъ справедливо замѣтилъ это Розенкампфъ. Намѣстники великаго князя Владиміра, конечно, не могли обойти безнаказано его постановленія, подъ страхомъ жалобы мѣстныхъ жителей самому князю, но никто не помѣшалъ бы имъ дополнять недостающее. Такимъ образомъ, Правда была и памятникомъ законодательной дѣятельности князей и самостоятельной судебной дѣятельности ихъ представителей; но отъ этого ея значеніе не уменьшается, какъ не умепьшалось значеніе римскаго права оттого, что преторъ здѣсь былъ самостоятельнымъ проводникомъ народнаго права. Опредѣлить пространство, на которомъ дѣйствовала Русская Правда, дѣйствительно трудно, но не для всякаго времени. Въ XII вѣкѣ она, конечно, дѣйствовала во всѣхъ владѣніяхъ рода Мономаховичей, а они составляли почти всю Русь этого времени.

Что касается до послѣдняго вопроса, была-ли Правда туземнымъ или заимствованнымъ законодательствомъ, то никто не рѣшится сказать, чтобы она была исключительно туземнымъ, или исключительно заимствованнымъ законодательствомъ; но все запятое было необходимо для удовлетворенія потребностямъ времени, а потому переработано сообразно съ мѣстными потребностями и можетъ служить, па-

равнѣ съ чисто-туземными законами, для пополненія права въ это время.

Главные элементы, изъ которыхъ состоитъ Русская Правда, слѣдующіе:

1) Постановленія князей, сдѣланныя на съѣздахъ съ ихъ дружинами. Эти постановленія заимствованы отчасти изъ обычаевъ, живущихъ въ народномъ сознаніи: таковы многія статьи судопроизводства; отчасти въ нихъ выразилось регулированіе жизненныхъ явленій, согласно пониманію Правды и государственной пользы, каковы всѣ статьи Мономаха о закупахъ.

2) Византійское вліяніе, которое весьма замѣтно въ нѣкоторыхъ статьяхъ Правды.

Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, законъ о наслѣдствѣ и опекѣ сложился подъ вліяніемъ церкви и византійскаго права. Кромѣ того, въ Правдѣ XII вѣка мы находимъ статьи, которыя не существуютъ въ Правдѣ Ярослава и его сыновей, но существуютъ въ Градскомъ законѣ и Законѣ царя Константина, что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что они были заимствованы отсюда. Такъ, статья Русской Правды о договорѣ поклажи, хотя не сходна въ выраженіяхъ съ такой же статьею Судебника Константина, но содержаніе ихъ одно и то же (Рус. достоп., т. II, стр. 188). Тоже можно сказать и о статьѣ о сожиганіи гумна, сходной съ статьею Судебника Константина (тамъ-же, стр. 158).

3) Изданіе самими князьями грамоты о цѣнности ихъ рабовъ или объ урокахъ.

4) Судебныя рѣшенія, вписанныя судьями и намѣстниками.

5) Норманскіе обычаи, отразившіеся, главнымъ образомъ, въ судопроизводствѣ, какъ справедливо высказали это гг. Михайловъ и Пахманъ.

ГЛАВА V.

Церковь и ея отношенія къ обществу и государству.

На какіе пороки общества церковь обращаетъ нравственную проповѣдь. — Религіозные вопросы, которые наиболѣе занимали общество. — Средства, употребляемыя церковью для исправленія общества. — Строгость церкви въ отношеніи своихъ членовъ. — Отношеніе православныхъ къ язычникамъ. — Начало отчужденія нашего общества отъ западно-европейскаго и первыя основанія для будущаго церковнаго раскола. — Значеніе монастырей. — Ѳеодосій Печерскій, истинный основатель монастыря того-же имени. — Вліяніе византійскаго права на наше, чрезъ посредство церкви. — Церковные суды.

Каково было нравственное вліяніе церкви на наше общество и насколько оно измѣнилось подъ этимъ вліяніемъ,— вотъ чрезвычайно трудные вопросы, которые тѣмъ не менѣе требуютъ отвѣта. Нѣтъ возможности вполнѣ исчерпать этотъ вопросъ; но можно указать какъ характеръ церковнаго вліянія, такъ и способъ воспринятія обществомъ этого вліянія. Едвали многія лица, по необыкновенной дороговизнѣ книгъ, были въ состояніи сами черпать духовныя истины изъ непосредственнаго чтенія священнаго писанія, а потому тѣмъ важнѣе для насъ оставшіяся поученія и проповѣди, потому что они были главнымъ источникомъ церковнаго вліянія: въ нихъ отражалось собственное пониманіе христіанскихъ истинъ представителями церкви. Но какъ ни важенъ этотъ источникъ церковнаго вліянія, не нужно преувеличивать его значенія, такъ какъ онъ могъ касаться лишь высшихъ слоевъ общества. Онъ можетъ служить намъ лишь указаніемъ высшей точки, до которой достигало пониманіе передовыхъ членовъ христіанской церкви, а также служить

указателемъ, какіе пороки общества были наиболѣе выдающимися, или какіе пороки церковь признавала наиболѣе опасными.

Однимъ изъ первыхъ и вліятельнѣйшихъ проповѣдниковъ этого времени былъ Ѳеодосій, игуменъ Печерскаго монастыря. Отъ него дошло до насъ нѣсколько поученій, изъ которыхъ я приведу наиболѣе замѣчательныя мѣста.

Въ одномъ изъ первыхъ поученій, Ѳеодосій старался провести новую для языческаго общества мысль, что народныя бѣдствія, какъ голодъ, нашествіе поганыхъ, бездождіе—посылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Съ этой мыслью мы весьма часто встрѣчаемся въ лѣтописи, гдѣ она повторяется почти послѣ каждаго бѣдствія; но послѣ нашествія половцевъ въ 1066 году, лѣтописецъ приводитъ почти цѣлое обширное размышленіе по этому поводу, которое есть не что иное, какъ проповѣдь Ѳеодосія, занесенная въ лѣтопись, что показываетъ необыкновенную важность для вѣка мыслей, въ ней высказанныхъ. Важность этихъ идей вполнѣ понятна, если мы вспомнимъ, что Русская земля, послѣ раздѣленія, въ первый разъ подвергалась нападенію чуждыхъ племенъ, которыя до раздробленія должны было смиренно подчиняться силѣ нашего оружія. Весьма естественно, что новые христіане, видя эти бѣдствія, могли колебаться въ вѣрѣ. Главная основа язычества—это сила Бога и покровительство его всѣмъ ему поклоняющимся и приносящимъ жертвы. Язычникъ могъ понять, что за недостаточное приношеніе жертвъ Богъ будетъ наказывать; но идея сознательнаго наказанія Богомъ за грѣхи людей была совершенно чуждой языческому міровоззрѣнію. Главная основа міровоззрѣнія Ѳеодосія та, что иноплеменниковъ Богъ наводитъ на землю какъ казнь, чтобы люди вспоминали о Немъ, а междоусобія, убійство, ревность между князьями происходятъ отъ внушенія дьявола. „Понимая это, говоритъ Ѳеодосій, постараемся жить добродѣтельно, праведно судить, избавлять обиженнаго, не воздавать зла за зло, клеветы за клевету, но съ любовью прилѣпимся къ Господу Богу нашему, съ постомъ и рыданіемъ, оплакивая слезами наши согрѣшенія. Не языčески-ли мы живемъ, вѣруя

въ встрѣчу? Если кто встрѣтитъ монаха или свинью, то возвращается домой... Не дьяволъ-ли соблазняетъ насъ, заставляя удаляться отъ Бога для скомороховъ, трубъ и гуслей. Мы видимъ игрища, всегда полныя людей, гдѣ отъ множества одинъ толкаетъ другаго, а церкви стоятъ пусты" (Лавр., 73).

Мысль, что несчастія жизни происходятъ отъ наказанія Божія, имѣетъ высокій нравственный смыслъ, необходимый для успокоенія измученныхъ бѣдствіями людей эпохи, еще не твердыхъ въ вѣрѣ. Еще важнѣе было бы развитіе второй мысли Ѳеодосія, какъ полнѣйшее отрицаніе мести, жившей еще вполнѣ въ правахъ общества. Къ сожалѣнію, проповѣдники только мимоходомъ обращаютъ свое вниманіе на это существенное зло общества, которое дышало местью. На третью выдающуюся черту общества—на общественныя собранія и игры — церковь обратила гораздо больше вниманія, хотя она и гораздо менѣе этого заслуживала; но это объясняется тѣмъ, что церковь видѣла въ этихъ собраніяхъ остатки язычества и его богослуженій и смѣшивала, такимъ образомъ, невинныя забавы съ язычествомъ, обращая меньше вниманія на то, что было гораздо важнѣе изъ остатковъ язычества, какъ, наприм., языческое міросозерцаніе, или идея мести. Весьма серьозно церковь возстаетъ противъ процентовъ, настоящей язвы того времени. Изъ вопросовъ Кирика мы узнали, что церковь запрещала службу священнику, если онъ давалъ деньги на проценты. Мірянамъ она не запрещала брать проценты, но только, чтобы они брали ихъ въ самомъ маломъ размѣрѣ, не болѣе четырехъ или пяти процентовъ.

Пьянство было однимъ изъ тѣхъ пороковъ общества, на который церковь смотрѣла какъ на остатки веселаго язычества, а потому она преслѣдовала его всѣми силами, которыми она располагала. Всѣ лучшіе проповѣдники общества говорятъ объ этомъ злѣ и рисуютъ его ужасающими красками. „О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! восклицаетъ Ѳеодосій. Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Святаго Духа и приближаемся къ

аду. Бѣсы радуются пьянству и, радуясь, приносятъ дьяволу пьяństвенную жертву отъ пьяницъ. Дьяволъ, радуясь, говоритъ: „никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія“... И посылаетъ дьяволъ бѣсовъ, говоря: „идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія“ (Макарій, т. II, стр. 116). „Болѣе всего берегись отъ запоя, говоритъ Яковъ-черноризецъ, современникъ Ѳеодосія, въ посланіи къ князю Изяславу,—потому что таковыхъ избѣгаетъ Духъ Святый, и еще берегись гордости, потому что гордымъ противится Богъ“ (Пр. къ церк. ист. Мак., т. II, стр. 339). Митрополитъ Никифоръ, въ посланіи къ Владиміру Мономаху, рисуетъ намъ картину обычаевъ того общества,—обычаевъ, которые были непріятны церкви, хотя онъ не находилъ возможности въ чемъ-либо упрекнуть князя: „Что я могу сказать такому князю, говоритъ митрополитъ, который болѣе спитъ на землѣ, избѣгая дома, не любитъ блестящихъ одеждъ и скитается по лѣсамъ въ платьѣ крестьянина и только по нуждѣ ходитъ въ городъ, надѣваетъ одежду князя? который точно также относится къ пищѣ и питью? Я знаю, что ты для гостей готовишь великолѣпные обѣды, гдѣ всѣмъ даютъ всевозможное, куда принимаешь, ради княжескаго величія, какъ правыхъ, такъ и беззаконныхъ, и гдѣ ты самъ служишь и разносишь кушанья, дѣлая все это, конечно, для утвержденія своей княжеской власти. Когда иные упиваются и объѣдаются, ты самъ сидишь спокойно и только смотришь на пьяныхъ и пьющихъ, лишь для примѣра немного вкушая самъ. Такъ ты угождаешь твоимъ подданнымъ и терпишь, чтобы они напивались предъ твоими глазами, и тѣмъ по истинѣ угождаешь имъ и покоряешь ихъ“ (Рус. Дост., т. I, стр. 69). Какъ ни мягко написано это наставленіе для лучшаго русскаго князя, но и въ немъ скользитъ ясно та же мысль, что хотя онъ самъ и остается внѣ порока, но потакаетъ ему косвенно, ради жажды власти. Изъ Церковнаго правила митрополита Іоанна мы узнаемъ, что даже въ монастыряхъ поминальные

обѣды обращались въ настоящіе пиры. „Въ монастыри, говоритъ правило, поминающіе созываютъ вмѣстѣ мужей и женъ и соревнуютъ между собою, кто сдѣлаетъ лучшій пиръ. Эта ревность не отъ Бога, а отъ лукаваго, который, подъ образомъ милости и духовнаго утѣшенія, сотворяетъ пагубу. Архіереямъ подобаетъ возбранять сплой пьянство, какъ главный корень всего зла, за которымъ слѣдуютъ всѣ другія“ (Пр. Церк. Ист. М., т. II, стр. 375). Затѣмъ, обращаясь къ священникамъ, ближе всего сталкивающимся съ жизнью, Іоаннъ дозволяетъ имъ являться на мірскіе пиры, но требуетъ, чтобы они уходили тотчасъ, когда начнется играніе, гудѣніе и плясаніе. Противъ этаго же обычая возстаетъ и Ѳеодосій. „Установлено, говоритъ онъ, благословлять кутью, по обѣды или ужины благословлять за упокой не установлено“.

Вторая сторона общественной жизни, противъ которой все еще справедливо возставала церковь, было невоздержаніе. Въ этомъ обществѣ одноженство въ высшихъ классахъ было лишь формальностью, потому что всѣ богатые люди, рядомъ съ женою, имѣли наложницъ, въ лицѣ своихъ рабынь, какъ на это прямо указываетъ Русская Правда. Кромѣ того, какъ видно изъ правилъ Іоанна, весьма часто совершался разводъ безъ всякаго вѣдома церкви, а просто мужья отсылали неугодныхъ женъ и брали къ себѣ другихъ (прав. 21). Въ низшемъ же классѣ бракъ устраивается и теперь все еще безъ всякаго участія церкви. „У простыхъ людей, говоритъ правило Іоанна, не бываетъ благословенія и вѣнчанія; они думаютъ, что вѣнчаніе необходимо лишь для бояръ, а сами берутъ себѣ женъ съ гудѣніемъ и плясаніемъ, то есть по языческому обряду“. Принимая во вниманіе этотъ характеръ общества, гдѣ чувственная жизнь была почти единственнымъ наслажденіемъ, духовная проповѣдь церкви должна была имѣть важное значеніе. „Берегись беззаконнаго смѣшенія, говоритъ Яковъ-черноризецъ въ посланіи къ Изяславу; какъ честный мужъ не захочетъ войти въ нечистое жилище, такъ и Богъ (въ оскверненное тѣло). Соломонъ

искушенный заповѣдывалъ, говоря: „не внимай любодѣйкѣ; медъ течетъ съ ея устъ, но онъ покажется горче желчи; не ходи на встрѣчу спѣсивой женѣ и отврати очи отъ красавицы, чтобы ея лицезрѣніе не возбуждало въ тебѣ страсти, а образъ чужой женщины не вкрался въ сердце твое; видъ любодѣйки пронзаетъ какъ стрѣла; она уязвляетъ лицемъ и вкладываетъ ядъ въ сердце и мысли; она какъ паукъ запутываетъ въ сѣтяхъ свопхъмуху; искра, брошенная медленно, возгорается въ пламень. Ея сердце—неводъ; ея рука—цѣпи; ея бесѣда—уловленіе... отъ красоты женской многіе погибли и навсегда умерли для рая... Могуча сила желанія, какъ сила дикой были, возникающей на невоздѣланной землѣ". Если ты имѣешь силу одолѣть ее страхомъ Божіемъ, то будешь похожъ на садовника, уничтожающаго въ саду желѣзомъ дурныя травы, или на кормчаго, минующаго пропасти благодатію Божіею, не сворачивая съ праваго пути. Ты имѣешь жену, мать желаній, ради которыхъ она оставила отца и матерь, и ложе которой, по апостолу, не скверно, но чисто; какъ не можетъ сравняться смрадъ съ благовоніемъ, беззаконіе съ закономъ; такъ ложе наложницы не можетъ сравниться съ ложемъ жены. Живи въ чистотѣ, какъ въ святой церкви, стремись совѣстью въ горній Іерусалимъ, чтобъ тамъ быть записаннымъ въ число праведниковъ" (Прилож. къ ист. цер. Мак., т. II).

Вотъ почти все, что мы имѣемъ изъ церковныхъ поученій, изъ которыхъ можно видѣть духъ и направленіе общества. Для полноты пониманія направленія церковной дѣятельности, мы имѣемъ еще два важныхъ документа, а именно: Вопросы Кирика-черноризца къ епископу Нифонту и другимъ духовнымъ особамъ и Церковное правило митрополита Іоанна. Оба эти документа обрисовываютъ пониманіе того, что считалось важнымъ въ эту эпоху, о чемъ весьма заботились. Послушаемъ же разговоры между черпецомъ и епископомъ,—разговоры, въ которыхъ ярко отразился духъ вѣка.

„Можно-ли,—спрашиваетъ Кирикъ,—крестить дитя и дать

ему св. причастіе, если его не принесутъ ни на вечерню, ни на часы, но только къ обѣднѣ?"—„Можно, но въ такомъ случаѣ мать или кормилица не должны ѣсть до обѣда, а послѣ въ теченіе 8-ми дней не ѣсть ни мяса, ни молока". Когда человѣкъ дѣлается взрослымъ, то, чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, онъ долженъ былъ избѣгать множества соблазновъ. „Вотъ, владыко, спрашиваетъ Кирикъ, нѣкоторые явно держатъ наложницъ, а другіе тайно грѣшатъ со многими рабынями. Что лучше?"—„И то не хорошо, и другое", былъ отвѣтъ. „Если кто, послѣ тяжбы предъ тобой, владыко, расторгнетъ бракъ съ своей женой, какая ему епитемья?"—„Не давай ему до смерти причастія."—„Но если мужу будетъ невозможно держать жены, или женѣ жить съ мужемъ, такъ какъ у мужа будутъ большіе долги, или онъ станетъ грабить или продавать ея платья?"—„Ни по какой причинѣ не можетъ жена оставить своего мужа; если она оставитъ его, то виновна въ прелюбодѣяніи. Точно также, если и мужъ оставитъ свою жену для другой, онъ дѣлается виновникомъ въ прелюбодѣяніи, потому что заставляетъ жену прелюбодѣйствовать. Мужъ и жена должны строго соблюдать посты, пятницу, субботу и воскресенье, подъ страхомъ двухлѣтней эпитеміи".—„Что можно ѣсть всѣмъ міряпамъ?" спрашиваетъ Кирикъ.—„Можно ѣсть всякую рыбу или мясо, если оно не противно".—„А кровь рыбью можно ѣсть?" „Нѣтъ въ этомъ бѣды, только нельзя ѣсть крови животныхъ и птицъ."—„Вотъ я слышалъ, говорятъ про нѣкоторыхъ епископовъ, что они разрѣшили ѣсть птицу, которую ловчій, заставъ въ силкѣ уже удавленною, не вынимая ея изъ силка, зарѣжетъ?"—„Лгутъ, не говорили того ни одинъ епископъ. Господь сказалъ: я разрѣшаю вамъ ѣсть мясо и кровь всякихъ животныхъ и птицъ на землѣ, но заколовъ ихъ и проливъ кровь; если не прольешь крови, то противенъ будешь Богу".—„А вотъ одному человѣку принесли на пиръ тетеревину, и онъ ѣлъ?"—„Ненадо давать причастья". —„А вотъ смерды, что по селамъ живутъ, а къ намъ ходятъ на покаяніе, и иные ѣдятъ бѣлокъ и другихъ животныхъ?"—„Не

хорошо, не хорошо ѣсть давленую, а если не давлена, то и бѣлку можно ѣсть".—„А относительно платья, въ чемъ можно ходить?"—„Нѣтъ бѣды, хотябъ и въ медвѣдинѣ".—„А что, если кто яйцемъ простучитъ о зубы до обѣдни?"—„Если малъ, то не бѣда, а если совершеннолѣтній, то если разъ, то еще ничего, а нѣсколько разъ—возбраняй".—„Можно-ли въ воскресенье зарѣзать скотину или птицу?"—„Нѣтъ въ этомъ бѣды, если случится ѣсть, то можно зарѣзать и въ воскресенье и праздникъ".— Таковы вопросы, опредѣляющіе, чего нужно беречься живому; но смерть и поминки тогда были еще болѣе важнымъ актомъ, о которомъ должны позаботиться наслѣдники. Едва-ли былъ случай, когда умирающій не оставлялъ чего-либо на поминки души, потому что Русская Правда установляетъ положительно, что часть имѣнія должна идти на поминки души. Не мудрено, что этотъ вопросъ занимаетъ и Кирика. „Не нужно хоронить человѣка, говоритъ Ипфонтъ Кирику, при захожденіи солнца. Не говори самому себѣ: скоро все сдѣлаемъ, такъ что успѣемъ похоронить до заката, а лучше хоронить когда солнце еще высоко, потому что, мертвый въ послѣдній разъ видитъ солнце".

Изъ вопросовъ Кирика мы узнали, что въ это время даже существовалъ обычай заживо отправлять сорокоусты; вѣроятно многіе не довѣряли своимъ родпымъ и знакомымъ исполненіе такого важнаго, по идеямъ вѣка, дѣла. „Вотъ я слышалъ, спрашиваетъ Кирикъ, что надъ кутьею по умершемъ нужно поставить двѣ свѣчи, или три, и даже сколько угодно, а за здравье пять или шесть?" На это епископъ отвѣчалъ: „коли хочешь, то можешь; но нельзя служить надъ кутьею безъ просфоры, а просфору нужно приготовить въ алтарѣ и положить надъ кутьею. Въ Цареградѣ въ монастыряхъ есть обычай, что въ церковь приносятъ вино, тимьянъ, свѣчи, проскуры, и все это кладется въ алтарѣ. Кутью не должно приносить за вечерню, такъ какъ тогда нельзя пѣть канонъ; канонъ поется за заутреней по праздникамъ и безъ кутьи". Мы даже узнали экономическую стоимость поминанья души: за одну гривну, кромѣ цѣнности

вина, ладона и свѣчей, должно было отслужить пять обѣдней, а за 6 купъ одну; за сорокъ бѣлокъ должно было совершить сорокъ разъ поминанье надъ просфорой. Цѣнность этихъ поминокъ доказываетъ, что онѣ были выше средствъ низшаго класса общества, который долженъ былъ довольствоваться поминаніемъ надъ просфорой, платя за каждый разъ бѣлку. Средствомъ наказанія за всѣ преступленія, указанныя выше, была эпитемья, а высшимъ наказаніемъ было отлученіе отъ церкви. Уже въ Церковномъ уставѣ Ярослава мы читаемъ, что съ отлученнымъ отъ церкви никто не могъ ѣсть и пить, подъ страхомъ такого же отлученія (см. Уставъ Ярос.). Достойно замѣчанія, что Нифонтъ не дозволяетъ замѣнять эпитемьи служеніемъ обѣдни, какъ думалъ Кирикъ, по мнѣнію котораго 10 литургій замѣняли два мѣсяца эпитемьи, а 30—годовую эпитемью, потому что, какъ справедливо выразился Нифонтъ, цари и богатые люди, такимъ образомъ, легко бы замаливали свои грѣхи, платя только за служеніе обѣденъ. Эпитемья состояла въ постѣ, а также, вѣроятно, и въ земныхъ поклонахъ. Состоящій подъ эпитемьею лишался на все это время причастія; за тяжкіе грѣхи міряне лишались причастія на 10, 15 лѣтъ и даже на всю жизнь. Въ исполненіи эпитемьи жена могла помогать мужу. Весьма замѣчательно отношеніе церкви этого времени къ святымъ странствованіямъ. „А вотъ многіе, говоритъ Кирикъ, спрашивали меня, идти-ли имъ въ Іерусалимъ, и я не дозволялъ, говоря, чтобы здѣсь лучше были добры; не грѣхъ-ли это?“—„Хорошо это дѣлать, лишь бы не ходили для того, чтобы даромъ все ѣсть и пить, а если такъ, то лучше запрещать“. Нужно замѣтить, что къ дорожнымъ людямъ, церковь была снисходительнѣе въ отношеніи пищи, а потому легко могло случиться, что нѣкоторые такими святыми путешествіями хотѣли замѣнить эпитемью, на что, какъ видно, церковь не соглашалась. Въ XIV-мъ столѣтіи сталъ развиваться обычай, предъ смертью, отпускать на волю рабовъ, что считалось, какъ можно думать, однимъ изъ добрыхъ дѣлъ; но этотъ обычай еще не существовалъ въ это

время, какъ видно изъ одного вопроса Кирика: „а хорошо-ли, владыко, отпускать раба на волю?“—„Здѣсь нѣтъ такого обычая, отвѣчалъ владыка, а лучше выкупить изъ плѣна человѣка“.

Въ вопросахъ Кирика рисуется еще другая сторона жизни этого общества, а именно: отношеніе церкви къ своимъ служителямъ и самыхъ служителей церкви къ своимъ обязанностямъ. Не весьма строгая къ мірянину, церковь строга къ своимъ членамъ, при совершеніи ими преступленія прелюбодѣянія. „Что дѣлать, если бѣлецъ или попъ безъ жены разъ впадетъ въ грѣхъ?“ спрашиваетъ Кирикъ.—„Пусть онъ воскрешаетъ мертвыхъ, отвѣчаетъ епископъ, но онъ не можетъ болѣе быть священникомъ или діакономъ“. Гораздо снисходительнѣе относится церковь къ такимъ грѣхамъ, совершеннымъ *до* посвященія въ санъ священно-служителя. Церковь ревниво относится къ репутаціи желающихъ сдѣлаться ея членами; если ставленникъ съ большимъ скандаломъ обвинялся при дворѣ князя въ воровствѣ, то онъ не могъ быть поставленъ даже въ діакона; но если преступленіе не доходило до слишкомъ большой огласки, то дозволялось ставить такое лицо въ санъ діакона. Очень любопытны нѣкоторые вопросы Кирика объ отправленіи священникомъ своихъ обязанностей. „Что, если священникъ не уснетъ ночь, проведя ее въ молитвѣ и пѣніи, такъ что послѣ ужина онъ ни на минуту не прилягетъ, можетъ-ли онъ служить обѣдню?“—„Что же лучше, справедливо отвѣчаетъ епископъ, спать или молиться? можно и не поспавши служить“.—„Можно-ли вечеромъ умыться, а утромъ не умывавшись начать службу?“ Епископъ велѣлъ уклоняться этого. „Если женскій платокъ попадетъ въ карманъ платья священника, можетъ-ли онъ служить?“—„Отчего же не можетъ, развѣ жена погана?“ отвѣтилъ епископъ (Калайдовичъ, Памят. Русск. сл. XII вѣка).

Церковное правило митрополита Іоанна добавляетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей, рисующихъ взглядъ церкви на преступленія противъ ея законовъ. „Тѣхъ лицъ, говоритъ правило, которыя во время поста будутъ ѣсть мясо, подобаетъ поучать и наказывать всѣми возможными мѣрами,

а если не остановятся, не престанутъ, то отлучать отъ церкви и смотрѣть на нихъ, какъ на язычниковъ. Также поступать и съ тѣми, кто явно живетъ съ двумя женами. Лицъ, занимающихся волхвованіемъ и чародѣйствомъ, наказывать сильно, но не убивать до смерти и не обрывать членовъ, чего не принимаетъ церковь. Всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя приносятъ жертвы, по языческому обряду, болотамъ и колодцамъ, которыя женятся безъ благословенія церкви, имѣютъ многихъ женъ, самовольно расторгаютъ бракъ и женятся на другихъ, которыя не причащаются каждый годъ святыхъ таинъ, — на всѣхъ этихъ лицъ смотрѣть какъ на чужихъ нашей вѣрѣ, и если, не смотря на всѣ поученія, они не перестанутъ творить, то отлучить отъ церкви".

Выше я уже говорилъ, что отлученіе отъ церкви состояло въ отлученіи отъ всего общества міряпъ, исповѣдовавшихъ православіе. Только члены одной православной церкви могли поддерживать между собою настоящее общеніе въ мысляхъ, пищѣ и питьѣ. Всѣ невѣрные, непринадлежащіе къ церкви, какъ отлученные отъ нея, не могли имѣть такого общенія съ вѣрными. Это постановленіе церкви мало-по-малу входило въ нравы и дѣлало изъ общества православныхъ замкнутое цѣлое.

Уже въ Уставѣ Ярослава сказано: „съ некрещенымъ не пить, не ѣсть, доколѣ не крестится; если же кто, по невѣдѣнію, будетъ пить или ѣсть, то митрополиту въ вину". Но трудно было полянамъ избѣжать общенія съ половцами, у которыхъ они, еще по извѣстію Константина Багрянороднаго, покупали скотъ; Церковное правило митрополита Іоанна касается этаго жизненнаго вопроса. „Если кто по своей волѣ ходитъ къ поганымъ язычникамъ ради купли и ѣстъ тамъ скверное, то, хотя въ отношеніи этихъ лихоимцевъ и сребролюбцевъ церковное правило и повелѣваетъ отлучать отъ церкви, хотя и велико ихъ согрѣшеніе, такъ какъ ради богатства и скотолюбія оскверняются съ погаными; но можно этимъ лицамъ, послѣ эпитемьи и очищенія постомъ отъ грѣха, дать причастіе."

Какой выводъ можно сдѣлать, на основаніи этихъ данныхъ, объ отношеніяхъ церкви къ обществу? Едвали можно отрицать, что рядомъ съ важными вопросами, имѣющими дѣйствительно громадное значеніе для общества, церковь занималась массою менѣе важныхъ вопросовъ, которые могли только наносить вредъ болѣе важнымъ. Когда человѣку, для спасенія его души, совѣтуютъ нѣсколько важныхъ и трудныхъ дѣлъ и, рядомъ съ ними, массу менѣе трудныхъ, но имѣющихъ и малое нравственное значеніе дѣлъ; то, безъ сомнѣнія, онъ постарается исполнить массу мелкихъ церковныхъ постановленій, чтобы тѣмъ успокоить свою совѣсть въ неисполненіи крупныхъ и важныхъ церковныхъ заповѣдей. Когда мы вспомнимъ это общество, въ которомъ люди не питали ни малѣйшаго довѣрія другъ къ другу, въ которомъ обманы и насилія играли важную роль; то конечно, не можемъ не согласиться, что дѣйствіе церкви въ отношеніи къ этимъ порокамъ было слишкомъ слабо. Ни изъ лѣтописи, ни изъ другихъ какихъ-либо доказательствъ, мы не видимъ, чтобы Святополкъ и Давидъ были наказаны церковью за ослѣпленіе Василька, чтобы черниговскіе князья подпали карѣ церкви за попытку убить Изяслава. Правда, что во всѣхъ этихъ случаяхъ церковь увѣщевала дѣятелей уклониться отъ преступленія; но было бы странно думать, чтобы такія дѣянія могла одобрять церковь; уже то, что она не наказывала ихъ, доказываетъ ея слабость. Но указавъ на ея слабость, ненадо забывать о великихъ услугахъ, которыя она дѣйствительно оказала обществу. Главная изъ этихъ услугъ заключается въ установленіи христіанскаго брака; хотя отъ этого установленія было еще множество уклоненій, но нѣтъ сомнѣнія, что церковь преслѣдовала за нихъ весьма строго, на сколько была въ силахъ преслѣдовать. Конечно, цѣломудріе и одноженство еще далеко не составляютъ всѣхъ добродѣтелей, необходимыхъ для существованія общества; но нѣтъ сомнѣнія, что эти добродѣтели чрезвычайно важны во всякомъ цивилизованномъ обществѣ, и что безъ нихъ невозможна и настоящая цивилизація.

Но, указывая на дѣятельность церкви для нравственнаго направленія общества, я долженъ сказать, что уже въ это время, частью сознательно, частью безсознательно, церковь способствуетъ отдаленію русскаго общества отъ связи съ европейскимъ обществомъ и кладетъ первыя основы того страннаго явленія, которое впослѣдствіи становится извѣстнымъ подъ именемъ старообрядческаго раскола. X, XI и XII вѣка были вѣками, когда восточная церковь отдѣлялась окончательно отъ западной, когда борьба между церквами и указаніе обоюдныхъ различій и уклоненій занимали еще всецѣло умы общества. Игуменъ Ѳеодосій Печерскій, митрополитъ Георгій, митрополитъ Никифоръ посвящаютъ этому вопросу длинныя, по тому времени, сочиненія. Намъ нѣтъ дѣла останавливаться на тѣхъ уклоненіяхъ, которыя православная церковь замѣчала въ церкви католической; но весьма важенъ окончательный выводъ, который сдѣлала наша церковь объ отношеніяхъ, въ которыя должны отнынѣ встать православные міряне къ мірянамъ католическимъ. Православная церковь, которая запрещала всякое общеніе съ язычниками и отлученными отъ церкви, то же суровое запрещеніе перенесла и въ отношенія къ католикамъ, хотя здѣсь была явная натяжка. Справедливо и нравственно было наказывать отлученнаго отъ церкви, какъ не исполняющаго святыхъ основъ христіанства; но можно–ли было наказывать народы за то, что они находятся подъ другими условіями развитія и воспитанія? Справедливо–ли было относиться ко всѣмъ мірянамъ-католикамъ, какъ къ язычникамъ, и запретить съ ними всякое общеніе въ мысляхъ, пищѣ и питьѣ? А между тѣмъ это было именно такъ. Однимъ изъ основаній этого отчужденія было то, что, какъ мы видѣли выше, наша церковь придавала большое значеніе вопросу о пищѣ, тогда какъ западная церковь смотрѣла на этотъ вопросъ гораздо снисходительнѣе. Вотъ замѣчательное посланіе Ѳеодосія къ Изяславу, въ которомъ ярко выразился взглядъ церкви на отношенія православныхъ къ католикамъ. „У меня есть слово къ тебѣ, князь Боголюбивый! Я, Ѳедосъ, худой рабъ Пресвятой

Троицы, рожденъ въ чистой православной вѣрѣ и воспитанъ православными отцомъ и матерью, которые крѣпко наказывали мнѣ не пріобщаться къ вѣрѣ латинской, не имѣть съ латинами ничего общаго, бѣгать всякаго ихъ ученія, *гнушаться ихъ обычаевъ, не давать за нихъ своихъ дочерей, не брать у нихъ, не брататься съ ними, не кланяться, не цѣловаться, не пить изъ одного сосуда, не пить изъ одной чаши, не принимать отъ нихъ пищи.* Если они будутъ ради Бога просить ѣсть и пить—дать имъ, но въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ не будетъ своихъ сосудовъ, то дать и въ своихъ, но послѣ этого выполоскать ихъ и дать имъ молитву, потому что они неправо вѣруютъ и нечисто живутъ: ѣдятъ съ псами и кошками и пьютъ свой напитокъ, ѣдятъ львовъ и дикихъ коней,ословъ, удавльчину, мертвечину, медвѣдину, бобровину, хвостъ бобра; въ посты ѣдятъ мясо, а во время первой недѣли поста, до вторника, попы ихъ ѣдятъ скоромное, постятся въ субботу, а вечеромъ въ день поста ѣдятъ молоко и яйца. Если кто у нихъ согрѣшаетъ, то не отъ Бога проситъ прощенія, но даютъ его попы за дары. А попы ихъ не женятся законнымъ образомъ, но живутъ съ рабами и дѣтей приживаютъ, и служатъ въ церкви невозбранно... Нѣтъ иной вѣры лучше нашей, по своей чистотѣ и святости. Въ этой вѣрѣ живучи спасемся, увидимъ царство Божье, а армяне и латине не увидятъ жизни вѣчной. Не подобаетъ, чадо, даже и хвалить чужой вѣры; кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ значитъ худитъ свою, а кто хвалитъ обѣ, тотъ двоевѣрецъ. Не сходись съ ними, но бѣгай ихъ и подвизайся въ своей вѣрѣ добрыми дѣлами, но милостынею милуй не только своей вѣры, но и чужой. Если видишь нищаго или голоднаго, или на холодѣ, или одержимаго какою-либо бѣдою, то можешь подать помощь, хотябы это былъ жидъ, сарацинъ или еретикъ“ (Приб. къ Истор. Цер. Макар., т. II).

Это, возведенное въ религіозную теорію, отвращеніе къ чужой жизни должно было въ высшей степени вредно дѣйствовать на общество, почти нетронутое цивилизаціей, но кото-

рое, тѣмъ не менѣе, боготворило не только догматы своей церкви, но и свои обычаи, считая ихъ тоже святыми. А между тѣмъ уже въ это время церковь дозволяла себѣ освятить предметы, совершенно чуждые христіанству. Уже въ Церковномъ уставѣ Ярослава сказано: „аще кто постриженъ голову и бороду—митрополиту 12 гривенъ, а князь казнитъ". Въ состязаніи митрополита Георгія съ латинами, второй причиной разрыва, послѣ служенія на опрѣснокахъ, поставлено: „иже постригаютъ бороды своя бритвою, иже есть отмѣнено отъ закона евангельска" (Прил. къ Истор. Макар.). Такимъ образомъ, уже въ это время въ идеяхъ передовыхъ людей общества составилось то узкое обожаніе себя, какъ единственныхъ представителей не только христіанской вѣры, но и христіанскихъ обычаевъ, то дѣтское освященіе собственныхъ обычаевъ и привычекъ, которое обнаружилось въ такой рѣзкой и ужасающей формѣ въ жизни и идеяхъ XVI и XVII вв.

Кромѣ того, церковь имѣла еще особое средство дѣйствовать на общество — это монастыри. Важное значеніе монастырей въ европейской цивилизаціи среднихъ вѣковъ теперь можетъ считаться вопросомъ безспорнымъ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей, Лекки, хотя относится къ нимъ неособенно благопріятно, но это не помѣшало ему сдѣлать прекрасную оцѣнку вліянія монастырей на развитіе европейской цивилизаціи. „Первое условіе всякаго дѣйствительнаго совершенства, говоритъ онъ, есть духъ полнѣйшаго самопожертвованія и самоотрицанія. Привычки къ компромиссамъ, умѣренности, взаимному самоограниченію, вѣжливости и утонченности, столь благопріятныя развитію утилитарной цивилизаціи, были очень благопріятны развитію второстепенныхъ добродѣтелей; но въ человѣческой природѣ есть способность къ высшему, болѣе героическому совершенству,—способность, требующая для ея полнаго развитія особой сферы, которая пріучила бы людей къ благороднымъ порывамъ и производила бы великое притягивающее вліяніе на человѣчество. Какъ ни были несовершенны и даже нелѣпы идеалы анахорета, какъ ни была глубока въ немъ примѣсь духов-

наго эгоизма, но примѣръ многихъ тысячъ людей, которые, повинуясь тому, что они считали истиннымъ, добровольно отбрасывали все, что человѣкъ привыкъ считать дорогимъ, и рѣшались безъ всякаго компромисса отказаться отъ всѣхъ наслажденій и сдѣлать крайнее самоотрицаніе единственнымъ принципомъ жизни,—такой примѣръ не могъ остаться безъ вліянія на жизнь. Въ то время, когда увеличивающіяся богатства глубоко испытывали слабости представителей церкви, они одни учили: любить работу болѣе чѣмъ все остальное; безславье болѣе чѣмъ славу; отдавать болѣе, чѣмъ получать.... Самая эксцентричность ихъ жизни, ихъ грубыя формы, ихъ ужасающія покаянія привлекали удивленіе грубыхъ людей, а суевѣрное благоговѣніе къ монахамъ постоянно переходило въ народѣ въ чувство милосердія и состраданія, что составляло личную черту вліянія монастырей" (European morals, т. II, стр. 163).

Въ началѣ описываемой эпохи основывается знаменитый Печерскій монастырь, дѣйствительно имѣвшій громадное вліяніе на религіозную жизнь общества и сдѣлавшійся прототипомъ другихъ монастырей. Хотя основаніе ему положилъ несомнѣнный типъ анахорета—Антоній, но это было скорѣе нравственное основаніе, а дѣйствительнымъ основателемъ монастыря былъ его преемникъ—Ѳеодосій. Ѳеодосій, получивъ отъ Изяслава гору, на которой былъ воздвигнутъ монастырь, положилъ основаніе знаменитой Печерской церкви далъ уставъ монастырю и былъ первымъ, стремившимся привести уставъ въ дѣйствительность.

Ѳеодосій родился близъ Кіева, въ городѣ Василевѣ, отъ довольно состоятельныхъ родителей. Очень скоро послѣ его рожденія, его родители переѣхали въ Курскъ, гдѣ Ѳеодосій выучился грамотѣ въ школѣ и, вѣроятно, прочелъ много житій святыхъ и пристрастился къ церковной службѣ. Подражаніе житіямъ святыхъ увлекало его воображеніе; онъ сталъ ходить въ рубищѣ, пекъ для церкви просфоры, надѣвалъ тяжолыя вериги и сталъ задумываться надъ путешествіемъ въ далекій Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ. Ма-

тери не нравился его характеръ и она считала оскорбительнымъ для чести своего достаточнаго дома, что ея сынъ ходитъ въ рубищѣ и печетъ просфоры. Однажды мальчикъ едва не убѣжалъ со странниками, но мать догнала бѣглеца и прибила его. Наконецъ, улучивъ время, Ѳеодосій убѣжалъ изъ дома въ кіевскія пещеры, гдѣ монахи, при видѣ его дыряваго рубища, не хотѣли его принять; но Антоній принялъ его и постригъ. Вскорѣ послѣ смерти Варлаама, перваго настоятеля монастыря, по просьбѣ братіи, Антоній благословилъ его въ игумены. Слѣлавшись игуменомъ, онъ остался такимъ же простымъ, добродушнымъ, какимъ былъ и прежде, помня слова Христа: „кто хочетъ быть первымъ между всѣми, тотъ долженъ быть всѣмъ слугой“. Онъ прежде всѣхъ являлся въ церковь и послѣ всѣхъ уходилъ изъ нея. Рано утромъ и поздно вечеромъ онъ бродилъ по кельямъ, и, услыхавъ гдѣ-нибудь разговоръ, уходилъ, стукнувъ въ дверь. Онъ постоянно поучалъ братію, говоря: „хорошо, братья, намъ, назвавшимся иноками, всегда каяться въ грѣхахъ своихъ, потому что покаяніе есть единственный путь, приводящій насъ къ царству небесному; покаяніе есть ключъ отъ царства небеснаго. Часто самъ Ѳеодосій отправлялся въ хлѣбню, мѣсилъ тѣсто, не скрывая, какъ выразительно замѣчаетъ сказаніе, *крѣпости своего тѣла*, но веселя другихъ бодрствіемъ своего духа. Однажды въ пекарнѣ не было воды и одинъ монахъ пришелъ въ трапезу, кликнуть кого-либо изъ братьевъ, для того, чтобы наносить воды. „Я празденъ“, сказалъ Ѳеодосій, и пошелъ носить воду. Онъ также послѣ помогалъ своему товарищу, Никону, переплетать книги и никогда не оставлялъ старой привычки носить смиренную одежду. Ѳеодосій создалъ близъ монастыря богадѣльню для нищихъ и отдалъ ей десятую часть своихъ монастырскихъ доходовъ. Въ своей кельѣ онъ долго молился, и если замѣчалъ, что кто-либо приближается къ ней, то ложился на койку и притворялся спящимъ. Онъ пилъ только воду и ѣлъ хлѣбъ, а на весь постъ затворялся въ пещеру. Главныя чудеса святаго, исключая одного, отличаются удивительной простотой

Когда онъ, во время поста запирался на 40 дней въ пещерѣ среди лѣса, проводя дни и ночи въ постѣ и молитвѣ, ему чудилось, что бѣсы поднимали страшный вой, гудѣли на страшныхъ музыкальныхъ инструментахъ: тогда святой становился на молитву и забывалъ хоръ бѣсовъ". (Патер. Печерск.). Таковъ былъ характеръ дѣйствительнаго основателя Печерскаго монастыря.

При Ѳеодосіѣ былъ введенъ въ Печерскомъ монастырѣ такъ-называемый Студійскій уставъ, который отсюда былъ перенесенъ и въ другіе монастыри. Главныя основы этаго устава весьма характеристичны. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Пища и одежда въ монастырѣ и все должно быть общее, и во всемъ простота и строгость. „Для монаха уже богатство, говоритъ Ѳеодоръ Студійскій, если онъ имѣетъ болѣе трехъ мелкихъ монетъ". Монахъ тотъ, кто стоитъ выше міра нищетою, кто не имѣетъ ни одного сребреника. Ѳеодоръ Студійскій уничтожилъ при монастыряхъ всякую прислугу. Всѣ службы и работы братья должны были исправлять сами. Всякій долженъ открывать игумену свои помыслы. Этотъ знаменитый игуменъ не оставилъ письменнаго устава, и г. Казанскій (Истор. правосл. русск. монаш., стр. 29) принимаетъ за уставъ, извѣстный подъ именемъ Студійскаго, уставъ патріарха Алексѣя, дошедшій до насъ уже въ спискахъ XII вѣка. Бо́льшая часть дня и ночи, по этому уставу, проходили въ молитвахъ. Когда приближалось время утрени, вставали будильники и прежде всего шли къ кельи игумена, и когда онъ вставалъ, то приказывалъ ударить въ било, чтобы встали и всѣ монахи. Братья, собравшись въ церкви, стояли по чину. Впереди, по правой сторонѣ, игуменъ, по лѣвой—экономъ, священники-иноки становились предъ алтаремъ, дьяконы подлѣ нихъ по сторонамъ, за ними—прочая братья, по чину. Надзоръ за благочиніемъ въ церкви порученъ былъ двумъ старшимъ инокамъ: одинъ стоялъ по правой, другой по лѣвой сторонѣ, и смотрѣли, благопристойно-ли стояли иноки. Послѣ обѣдни начиналась трапеза. Во время трапезы

одинъ изъ братіи читалъ Священное писаніе или житія святыхъ. Пища для братьи была опредѣлена уставомъ, строгимъ къ здоровымъ и снисходительнымъ къ больнымъ. Никто не имѣлъ права роптать на недостаточность или худое качество пищи. Каждое блюдо благословлялось священникомъ и во время обѣда надзиратель смотрѣлъ, чтобы братья не разговаривали, а слушали Священное писаніе; если онъ замѣчалъ, что кто-нибудь не слушаетъ, то его выводили на средину комнаты и ставили на поклоны. Во свободное отъ службы время, иноки не должны были ходить другъ къ другу по кельямъ, а бесѣдовать съ книгами. Всѣ братья исповѣдовались у игумена. Самое кушанье для трапезы готовилось съ особымъ обрядомъ. Повара входили въ церковь, клали тамъ земные поклоны и брали священный огонь у церковника; точно также поступали и хлѣбники, которые являлись среди заутрени въ церковь и просили нѣкоторыхъ изъ братьевъ поочередно мѣсить съ ними хлѣбъ. Одежда иноковъ должна быть шерстяная, чернаго цвѣта, и простая, но чистая, поясъ кожаный, въ подражаніе Іоанну Крестителю. Игуменъ монастыря избирался монахами. Первый день по смерти прежняго игумена монахи должны были проводить въ слезахъ и молитвѣ, а потомъ приступить къ выбору игумена“ (Казанскій, Истор. Прав. монаш., стр. 28—39).

Едва вѣроятно, чтобы эти суровыя правила могли быть приложены къ дѣйствительной жизни, чтобы не одиночныя исключенія, но множество людей могли отказаться отъ всѣхъ, даже самыхъ невинныхъ, наслажденій, какъ, наприм., отъ потребности разговора съ другимъ живымъ человѣкомъ. Между тѣмъ, житія первыхъ подвижниковъ монастыря, внесенныя въ лѣтопись и Патерикъ, указываютъ, что дѣйствительно сначала тамъ находились даже такіе, которые этотъ суровый уставъ еще считали слишкомъ мягкимъ. Нѣкто Исаакій, родомъ изъ Торопца, по занятію купецъ, увлекшись идеаломъ подвижничества, роздалъ все имѣніе, явился въ пещеру и постригся. „Тогда, говоритъ сказаніе, отецъ нашъ Исаакій воспринялъ житіе жестокое. Не довольно было для него на-

дѣть власяницу; онъ велѣлъ купить себѣ козла и содрать съ него кожу, и когда это было исполнено, то онъ накрылся этой кожей, которая была еще сыра и высохла на его тѣлѣ. Потомъ онъ затворился въ пещеру, шириною въ четыре локтя, гдѣ онъ молился Богу со слезами, ѣлъ одну просфору и никогда не спалъ на ребрахъ, но только дремалъ сидя. Такъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Однажды Антоній, подойдя къ пещерѣ, чтобы принести ему пищу, не нашолъ его у окна и думая, что онъ умеръ, пошелъ позвать братію. Когда пришла братія, то нашла его на полу чуть живаго. Его вынули изъ пещеры и ухаживали за нимъ со всѣмъ тщаніемъ; но его организмъ дотого былъ потрясенъ, что нѣсколько лѣтъ онъ самъ не принималъ пищи, и даже когда оправился, здравый разсудокъ никогда не возвращался къ нему. Другой постникъ, Демьянъ, во всю жизнь свою не ѣлъ ничего, кромѣ хлѣба, и не пилъ ничего, кромѣ воды.

Какъ ни излишними могутъ казаться въ нашъ вѣкъ эти правила и эта жизнь, но въ то время они приносили громадную пользу людямъ. Люди этаго грубаго вѣка, для которыхъ были непонятны самыя простыя идеи морали, которые не отступали ни предъ какимъ преступленіемъ, — смирялись, какъ дѣти, предъ этими борцами духа, которые и самую смерть за истину сочли бы блаженствомъ. Великій князь Изяславъ смиренно дожидалъ у воротъ обители, когда объ его приходѣ доложатъ игумену, безъ позволенія котораго нельзя было войти въ монастырь. Когда Святославъ и Всеволодъ изгнали Изяслава изъ Кіева, Ѳеодосій долго отказывался имѣть общеніе съ Святославомъ и никогда не переставалъ устно и письменно обличать его въ беззаконныхъ поступкахъ. Гордый Святославъ смиренно выслушивалъ обличенія отъ святаго отца и приглашалъ его во дворецъ. Однажды Ѳеодосій пришелъ къ Святославу во время пиршества, когда пѣсни и музыка оживляли дворецъ князя. Ѳеодосій прослезился, опустилъ глаза въ землю и спросилъ князя: „будетъ-ли такъ и на томъ свѣтѣ?“ Князь заплакалъ и приказалъ прекратить пиръ (Казанцевъ, стр. 60). Принимая

во вниманіе это магическое дѣйствіе святыхъ подвижниковъ на тогдашнее общество, монастырямъ нужно приписать наибольшую степень вліянія на укрѣпленіе христіанства.

Въ заключеніе этой главы, я коснусь вліянія церкви на наше законодательство. Какъ ни важенъ этотъ вопросъ, но, къ сожалѣнію, онъ столь же теменъ самъ по себѣ, сколь мало обработанъ. „Что встрѣтило византійское духовенство, говоритъ Калачовъ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самые сомнительные начатки гражданственности: въ сферѣ государственной—верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными узами подчиненія...; въ сферѣ уголовной—кровавую месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ“ (О значеніи Кормч., стр. 3). Я не могу не согласиться съ этимъ взглядомъ, но соглашаюсь съ нимъ далеко не вполнѣ, а только отчасти. Внѣ сомнѣнія, что гражданское право грековъ и римлянъ не можетъ идти въ сравненіе съ Русской Правдой, какъ законодательство зачаточное съ законодательствомъ вполнѣ сложившимся; но нельзя сказать того же о правѣ уголовномъ, особенно о системѣ наказаній, сравнивая наказанія Русской Правды съ тѣми, которыя мы находимъ въ законѣ суднымъ людямъ, или узаконеніяхъ Константина; я думаю, что русскій человѣкъ того времени могъ придти въ ужасъ, даже проникнуться къ нимъ отвращеніемъ. Такъ, наприм., по такъ-называемымъ законамъ царя Константина, за прелюбодѣяніе съ черноризицей, за женитьбу на кумѣ, за связь съ замужней женщиной назначалось *урѣзаніе носа!*.. О подобныхъ звѣрскихъ наказаніяхъ государства въ отношеніи свѣтскихъ людей мы находимъ въ лѣтописи извѣстія не ранѣе XV столѣтія. Наша система уголовныхъ наказаній переживаетъ три различныя эпохи, идущія въ уровень съ политическимъ и нравственнымъ развитіемъ общества. Въ эпоху княжескую,

до татарскаго ига, когда въ обществѣ жилъ еще духъ свободы, уголовное наказаніе было относительно мягко, даже, можно сказать,—какъ на это я указывалъ выше,—оно постоянно смягчалось; въ послѣдній періодъ княжеской эпохи (1462—1547), когда власть князей возросла безгранично, и во всю царскую эпоху, въ судахъ господствуютъ страшныя уголовныя наказанія, посредствомъ которыхъ князья и цари стремились упрочить миръ и порядокъ въ только-что созданномъ государствѣ. Наконецъ, въ императорскую эпоху, когда порядокъ былъ установленъ, общество стало нравственно развиваться, уголовныя наказанія подвергались постояннымъ смягченіямъ. Я положительно сомнѣваюсь, чтобы во всѣ разсматриваемыя нами эпохи, въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ церковь судила свѣтскихъ людей, она часто прилагала греческія постановленія, а не судила все еще по Церковному Уставу Ярослава, наказывая денежными пѣнями, потому что приложеніе такихъ варварскихъ наказаній, въ особенности за такія преступленія, какъ женитьба на кумѣ, могло бы вызвать негодованіе и отвращеніе всего общества.

Такъ какъ отъ XIII вѣка до насъ дошли сборники, въ которыхъ рядомъ помѣщались Русская Правда, Уставъ царя Константина, грамоты Владиміра и Ярослава,—то все это, мнѣ кажется, указываетъ на то, что такіе сборники существовали и въ болѣе давнія времена; тогда, вѣроятно, отъ произвола судьи зависѣло приложить то или другое постановленіе, такъ какъ эти законы часто противуположны. Я уже прежде говорилъ, что отношеніе между судьями и закономъ въ это время было совершенно иное. Законъ еще не связывалъ судей. Такіе сборники употреблялись, вѣроятно, не только духовными судьями, но и свѣтскими, иначе въ нихъ не нужно было бы помѣщать греческіе законы рядомъ съ Русской Правдой. Но, внѣ сомнѣнія, они брали изъ греческихъ законовъ только тѣ, которые не противорѣчили какъ духу, такъ и смыслу русскаго права того времени. Такъ, напримѣръ, кромѣ системы наказаній вообще, законодательство о воровствѣ у грековъ также противуположно съ Русской

Правдой и ея принципами, а потому здѣсь нельзя допускать никакого вліянія.

Если мы предположимъ, что въ болѣе древнее время, а именно даже въ разсматриваемую нами эпоху, уже существовали такіе сборники; то можно допустить ихъ вліяніе въ трехъ статьяхъ, которыя рѣзко противорѣчатъ духу Русской Правды. Такъ, весьма вѣроятно, что законъ о поджогахъ гумна перешелъ въ Правду изъ узаконеній Константина. Точно также, весьма вѣроятно, что уставъ о послухахъ, который мы находимъ въ узаконеніяхъ царя Константина, могъ имѣть вліяніе на постановленіе Русской Правды, и вліяніе благотворное. „Всякій судъ, говоритъ это постановленіе, князю подлежитъ судить и съ терпѣніемъ и осторожностью; безъ свидѣтелей не осуждать, да и требовать настоящихъ свидѣтелей, боящихся Бога, не враждующихъ съ обвиненнымъ, или не питающихъ къ нему мести, или состоящихъ въ тяжбѣ. Въ великой тяжбѣ число послуховъ должно быть 12, а не ниже; въ малой тяжбѣ—отъ трехъ до семи (Русскія Достоп., т. II, стр. 152). Точно также можно допустить вліяніе и нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій, или предположить, что они могли примѣняться къ жизни. Таковы, наприм., слѣдующія статьи: 1) если земледѣлецъ, не дослуживъ года, отходитъ прочь, то лишается найма; 2) если кто умирая завѣщевалъ кому-либо опеку надъ имѣніемъ, то поручая ему опеку, долженъ отдать имѣніе предъ послухами; 3) если отецъ не уравняетъ своихъ дѣтей въ наслѣдствѣ, одному дастъ больше, другому меньше, то раздѣлить всѣмъ по ровнымъ частямъ (Русск. Достоп., т. II). Наконецъ, я уже говорилъ выше, что законъ о наслѣдствѣ и опекѣ составился подъ вліяніемъ греческихъ постановленій. Такимъ образомъ, я допускаю не только вліяніе греческаго права на наше, но даже возможность и вѣроятность дѣйствія въ практикѣ суда греческихъ узаконеній въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ не касалась Русская Правда, когда принципы греческаго права не противорѣчатъ русскимъ узаконеніямъ.

Но, кромѣ вліянія греко-римскаго права на наше, посредствомъ свѣтскихъ судей, церковь имѣла теперь, какъ и прежде, свои суды: съ одной стороны, по нѣкоторымъ преступленіямъ, въ отношеніи всѣхъ свѣтскихъ людей; съ другой же — по всѣмъ преступленіямъ — въ отношеніи церковныхъ людей. Относительно этаго предмета возникаетъ нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ. Во 1-хъ, всѣ-ли тѣ, которые были отданы подъ-судъ церкви по уставамъ Владиміра и Ярослава, и теперь судились церковью? Во 2-хъ, всѣ-ли тѣ роды людей, которые были подсудны церкви, по Уставу Владиміра, оставались и теперь подсудными ей? Въ 3-хъ, судила-ли церковь на основаніи греческаго Номоканона, или на основаніи Устава Ярослава?

Въ первую эпоху, конечно, дѣйствовали обѣ грамоты, т. е. Уставы Владиміра и Ярослава, взаимно дополняя другъ друга; но до какого именно времени? По смерти Ярослава или, точнѣе, послѣ любечскаго съѣзда, когда Русь раздѣлилась на отдѣльныя владѣнія, церковь стала въ зависимость отъ мѣстныхъ князей, а потому весьма естественно, что она стала искать подтвержденія грамотъ Владиміра отъ мѣстныхъ князей, и весьма вѣроятно, что одни князья подтверждали ихъ въ цѣломъ видѣ, другіе лишь отчасти. Такъ, Всеволодъ Мстиславичъ, княжившій въ Новгородѣ отъ 1117—1137 года, далъ мѣстному епископу Уставъ о церковныхъ судахъ, который предоставилъ церкви всѣ тѣ процессы, которые предоставлялъ ей Уставъ Владиміра (Утинъ, Собран. памятн.). Но зато въ дошедшемъ до насъ Уставѣ смоленскаго князя Ростислава, отъ половины XII вѣка, епископу предоставляется лишь небольшая часть тѣхъ судовъ, которые предоставилъ ей Владиміръ, и которые подтвердилъ Всеволодъ. Такъ, всѣ споры о наслѣдствѣ, по Уставу Ростислава, уже изъяты изъ суда церкви. По Уставу Ростислава церковь судила лишь бракоразводныя дѣла, двуженство, драку между женщинами, волшебство. Процессы объ умычкѣ дѣвушки судились епископомъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ князя. Весьма вѣроятно, что переименованіе дѣлъ церковныхъ въ Уставѣ Ростислава не-

полно, такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы кто-либо кромѣ церкви судилъ нѣкоторые процессы, какъ, напримѣръ, еретичество, введеніе въ церковь животныхъ, уничтоженіе крестовъ, разрытіе могилъ; но, съ другой стороны, нѣтъ основанія думать, чтобы опущеніе процессовъ о наслѣдствѣ, было безъ умысла, тѣмъ болѣе, что объ этомъ появляется статья въ Русской Правдѣ.

Труднѣе рѣшить вопросы о пространствѣ церковнаго суда, т. е. о людяхъ, ему подсудныхъ. Уставъ Всеволода Мстиславича перечисляетъ тѣхъ же людей, какъ и Уставъ Владиміровъ; Уставъ смоленскаго князя вовсе не перечисляетъ людей церковныхъ, можетъ быть, считая это излишнимъ, такъ что можно предполагать, что и теперь церкви были подсудны тѣ же лица, которыхъ отдалъ ей подъ-судъ Владиміръ. Кромѣ того, въ Уставѣ Всеволода Мстиславича прибавлено очень важное постановленіе о смѣстномъ (общемъ) судѣ; когда споръ ведется между людьми, подсудными какъ церкви, такъ и князю,—въ такомъ случаѣ судятъ по одному представителю отъ князя и отъ епископа. Очень вѣроятно, что такова была уже древнѣйшая практика въ этомъ случаѣ, хотя Уставъ Владиміра совсѣмъ не говоритъ о такихъ случаяхъ.

Но самый трудный для рѣшенія,—послѣдній вопросъ. Я считаю также вѣроятнымъ то, что первоначальное духовенство судило по уставной грамотѣ Ярослава, какъ и то, что впослѣдствіи эта грамота была вытѣснена настоящимъ греческимъ Номоканономъ. Но когда это совершилось, объ этомъ мы ничего положительнаго не знаемъ. Самый этотъ вопросъ раздѣляется на два: 1) по какому закону церковь судила тогда подсудныхъ ей по всѣмъ тяжбамъ? и 2) по какому закону судила свѣтскихъ людей, подсудныхъ ей только по нѣкоторымъ тяжбамъ? Я высказалъ выше мнѣніе, что едвали возможно, чтобы въ эту эпоху церковь прилагала наказанія, заимствованныя изъ узаконеній Константина, т. е. рѣзала носъ за женитьбу на кумѣ. Но очень можетъ быть, что въ отношеніи своихъ людей она и употребляла этотъ варварскій ко-

дексъ, по которому за прелюбодѣяніе чернеца съ черницей оба преступника запирались на голодную смерть. Подъ 1056 годомъ, мы находимъ въ Никоновской лѣтописи, что за клевету на епископа его рабъ былъ наказанъ отрѣзаніемъ носа и отсѣченіемъ рукъ!

Въ отношеніи содержанія духовенства, въ настоящемъ періодѣ происходятъ нѣкоторыя измѣненія, болѣе или менѣе важныя. Нѣкоторые епископы и монастыри начинаютъ получать села для своего содержанія. Но, во всякомъ случаѣ, села, принадлежащія церкви, въ этотъ періодъ были еще весьма не многочисленны. Главный доходъ епископовъ продолжалъ состоять въ десятинѣ, даваемой церкви князьями; но эти десятины шли церкви, какъ видно, не отъ всего имущества князя. По уставной грамотѣ Святослава, въ Новгородѣ, до 1137 года, князья давали епископамъ лишь десятину отъ даней, но не отъ виръ и продажъ, что продолжалось до Святослава; Уставъ Святослава не говоритъ ни о какихъ другихъ княжескихъ доходахъ, отдаваемыхъ церкви, кромѣ виръ, продажъ и даней; слѣдовательно, можно полагать, что князья въ Новгородѣ давали лишь десятину отъ даней до Святослава, а онъ прибавилъ десятину отъ виръ и продажъ; но всѣ остальные доходы шли князю безъ участія епископовъ (Русскія Достопамяти., т. I, стр. 83). По Уставу Ростислава смоленскаго, церкви шли десятины отъ даней и другихъ доходовъ, но зато не давалось десятины отъ виръ и продажъ.

ГЛАВА VI.

Умственное движеніе. Идеи и люди этого времени.

Главная работа вѣка состояла въ усвоеніи Священнаго писанія.—Несторъ и его лѣтопись.—Міровоззрѣніе Нестора.—Домострой XVI вѣка и поученіе Мономаха. Общественные нравы XII вѣка.

Умственная жизнь нашего общества, въ разсматриваемый нами періодъ, находилась не только въ самой близкой и тѣсной связи съ религіозною жизнью, но, можно сказать, что она въ ней одной и заключалась, ей одной она исчерпывалась почти вполнѣ, безъ остатка. Идеи христіанства или, лучше сказать, вся священная литература, насколько она была извѣстна въ это время, была обильнымъ источникомъ духовныхъ наслажденій для передовыхъ людей общества, которые черезъ нее знакомились съ совершенно новымъ міромъ идей и понятій, еще недавно совсѣмъ чуждыхъ обществу. Эта была эпоха упоенія Священнымъ писаніемъ, плоды котораго намъ трудно теперь понять, потому что въ то время люди много воспринимали внутренно и мало производили внѣшне; мысль много работала, чтобы понять написанное, но была еще слишкомъ слаба, чтобы много мыслить, соображать, дѣлать самостоятельные выводы изъ прочитаннаго. Вотъ почему я думаю, что въ этотъ вѣкъ люди много работали мысленно, но мало оставили намъ признаковъ, по которымъ мы могли бы судить объ этой работѣ.

Безъ сомнѣнія, самымъ замѣчательнымъ продуктомъ мысли конца XI и начала XII вѣка была лѣтопись. Когда была составлена лѣтопись, кто былъ первый лѣтописецъ, изъ чего составлялась лѣтопись,—вотъ вопросы, на которые отвѣчали гг. Погодинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, Костомаровъ и другіе. Весьма замѣчательно мнѣніе г. Срезневскаго о началѣ русскихъ лѣтописей. Г. Срезневскій высказалъ мнѣніе, что „первому русскому лѣтописцу предшествовали прежнія замѣтки, составленныя по годамъ, на основаніи пасхальныхъ таблицъ, въ томъ же родѣ, какъ первоначально составились и западныя лѣтописи“ (Извѣст. втор. отд., т. II, стр. 71). „Говоря о крещеніи Руси, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Срезневскій, лѣтописецъ замѣтилъ, что „се же не вѣруще правдѣ полагаютъ, ино крестился есть въ Кіевѣ, а иные же рѣша Василевѣ; друзіе же иноко скажютъ“... Чрезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ крещенія Владиміра, уже различно говорили, гдѣ онъ крестился... Можно-ли послѣ этого думать, чтобы народное преданіе выдержало вѣрно годы событій не ста, а 250 лѣтъ? А потому мы можемъ заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во времена Игоря и Святослава. Какими же годами оканчивались уже первоначальные лѣтописные матеріалы? Мнѣ кажется, есть возможность отвѣчать и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ находимъ въ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Несторовой лѣтописи. Этотъ перечень оканчивается сводомъ лѣтъ отъ смерти Святослава до смерти Ярослава и отъ смерти Ярослава до смерти Святополка. Счетъ лѣтъ у Нестора раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, и 3) до смерти Святополка. Для чего нужно это дѣленіе? Само по себѣ не для чего, потому что и безъ него числа, какъ очевидно, были извѣстны. Оно, слѣдовательно, прибавлено случайно, только по отношенію къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ лѣтописецъ матеріалы: эти періоды есть дѣленіе трехъ древнѣйшихъ лѣтописей, изъ которыхъ первая оканчивалась 972 годомъ“. (Изв. втор. отд. и трет., стр. 56).

Это мѣткое и остроумное объясненіе дѣлается вѣроятнымъ до убѣдительности, что до перваго лѣтописца существовали лѣтописныя замѣтки, которыя служили копіей для его разсказовъ. Въ этихъ замѣткахъ, составленныхъ по годамъ, записывались коротко лишь самыя важныя событія, а иногда годы пропускались безъ всякой отмѣтки, такъ какъ и въ первой лѣтописи множество годовъ совершенно пустыхъ. Но кто, воспользовавшись этими занятіями, составилъ первую лѣтопись? Въ этомъ отношеніи существуютъ два мнѣнія: болѣе общепринятое,—что этимъ составителемъ былъ Несторъ, монахъ Печерскаго монастыря; другое,—что это былъ Сильвестръ. Доказательства, что первая лѣтопись была писана Несторомъ, слѣдующія: во 1-хъ, на нѣкоторыхъ спискахъ было поставлено его имя; во 2-хъ, Поликарпъ, жившій 100 лѣтъ спустя послѣ Нестора, въ своемъ посланіи къ Авиндину, называетъ Нестора лѣтописцемъ, написавшимъ сказаніе о святыхъ Дамьянѣ, Іереміи, Матеѣ, Исаакіѣ; въ 3-хъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтопись носитъ заглавіе: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳедосева монастыря Нестора“; въ 4-хъ, въ Воскресенскомъ спискѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Ѳеодосія, сочинитель говоритъ, что онъ же писалъ и лѣтопись, а изъ Патерика извѣстно, что при открытіи мощей Ѳеодосія былъ и Несторъ. Таковы доказательства того, что древнѣйшимъ лѣтописцемъ былъ Несторъ. Въ опроверженіе этого приводится то, что лѣтопись разсказываетъ о житіяхъ Бориса и Глѣба неодинаково съ тѣми же самыми житіями, о которыхъ мы знаемъ доподлинно, что они принадлежали Нестору; въ самой лѣтописи находятся такія противорѣчія, которыя были бы невозможны, еслибъ лѣтопись была написана однимъ человѣкомъ. Кто же писалъ лѣтопись? Отвѣтъ на это, говоритъ г. Костомаровъ, мы находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 годомъ, мы встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написалъ книги сіе лѣтописецъ, надѣясь отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимірѣ, княжещу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святого Михаила“.

Въ такомъ порядкѣ г. Костомаровъ группировалъ доказательства и опроверженія въ пользу мнѣнія, что лѣтопись составлена Несторомъ (Лекц. по Русс. Истор., 26—30). Которое изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе, я не знаю, но думаю, что эти вопросы болѣе любопытны, чѣмъ важны. Погодинъ, Сухомлиновъ, Кубаревъ (Истор. Сб., т. IV) принимаютъ лѣтописцемъ Нестора, предполагая, что Сильвестръ былъ лишь переписчикомъ и считая разногласія лѣтописи съ житіями не важными. Но принадлежитъ-ли лѣтопись Нестору или Сильвестру, во всякомъ случаѣ, она оканчивается подъ 1110 годомъ и съ этого времени начинается Кіевская лѣтопись, до 1200 года. Кто былъ ея писателемъ—мы не знаемъ. Г. Костомаровъ, на основаніи того, что съ 1110 до 1146 года лѣтопись вообще коротка, а съ 1146 по 1156 годъ очень подробна,—предполагаетъ, что событія отъ 1146 по 1156 годъ описывались однимъ лицомъ, говорящимъ о себѣ подъ 1151 годомъ, какъ о лицѣ участвовавшемъ въ войскѣ Изяслава. Что же касается до лѣтописи отъ 1110 до 1146 года, то неизвѣстно, составлена-ли она однимъ лицомъ, или нѣсколькими.

Гораздо важнѣе и интереснѣе тотъ матеріалъ, которымъ пользовался лѣтописецъ, и способъ, какимъ образомъ составлялась лѣтопись. Выше я указалъ, что составитель первой лѣтописи воспользовался, какъ канвой, краткими анналами прежняго времени. Но изъ этихъ сухихъ и краткихъ данныхъ онъ создалъ произведеніе, во многомъ отношеніи чрезвычайно полное и обстоятельное. Какимъ матеріаломъ онъ пользовался, чтобы изъ краткихъ анналъ сдѣлать замѣчательно полное произведеніе? Лѣтопись Нестора, во-первыхъ, носитъ прежде всего характеръ сочиненія, въ которомъ авторъ пользовался устными преданіями; такъ, онъ самъ говоритъ, что много слышалъ отъ старца Яна, скончавшагося въ Печерскомъ монастырѣ, вѣроятно того Яна, который дѣйствовалъ въ 1070 въ Бѣлоозерѣ, какъ сборщикъ дани, а самъ Янъ былъ сынъ знаменитаго Вышаты, воеводы Ярослава, въ 1043 году предводительствовавшаго походомъ на грековъ

(Лавр., 66). Въ самомъ Печерскомъ монастырѣ были старцы, помнившіе еще крещеніе Руси, и вышеприведенныя Несторомъ мѣста указываютъ, что о крещеніи Руси онъ слышалъ отъ многихъ лицъ разныя свѣдѣнія. Во-вторыхъ, одинъ изъ самыхъ живыхъ отдѣловъ лѣтописи, какъ сказаніе объ основаніи Печерскаго монастыря и его первыхъ подвижникахъ, Несторъ описалъ какъ очевидецъ, самъ знавшій эти подробности. Въ-третьихъ, Несторъ, какъ человѣкъ начитанный въ Священномъ писаніи и византійскихъ хронографахъ, вставлялъ въ лѣтопись свѣденія изъ этихъ источниковъ. Кромѣ того, какъ самъ лѣтописецъ, такъ и послѣ него, вставляли важнѣйшія сочиненія и документы, которые поясняютъ время, напр. договоры первыхъ князей, поученіе Мономаха, проповѣди Ѳеодосія. Отличительный характеръ Нестора, какъ лѣтописца — это удивительная трезвость взгляда, не любовь къ вымысламъ. Въ этомъ отражается, кромѣ его личнаго характера, который въ древнія времена не имѣлъ большаго значенія, гораздо болѣе духъ того народа, къ которому онъ принадлежалъ. Несторъ говоритъ о себѣ, что онъ пришелъ 17-ти лѣтъ къ Ѳеодосію, который былъ уже игуменомъ монастыря; это случилось въ 1050 году, а его лѣтопись кончается 1110 годомъ; слѣдовательно, онъ жилъ приблизительно 77 лѣтъ (отъ 1033 по 1110 г.). Если въ свое время, какъ это очень естественно, онъ могъ слышать живые разсказы двухъ поколѣній, его отцовъ и дѣдовъ, то они могли восходить и восходили до 1000 и 990 года. И дѣйствительно, съ этого времени его разсказъ дѣлается живъ и обстоятеленъ, тогда какъ о временахъ предшествовавшихъ онъ сообщаетъ или краткія свѣденія, заимствованныя изъ анналъ, или такія живыя преданія, какъ преданія о смерти Олега, о взятіи Константинополя, о смерти Игоря, которыя могли очень долго жить въ народѣ, какъ событія необыкновенныя, выдающіяся.

Совсѣмъ инымъ характеромъ проникнуты Кіевскія лѣтописи, въ особенности лѣтопись отъ 1146 по 1156 годъ. Это есть разсказъ современника, очевидца, даже участника въ

событіяхъ, которыя онъ передаетъ живо и подробно, потому что самъ видѣлъ и хорошо ихъ знаетъ. Но за ними лѣтописецъ здѣсь, такъ сказать, самъ уходитъ весь въ факты, не размышляетъ о нихъ, а только передаетъ ихъ. Въ Несторѣ былъ болѣе виденъ характеръ мыслителя, ученаго, собиравшаго и группировавшаго по годамъ важнѣйшіе документы времени; онъ не пропуститъ безъ замѣчанія и размышленія сколько-нибудь выдающихся фактовъ жизни, старается отыскать имъ аналогію въ жизни другихъ народовъ, или факты, противорѣчащіе его нравственнымъ идеямъ, старается согласить на основаніи доводовъ Священнаго писанія. Лѣтопись обличаетъ въ немъ умъ глубокій и пытливый; но эта особенность ума, по характеру вѣка, могла только отчасти обнаружиться въ его произведеніи.

Всякая цивилизація, по существу своему, есть стремленіе замѣнить господство воображенія господствомъ разсудка. Первая умственная дѣятельность человѣка была дѣятельностью воображенія; въ воображеніи человѣкъ искалъ средствъ объяснить непонятныя явленія. Въ эти первичныя эпохи личность имѣетъ мало индивидуальнаго; въ ней, или, лучше, чрезъ нее говоритъ только общество. Только съ началомъ критической эпохи, когда человѣкъ пытается самостоятельно провѣрить сообщенныя ему преданія, онъ начинаетъ болѣе или менѣе рѣзко выдѣляться изъ общества, становиться оригинальнымъ. Умственная оригинальность есть плодъ раціонализма, плодъ болѣе или менѣе сильной цивилизаціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ самыя отдаленныя эпохи есть разнообразіе въ характерахъ, наклонностяхъ, привычкахъ людей, что видно, напримѣръ, въ геройхъ Гомера; но это разнообразіе есть слѣдствіе даровъ природы, возраста, темперамента, но не слѣдствіе умственной дѣятельности. Но оригинальнаго воззрѣнія на міръ, оригинальнаго міросозерцанія нѣтъ у людей въ первоначальныя эпохи цивилизаціи Въ понятіяхъ о божествѣ, общественномъ устройствѣ, преданіяхъ, повѣрьяхъ, вѣроятно, легко согласились бы Ахиллесъ, Гекторъ, Несторъ, Аяксъ, Одиссей, столь различные въ про-

явленіяхъ ихъ воли и страстей. Вотъ почему я думаю, что говоря о міровоззрѣніи Нестора, я вмѣстѣ говорю и о міровоззрѣніи современнаго ему общества, котораго онъ былъ представителемъ. Несторъ былъ христіанинъ и монахъ: вотъ два условія, которыя во многомъ уже опредѣляютъ его міросозерцаніе. Весьма любопытно знать, какъ онъ смотрѣлъ на христіанство? Это чрезвычайно трудно вывести, по немногочисленнымъ выраженіямъ его лѣтописи; но я попытаюсь сдѣлать это, насколько возможно. Несторъ отличается удивительнымъ хладнокровіемъ, почти безстрастіемъ; разсказывая о самыхъ возмутительныхъ поступкахъ князей, онъ не возмущается, почти не прибавляетъ ни слова въ осужденіе или оправданіе ихъ. Неизвѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на эту дикость, или, быть можетъ, считалъ это явленіемъ неизбѣжнымъ. При безполезномъ увѣщаніи Ольгою Святослава принять христіанство, Несторъ приводитъ слѣдующій текстъ: „кто наказываетъ злыхъ, тотъ только себѣ досаждаетъ.... не обличай безумнаго, чтобы не возненавидѣлъ тебя“. Быть можетъ, ту же мѣру онъ прилагалъ и къ себѣ, потому что, какъ увидимъ ниже, его идеалы были возвышеннѣе и благороднѣе. Только однажды онъ выходитъ изъ себя,—это тогда, когда онъ разсказываетъ что Владиміръ поставилъ идоловъ. „Оле, невѣжество! оле, сущаго безумія! восклицаетъ онъ,—когда тварь какъ творца почитаютъ, сдѣлавъ своими руками, избавителемъ и помощникомъ себѣ нарицаютъ; на нихъ надѣятся, ихъ боятся!“ Его міросозерцаніе было полно благочестиваго смиренія и надежды на Божіе милосердіе. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ несчастія приключаются людямъ за ихъ грѣхи; въ концѣ лѣтописи, разсказывая о побѣдѣ половцевъ надъ русскими, онъ прибавляетъ: „это было за прежніе грѣхи наши, какъ и я грѣшный много и часто моими грѣхами гнѣвалъ Бога; но Ты, единъ безгрѣшный, сильный, милостивый и дивный во святыхъ Твоихъ, спаси насъ“. Въ этой молитвѣ много симпатичнаго. Точно также замѣчательно, что Несторъ болѣе всего останавливается съ симпатіей не на Владимірѣ или Ярославѣ, но на Изяславѣ, князѣ не блестящемъ. Вотъ за что хвалитъ

Несторъ Изяслава: „Былъ этотъ князь красивъ, высокаго роста, любилъ правду, никакого коварства, ни лести въ немъ не было, но былъ простъ душою и немстителенъ къ оскорбившимъ его. Сколько ему кіевляне зла сдѣлали, самого выгнали, домъ и все имѣніе разграбили, но онъ имъ не мстилъ". Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, онъ хвалитъ Ярополка: „былъ богобоязненъ, кротокъ, братолюбивъ, не льстивъ и щедръ къ убогимъ". Въ этихъ похвалахъ выражается монашескій идеалъ князя, а, можетъ быть, и личность Нестора. Онъ уважалъ ученье, книжную мудрость. Говоря объ училищахъ Ярослава, онъ говоритъ: „матери плакали о дѣтяхъ, какъ о мертвыхъ, потому что не утвердились въ вѣрѣ и не понимали пользы ученія, не понимали, что посредствомъ него умъ просвѣщается и дѣлается способнымъ на всякое дѣло". Для него идеалъ—митрополитъ Іоаннъ Добрый. Онъ говоритъ о немъ: „хотя онъ былъ русскій, но былъ человѣкъ весьма ученый, философъ славный, милостивъ къ убогимъ, вдовицамъ и сирымъ, ласковъ къ богатымъ и убогимъ, кротокъ, воздержанъ отъ гнѣва, сладкорѣчивъ, часто поучалъ народъ въ церкви и приходящихъ на домъ наставлялъ словами писанія божественнаго, печальнымъ былъ утѣшитель: такого человѣка прежде на Руси не было, да и послѣ не скоро будетъ". Наоборотъ, о другомъ старцѣ, Іоаннѣ, онъ сухо прибавляетъ: „сей мужъ былъ не книженъ, умомъ простъ и просторѣчивъ". Но не смотря на всѣ эти черты, въ которыхъ Несторъ стоялъ далеко выше своего вѣка, его міровоззрѣніе во многомъ было міровоззрѣніемъ современнаго ему общества. Вѣра во всемогущество дьявола и его непрестанную борьбу съ людьми была общею формою мысли, посредствомъ которой объяснялись всѣ явленія. Разсказывая о томъ, что при жертвоприношеніи идоламъ, жребій палъ на христіанина–варяга, онъ говоритъ: „на него (варяга) палъ жребій по зависти дьявола, потому что онъ имѣетъ власть надъ всѣми людьми и не терпитъ благочестія". Онъ также вѣритъ во всемогущество волхвовъ. Не говоря уже о сказкѣ Олега, гдѣ предсказаніе волхва оправдалось, онъ прямо со-

общаетъ, что Вячеславъ полоцкій былъ рожденъ матерью чрезъ волхвованіе. Онъ точно также передаетъ, съ полной вѣрой, что въ Полоцкѣ мертвые ѣздили по улицамъ, но людямъ видны были только ноги коней. На всю природу онъ смотритъ съ довѣріемъ, вѣря, что небесныя явленія предвѣщаютъ доброе или злое. Въ 1014 г., разсказываетъ онъ, было знаменіе на западѣ: звѣзда необыкновенной величины, съ кровавыми лучами, восходила съ вечера, послѣ захода солнца, и это продолжалось семь дней: „бысть же сіе явленіе не надобро“, и дѣйствительно, прибавляетъ онъ, „послѣ этого было нашествіе поганыхъ и кровавая звѣзда означала кровопролитіе“. Его поражало каждое необыкновенное явленіе природы. Подъ 1065 годомъ онъ говоритъ: „въ это время былъ брошенъ въ Сетомль ребенокъ, котораго выволокли рыболовы въ неводѣ; всѣ смотрѣли на него до вечера и снова бросили въ воду, а былъ онъ таковъ: „на лицѣ ему срамнія удове иного нельзя казати срама рода“.—„Эти знаменія бываютъ не на добро, продолжаетъ онъ; это я говорю потому, что въ древнія времена при Антіохѣ въ Іерусалимѣ въ теченіе сорока дней являлись въ воздухѣ на коняхъ всадники, а затѣмъ послѣдовало нахожденіе Антіоха на Іерусалимъ. Опять при Михаилѣ было вотъ что: жена родила дѣтище безъ глазъ и безъ рукъ, а сзади у него приросъ рыбій хвостъ....“ и такъ далѣе. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что прилетѣла птица, величиною съ овна, посидѣла и опять полетѣла. Словомъ, все необычайное въ природѣ поражаетъ его пытливый умъ и онъ старается этимъ явленіямъ физическаго міра найти объясненіе въ мірѣ явленій нравственныхъ. Понятія гармоніи, цѣлости физическаго и нравственнаго міра тогда были не пустой фразой, какъ нынѣ, но дѣйствительной и глубокой вѣрой. Общество сдѣлалось христіанскимъ, но даже у самыхъ лучшихъ передовыхъ умовъ, каковъ умъ Нестора, осталось еще много языческаго въ воззрѣніи на природу, а характеристическія черты этого воззрѣнія,—это оживотвореніе и одухотвореніе природы.

Послѣ лѣтописи, самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ

является Поученіе Владиміра Мономаха. Это поученіе есть не что иное, какъ Домострой XII-го вѣка; изъ него мы вполнѣ знакомимся съ идеаломъ человѣка и князя, по идеямъ того времени. Я долженъ сказать, что этотъ Домострой гораздо симпатичнѣе для насъ, чѣмъ Домострой попа Сильвестра XVI столѣтія,—явленіе странное, поражающее! Идеалъ XII вѣка былъ выше XVI! Я не думаю этого. Но эта разница происходитъ отчасти оттого, что Мономахъ былъ человѣкъ въ высшей степени теплый и симпатичный, тогда какъ Сильвестръ былъ умъ черствый и ограниченный; Мономахъ много не досказываетъ въ своемъ Домостроѣ, напримѣръ, объ ученіи дѣтей, тогда какъ Сильвестръ все выкладываетъ наружу. Въ религіозномъ направленіи общества XII вѣка было еще много живаго; темныя точки только-что появлялись; тогда какъ въ XVI столѣтіи послѣднія взяли верхъ. Но, помимо различія въ томъ и другомъ Домостроѣ, есть черты замѣчательнаго сходства въ содержаніи.

Какъ Домострой Сильвестра, такъ и Поученіе Мономаха въ сущности раздѣляются на четыре части: 1) отношеніе между человѣкомъ и Богомъ; 2) отношеніе между властью и подданными; 3) отношеніе человѣка къ самому себѣ и своимъ домашнимъ; и 4) отношеніе человѣка къ другимъ.

Много сходства, а также и замѣтнаго различія въ отношеніяхъ между человѣкомъ и Богомъ по Домострою Мономаха и Сильвестра. Поученіе Сильвестра обращаетъ все вниманіе на внѣшнее положеніе, тогда какъ Мономахъ говоритъ и о внутреннемъ религіозномъ настроеніи. „Напрасно печалишься, душа моя, восклицаетъ Мономахъ, напрасно смущаешься? уповай на Бога и исповѣдайся Ему. Не завидуй лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконіе, потому что лукавствующіе истребятся, внимающіе же Богу наслѣдуютъ землю. Мало времени пройдетъ, и не будетъ грѣшника; будетъ искать, и не найдетъ своего мѣста. Лучше праведнику имѣть малое, чѣмъ все богатство грѣшныхъ“. Такъ начинаетъ Мономахъ поученіе, выписывая слова Давида, и потомъ прибавляетъ отъ себя: „по истинѣ, дѣти мои, разу-

мѣйте, какъ человѣколюбивъ и милостивъ Богъ; мы люди грѣшные и смертные: кто намъ сотворитъ зло, мы желаемъ его крови и смерти, а Господь нашъ, владѣя нашимъ животомъ и смертью, терпитъ наши согрѣшенія, какъ отецъ, любя дѣтей своихъ. Но и Господь указалъ намъ, какъ намъ одержать побѣду надъ врагомъ (дьяволомъ), какими дѣлами можно побѣдить его: покаяніемъ, слезами и милостыней; такъ, дѣти мои, говоритъ заповѣдь Божія; только этими тремя дѣлами мы можемъ избыть грѣховъ своихъ и достичь царства небеснаго. Для Бога, молю васъ, не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; не очень они тяжелы... Не грѣшите ни одну ночь; если можете, то поклонитесь въ землю, а будетъ нездоровиться—и трижды поклонитесь; этими ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола. Первое — къ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлали отцы ваши и такъ дѣлаютъ всѣ добрые люди; отстойте заутреню, а потомъ занимайтесь дѣлами". Насколько выше и глубже это наставленіе Домостроя Сильвестра, постановившаго лишь вставать рано, стирать пыль съ образовъ, слушать заутреню и т. д. (см. мое сочин. О вліян. общ. на организ. госуд.). Словомъ, Сильвестръ сохранилъ изъ Поученія Мономаха только внѣшнія его стороны.

Весьма симпатичны наставленія Мономаха объ отношеніи между властью и подданными: „всего больше, говоритъ Мономахъ, не забывайте убогихъ, но, по силѣ, кормите, и оправдывайте сироту, а вдовицу судите сами, не давайте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не повелѣвайте убить его, хотя бы и былъ достоинъ смерти, но не губить души его". Въ этомъ случаѣ не можетъ идти въ сравненіе поученіе Сильвестра, потому что онъ не высказалъ ничего объ отношеніи власти къ подданнымъ, а говоритъ лишь о почитаніи царя и молитвѣ за него.

Безконечно гуманнѣе наставленіе Мономаха объ отношеніи человѣка къ самому себѣ, хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ и оно сходно съ Сильвестровымъ. „Больше всего, дѣти мои,

берегитесь гордости въ умѣ и сердцѣ своемъ: смертны есть, сегодня живы, а завтрѣ въ гробу. Все, что Онъ далъ намъ, не наше, но Его; Онъ поручилъ намъ на мало дней, а потому ничего не прячьте въ землѣ (а раздавайте); прятать грѣхъ большой. Старыхъ чтите, какъ отца, молодыхъ, какъ братій. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но старайтесь за всѣмъ смотрѣть сами; не оставляйте ничего на тіуна или отрока, чтобы не посмѣялись надъ вами приходящіе къ вамъ, ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ столомъ вашимъ. Берегитесь лжи, пьянства и прелюбодѣянія. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ воли". Весьма замѣчательно, что какъ Сильвестръ, такъ и Мономахъ выдвигаютъ на первый планъ хозяина и отстраняютъ почти совершенно хозяйку. Мономахъ глухо говоритъ—не давать воли женамъ; Сильвестръ совѣтуетъ учить ихъ плеткой. Отношенія между мужемъ и женой въ эту эпоху очень темны; о нихъ трудно сказать что-либо опредѣленное; но не нужно забывать двухъ фактовъ: во 1-хъ, по Церковному уставу Ярослава, мужъ могъ требовать развода, если жена его ходила на игрища, или безъ его согласія пила и ѣла внѣ дома (Церковн. уст.); во-2–хъ, въ старинныхъ церквахъ всегда устраивались по бокамъ хоры для женщинъ (Тр. Общ. Ист. Др., 1830 г. кн. V). По всему этому можно думать, что женщины въ XII вѣкѣ находились въ томъ же положеніи, какъ и въ XVI-мъ. Вообще, эта часть поученія имѣетъ много сходства съ поученіемъ Сильвестра, который развиваетъ еще болѣе хозяйственную часть, указывая, когда и гдѣ нужно покупать вещи.

Также весьма много сходства въ поученіяхъ Сильвестра и Мономаха объ отношеніяхъ къ людямъ, кромѣ того, что у Мономаха здѣсь видно теплое сердце, а у Сильвестра простой разсчетъ, политика, какъ говорятъ въ просторѣчіи.

„Куда ни пойдете, говоритъ Мономахъ, остановитесь и напойте бѣднаго; всего больше чтите гостей, откуда бы они къ вамъ ни пришли, старайтесь ихъ одарить, угостить, потому что такіе люди мимоходомъ прославляютъ человѣка. Посѣщайте больныхъ, идите за мертвыми, такъ какъ всѣ мы смертны;

не проходите мимо человѣка, не привѣтствовавъ его добрымъ словомъ". Сильвестръ дѣлаетъ также наставленія въ отношеніи къ людямъ, но съ житейской цѣлью—получше обдѣлывать свои практическія дѣла.

Таковъ Домострой XII вѣка. Обратимся теперь отъ созданія къ создателю, посмотримъ, что за человѣкъ былъ самъ Владиміръ Мономахъ. Онъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, самый лучшій человѣкъ XII-го вѣка, что̀ видно и изъ лѣтописей, и изъ его личнаго завѣщанія. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ, который всегда старался подчинять личныя страсти тѣмъ идеямъ справедливости, которыя выработало тогдашнее общество. Онъ не хотѣлъ занять кіевскій престолъ прежде старѣйшихъ наслѣдниковъ, пока кіевляне нравственно не принудили его, раззоряя и грабя другъ друга, придти въ Кіевъ, чтобы установить миръ. Въ предшествующее великокняженіе евреи успѣли захватить въ свои руки торговлю и монополіи, чѣмъ, вмѣстѣ съ громадными процентами, раззоряли гражданъ. Владиміръ старался опредѣлить границы роста, но когда ему совѣтовали изгнать и ограбить евреевъ, то онъ отвѣчалъ: „такъ какъ евреи теперь живутъ въ разныхъ княженіяхъ, то мнѣ неприлично изгнать ихъ безъ совѣта князей, да и было бы несправедливо грабить ихъ, если они были допущены прежними князьями, а при грабежѣ пострадаютъ и невинные" (Тат., т. II, стр. 213). Еще будучи княземъ черниговскимъ, онъ успѣлъ организовать большой союзъ князей на половцевъ, желая отмстить имъ за набѣги и освободить русскихъ плѣнниковъ. Можно сказать, что цѣлью его жизни было—оберегать границы отъ набѣговъ половцевъ. Изъ его посланія видно, что это былъ добрый и простой человѣкъ, одаренный притомъ наблюдательностью, большимъ запасомъ практическаго ума и распорядительностью. Свои духовныя потребности онъ удовлетворялъ чтеніемъ св. писанія и молитвою, которая, по убѣжденіямъ XII вѣка, всего лучше отгоняетъ дьявола, въ особенности ночью, ложившись спать. „Не грѣшите ни одну ночь, говоритъ онъ дѣтямъ; не ложитесь спать не покло-

нившись до земли, а если почувствуете себя больными, то трижды; но никогда не забывайте этого, потому что этими ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что днемъ согрѣшитъ, то этимъ прощается. Если и на конѣ ѣдете и не умѣете другихъ молитвъ, то твердите безпрестанно втайнѣ: Господи помилуй! потому что такъ гораздо лучше, чѣмъ мыслить нелѣпицу". Вотъ наивныя и простодушныя міровоззрѣнія лучшаго человѣка XII вѣка! Здѣсь очевидно устами Мономаха говоритъ XII вѣкъ. Но его практическій и наблюдательный умъ ставилъ его даже выше своего вѣка, когда онъ, въ томъ же посланіи, высказалъ: „ни одиночество, ни черпечество, ни голодъ, который добровольно терпятъ иные добрые люди, еще не можетъ спасти человѣка". Практическая опытность, наблюдательность и распорядительность высказываются въ тѣхъ мѣстахъ поученія, гдѣ онъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не лѣниться, вставать пораньше, на войнѣ не разсчитывать на воеводъ, въ домашнемъ хозяйствѣ—на тіуновъ, за всѣмъ досматривать самимъ. Онъ не лишенъ былъ нѣкотораго тщеславія, но и это чувство у него выражается до крайности просто и добродушно; онъ совѣтуетъ дѣтямъ учиться чужимъ языкамъ, принимать хорошенько чужеземцевъ, потому что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ качествамъ, этотъ простодушный человѣкъ разсказываетъ, что онъ любилъ и поохотиться. „За Черниговомъ, говоритъ, онъ, по сту звѣрей угонивалъ". Но и при этомъ Владиміръ выказывалъ обычную свою распорядительность: онъ самъ смотрѣлъ за конюшней, за соколами, за ястребами. Только одинъ поступокъ въ его жизни лежитъ пятномъ на характерѣ этаго добраго человѣка,—поступокъ, который доказываетъ что нельзя быть вполнѣ добрымъ, наперекоръ своему вѣку. Этотъ поступокъ есть вѣроломное убійство половцевъ.

„Половцы, подъ предводительствомъ Игпаря и Китана, пришли по обычаю просить у Владиміра дани, за которую обѣщались не безпокоить русскіе предѣлы. Они условились о

дани и дали другъ другу заложниковъ, въ числѣ которыхъ Мономахъ далъ своего сына. Поддапные совѣтовали Владиміру перебить этихъ князей; Владиміръ противился, по причинѣ присяги и еще болѣе потому, что его сынъ былъ въ залогѣ. По воины Владиміра ухитрились украсть его сына; тогда Владиміръ уже не противился. Князей половецкихъ зазвали обманомъ въ избу, какбы на обѣдъ, избу заперли, вынули вверху половицу и застрѣлили одинъ по одпому всѣхъ князей. Ужасное вѣроломство, которое тѣмъ болѣе позоритъ XII вѣкъ, что его совершилъ лучшій его человѣкъ“ (Тат., стр. 154).

По если на такой поступокъ рѣшился Владиміръ, лучшій продуктъ XII вѣка, то можно себѣ представить, какая грубость и варварство царствовали въ общественныхъ правахъ XII вѣка! Олегъ Святославичъ, набравъ половцевъ, началъ войну съ Мстиславомъ Владиміровичемъ, но видя, что прямо ничего не можетъ сдѣлать, онъ притворился, что не хочетъ болѣе воевать и распустилъ войско; но едва лишь Мстиславъ сдѣлалъ тоже, онъ внезапно нагрянулъ на его волость. Это считалось военною хитростью. Еще ужаснѣе извѣстное ослѣпленіе Василька. Послѣ любечскаго съѣзда, Давыдъ, оставшись недоволенъ его рѣшеніемъ, подговорилъ Святополка ослѣпить Василька, потому что иначе, говорилъ онъ, онъ отниметъ наши удѣлы. Святополкъ согласился. Василька пригласили какбы на обѣдъ, по случаю именинъ Святополка. Василько, по домашнимъ обстоятельствамъ, отказался, потому что въ XII столѣтіи люди мало довѣряли ласковымъ приглашеніямъ однимъ другаго, а скорѣе разсчитывали на скрытую ловушку. Его снова просятъ—тотъ опять отказывается; тогда его приглашаютъ лишь на малое время, только поговорить. Онъ пошелъ, не смотря на то, что его предварили о ловушкѣ. Едва только Василько пришелъ, его связали. Святополкъ созвалъ совѣтъ бояръ и изложилъ мнѣніе Давыда. Бояре отвѣтили, что если Давыдъ правду сказалъ, то его подлинно нужно слѣпить, а если ложь, *то грѣхъ падетъ на Давыда*, слѣдовательно казнить можно. Я не буду

приводить здѣсь страшную картину ослѣпленія, которая во всей ужасающей полнотѣ описана у лѣтописца; достаточно и этого. Къ чести XII вѣка нужно сказать, что ихъ возмутило это убійство, хотя даже и этого нельзя сказать съ достовѣрностью про всѣхъ дѣятелей, кромѣ Владиміра. За это ужасное преступленіе были казнены три совѣтника Давыда, какъ будто только они подучили этаго Макбета XII вѣка; но изъ разсказа лѣтописца видно, что самъ Давыдъ вынесъ достаточно внутренней пытки, не столько отъ угрызеній совѣсти, сколько изъ боязни, что его самого возьмутъ и убьютъ, или ослѣпятъ. Не смотря на свое многочисленное войско, онъ ни разу не рѣшался выступить изъ стѣнъ города и только за стѣнами надѣялся уберечь себя. Но вся эта буря окончилась весьма умѣренно.

Замѣчателенъ также характеръ Николая Давыдовича (изъ Чернигова), прозваннаго за свою набожность Святошей. Давыдъ прислалъ къ нему пословъ для борьбы противъ Святополка; Святоша, не желая этой войны, съ клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ обѣщался не принимать въ ней никакого участія. Но, не думая сдержать клятву, онъ тотчасъ же бросился на самого Давыда и своей неожиданностью разбилъ его. А между тѣмъ, этотъ князь позднѣе поступилъ въ Печерскій монастырь и, по Патерику, смиренно исполнялъ должность привратника. Уже этихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ XII вѣкъ смотрѣлъ на клятвы и обѣщанія и что̀ разумѣли тогда подъ хитростью.

Подъ 1100 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ краткое извѣстіе: Мстиславъ, сынъ Давыда Игоревича, ушолъ за море для перенятія купцовъ. Это простое извѣстіе указываетъ, какъ тогда смотрѣли на морской разбой.

Другою чертою XII вѣка была любовь къ чувственнымъ удовольствіямъ, въ формѣ пировъ и въ отношеніи женщинъ. Природа человѣка вообще чувственна, и нужно большое умственное и нравственное развитіе общества, чтобы подавить эту естественную слабость и дать лучшее направленіе страстямъ человѣка. Тѣмъ съ большею яростью она выступаетъ

въ варварскій вѣкъ, когда чувственныя удовольствія были, за исключеніемъ охоты, почти единственнымъ удовольствіемъ человѣка. Христіанство, безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи оказало едвали не величайшую услугу человѣку, но и оно было безсильно противъ этой слабости.

О Святославѣ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ женился на своей наложницѣ, и много ея слушая, отъ князей терпѣлъ поношенія (Тат., т. II, стр. 211). Къ Мстиславу, сыну Мономаха, приходитъ отрокъ и говоритъ ему: „князь, вотъ ты все воюешь и непріятелей всюды побѣждаешь, когда же въ домѣ, то или о расправѣ государства заботишься, или веселишься съ пріятелями своими, а не знаешь, что̀ у тебя дома дѣлается. Прохоръ Васильевичъ часто наединѣ съ твоею женой бесѣдуетъ“. Мстиславъ, выслушавъ, усмѣхнулся и сказалъ: „рабъ, не помнишь–ли, какъ княгиня Христина весьма меня любила и мы жили въ согласіи, хотя я былъ тогда молодъ и частенько посѣщалъ чужихъ женъ, а она, все это зная, нимало не оскорблялась и дружелюбно принимала тѣхъ же самыхъ женъ, показывая этимъ, что ничего не знаетъ, чѣмъ еще болѣе привязала меня къ себѣ. Теперь я состарѣлся, а княгиня еще молода, хочетъ повеселиться, а можетъ учинить что непристойное; мнѣ неудобно ее устерегать, довольно того, если объ этомъ никто не знаетъ и не говоритъ...“ Князь сначала не показалъ вида, что ему что–нибудь извѣстно, а послѣ велѣлъ судить Прохора, какъ будто за то, что онъ грабилъ людей, и сослалъ его въ заточеніе.

Юрій Владиміровичъ, „хотя имѣлъ, говоритъ лѣтопись, княгиню, достойную любви и любилъ ее, но при всемъ этомъ многихъ женъ подданныхъ часто посѣщалъ и съ ними болѣе веселился, чѣмъ съ княгинею. Онъ проводилъ съ любовницами цѣлыя ночи, за виномъ и съ музыкой, чѣмъ многіе бояре оскорблялись, а молодые, слѣдуя болѣе своему уму, чѣмъ наставленію старшихъ, подражали ему совѣтомъ и дѣломъ. Между всѣми его любовницами, имъ овладѣла наиболѣе жена суздальскаго тысяцкаго Кучки; онъ все дѣлалъ

по ея волѣ. Когда Юрій послалъ разъ его въ Торжокъ, Кучка, будучи не въ состояніи терпѣть болѣе оскорбленія отъ людей, не поѣхалъ въ Торжокъ, а вмѣстѣ съ женою отправился въ свою деревню, гдѣ и посадилъ ее въ заточеніе, намѣреваясь уйти въ Кіевъ. Юрій, узнавъ объ этомъ, оставилъ войско и быстро прибылъ съ нѣсколькими людьми въ его имѣніе и, не производя никакого суда, убилъ Кучку, а дочь его выдалъ за своего сына" (Тат., стр. 360).

„Когда разгоряченная толпа, выводя Игоря изъ монастыря, хотѣла его убить, онъ просилъ себѣ священника, чтобы исповѣдаться, на что толпа отвѣчала: „когда вы съ братомъ Всеволодомъ женъ и дочерей нашихъ брали на постели и домы грабили, тогда попа не спрашивали, и нынѣ попъ не нуженъ." Лѣтописецъ дѣлаетъ такую характеристику Всеволода: „Всеволодъ былъ мудръ въ совѣтахъ и судахъ, потому что если кого хотѣлъ, того могъ и обвинить и оправдать. Онъ имѣлъ много наложницъ и болѣе занимался ими, чѣмъ дѣлами, вотъ почему его правленіе было тягостно кіевлянамъ, и когда онъ умеръ, то кромѣ наложницъ никто о немъ не жалѣлъ" (Тат. стр. 281).

Всѣхъ этихъ мѣстъ, чрезвычайно рельефно характеризующихъ нравы XII вѣка, нѣтъ въ изданныхъ лѣтописяхъ; они сохранились только въ исторіи Татищева, которая, какъ я говорилъ выше, есть не что иное, какъ лѣтопись, составленная также по годамъ. Всѣ они находятся въ порядкѣ годовъ, рядомъ съ фактами, которыхъ достовѣрность видна и изъ другихъ лѣтописей. Татищевъ отъ себя осмѣливается прибавить только примѣчанія въ концѣ книги. Но Карамзинъ ни одного изъ этихъ мѣстъ не считалъ возможнымъ помѣстить въ лѣтописи, а помѣщалъ въ примѣчаніи, объявляя, что они основываются на мнимой раскольничьей лѣтописи, или что это басни, или, наконецъ, просто безъ прибавленій выпускалъ изъ текста и говорилъ только въ примѣчаніяхъ (Т. II, пр. 256, 288, 308). Слѣдующее мѣсто исторіи Татищева, гдѣ уже очевидно говоритъ лѣтописецъ, Карамзинъ отрицаетъ: „Игорь Ольговичъ былъ мужъ храб-

рый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ; часто мнѣ случалось въ церкви съ нимъ пѣть, когда онъ былъ во Владимірѣ". Карамзинъ прямо объявляетъ, что здѣсь Татищевъ говоритъ *будто бы* именемъ лѣтописца, что Игорь во Владимірѣ никогда не былъ. Я думаю, что такое отношеніе къ личности, которая еще не была уличена завѣдомо въ поддѣлкѣ документовъ, по меньшей мѣрѣ крайнимъ образомъ несправедливо, и положительное знаніе Карамзина, пріобрѣтенное въ XIX вѣкѣ, что Игорь никогда не бывалъ во Владимірѣ,—отзывается удивительной наивностью. Я полагаю, что свидѣтельство можно тогда только отвергать, если оно отзывается очевидной невѣрностью или невозможностью противъ извѣстныхъ законовъ природы, или противорѣчитъ общему состоянію цивилизаціи вѣка, или, наконецъ, основано на документахъ, которыхъ подложность доказана. Въ концѣ каждаго княженія, лѣтописецъ обыкновенно прибавлялъ о личныхъ качествахъ государя, и всѣ эти прибавленія сохранились тамъ, гдѣ говорится въ похвалу государей, и не сохранились тамъ, гдѣ говорится съ порицаніемъ о князьяхъ. Это поневолѣ наводитъ на мысль, что они были выпущены послѣ, въ XV или XVI вѣкѣ, когда считали нужнымъ надзирать за лѣтописцами. По это прибавленіе могло сохраниться въ какой-нибудь лѣтописи, которая попала въ руки Татищева. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ выражается одинъ общій фактъ, который очевидно не нравится Карамзину,—это распущенность нравовъ XII вѣка. Но въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Европейскіе нравы XII и XIII вѣка также отличались чрезвычайной распущенностью. Можно сказать болѣе: другіе нравы были бы невѣроятны, судя по той степени цивилизаціи, на которой тогда стояло русское общество. Общественные нравы также подчиняются общимъ законамъ развитія цивилизаціи, какъ и другія стороны общественной жизни. Нравственность въ семейной жизни есть не слѣдствіе простоты, но одна изъ величайшихъ побѣдъ цивилизаціи. Всѣ варварскія общества отличаются дикою чувственностью и ци-

низмомъ нравовъ. Очищеніе нравовъ идетъ рядомъ съ развитіемъ образованности, дающей человѣку много новыхъ наслажденій, невозможныхъ въ варварскомъ обществѣ. Если даже и съ образованностью черты грубаго разврата никогда не исчезаютъ, но за то въ массѣ общество дѣлается нравственнѣе.

Въ заключеніе этой главы, я скажу еще о двухъ замѣчательныхъ произведеніяхъ XII вѣка, о Словѣ Даніила Заточника и о Словѣ о полку Игоревѣ. Изъ Слова Заточника мы знакомимся съ общимъ идеаломъ князя, который мы видѣли въ Поученіи Мономаха, а также въ реальной дѣйствительности—въ лицѣ Изяслава. Рука князя не должна быть согнута для подаянія, потому что какъ неисчислимы волны моря, такъ неисчислимы богатства князя. Князь долженъ имѣть добрыхъ думцевъ, съ которыми онъ додумается и до высока стола, а съ худыми потеряетъ и остальное. Это замѣчаніе отличается вѣрнымъ изображеніемъ XII вѣка, когда лихіе думцы доводили князей до паденія, какъ, напримѣръ, извѣстнаго князя Давыда, ослѣпившаго Василька. Это же поученіе въ нѣсколькихъ словахъ мѣтко характеризуетъ безпорядки и произволъ, царствовавшіе въ XII вѣкѣ, несмотря на власть вѣча. „Не имѣй двора, говоритъ Заточникъ, близъ княжескаго двора; не держи села близъ княжа села, потому что тіуны его—огонь, а рядовичи его—искры: если устережешься отъ огна, то не устережешься отъ искръ“. Но всего замѣчательнѣе отношенія Даніила Заточника къ женщинамъ. Прежде думали объяснять неуважительныя отношенія древней Руси къ женщинамъ посредствомъ вліянія татарскаго ига; но это едвали законно, потому что этотъ взглядъ гораздо древнѣе татарскаго ига. Славянскія племена, какъ мы видѣли, и до принятія христіанства относились неуважительно къ женщинамъ; этотъ взглядъ и послѣ принятія христіанства не уничтожился, потому что византійцы относились къ женщинамъ также презрительно и недовѣрчиво. Вотъ слова Даніила Заточника: „говорятъ въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотахъ коза, не звѣрь въ звѣряхъ

ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нетопырь, не мужъ въ мужахъ кѣмъ своя жена владѣетъ. Лучше вола ввести въ домъ, нежели поять злую жену: волъ не молвитъ, не мыслитъ зла, а злая жена бѣсится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? Мірскій мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобы, поборница грѣховъ, засада спасенію... Червь древо точитъ, а злая жена мужа своего развращаетъ. Лучше въ утлой ладьѣ по водѣ ѣздить, нежели злой женѣ тайну повѣдать: утлая ладья одежду вымочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубитъ. Лучше камень долбить, нежели злую жену учить; или желѣзо варить: желѣзо уваришь, а злой жены не научишь: злая жена ни ученья не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, на всѣхъ укоряетъ и всѣхъ осуждаетъ. Что льва злѣе въ четвероногихъ? Что змѣи лютѣе въ ползающихъ на землѣ? Всего того злая жена злѣе. Нѣтъ на землѣ больше женской злобы: женою прадѣдъ намъ Адамъ изгнанъ изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный... злое орудіе дьявольское! У одного умерла жена злая, онъ, по смерти ея началъ дѣтей продавать; люди сказали ему: зачѣмъ ты продаешь дѣтей? онъ отвѣчалъ имъ: если родились въ мать, то выросши они меня продадутъ.

Что за причина этой странной и ѣдкой филиппики противъ женщинъ, написанная притомъ въ посланіи къ князю, съ желаніемъ оправдаться? Конечно, она должна была опираться на фактъ всѣмъ извѣстный, всѣми признанный, т. е. на злоупотребленіе женщинами своимъ вліяніемъ при дворѣ. Безъ этого предположенія, все это мѣсто было бы безсмысленнымъ изліяніемъ безумнаго мизантропа, не имѣющее ни цѣли, ни оправданія себѣ.

Слово о полку Игоревѣ замѣчательно съ другой стороны. Разбирать поэтическія красоты Слова не относится къ моей задачѣ; но я укажу лишь на двѣ характеристическія черты его: въ немъ поэтъ рисуетъ симпатическій образъ женщины, супруги Игоря—Ярославны. Этотъ симпатическій образъ жен-

щины указываетъ, что не всѣ еще смотрѣли въ это время на женщину такъ презрительно и недоброжелательно, какъ Даніилъ. Теплыя стороны женскаго характера какъ нельзя болѣе извѣстны поэту. Вторая занимательная черта Слова— это патріотизмъ поэта. Онъ глубоко любитъ свою родину. ея защита для него всего выше; онъ выбираетъ героемъ своей поэмы человѣка не виднаго, о которомъ мало говорятъ лѣтописи, но выбираетъ князя, который пожертвовалъ собою для защиты родины. Его воззваніе къ князьямъ есть вопль истиннаго патріота, глубоко чувствовавшаго язвы времени, когда князья, за своими усобицами, не видѣли бѣдствія отечества.

ОТДѢЛЪ VI.

Періодъ политической дезорганизаціи и нравственнаго упадка общества.

Нѣсколько словъ о методѣ изслѣдованія. — Политическое состояніе общества: розпь племенъ и упадокъ племенныхъ центровъ, эгоизмъ князей, какъ единственная пружина ихъ дѣйствій.—Андрей Боголюбскій, его планы и причина ихъ неудачи.—Неизмѣнность принциповъ управленія.—Мстиславова Везсудная грамота.—Необыкновенное усиленіе княжеской власти, которое замѣчается въ ней.—Въ какомъ положеніи находились сословія, въ отношеніи княжеской власти.—Церковная жизнь и ея представители.—Стремленіе государства подчинять себѣ церковь.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о моемъ взглядѣ на обязанность историка-изслѣдователя, такъ какъ весьма часто критики и историки ищутъ у автора „направленія". По моему глубочайшему убѣжденію, истинная исторія тѣмъ и отличается отъ политическаго памфлета, что она не должна имѣть направленія. Направленіе совершенно умѣстно въ политической брошюрѣ, желающей прошедшей исторіей поддержать или опровергнуть что-либо изъ настоящей политической жизни народа. Но такое направленіе было бы гибельнымъ для истиннаго прогресса мысли, еслибы оно было внесено въ историческое сочиненіе. Чѣмъ спокойнѣе и безпристрастнѣе историческое сочиненіе разсматриваетъ формы прошлаго, тѣмъ оно должно быть пріятнѣе и поучительнѣе для истиннаго либерала или консерватора. Истинный и серьезный либералъ, мнѣ кажется, болѣе всего долженъ думать о томъ, отъ какихъ причинъ гибла политическая свобода, какіе подводные камни долженъ обойти народъ, стремящійся къ политической свободѣ. Истинный консерваторъ, защищающій настоящій строй не изъ личныхъ видовъ, а по убѣжде-

нію въ невозможности, при настоящемъ состояніи цивилизаціи, иначе порядка, точно также долженъ искать въ исторіи безпристрастнаго анализа жизни. Подтягиваніе фактовъ, сдѣлано-ли оно въ видахъ благонамѣреннаго либерализма, одинаково вредно для истиннаго прогресса жизни. Но, кромѣ всего этого, исторія задаетъ и рѣшаетъ вопросы, въ сущности болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, которые могутъ умѣститься въ узкія политическія рамки какого-либо времени; въ ней выражается характеръ человѣческой природы вообще и каждой отдѣльной націи въ особенности. Нисколько не отвергая глубокой важности политическихъ интересовъ и даже значенія для нихъ исторіи, тѣмъ не менѣе, я думаю, возможно и законно изучать жизнь въ самой себѣ, безъ всякой политической цѣли, ища, такъ сказать, удовлетворенія той потребности человѣческаго духа, которую можно назвать стремленіемъ къ объективизму. Я нисколько не спорю о томъ, можетъ-ли быть человѣкъ вполнѣ объективнымъ; но есть положенія, въ которыхъ объективизмъ требуется сущностью дѣла; такъ, судья, по существу своей обязанности, долженъ быть въ этомъ смыслѣ объективнымъ, а прокуроръ и адвокатъ односторонними преслѣдователями идей. Такою же односторонностью, по сущности дѣла, должна отличаться политическая брошюра и статья той или другой партіи; но исторія, по моему мнѣнію, должна преслѣдовать другую задачу, на сколько она вообще доступна человѣческой природѣ.

Время, которое намъ предстоитъ теперь разсматривать, въ сущности глубоко печально; никогда, ни прежде, ни послѣ, въ русской исторіи личные интересы князей—представителей общества—не поднимались такъ высоко и никогда общіе интересы народа не привлекали къ себѣ такъ мало вниманія. Можно сказать, что въ это время князья совершенно забыли, что ихъ существованіе имѣетъ какую-либо другую цѣль, кромѣ ихъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ. Въ это время создалось слово, которое рѣзко и мѣтко характеризуетъ это время,—это глаголъ „волоститься“ то есть искать, добывать волости. И дѣйствительно, въ этомъ словѣ заклю-

чался главный мотивъ, объясняющій безконечныя усобицы этаго періода.

Въ чемъ заключаются причины этаго печальнаго факта? Какимъ образомъ можно объяснить то, что племена дозволили себѣ быть безгласнымъ матеріаломъ слѣпаго эгоизма князей? Я уже говорилъ выше, что сознаніе народнаго единства было слабо; въ первомъ періодѣ Русь составляла одно государство, но она не была тогда еще единымъ народомъ. Самое раздѣленіе на удѣлы объясняется, главнымъ образомъ, племенною рознью. Но если тогда не было сознано народное единство, то единство племенное было еще крѣпко. Удѣльная система однимъ ударомъ совершила два дѣла, повидимому противуположныя: она разрушила окончательно племенное единство и тѣмъ подготовила единство народное. Но таковъ былъ дальнѣйшій благопріятный результатъ удѣльной системы; въ настоящее же время общество переживало только печальные плоды разрушенія. Князья, по своимъ личнымъ интересамъ, раздавали города, не обращая вниманія на то, къ какому племени они принадлежали, къ какому центру они прежде тянули. Сами племена не только не противустояли такому раздробленію общества, но даже всѣми силами споспѣшествовали ему. Читая лѣтописи этого времени, не знаешь, чему болѣе нужно удивляться, эгоизму-ли князей или эгоизму жителей городовъ. Мы прежде приводили положеніе, на которомъ основывалось политическое устройство племенъ, состоящее въ томъ, что всѣ мѣста поселеній племенной области должны подчиняться рѣшенію главнаго города (на чемъ старшіе вздумаютъ, на томъ пригороды станутъ). Эти мѣста поселеній не исключались изъ политической власти по принципу, потому что они могли являться на племенныя вѣчи и участвовать въ рѣшеніи; но на практикѣ такое право иногда совершенно уничтожалось, по невозможности имъ пользоваться, если главный городъ отстоялъ далеко отъ другихъ мѣстъ племенной области. Такимъ образомъ, хотя въ принципѣ всѣ свободные жители области могли участвовать въ политической жизни племени; но на прак-

тикѣ сильный племенный городъ былъ царемъ, рѣшенію котораго подчинялось все племя. Всѣ выгоды политическаго центра, такимъ образомъ, выпадали на долю главнаго города, въ которомъ жилъ князь, находившійся въ большей или меньшей зависимости отъ вѣча города,—князь, къ которому легко было обратиться съ жалобами на обиды его слугъ. Въ другихъ городахъ притѣсненіе было возможнѣе, потому что князь былъ далеко, а правили его намѣстники, ища собственной поживы. Пока пригороды были слабы, они были вынуждены терпѣливо сносить свое положеніе, потому что иного имъ и не представлялось; но когда нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались сильны, то, во имя своей ближайшей выгоды имѣть князя въ своемъ городѣ, они стали ставить ни во-что племенную централизацію, думая лишь о своей личной выгодѣ. Эти стремленія должны были вести къ раздробленію племенъ и, слѣдовательно, къ обезсиленію ихъ. Этими раздорами племенъ естественно должны были воспользоваться князья для своихъ личныхъ выгодъ.

Исторія оставила намъ замѣчательный примѣръ злобной вражды трехъ городовъ, именно—борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ. Эта борьба только ярко и рельефно выставляетъ разрушеніе племенной централизаціи у сѣверныхъ племенъ, тогда какъ на югѣ та же самая борьба совершилась въ тиши; подчиненные города областей принимали къ себѣ князей, а главные города, центры, молчаливо и апатично давали возможность разрушать политическую централизацію. Одинъ только Новгородъ былъ настолько многолюденъ и силенъ, что въ извѣстной степени сохранилъ въ своемъ управленіи старый принципъ племенной централизаціи, хотя онъ не могъ долго удержать Пскова въ своемъ подданствѣ, потому что Псковъ вскорѣ сдѣлался сильнымъ и многолюднымъ городомъ; но онъ мощной рукой подавилъ попытки Торжка завести своего князя. Въ 1215 году, когда Торжокъ захотѣлъ имѣть своего князя, новгородцы выступили противъ него съ словами: „не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ, но гдѣ святая Софія, тамъ и Нов-

городъ". Но обратимся къ весьма характерной исторіи борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ.

Ростовъ собственно не былъ славянскимъ племеннымъ центромъ; онъ былъ центромъ финскаго племени мери (Лавр., стр. 9). Славянская колонизація въ этой странѣ началась съ IX вѣка и еще во время св. Владиміра была очень слаба, какъ это видно изъ первыхъ попытокъ ввести христіанство. Главная славянская колонизація въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нынѣ губерніями: владимірской, тверской, частью новгородской, ярославской, костромской и московской, началась въ XI и XII вѣкѣ. Въ XI вѣкѣ (въ 1023 году) былъ основанъ Суздаль, въ началѣ XII вѣка (1116 г.) Владиміръ. Въ области настоящей тверской губерніи прежде всего возникъ Торжокъ (1139 г.), затѣмъ Микулинъ (1144 г.), Тверь (1195 г.); Ржевъ, Осташковъ и Зубцевъ — въ началѣ XIII стол. Древнѣйшіе города московской губерніи, какъ сама Москва, Дмитровъ, Волоколамскъ и Коломна, возникли въ періодъ отъ 1147 по 1176 годъ. Древнѣйшіе города ярославской губерніи: Ярославль (1071 г.), Молога (1148), Угличъ (1178 г.), Петровскъ (1027 г.); Старая Русь и Тихомль новгородской губерніи возникли въ началѣ второй половины XII вѣка. Наконецъ, между 1213—1223 г., были основаны: Кострома, Нижній-Новгородъ, Устюгъ. Такимъ образомъ, Ростовъ, не бывши никогда метрополіею племени въ истинномъ смыслѣ слова, усвоилъ себѣ политическій порядокъ управленія настоящихъ метрополій. Уже изъ того факта, что Ростовъ пригласилъ въ помощь Суздаль,—городъ, явившійся двумя столѣтіями позднѣе,—видно, что принципъ старѣйшинства для самихъ ростовцевъ былъ не совсѣмъ ясенъ и обыченъ. Самъ Владиміръ былъ моложе Суздаля лишь на одно столѣтіе. Но сѣверныя племена отличались бо́льшимъ политическимъ смысломъ, чѣмъ южныя, а потому они не хотѣли безъ борьбы потерять свое старинное политическое устройство, во многихъ отношеніяхъ очень выгодное. Въ этой борьбѣ весьма замѣчательно еще одно явленіе, а именно участіе религіознаго элемента. Какъ у западныхъ языческихъ славянъ главный городъ, гдѣ было святилище племени, тре-

бовалъ главенства, тоже самое видно и у насъ въ христіанскомъ періодѣ. Новгородъ утверждаетъ своё главенство, потому что у него стоитъ святая Софія; Владиміръ осмѣливается бороться съ Ростовомъ, уповая ва свое мѣстное святилище, великолѣпный храмъ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ. Съ половины XII столѣтія, политическая жизнь бѣжитъ безпокойнаго юга, терпящаго безчисленные набѣги половцевъ, и останавливается въ странѣ, считавшейся до того самымъ невыгоднымъ удѣломъ, гдѣ садили лишь младшихъ братьевъ, или младшихъ сыновей. Почвенными и климатическими условіями, конечно, эти мѣста не могутъ нисколько сравниваться съ югомъ, но зато земледѣлецъ здѣсь былъ безопаснѣе, чѣмъ на югѣ. Если почва здѣсь давала мало, гораздо меньше чѣмъ въ Кіевѣ, но зато все, что давала, шло въ пользу работающихъ. Юрій Владиміровичъ Долгорукій былъ послѣдній князь, который предпочиталъ югъ сѣверу, хотя судьба постоянно толкала его на сѣверъ. Въ 1139 г. Юрій Долгорукій выпросилъ у старшаго брата Ярополка Переяславль, а ему далъ за это „Суздаль, Ростовъ и прочую волость свою, но не всю“ (Ипат., стр. 12). Но противъ этого дѣлежа возстали Ольговичи, и Юрій въ томъ же году возвратился въ Ростовъ. Въ 1149 г., когда въ Кіевѣ былъ Изяславъ Мстиславовичъ и боролся съ дядею Юріемъ, даже Юрій уже не требовалъ Кіева, а просилъ у Изяслава лишь Переяславль, чтобы посадить его тамъ: „а ты сиди царствуй въ Кіевѣ“, говоритъ онъ обращаясь къ племяннику (Ип., стр. 43). Въ 1158 г., говоритъ лѣтопись, „сдумавши ростовцы и суздальцы и владимірцы вси и пояше Андрея сына Юрьева старѣйшаго и посадиша на отни столѣ Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ. Князь же Андрей сѣлъ въ Володимири и заложи церковь каменну святой Богородицы... дая и много имѣнія и слободы купленныя и съ даньми, и села лѣпшая, и десятины въ стадахъ своихъ, и торгъ десятый; сверши же церковь 5 верховъ и всѣ верхи золотомъ украси и сотвори въ ней епископью, и городъ заложи болій прежняго“ (Ипатьев., стр. 81). Доселѣ всѣ три города областей

дѣйствуютъ единодушно, и это единодушіе не прервалось бы, еслибы Андрей сѣлъ въ Ростовѣ и построилъ въ немъ свой знаменитый храмъ. Но онъ предпочелъ, изъ своихъ политическихъ разсчетовъ, Владиміръ, и это было дѣйствительно ловкимъ маневромъ необыкновенно умнаго князя. Владиміръ былъ еще городъ небольшой, городъ непривыкшій къ вѣчевымъ порядкамъ, и князю Андрею, который, по собственнымъ словамъ, не любилъ безпокойнаго юга, онъ былъ всего лучше. Но этимъ смѣлымъ шагомъ онъ оскорбилъ глубоко ростовцевъ и суздальцевъ, которые до времени не рѣшались высказать свое негодованіе и затаили его въ душѣ. Такъ дѣло тянулось до смерти Андрея. Въ 1175 г., ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались на вѣче во Владиміръ, на которомъ и рѣшили пригласить двухъ князей, Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Этотъ выборъ двухъ князей уже показываетъ, что ни Ростовъ, ни Владиміръ не хотѣли уступить другъ другу. Но это рѣшеніе было измѣной прежнему, такъ какъ ростовцы, суздальцы и владимірцы обѣщались держать сыновей Юрія, почему на зовъ явились, кромѣ прошеныхъ сыновей Ростислава, и два непрошеныхъ сына Юрія. Ростовцы возненавидѣли непрошеныхъ гостей, а владимірцы приняли однаго изъ Юрьевичей, Михалка. Тогда подъ Владиміръ подступило ополченіе ростовцевъ, муромцевъ и рязанцевъ, такъ что владимірцы должны были покориться и принять себѣ княземъ однаго Ростиславича. „Не противъ Ростиславичей, говоритъ лѣтописецъ, боролись владимірцы, но противъ ростовцевъ и суздальцевъ, которые говорили: пожжемъ Владиміръ или посадника въ немъ посадимъ, такъ какъ владимірцы наши холопы, каменщики“. Постановленіе Ростиславича было, конечно, тоже уступкой Владиміру. Но князь оказался слишкомъ молодымъ и неопытнымъ, такъ что его слуги грабили великолѣпный храмъ, гордость и славу владимірцевъ. Они не рѣшались дѣйствовать однолично, но жаловались ростовцамъ, „а тѣ, говоритъ лѣтописецъ, были лишь на словахъ за нихъ, а на дѣлѣ были далече“. Видя это положеніе дѣлъ, Юрьевичи, съ помощью черниговъ-

цевъ, успѣли выгнать Ростиславича и сѣли во Владимірѣ, принятые съ радостью владимірцами. Но ростовцы и суздальцы, разумѣется, были недовольны такимъ оборотомъ дѣла, который былъ явнымъ отрицаніемъ ихъ власти, и затѣяли борьбу съ Владиміромъ, но были разбиты и во множествѣ взяты въ плѣнъ владимірцами, во главѣ съ знаменитымъ княземъ ихъ Всеволодомъ. Тогда злоба владимірцевъ обратилась, въ свою очередь, на ростовцевъ: „вотъ враги твои и наши, ростовцы и суздальцы, кричали они; либо казни ихъ, либо слѣпи, либо дай намъ". Противъ этой народной ярости не устоялъ мудрый Всеволодъ и отдалъ плѣнниковъ...

Эта картина борьбы и ненависти ожесточенной, кровавой, лучше всего показываетъ, какъ трудно было въ это время поддержать племенное единство; а когда племенное единство разрушалось, во имя эгоистическихъ интересовъ каждаго города, то сила народа ослабѣвала, а сила и власть князей пропорціонально увеличивалась.

Но еще болѣе печальная картина представится намъ, если мы отъ племенъ обратимся къ ихъ представителямъ— князьямъ. Уже въ прошлую эпоху мы видѣли, что идеалъ родоваго управленія потерялъ всякое прочное вліяніе надъ умами, но мѣсто изчезнувшаго прежняго идеала не было замѣнено ничѣмъ другимъ. И въ настоящую эпоху, отъ времени до времени, слышатся притязанія, на основаніи родоваго права, и есть нѣсколько случаевъ, когда какъ будто родовое право оказывало дѣйствительное вліяніе на дѣйствія князей. Но не нужно обманываться внѣшностью; глубже всматриваясь въ факты, мы увидимъ, что подъ ними скрывались, или ими прикрывались, чисто эгоистическіе интересы. Достаточно взглянуть на одно число усобицъ, чтобы убѣдиться, какое тяжелое время переживало тогда общество. Изъ періода, обнимающаго 82 года, отъ 1155—1237, только 34 года оставались безъ усобицъ; изъ нихъ 12 лѣтъ были заняты походами на половцевъ, чудь, мордву, литовцевъ, нѣмцевъ, татаръ и болгаръ, такъ что въ теченіе 82 лѣтъ только 20 лѣтъ Русь была безусловно спокойна. Но въ числѣ 60 лѣтъ

занятыхъ усобицами, очень мало было такихъ, въ которыхъ была только одна усобица, а были года особенно плодовитые, когда было по 2, по 3, по 4 и даже въ 1159 году — 10 усобицъ. Эти усобицы иногда обходились сравнительно довольно дешево, но часто онѣ дорого стоили жителямъ, въ особенности когда соучастниками князей бывали половцы, или замѣшивалась у борющихся старинная месть. Кіевляне пострадали болѣе всѣхъ за свой вѣроломный характеръ. Въ 1158 году, когда умеръ въ Кіевѣ Юрій, кіевляне воспользовались случаемъ и „разграбили дворъ его кромный и другой дворъ его за Днѣпромъ, которые онъ самъ называлъ самораемъ, а также разграбили дворъ сына его Василька въ самомъ городѣ и вообще избивали суздальцевъ по селамъ и грабили ихъ имущество“ (Ипат., стр. 81). Весьма естественно, что суздальцы и ихъ князья, сыновья и внуки Юрія, ждали лишь благопріятнаго случая, чтобы отомстить имъ тѣмъ же. Такой случай представился въ 1171 году, когда Мстиславъ Андреевичъ, сынъ Боголюбскаго и внукъ Юрія, взяли съ суздальцами Кіевъ. „Кіевъ взятъ былъ, говоритъ лѣтописецъ, 6 марта, на второй недѣлѣ поста, и городъ грабили по 2 дня, Подолье и Гору, и монастырь и Софью, и Десятинную Богородицу, и не было помилованія никому и ничему; церкви горѣли, христіане были убиваемы и связываемы, жены и дѣти, разлученныя отъ мужей, были взяты въ плѣнъ; суздальцы и смоляне взяли изъ церкви всѣ образа, книги и ризы, а половцы ограбили Печерскій монастырь“ (Ипатьев., 100). Это ограбленіе церкви, — гордость первопрестольнаго Кіева, было, какъ видно, не случайное, а умышленное; ограбивъ всѣ драгоцѣнности изъ кіевской церкви, какъ иконы, книги и ризы, благочестивые суздальцы, вѣроятно, украсили и обогатили ими свои церкви. Въ 1134 г., кіевляне пострадали во второй разъ, но болѣе печальнымъ образомъ. Въ Кіевѣ княжилъ Ярославъ Изяславичъ, который не удовлетворилъ Святослава Ольговича волостью, такъ что тотъ, соединившись съ братьями, неожиданно въѣхалъ въ Кіевъ; Ярославъ принужденъ былъ бѣжать. Святославъ вошелъ въ го-

родъ, ограбилъ „имѣнія Ярослава безчисла", захватилъ княгиню его и дружину и выѣхалъ изъ Кіева. Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пріѣхалъ опять туда и сталъ справедливо обличать кіевлянъ въ ихъ извѣстной холодности и эгоизмѣ. Чтобы выкупить у Святослава княгиню и дружину, онъ „попродалъ весь Кіевъ, игуменовъ, поповъ, черцовъ и черницъ, латины и гостя" (Ип., III).

Наконецъ, самое послѣднее и болѣе ужасное взятіе Кіева было въ 1213 г. „Въ эту же зиму, говоритъ лѣтописецъ, взятъ былъ Кіевъ Рюрикомъ Ольговичемъ и половцами, и сотворилось великое зло въ Русской землѣ, какова не бывало со времени крещенія подъ Кіевомъ; много онъ претерпѣлъ напастій и взятій, но никогда не бывало такого, какъ это; не только было взято Подоліе, но и митрополичья церковь святой Софіи была разграблена, также всѣ монастыри, десятинная церковь Святой Богородицы. Иконы обобраны, иныя взяты; кресты, священные сосуды и платье первыхъ князей, которыя были повѣшены имп на память о себѣ, было взято и увезено; черпцы и черницы, попы, старые, слѣпые и хромые, были избиты, а молодые были уведены въ плѣнъ половцами" (Воскр., 108).

Таковы были ужасныя событія кіевскія; другія области меньше страдали отъ усобицъ, или, лучше сказать, ихъ страданіе было не такъ замѣтно, полно такого драматическаго ужаса, какъ страданіе кіевлянъ.

Я говорилъ выше, что родовыя идеи въ эту эпоху служили лишь прикрытіемъ эгоизма и личныхъ интересовъ. Это видно уже изъ одного того, что Кіевъ пересталъ быть цѣлью, къ которой стремились всѣ князья; тѣ, которые имѣли на него право по старѣйшинству, не садились въ немъ, и если предъявляли право на него, то только для того, чтобы посадить въ немъ своихъ родственниковъ. Но съ потерею Кіевомъ своего значенія, родовое право было разрушено въ основаніи. Въ сущности, въ этотъ періодъ уже установились отдѣльныя независимыя княжества почти вездѣ, кромѣ кіевской области; но въ этихъ княжествахъ шла обыч-

ная борьба за право владѣть лучшими городами и лучшими областями. Такимъ образомъ, политическіе интересы въ этотъ періодъ сосредоточиваются на борьбѣ за Кіевъ князей-потомковъ Святослава вообще и потомковъ Владиміра Мономаха, въ колѣнахъ его двухъ сыновей, Мстислава и Юрія Долгорукаго, и на борьбѣ въ удѣлахъ между дядями и племянниками. Укажемъ на нѣкоторыя, характеризующія время, усобицы.

Послѣ смерти Юрія, Кіевомъ овладѣлъ Изяславъ Давыдовичъ, сынъ третьяго сына Святослава, слѣдовательно, находящійся на одной линіи съ Юріемъ и даже старше его, слѣдовательно, какбы по родовому праву. Одинъ поступокъ его доказываетъ, что родовыя идеи имѣли для него нѣкоторое значеніе: такъ, онъ разъ употребилъ свое войско, чтобы доставить престолъ въ Туровѣ Владиміру Мстиславичу, потомку чужаго рода. Но, увлекшись другими предпріятіями, онъ потерялъ Кіевъ, который былъ взятъ Мстиславомъ Изяславичемъ, ограбившимъ все его имѣніе и отправившимъ его къ себѣ во Владиміръ. Мстиславъ Изяславичъ предложилъ кіевскій престолъ дядѣ своему Ростиславу. Такимъ образомъ, родовое право было нарушено и троюродный племянникъ сѣлъ на столѣ, принадлежавшемъ его дядѣ. Во время правленія въ Кіевѣ Изяслава Давыдовича, состоялась усобица въ Полоцкѣ. Родные братья—Рогволодъ и Ростиславъ — разсорились, и младшій, съ помощью половцевъ, выгналъ старшаго изъ Полоцка, сжегъ у него и его собственныя села. Старшій братъ попалъ въ Друцкъ, выгналъ роднаго племянника, а потомъ сами полочане одумались и выгнали младшаго брата (Ип., 82). Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, сѣлъ въ Кіевѣ и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Святослава Ольговича, старшаго изъ всѣхъ князей, имѣвшаго преимущественное право на Кіевъ, даже болѣе чѣмъ его двоюродный братъ Изяславъ Давыдовичъ, и онъ, прибавляетъ удивленно лѣтописецъ, поѣхалъ на обѣдъ „безъ всякаго извѣта!“ Въ княженіе Ростислава, Святославъ Ольговичъ послалъ къ нему въ Кіевъ своего сына Олега, въ

знакъ дружбы; тотъ принялъ его съ радостью; но здѣсь одинъ дружинникъ его шепнулъ Олегу, что его хотятъ схватить въ Кіевѣ; Олегъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, ушелъ изъ Кіева къ Изяславу Давыдовичу, который готовился къ войнѣ съ Ростиславомъ. Наступила борьба, причемъ на сторонѣ Ростислава былъ отецъ, а на сторонѣ Изяслава Давыдовича—сынъ, къ ужасу лѣтописца и современниковъ. Въ княженіе Ростислава произошла усобица въ черниговской области. Умеръ Святославъ Давыдовичъ, князь визижскій, кажется оставивъ младшаго брата; двоюродный дядя Святослава, Ольговичъ захватилъ наслѣдство, отдалъ лучшую часть удѣла брату, а въ Визицахъ посадилъ сына, кажется втораго, обидѣвъ Олега, женатаго на дочери Ростислава, дерзнувшаго возстать противъ отца. Но, по ходатайству Ростислава, дѣло было улажено. По смерти Ростислава, Кіевомъ овладѣлъ его двоюродный племянникъ Мстиславъ, чѣмъ былъ справедливо недоволенъ его дядя, родной братъ Ростислава; но такъ какъ онъ былъ слабъ, то замышлялъ лишь въ тайнѣ, былъ уличенъ, отказался отъ замысловъ, принесъ присягу и снова сталъ дѣйствовать противъ Мстислава, но безполезно. Всѣ князья были въ мирѣ и затѣяли блестящій походъ на половцевъ, удавшійся необыкновенно и доставившій богатую добычу въ лошадяхъ, скотѣ и челядн. Но вскорѣ началась ссора, по очень обыкновенной причинѣ этого времени,—по наговору. Два дружинника, выгнанные Мстиславомъ изъ службы за то, что ихъ холопы крали лошадей изъ стада Мстислава и ставили на нихъ знаки принадлежности ихъ господину, конечно съ его согласія. Обиженные дружинники рѣшились отомстить и наговорили потомку Святослава, участвовавшему въ походѣ, что Мстиславъ хочетъ ихъ пригласить на обѣдъ и здѣсь схватить. Когда Мстиславъ позвалъ ихъ на обѣдъ, то тѣ потребовали клятвы, что̀ и исполнилъ Мстиславъ. Но Мстиславу недолго удалось посидѣть въ Кіевѣ. Андрей Боголюбскій имѣлъ дѣйствительно за собой родовое право, а еще важнѣе того—силу, взялъ Кіевъ и посадилъ въ немъ своего брата

Глѣба. Справедливо или ложно, Андрей Боголюбскій подозрѣвалъ, что три дружинника, Григорій Хотовичъ, Степанецъ и Олекса Святославецъ отравили Глѣба (Ипат., 108). Когда престолъ кіевскій достался Роману Ростиславичу, двоюродному племяннику Андрея, то Андрей, какъ старшій въ родѣ, хотя вовсе не хотѣлъ сѣсть въ Кіевѣ, но требовалъ полнаго повиновенія себѣ всѣхъ князей. Остановимся нѣсколько и посмотримъ на этаго человѣка и его дѣянія, которыя составляютъ самый замѣчательный эпизодъ всей исторіи этого времени.

Безъ всякаго сомнѣнія, Андрей — самый замѣчательный человѣкъ XII вѣка, какъ Мономахъ—XI-го. Но между этими двумя замѣчательнѣйшими представителями двухъ вѣковъ не было ничего общаго, чего дѣйствительно и должно ожидать. Мономахъ жилъ еще въ ту эпоху, когда родовыя идеи имѣли сильное вліяніе на умы людей, когда начала развиваться вѣчевая жизнь и князья родственно, дружески относились къ народу. Андрей жилъ въ ту эпоху, когда усобицы должны были показать дальновидному человѣку все зло и несостоятельность настоящаго порядка. Еще болѣе: Андрей жилъ тогда, когда идеалъ княжеской власти князья и книженники стали черпать не изъ понятій народныхъ, а изъ Священнаго писанія. Какъ Мономахъ есть типическій представитель князя удѣльной эпохи, такъ Андрей есть истинный типъ позднѣйшихъ московскихъ царей: Ивана III, Василія, Ивана IV. У него, какъ и у потомка его Ивана III, политика идетъ объ-руку съ религіей, и онъ превосходно понимаетъ значеніе религіозной централизаціи для политической. Всѣми его дѣйствіями управляетъ умъ тонкій и дальновидный; какъ и его потомокъ Иванъ III, онъ ничего не отдаетъ на волю чувству, сердцу. Какъ къ роднымъ, такъ и къ дружинникамъ, онъ суровъ, холоденъ, непреклоненъ. Между этими двумя людьми есть только одна существенная разница. Иванъ III остороженъ, даже робокъ предъ серьозной опасностью: онъ не хочетъ ничѣмъ рискнуть; Андрей Боголюбскій—смѣлъ, рѣшителенъ, предпріимчивъ. Но и эта

разница, быть можетъ, создана временемъ: для Ивана III все уже было подготовлено, только нужно было не испортить дѣло; Андрею Боголюбскому нужно было все создать, и все создать одному, а потому нужно было спѣшить, такъ какъ жизнь коротка, а помощниковъ нѣтъ. Вся его жизнь и всѣ дѣйствія его объясняются этимъ умнымъ, холоднымъ и тонкимъ разсчетомъ. Приглашенный въ 1159 году на престолъ соединеннымъ вѣчемъ ростовцевъ, суздальцевъ и владимірцевъ, онъ первый изъ князей выбираетъ послѣдній худшій городъ, городъ мизинныхъ людей, какъ презрительно называютъ ихъ ростовцы. Понимая громадную важность религіозной централизаціи, онъ строитъ громадную по тому времени церковь Богородицы, для строенія которой приглашаетъ мастеровъ со всей земли, дивно украшаетъ ее,—лучше всѣхъ церквей, по словамъ лѣтописца. Онъ надѣляетъ ее большимъ достояніемъ, въ видѣ селъ и слободъ, со всѣми правительственными правами на нихъ, съ цѣлью завлечь во Владиміръ митрополита. Для этого великаго дѣла онъ не церемонился въ средствахъ: по какимъ-то винамъ, которыя намъ неизвѣстны, онъ выгналъ изъ Ростова и Суздаля епископа Нестора. Затѣмъ онъ собираетъ всѣхъ бояръ своего отца и новыхъ, набранныхъ имъ, и говоритъ: „этотъ градъ Владиміръ въ свое имя создалъ великій князь Владиміръ, просвѣтившій Русскую землю; теперь я, грѣшный и недостойный благодати Божіей, съ помощью Святой Богородицы расширилъ и вознесъ этотъ городъ, церковь создалъ въ немъ Успѣнія Святой Богородицы, украсилъ ее, доставилъ ей множество селъ, далъ ей десятую часть всего моего имущества, а потому хочу въ этомъ городѣ основать метрополію, да будетъ этотъ городъ великое княженіе и глава всѣмъ“ (Нпк., стр. 222). Бояре и князья согласились; послано было въ Константинополь посольство къ патріарху, чтобы испросить у него митрополита. Весьма вѣроятно, что митрополитъ не особенно желалъ переселиться во Владиміръ, къ князю, который уже показалъ характеръ суровый и неумолимый, несмотря на всѣ обѣщанныя имъ матеріальныя выгоды. Конечно,

по настоянію выгнаннаго Нестора и посла митрополита, патріархъ Лука отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ, въ которомъ, не смотря на ловко подслащенныя мѣста, ясно видно все неудовольствіе высшаго духовенства на Андрея. Послѣ длинныхъ похвалъ качествамъ Андрея, о которыхъ онъ будто бы слышалъ отъ выгнаннаго имъ епископа Нестора, патріархъ говоритъ, что не можетъ перенести метрополію во Владиміръ, такъ какъ она издавна была въ Кіевѣ, а Ростовъ и Суздаль были и при его отцѣ епископіей. „Прочли мы, продолжаетъ онъ далѣе, и тѣ обвиненія, которыя ты складываешь на боголюбиваго епископа твоего; но всѣ эти обвиненія были уже обсуждены въ Кіевѣ, предъ великимъ княземъ и митрополитомъ, и оказались слабы, а такъ какъ Священное писаніе повелѣваетъ, чтобы епископы судились лишь у своего митрополита, то и нужно поступать по этимъ правиламъ. По всему этому, если ты не восхощешь противиться суду всѣхъ святителей, если захочешь имѣть часть съ Христомъ Богомъ.... то ты съ радостью и честью примешь изгнаннаго епископа.... Но если ты его будешь гнать, продолжаетъ ядовито Лука, то пусть тебѣ вѣдомо будетъ, о возлюбленный о Христѣ сыне, что еслибы ты настроилъ массу церквей и монастырей во всемъ мірѣ, то это будутъ не церкви, а хлѣвы, и не будетъ тебѣ за это никакого спасенія“ (Ник. лѣт.).

Какъ принялъ Андрей это многорѣчивое посланіе—мы не знаемъ; но по его дѣйствіямъ видно, что онъ поворотилъ круто и не надѣясь устроить метрополію, онъ рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ для достиженія своихъ идеаловъ—устроить большое государство, сильное и мощное. Епископа Нестора онъ и не думалъ просить,—это показываетъ, что онъ не очень-то дорожилъ посланіемъ патріарха и мнѣніемъ священнаго собора. „Черезъ три года, говоритъ лѣтопись, выгналъ Андрей епископа Леона изъ Суздаля и братьевъ своихъ Мстислава, Василька и Михалка Юрьевичей и двухъ двоюродныхъ племянниковъ, а также всѣхъ старшихъ дружинниковъ своего отца; все это сдѣлалъ онъ,

желая быть „самовластцемъ“ во всей Суздальской землѣ“ (Воскр. стр. 76). Но выгнать племянниковъ и братьевъ было невозможно безъ содѣйствія народныхъ вѣчей, безъ содѣйствія народа, и дѣйствительно, Андрей прибѣгнулъ къ этому средству; онъ убѣдилъ народъ, какъ видно изъ другого мѣста лѣтописи,—убѣдилъ, конечно, представляя ему всю невыгоду безконечнаго раздробленія владѣній и тягость содержанія дружины при каждомъ отдѣльномъ князѣ (Воскр., 90). Онъ выгналъ богатыхъ и привыкшихъ къ самостоятельности въ дѣйствіяхъ дружинниковъ своего отца; [что это были люди самостоятельные,—это мы видимъ изъ лѣтописи. Въ 1150 году, когда Юрій овладѣлъ Кіевомъ и хотѣлъ отдать его Вячеславу, то его дружинники воспротивились этому, и Юрій отступилъ (Воск., 48)]. Но кого же онъ пригласилъ къ себѣ вмѣсто этихъ старыхъ, опытныхъ и самостоятельныхъ дружинниковъ? Голышей, людей безродныхъ, безъ состоянія, безъ семейныхъ преданій, безъ вѣса въ обществѣ. Его главнымъ дворецкимъ (ключникомъ) былъ чужеземецъ, Ясинъ; „тотъ, говоритъ лѣтописецъ, держалъ ключъ отъ всего дома князя и онъ далъ ему волю надъ всѣми.“ Послѣ вѣроломнаго убійства Андрея, одинъ горожанинъ такъ упрекаетъ Анбала: „помнишь-ли, жидовине, въ какомъ платьѣ пришелъ ты и въ какомъ ты нынѣ ходишь?“ (Ип., 114). Вообще, о всѣхъ его приближенныхъ лѣтопись говоритъ, что это были „милостивцы“, то есть принятые лишь по милости князя. Подобравъ себѣ такихъ людей, которые были одолжены ему всей своей карьерой, Андрей разсчитывалъ на ихъ покорность и преданность, такъ какъ внѣ его двора они не имѣли и не могли имѣть никакого значенія.

Укрѣпившись во Владимірѣ и чувствуя свою силу, онъ потребовалъ отъ Романа Ростиславича, князя кіевскаго, выдачи дружинниковъ, которыхъ онъ обвинялъ въ отравленіи брата Глѣба; тѣ не согласились. Тогда Андрей посылаетъ къ нему своихъ пословъ, которымъ велѣлъ сказать Роману и его братьямъ: „такъ какъ ты не хочешь ходить въ моей волѣ, то ступай самъ изъ Кіева; Давыдъ пусть идетъ изъ Выш-

города, Мстиславъ изъ Бѣлгорода; ступайте въ вашъ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ" (Ип., 168). Романъ дѣйствительно оставилъ Кіевъ, который Андрей отдалъ брату Михалку, но послѣдній не показывался туда, а посадилъ брата Всеволода и племянника. Ростиславичи отправили посольство къ Андрею, въ которомъ высказали старыя родовыя идеи. „Братъ, говорили они, мы вправду называли тебя своимъ отцомъ и цѣловали крестъ къ тебѣ, и стоимъ на крестномъ цѣлованіи, желая тебѣ добра; ты вывелъ брата нашего Романа изъ Кіева, а насъ гонишь безъ вины; пусть съ нами будетъ Богъ и сила крестная". Андрей на это не отвѣчалъ ничего, да ему и нельзя было ничего отвѣчать. Тогда Ростиславичи овладѣли Кіевомъ, захватили его младшаго брата Всеволода и всѣхъ бояръ. Этотъ поступокъ вывелъ изъ себя Андрея. Онъ отправляетъ въ Кіевъ пословъ и говоритъ имъ: „поѣзжайте къ Ростиславичамъ и скажите имъ: вы не хотите ходить въ моей волѣ, такъ ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ, отчину отца своего; а Давыду скажите: ступай въ Берладъ, а въ Русской землѣ не велю тебѣ сидѣть; а Мстиславу скажи: хотя въ тебѣ вся сила (Ростиславичей), но *я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ*" (Ип., 109). Андрей не ошибся; оскорбленный до глубины души, храбрый Мстиславъ велѣлъ остричь посламъ головы и бороды, т. е. нанести имъ величайшее оскорбленіе, такъ какъ борода и усы считались священными. Начинается борьба, въ которой Андрей выставляетъ громадную армію въ 50,000 человѣкъ, но самъ не идетъ управлять ею, а посылаетъ ее противъ Рюрика и Давыда, чтобы выгнать ихъ изъ волостей, а Мстислава привести къ нему, ничего не дѣлая съ нимъ. Всѣми этими поступками въ высшей степени возмущенъ южный лѣтописецъ. „Князь Андрей, говоритъ онъ, этотъ умникъ, доблестный въ своихъ дѣлахъ, погубилъ смыслъ своею невоздержанностію... Богу противна и мерзка хвала и гордость". Но судьба и здѣсь не посчастливила Андрею; онъ былъ побѣжденъ (Ип., 109). Чрезъ годъ и самъ Андрей былъ убитъ. Разсказъ объ его убійствѣ и его причинахъ весьма замѣчателенъ. „Былъ у него ключникъ

Якимъ, возлюбленный имъ, который, услыхавъ отъ него, что князь приказалъ казнить его брата за какой-то поступокъ, началъ собирать всѣхъ окружающихъ князя и говорить имъ: „сегодня однаго казнитъ, завтра другаго, и до насъ дойдетъ очередь; подумайте объ этомъ князѣ". Совѣщаясь тайно, они рѣшились убить князя. „Начальникъ убійцъ былъ Петръ, Кучковъ зять, Анбалъ Ясинъ, ключникъ, Якимъ Кучковичъ, а всѣхъ навѣрныхъ убійцъ было 20, которые держали совѣтъ у Петра, Кучкова зятя" *). Убивъ князя, убійцы похитили все его имущество, состоящее въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ, и еще до свѣта увезли на возахъ. Горожане боголюбскіе разграбили домъ князя, по волостямъ народъ перебилъ всѣхъ его посадниковъ и тіуновъ. Убійцы послали къ владимірцамъ сказать, что они совершили это преступленіе, думая не о себѣ только, но и о нихъ; но владимірцы отвѣчали: „кто съ вами думалъ, тотъ пусть и будетъ съ вами". На другой день, на мѣстѣ убійства проходитъ одинъ гражданинъ, по имени Козьма, и спрашиваетъ однаго изъ убійцъ: „гдѣ лежитъ тѣло князя?" Лежитъ выволоченное въ огородѣ, но не дотрогивайся до него: мы его выбросили псамъ; а если дотронешься, то убьемъ тебя". Но Козьма настаивалъ на перенесеніи его въ церковь, на что вынудилъ убійцъ согласиться. Онъ внесъ его въ церковь, которая была въ Боголюбовѣ, и просилъ отперсть ее, на что убійцы отвѣчали: „брось его тутъ въ притворѣ, печаль ти имъ".

Такъ жилъ и кончилъ жизнь, безъ сомнѣнія, самый замѣчательный человѣкъ XII вѣка.

Всѣ его дѣйствія такъ умны, тонки и смѣлы, что позднѣйшіе московскіе князья и цари не предпринияли ни одного дѣла, которое не было бы извѣстно Андрею. По личному генію, онъ былъ не только не ниже, но выше всѣхъ его пре-

---

*) Не закралась-ли здѣсь месть Кучковичей на Андрея и за поступки его отца, Юрія, въ отношеніи знаменитаго боярина Кучки? (см. Отд. II, Идеи и нравы XII вѣка).

сниковъ, дѣйствительно создавшихъ единство, къ которому онъ такъ настойчиво стремился, а между тѣмъ, всѣ его планы одинъ за другимъ падали, и самъ онъ умеръ ненавидимый тѣми людьми, которые ему были всѣмъ обязаны. Гдѣ же причина этого различія? Безъ сомнѣнія она заключается въ томъ, что называется духомъ времени, или иначе—идеями, жившими въ обществѣ. Андрей принадлежалъ къ разряду тѣхъ несчастныхъ геніевъ, которые родятся нѣсколькими столѣтіями ранѣе, прежде чѣмъ общество нуждается въ нихъ. Они живутъ, дѣйствуютъ, часто даже создаютъ громадныя царства, какъ Карлъ Великій, но всѣ ихъ планы и даже громадныя, созданныя ими, царства рушатся, какъ только ихъ перестаетъ согрѣвать живительное дыханіе ихъ генія. Еслибъ Андрей, побѣдивъ Ростиславичей, прожилъ еще лѣтъ 15—20, онъ вѣроятно создалъ бы огромное государство; но сомнительно, чтобы оно долго продержалось послѣ него. Нужно было всю тягость, весь ужасъ татарскаго ига, чтобы убѣдить общество, какъ важно, какъ необходимо единство. Еслибъ оно убѣдилось въ этомъ ранѣе, тогда бы стремленія Андрея сдѣлались бы стремленіями массы, получили бы подъ собой твердую почву и, безъ сомнѣнія, имѣли бы иной исходъ. Вся разница эта видна на княженіи Василія II Темнаго, человѣка добродушнаго, но слабаго и неспособнаго, такъ что его энергическимъ дядямъ удавалось не одинъ разъ низвергнуть его съ московскаго трона, держать въ заперти, ослѣпить его, но все тщетно, и его счастливые племянники принуждены были смиренно уступить Василію великокняжескій тронъ. Почему? Потому что общество ненавидѣло удѣлы, давно зная горькимъ опытомъ всю ложь этой системы, и ни за что не хотѣло возвращаться къ достолюбезной старинѣ. Нельзя сказать, чтобы важность этого единства совершенно никому не приходила въ голову: по Татищеву, еще въ 1155 г., Юрій Ярославичъ говорилъ Андрею слѣдующую рѣчь: „сего ради весьма бы хорошо Юрію съ сыновцы и прочими мириться, естьли бы всѣ князи его, яко старѣйшаго, такъ какъ отцемъ и великимъ княземъ именуютъ, яко сынове слушали, такъ

какъ у Рюрика, Олга, Игоря и Владиміра подвластные князи были, и по ихъ волѣ поступали, и безъ воли бы великаго князя ничего не начинали. Но нынѣ видимъ все иначе; ибо, поссоряся о владѣніи, или о чемъ другомъ, начинаютъ войну другъ противъ друга, единъ противъ другаго приводятъ половцевъ, другой венгровъ или поляковъ, и сіи, наипаче половцы, пришедъ на помощь, не жалѣя землю Русскую разоряютъ, людей побиваютъ и въ плѣнъ отводятъ, и сами, что далѣе, то болѣе усиливаются, а христіане, погибая, умаляются и въ безсиліе приходятъ. А попеже и Христосъ рекъ: аще царство раздѣлится, не можетъ стоять; такъ видимъ Русскую землю, на многія части раздѣленную, не иное можетъ уповать, и вскорѣ ожидать, что иноплеменники пришедъ всѣ ми обладаютъ, погубятъ землю Русскую, и славу отецъ нашихъ, которыхъ мы предъ многими цари и князи хвалимся, угасятъ во вѣки" (Ист. Рос., т. III, стр. 94).

Но, если нельзя не видѣть въ Андреѣ прототипъ московскихъ царей, то можно-ли жалѣть о его гибели? Развѣ Русь не могла найти другаго исхода, кромѣ московскихъ порядковъ? Развѣ сами московскіе порядки не есть слѣдствіе татарскаго ига? Вотъ вопросы, которые не хочу обойти молчаніемъ и не высказать моего мнѣнія.

Совершенно справедливо, что московскіе порядки были вызваны татарскимъ игомъ; но татарское иго было лишь внѣшней причиной, заставившей общество оглянуться на себя. Еслибы не было татаръ, то литовцы или поляки, когда они успѣли соединиться, могли бы съ успѣхомъ разыграть роль татаръ въ русской исторіи, т. е. заставить бросить удѣльную систему и соединиться. Появленіе людей, подобныхъ Андрею Боголюбскому, за 70 лѣтъ до татарскаго ига, какъ нельзя болѣе ясно указываетъ, что болѣе глубокіе и тонкіе умы видѣли въ этомъ уже единственный исходъ противъ безурядицы. Андрей погибаетъ, но отъ кого? Не отъ владимірцевъ, которые не хотѣли знать его убійцъ, но отъ дружинниковъ, которымъ онъ не давалъ своевольствовать. Европейская исторія рѣзко разнится отъ исторіи древняго

міра въ томъ отношеніи, что въ ней политическую роль играютъ огромныя тѣла, тогда какъ въ древнемъ мірѣ владычествовали города. Какъ скоро образовалось одно большое государство, сама логика вещей требуетъ, что или его сосѣди образуютъ такое же государство, или должны дать поглотить себя. Исторія Германіи до и послѣ объединенія даетъ наглядный примѣръ. Какую форму могла принять Русь, не уничтожая прежнихъ порядковъ? Можетъ быть, она могла бы устроить федерацію княжествъ? Но такія федераціи уже существовали: вся русская удѣльная исторія послѣ любечскаго съѣзда, есть не что иное какъ федерація, но федерація въ безобразной формѣ. Могла-ли же существовать, при такихъ нравахъ, идеяхъ и стремленіяхъ, другая федерація? Не смотря на страшный урокъ татарскаго ига, при Іоаннѣ III его удѣльные князья имѣютъ тѣ же стремленія, почти тѣ же идеи, какія они имѣли въ XII столѣтіи. Эта федерація оказалась бы также слабой передъ нѣмцами, поляками и литовцами, какъ она оказалась слабой передъ татарами. Нѣсколько ничтожныхъ колѣнъ кочевыхъ половцевъ постоянно дѣлали набѣги, опустошали всѣ южные предѣлы, и князья ничего не могли сдѣлать съ ними. Но, можетъ быть, возможна была парламентарная монархія? Но всякой, даже парламентарной монархіи, долженъ былъ предшествовать періодъ централизаціи. Англія, какъ уже давно доказалъ де-Лельмъ (Constitution of England), потому сдѣлалась прежде всѣхъ свободной, что прежде всѣхъ прошла чрезъ централизаціонный деспотизмъ норманновъ. Московскіе князья, какъ и цари, тотчасъ послѣ объединенія, дѣлаютъ парламентарныя попытки; но эти попытки дѣлаются уже очень поздно, когда общество совершенно свыклось, подъ вліяніемъ татарскаго ига, съ деспотическимъ строемъ. Еслибы такое объединеніе совершилось ранѣе, напримѣръ, во время Андрея, когда общество носило въ нравахъ болѣе привычекъ къ свободѣ, парламентарныя попытки князей могли бы принять совершенно оное направленіе. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что разсмотрѣнный нами прежде порядокъ управленія, т. е. вѣчевое управ-

леніе однаго города и рабская зависимость пригородовъ не имѣли будущности, потому что оно сдѣлалось ненавистнымъ странѣ, подчиненной городу, да и въ самомъ народѣ едвали всѣ могли быть имъ довольны. Всякій, кто безпристрастно захотѣлъ бы вопросить лѣтопись и документы этого времени, долженъ, мнѣ кажется, придти къ убѣжденію, что вѣчевой порядокъ управленія въ самомъ себѣ носилъ болѣзнь, которая рано или поздно должна была привести его къ паденію, рано или поздно общество должно было пройти фазу самодержавія. Всякій, кто безпристрастно посмотритъ на исторію общества, можетъ убѣдиться, что эта исторія не есть правильное поступательное движеніе, а, наоборотъ, весьма часто — смѣна противуположныхъ крайностей. Безпорядки удѣльной системы въ цѣломъ могли уничтожиться лишь единовластіемъ и самодержавіемъ; въ свою очередь, крайность этого направленія могла ослабить лишь живущая въ племенахъ потребность свободы; иного исхода я не предвижу и не могу понять. Такимъ образомъ, самодержавіе было необходимо, и чѣмъ скорѣе бы оно появилось, тѣмъ полезнѣе было бы для общества. Конечно, ни фигура Андрея, ни принесенная имъ система, не симпатичны; но лѣкарство рѣдко бываетъ пріятно.

Послѣ этаго эпизода, дѣла идутъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Кіевскій престолъ получаетъ Ярославъ Изяславичъ. Святославъ Всеволодовичъ послалъ ему сказать: „помени свой рядъ, на чемъ крестъ цѣловалъ; мы условились, что если я сяду въ Кіевѣ, то тебя надѣлю, если ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣлишь; теперь, право или не право, но ты сѣлъ, такъ надѣли же меня“. Ярославъ отвѣчаетъ: „зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ наша сторона не надобна“. Святославъ отвѣчаетъ на это: „Я не угринъ и не ляхъ, но однаго дѣда мы внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ до него; если ты отказываешься отъ ряда, то я также свободенъ отъ обѣщанія“. Затѣмъ слѣдовалъ наѣздъ на Кіевъ и ограбленіе имущества Ярослава, о чемъ я уже говорилъ. На сѣверѣ, послѣ смерти Андрея, послѣдовала борьба городовъ Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, о чемъ я тоже

говорилъ, въ началѣ этой главы. Замѣчательнымъ результатомъ этой борьбы было то, что городъ Владиміръ остался побѣдителемъ, а его княземъ сдѣлался Всеволодъ, братъ Андрея, старѣйшій князь въ родѣ Мономаха. Всеволодъ былъ князь замѣчательнаго ума и характера, и притомъ князь, который во многомъ раздѣлялъ идеи своего умнаго брата, но онъ былъ осторожнѣе, шелъ на сдѣлки съ старыми порядками и съ старымъ міромъ идей. Въ рязанской землѣ произошла усобица. Всеволодъ и Владиміръ прислали къ Всеволоду Юрьевичу пословъ, велѣвъ имъ сказать: „ты господинъ и отецъ намъ, разсуди между нами. Романъ, братъ намъ старѣйшій, умепьшаетъ у насъ волости, слушая тестя своего Святослава Всеволодовича“ (изъ рода Святославичей). Всеволодъ пришелъ въ Рязань и раздѣлилъ между ними волости, „каждому по старѣйшинству“ (Воскр., 95).

Но эта миротворная власть старшаго дяди не привела ни къ чему; братья снова разсорились, хотѣли обманомъ перебить другъ друга, по обыкновенію времени приглашая на праздничный обѣдъ. Но пока все устроилось, Всеволодъ вооруженной рукой взялъ Рязань „и всю землю ту пусту сотвориши“. Замѣчательны также отношенія Всеволода къ Кіеву. Въ 1195 году въ Кіевѣ княжилъ Рюрикъ Ростиславичъ, къ которому Всеволодъ отправилъ пословъ и велѣлъ имъ сказать: „вы нарекли меня старѣйшимъ въ племени дяди моего Мономаха по достоинству, а теперь ты сѣлъ въ Кіевъ, не удѣливъ мнѣ части въ Русской землѣ, а все отдалъ младшей братьѣ своей; если ты мнѣ не дашь части, то я не буду вступаться, но посмотрю какъ ты удержишь Кіевъ какъ защитятъ тебя тѣ, которымъ ты далъ часть“. Рюрикъ находился въ затрудненіи, какъ удовлетворить эту просьбу, такъ какъ онъ обѣщалъ своему зятю Роману тѣ волости, которыя просилъ у него Всеволодъ. Но Романъ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, говоритъ Рюрику: „отче! я не хочу, чтобы ты изъ-за меня ссорился съ Всеволодомъ; отдай ему мои волости, а мнѣ дай другія, или заплати за нихъ деньгами, что онѣ стоятъ“. Рюрикъ отдалъ Всеволоду 5 городовъ

изъ которыхъ одинъ онъ отдалъ своему зятю и сыну Рюрика Ростиславу, а въ другихъ посадилъ посадниковъ. Но этимъ поступкомъ Всеволода былъ недоволенъ Романъ, полагая, что Рюрикъ отнялъ у него города, чтобы отдать сыну. Романъ бѣжалъ къ полякамъ и къ племени Святослава, и изъ-за него едва не возгорѣлась война; но дружина Романа погибла въ борьбѣ съ поляками, гдѣ онъ защищалъ однихъ князей противъ другихъ, и Романъ долженъ былъ униженно просить примиренія и волости, что, по ходатайству митрополита, и далъ ему Рюрикъ. Въ 1195 году Рюрикъ и Всеволодъ, два представителя племени Владиміра и Всеволода, посылаютъ Ярославу и Ольговичамъ, представителямъ Святослава, пословъ, съ требованіемъ: „цѣлуйте нашъ крестъ со всею своею братьей, что какъ намъ не искать своей вотчины надъ вами, такъ и вамъ не искать Кіева и Смоленска надъ Владиміровыми племенами“ (Ип., стр. 146). Это предложеніе, очевидно, стремилось окончательно уничтожить борьбу за Кіевъ и вообще къ уничтоженію послѣднихъ воспоминаній родоваго государственнаго устройства; но племя Святослава не приняло его.

Въ силу этого, Кіевъ до конца этаго періода остается яблокомъ раздора между племенами Святослава и Всеволода. Въ теченіе времени отъ 1180 г. до 1214 года, т. е. въ теченіе 34 лѣтъ, Рюрикъ Ростиславичъ пять разъ имѣлъ въ обладаніи Кіевъ и пять разъ терялъ его; въ теченіе этого же времени, Всеволодъ Святославичъ Черный, изъ племени Святослава, три раза владѣлъ и терялъ Кіевъ для Рюрика Ростиславича. Послѣ 1214 года Кіевъ переходитъ въ руки сыновей Всеволода—Юрія и Константина.

Перейдемъ теперь къ устройству и управленію княжествъ.

Въ устройствѣ и управленіи княжествъ и даже въ составѣ общественныхъ элементовъ не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Князья и теперь находились въ нѣкоторой зависимости отъ вѣчей и вступали съ ними въ ряды; но кажется это стало дѣлаться рѣже, такъ какъ центры сдѣлались меньше, племена потеряли прежнюю силу. Самый замѣча-

тельный примѣръ власти вѣча за этотъ періодъ представляетъ уже не Кіевъ, а Полоцкъ. Въ 1159 году Рогволодъ Борисовичъ бѣжалъ изъ Полоцка, прогнанный полочанами и своими братьями, отнявшими у него его волость и собственныя его имѣнія. Рогволодъ бѣжалъ къ Слуцку и началъ ссылаться съ дручанами; тѣ были рады его пріѣзду и послали къ нему сказать: „ступай, князь, въ городъ; если будетъ за тебя борьба, то мы ради биться и съ дѣтьми за тебя". Дручане, принявъ Рогволода, выгнали Глѣба Ростиславича, разграбили, по обычаю, его дворъ и дворъ его дружины. Когда Глѣбъ Ростиславичъ прибѣжалъ къ отцу въ Полоцкъ, то въ городѣ былъ мятежъ, такъ какъ одна партія хотѣла возвратить Рогволода, а другая стояла за Ростислава. „Едва успѣли люди Ростислава, говоритъ лѣтописецъ, одаривъ ихъ многими дарами, привести ихъ къ кресту", Ростиславъ, вмѣстѣ съ братьями, пошелъ къ Друцку па Рогволода, который затворился въ городѣ; но дѣло кончилось миромъ, по которому Ростиславъ придалъ Рогволоду волостей и возвратился домой. „Но полочане, между тѣмъ, совѣтъ золъ совѣщаша, говоритъ лѣтопись, на князя своего Глѣба и преступивъ къ нему крестное цѣлованіе, отправили къ Рогволоду друцкому пословъ, сказать: „князь, согрѣшили мы къ тебѣ, возставъ на тебя безъ вины и разграбивъ имѣнія твое и твоей дружины, и взявъ тебя выдали въ великую нужду Глѣбовичамъ; если ты намъ этого не вспомнишь, (т. е. не будешь мстить), что мы сотворили своимъ безумiемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ князь, а Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, что хочешь, то и сдѣлаешь съ нимъ". Ростиславъ, узнавъ объ этомъ заговорѣ, бѣжалъ въ Минскъ, а Рогволодъ пришелъ въ Полоцкъ и былъ принятъ съ честію" (Воскр., стр. 68). На сѣверѣ Россіи, въ областяхъ ростовской и суздальской, народное вѣче не потеряло значенія, какъ это видно изъ событій послѣ смерти Андрея, уже разсказанныхъ нами. Въ это время вѣче старшаго Ростова даже имѣло претензію на вмѣшательство чисто-административное въ управленіе князя

волостями. „Пожжемъ, говорили ростовцы, Владиміръ или посадниковъ туда посадимъ“ (Воскр., стр. 71). Владимірцы приняли Ярополка Ростиславича, но увидя, что онъ молодъ и допускаетъ своимъ дружинникамъ грабить землю, владимірцы собрались на вѣче и восклицали: „мы добровольно, какъ свободные люди, приняли князя, а теперь онъ начинаетъ грабить; а промышляйте о себѣ, братья“ (Ип., стр. 115). Въ 1175 году смоляне выгнали Ярополка Романовича и приняли къ себѣ Мстислава Ростиславича. (Тамъ-же).

Волости, какъ и прежде, управлялись или князьями родственниками, находящимися въ нѣкоторой зависимости отъ старшаго князя, или посадниками и тіунами. Управленіе посадниковъ, а въ особенности тіуновъ, не отличалось добросовѣстностью. По смерти Андрея Боголюбскаго, жители разграбили дома его посадниковъ и тіуновъ, избивъ ихъ самихъ и избивъ ихъ дѣтскихъ и мечниковъ, „не вѣдая, замѣчаетъ лѣтописецъ, что гдѣ есть законъ, тамъ и обидъ много (Ип., стр. 115). „Когда ростовцы и суздальцы прогнали Ростиславичей, тогда, говоритъ лѣтописецъ, Ростиславичи стали раздавать посадничества русскимъ (т. е. кіевскимъ) дѣтскимъ, а эти большую тяготу производили людямъ продажами и вирами, такъ какъ сами князья были молоды и слушали бояръ, а бояре поучали ихъ на „многое имапіе“; изъ Святой Богородицы, созданной Андреемъ, они взяли золото и серебро; отнявъ ключи отъ церковныхъ палатей, а также отобравъ городъ ея (т. е. Св. Богородицы), который далъ ей Андрей“ (Ип., стр. 117). Безпрестанно упоминаемые въ лѣтописяхъ грабежи старшихъ дружинниковъ князя, какъ скоро ихъ предводитель–князь умиралъ или смѣнялся, указываютъ, что дружинники не пользовались особой репутаціей у племенъ, отличаясь хищничествомъ и притѣсненіями.

Весьма важный, но, по недостатку документовъ, весьма темный вопросъ составляетъ развитіе общественныхъ элементовъ. Съ перваго раза видно одно важное измѣненіе: кромѣ старѣйшихъ дружинниковъ, въ эту эпоху появляется особый

классъ „дворянъ“, вѣроятно, составившійся изъ сыновей дружинниковъ. Этотъ классъ отличается и отъ старшихъ дружинниковъ и отъ отроковъ. Само собою разумѣется, что этотъ классъ имѣетъ менѣе значенія, чѣмъ думцы князя; они составляютъ только его почетныхъ слугъ, придворныхъ. Точно также они отличаются и отъ отроковъ, молоди, потому что они есть классъ постоянный и едва-ли не получающій уже отъ князей земли, хотя свидѣтельства объ этомъ нельзя найти ранѣе XIV столѣтія (см. С. Г. Г. и Дог., т. I; Духов. и догов. грам. князей этаго вѣка). Но вопросъ о положеніи общественныхъ классовъ тѣсно связанъ съ Мстиславовой грамотой, а потому и перейдемъ прямо къ ней.

Безсудная грамота Мстислава, или договоръ Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, относится къ 1229 и 1230 годамъ. Изъ этой грамоты мы можемъ извлечь нѣсколько данныхъ, весьма важныхъ какъ для права вообще, такъ и для вопроса объ отношеніи общественныхъ элементовъ.

Если мы сравнимъ правовыя идеи этаго договора съ Русской Правдой, то найдемъ здѣсь много общаго и нѣкоторыя довольно важныя различія. Прежде всего, посмотримъ на измѣненія въ государственныхъ отношеніяхъ. Въ грамотѣ Мстислава есть одна статья, которая указываетъ, что власть князя приняла уже деспотическій характеръ, несмотря на то, что въ Смоленскѣ, еще въ послѣдней четверти XII столѣтія, мы видимъ дѣйствіе вѣчей: „Если князь *разгнѣвается* на своего человѣка и велитъ разграбить домъ его съ женой и дѣтьми, то прежде всѣхъ получаетъ (изъ имущества) нѣмецъ, а потомъ какъ захочетъ Богъ и князь“ (ст. VI). Эта статья допускаетъ такой произволъ княжеской власти, какого не знала Русская Правда. По Русской Правдѣ, общество выдавало князю на потокъ съ женою и дѣтьми разбойника (Троиц., ст. 5), коневаго татя (ст. 30), зажигальщика гумна (ст. 79); но здѣсь не опредѣляется причина, за что князь можетъ разгнѣваться; эта причина здѣсь какбы предоставляется на волю самого князя. Точно также различно смотритъ

Русская Правда и грамота Мстислава на удовлетвореніе кредиторовъ изъ имущества, отданнаго на потокъ. По Русской Правдѣ (Тр., ст. 51), на имущества прежде всего имѣли право иностранные гости, потомъ князь, затѣмъ остальные кредиторы; по Мстиславовой грамотѣ плата русскимъ кредиторамъ зависитъ совершенно отъ произвола князя. Эта статья ярко и рельефно доказываетъ, что въ началѣ XIII столѣтія власть князя безконечно возросла, что вѣчевыя собранія прошли совершенно безслѣдно для огражденія права личности. Только въ одномъ Новгородѣ прежніе порядки не только держались, но и развивались; но они уже не находили сочувствія въ обществѣ южныхъ центровъ, что̀ ясно видно изъ отзывовъ всѣхъ южныхъ лѣтописцевъ о порядкахъ Новгорода. Подъ 1170 годомъ лѣтописецъ такъ размышляетъ о Новгородѣ: „наказая накажи мя, рече: Господи, смерти же не предаждь мене, глаголя Давыдъ тако. Сія же люди новгородскія наказа Богъ и смири я до зѣла, за преступленіе крестное и за гордость ихъ наведе на нихъ, но милостію Своею избави градъ ихъ. И не глаголемъ: прави суть новгородци, яко издавна свобожени отъ прадѣдъ князь нашихъ; никакоже се тако: аще ли се предніи князи велѣли крестъ преступати и внукы своя или правнукы соромляти, и цѣловавше крестъ внукомъ ихъ и правнукомъ преступати? то доколѣ се Богови тръпѣти? но наводитъ сія на ны, грѣхъ ради нашихъ, и по достоянію нашему наказуетъ насъ“. Еще рѣзче выражается лѣтописецъ подъ 1171 годомъ: „того же лѣта выгнаша новгородци князя Романа, внука великаго князя Изяслава Мстиславича; таковъ бо бѣ обычай окаянныхъ смердовъ измѣнниковъ.“

Также весьма замѣчательна и слѣдующая статья, которая читается такъ по договору 1229 года: „если латининъ дастъ холопу князя, или какому доброму человѣку въ займы деньги, и тотъ умретъ не заплативъ, то тотъ, кто возметъ его наслѣдство, изъ его остатковъ долженъ выплатить долгъ“. По договору 1230 года, она читается нѣсколько иначе: „если нѣмецкій гость дастъ въ заемъ холопу князя или боярина,

то получившій наслѣдство долженъ выплатить долгъ“ (ст. VII). Въ какомъ значеніи употребляется здѣсь слово холопъ, въ дѣйствительномъ или переносномъ? Если принять слово холопъ въ дѣйствительномъ смыслѣ, т. е. что здѣсь говорится о княжескихъ смердахъ и о земледѣльческихъ холопахъ бояръ, которые могли также являться на торгъ въ Смоленскъ, то статья будетъ понятна. Она будетъ означать то, что въ имѣніяхъ князей и бояръ ихъ властелины не вмѣшивались въ самую жизнь своихъ рабовъ, довольствуясь только уроками отъ нихъ, и предоставляли наслѣдство послѣ нихъ ближайшимъ родственникамъ. Она указываетъ, что законъ допускалъ даже нѣкоторое право на владѣніе отдѣльнымъ имуществомъ холопамъ поземельнымъ, и такимъ образомъ, допускаетъ огромный шагъ впередъ передъ Русской Правдой, которая твердо держалась принципа: „если холопъ бѣгая добудетъ голову, то господину холопъ и долгъ“. „Если господинъ дозволяетъ холопу торговать, то, если холопъ одолжаетъ, господинъ обязанъ платить за него, не имѣя права отказываться отъ холопа“ (Тр., ст. 111). Очень можетъ быть, что Русская Правда имѣла въ-виду лишь холоповъ домашнихъ, челядиновъ, тогда какъ Мстиславова грамота имѣетъ въ-виду лишь холоповъ поземельныхъ, которые въ большомъ числѣ могли развиться лишь въ это время. Но при этомъ толкованіи было бы страннымъ то обстоятельство, что Мстиславова грамота совершенно опускаетъ изъ вида задолжаніе людей свободныхъ, или говоритъ объ этомъ вскользь, въ редакціи 1227 года: „если латинянинъ дастъ въ заемъ княжу холопу и иному доброму человѣку“; здѣсь сопоставленіе княжескаго холопа съ инымъ добрымъ человѣкомъ весьма замѣчательно. Не совершился-ли уже теперь тотъ переворотъ, который мы находимъ совершившимся въ обществѣ XIV столѣтія, т. е., что отъ всей массы свободныхъ людей дѣйствительно свободными считаются только дружинники, — только они дѣйствительно „вольные люди“, которые, независимо отъ князя, могутъ оставить его территорію, перейти къ другому князю, сохраняя независимымъ свое имущество, тогда какъ

люди сельскіе и люди городскіе, хотя и не находятся въ личномъ холопствѣ, но тѣмъ не менѣе, они—холопы князя, потому что безъ его согласія они не могутъ оставить земли, потому что ихъ имущество находится въ зависимости отъ князя. Въ XIV столѣтіи мы находимъ въ договорахъ уже утвердившимся положеніе: „что гостей и городскихъ людей блюсти съ одного и въ службу ихъ не принимать“ (С. Г. Г. и Д., № 33). Такимъ образомъ, въ XIV столѣтіи уже совершился весьма важный переворотъ, отдѣлившій княжескую дружину отъ остальнаго общества. Военная служба въ это время уже дѣлается привилегіею одного класса; все остальное общество, которое фигурировало въ качествѣ отроковъ и молоди, теперь исключается изъ службы князя. Всѣ политическія права свободныхъ людей въ XIV столѣтіи имѣютъ одни дружинники, т. е. обезпеченіе имущества и право отъѣзда; другіе классы не имѣютъ никакихъ правъ, — они холопы князя. По договорнымъ грамотамъ XIV столѣтія, горожанинъ точно также не имѣетъ права продавать своего двора, какъ свободный черносошный крестьянинъ своей земли. Весь вопросъ заключается въ томъ, относится-ли начало этого переворота къ временамъ до татарскаго ига, или прямо къ татарскому игу, еще болѣе возвысившему власть князя и уничтожившему всякое значеніе народныхъ вѣчей? Мнѣ кажется, что татарское иго только упрочило то движеніе общества, которое началось прежде, т. е. что уже до татарскаго ига власть князей необыкновенно возвысилась, а значеніе свободныхъ людей, находившихся внѣ дружины, пало. Всеволодъ Юрьевичъ предъ своею смертью, въ 1211 году, созвалъ всѣхъ бояръ своихъ со всѣхъ городовъ и волостей, епископа, игуменовъ, поповъ, купцовъ, дворянъ и всѣхъ людей, и далъ предъ ними Владиміръ сыну своему Юрію, приводя всѣхъ людей къ кресту (Воскр., стр. 117). Замѣчательно, что главную роль здѣсь играетъ уже не вѣче главныхъ народовъ, но высшіе классы общества; вѣче стоитъ на послѣднемъ планѣ. Въ этомъ можно видѣть естественность хода развитія; значеніе вѣчей упало отчасти потому, что

сильнѣйшіе князья не жили въ старыхъ вѣчевыхъ городахъ, отчасти потому, что, въ силу ревности однаго города къ другому, сами племена умѣньшили значеніе вѣча. Ко всему этому нужно присоединить еще одинъ важный элементъ, это—вліяніе церкви. Церковь совершенно иначе смотрѣла на князей, чѣмъ племена; она признавала за ихъ властью божественное происхожденіе. Уже по поводу смерти Андрея, лѣтописецъ приводитъ взглядъ апостола Павла на власть: „всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется, потому что власти установлены Богомъ; естествомъ земнымъ царь подобенъ всѣмъ людямъ, властью же сана, выше людей, какъ Богъ; великій Златоустецъ сказалъ: кто противится власти, тотъ противится закону Божію, ибо князь не напрасно носитъ мечъ“ (Ип., стр. 115). Вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства, вмѣстѣ съ возрастающимъ вліяніемъ церкви, возрастала, такимъ образомъ, власть князей.

Уголовное право Безсудной грамоты признаетъ плату за голову убитаго въ 40 гривенъ, какъ и Русская Правда, но эта плата, какъ видно, шла къ родственникамъ убитаго, словомъ, это была лишь головщина, но не вира. Это, впрочемъ, не уничтожаетъ дѣйствіе соотвѣтствующей статьи Русской Правды въ Смоленскѣ, потому что этотъ законъ могъ примѣняться только въ отношеніи убійства нѣмецкихъ гостей. Точно также плата полувирья существуетъ въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и по Русской Правдѣ, т. е. въ случаѣ сильнаго изувѣченія тѣла. Точно также какъ за убійство нѣтъ виры, такъ, въ случаѣ матеріальныхъ обидъ, нѣтъ продажи князю, но зато вознагражденіе обиженному гораздо выше. Такъ, за выбитіе зуба, по Правдѣ обиженный получалъ лишь гривну кунъ, по Мстиславовой грамотѣ—8 гривенъ; за ударъ орудіемъ до крови, по Правдѣ — тоже гривна, по грамотѣ—12 гривенъ. Это возвышеніе платы за матеріальныя оскорбленія нужно приписать, кажется, нѣмецкому вліянію, потому что во всѣхъ спискахъ Русской Правды остались старыя постановленія.

Въ отношеніи уголовнаго права въ грамотѣ Мстислава

есть только одно нововведеніе,—это двѣ статьи объ оскорбленіи женщинъ. По одной статьѣ, за прелюбодѣяніе съ женою, назначается полная вира, за насиліе надъ женщиной, отличавшейся честнымъ поведеніемъ, виновный долженъ былъ заплатить пѣню въ одну четверть виры, а если прежнее поведеніе женщины было зазорно, то только небольшую пѣню въ одну десятую виры (ст. XI, XII). Насиліе надъ рабою наказывается также, какъ и насиліе надъ свободной женщиной зазорнаго поведенія (ст. XII, 4). Введеніе этихъ статей, впрочемъ, легко объясняется. Эти процессы объ оскорбленіи женщинъ, по Уставу Ярослава, были подсудны церкви; но такъ какъ казался непормальнымъ судъ православной церкви надъ латинянкомъ, или, обратно, судъ католической церкви надъ православнымъ, то всего проще было внести этого рода преступленіе прямо въ судную грамоту.

Весьма важны статьи о судопроизводствѣ, потому что онѣ знакомятъ съ нѣкоторыми новыми порядками, о которыхъ мы ничего не знаемъ по Русской Правдѣ.

Одна статья грамоты уничтожаетъ третейскій судъ, внѣ суда князя, для процессовъ между русскимъ и нѣмцемъ, если нѣмецъ не хочетъ принять его. „Русскій не можетъ звать нѣмца на общій судъ, кромѣ суда смоленскаго князя, если самъ нѣмецъ добровольно не согласится на это“ (ст. XXI, 3). Статья эта тѣмъ замѣчательнѣе, что она указываетъ, что и въ это время третейскій судъ былъ еще во всеобщемъ обычаѣ, что и весьма понятно, принимая во вниманіе то недовѣріе, которое граждане должны были имѣть къ суду тіуновъ и посадниковъ. Но въ Русской Правдѣ нѣтъ ни слова о третейскомъ судѣ,—слѣдовательно, онъ существовалъ, такъ сказать, внѣ закона: законъ не зналъ его. Для своего значенія онъ требовалъ, чтобы обѣ стороны были согласны подчиниться его рѣшенію. Смоленская грамота знаетъ существованіе третейскаго суда, но ни откуда не видно, обезпечивало-ли правительство исполненіе его рѣшеній; есть возможность предположить, однако, что для смоленскихъ гражданъ явленіе передъ третейскимъ судомъ было обязательнымъ, хотя

нѣмцы, въ-видѣ привилегіи, были отъ него освобождены. Но едвали на основаніи этого можно сдѣлать какіе-либо болѣе положительные выводы о значеніи третейскаго суда въ Смоленскѣ.

Вторая замѣчательная статья, находящаяся въ Мстиславовой грамотѣ, — эта статья, опредѣляющая порядокъ суда. Вотъ эта статья: „если какое дѣло будетъ сужено въ Смоленскѣ между русскими и нѣмцами, передъ судьями и передъ добрыми людьми, то этого дѣла не пересуживать ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ берегѣ; а что сужено въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ передъ судьями и передъ добрыми людьми, того въ Смоленскѣ не пересуживать". Эта статья ясно говоритъ о присутствіи на судѣ въ Смоленскѣ „добрыхъ людей", точно также, какъ о ихъ существованіи мы знаемъ въ Новгородѣ. Но существовали-ли они въ остальной Россіи? Земля кривичей, Смоленскъ, во многихъ отношеніяхъ имѣлъ порядки, близкіе къ новгородскимъ. О существованіи добрыхъ людей на судѣ въ Россіи нельзя сказать ничего, на основаніи Русской Правды; документы начинаютъ говорить объ нихъ не ранѣе XIV и даже XV вѣка, слѣдовательно, можно считать ихъ нововведеніемъ государства. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ темный. Да и въ самой Мстиславовой грамотѣ присутствіе добрыхъ людей на судѣ не есть-ли вліяніе нѣмецкаго права, такъ какъ, очевидно, многое въ грамотѣ измѣнено изъ принциповъ русскаго права, въ силу соглашенія съ нѣмецкимъ? Но если на судѣ въ Смоленскѣ присутствовали добрые люди, то неизвѣстно, какую они играли здѣсь роль? Были-ли они простыми свидѣтелями суда посадника и тіуна, или принимали въ немъ участіе? Объ этомъ, на основаніи грамотъ, нельзя сдѣлать никакого вывода.

Въ Мстиславовой грамотѣ находятся особыя статьи о пресѣченіи способовъ обвиненному уклониться отъ суда и слѣдствія. „Если провинится руссинъ въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, то не сажать его на дыбу." „Если провинится латинянинъ въ Смоленскѣ, то не садить его въ тюрму (погребъ), а если не будетъ порукъ, то посадить его

въ желѣза.“ Русская Правда знаетъ лишь одни поруки для пресѣченія обвиненнымъ уклоненія отъ слѣдствія; но изъ Мстиславовой грамоты уже видно, что лицъ, не могущихъ доставить порукъ, сажали въ тюрьму, или погребъ. Нѣмцамъ сдѣлана была лишь та уступка, что ихъ не сажали въ погребъ, потому что эти погреба были устроены дурно, и мы знаемъ изъ лѣтописи, что иногда посаженные туда умирали.

Взысканіе долговыхъ обязательствъ въ Смоленскѣ опредѣлено весьма точно въ Мстиславовой грамотѣ. Нѣмецъ, имѣющій долгъ за русскимъ, долженъ былъ обратиться къ дѣтскому и заплатить ему наемные долги за исполненіе взысканія. Если дѣтскій, въ теченіи 8-ми дней, не исполнитъ взысканія, то обязанъ дать за себя поручительство, что онъ въ скоромъ времени исполнитъ его. Если дѣтскому въ исполненіи его обязанностей будутъ мѣшать жители, то тогда обязанность платить долгъ падаетъ на нихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что тотъ же порядокъ взысканія существовалъ и въ отношеніи русскихъ между собою.

Мстиславова грамота нѣсколько измѣняетъ и судебныя доказательства, отчасти вообще, отчасти примѣняясь къ особенностямъ положенія нѣмцевъ въ Смоленскѣ. Всегда измѣняетъ судебныя доказательства въ томъ отношеніи, что русскій, по этой грамотѣ, не можетъ вести нѣмца на судъ Божій, то есть требовать испытанія его желѣзомъ, если нѣмецъ не хочетъ этого. Точно также и русскаго латининъ, наоборотъ, не можетъ требовать биться въ полѣ, т. е. идти на судебный поединокъ. Послѣднее обстоятельство особенно замѣчательно: въ Русской Правдѣ мы не видимъ еще суда Божьяго посредствомъ поединковъ; эта орделія появляется только въ судебникахъ, слѣдовательно она есть явленіе позднее. Не произошла-ли она подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, занесеннаго въ наши торговые города, а оттуда и въ судебники? Съ поединкомъ мы прежде всего знакомимся въ Псковской судебной грамотѣ. Изъ Мстиславовой грамоты не видно, существовали-ли поединки или не существовали, потому что она запрещаетъ ихъ для русскаго и латинина въ

нѣмецкой землѣ и обратно тоже самое въ смоленской. Можетъ быть, эта ордалія была принята въ Смоленскѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Наконецъ, Мстиславова грамота для доказательства иска противъ нѣмца требуетъ двухъ свидѣтелей—одного нѣмца и одного русскаго, — въ чемъ видно, то стремленіе русскаго права защитить иностранцевъ, которое замѣтно и въ Русской Правдѣ.

Мстиславова грамота не есть въ строгомъ смыслѣ судная грамота, это есть не что иное, какъ договорная грамота нѣмцевъ съ русскими для облегченія торговыхъ сношеній. Она касается суда только отчасти, на сколько это строго необходимо для поддержанія торговыхъ сношеній и сама занята по большей части торговыми привилегіями, которыя даетъ смоленское правительство нѣмцамъ, въ-замѣнъ привилегій, получаемыхъ русскими у нѣмцевъ. Привилегіи, предоставленныя нѣмцамъ, очень важны. Во-первыхъ, въ дѣлахъ между собою они судятся у своего старосты. Во-вторыхъ, для того, чтобы доставить нѣмцамъ безопасный проѣздъ черезъ волокъ, отдѣляющій Витебскъ отъ Смоленска (такъ какъ до Витебска нѣмцы, безъ сомнѣнія, шли по Западной Двинѣ), правительство Смоленска сдѣлало отвѣтственнымъ за пропажу нѣмецкаго товара всѣхъ жителей волока (ст. XVI). Грамота даетъ нѣмцамъ обезпеченіе свободнаго торга, съ строгою опредѣленностью пошлинъ (Собр. Важн. Памят. Утина и Лазаревича).

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, указывающихъ на особое назначеніе Мстиславовой грамоты, нельзя выводить никакого заключенія объ измѣнившемся значеніи Русской Правды. Русская Правда продолжала быть единственнымъ закономъ для опредѣленія отношеній между русскими; только спеціальные процессы — объ отношеніяхъ русскихъ къ нѣмцамъ—судились на основаніи Мстиславовой грамоты.

Что произошло новаго въ Русской Правдѣ за это время? Прилагалась-ли она вполнѣ въ каждомъ удѣлѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она составилась въ прежнемъ періодѣ, или съ какими-либо особенностями, введенными каждымъ княземъ

въ своемъ удѣлѣ? Обо всемъ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣденій. Только одинъ способъ даетъ намъ возможность судить о движеніи Русской Правды: до насъ дошли уже отъ XIII столѣтія полнѣйшіе списки Русской Правды, слѣдовательно, все то, что въ нихъ находится излишняго противъ Троицкаго списка, — который мы считаемъ типомъ законодательнаго сборника половины XII-го столѣтія, — можно съ нѣкоторою справедливостью принимать за нововведеніе, послѣдовавшее въ промежутокъ времени отъ половины XII-го до конца XIII столѣтія. Конечно, въ этомъ случаѣ мы рискуемъ приписать къ разсматриваемому нами періоду законы, возникшіе послѣ него, т. е. послѣ 1237 года, который мы взяли за предѣлъ нашихъ изслѣдованій; но я думаю, это было бы не особенно важно, да притомъ труднѣе предположить законодательную дѣятельность въ ближайшемъ времени по нашествіи монголовъ, чѣмъ въ этотъ періодъ.

Самые подробные списки принадлежатъ, по распредѣленію г. Калачова, къ третьей фамиліи и отчасти къ четвертой. Мнѣ кажется, есть основаніе предположить, что они содержатъ въ себѣ законодательство новгородское, во-первыхъ потому, что во всѣхъ этихъ спискахъ находится уставъ Ярослава о мощеніи въ Новгородѣ и слѣдующая статья, которая можетъ быть прилична только одному Новгороду: „Если кто лодью украдетъ, то 7 кунъ продажи, а лодью лицемъ воротить; если не будетъ лица, то за морскую, русскую лодью 3 гривны, а за набойную 2 гривны, за челнокъ 8 кунъ, за стругъ гривна“ (Калачов., ст. CXIV). Самое главное различіе списковъ этой редакціи отъ Троицкаго и ему подобныхъ заключается въ внесеніи въ списки этой редакціи 17 статей, опредѣляющихъ проценты на заемъ въ животныхъ и продуктахъ. Эти статьи представляютъ тѣ ужасныя таблицы, которыхъ мы уже коснулись прежде. Статьи эти составляютъ ужасную прибавку новгородской аристократіи къ законамъ о процентахъ, изданныхъ Владиміромъ Мономахомъ. Здѣсь дѣлается разсчетъ на 12 лѣтъ, на займы въ видѣ домашнихъ животныхъ. По этой таблицѣ,

лицо, занявшее 20 овецъ и двухъ барановъ, чрезъ 12 лѣтъ обязано заплатить 180,223 штуки овецъ и барановъ. Лицо, занявшее 20 козъ и двухъ козловъ, чрезъ 12 лѣтъ обязано отдать 180,223 штуки козловъ и козъ; три свиньи чрезъ 12 лѣтъ даютъ 73,728 свиней; три кобылы въ 12 лѣтъ даютъ 32 кобылы; двѣ пчелы даютъ чрезъ 12 лѣтъ 256 роевъ два плуга сѣяной ржи, т. е. 60 десятинъ земли, съ посѣвомъ въ 16 кадей, даютъ въ годъ 100 копенъ, а за 12 лѣтъ—1,200 копенъ. Какъ я уже прежде высказалъ свое мнѣніе, такъ и теперь скажу, что не могу объяснить происхожденіе и значеніе этихъ законовъ. Если вѣрно мое положеніе, что эти законы принадлежатъ лишь Новгороду, то тогда мы получимъ характеристику стремленій новгородской аристократіи и способъ ея отношенія къ массѣ общества. Такое отношеніе аристократіи не новость въ исторіи; знаменитые своею суровостью Драконовскіе законы были законы, созданные подъ вліяніемъ аристократіи и выражали ея духъ и стремленіе.

Кромѣ этой таблицы процентовъ, въ этихъ спискахъ есть еще двѣ статьи, которыя не встрѣчаются въ другихъ спискахъ: „а суднымъ кунамъ росту нѣтъ“ (Калачов., ст. CXX). „А се бещестіе. За бещественную гривну золота, аще будетъ баба была въ золотѣ и мати взяти ему 500 гривенъ за гривну золота, аще будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра, а за гривну серебра полъ осьмы гривны“ (Калачов., ст. L).

Изъ этихъ двухъ статей, первая весьма идетъ къ этимъ спискамъ, потому что она, по-крайней мѣрѣ, освобождала отъ росту „судные куны“, что было бы уже слишкомъ, при существованіи вышепоказанной таблицы. Вторая статья о безчестьи очевидно перенесена изъ Устава Ярослава, но ея редакція здѣсь такъ темна, что трудно добраться до истиннаго смысла.

Такимъ образомъ, можно думать, что это смутное время, въ числѣ своихъ другихъ недостатковъ, не было богато и законодательною дѣятельностью. Это, впрочемъ, и совершенно

понятно. Законодательство есть отраженіе жизни, и когда сама жизнь двигается, измѣняетъ прежній порядокъ, то это движеніе отражается и въ законодательствѣ. Такъ, быстрое движеніе общества было замѣтно въ прежнемъ періодѣ и этотъ періодъ былъ наиболѣе плодовитъ въ законодательномъ отношеніи. Въ настоящемъ періодѣ общественныя учрежденія почти не измѣняются; тѣ же основы, которыя были созданы прежней жизнью, сохраняются и теперь, а потому и въ законодательствѣ почти не замѣчается движенія. Правда, что въ это время князья стремятся сдѣлаться абсолютными, стремятся уничтожить власть вѣча, но для этого имъ не нужно ничего измѣнять въ старыхъ законахъ. Старые порядки юридически не ограничивали ихъ власть; они ограничивались лишь фактическимъ вліяніемъ вѣчей. Вся администрація и прежде была въ рукахъ князя.

Перейдемъ теперь къ жизни церкви.

Во всю вторую половину XI и первую половину XII-го вѣка, церковь была занята утвержденіемъ и распространеніемъ христіанства. Въ настоящее время христіанство и его идеалы были уже усвоены обществомъ, язычество забыто и въ самомъ обществѣ пробуждается своеобразная религіозная жизнь, обнаруживающаяся въ чрезвычайно быстромъ распространеніи монастырей, въ громадной массѣ настроенныхъ церквей, въ появленіи новыхъ русскихъ святыхъ и чудотворныхъ иконъ. Эта религіозная жизнь идетъ рядомъ съ политической жизнью. Главнымъ центромъ, гдѣ строились монастыри, были Кіевъ, Новгородъ и княжество ростовско-суздальское. Въ теченіе этаго періода въ одномъ Новгородѣ возникло тринадцать монастырей, такъ что всѣхъ монастырей здѣсь, вмѣстѣ съ прежде построенными, было 20, изъ коихъ 11 мужскихъ и 9 женскихъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ политической жизни въ княжествѣ ростовско-суздальскомъ, здѣсь возникаетъ вновь болѣе 20 монастырей (Мак., т. II. стр. 37, 53). Кромѣ этихъ трехъ политическихъ центровъ, монастыри возникли въ областяхъ полоцкой и смоленской, хотя далеко не въ такомъ большомъ количествѣ. Одно это географическое распредѣленіе монастырей уже ясно указы-

ваетъ, что нравственно-религіозная жизнь общества шла рядомъ съ политическою и была связана съ ней крѣпкими узами. Религіозная и политическая „жизнь народа,—это двѣ стороны одной и той же медали. Хотя можно юридически отдѣлить церковь отъ государства, но естественное вліяніе церкви во всѣ эпохи на государственную жизнь всегда громадно, но оно громадно въ особенности въ тѣ эпохи, когда не было науки, когда церковь была единственнымъ руководителемъ нравственной жизни общества. То, что не договаривала церковь въ своей нравственной проповѣди, оставалось дѣйствительнымъ пробѣломъ и въ нравственно-политической жизни общества. Всматриваясь въ глубину моральнаго направленія церкви, мы узнаемъ, что̀ считало это общество нравственно-важнымъ и на что̀ оно дозволяло себѣ обращать мало вниманія, и тогда намъ будетъ понятна та дезорганизація, тотъ моральный упадокъ, о которомъ мы замѣчали въ началѣ этой главы.

Обратимся прежде всего къ важному вопросу объ отношеніяхъ государства къ церкви. Со времени введенія христіанства, главы русской церкви избирались и присылались константинопольскимъ патріархомъ, исключая одного избранія при Ярославѣ. Такой порядокъ вещей долженъ былъ быть непріятенъ и для русскихъ князей, и для русскихъ епископовъ. При избраніи митрополитовъ въ Константинополѣ, лица избиравшія, конечно, стояли внѣ вліянія князей, которые могли совершенно не знать ихъ. На все это князья мало обращали вниманія, пока не убѣдились, что церковь составляетъ дѣйствительно важную и великую политическую силу, могущую съ пользою служить политическимъ интересамъ самихъ князей. Но какъ скоро, въ половинѣ XII-го вѣка, это убѣжденіе вошло въ сознаніе князей, они стали стремиться разомъ и отдѣлиться отъ вліянія патріарха константинопольскаго, и возводить на престолъ лицъ, болѣе имъ правящихся, на которыхъ они болѣе могли разсчитывать. Можно сказать, что весь этотъ періодъ посвященъ этому стремленію; князья явно обнаруживаютъ стремленіе вліять на

избраніе митрополитовъ, но, съ другой стороны, какъ сами константинопольскіе патріархи не хотятъ отказаться отъ привилегіи избирать митрополитовъ, такъ, съ другой стороны, и часть русскихъ епископовъ открыто возстаетъ противъ избранія ихъ на соборѣ русскими епископами. Почему русскіе епископы возстаютъ противъ этого,—вотъ вопросъ, который трудно рѣшить. Можетъ быть, здѣсь были замѣшаны частью и личные интересы возставшихъ епископовъ; но еще болѣе, они сами были, какъ видно, только представителями интересовъ своихъ князей. Борьба за кіевскій престолъ отражалась и на избраніи митрополита: кіевскій князь Изяславъ, который владѣетъ Кіевомъ въ началѣ этаго періода, хочетъ имѣть и митрополитомъ лицо, ему преданное; князья, противники Изяслава, возстаютъ и противъ избраннаго имъ митрополита. Приведемъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ Никоновской лѣтописи, который ярко рисуетъ дѣло.

„Въ 1156 году поставилъ цареградскій патріархъ Константина митрополитомъ въ Кіевъ и на всю Русь и отпустилъ его отъ себя. Едва узналъ объ этомъ отъ купцовъ новгородскій епископъ Нифонтъ, и „возрадовался зѣло и не мня себя на землѣ суще, но яко на воздухѣ на крыльяхъ летать непщева", отправился въ Кіевъ поклониться патріарху... Этотъ Кіевъ есть слава, честь, мать и глава всей Русской землѣ, и по этой причинѣ всѣ стремятся въ него, такъ какъ всѣ князья одинъ родъ, единоплеменники есть; по этой причинѣ бываютъ многія нестроенія и у просвѣщенныхъ митрополитовъ кіевскихъ и всей Руси. Когда отошелъ митрополитъ Михаилъ (ушелъ изъ Кіева въ Византію), „за нѣкое волненіе", и тамъ будучи услышалъ, что дѣлается въ кіевской землѣ, то не рѣшился возвратиться въ Кіевъ. Послѣ многихъ волненій, на кіевскомъ престолѣ сѣлъ Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха; много прошло времени, а митрополита не было во всей Руси, о чемъ всѣ скорбѣли и печалились, а между князьями не было единства, но вражда. Князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ не захотѣлъ послать въ Царьградъ за митрополитомъ, по причинѣ многихъ вол-

ненiй; но, посовѣтовавшись съ своими отцы епископами, посвятилъ митрополитомъ Климента - философа, смолянина. Противъ этого вознегодовали многіе изъ священниковъ и монаховъ, а болѣе всего князья, находившіеся въ борьбѣ съ Изяславомъ, а вмѣстѣ съ ними и патріархъ. Епископъ новгородскій Нифонтъ даже не хотѣлъ служить съ Климентомъ, потому что онъ не былъ избранъ и поставленъ по благословенію цареградскаго патріарха. Про этаго Нифонта, продолжаетъ далѣе лѣтописецъ, многіе говорятъ, что онъ истощилъ имѣніе св. Софіи (новгородскаго собора, къ которому принадлежало множество селъ) и роздалъ его или патріарху, или прочимъ тамо сущимъ, митрополиту кіевскому и инымъ многимъ, а этими укоризнами содѣеваютъ ему спасеніе, а себѣ грѣхъ“ (Ник., стр. 207). Въ 1157 году, когда Кіевомъ овладѣлъ Юрій Долгорукій, Климентъ былъ изгнанъ и бѣжалъ на Волынь съ дѣтьми Изяслава. Новопріѣхавшій въ Кіевъ епископъ началъ съ проклятія Изяслава и отрѣшилъ всѣхъ поставленныхъ Климентомъ священниковъ, впрочемъ не на долго. Изъ Константинополя пришелъ митрополитъ Константинъ, хотя Климентъ еще былъ живъ, и былъ принятъ соперникомъ Изяслава со всѣми почестями. Послѣ Юрія, Кіевомъ овладѣлъ Изяславъ Давыдовичъ черниговскій, и точно также съ почтеніемъ относился къ Константину, какъ сторонніку партіи противниковъ Изяслава Мстиславича. Но Изяславъ Давыдовичъ не прокняжилъ и года, какъ Кіевомъ овладѣлъ Мстиславъ Изяславичъ, и митрополитъ Константинъ былъ прогнанъ и бѣжалъ въ Черниговъ. Изяславъ приглашаетъ на престолъ кіевскій своего старшаго дядю Ростислава смоленскаго, но дядя, ко всеобщему удивленію, оказался защитникомъ Константина. Онъ писалъ своему племяннику Изяславу: „слышалъ я объ отцѣ нашемъ преосвящ. митрополитѣ Константинѣ кіевскомъ и вся Руси, что онъ выбѣжалъ изъ Кіева, ради злобы вашея, а также и о томъ, что хотите поставить митрополитомъ Климента, котораго Изяславъ избралъ соборомъ русскихъ епископовъ, о чемъ многіе негодовали, а потому это дѣло не полезно, а

лучше поставить Константина, избраннаго въ Константинополѣ отъ собора и патріарха, котораго вы теперь выгнали". Слышавъ это, Изяславъ чувствовалъ себя смущеннымъ и оскорбленнымъ, и отправилъ къ Ростиславу посла, съ слѣдующими словами: „зачѣмъ ты смущаешь и оскорбляешь души наши? Развѣ ты не знаешь этаго Константина митрополита, какъ онъ возсталъ на отца нашего и проклялъ его: развѣ это тебѣ нравится?" (Никон., стр. 213). Въ силу этаго раздора, они согласились на томъ, чтобы искать новаго митрополита въ Константинополѣ, помимо Климента и Константина. Константинъ въ слѣдующемъ году умеръ, наказавъ въ духовномъ завѣщаніи не хоронить, но выбросить тѣло его на улицу, что и было исполнено епископомъ черниговскимъ; его тѣло лежало три дня на площади, и потомъ было съ торжествомъ похоронено. Чрезъ нѣсколько времени изъ Константинополя пріѣхалъ и былъ принятъ митрополитъ Ѳедоръ, но правилъ не долго и скончался. Тогда Ростиславъ задумалъ поставить митрополитомъ Климента; но чтобы придать этому постановленію видъ законности, отправилъ пословъ въ Константинополь, чтобы принести отъ патріарха благословеніе Клименту. Но въ Константинополѣ, едва узнали о смерти митрополита, какъ тотчасъ же посвятили и отправили въ Русь новаго митрополита, Іоанна IV, такъ что посолъ Ростислава встрѣтилъ его на дорогѣ. Ростиславъ былъ глубоко оскорбленъ, не смотря на то, что изъ Константинополя старались задобрить его богатыми дарами. Принявъ дары, онъ сказалъ: „Ради чести и любви царской, принимаю въ настоящій разъ дары, но если впредь, безъ нашего вѣдома и соизволенія, патріархъ поставитъ на Русь митрополита, то не только не примемъ его, а поставимъ за правило избирать и ставить митрополита епископами русскими, съ согласія русскаго князя".

На этотъ разъ исторія кончилась для Кіева; но она возобновилась въ новой формѣ во Владимірѣ, въ связи съ религіознымъ вопросомъ о постахъ въ среду и пятницу,—вопросомъ, который грозилъ произвести такой же расколъ въ

церкви, какъ впослѣдствіи вопросъ о крестномъ знаменіи. Этотъ вопросъ можетъ служить самой замѣчательной характеристикой общества, такъ какъ онъ наиболѣе занималъ умы,— это вопросъ о томъ, можно-ли ѣсть скоромное въ среду и пятницу, если онѣ приходятся въ господскіе праздники. Исторія этаго вопроса тѣсно связана съ политикой и стремленіями Андрея Боголюбскаго. Въ 1157 году религіозная жизнь возникаетъ во вновь возвышенномъ княжествѣ ростовско-суздальскомъ. Въ 1157 году ростовцы, суздальцы и владимірцы пригласили къ себѣ Андрея Боголюбскаго, „зане бѣ прелюбимъ всѣми, за премногую его добродѣтель, иже имѣеше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ.“ Въ этомъ же году былъ выгнанъ ростовцами и суздальцами епископъ Несторъ зато, что онъ не разрѣшилъ имъ постъ въ среду и пятницу, если они придутся даже и въ господскіе праздники. На престолъ ростовскій былъ приглашенъ Леонъ, но уже въ 1159 году мы находимъ въ Воскресенской лѣтописи, что Леонъ былъ выгнанъ, „зане умножихъ бяше церкви, грабя попы“ (стр. 83). По Никоновской лѣтописи, Леонъ долженъ былъ оставить епископство потому, что его изгналъ Андрей, такъ какъ онъ не могъ быть по священнымъ правиламъ епископомъ на томъ столѣ, который принадлежалъ Нестору, еще жившему (стр. 221). Но Андрей въ томъ же году возвратилъ Леона на его епископію. Епископъ Леонъ, какъ видно, человѣкъ энергическій, сейчасъ же принялся за старый вопросъ. Онъ началъ проповѣдывать, что не только нельзя ѣсть мяса въ среду и пятницу, если онѣ приходятся и въ господскіе праздники, но и на Рождество Христово. Противъ этого возсталъ нѣкто Ѳеодоръ, любимецъ Андрея, которому тотъ протежировалъ. Оба спорящіе отправились въ Константинополь за рѣшеніемъ этаго вопроса. Туда же отправились послы отъ князей кіевскаго, черниговскаго, переяславскаго и Андрея суздальскаго, при которыхъ и происходило препіе объ этомъ вопросѣ. Леонъ былъ побѣжденъ доводами епископа болгарскаго. Въ Константинополѣ въ это время жилъ и епископъ Несторъ, вы-

гнанный изъ Суздаля,—епископъ, котораго защищалъ кіевскій митрополитъ (Ник., стр. 222). Андрей Боголюбскій, задумавъ устроить въ Владимірѣ митрополичью каѳедру, вскорѣ послѣ этого отправилъ посольство, уже извѣстное намъ, въ Константинополь, думая основать здѣсь митрополію и посадить митрополитомъ своего любимца Ѳеодора. Дѣло это, какъ мы уже знаемъ, ему не удалось. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, вопросъ снова возгорается и заставляетъ Изяслава собрать по поводу его соборовъ въ Кіевѣ. Причина этаго собора была та, что кіевопечерскій архимандритъ Поликарпъ разрѣшилъ въ своей обители постъ въ среду и пятницу для господскихъ праздниковъ, съ чѣмъ не согласился кіевскій митрополитъ Константинъ, державшійся другого мнѣнія. На соборѣ присутствовало до 15 лицъ, но послѣ долгихъ и ожесточенныхъ споровъ не пришли ни къ какому рѣшенію, такъ и разошлись. Митрополитъ Константинъ послалъ въ заточеніе Поликарпа, игумена печерскаго; зато черниговскій князь Святославъ выгналъ изъ епископства Антонія, раздѣлявшаго мнѣніе митрополита (Воскрес., стр. 84). На соборъ въ Кіевъ Андрей отправляетъ того же любимца своего Ѳеодора, бывшаго тогда уже игуменомъ въ Суздалѣ. Андрей Боголюбскій, озлобленный неудачей своего плана, писалъ къ кіевскому князю Мстиславу, чтобы лишить каѳедры митрополита Константина, а на мѣсто его поставить своего митрополита соборомъ русскихъ епископовъ и вообще разсудить на соборѣ о томъ злѣ, которое происходитъ отъ постановленія митрополитовъ въ Константинополѣ. Мстиславъ не рѣшился. Тогда Ѳеодоръ отправился въ Константинополь и тамъ, интригами и золотомъ, старался о постановленіи себя митрополитомъ, въ чемъ однако не успѣлъ, но успѣлъ получить епископскій санъ отъ патріарха, помимо нашего кіевскаго митрополита. Новопоставленный епископъ, не заѣзжая въ Кіевъ, отправился прямо въ Ростовъ. Этотъ поступокъ и вообще все это дѣло, внѣ сомнѣнія, должно было глубоко волновать митрополита, который видѣвъ Ѳеодорѣлъ* соперника себѣ. Самъ Ѳеодоръ, какъ это видно изъ его дальнѣйшей исторіи,

былъ человѣкъ не разборчивый на средства. Получивъ каѳедру, а съ ней и весьма важное право судить свѣтскихъ людей за преступленія, по Уставу Ярослава подчиненныя церкви, Ѳеодоръ употреблялъ эту прерогативу церкви для личнаго обогащенія. Лѣтопись рисуетъ его характеръ въ ужасныхъ краскахъ. „Онъ не только не захотѣлъ быть поставленнымъ митрополитомъ, но даже затворилъ всѣ церкви во Владимірѣ и ключъ церковный взялъ къ себѣ; не было ни звона, ни пѣнія въ цѣломъ городѣ, даже въ соборной церкви Владимірской Божіей Матери; но въ тотъ же день былъ изгнанъ. Много пострадало людей отъ него во время его владычества, многіе потеряли села, оружіе, коней, сами пошли въ рабство; это заточеніе и грабленіе простиралось не только на мірскихъ людей, но и на монаховъ, игуменовъ, и іереевъ; безмилостивъ былъ этотъ мучитель, нѣкоторымъ выжигалъ головы и бороды, другимъ выжигалъ очи и вырѣзалъ языкъ, иныхъ распиналъ на стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая добыть имѣнія; имѣніемъ былъ не сытъ, какъ адъ.“ Видя эти поступки своего любимца, даже князь Андрей выгналъ его и выслалъ его къ митрополиту въ Кіевъ. Здѣсь же онъ „получилъ столь же жестокое воздѣяніе за свои дѣла: у него отняли члены, вынули очи и вырѣзали языкъ, и погибла память его съ шумомъ“ (Ип., стр. 103).

Что показываетъ вся эта исторія отношеній къ церкви князей кіевскихъ и владимірскихъ? Она указываетъ, мнѣ кажется, что церковь могла быть совершенно независима отъ государства, но въ такомъ случаѣ ея глава долженъ былъ имѣть особую территорію, какъ римскій папа. Но какъ скоро на одной территоріи находятся двѣ главы, свѣтскій и духовный, — глава церкви долженъ ограничиться лишь духовными дѣлами, предоставляя дѣла свѣтскія власти князя. Я думаю, что этотъ порядокъ вещей въ массѣ случаевъ безконечно выше перваго, потому что если можно указать нѣсколько примѣровъ благодѣтельнаго вліянія папъ, то въ большинствѣ случаевъ это вліяніе имѣло лишь корыстныя цѣли. Но подчиненность церковной администраціи государству не

должно смѣшивать съ подчиненностью религіи государству; нравственная проповѣдь церкви для блага самой государственной жизни должна быть свободна; но политика государства и теченіе политической жизни должны стоять внѣ вліянія представителей церкви. Исторія этаго періода доказываетъ, что сама церковь могла бы свободно дѣйствовать, въ видахъ лучшаго исполненія своихъ собственныхъ цѣлей, лишь тогда, когда былъ бы прочный государственный порядокъ. Пока существовала бы удѣльная система, каждый епископъ, даже по части церковныхъ вопросовъ, могъ не подчиняться митрополиту, еслибы онъ былъ поддержанъ своимъ княземъ или населеніемъ области. Интересъ церкви здѣсь, такимъ образомъ, совпадалъ вполнѣ съ упроченіемъ государственной власти въ Россіи, съ уничтоженіемъ удѣльной системы, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ слѣдующемъ періодѣ (отъ 1237—1547), мы увидимъ главу церкви и главу государства дѣйствующими въ видахъ одной и той же цѣли—объединенія государства.

Переходя теперь къ оцѣнкѣ прямого вліянія церкви на общество, а косвенно и на весь государственный строй, я долженъ указать сначала на характеръ церковнаго вліянія. Въ предшествовавшихъ отдѣлахъ этого сочиненія мы указали, какую огромную услугу оказала церковь обществу и государству устройствомъ христіанскаго семейства, а также и возвышеніемъ нравственныхъ идеаловъ общества. Но въ церковной жизни настоящей эпохи развивалась лишь одна сторона, а именно идеализація иноческой жизни, внѣ которой церковь какбы не видала спасенія. Эта идеализація иночества, на которую были устремлены всѣ духовныя силы передовыхъ людей общества, оставляла міръ внѣ монастыря жить какъ онъ жилъ, какъ будто бы онъ иначе даже и жить не могъ. По этой причинѣ, въ эту эпоху замѣчается глубочайшая раздвоенность въ нравственной жизни общества: человѣкъ внѣ монастыря почти не считаетъ грѣховнымъ руководиться глубочайшимъ эгоизмомъ, только съ тѣмъ, чтобы при концѣ жизни, переступивъ монастырскій порогъ, как-

бы совершенно отказаться отъ него. Въ силу этого направленія нравственной жизни вѣка, жизнь мірская, самая важная для устройства государства, оставаясь какбы внѣ нравственнаго вліянія церкви, предоставлялась сама себѣ. Направленіе было до такой степени исключительное, что сама церковь должна была возставать противъ его крайностей. Вотъ какъ разсказываетъ лѣтописецъ о духовной жизни и смерти Ростислава „Въ 1168 году Ростиславъ, отправлялсь изъ Новгорода, чувствовалъ себя больнымъ. Его сестра Рогнѣда просила его остановиться, чтобы умереть въ Смоленскѣ, въ церкви, которую онъ самъ создалъ. Онъ отвѣчалъ ей на это: „не могу здѣсь лечь, повезите меня къ Кіеву, если умру на пути, то положите меня у св. Ѳеодора; если же Богъ отдастъ мнѣ эту болѣзнь, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ у отца нашего Ѳеодосія“. Чувствуя приближеніе смерти, онъ сказалъ своему духовнику, священнику Симеону: „ты воздашь отвѣтъ Богу за то, что удержалъ меня отъ постриженія“, и обратившись къ игумену, онъ примолвилъ: „поставь мнѣ, игумене, хорошую келью, потому что боюсь напрасной смерти; пусть устроитъ меня Богъ и ваша милость“. Онъ развилъ въ себѣ такую добродѣтель: во время великаго поста, во всякую субботу и воскресенье, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ 12 чернецовъ и тринадцатаго игумена Поликарпа, и хорошо накормивъ ихъ, отпускалъ въ монастырь. Самъ онъ всякую недѣлю принималъ св. причастіе, обливая слезами лицо и частыми воздыханіями смиряя себя, часто стоня на всю церковь; всѣ присутствовавшіе при этомъ едва были въ состояніи удержаться отъ слезъ. Когда оканчивался постъ, то онъ учреждалъ столъ для всей братіи Печерскаго монастыря, также приглашалъ ихъ часто въ среду и пятницу. Великую любовь имѣлъ онъ къ Св. Богородицѣ и св. отцу Ѳеодосію и всякій день говорилъ Поликарпу: „хочу освободиться отъ маловременнаго житія сего“. Но тотъ обыкновенно отвѣчалъ ему: „воля Бога, ибо Онъ такъ вамъ велѣлъ быть: правду дѣлать на этомъ свѣтѣ, и въ правду судъ судить и держаться разъ принятой присяги“.

Ростиславъ на это отвѣчалъ ему: „отче, княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало былъ на свѣтѣ семъ и хотѣлъ бы поревновать, какъ и всѣ православные цари, и принять возмездіе отъ Бога своего, переносить, какъ святые отцы переносили, мученическую кровь, удручая тѣло свое постомъ и ходя „узко и тѣсно“; еслибы ты вѣдалъ, какъ честенъ ликъ чернеческій, дающій право восходить къ Богу безъ пристава, то ты снялъ бы для него вѣнецъ и багряницу“. Такъ онъ говорилъ игумену Поликарпу, и тотъ согласился. Тогда Ростиславъ, слыша согласіе отъ игумена, сказалъ въ сердцѣ своемъ: „подожду еще немного, устрою дѣла“. Но уже было поздно „и Ростиславъ умеръ“ (Ип., стр. 95).

Это же стремленіе въ монастырь, какъ единственный якорь спасенія, видно и въ житьяхъ святыхъ этого времени.

Отъ этого времени до насъ дошло три житія замѣчательныхъ религіозныхъ дѣятелей, въ жизни которыхъ выражается направленіе общества. Святой Никита родился и воспитался въ Переяславлѣ. Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, онъ, какъ кажется, служилъ у какого-нибудь тіуна или посадника, потому что житіе его говоритъ: „онъ былъ мытарямъ другъ и съ ними прилежа градскимъ судіямъ, и много мятежей и пакостей человѣкамъ творяше и отъ нихъ неправедну мзду взимаше“. То есть, какъ и всѣ тіуны этого времени и ихъ слуги, онъ былъ взяточникъ. Однажды, войдя въ церковь, онъ услышалъ: „измыйтесь и чисты будете“. Подъ вліяніемъ религіозныхъ истинъ, проповѣдуемыхъ церковью, Никита рѣшился отказаться отъ прежней жизни и поступить въ монастырь, для чего онъ отправился къ игумену одного монастыря и все разсказалъ ему. Игуменъ поставилъ его предъ дверями монастыря стоять три дня, приказывая всякому повѣдать свои согрѣшенія. По прошествіи трехъ дней, его не нашли около воротъ: святой рѣшился сѣсть въ тростникъ, обнаживъ тѣло, которое онъ предалъ на съѣденіе насѣкомымъ. Игуменъ принялъ его въ число монаховъ и затворилъ его въ отдѣльной хлѣвинѣ. Преподобный возложилъ

на себя вериги и сталъ на столпъ, гдѣ и былъ убитъ (Мак., т. III, прим. 93).

Жизнь другаго святаго, житіе котораго дошло до насъ, также весьма замѣчательно; это Авраамій смоленскій.

Авраамій смоленскій родился отъ родителей, которые еще прежде рожденія сына обѣщали посвятить его Богу, но, можетъ быть забыли о своемъ обѣщаніи. Когда Авраамій пришелъ въ возрастъ, родители принуждали его вступить въ бракъ, „но онъ, презирая житейскую сію славу и прелѣсть міра сего, воспріялъ монашескій чинъ". Онъ одѣлся въ нищенское платье, сталъ юродствовать и просить милостыню. Наконецъ, его принудили принять священническій санъ въ одной изъ церквей города. Будучи іеромонахомъ, онъ написалъ двѣ картины: одну—страшнаго суда, другую—испытаніе мытарей. Въ обществѣ города жизнь и характеръ Авраамія не нравился; многіе стали его хулить, называть еретикомъ, чтецомъ голубиныхъ книгъ, другіе подозрѣвали его въ связяхъ съ женщинами, третьи доказывали, что онъ прикидывается пророкомъ. Собралось вѣче, на которомъ обсуждали, что̀ съ нимъ дѣлать. Одни совѣтовали пригвоздить его къ стѣнѣ и зажечь, другіе—проведя чрезъ весь городъ, потопить. Вѣче собралось на дворѣ епископа, гдѣ присутствовали игумены и попы, князья и бояре. Но, по ходатайству одного бывшаго іерея Лазаря, епископъ началъ изслѣдовать дѣло и убѣдился, что всѣ эти навѣты есть чистая ложь. Святой оставилъ городъ и удалился въ пустыню, недалеко отъ города, гдѣ онъ сталъ строить монастырь, и къ нему явилось до 17 иноковъ; въ этомъ же монастырѣ онъ и скончался (Макар., т. III, стр. 106).

Третье замѣчательное житіе—Ефросиніи или Ѳеодуліи полоцкой. Ѳеодулія была дочерью черниговскаго князя Михаила. Воспитанная благочестивой матерью въ строгомъ благочестіи, обученная грамотѣ и книжной мудрости боярномъ Ѳеодоромъ, Ѳеодулія съ юныхъ лѣтъ чувствовала влеченіе къ иночеству и дѣйствительно пошла въ монастырь, когда померъ женихъ ея, суздальскій князь Мина Ивановичъ. Она ѣхала въ Суздаль, чтобы вступить въ бракъ, но на пути по-

лучивъ эту вѣсть, она не возвращалась болѣе домой, а поступила въ монастырь въ 1227 году, принявъ имя Ефросиніи. Постригшись, она постилась такъ, что принимала пищу разъ въ сутки, иногда черезъ день, ночи проводила въ чтеніи Священнаго писанія. Уважая ея свѣденія, игуменья часто поручала ей поучать сестеръ. Ея проповѣди, ея необыкновенное краснорѣчіе привлекали къ постриженію множество вдовъ и дѣвицъ. Самый монастырь, гдѣ жила Ефросинія, имѣлъ въ высшей степени оригинальный порядокъ: монастырь раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ въ одной жили вдовы, въ другой—дѣвицы, и тѣ и другія не имѣли права говорить другъ съ другомъ (Мак., т. III, стр. 46).

Но идеалы церкви этихъ временъ мы увидимъ въ еще болѣе ясныхъ и понятныхъ образахъ далѣе, когда я перейду къ умственной дѣятельности общества.

Теперь я скажу о средствахъ содержанія церкви въ эту эпоху.

Церковь въ эту эпоху получаетъ громадныя богатства въ формѣ недвижимыхъ имѣній.

Въ 1157 году, Андрей Боголюбскій, создавая свою церковь во Владимірѣ, отдалъ ей свои лучшія села, со всѣми державными правами на нихъ, и, кромѣ того, далъ церкви десятину въ стадахъ и десятину въ торговыхъ пошлинахъ (Воскр., стр. 67). У кіевской Св. Богородицы былъ, кажется, свой городъ Полонной, какъ это видно изъ Ипатіевской лѣтописи (стр. 104). Вообще, въ эту эпоху князья стремились строить монастыри, давая имъ богатое содержаніе.

Впрочемъ, эти богатства, церковь къ сожалѣнію не употребляла на распространеніе духовнаго образованія; но они шли, по большей части, на пышное и великолѣпное содержаніе представителей церкви. Кромѣ этихъ селъ, церковь имѣла громадные доходы отъ пожертвованій частныхъ лицъ, въ особенности по духовнымъ завѣщаніямъ, а ея представители получали еще дары за постановленія въ священно и церковно-служители. Корыстолюбіе вкрадывалось, какъ величайшая язва, которой были заражены и представители церкви. Въ концѣ XIII столѣтія, на соборѣ, созванномъ ми-

трополитомъ Кириломъ, уже это зло сдѣлалось на столько явнымъ, что возбуждало вниманіе всего собора. По правилу Кирила было поставлено: „не взимать во всѣхъ епархіяхъ отъ новоставящихся ничего, кромѣ 8 гривенъ клирошанамъ отъ поповства и дьяконства. Если же кто послѣ этого будетъ требовать болѣе отъ попа, дьякона, игумена или проскурницы, или требовать чего-либо отъ нищихъ, или (отъ жителей) работы во время жатвы, или сѣнокоса, или повозовъ, или другихъ какихъ сборовъ, или будетъ поставлять намѣстниковъ изъ взятокъ,... или скареднаго ради прибытка отлучитъ нѣкоторыхъ отъ церкви, не ради закона Божія, но ради своего прибытка, то.... „Здѣсь недокончено, но вѣроятно за этимъ слѣдовало проклятіе или отлученіе отъ церкви (Рус. Дост., т. I). Этотъ документъ нѣсколько позднѣе настоящаго періода, но та практика, о которой онъ говоритъ, вѣроятно появилась уже ранѣе. Мы видѣли, что епископъ Леонъ былъ выгнанъ изъ Ростова за то, что грабилъ поповъ. На знаменитаго Ѳеодора, епископа ростовскаго, было недовольно все духовенство, конечно по тѣмъ же самымъ причинамъ.

Послѣ этой сильной борьбы, о которой мы говорили выше, власть поставлять митрополитовъ осталась за греками, но поставленіе епископовъ зависѣло, въ большей части случаевъ, отъ воли князей. Если въ какой-либо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ каѳедру, то мѣстный князь, вмѣстѣ съ своими подданными, избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ и просилъ о рукоположеніи новоизбраннаго епископа; такое избраніе считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставлялъ куда-либо епископа, то избраніе признавалось незаконнымъ (Мак., т. III, стр. 213).

Власть кіевскаго митрополита въ русской церкви была громадна. Онъ самъ, по собственному суду, лишалъ епископа право служить, заключалъ его въ темницу, или даже приказывалъ умерщвлять ужаснымъ образомъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Ѳеодора. Митрополитъ Климентъ заключилъ нов-

городскаго епископа Ипфонта въ Печерскій монастырь, а Константинъ лишилъ епископа Нестора права служить.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, пользовалась и теперь, какъ прежде, правомъ суда въ отношеніи свѣтскихъ людей. По дѣйствіямъ Ѳеодора, мнѣ кажется, нужно думать, что въ это время Уставъ Ярослава уже пересталъ дѣйствовать, а судъ производился на основаніи Номоканона, иначе нѣтъ возможности объяснить тѣ ужасныя черты, которыя сохранила лѣтопись о дѣяніяхъ Ѳеодора, любимца Боголюбскаго. Можетъ быть, онъ былъ въ числѣ первыхъ, который, для своихъ личныхъ цѣлей,—для выжиманія денегъ изъ богатыхъ, употреблялъ наказанія и по Номоканону, и по Уставу Ярослава, потому что лѣтопись говоритъ и о тѣхъ, и о другихъ наказаніяхъ.

Перейдемъ теперь къ умственно-нравственной жизни того времени, какъ она выражается въ самомъ замѣчательномъ памятникѣ этого времени, въ Патерикѣ Печерскомъ.

Всякій вѣкъ имѣетъ свои идеалы и своихъ героевъ, которые въ своей жизни болѣе или менѣе стараются воплотить въ дѣйствительность эти идеалы. Изучая эти идеалы вѣка, мы погружаемся, такъ сказать, въ духовную лабораторію этого общества, произведшаго идеалы, потому что эти идеалы есть чистѣйшія идеи, до которыхъ былъ въ состояніи доработаться вѣкъ. Жизнь и дѣянія печерскихъ угодниковъ—таковы идеалы XII вѣка; сами угодники — это герои вѣка, которымъ фантазія дала все, чѣмъ владѣло общество; въ разсказѣ о ихъ жизни, цѣляхъ, къ которымъ они стремились, выражается вся умственная жизнь вѣка, вмѣстѣ съ возвышеннѣйшими его стремленіями и свойственными ему красками. Обратимся къ этому любопытному документу и посмотримъ на его содержаніе.

Патерикъ Печерскій раздѣляется на три части съ особымъ приложеніемъ въ концѣ книги. Первая часть состоитъ изъ сказаній о созданіи печерскаго храма, довольно подробной и весьма вѣроятной жизни двухъ его основателей, Антонія и Ѳеодосія и житій 9-ти угодниковъ; вторая—изъ житій 13-ти

угодниковъ, третья—изъ житій 9-ти угодниковъ. Въ приложеніи помѣщено описаніе жизни трехъ главныхъ составителей этихъ житій, Нестора лѣтописца, Симеона, епископа владимірскаго и суздальскаго, и Поликарпа, архимандрита печерскаго, и двухъ небольшихъ разсказовъ о печерскихъ чудесахъ и мироточивой главѣ. Въ житіи Нестора сказано, что ему принадлежатъ житія, которыя помѣщены въ первой части Патерика, за исключеніемъ сказанія о созданіи Печерскаго храма, которое написано Симеономъ суздальскимъ, какъ видно изъ его житія; 13 житій, помѣщенныхъ во 2-й части Патерика, написано Поликарпомъ, со словъ Симеона суздальскаго; 6 житій, составляющихъ 3-ю часть, написано самимъ Симеономъ суздальскимъ. Наконецъ, прибавленіе жизнеописаній самихъ историковъ печерскихъ написано неизвѣстно кѣмъ. Это раздѣленіе Патерика по сочинителямъ весьма вѣроятно, потому что три части Патерика рѣзко отличаются одна отъ другой, какъ по своему содержанію, такъ и по способу изложенія. Первая часть Патерика, приписываемая Нестору, за исключеніемъ сказанія о построеніи Печерскаго храма, отличается чрезвычайной простотой и вѣроятностью событій; чудеса, которыя въ ней разсказываются, имѣютъ характеръ естественныхъ событій, разсказанныхъ лицомъ частнымъ, здравомыслящимъ, но и въ то же время сыномъ своего вѣка. Такимъ же характеромъ отличается и Несторова лѣтопись, написанная человѣкомъ необыкновенно правдивымъ, здравомыслящимъ, насколько позволялъ быть здравомыслящимъ духъ вѣка. Притомъ, въ этой первой части Патерика Несторъ разсказываетъ житія лицъ, которыхъ онъ самъ видѣлъ, съ которыми онъ самъ жилъ. Совершенно иной характеръ имѣютъ произведенія Поликарпа, написанныя имъ отчасти со словъ Симеона, епископа суздальскаго. Здѣсь все чудесно, все необыкновенно; это уже не разсказы о жизни людей, имѣвшихъ дѣтство, отрочество, юность, боровшихся съ житейскими обстоятельствами; наоборотъ, это чистые идеалы, это герои вѣка, въ которыхъ выразились его страсти и стремленія. Такимъ же характеромъ чуднаго и необыкновеннаго отли-

чается и его разсказъ о построеніи храма; это поэма въ прозѣ, потому что это рядъ чудесныхъ образовъ, полныхъ наивности и искренности. Это, впрочемъ, и весьма понятно. Авторъ не самъ создалъ эти сказанія: они создались духомъ общества, котораго авторъ явился только выразителемъ, какъ и всякій поэтъ. Вотъ какъ пишетъ самъ авторъ этихъ житій, Поликарпъ, къ Акиндину, архимандриту печерскому: „съ благословеніемъ и утвержденіемъ Господа, дерзнулъ написать къ твоему благоумію, пречестный архимандритъ, отецъ и господинъ мой Акиндій. Разскажи мнѣ всѣ благопріятныя „слухи“, чтобы мнѣ разсказать житія и дѣянія блаженныхъ мужей и знаменія, бывшія въ Печерскомъ монастырѣ, которыя я слышалъ отъ господина моего Симеона, епископа владимірскаго, брата твоего, бывшаго черноризца печерскаго; онъ разсказалъ мнѣ подвиги святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ, скончавшихся въ этой обители Божіи Матери. Услыши, твое благоразуміе, голосъ моего младоумія и несовершеннаго разума! такъ какъ нѣкогда ты приказалъ мнѣ разсказать дѣла черноризцовъ, а я, зная свою грубость и „непзящество нрава“ (потому что всегда со страхомъ я разсказывалъ предъ тобою мои повѣсти), какъ могу просто и ясно разсказать сотворенныя ими знаменія и славныя чудеса; я могъ разсказать тебѣ изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ, но многое забылъ отъ страха и многое, стыдясь твоего благочестія, неразумно разсказалъ“. Изъ этого откровеннаго сознанія, видно, что авторъ собиралъ всѣ преданія и слухи, которые жили въ стѣнахъ Печерскаго монастыря, и что многое изъ этихъ преданій даже онъ самъ не рѣшился разсказывать. Но и собранные имъ разсказы онъ написалъ, руководимый не какимъ-либо мірскимъ побужденіемъ, но, какъ говоритъ онъ далѣе, „я сдѣлалъ это побужденный желаніемъ, чтобы и жившіе послѣ насъ черноризцы увидѣли благодать Божію, совершившуюся на этомъ святомъ мѣстѣ, чтобы они прославляли Отца Небеснаго, создавшаго въ нашемъ монастырѣ такія свѣтила“. Желаніе благочестивое и душеспасительное! Благочестивый монахъ и не считалъ нужнымъ въ чемъ-ни-

будь сомнѣваться и что-либо повѣрять, потому что чѣмъ выше, чѣмъ чище созданные имъ образы, тѣмъ скорѣе они достигнутъ предположенной цѣли (Патерикъ, стр. ρϑ3). Главнымъ источникомъ его, какъ онъ самъ говоритъ, былъ епископъ Симеонъ, который, кромѣ свѣденій, имъ лично собранныхъ, въ посланіи къ нему говоритъ: „спрашиваю тебя, братъ, по истинѣ, что ты слышалъ удивительнѣе чудесъ, совершившихся въ этомъ монастырѣ, лучше подвизавшихся въ немъ блаженныхъ угодниковъ, которые во всю Русскую землю, подобно лучамъ солнечнымъ, просіяли свѣтомъ; житія ихъ я слышалъ многія отъ очевидцовъ, нѣкоторымъ же и самъ удостоился быть очевидцемъ“ (Патерикъ, стр. ρчд). Св. Симеонъ умеръ въ 1226 г., а былъ посвященъ въ санъ архіерея въ 1215 г., а начало Печерскаго монастыря относится къ 1054 г., созданіе печерской деревянной церкви относится къ 1062 г., уже во время игумена Ѳеодосія; смерть перваго игумена Ѳеодосія относится къ 1072 — 1074 году, мощи Ѳеодосія были перенесены въ церковь въ 1091 году; слѣдовательно, Симеонъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ спустя столѣтіе послѣ смерти Ѳеодосія, а между тѣмъ житія разсказанныхъ имъ угодниковъ, по его собственнымъ словамъ, относятся ко времени Ѳеодосія и его ближайшихъ преемниковъ, Стефана и Никона. Такимъ образомъ, епископъ Симеонъ жилъ спустя 70—80 лѣтъ послѣ смерти разсказанныхъ имъ святыхъ и его описаніе не имѣетъ никакихъ біографическихъ свидѣтельствъ, а есть просто благочестивая поэма.

Третья часть Патерика, приписываемая тому же епископу Симеону, имѣетъ снова характеръ болѣе достовѣрный и вѣроятный, въ сравненіи съ поэтическимъ сказаніемъ о построеніи печерскаго храма и житіями второй части; правда, въ ней много чудеснаго, но, тѣмъ не менѣе, это чудесное болѣе выражается въ чудесномъ объясненіи естественныхъ и возможныхъ явленій, чѣмъ въ чудесахъ въ собственномъ смыслѣ. Все это заставляетъ думать, что чудесное сказаніе о построеніи печерскаго храма было написано не св. Симеономъ, но тѣмъ же Поликарпомъ, которымъ написана и вто-

рая часть Патерика, потому что это сказаніе, по своей блестящей фантазіи и манерѣ изложенія, близко подходитъ къ характеру житій второй части Патерика, между тѣмъ какъ собственныя произведенія Симеона отличаются бо́льшей умѣренностью и трезвостью.

Перейдемъ къ самому содержанію Патерика.

Мы не будемъ говорить о житіяхъ первой части Патерика, такъ какъ мы уже объ нихъ говорили выше, а прямо перейдемъ къ произведеніямъ Поликарпа, составляющимъ вторую часть и многія любопытныя сказанія о чудесахъ Антонія и построеніи печерскаго храма въ первой части.

Въ княженіе Изяслава Изяславича, прибылъ въ Россію Шимонъ, сынъ варяжскаго князя Африкана. Во время одной битвы съ половцами, Шимонъ видитъ на облакахъ церковь и спасается почти одинъ изъ ряда воиновъ, падшихъ окрестъ его. Тогда онъ вспомнилъ, что когда бѣжалъ изъ варяжской земли, то онъ снялъ вѣнецъ и укралъ золотой поясъ, украшавшій крестъ, сооруженный его отцемъ, Африкаиомъ. Но когда Шимонъ сдернулъ поясъ и снялъ вѣнецъ, тогда онъ услышалъ голосъ, исходящій отъ распятія, который говоритъ ему: „Шимонъ, никогда не клади этотъ вѣнецъ на твою голову, но отнеси этотъ поясъ и вѣнецъ туда, гдѣ построится церковь Матери Моей“. Когда Шимонъ пришелъ въ монастырь и услышалъ отъ Антонія, что онъ хочетъ построить храмъ Богоматери, тогда онъ понялъ, что этотъ вѣнецъ и поясъ Богъ назначилъ для этаго храма. Скоро послѣ этого являются въ Кіевъ мастеры изъ Византіи, которымъ дала злата сама Богородица и показала имъ въ облакахъ видъ храма, въ которомъ Она будетъ жить; но еще непзвѣстно было мѣсто, гдѣ нужно построить храмъ. Тогда Антоній и Ѳеодосій стали молиться Богу, чтобы Онъ указалъ имъ мѣсто храма. И дѣйствительно, Богъ услышалъ ихъ молитвы и троекратнымъ чудомъ указалъ это мѣсто: одинъ день всюду была роса, а на мѣстѣ, назначенномъ для храма, было сухо; въ другой день—наоборотъ; въ третій день это мѣсто горѣло огнемъ и все бывшее на немъ сгорѣло до основанія. Спустя

десять лѣтъ по пришествіи мастеровъ, зданіе храма было выстроено и нужно было расписывать его образами. Тогда внезапно являются изъ Кіева иконописцы; но только что стали они приближаться къ храму, какъ ужаснулись его громадности и рѣшились удалиться. Но напрасно они старались удалиться: волны, влекомыя чудотворною силою, тащили назадъ ихъ лодку, что такъ они принуждены были отказаться отъ напрасной борьбы съ вооруженными силами природы. Однажды, послѣ такихъ напрасныхъ трудовъ, они заснули, и видятъ въ видѣніи церковь и чудотворную икону Богородицы, которая говоритъ имъ: „люди мои, зачѣмъ напрасно волнуетесь не покоряясь волѣ моей; извѣщаю васъ, что Я возвращала лодку вашу и снова привлекла ее къ Печерскому монастырю“. Когда церковь была готова и нужно было освящать ее, тогда ангелы Божіе чудесно явились къ русскимъ епископамъ, жившимъ внутри Россіи, и пригласили ихъ на освященіе храма. Во время самого освященія, въ церкви былъ слышенъ хоръ ангеловъ, которые невидимо пропѣли: „Кто есть сей Царь славы?“

Въ концѣ сказанія авторъ, перечисляя, что все въ исторіи этой церкви было чудесно, указано Богомъ, какъ мѣсто, такъ размѣръ и внѣшній видъ, заключаетъ: „если столькими знаменіями Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, возлюбилъ соорудить себѣ пречестную сію церковь, во имя любимой Своей Матери, то это явно показываетъ, что Онъ и доселѣ любовно здѣсь пребываетъ... Также и святые, которыхъ честныя мощи подъ всѣми стѣнами неотступно пребываютъ въ этой церкви“. Изъ этого заключенія можно даже видѣть, какіе мотивы руководили авторомъ, разсказывающимъ эти чудеса. Они были сказаны изъ благочестиваго усердія, которое вѣроятно руководило авторомъ, желающимъ указать на явное благоволеніе Божіе къ Печерской обители и къ монашеской жизни вообще.

Переходя ко второй части, мы переносимся совершенно изъ міра обыкновеннаго въ волшебный міръ чудесъ. Каждое житіе этой второй части Патерика есть поэма или, лучше сказать, живописная иллюстрація какого-либо текста Священнаго пи-

санія. Нельзя неудивляться этому не обыкновенному разнообразію картинъ, изъ которыхъ каждая не имѣетъ, ни по цѣли, ни по содержанію, ни малѣйшаго сходства съ другой. Вотъ короткій обзоръ жизни этихъ святыхъ или, лучше сказать, указанія на мотивы, во имя которыхъ сочинено сказаніе.

Никита затворникъ. Былъ прельщенъ дьяволомъ, явившимся ему въ образѣ ангела, и сдѣлался, вслѣдствіе сношеній съ дьяволомъ, мудрецомъ и пророкомъ, но когда покаялся, то все забылъ.

Лаврентій затворникъ. Принудилъ бѣса высказать сколько есть въ Печерскомъ монастырѣ святыхъ, могущихъ словомъ изгонять бѣсовъ, и какъ бѣсы боятся ихъ.

Лаврентій иконописецъ. Безвозмездно писалъ иконы къ церквамъ и былъ врачъ чудотворный посредствомъ иконописныхъ ванъ. За него невидимо писались нѣкоторыя иконы, а наконецъ уже видимо ангелъ написалъ одну икону.

Григорій чудотворецъ. Къ нему и вдалекѣ не могли приближаться бѣсы; онъ наказывалъ ихъ удивительными чудесами. Прорекъ утопленіе князю, за что былъ самъ утопленъ, но тѣло его невидимо принеслось въ келью.

Св. Агапитъ. Врачъ безмездный.

Моисей Угринъ. Онъ, во имя дѣвства, много страдалъ отъ нѣкоторой любострастной польки.

Іоаннъ многострадальный. Дѣвства ради закопался по поясъ въ землю,

Прохоръ чудотворецъ. Онъ изъ травы лебеды дѣлалъ сладкій хлѣбъ и пепелъ превращалъ въ соль.

Маркъ гробокопатель. Его повелѣнію повиновались мертвые.

Пименъ многоболѣзненный, который весь свой вѣкъ съ благодарностью сносилъ тяжкую болѣзнь и былъ ангелами постриженъ въ иноческій образъ.

Преподобные Спиридонъ и Никодимъ. Они всякій день прочитывали весь Псалтырь; святые разъ спасли отъ пожара домъ, при чемъ Спиридонъ закрылъ мантіей огонь, а Никодимъ въ рѣшетѣ напосилъ воды.

Въ этихъ сказаніяхъ выражалась вся философія печерскихъ монаховъ и ихъ простодушіе и наивный взглядъ на міръ

Изъ первой же повѣсти видно, съ какимъ суевѣрнымъ страхомъ монахи относились къ знанію. Преподобному Никитѣ въ пещерѣ явился дьяволъ въ образѣ ангела и сказалъ: поди и поклонись мнѣ. Онъ поклонился ему. Тогда дьяволъ сказалъ ему: съ этихъ поръ ты уже не молись болѣе, а читай книги, и ты, такимъ образомъ, будешь бесѣдовать съ Богомъ и будешь подавать полезные совѣты приходящимъ къ тебѣ. Затворникъ повѣрилъ дьяволу и сталъ съ приходящими бесѣдовать о писаніи. Но бѣда въ томъ, что онъ любилъ читать только Вѣтхій завѣтъ, а не Евангеліе. Когда святой покаялся, тогда изчезли всѣ его знанія, и онъ долженъ былъ снова учиться читать. Тогда онъ сдѣлался смиреннымъ и Богъ удостоилъ его творить чудеса. По его молитвѣ Богъ сводилъ огонь и дождь съ неба, когда святой просилъ его. Смыслъ этой повѣсти простъ и наивенъ; до сихъ поръ простые люди считаютъ грѣхомъ читать Библію и говорятъ, что отъ чтенія ея можно сойти съ ума.

Въ повѣстяхъ Моисея Угрина и Іоанна многострадальнаго выражается идея презрѣнія къ семейной жизни.

Въ Моисея Угрина, который былъ очень красивъ собою, влюбилась одна богатая, хорошенькая и страстная вдова и хотѣла выдти за него замужъ. Но святой мужъ, который еще не былъ монахомъ, но только носилъ черничество въ сердцѣ своемъ, отказалъ ей. Напрасно страстная вдова пригласила его за свой столъ и угощала отборными винами, напрасно показывала ему свои несмѣтныя богатства, свои роскошные сады, великолѣпные дворцы,—святой оставался не преклоненъ. Любопытны аргументы, которые представлялъ святой противъ ея предложеній, въ которыхъ высказывается взглядъ монаховъ на бракъ и женщинъ. „Какой мужъ, говоритъ святой, послушавъ жены, спасся? Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, прельщенный женою. Самсонъ былъ проданъ женою иноплеменникамъ. Глубокій Соломонъ, повинуясь женѣ, сталъ поклоняться идоламъ. Иродъ, по внушенію жены, от-

рубилъ голову Предтечѣ. Какъ же могу я сдѣлаться свободнымъ, когда сдѣлаюсь рабомъ моей жены; отъ сношеній съ женщинами я чистъ отъ моего рожденія". Знакомые Моисея говорили ему: „что за причина удерживаетъ тебя отъ женитьбы? ты молодъ, она жила только годъ съ мужемъ и краше другихъ женъ, богата, знатна и ты, ея плѣнникъ, рабъ, сдѣлаешься ея господиномъ. Нигдѣ нѣтъ запрещенія брака. Развѣ не сказалъ Христосъ въ Евангеліи: сего ради оставитъ человѣкъ отца и матерь свою. Ты не монахъ, слѣдовательно, не обѣщался Богу оставаться дѣвственнымъ". Моисей отвѣчалъ на это: „ваши совѣты точно шипѣніе змѣи, которая искусила Еву. Развѣ Христосъ не говоритъ въ Евангеліи: „всякій оставившій ради Мене домъ, братью, сестеръ, отца, мать, жену и дѣтей, сторицею пріемлетъ". Ап. Павелъ сказалъ: „не женившійся печется какъ угодить Богу, а женившійся какъ угодить женѣ".

Эта же идея борьбы во имя дѣвства изображается въ ужасной повѣсти Іоанна многострадальнаго. Этотъ Іоаннъ, чтобы убить чувственныя пожеланія, долго постился, затворялся въ пещерѣ, надѣвалъ тяжелыя вериги, но видя, что все это еще не истребляетъ окончательно чувственныя страсти, онъ окопался землей по плечи на весь великій постъ т. е. на семь недѣль. Онъ скоро почувствовалъ, что дьяволъ жжетъ его ноги, желая его выгнать изъ такого положенія, что его жилы корчатся, кости трещатъ, что этотъ пламень достигаетъ уже до его живота; въ этомъ страшномъ положеніи полнаго физическаго изнеможенія. святому стало казаться, что страшный змѣй, дышащій пламенемъ, протягиваетъ къ его головѣ свой ужасный зѣвъ, что вотъ его голова уже въ головѣ этаго страшнаго змѣя, что его холодный языкъ чувствуется на его шеѣ. Но вотъ блеснулъ молніею свѣтъ, и змѣй изчезъ. Чѣмъ же все это кончилось? У святаго вылезли всѣ волосы изъ головы и бороды и его тѣло стало похоже на скелетъ.

Въ этой повѣсти возведена въ апоѳеозъ идея добровольнаго страданія, дѣлающая человѣка святымъ. Но въ другой

повѣсти эта чувственная важность страданія, во имя спасенія, выступаетъ еще яснѣе. Св. Пименъ отъ рожденія былъ болѣнъ, но онъ не роптalъ на болѣзнь и благословлялъ Бога. Онъ удостоился за это постриженія въ монашескій чинъ, совершеннаго ангелами. Будучи самъ больнымъ, онъ получилъ отъ Бога право исцѣлять словомъ всѣхъ другихъ больныхъ. Богъ ему сказалъ, что онъ выздоровѣетъ только передъ смертью и самъ пойдетъ въ пещеру, выберетъ себѣ мѣсто и ляжетъ на вѣчный покой. Что и совершилось. Та же идея видна и въ жизни св. Феофила. Этому святому св. Маркъ прорекъ скорую смерть, и онъ, распродавъ свое имѣніе, началъ плакать день и ночь о своихъ грѣхахъ. Но для того, чтобы его слезы не пропали даромъ, онъ имѣлъ обыкновеніе плакать въ сосудъ. Предъ его смертью явился ангелъ съ другимъ сосудомъ, наполненнымъ благоуханія, и сказалъ ему: „Феофилъ! вотъ тѣ слезы, которыя ты не собиралъ въ сосудъ, но которыя Богъ велѣлъ мнѣ собрать“.

Идея безмезднаго труда есть одна изъ самыхъ любимыхъ и преподается въ разныхъ формахъ. Св. Агапитъ былъ врачъ безмездный. Онъ всю свою жизнь служилъ около болящихъ и получилъ отъ Бога такую благодать, что благословлялъ свой собственный хлѣбъ и, его давая болящему, онъ исцѣлялъ его. Точно также св. Алимпій, иконописецъ безмездный, за свои труды получилъ благодать исцѣленія посредствомъ иконописныхъ ванъ.

Значеніе вѣры, сила молитвы святаго и, наконецъ, власть, которую получаетъ святой, есть одна изъ самыхъ любимыхъ идей, которая создала наиболѣе чудесныя повѣсти. Однажды св. Григорій слышитъ, что къ нему лѣзутъ воры; онъ помолился, чтобы Господь послалъ на нихъ сонъ, и дѣйствительно, они проспали двое сутокъ, пока святой не разбудилъ ихъ. Въ другой разъ, воры хотѣли украсть платье у святаго, но прикоснувшись къ его вещамъ, не могли тронуться съ мѣста. Св. Прохоръ рѣшился не ѣсть никогда хлѣба изъ ржаной муки, и сталъ дѣлать себѣ хлѣбъ изъ лебеды, и Богъ, сжалившись надъ святымъ, претворилъ этотъ горькій

хлѣбъ въ самый вкусный. Однажды на Руси сдѣлался голодъ, а лебеды уродилось много; тогда святой сталъ собирать лебеду и кормилъ голодныхъ, и этотъ хлѣбъ изъ лебеды, если кто получалъ его изъ рукъ святаго, былъ лучше пшеничнаго,—такъ былъ сладокъ и вкусенъ, а если кто тайкомъ его бралъ, то дѣлался чоренъ и противенъ. Этотъ же святой во время недостатка соли, превратилъ пепелъ въ соль. Князь, желая получить прибыль, отобралъ эту соль у святаго, и она опять обратилась въ пепелъ. Тогда онъ велѣлъ выбросить ее, и она опять обратилась въ соль. Еще чудеснѣе сказаніе о святомъ Маркѣ. Святой Маркъ былъ гробокопатель безмездный. Однажды ему не здоровилось, и онъ выкопалъ слишкомъ узкую могилу, такъ что мертваго въ нее можно было положить только бокомъ. Братія стали негодовать на святаго, что мертваго нельзя ни помѣстить, ни уложить. Тогда святой сказалъ мертвому: протяни руки и голову—и мертвый исполнилъ это. Въ другой разъ монахъ умеръ, а у него не была еще готова могила; тогда онъ велѣлъ сказать мертвому, чтобы онъ еще пожилъ, и дѣйствительно, мертвый открылъ глаза и жилъ еще сутки. Въ третій разъ святой выкопалъ могилу для двухъ братьевъ, которые такъ любили другъ друга, что даже и мертвые хотѣли лежать вмѣстѣ. Но, однажды, когда старшій былъ въ отъѣздѣ, младшій умеръ. Святой положилъ его по правой сторонѣ гроба. Старшій, пріѣхавъ, обидѣлся и сталъ жаловаться святому. Святой велѣлъ мертвому встать и лечь на свое мѣсто.

Наконецъ, идея презрѣнія къ богатству выступаетъ также во всѣхъ житіяхъ. Св. Ѳеодосій жегъ всѣ не необходимыя вещи, которыя находилъ въ кельяхъ монаховъ. Одинъ богатый человѣкъ за исцѣленіе принесъ св. Агапиту золото; святой отказался принять его. Тогда онъ умолялъ его принять золото для нищихъ; святой долженъ былъ взять, но вышедши изъ кельи разбросалъ его. Св. Арефа, котораго житіе разсказано въ третьей части, приписываемой епископу Симеону, былъ обокраденъ ворами, и этотъ одинъ фактъ болѣе всего способствовалъ къ его святости.

Вотъ произведенія святаго Поликарпа. Нельзя не отдать ему справедливости въ богатствѣ фантазіи, въ разнообразіи образовъ, причемъ, однако, онъ никогда не упускалъ изъ виду нравственныхъ идей, которыя онъ хочетъ внушить. Конечно, онъ воспользовался всѣмъ запасомъ идей и фактовъ, которые были уже созданы до него; но, какъ мы видѣли изъ его предисловія, онъ выбралъ изъ нихъ тѣ, которые, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствовали его идеаламъ. Первоначальный матеріалъ былъ имъ художественно обработанъ и снабженъ идеями. Чѣмъ онъ обязанъ былъ епископу Симеону—это неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, собственныя произведенія епископа Симеона, содержащіяся въ третьей части, и по своей фантазіи и по идеямъ, весьма бѣдны и блѣдны въ сравненіи съ произведеніями св. Поликарпа, а потому нельзя думать, чтобы всѣми блестящими красками своими Поликарпъ былъ обязанъ Симеону. Даже чудесное, въ сказаніяхъ Симеона, такъ просто и не хитро разсказано, что человѣкъ сколько-нибудь здравомыслящій не найдетъ здѣсь ничего чудеснаго. Весьма наивенъ, напримѣръ, разсказъ о св. Афанасіѣ, который воскресъ изъ мертвыхъ. Въ древней Руси было обыкновеніе хоронить мертвыхъ въ первый же день по смерти. По счастію, за какимъ-то недосугомъ, св. Афанасія не похоронили двое сутокъ, такъ что когда пришли къ нему въ келью, то нашли его сидящимъ. Это естественное явленіе показалось братіѣ чудеснымъ: они обступили его и спрашивали, что дѣлается на томъ свѣтѣ. Св. сказалъ имъ: „если вамъ скажу, то не повѣрите“. Братья начали клясться и умолять святаго. Тогда, помолчавъ, святой сказалъ: „имѣйте послушаніе къ игумену и молитесь каждый день и часъ“. Въ житіи св. Никона объясняется дѣйствіемъ невидимой силы спасеніе этаго святаго отъ половцевъ, хотя онъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ. Въ житіи Тита внезапная смерть монаха объясняется ударомъ копья архангела. Элементъ поучительный здѣсь также блѣденъ. Я уже говорилъ объ одномъ лицѣ, который сдѣлался святымъ, вслѣдствіе кражи его имущества. Св. Еразмъ далъ все свое

имѣніе на украшеніе церкви, но раскаялся въ этомъ и былъ спасенъ заступничествомъ Антонія и Ѳеодосія. Св. Евстахій былъ распятъ, на подобіе Христа, и бокъ его прободанъ копьемъ, въ чемъ видно просто подражаніе евангельскому разсказу. Но элементъ историческій выступаетъ здѣсь болѣе ясно; нѣкоторыя жизнеописанія дышатъ правдой и подтверждаются лѣтописями, какъ житіе Нифонта, епископа новгородскаго.

Уже прежде я указалъ, что Патерикъ Печерскій и содержащіяся въ немъ житія интересны не столько фактами, рисующими дѣйствительную жизнь, сколько тѣми идеями, которыя сквозятъ чрезъ эти описанія. Можно сказать не ошибаясь, что эти идеи составляютъ результатъ умственной работы всей русской жизни послѣ принятія христіанства. Патерикъ Печерскій, нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ проповѣдей, лѣтописи — вотъ плоды умственной работы четырехъ вѣковъ исторіи русскаго общества послѣ принятія христіанства. Какъ велики эти успѣхи, какой зародышъ будущаго они носили въ себѣ, еслибы имъ не помѣшало развиться татарское нашествіе, — вотъ любопытная проблема, которую нельзя пройти молчаніемъ.

Если разсматривать тѣ идеи, которыя мы находимъ въ литературѣ этого времени вообще и яркимъ выраженіемъ которыхъ служитъ Патерикъ Печерскій, и сравнивать ихъ съ идеями до-христіанской эпохи, то въ нихъ несомнѣнно отражается громадный прогрессъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлало общество, и притомъ этимъ прогрессомъ оно было всецѣло обязано христіанству. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить односторонности этаго прогресса, также и нѣкоторой пассивности, выказанной обществомъ въ усвоеніи прежде чуждыхъ для него идей. Я говорю объ односторонности этихъ идей, потому что, внѣ сомнѣнія, эти идеи могутъ вполнѣ удовлетворять лишь человѣка отрѣшившагося отъ міра, а не живущаго въ мірѣ. Если мы сопоставимъ съ этими идеалами дѣйствительность, тогда насъ поразятъ ужа-

сающія противорѣчія. Идеалы говорятъ о презрѣніи къ міру, а въ дѣйствительной жизни этого времени человѣкъ не можетъ безъ опасенія поѣхать къ знакомому на обѣдъ, не подвергаясь часто возможности потерять глаза или даже жизнь. Идеалы говорятъ о чудесахъ, которыя дѣлаются вѣрой, а въ дѣйствительности народъ грабитъ кіевскіе храмы, изъ мести къ кіевлянамъ. Идеалы говорятъ о монашескомъ аскетизмѣ, а въ жизни господствуетъ чувственность, многоженство, въ формѣ союза съ рабынями, отчасти признаваемомъ закономъ. Идеалы говорятъ о презрѣніи къ благамъ міра, а во всѣхъ дѣйствіяхъ князей виденъ грубѣйшій эгоизмъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ жизни всякаго общества между идеалами и дѣйствительностью находится громадное разстояніе; но, съ другой стороны, вѣрно и то, что это разстояніе никогда не было столь велико, какъ въ то время. Что за причина этого страннаго явленія? Не заключается-ли она отчасти въ самыхъ идеалахъ, отчасти въ способахъ ознакомленія съ ними общества. Я полагаю, что существуютъ обѣ эти причины. Если мы раскроемъ исторію западно-европейскаго общества за это время, то мы найдемъ здѣсь, рядомъ съ церковными идеалами, близко подходящими къ нашимъ, идеалы общественные, вытекшіе изъ жизни самого общества,—это рыцарство. Рыцарство, съ его культомъ личной чести, уваженія достоинства въ другомъ человѣкѣ, поклоненіемъ женщинѣ—было великимъ продуктомъ нравственнаго развитія европейскаго общества. Оба эти идеала вмѣстѣ, церковный и гражданскій, взаимно дополняли другъ друга. Выработка извѣстнаго идеала обществомъ, на сколько бы дѣйствительность ни разнилась съ идеаломъ, есть всегда громадный шагъ въ жизни народа, потому что прогрессъ общества возьметъ свое, разъ явившаяся плодотворная идея не пропадетъ безслѣдно. Все, что было живого и вѣрнаго въ этихъ идеалахъ, вошло въ плоть и кровь европейскаго общества и до нынѣ живетъ въ немъ, хотя рыцарство, какъ общественная форма, давно погибло. Въ нашей жизни тоже существовалъ, рядомъ съ церковнымъ, другой общественный

идеалъ, заимствованный изъ родоваго быта; но этотъ идеалъ, какъ мы видѣли, давно и потерялъ свой кредитъ въ обществѣ, да, притомъ, самъ въ себѣ онъ имѣлъ мало достоинствъ. Всѣ люди, по этому идеалу, раздѣлялись на отцовъ и дѣтей, причемъ всѣ права были на сторонѣ отцовъ, а дѣти должны были имъ повиноваться, кланяясь въ ноги. Этотъ идеалъ легко узурпировался сильнымъ, когда былъ ему выгоденъ и, съ другой стороны, признался когда былъ невыгоденъ. Послѣ паденія этого идеала, человѣкъ очутился въ крайности: или не преслѣдовать въ жизни никакого идеала, или преслѣдовать идеалы церковные. Но церковные идеалы были неприложимы къ жизни: они совершенно игнорировали дѣйствительный міръ и его отношенія. Чтобы исполнить церковный идеалъ, нужно было сдѣлаться монахомъ, потому что, оставаясь за стѣнами монастыря, этотъ идеалъ не служилъ ни къ чему. Въ жизни человѣкъ необходимо избиралъ форму семейнаго союза, искалъ матеріальнаго обезпеченія для себя и семейства, стремился въ чемъ-либо выказать свои способности и наклонности, искалъ развлеченій; идеалъ, созданный монашеской жизнью, признавалъ лишь умерщвленіе плоти, презрѣніе къ матеріальному благосостоянію, презрѣніе къ умственному прогрессу (см. вышеприведенныя мѣста Патерика о читающихъ Библію), презрѣніе и ненависть къ наслажденіямъ. Этотъ идеалъ говорилъ человѣку: „или отказывайся отъ всего, что ты любишь, или считай себя внѣ той сферы, въ которой можно стремиться къ идеалу. Изъ этой диллемы не было выхода. Какой же выходъ изъ нея находили люди? Ревностные, съ первыхъ дней сознательной жизни, шли въ монастырь; остальные, которымъ было трудно отказаться отъ жизни, лелѣяли мысль, что они успѣютъ, насладившись благами жизни, передъ концомъ ея постричься въ монахи, облечься въ схиму и, такимъ образомъ, не лишиться будущей жизни. Выходъ былъ найденъ, но какой странный, печальный выходъ! Жизнь осталась безъ идеала, на волю естественныхъ страстей и пороковъ человѣческой натуры, а идеалы, долженствующіе облагоражи-

вать и направлять, сколько возможно, эти страсти—былъ запертъ за стѣнами монастыря.

Что же касается до умственной дѣятельности общества вообще, то нельзя не замѣтить, что она была бѣдна и блѣдна. Нѣсколько проповѣдей и лѣтописи, гдѣ событія записаны по годамъ, безъ всякой попытки сконцентрировать ихъ и понять ихъ смыслъ, даже безъ стремленія тщательно разсказать событія, или рельефно изобразить характеры. Изъ массы лѣтописцевъ только первый лѣтописецъ, Несторъ, какъ мы думаемъ, отличался образованіемъ, умомъ и талантомъ, а за нимъ слѣдуютъ лишь болѣе или менѣе точные и аккуратные наблюдатели, записывавшіе по годамъ событія. Отчего это? Не кроется-ли причина этого почти въ полномъ отсутствіи школъ? Послѣ Ярослава ни одинъ изъ государей, даже Владиміръ Мономахъ, не заботится объ умноженіи школъ, тогда какъ на западѣ въ это время уже начинаютъ образовываться университеты. Гдѣ же причина этого явленія? Она заключается отчасти въ безконечныхъ усобицахъ, которыми занято общество, отчасти въ церковныхъ идеалахъ, которые царили въ немъ. Только объ одномъ князѣ Татищевъ сохранилъ замѣчательное извѣстіе, именно о Михаилѣ Юрьевичѣ владимірскомъ. „Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, говорилъ съ греки и латына ихъ языки, яко русскимъ, но о вѣрѣ никогда преній имѣть не хотѣлъ и не любилъ, постановляя, что всѣ преніи происходятъ отъ гордости и невѣжества духовныхъ, а законъ Божій всѣмъ единъ есть“ (Тат., т. II, стр. 220). Князь съ такимъ характеромъ могъ заботиться о построеніи школъ, но, къ сожалѣнію, онъ былъ на великокняженіи годъ и пять дней! Чтобы могли думать объ этомъ князья, которыхъ идеалы были другіе—я сомнѣваюсь.

Такимъ образомъ, если мы будемъ сравнивать нашу умственную и нравственную жизнь за это время, то мы не можемъ не замѣтить, что она отстала отъ современной жизни западной Европы. Но въ этомъ нельзя обвинять умственныя качества русскаго общества. То, что для частныхъ лицъ даютъ школы, то для народовъ даютъ государства. Западные

народы стали жить въ государствахъ 4-мя вѣками ранѣе насъ, и теперь, въ то время, какъ мы жили историческою жизнью лишь пять столѣтій, они жили девять столѣтій! До сихъ поръ дѣлали большую ошибку, сравнивая одновременныя явленія нашей исторіи съ исторіей народовъ западной Европы, сравнивали, наприм., феодализмъ съ удѣльной системой, тогда какъ удѣльная система имѣетъ совершенно аналогическія явленія лишь съ исторіей дома Меровинговъ, а существенныя черты феодальной системы (т. е. жалованіе войска землями) у насъ проявляются лишь съ XIV или, лучше, XV столѣтія и продолжаются до временъ Петра Великаго. Такимъ образомъ, нисколько не отвергая гибельнаго вліянія татарскаго ига, я все-таки считаю совершенно невѣрнымъ сваливать на татаръ всѣ грѣхи нашей отсталости. Еслибы умственная и нравственная жизнь нашего общества выработала какія-либо прочныя культурныя формы до татаръ, то татарское нашествіе, какъ страшная буря, могла бы лишь уронить подвернувшіяся ей лица, но не могла искоренить нравственную жизнь остальнаго общества.

То, что я сказалъ о результатахъ нравственной работы общества, можно сказать и о результатахъ его политической дѣятельности, хотя въ гораздо меньшей степени. Тѣ политическія формы, которыя выработало общество, годились лишь для маленькихъ государствъ, а потому были осуждены на гибель при первой потребности въ образованіи большаго государства, которая не замедлила бы обнаружиться при первомъ столкновеніи съ сосѣдями. Но и сами въ себѣ, эти учрежденія вездѣ, кромѣ Новгорода, къ исторіи котораго мы теперь обратимся, содержали мало цѣннаго. Въ отношеніяхъ между вѣчемъ и княземъ не было ничего нормальнаго, строго опредѣленнаго. Если общество пользовалось свободой, то эта свобода, ея цѣль и значеніе, не были осмыслены обществомъ; эти политическія формы переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству, значенія ихъ никто не анализировалъ, никто не думалъ искать имъ разумнаго основанія. Жизнь общества тогда была, если можно такъ выразиться, какой-

то апатичной, безсознательной, хотя часто вѣче шумѣло и волновалось, князья изгонялись и снова приглашались народомъ. Въ этомъ-то отсутствіи теоретической работы мысли, которая обусловливала бы фактическую свободу общества, заключалась причина, почему такъ безслѣдно пропали для политической жизни русскаго общества тѣ четыре вѣка свободныхъ учрежденій, которыми оно нѣкогда пользовалось; почему тотъ страшный ураганъ, который называется татарскимъ нашествіемъ, могъ въ-конецъ уничтожить результаты всей политической жизни.

ОТДѢЛЪ V.

Особенности новгородской исторіи и политическія учрежденія Новгорода.

Оригинальныя начала новгородской исторіи и государственнаго устройства.—Громадное вліяніе географическаго положенія на исторію Новгорода.—Хлѣбный вопросъ.—Торговля и завоеванія, какъ источники питанія новгородцевъ.—Слабыя и сильныя стороны Новгорода, вытекающія изъ его естественнаго положенія. — Пространство Новгорода и величина его народонаселенія. -Три періода его исторіи.—Новгородская свобода вырабатывается въ періодъ отъ 1117—1135 годъ, хотя основанія ея положены Ярославомъ. — Достоинства и недостатки новгородскихъ учрежденій. — Подробности новгородскаго устройства и управленія: организація житьихъ и черныхъ людей въ сотняхъ, а торговыхъ—въ особомъ учрежденіи.—Новгородскія учрежденія въ практической жизни.

Новгородская исторія очень рельефно выдѣляется изъ русской исторіи этого времени. Если въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ народное вѣче не хотѣло иногда знать родоваго права и само избирало себѣ князей, помимо этого права, то новгородцы совершенно, въ принципѣ, отказались признавать родовое право и обоюдные договоры князей, относительно новгородскаго стола. Если относительно другихъ племенныхъ центровъ можно сказать, что тамъ вѣче имѣло вліяніе на князя, то въ Новгородѣ прямо и положительно князь зависѣлъ отъ вѣча. Словомъ, можно сказать, что въ остальной Руси болѣе или менѣе сильно, но всегда признавалась легитимная теорія родоваго права; новгородцы были прямые враги всякаго легитимизма; народное вѣче не признавало надъ собою здѣсь никакой высшей власти, никакого высшаго права. Новгородскія политическія учрежденія болѣе похожи, чѣмъ его исторія, на политическія учрежденія остальныхъ центровъ управленія, но и они весьма рѣзко выдѣляются отъ нихъ одною характеристическою чертою: новгородское вѣче было

организованною силой, имѣло, въ лицѣ выборныхъ посадниковъ, представителей своей силы предъ центральной властью; ему по праву принадлежала рѣшающая власть въ государствѣ. Такимъ образомъ, Новгородъ былъ дѣйствительной республикой, главная особенность которой состояла въ томъ, что ея глава избирался не между своими согражданами, но между членами Рюрикова дома. Хотя главой государства здѣсь былъ князь, но Новгородъ былъ республикой, потому что верховная власть принадлежала не ему, но народному собранію, или вѣчу главнаго города территоріи. Самый первый вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, есть вопросъ о томъ, какъ и по какимъ причинамъ Новгородъ выдѣлился своей исторіей и своими учрежденіями отъ остальной Руси.

Географическое положеніе Новгорода, имѣющее множество благопріятныхъ и неблагопріятныхъ сторонъ, оказало громадное вліяніе на его исторію. Можно сказать, что исторія и бытъ Новгорода созданы его географическимъ положеніемъ.

Новгородскіе славяне, подавшіеся болѣе на сѣверъ, чѣмъ всѣ другія славянскія племена, поселились въ странѣ болотистой и почти безплодной. Арабскіе писатели X-го столѣтія считаютъ новгородскую землю островомъ, и это не безъ основанія. Воды Балтійскаго моря понижаются на одинъ футъ въ столѣтіе, слѣдовательно, можно съ вѣроятностью предположить, что за десять вѣковъ до нашего времени, онѣ были выше на цѣлые десять футовъ, а потому весьма вѣроятно, что болота, и теперь еще существующія въ новгородской губерніи, были въ полномъ смыслѣ непроходимы въ IX и X столѣтіи, такъ что новгородская территорія имѣла видъ острова.

Эта особенность новгородскаго географическаго положенія спасла Новгородъ отъ татарскаго нашествія и дѣлало труднымъ, почти невозможнымъ, лѣтніе походы на Новгородъ, а зимніе были слишкомъ отдалены, пока центръ политической жизни былъ въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, самое географическое положеніе Новгорода, прежде всего, упрочивало его независимость. Но будучи недоступны для завоеванія, новго-

родцы находились въ зависимости отъ южныхъ князей въ двоякомъ отношеніи. Самая первая и главная зависимость была зависимость экономическая; безплодный островъ, на которомъ жили новгородскіе славяне, былъ не въ состояніи пропитывать себя даже въ лучшіе, урожайнѣйшіе годы;—новгородцы обыкновенно питались южно-русскимъ хлѣбомъ, и князьямъ стоило лишь остановить подвозъ хлѣба въ Новгородъ, чтобы поставить свободолюбивыхъ новгородцевъ въ самое критическое положеніе, чѣмъ дѣйствительно весьма часто и пользовались князья. Этотъ хлѣбный вопросъ былъ столь важенъ для Новгорода, что еслибы остальная Россія была соединена подъ одинъ скипетръ, то Новгороду не было бы другаго выхода, какъ подчиниться безусловно ея повелителю. Новгородцевъ въ это время спасали усобицы между князьями; они искусно лавировали, приглашая князей то изъ потомства Мстислава Владиміровича, то изъ потомства Юрія Долгорукаго, то изъ князей черниговскихъ, а вмѣстѣ съ приглашеннымъ княземъ въ Новгородъ шелъ и хлѣбъ изъ его области. Усобицы или удѣльная система были необходимымъ условіемъ существованія новгородской республики, безъ чего она должна бы умереть съ голода, или примкнуть къ какому-либо другому политическому центру, откуда она могла бы получать хлѣбъ.

Эта безплодность почвы заставила новгородцевъ позднѣе южныхъ славянъ приступить къ земледѣлію. Арабскій писатель Ибнъ-Даста, посѣщавшій Россію въ тридцатыхъ годахъ X-го столѣтія, вѣроятно, по примѣру другихъ арабовъ не бывшій въ Новгородѣ, но получившій свои свѣденія изъ вторыхъ рукъ, отъ купцевъ, такимъ образомъ говоритъ о новгородскихъ славянахъ: «что касается до Русіи, то она находится на островѣ, окруженномъ озеромъ. Островъ этотъ на которомъ живутъ они (Руссы), занимаютъ пространство трехъ дней пути, покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды... Они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-руссъ. Они производятъ на-

бѣги на славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, высаживаются, забираютъ ихъ, славянъ, въ плѣнъ, отвозятъ въ Хозранъ и Булгаръ и продаютъ тамъ. Пашень у нихъ нѣтъ, а они питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли славянъ... единственный промыселъ ихъ—торговля соболями, бѣличьимъ и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ... Гостямъ здѣсь оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто у нихъ бываетъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ, если кто изъ нихъ обидитъ, или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его» (Гаркави, стр. 268).

Въ этомъ важномъ мѣстѣ Ибнъ-Даста необыкновенно вѣрно и мѣтко характеризуетъ и положеніе и нравы Новгорода, обусловленные географическимъ его положеніемъ. Что русскіе князья здѣсь называются хаканами или каганами,— это не можетъ нисколько удивлять насъ, потому что еще въ проповѣдяхъ Иларіона, относящихся къ 1050 году, онъ называетъ великаго князя Владиміра каганомъ. Поставленные самой природой въ безвыходное положеніе, новгородцы рано должны были искать себѣ пропитанія въ рыболовствѣ, охотѣ за дорогими звѣрями, или, что было гораздо удобнѣе, подчиненіемъ сосѣднихъ финскихъ племенъ, занимавшихся охотой, для того, чтобы отбирать часть ихъ добычи силой, а другую—торговлей. Та же природа, которая неблагопріятствовала новгородцамъ для развитія земледѣлія, ставила ихъ въ чрезвычайно выгодное торговое положеніе, какъ естественныхъ посредниковъ между народами, жившими на берегахъ Балтійскаго моря, такъ и нашими племенами, жившими по Днѣпру и его притокамъ. Выше, при описаніи сосѣднихъ племенъ (см. отд. II), мы видѣли, что, по свидѣтельству Адама Бременскаго, изъ Даніи въ XI столѣтіи пріѣзжали въ Новгородъ въ мѣсяцъ, а изъ знаменитаго славянскаго города Юлина—въ 14 дней. Нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ, что, по свидѣтельству Ибнъ-Даста, новгородцы уже въ X-мъ, а также и въ

IX столѣтіи занимались морскимъ разбоемъ и торговлею съ западными славянами и нѣмцами. Самое призваніе варяговъ въ 862 году обусловливалось конечно раннимъ знакомствомъ новгородцевъ съ тѣми краями. Разбойническая дѣятельность новгородскихъ удальцевъ, съ которой знакомятъ насъ лѣтописи только въ XIV столѣтіи, составляетъ самое мрачное пятно ихъ исторіи. Но почему мы объ этихъ разбояхъ узнаемъ лишь въ XIV столѣтіи? Конечно потому, что въ это время эта разбойничная дѣятельность коснулась своихъ же, русскихъ же областей, почему лѣтописцы не преминули упомянуть о разбояхъ новгородцевъ, какъ и о другихъ народныхъ бѣдствіяхъ. Новгородская же (IV) лѣтопись, подъ 1320 и 1339 годами, знакомитъ насъ съ двумя набѣгами ушкуйниковъ на Норвегію; но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что такіе разбои новгородцы дѣлали и ранѣе, въ X вѣкѣ. Этимъ же способомъ, конечно, новгородцы подчиняли себѣ, сбирали дань и грабили различныя финскія племена, занимавшія все пространство къ востоку отъ Новгорода до Уральскихъ горъ. По древнѣйшей, дошедшей до насъ, договорной грамотѣ 1260 г., Новгородъ владѣлъ слѣдующими волостями: «Волокъ со всѣми волостьми, Тържекъ, Бежица, городецъ Палицъ, Мелѣга, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Пермь, Печера, Югра» (С. Г. Г. и Д., т. I, №. 1). Изъ этихъ областей восемь первыхъ составляли собственно новгородскія колоніи, находящіяся въ ближайшемъ разстояніи отъ Новгорода, въ настоящихъ санктпетербургской, новгородской, псковской и тверской губерніяхъ. Но Заволочье, Трѣ, Пермь, Печера были владѣнія, населенныя инородцами. Заволочьемъ называлось пространство, по обѣимъ берегамъ С. Двины, между Онегой и Мезенью, средина настоящей архангельской губ.; словомъ «Трѣ» обозначалась, настоящая Лапландія, западная часть архангельской губ. по Мурманскому берегу Ледовитаго моря и его сѣверному берегу Бѣлаго моря; Печерой называлась восточная часть архангельской губ., отъ Мезени до Уральскихъ горъ. Всѣ эти три области обнимали собою всю настоящую Архангельскую губ. Область Пермь обнимала восточныя части во

логодской, сѣверныя вятской и западныя пермской губ. Югра лежала въ настоящей Сибири, за Уральскимъ хребтомъ, по теченію рѣки Оби (Лербергъ, Изслѣд. къ объясн. древн. Русск. Ист., стр. 24 и слѣд.). Къ сѣверо-западу отъ новгородской области, въ южныхъ частяхъ настоящей Финляндіи, какъ обстоятельно доказываетъ Лербергъ, жилъ народъ „емь", съ которыми новгородцы вели постоянныя войны въ теченіе этаго періода. На восточной границѣ новгородской области самыми опасными врагами новгородцевъ были чудь, обитатели этихъ странъ.

Всѣ вышепоименованныя страны, лежащія къ востоку отъ Новгорода, въ 1260 году считались новгородскими областями, но когда и какимъ образомъ онѣ были покорены, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ Новгороду—вотъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ новгородской исторіи.

Прежде всего, что за племена жили въ этихъ областяхъ и чѣмъ они занимались? Какое было у нихъ политическое устройство?

Уже первый лѣтописецъ, при началѣ лѣтописи, не опредѣляя времени подчиненія, говоритъ: „а вотъ слѣдующіе народы дань даютъ Руси: Чудь, Мсря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь" (Лавр., стр. 5). Подъ 1096 годомъ тотъ же первый лѣтописецъ заноситъ слѣдующее извѣстіе: „еще я хочу сказать то, что слышалъ четыре года назадъ тому, какъ мнѣ сказывалъ Гюрята Роговичъ новгородецъ; онъ отправилъ отрока своего въ Печеру, въ страну, люди которой даютъ дань Новгороду. Отрокъ, придя туда, отправился далѣе въ Югру. Югра-нѣмые люди, сидятъ въ сосѣдствѣ съ самоѣдами. Въ Югрѣ отроку моему сказывали дивныя вещи, о которыхъ до сихъ поръ никто не слыхалъ; тамъ есть страшныя горы (Уральскія), которыя тянутся до моря, а высотою едва не досягаютъ небесъ, и за этими горами слышенъ кликъ великъ и говоръ, рубятъ гору и желаютъ пробиться; въ той горѣ просѣчено небольшое оконце, оттуда высовываются люди и говорятъ, но такъ какъ нельзя понимать ихъ языка, то они

махаютъ рукою и показываютъ на желѣзо; если кто дастъ имъ ножъ или сѣкиру, они за это даютъ шкуры звѣрей" (Лавр., стр. 117). Это извѣстіе необыкновенно важно. Трудамъ Лерберга мы обязаны точнымъ опредѣленіемъ положенія Югріи, и если, по этому извѣстію, въ концѣ XI столѣтія новгородцы доходили до Югріи, то, слѣдовательно, всѣ предъидущія области были уже извѣстны и были данниками Новгорода въ это время и даже гораздо ранѣе. Но это же извѣстіе показываетъ, что только новгородскіе піонеры, въ концѣ XI вѣка, заходили до Югріи, что она была еще страной темной, баснословной, „Почва земли здѣсь, выключая полосъ по рѣкѣ Турѣ, большая часть низменная, болотистая, не украшена лѣсомъ, отъ которой едва можно достать какое-нибудь питательное растеніе. Но благотворная природа вознаградила жителей сихъ странъ изобильнымъ звѣроловствомъ и богатою рыбною ловлею" (Лерб., стр. 26). При этихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, жители въ теченіе всего этаго періода оставались въ формѣ первобытныхъ родовъ, не соединенныхъ никакою центральною властью. Попытки государственной организаціи здѣсь начинаются не ранѣе конца XV и начала XVI столѣтій.

Гораздо въ лучшихъ условіяхъ находилась Пермь или Біармія. Южныя части этой области пользовались очень хорошими условіями. Въ половинѣ XI вѣка смѣлый норвежскій викингъ, Оттеръ, приплывъ по Бѣлому морю къ устью Сѣверной Двины, встрѣтилъ здѣсь пермяковъ, которые занимались рыболовствомъ, въ особенности ловлею моржей, и самъ проникъ въ глубь страны. Тамъ нашелъ онъ довольно обработанныя земли и людей достаточныхъ; оттуда онъ вывезъ часть моржевыхъ клыковъ (Савел., Мух. Нум., стр. 160). Хотя страна находилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но о какой-либо политической организаціи, кромѣ искуственныхъ родовъ, здѣсь тоже нечего и говорить. Изъ трехъ остальныхъ областей, обнимающихъ настоящую архангельскую губернію, способной къ земледѣлію могла быть лишь средняя двинская земля или Заволочье. Но земледѣліе здѣсь было на-

чато не самыми жителями, но новгородцами въ позднѣйшую эпоху.

Таковы были естественныя условія странъ, которыя, по близости своего географическаго положенія, легко могли подпасть подъ власть Новгорода. И новгородцы не преминули воспользоваться этимъ положеніемъ; въ то время, когда южные князья были заняты родовыми усобицами, новгородцы подчиняютъ себѣ эти обширныя страны. Но какъ они ихъ подчиняютъ и что они оттуда получаютъ? Точную картину этого завоеванія мы можемъ найдти въ исторіи покоренія Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Завоеваніе Сибири совершалось небольшими толпами смѣльчаковъ, въ 20, 30, рѣдко болѣе человѣкъ, которые отправлялись въ невѣдомыя страны „искать землицъ для великаго государя“ и собирать дани, конечно, думая не столько о великомъ государѣ, сколько о собственной поживѣ. Найдя на безконечномъ пространствѣ какой-либо уединенно живущій родъ, они вступали съ нимъ въ борьбу, требуя дани на великаго государя, въ формѣ шкурокъ соболей, лисицъ, бобровъ и, конечно, бо́льшая часть этой дани попадала въ рукн самихъ сборщиковъ, несмотря на всѣ мѣры великаго государя.

Рядомъ съ этимъ завоеваніемъ, но безконечно медленнѣе и туже, шла колонизація, веденная систематически, начиная съ Верхотурья и Тобольска, построенныхъ въ 1587 и 1598 годахъ, въ Томскѣ (1604 г.), Иркутскѣ (1669 г.); Омскъ, Ирбитъ, Ишимъ построены уже въ XVIII столѣтіи (Неволинъ, VI). Совершенно тѣмъ же путемъ шло завоеваніе и колонизація и этихъ земель, хотя лѣтописи сохранили объ этомъ лишь отрывочныя свѣденія. Духъ предпріимчивости былъ исконнымъ свойствомъ нашихъ сѣверныхъ племенъ. Авторъ Степенной книги, на основаніи извѣстныхъ ему житій, говоритъ: „иже и прежде Рюрикова нашествія въ славянскую землю, не худа бяша держава славянскаго языка, воинствоваху и тогда на многія страны (Степ., т. I стр. 83). По словамъ двинскаго лѣтописца, пермская область была зависима отъ Новгорода еще при Владимірѣ, который посадничалъ въ

Новгородѣ отъ 970—980, слѣдовательно, въ концѣ X вѣка. Самъ Карамзинъ въ этомъ не сомнѣвается, потому что инородцы, жители архангельской губерніи, сохранили нѣкоторые обычаи языческихъ славянъ (т. II, пр. 64). Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ, хотя и короткихъ извѣстій. Подъ 1032 годомъ Никонов. лѣтопись заноситъ характерное извѣстіе: „того же лѣта Улѣбъ иде на желѣзныя врата изъ Новгорода и вспять мало ихъ возвратившася, но многи тамо погибоша". Этотъ походъ былъ во время посадничества Ярослава, при которомъ Улѣбъ былъ, вѣроятно, одинъ изъ дружинниковъ. Подъ 1079 годомъ Новгородская лѣтопись сообщаетъ короткое извѣстіе: „убиша за Волокомъ князя Глѣба". Подъ 1097 г. мы уже занесли извѣстіе о торговлѣ съ Печерой и первомъ знакомствѣ съ Югорской землей. Подъ 1187 годомъ мы снова находимъ любопытное извѣстіе: „въ то же время избѣени быша Печерскѣ и даньщики, и Югорскіе въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ; и паде голова о стѣ имѣтства" (Нов., стр. 19). Чрезъ шесть лѣтъ лѣтопись заноситъ другое извѣстіе въ томъ же родѣ: „въ тоже лѣто идоша изъ Новгорода въ Югру ратью, съ воеводою Андрѣемъ, и придоша въ Югру и взяша городъ, и придоша къ другому городу, и затворившася въ градѣ и стояша подъ городомъ 5 недѣль, и высылаху къ нимъ Югра льстбою, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и инa узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани—а льстяще имп и вое копяще. И яко скопиша все и выслаша изъ города къ воеводѣ: поиди въ городъ, поемъ съ собою 12 мужъ вящьшихъ; и иде въ городъ воевода, поимя съ собою попа и пояша 30 мужъ вячьшихъ, изсѣкоша я... и выслаша паки 30 мужъ и тѣхъ изсѣкоша, а послѣ 50... Изнемогаша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль слушаюче льстьбп ихъ, и на праздникъ св. Николы вылѣзша изъ города изсѣкоша вся. И бѣ туга и бѣда останку живыхъ, бѣ бо осталося ихъ 80 мужъ. И не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новгородѣ на не, ни на живы, ни на мертвы; и печаловахуся въ Новгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ" (Нов. 1, стр. 22).

Вотъ извѣстія лѣтописей; всѣ они носятъ печальный характеръ, но, весьма вѣроятно, что событія съ болѣе счастливымъ исходомъ, какъ болѣе обыкновенныя, не заносились въ лѣтопись. Всѣ эти предпріятія, за исключеніемъ одного, подъ 1097 г., носятъ правительственный характеръ. Какъ видно, самымъ серьезнымъ предпріятіемъ было послѣднее, когда Новгородъ выслалъ отъ 300 до 400 удальцевъ, вѣроятно въ отмщеніе за избіеніе 1187 года, слѣдовательно прежнія предпріятія велись съ гораздо меньшими силами. Событія 1143 и 1187 года только доказываютъ, что еще въ теченіе всего XII вѣка, подчиненность этихъ областей Новгороду была слишкомъ слаба. Гораздо успѣшнѣе шла торговля, если уже въ XI столѣтіи новгородскій купецъ рѣшался отправлять своего отрока на Печеру, но и торговля въ это время была полупромышленнымъ, полувоеннымъ, полуразбойничьимъ предпріятіемъ. „Купецъ въ народномъ воззрѣніи, говоритъ Костомаровъ, принималъ образъ эпическаго богатыря. Такимъ является онъ въ поэтическомъ типѣ, созданномъ народною фантазіей. То же удалое побужденіе, та же рѣшимость, та же борьба индивидуальной силы, поддерживаемой крушкомъ противъ массы“ (Сѣверно-Русс. Народ., т. II, стр. 246).

Гораздо медленнѣе завоеваній и торговли шла колонизація. Только въ 1218 году былъ построенъ Великій-Устюгъ, городъ, который сдѣлался складочнымъ мѣстомъ сѣверной торговли.

Въ XII столѣтіи колонизація шла преимущественно по рѣкѣ Вяткѣ. Вятка и Никулицъ были построены въ 1174 году, Котельничъ въ 1181; въ XIII столѣтіи дѣятельность новгородцевъ была направлена на сѣверъ и были построены: Устюгъ (1218 г.), Вологда (1264 г.), Кола (1264 г.) и, наконецъ, Холмогоры въ 1353 году (Невол., т. VI). О завоеваніи и поселеніи колоній по Вяткѣ, г. Костомаровъ выписываетъ слѣдующее характеристическое мѣсто изъ неизданной Вятской лѣтописи: „въ 6882 (1174 г.), отдѣлившася отъ предѣлы великаго Новгорода жители новгородцы самовольцы

дружиною своею и шедше плаваху въ судахъ на низъ по Волгѣ рѣкѣ, дошедши рѣки Камы и пребыша тутъ неколико время и поставиша по Камѣ рѣкѣ градецъ малъ, въ обитаніе себѣ, и слышаху о Вяткѣ рѣкѣ иже по ней живущихъ Чуди вотяковъ, обладавшихъ многими землями и угодьи, построиша окопы и валы земляные кругъ жилищъ своихъ, боящася народу Руси".

„Далѣе изъ той же лѣтописи видно, говоритъ Костомаровъ, что новгородцы по Камѣ достигли рѣки Чепца и поплывъ по ней внизъ, плѣнили вотяцкія жилища... Тѣ, которые остались было на Камѣ, узнавши, что ихъ братья такъ удачно дѣлаютъ завоеванія, отправились по рѣкѣ Вяткѣ и взяли черемизскій городъ Коршаровъ, который переименовали въ Котельничъ. Завоевавши Коршаровъ, они послали партіи провѣдать, нельзя-ли гдѣ-нибудь что-нибудь отнять" (Лекц. по Русск. Ист., стр. 77).

Перейдемъ теперь къ другому источнику новгородскихъ богатствъ,—къ торговлѣ съ иностранцами и русскими южными областями. Изъ характера этой торговли мы увидимъ, что для Новгорода его завоеванія были необходимы, чтобы вести его торговлю.

„Несомнѣнно, говоритъ Сарторій, что первыя непосредственныя сношенія у нѣмцевъ съ русскими начались на островѣ Готландѣ, чрезъ посредство готскихъ купцовъ. Мы знаемъ, что саксы посѣщали Готландъ уже во времена Лотаря и Генриха Льва (въ IX и X вѣкахъ) и что здѣсь было образовано торговое общество. Впрочемъ, саксы могли войти въ сношенія съ русскими чрезъ купцовъ вендскихъ, скандинавскихъ и другихъ, обмѣниваться товарами и во времена гораздо болѣе раннія. Но совсѣмъ другое должно сказать въ отношеніи прямыхъ, непосредственныхъ сношеній между нѣмцами и русскими. Венды и скандинавы, находящіеся въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ руссамъ, вступили съ ними ранѣе въ сношенія, чѣмъ нѣмцы. Послѣ упадка Сигтуна и Юлина и другихъ сѣверныхъ городовъ, которые служили саксамъ посредниками въ торговлѣ съ русскими, торговля стала сосре-

доточиваться исключительно на островѣ Готландѣ, который, благопріятствуемый своимъ положеніемъ, сталъ посредникомъ между сѣверо-восточной и сѣверо-западной торговлей. Нѣмцы уже на этомъ островѣ встрѣтились съ русскими, которые привозили туда свои товары и давно тамъ имѣли греческую церковь, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на живость сношеній. Готы тоже очень рано имѣли свои поселенія въ Россіи... Никакія древнѣйшія извѣстія, которыя касаются поселенія нѣмцевъ въ Новгородѣ, не восходятъ ранѣе XIII-го столѣтія. Если же возьмемъ болѣе отдаленныя времена, то должно принять за основаніе, что первыя сношенія нѣмцевъ съ Россіей начались не ранѣе второй половины XII-го столѣтія (Urcund. Gesch. der deutsch. Ganse, стр. 108). Что касается обмѣна товаровъ, то объ этомъ мы имѣемъ лишь недостаточныя свѣденія. Нѣмцы вывозили изъ Россіи мѣха, кожи, шкуры, волосъ, воскъ, жиръ, сало, что было главнымъ предметомъ вывоза; къ этому нужно присоединить второстепенные продукты, какъ золото, серебро, медъ. Изрѣдка они вывозили оттуда хлѣбъ. Нѣмцы ввозили въ Новгородъ: солодъ, муку, хлѣбъ, сушеные плоды, сельди; изъ красныхъ товаровъ: сукна, штофныя матеріи, выдѣланныя кожи; изъ галантерейныхъ товаровъ: иглы, четки, пергаментъ, перчатки, гребешки, наконецъ, вина и пиво (Тамъ-же, стр. 154).

Эти данныя подтверждаютъ показанія Ибнъ-Даста, что новгородцы могли уже въ X-мъ столѣтіи вымѣнивать у западныхъ славянъ хлѣбъ на шкуры дорогихъ звѣрей, а кстати и заниматься торговлей рабами съ болгарами, которые имъ были давно извѣстны. Клады арабскихъ монетъ 7, 8 и 9-го вѣка, которыми буквально усыпаны островъ Готландъ, восточные и южные берега Балтійскаго моря, служатъ лучшимъ доказательствомъ этой ранней торговли. Въ правленіе Олафа въ Норвегіи (около 1030 г.) одинъ купецъ изъ Руси вывезъ дорогія ткани (вѣроятно византійскія). Въ Ладогѣ около 1060 г. была уже католическая церковь. (Славянск., О снош. съ Готланд., стр. 16).

Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1152 годомъ, записано

слѣдующее извѣстіе: „въ тоже лѣто сгорѣла Варягская церковь св. Пятницы на торговищѣ“ (Лавр., стр. 12). Годъ построенія церкви не извѣстенъ, но такъ какъ эта церковь была готская, которые приняли христіанство только въ 1008 году, то церковь въ Новгородѣ могла быть построена нѣсколько позже этого времени (Славянск., Истор. обоз. торг. снош. съ Готланд. и Любек.).

Торговля Новгорода съ южно-русскими областями была тоже весьма древней, хотя объ этомъ нѣтъ прямыхъ извѣстій. Только клады арабскихъ монетъ 8-го и 9-го вѣка, идущіе по Днѣпру и его притокамъ, доказываютъ древность сношеній. Конечно, Новгородъ служилъ для южной Руси посредникомъ въ обмѣнѣ товаровъ съ береговъ Балтійскаго моря.

Этотъ очеркъ положенія Новгорода легко указываетъ его слабыя стороны. Республика, лежащая въ безплодной странѣ, покорившая еще болѣе безплодныя страны, никогда въ себѣ самой не могла бы найти средствъ къ упроченію своего положенія. Положеніе торговаго государства, котораго не имѣетъ внутри себя ни промышленности, ни земледѣлія, всегда шатко и непрочно, какъ нѣсколько разъ уже доказала всемірная исторія. Исторія новгородскихъ голодовъ лучше всего это показываетъ. Извѣстія о голодахъ мы находимъ, начиная съ 1122 года; но такъ какъ сама Новгородская лѣтопись только около этого времени начинаетъ быть обстоятельной, то неудивительно, если мы не знаемъ о голодахъ болѣе ранняго времени. Начиная съ 1122 года, въ теченіе разсматриваемаго нами періода, голода были въ 1127, 1128, 1137, 1161, 1170, 1188, 1218, 1225, 1229, 1230. Одинъ счетъ этихъ годовъ указываетъ, что на 11 лѣтъ приходится одинъ голодный. Въ теченіи голодныхъ лѣтъ стояли различныя цѣны на хлѣбъ Такъ, напр., въ 1 22 году, хлѣбъ по ногатѣ (ногата, какъ я говорю выше, была щедрой платой каменщика и была, конечно, втрое выше платы обыкновеннаго работника; хлѣбъ здѣсь разумѣется печеный). Въ 1127 году осминка ржи стопла полтину. Подъ 1128 годомъ лѣтопись говоритъ: „Въ те лѣто люто бяше: осминка ржи по гривнѣ бяше, и

ядяху люди листъ липовъ, кору березову, иніи молиць истолкше съ пелъми и соломою, иніи ужъ, мохъ, конину". Многіе пали отъ глада; трупы валялись по улицамъ, торгамъ и по домамъ всюду; отъ смрада нельзя было выйдти изъ дома. Отцы и матери отдавали даромъ своихъ дѣтей купцамъ и сами сажали ихъ въ лодки; въ это время многіе умерли, а другіе разошлись по чужимъ землямъ" (Новг. 1, стр. 5).

Въ 1137 году осминка ржи стопла 7 рѣзаней, т. е. только втрое дешевле противъ ужаснаго 1128 года.

Въ 1161 году цѣна хлѣба была вдвое выше противъ 1137 г., „и велика скорбь бяше въ людяхъ и нужа", замѣчаетъ лѣтописецъ.

Въ 1170 году цѣны стояли дорогія: кадь ржи стоила 4 грив., а хлѣбъ 2 ногаты, но въ городѣ не произошло, по лѣтописи, ничего ужаснаго.

Въ 1188 году кадь ржи по 6 грив., а хлѣбъ по ногатѣ, „но Божіею милостію не бысть пакости въ людяхъ", замѣчаетъ лѣтопись.

Подъ 1215 годомъ лѣтопись говоритъ: „въ зту осень морозъ побилъ хлѣбъ по волости, а въ Торжкѣ все было хорошо, но князь Ярославъ (враждуя съ Новгородомъ) засѣлъ въ Торжокъ и не пускалъ въ Новгородъ ни воза хлѣба; повгородцы послали пословъ за новымъ княземъ, но Ярославъ перехватилъ пословъ, а въ Новгородѣ сдѣлалось ужасно: цѣна кади ржи поднялась до 10 гривенъ.... Чтоже тогда было! Люди ѣли липовый листъ, сосновую кору, мохъ, и дѣтей своихъ продавали въ рабство... На торгу трупы по улицамъ трупы, по полю трупы... псы не успѣвали поѣдать; а вожане всѣ померли, а остатокъ ихъ разошелся; такъ, по грѣхамъ нашимъ, разошлись люди изъ нашей волости и изъ нашего града".

Въ 1128, 1129 и 1130 годахъ хлѣбъ продавался по 2 куны, т. е. по 5 ногатъ; кадь ржи стоила 3 гривны. Подъ послѣднимъ, 1230 годомъ, лѣтописецъ представляетъ ужасную картину: „что сказать, что вымолвить объ этомъ ужасномъ годѣ, когда была послана на насъ Божья казнь! Простые

люди рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе отрѣзывали части труповъ мертвыхъ и ѣли; ѣли конину, псину, кошки, мохъ, ужей, сосну, кору, листъ, кто что выдумалъ. А иные злые люди начали зажигать домы добрыхъ людей, чуя гдѣ-нибудь рожь, и грабили имѣніе ихъ. Трупы мертвыхъ валялись всюду; было вырыто три громадныя ямы, въ которыя было свалено безчисленное множество труповъ. Братъ брату, отецъ сыну, мать дочери не хотѣли отломить кусочка хлѣба; не было милости между нами, но была скорбь и печаль; на улицѣ было тяжело встрѣчаться другъ съ другомъ, въ домѣ еще большая тоска видѣть, какъ дѣти просятъ хлѣба и умираютъ съ голода. Хлѣбъ продавался по гривнѣ, т. е. 20 ногатъ; четвертая часть кади ржи стоила 1 грив. сереб., т. е. кадь ржи стоила 30 грив. купъ! Отцы и матери за хлѣбъ продавали дѣтей въ рабство."

Эти ужасныя картины новгородскихъ голодовъ, оставленныя намъ лѣтописцами-современниками, лучше всего указываютъ, что у этаго великана сѣверной свободы были глиняныя ноги. Его народонаселеніе, въ силу несчастнаго положенія, почти не увеличивалось. Съ Ярославомъ I-мъ Мудрымъ шло до 40,000 новгородцевъ и то же самое число Новгородъ могъ выставить для борьбы съ Иваномъ III, въ 1470 году! Но въ тѣхъ же естественныхъ условіяхъ заключались и благопріятныя стороны для новгородскаго развитія. Вѣчное странствованіе по пустынямъ и по морю должно было закалить характеръ новгородца, дать ему ту удаль, смѣлость, предпріимчивость, которыя издавна его характеризуютъ. Съ этимъ характеромъ новгородцы не могли также безмолвно и апатично повиноваться князьямъ, какъ южныя племена.

Перейдемъ теперь къ исторіи и развитію политическихъ учрежденій этого великаго центра сѣверной свободы.

Въ 859 году новгородскіе славяне, вмѣстѣ съ кривичами и мерей, подпали владычеству варягъ, но черезъ три года, соединенными усиліями, успѣли изгнать ихъ. Конечно, для изгнанія они употребили союзъ, какъ лучшее средство; такіе союзы не составляютъ чего-либо необычайнаго у первобыт-

ныхъ народовъ (см. введеніе). Но, какъ видно изъ послѣдующаго, этотъ союзъ былъ временнымъ и за нимъ не послѣдовало никакой прочной организаціи, вѣроятно потому, что элементы были слишкомъ различны. Послѣдовало новое совѣщаніе, на которомъ, по Никоновской лѣтописи, обсуждали вопросъ, откуда пригласить князя: изъ своихъ-ли родовъ, изъ варяговъ, отъ козаръ, или изъ дунайцевъ. Всѣ согласились на приглашеніе князя изъ варягъ.

Изъ этого преданія, дошедшаго до Нестора, справедливо можно сдѣлать только одно заключеніе: а именно, что каждый изъ элементовъ, призывавшихъ князя, былъ слишкомъ слабъ, чтобы заставить другихъ признать своего князя главнымъ. Это подтверждается и всей ближайшей исторіей Новгорода. По всему вѣроятію, славяне и финны жили искуственными родами и, на знаменитомъ вѣчѣ, которое призвало варяговъ, присутствовали одни старѣйшины, вмѣсто всѣхъ членовъ съ ихъ родовъ.. По изгнаніи варяговъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, „начаша сами въ собѣ володѣти.... и вста родъ на родъ“. Эта фраза, какъ я объяснялъ выше, относится какъ къ отношенію племенъ между собою, такъ и къ отношенію между родами одного племени. Это также чрезвычайно важно, для дальнѣйшаго хода исторіи. Начало новгородской исторіи весьма близко къ началу римской исторіи, но и имѣетъ весьма существенную разницу. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, три различныя племени создаютъ государство; но существенная разница заключается въ томъ, что хотя въ Римѣ одинъ элементъ дѣлается преобладающимъ, даетъ царя другимъ племенамъ, но это преобладаніе неполное: онъ долженъ дѣлать уступки. Въ каждомъ племени въ Римѣ, рядомъ съ племеннымъ княземъ, стояли старѣйшины, главы родовъ. Между тремя элементами происходитъ примиреніе, причемъ около латинскаго князя является совѣтъ старѣйшинъ, по одинаковому числу отъ всѣхъ племенъ, т. е. по сту, такъ что съ перваго раза образуется римскій сенатъ, состоящій изъ 300 главъ родовъ. Совсѣмъ иной ходъ развитія былъ у насъ, въ Новгородѣ. Враждующія между

собой племена ни въ чемъ не могли согласиться и пригласили чужаго князя съ чужой дружиной. Приглашенный князь съ дружиной сталъ съ перваго же раза въ враждебное отношеніе къ населенію. Въ Никоновской лѣтописи сохранилось слѣдующее важное мѣсто: „въ 864 г. оскорбились новгородцы, говоря: быть намъ рабами и пострадать всѣмъ отъ Рюрика и его рода. Въ этомъ же году былъ убитъ Рюрикомъ Вадимъ Храбрый и иные многіе изъ его совѣтниковъ“ (стр. 9). Въ этомъ возстаніи и его результатѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго; чрезъ 200 лѣтъ послѣ этого, Ярославъ безпаказанно перебилъ новгородцевъ, возставшихъ на его варяговъ. Но результаты этого событія были чрезвычайно важны. Не только Рюрикъ, но и его ближайшіе преемники, посадники Новгорода, пользовались тамъ неограниченной властью и правили безъ участія народнаго вѣча. Новгородъ никогда послѣ этого не имѣлъ организованнаго собранія, въ которомъ сосредоточивались бы аристократическіе элементы, въ родѣ того, какимъ римляне владѣли въ сенатѣ, аѳиняне въ ареопагѣ или совѣтѣ аристократовъ, спартанцы въ совѣтѣ старцевъ или герусіи. Отсутствіе такого собранія навсегда дѣлало пробѣлъ въ новгородской исторіи, какъ объ этомъ я скажу далѣе. Новгородская исторія разсматриваемой нами эпохи раздѣляется на три періода: отъ Рюрика до Ярославовой грамоты (862—1018); отъ Ярославовой грамоты до перваго изгнанія Всеволода (1018 — 1136 года) и отъ этого времени до конца разсматриваемаго нами періода (1136 — 1237).

Прежде всего постараемся опредѣлить, что̀ такое былъ Новгородъ по своему народонаселенію въ цвѣтущее время этой эпохи. „Въ XIV столѣтіи, говоритъ Муравьевъ (Истор. изслѣд. о древн. Новгорода, стр. 5) Новгородъ, былъ обнесенъ внѣшнимъ валомъ, для защиты жителей отъ внезапнаго набѣга сосѣдственныхъ народовъ. Валъ сей обходилъ ино мѣсто все жилье, ино мѣсто далѣе онаго, ино мѣсто оставляя нѣсколько жилья внѣ себя: ибо окружность жилья сего далека была отъ вида кривой линіи, но паче походила

на ломаную; а валъ слѣдовалъ, во-первыхъ, нѣкоторому намѣренію окруженія, во-вторыхъ, способствовалъ природѣ. Дѣлая сей валъ, съ намѣреніемъ обезопасить наибольшее число жителей, воспользовались обтеченіемъ четырехъ ручьевъ около города въ рѣку Волховъ: двухъ по одну, двухъ по другую сторону сей рѣки. Валъ этотъ заключаетъ въ себѣ не болѣе $3^1/_4$ квадратныхъ верстъ, а за изъятіемъ всего весенняго теченія Волхова, менѣе 3-хъ квадратныхъ верстъ, которое, впрочемъ, не все удобообитаемо, ради поемлемости, ино мѣсто, весенними водами Ильменя и Волхова; и дѣйствительно, не все было обитаемо, потому что даже внутри его, и особенно близь него, видны довольно обширныя мѣста, на коихъ никакихъ признаковъ обитанія не имѣется. Кромѣ небольшихъ пространствъ около Софійской стороны, нигдѣ не примѣтно, чтобъ было жилье далѣе онаго внѣшняго вала, и не могло даже быть потому, что съ другой стороны, торговой, онъ окруженъ весенними водами, иногда мѣсяца на два въ году. И такъ, много если Новгородъ подъ своими домами, улицами, огородами, площадями, подъ своимъ множествомъ церквей съ ихъ кладбищами, подъ своимъ множествомъ монастырей съ ихъ оградами, подъ своимъ каменнымъ дѣтинцемъ или кремлемъ, съ его рвомъ, заключалъ двѣ или три четверти квадратныя версты, или до 280 саженъ, и не будетъ ошибки, если положить для частныхъ домовъ только половину изъ сего, ибо въ Новгородѣ существуетъ и донынѣ до 40 каменныхъ церквей. Слѣдовательно, сколько можетъ быть жителей на пространствѣ 140 десятинъ въ домахъ деревянныхъ, одножильевыхъ, съ ихъ дворами, огородами, сараями, банями? положимъ по 6 такихъ домовъ на десятинѣ, и въ каждомъ домѣ кругомъ по 8 душъ жителей, и это составитъ 6,700 жителей обоего пола. Прибавьте къ этому монаховъ, монахинь, и мы найдемъ, что населеніе новаго города простиралось не болѣе 8 тысячъ всякаго рода людей.“

Данныя о мѣстности Новгорода, собранныя Муравьевымъ, очень любопытны, хотя его выводы, безъ сомнѣнія, невѣрны.

Муравьевъ предполагаетъ въ Новгородѣ не болѣе 838 дворовъ, а въ 1545 году въ Новгородѣ, по разрядному и разметному списку, дошедшему до насъ, было болѣе 4,653 дворовъ, потому что въ томъ числѣ не считалась Чудинцева улица и церковные дворы (А. А. Экс., 1 и 205), слѣдовательно, принимая по 8 человѣкъ на дворъ и кладя кругомъ 4,700 дворовъ, мы получаемъ для того времени 37,600 человѣкъ; но Новгородъ тогда несомнѣнно былъ въ упадкѣ; многіе жители были оттуда выселены Иваномъ III, и торговля его упала. Подъ 1211 годомъ лѣтопись заноситъ важное извѣстіе: „того же лѣта безъ князя и безъ новгородцевъ въ Новгородѣ бысь пожаръ великъ: загорѣся на Радитинѣ (въ Людинѣ концѣ) улицѣ и сгорѣ дворовъ 4,300“. Если въ 1211 г. сгорѣла цѣлая половина Новгорода, хотя этого не видно изъ лѣтописи, то и тогда можно полагать въ Новгородѣ до 8,000 дворовъ, или до 60 тысячъ жителей. Но предполагая въ Новгородѣ 60 тысячъ жителей, мы едва-ли не достигаемъ высшаго предѣла, какой могъ помѣщаться, на вышеописанномъ пространствѣ, въ самое цвѣтущее время новгородской исторіи.

Г. Малковскій весьма остроумно объясняетъ исторію этаго города. „По теченію Волхова, говоритъ онъ, Новгородъ раздѣляется на двѣ половины. Одна, которая находится по правой сторонѣ рѣки, первоначально не имѣла общаго названія; но какъ на ней въ серединѣ, по южному концу, находилась древняя усадьба, подъ названіемъ Славно, а къ берегу рѣки была торговая площадь, то въ лѣтописяхъ она означается словами: Славно, торгъ безразлично. Въ послѣдствіи же, при окончательномъ развитіи городскаго устройства, эта половина называется Славенскою или Торговою стороною. Другая же половина, по лѣвую сторону рѣки, упоминается первоначально подъ названіемъ Дѣтинца-города, Кромный городъ и Новгородъ. По эти названія, повидимому, не означали всего посада: они относились только къ настоящему городу, къ крѣпости. Впослѣдствіи же эта половина называется постоянно Софійскою стороною. Мы не знаемъ времени про-

исхожденія Славенской стороны. Но что касается до другой стороны, мы прямо должны заключить, что она не старше Софійскаго собора, отъ котораго получила названіе, т. е. не старше 989 года. На Софійской сторонѣ находились улицы: Добрыня и Пискупля, и мы должны принять за положительное, что Добрыня улица не существовала до 970 года, т. е. до прибытія на Волховъ Владиміра съ Добрынею, а Пискупля не существовала до 988 г., т. е. до прибытія перваго епископа. Принимая во вниманіе, что въ Уставѣ Ярослава только первая треть его принадлежитъ ему, такъ какъ остальныя двѣ трети ясно позднѣйшаго происхожденія, г. Малковскій предполагаетъ, что на Софійской сторонѣ при Ярославѣ былъ лишь одинъ Людинъ конецъ, который упоминается въ Уставѣ, а Неревскій конецъ образовался не ранѣе, какъ около второй половины XII-го вѣка, когда былъ убитъ, по лѣтописи, знаменитый Неревинъ, бывшій воеводою въ 1149 году и убитый новгородцами въ 1169 году" (Врем., 1852 г., № 12). Эта постепенность роста Новгорода и его первоначальная бѣдность и малолюдность легко замѣтны и изъ лѣтописи.

Въ 989 году была построена деревянная церковь св. Софіи, которая скоро сгорѣла. Въ 1040 году Ярославъ построилъ каменный городъ на Софійской сторонѣ; но крѣпость (дѣтинецъ) по прежнему оставалась деревянной, потому что она горѣла въ 1097 и 1113 годахъ. Отъ 1045 по 1052 строилась каменная церковь св. Софіи. Въ 1116 году Мстиславъ увеличилъ городъ, вѣроятно крѣпость, построенную Ярославомъ (по 3-й лѣт. Новг.). Въ 1169 г., весь городъ обнесенъ былъ острогомъ, т. е. деревяннымъ заборомъ; этотъ острогъ былъ возобновляемъ въ 1224 году, 1267 г. (срубише новгородцы городъ новъ), и только въ 1302 году былъ заложенъ каменный городъ.

Исторія Новгорода въ XI-мъ столѣтіи также доказываетъ, что онъ былъ бѣднымъ и ничтожнымъ городомъ. Въ 1020 году Брячиславъ полоцкій взялъ Новгородъ (Лавр.); въ 1066 году Всеславъ, сынъ Брячислава, „взя Новгородъ, съ

женами и дѣтьми; и колоколы съима у св. Софіи, о велика бяше бѣда въ часъ тый! и паникадилы съима" (Новг. 1).

Самый городъ, какъ древній Римъ, составлялся изъ трехъ различныхъ народностей: славянъ, чуди и варяговъ. Еще во времена Нестора, въ концѣ XI и началѣ XII-го вѣка, варяжскій элементъ игралъ тамъ замѣтную роль, пока совершенно не потонулъ въ славянскомъ.

Итакъ, отъ Рюрика до Ярослава городъ можно считать слабымъ и незначительнымъ, хотя онъ уже въ это время растетъ въ богатствѣ; отъ Олега до Ярослава городъ еще платитъ дань варягамъ, по 300 гривенъ, „мира деля", слѣдовательно, онъ еще боится, что первая шайка смѣлыхъ удальцевъ можетъ его разграбить, какъ разграбили Брячиславъ и его сынъ. Въ это время Новгородомъ управляютъ князья-посадники и посадники, въ совершенной зависимости отъ кіевскаго князя. Авторъ „Опыта о посадникахъ" предполагаетъ, что новгородскіе посадники даже древнѣе князей. „Санъ посадника, говоритъ онъ, мы находимъ исключительно въ русскихъ республикахъ: ибо онъ гораздо древнѣе великокняжескаго самодержавія, какъ и самыя русскія республики, которыя постепенно приводимы были государями къ одной формѣ правленія монархическаго. Такимъ образомъ, если и случается находить иногда посадниковъ въ городахъ, принадлежащихъ въ то время къ удѣламъ князей, въ такомъ случаѣ должно заключить, что, сіи послѣдніе ввели посадничество по примѣру новгородцевъ" (стр. 26). Но это мнѣніе едва заслуживаетъ довѣрія. Оно само произошло оттого, что въ это время понятіе о республикѣ было въ высшей степени темнымъ и неопредѣленнымъ. Съ республикой смѣшивали родовое устройство, подъ управленіемъ родовыхъ старѣйшинъ, тогда какъ она имѣетъ съ нимъ лишь весьма слабое сродство, равно различаясь по духу и по принципамъ. Но если внѣ вопроса, что родовое устройство было не похоже на республиканское, то также не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что посадниковъ не было у новгородскихъ славянъ до Рюрика. Поводомъ къ смѣшенію служило также и то, что

и въ первый періодъ новгородской исторіи мы встрѣчаемъ посадниковъ, но эти посадники были тогда и въ Новгородѣ, какъ и въ остальныхъ областяхъ, не представителями общества, а представителями князя. Рюрикъ, по Нестору, посадилъ посадниковъ, по смерти братьевъ, во всѣ тѣ города, гдѣ прежде сидѣли князья, братья Рюрика, а также и въ другіе центры племенъ. Олегъ сажаетъ посадниковъ въ завоеванные города, но когда онъ самъ переселился въ Кіевъ, онъ, конечно, отправилъ посадника въ Новгородъ, хотя лѣтописи не сохранили именъ посадниковъ, ни Олега, ни Игоря; при Святославѣ въ Новгородѣ посадничалъ Владиміръ (отъ 970—980) и, очень вѣроятно, что при немъ не было никакого посадника, такъ какъ онъ самъ былъ княземъ-посадникомъ, а дядя его Добрыня игралъ при немъ роль опекуна. Когда Владиміръ сдѣлался всероссійскимъ княземъ, тогда онъ сдѣлалъ Добрыню посадникомъ въ Новгородѣ, который управлялъ здѣсь совершенно самостоятельно (980 — 988); послѣ Добрыни, въ Новгородѣ недолго княжилъ-посадничалъ Вячеславъ, старшій сынъ Владиміра (988 — 989); затѣмъ здѣсь сталъ княжить-посадничать Ярославъ (989 — 1016), затѣмъ сынъ Добрыни, Константинъ (1016—1019), потомъ Илья Ярославичъ и Владиміръ Ярославичъ. Одинъ этотъ порядокъ князей безъ посадниковъ, затѣмъ посадниковъ безъ князей, лучше всего доказываетъ, что посадники въ это время играли въ Новгородѣ точно такую-же роль, какъ и въ остальныхъ областяхъ. Вообще, въ эту эпоху я не думаю, чтобъ управленіе Новгородомъ чѣмъ-либо отличалось отъ управленія другихъ областей. Если у новгородскихъ славянъ было больше политической смѣлости, чѣмъ у остальныхъ племенъ, какъ это видно изъ возстанія Вадима, изъ гордой просьбы новгородцевъ, обращенной къ Святославу: „если къ намъ не пойдутъ (твои сыновья), то мы сами налѣземъ себѣ князя“ (Лавр., 29), изъ возстанія при Ярославѣ на варяговъ,— то эти характерныя черты обѣщали только богатое будущее, но въ настоящемъ онѣ еще ни въ чемъ рѣзко не обнаружились. Князья-посадники Новгорода, также какъ и обыкно-

венные посадники, обязаны были платить, по лѣтописи, кіевскому князю опредѣленный урокъ въ 2,000 гривенъ; не полагаясь на мѣстное народонаселеніе, они содержали дружину изъ варяговъ, что видно по примѣру Ярослава, который издержалъ на варяговъ 1,000 гривенъ.

Во внутренней политической жизни этаго періода замѣчательно только одно явленіе, которое мы уже анализировали прежде, а именно—разложеніе родоваго быта. Уже въ 947 году, по лѣтописи, Ольга отправлялась въ Новгородъ и „устави по Мстѣ повосты и дани, а по Лузѣ оброки и дани“ (Лавр., стр. 25). Повосты или погосты у новгородскихъ славянъ замѣняли мѣсто сотенъ въ новгородской волости, и, конечно, ихъ образованіе служитъ доказательствомъ упадка первобытныхъ родовъ. Распаденіе родоваго быта произвело явленія, отчасти подобныя явленіямъ въ остальной Россіи, отчасти особенныя, свойственныя въ это время только одному Новгороду. Общимъ съ остальною Русью явленіемъ было образованіе класса большихъ землевладѣльцевъ, бояръ, изъ которыхъ каждый, при защитѣ Ярослава въ 1118 году, далъ Ярославу по 18 гривенъ, — сумма огромная! Но важнѣе этого явленія было образованіе въ Новгородѣ особаго городскаго класса, котораго не было въ другихъ городахъ этого времени, или онъ былъ въ очень незначительномъ числѣ. Безплодная почва Новгорода заставила его жителей заняться торговлей и промыслами. Уже во времена Ярослава новгородцы были извѣстны въ остальной Россіи, какъ плотники, а слѣдовательно и тогда уже существовалъ Плотницкій конецъ. Другой конецъ Новгорода назывался Гончарнымъ и тоже, вѣроятно, очень древняго образованія. Эти торговцы и ремесленники образовали въ Новгородѣ такой значительный по образованію и богатству классъ, какого не было въ остальной Россіи. Ярославъ далъ всѣмъ новгородцамъ, за участіе въ возстановленіи его на тронѣ, по 10-ти гривенъ, т. е. по такой же суммѣ, по какой онъ далъ деревенскимъ старостамъ; слѣдовательно, каждый новгородецъ былъ приблизительно столь же зажиточенъ, какъ и лучшіе изъ сель-

скихъ жителей, такъ какъ вознагражденіе Ярослава было, конечно, пропорціонально ихъ предварительнымъ пожертвованіямъ. Такъ какъ новгородскіе смерды получили по гривнѣ, а сами дали по 4 куны, т. е. они получили въ пять разъ болѣе, то весьма вѣроятно, что новгородцы сами дали на походъ по 2 гривны, то есть въ десять разъ болѣе, чѣмъ дали смерды, а это даетъ право сказать, что состояніе новгородца было, приблизительно, въ пять разъ болѣе состоянія обыкновеннаго смерда. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Общество этого времени высоко цѣнило всякаго ремесленника, потому что такихъ людей тогда было вообще очень мало. Тогда какъ во времена Ярослава каменьщикъ получалъ по ногатѣ, т. е. предполагая, что каменьщикъ можетъ работать 5 мѣсяцевъ въ году, за эти 5 мѣсяцевъ онъ получалъ 3 гривны, тогда какъ обыкновенный работникъ получалъ 1 гривну въ лѣто. По уставу о мостовыхъ, плотникъ получалъ по ногатѣ отъ каждаго положеннаго въ мостъ бревна, т. е. тоже приблизительно по ногатѣ въ день (Рус. Прав., сп. Карамз. Утин.).

Ярославова Правда назначаетъ за рабовъ-ремесленниковъ двойной урокъ противъ обыкновенныхъ рабовъ. Образованіе этаго класса достаточныхъ городскихъ жителей есть очень важное явленіе для политической исторіи Новгорода. Уже Аристотель, мѣткій наблюдатель древне-греческихъ городскихъ республикъ, замѣчаетъ: „если всѣ согласны въ томъ, что умѣренное и среднее есть самое лучшее, то очевидно, что собственность средней величины лучше всѣхъ другихъ, потому что владѣтель такой собственности бываетъ обыкновенно очень разсудителенъ.... Какъ богатые, такъ и бѣдные, мало чувствуютъ расположенія и охоты къ занятію государственными дѣлами, что, конечно, очень вредно для государства. Государство, состоящее изъ богатыхъ и бѣдныхъ, есть государство рабовъ и господъ, а не свободныхъ,—государство, въ которомъ одни завидуютъ другимъ, а другіе гордятся передъ ними.... Государство, напротивъ, желаетъ того, чтобы члены его были, какъ можно болѣе, равны и подобны

другъ другу, а это преимущественно возможно для людей средняго состоянія“ (Полит., перев. Скворц., стр. 273).

Перейдемъ теперь ко второму періоду новгородской исторіи. Этотъ періодъ начался грамотами Ярослава и продолжается до перваго изгнанія Всеволода, отъ 1019 до 1136 г.; то есть продолжается 117 лѣтъ. Въ это время въ Новгородѣ посадничали–княжили: Константинъ, посадникъ Ярослава сыновья Ярослава, Илья и Владиміръ, и внукъ Ярослава отъ старшаго сына, Мстиславъ Изяславовичъ (отъ 1019—1069). Этотъ рядъ княженій двухъ сыновей и однаго внука прерывался лишь на короткое время посадничествомъ Остроміра и, можетъ быть, княженіемъ самого Изяслава, такъ какъ въ моментъ смерти Ярослава Изяславъ былъ въ Новгородѣ и, вѣроятно, оставилъ здѣсь сына, который непостоянно, но сидѣлъ здѣсь до 1069 года, когда былъ посаженъ отцемъ въ Полоцкъ, гдѣ и умеръ (Воскр., стр. 337). Короткое княженіе на кіевскомъ столѣ Святослава повело за собою княженіе старшаго сына его, Глѣба, въ Новгородѣ, который княжилъ отъ 1069—1079, когда онъ былъ убитъ, во время похода на Волокъ. Послѣ него въ Новгородѣ княжилъ Святополкъ Изяславовичъ отъ 1079 до 1093, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ. До сихъ поръ исторія идетъ также, какъ и въ прежнее время: кіевскіе князья произвольно располагаютъ столомъ Новгорода, а новгородцы безмолвно подчиняются ихъ рѣшеніямъ. Но съ этого времени начинается рѣшительный поворотный пунктъ, когда новгородцы отказываются отъ всякаго легитимнаго повиновенія князьямъ, поставленнымъ помимо ихъ воли. Подъ 1094 годомъ новгородская лѣтопись заноситъ послѣднее извѣстіе въ этомъ родѣ: „иде Святополкъ и Володимиръ на Давыда Смоленьску и вдаша Давыду Новгородъ“. Здѣсь въ послѣдній разъ столомъ новгородскимъ распоряжаются князья, по обоюдному соглашенію (Нов. Пер.). Но подъ 1098 годомъ мы встрѣчаемъ первое характерное выраженіе воли новгородцевъ: „Святополкъ съ Владиміромъ, говоритъ лѣтопись, рядъ имѣли (на любечскомъ съѣздѣ), чтобы Новгородъ принад-

лежалъ Святополку, который намѣревался посадить въ немъ своего сына. Въ это время, пришелъ въ Кіевъ, согласно ряду, сынъ Мономаха Мстиславъ. Этотъ Мстиславъ, можетъ быть, не долгое время былъ въ Новгородѣ, а потому пришелъ съ новгородцами. И сказали мужи Владиміровы Святополку: „вотъ прислалъ Владиміръ сына своего, пусть онъ здѣсь (въ этой землѣ, на югѣ) сядетъ; а новгородцы, взявъ сына твоего, пусть идутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пойдетъ во Владиміръ“. И сказали тогда новгородцы Святополку: „вотъ мы, княже, присланы къ тебѣ сказать и скажемъ тебѣ прямо такъ: не хотимъ ни тебя, ни сына твоего; если двѣ головы имѣетъ твой сынъ, то посылай его. А этого своего сына (Мстислава) мы и вскормили его, а ты отъ насъ ушелъ“. Святополкъ много спорилъ съ новгородцами, которые ни за что не уступили и, взявъ Мстислава, пошли въ Новгородъ“ (Соф. Врем., стр. 184). Съ этого времени до первой рѣшительной революціи здѣсь княжили: Мстиславъ (отъ 1098—1117) и его сынъ Всеволодъ. Но въ Новгородѣ эти князья уже далеко не находятъ прежней покорности. Подъ 1118 годомъ въ новгородской лѣтописи мы читаемъ: „въ этотъ же годъ привелъ Владиміръ Мономахъ и его сынъ Мстиславъ всѣхъ бояръ новгородскихъ въ Кіевъ и приведя ихъ ко кресту отпустилъ ихъ домой, а нѣкоторыхъ удержалъ у себя (какъ бы въ заложникахъ); онъ разгнѣвался на нихъ за то, что ограбили Даньслава и Ноздрыгу и заточилъ ихъ всѣхъ“. Мы не знаемъ, кто были Даньславъ и Ноздрыгь, но по всему вѣроятію это были тіуны Мстислава, которые были ограблены по суду новгородскаго вѣча. Въ Новгородѣ совершилось самовольно, въ 1118 году, то же событіе, которое совершилось впервые въ Кіевѣ при Игорѣ, съ разрѣшенія князя, то есть вѣчевой судъ надъ княжескимъ чиновникомъ. Всеволодъ Мстиславовичъ, внукъ Мономаха, былъ еще очень молодъ, такъ какъ онъ женился только въ 1123 году, тогда какъ вступилъ на престолъ въ 1118 году; при ранней женитьбѣ въ тѣ времена, нужно думать, что при вступленіи на престолъ Всеволодъ былъ еще

очень молодъ. Этою молодостью объясняется то, что въ 1120 году въ Новгородъ былъ посланъ посадникъ изъ Кіева Борисъ. Подъ 1126 и 1127 годами мы встрѣчаемъ первыя многознаменательныя извѣстія: „въ то же лѣто въдаша посадницьство Мирославу Гюрятиницю". „Въ то же лѣто въ даша посадничество Новгородѣ Завиду Дмитровицю". Но подъ 1129 годомъ снова встрѣчается извѣстіе: „Вьниде изъ Кіева Данилъ посадницать Новгороду". Но это было уже послѣднимъ эхомъ власти кіевскихъ князей надъ Новгородомъ. Подъ 1132 годомъ въ Новгородской лѣтописи мы читаемъ важное извѣстіе: „въ этомъ году ходилъ Всеволодъ въ Русь къ Переяславлю... поцѣловавъ крестъ къ новгородцамъ въ томъ, что онъ хочетъ у нихъ сидѣть. (Но онъ, преступивъ крестъ, сѣлъ въ Переяславлѣ, откуда и былъ выгнанъ). Возвращаясь въ Новгородъ, онъ встрѣтилъ противъ себя общее возстаніе; половцы и ладожане пришли въ Новгородъ и выгнали князя Всеволода изъ города, но потомъ, одумавшись, возвратили его вспять и отдали посадничество въ Псковѣ Мирославу, а Рагуила посадили въ городѣ". Подъ 1134 годомъ другія важныя извѣстія: „начали новгородцы думать о войнѣ съ суздальцами и убили своихъ мужей и свергли ихъ съ мѣста. Въ томъ же году Всеволодъ ходилъ съ новгородцами на Суздаль, желая въ немъ посадить своего брата, но воротился съ дороги; на этомъ пути (новгородцы) отняли посадничество у Петрина и отдали его Ивану Павловичу. Наконецъ, подъ 1136 годомъ знаменитое извѣстіе: „новгородцы призвали псковичей и ладожанъ и сговорились изгнать князя своего Всеволода; они посадили его на дворѣ епископа, съ женою, дѣтьми и тещею, гдѣ его день и ночь стерегли 30 новгородцевъ". Вотъ основанія, которыя новгородцы выставили, какъ причины его изгнанія: 1) зачѣмъ не заботится о смердахъ; 2) зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ; 3) зачѣмъ ѣхалъ въ полку впереди всѣхъ (на Суздаль), снова воротился и велѣлъ отступиться самимъ новгородцамъ. Къ этимъ извѣстіямъ Новгородской лѣтописи Софійскаго Временника въ Никоновской лѣто-

писи прибавлено еще нѣсколько важныхъ пунктовъ: 4) зачѣмъ взлюби играть и утѣшаться, а людей не управлять; 5) зачѣмъ занимался ястребами и собаками, а людей не судилъ и не управлялъ; 6) зачѣмъ велѣлъ приступить новгородцамъ къ Всеволоду Ольговичу, а потомъ велѣлъ отступать снова (Ник. 159)

Какъ ни сухи данныя, сообщаемыя намъ лѣтописями, но они однако настолько ясны, что по нимъ мы можемъ судить о постепенномъ развитіи новгородской конституціи.

До 1098 года въ новгородской жизни дѣйствовали лишь тѣ установленія, которыя далъ Ярославъ. Но что далъ Ярославъ новгородцамъ,—вотъ пока еще нерѣшенный вопросъ.

Всѣ законодательные памятники дѣятельности Ярослава въ отношеніи къ Новгороду заключаются: 1) въ Русской Правдѣ Ярослава, данной новгородцамъ; 2) въ уставѣ о мостахъ; 3) въ уставѣ о построеніи городской стѣны; 4) въ уставѣ о земскихъ дѣлахъ и, можетъ быть, въ уставѣ о дани.

Прежде всего, мнѣ кажется, должно обратить вниманіе на то, что до 1098 года новгородское вѣче не жило никакой серьозной политической жизнью и, слѣдовательно, всѣ грамоты Ярослава могли быть не что иное, какъ данъ благодарнаго человѣка, за оказанныя ему услуги. Грамоты Ярослава, въ чемъ бы онѣ ни заключались, по справедливому замѣчанію Соловьева (Объ отнош. Новгорода къ князьямъ Рюрикова дома), не могли заключать въ себѣ вольности, которыя, какъ видно по лѣтописямъ, гораздо позднѣйшаго происхожденія. Развитіе вѣчевой жизни въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Россіи, началось лишь съ ослабленія власти центральнаго кіевскаго князя, что совершилось лишь по смерти Ярослава. При своей жизни, хотя Ярославъ княжилъ въ Кіевѣ, но онъ не забывалъ нисколько новгородскихъ интересовъ; въ 1040 и 1044 году онъ ходилъ на Литву и построилъ новгородскія укрѣпленія. Это обстоятельство очень важно; оно показываетъ, что онъ могъ дать Новгороду свои грамоты и не за одинъ разъ, но въ нѣсколько періодовъ.

Въ первой Новгородской лѣтописи, напечатанной въ Древ.

Рос. Вивл., подъ 1029 годомъ сказано: что Ярославъ далъ имъ (новгородцамъ) Правду и уставъ списавъ, глаголя тако: „по сей грамотѣ ходите (т. 2, стр. 335). Въ Софійскомъ Временникѣ, подъ 1034 годомъ, внесено другое важное извѣстіе: „по семъ же (то есть послѣ смерти Мстислава) прія власть его всю великій князь Ярославъ и бысть самовластецъ въ Русской землѣ. Великій князь Ярославъ иде въ Новгородъ и посади сына своего Володимера въ Новгородѣ и епископа постави Жиряту; и людямъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотѣ дадите дань". По весьма остроумному и вѣрному замѣчанію Малковскаго, уставъ Ярослава о мостовыхъ могъ быть данъ не ранѣе 1045 года, когда была создана церковь Бориса и Глѣба, упоминаемая въ уставѣ. Наконецъ, уставъ о поправкахъ моста находится въ Ярославовой Правдѣ мѣстной редакціи только въ концѣ и тоже, вѣроятно, былъ данъ не ранѣе этого времени, такъ какъ около этого времени Ярославъ построилъ мостъ черезъ Волховъ, и потому, весьма естественно, онъ же установилъ и законы а поправкѣ его. Все это совершенно понятно, такъ какъ новгородскіе князья дѣти Ярослава, именно были лишь его посадниками, и судьбою Новгорода автократически распоряжался самъ великій князь. Въ 1019 году онъ посадилъ въ Новгородѣ Константина посадникомъ и въ томъ же году, разгнѣвавшись на него, заточилъ его въ Ростовѣ, гдѣ на третій годъ велѣлъ его утопить,—поступокъ вполнѣ автократическій. Еще до 1124 года въ Новгородѣ встрѣчаются посадники изъ Кіева, которые, конечно, находились отъ князя въ такой же зависимости, какъ и Константинъ. Словомъ, до 1098 года новгородское вѣче ничѣмъ не обнаруживаетъ еще своей жизни, а князья еще болѣе поздняго времени пытаются изъ Кіева распоряжаться дѣлами Новгорода.

Я не буду теперь доказывать того, что я старался доказать выше (см. отд. II), т. е. что сама Правда Ярослава была жалованной грамотой, потому что въ ней не упоминается ни вѣсъ, ни продажа, бывшіе самыми тяжелыми налогами. Вышеприведенные факты могутъ лишь служить под-

твержденіемъ этого, указывая на весь характеръ дѣятельности Ярослава, какъ истиннаго автократа. Въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ Ярослава, какъ я тоже говорилъ выше, я старался опредѣлить, на основаніи переводныхъ статей Юстиніановыхъ записокъ, съ нѣкоторыми прибавленіями, отношенія между землевладѣльцами и нанимающимися,—словомъ, тѣ отношенія, которыя съ такой глубиною и обстоятельностью позднѣе опредѣлилъ великій Мономахъ. Но что̀ значитъ третій законъ Ярослава, данный, по Временнику, въ 1034 году и опредѣлявшій количество дани? Какую дань онъ опредѣлялъ? Дань-ли, которую посадники новгородскіе должны были давать кіевскому князю,—но такая дань называлась оброкомъ; или дань варягамъ, о которой извѣстно, что она платилась до Ярослава; или дань жителей новгородской области, по отношенію къ своему князю. Если эта Ярославова грамота содержала послѣднее, то тогда двѣ или три Ярославовы грамоты, т. е. грамота о данях̀ъ, грамота о судѣ и грамота, опредѣляющая отношенія землевладѣльцевъ къ нанимающимся, дѣйствительно клали основаніе новгородской свободы, опредѣляя самыя важныя отношенія—экономическія. Въ англійской исторіи великая хартія вольностей не безъ основанія считается основой англійской конституціи, хотя въ ней ничего нѣтъ, кромѣ экономическихъ опредѣленій, такъ какъ всѣ остальныя привилегіи англичанъ есть дѣло позднѣйшей исторіи. Точно также и здѣсь: все то, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ новгородскихъ учрежденій, въ сущности начало вырабатываться только въ княженіе Всеволода, т. е. въ періодъ отъ 1118 по 1135 годъ, какъ я скажу ниже; но, тѣмъ не менѣе, основанія экономической свободы, а слѣдовательно и свободы политической, были положены Ярославомъ.

Остальныя два законоположенія Ярослава имѣютъ относительно мѣньшую важность. Устроить мостъ чрезъ Волховъ, соединяющій обѣ стороны Новгорода, было дѣломъ государства, и конечно построеніе моста было совершено въ первый разъ при Ярославѣ, въ сороковыхъ годахъ XI вѣка,

когда была построена на другой сторонѣ его св. Софія, когда была тамъ же заложена каменная церковь. Такъ какъ постройка такого моста было дѣло публичное, общественное, то, именно, нужно было закономъ опредѣлить и цѣнность поправки, какъ и въ позднѣйшее время государство опредѣляло цѣнность постройки городской стѣны, цѣнность которой раскладывалась на жителей всей области, такъ какъ они всѣ могли сю пользоваться. Въ концѣ Ярославовой Правды помѣщена слѣдующая статья: „а вотъ урокъ мостникамъ: если помостятъ мостъ, то отъ окончанія дѣла взять погату и за каждую городню моста взять тоже погату; если будетъ починиваться въ мостѣ только нѣсколько досокъ, такъ 3, 4, 5, то опять идетъ на томъ же основаніи“ (Ак. сп., ст. 43).

Другая необходимость вытекала изъ географическаго положенія города, т. е. необходимость мостовой. Мостовая для города была не роскошью, а дѣйствительною необходимостью, потому что городъ, стоящій на топкомъ мѣстѣ, ежегодно заливался водой, конечно даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлается теперь, когда уровень Балтійскаго моря значительно понизился. Уставъ Ярослава о мостовыхъ, конечно не въ полномъ объемѣ, принадлежитъ Ярославу, такъ какъ $^2/_3$ его, очевидно, позднѣйшаго происхожденія; но что касается первой трети, то она несомнѣнно принадлежитъ Ярославу. Нѣтъ надобности выписывать это мѣсто устава, въ которомъ опредѣляется только какую улицу до какого мѣста должно мостить.

Таково было законодательство Ярослава, данное великому Новгороду. Въ періодъ отъ смерти Ярослава до княженія Всеволода, какъ видно, не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ новгородскомъ политическомъ устройствѣ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ грамоты, данной Мстиславомъ Владиміровичемъ Юрьеву монастырю не въ то время, когда Мстиславъ былъ княземъ новгородскимъ, но уже въ то время, когда онъ былъ княземъ кіевскимъ, а въ новгородѣ княжилъ его сынъ Всеволодъ, слѣдовательно, относящейся къ времени 1125—1132 года. Грамота начинается такъ: „се азъ Мстиславъ Володимерь сынь, държа Руску

землю въ свое княженіе, но велѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати ....цѣ Святому Георгеви" (т. е. Юрьеву монастырю). (Ист. Росс. Іерархіи, т. VII, стр. 772). Этотъ актъ показываетъ, что еще при вступленіи на престолъ Всеволода, кіевскіе князья смотрѣли на новгородскихъ, какъ на ихъ простыхъ посадниковъ; слѣдовательно, до того времени нельзя искать никакихъ учрежденій, которыя составляютъ сущность новгородскаго устройства.

Но въ короткій періодъ отъ 1117 до 1135 года, новгородское вѣче какбы разомъ пріобрѣтаетъ всѣ существеннѣйшія свои политическія права, что можно видѣть изъ представленныхъ выше фактовъ лѣтописи. Этому быстрому развитію народныхъ правъ, вѣроятно, много содѣйствовало малолѣтство Всеволода и, еще болѣе, ослабленіе власти кіевскихъ князей. Развитіе новгородскаго вѣча начинается, такимъ образомъ, въ ту же эпоху, какъ и вѣчей другихъ племенъ, но оно развивается быстрѣе и скоро пріобрѣтаетъ такія права, которыхъ никогда не имѣли вѣча другихъ городовъ.

Въ 1118 году, когда только-что выѣхалъ изъ Новгорода Мстиславъ, оставивъ малолѣтняго Всеволода, новгородское вѣче совершаетъ первый политическій судъ и казнитъ двухъ лицъ. Въ 1134 году снова повторяется, что новгородцы столкнули съ моста нѣсколькихъ своихъ мужей. Такимъ образомъ, новгородское вѣче присвоиваетъ себѣ право суда по политическимъ преступленіямъ—одно изъ важнѣйшихъ основаній новгородскихъ учрежденій...

Въ 1126 году новгородцы начинаютъ избирать своихъ посадниковъ, которые дѣлаются важнѣйшими органами, представителями вѣчевой власти предъ князьями.

Въ 1132 году новгородцы на вѣчѣ рѣшаютъ отправить перваго посадника въ Псковъ, то-есть вѣче пріобрѣтаетъ власть административную, право распоряжаться въ своихъ областяхъ.

Наконецъ, первое изгнаніе Всеволода было запечатлѣно торжественнымъ актомъ, который, вѣроятно, былъ состав-

ленъ и записанъ на вѣчѣ и отсюда внесенъ въ лѣтопись не въ цѣломъ видѣ, а только изъ него были взяты важнѣйшіе пункты. Этимъ актомъ и исчисленными въ немъ пунктами новгородское вѣче присвоивало себѣ право суда надъ князьями, оно дѣлалось верховною властью, а князья только исполнителями его воли. Оно пріобрѣло теперь фактически тотъ титулъ господина великаго Новгорода, который сталъ, впослѣдствіи ставится въ заголовкѣ всѣхъ вѣчевыхъ рѣшеній.

Считаю теперь удобнымъ остановиться и сказать вообще о достоинствахъ и недостаткахъ новгородскихъ учрежденій.

Недостатки новгородскихъ учрежденій частію общи всѣмъ городскимъ республикамъ, частію составляютъ особенности новгородскихъ учрежденій.

Происхожденіе какъ нашей, такъ и вообще всѣхъ городскихъ республикъ, коренится въ племенной централизаціи, вытекающей изъ родоваго быта. Центральный городъ племени, съ его святилищемъ и его княземъ, съ его болѣе крѣпкими стѣнами, всегда дѣлался мѣстомъ сходокъ и вѣчевыхъ рѣшеній племенъ. Выше (см. отдѣлъ I-й) мы описывали, какимъ образомъ, по словамъ нѣмецкихъ хронистовъ, центральные города племенъ стремились къ главенству и даже силою хотѣли принудить подчиняться себѣ территорію. Тоже самое мы видимъ и здѣсь. На вѣчѣ Новгорода сходятся, или, лучше, имѣютъ право сходиться жители всей территоріи; при изгнаніи Всеволода на вѣчѣ участвуютъ псковичи и ладожане. Но это право рѣшать въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ центральномъ городѣ судьбу всей территоріи, фактически переходитъ только къ самимъ жителямъ города, такъ какъ жители остальной территоріи, конечно, не могутъ являться постоянно въ городъ, чтобы всегда участвовать на таможнихъ вѣчахъ. Вѣче главнаго города, такимъ образомъ, дѣлается господиномъ и государемъ всей территоріи, всѣхъ областей. Мы видѣли, что новгородское вѣче отправляетъ посадниковъ въ Псковъ и Ладогу. Но, спрашивается, что выигрываетъ отъ того территорія? На ея долю выпадаютъ только обязанности, тогда какъ правами пользуется только

одинъ городъ. Очень понятна отсюда холодность, отчужденіе территоріи и желаніе образовать свои центры, гдѣ бы она сама могла пользоваться политическими правами. Такъ, Псковъ и Торжокъ стремятся отдѣляться отъ Новгорода, но только первый успѣваетъ въ этомъ, тогда какъ втораго новгородцы силою заставляютъ подчиниться себѣ. Провинціи весьма часто не только не наслаждаются, но страдаютъ отъ такого политическаго устройства. Всѣмъ извѣстенъ историческій фактъ, что римскія провинціи вздохнули свободно, когда Августъ уничтожилъ римскую городскую республику и отнялъ у сената право распоряжаться провинціями. Какъ ни сильны могутъ быть злоупотребленія властью чиновниками, посылаемыми для управленія провинціей центральными государями, но они едва-ли могутъ сравниться съ той анархіей, которая вытекаетъ изъ централизаціи всей власти въ рукахъ городскаго вѣча.

Новгородецъ въ стѣнахъ города былъ лицемъ весьма ограниченнымъ; всякое злоупотребленіе его властью легко могло быть наказано судомъ вѣча. Но новгородецъ за стѣнами города, въ особенности по отношенію къ инородцамъ, былъ лицо, могущее дѣлать безъ отвѣта что ему угодно. Факты, приведенные мною въ началѣ этаго отдѣла, ясно показываютъ, что въ управленіи областями, въ особенности населенными инородцами, не было никакого порядка. Толпа новгородцевъ, подъ предводительствомъ какого-нибудь удальца, чиновника вѣча, собирала дань и, конечно, не столько доставляла ее вѣчу, сколько сама пользовалась этою данью. Спрашивается, могли-ли инородцы найти судъ и управу на злоупотребленія властью этихъ сборщиковъ дани? Едва-ли. Они были соединены узами крови и знакомства съ другими семьями, заправлявшими вѣчемъ, и, конечно, всякая жалоба на нихъ была бы безполезной тратой времени. Новгородскіе промышленники и купцы, отправлявшіеся для торговли въ волость инородцевъ, едва-ли когда поступали какъ торговцы; они пользовались при случаѣ и своею физическою силой; не даромъ пѣсни воспѣваютъ ихъ какъ богатырей; и

опять-таки всякія жалобы на этихъ лицъ вѣчу были бы безполезны; такъ что новгородское городское устройство едва-ли пользовалось когда-либо популярностью въ провинціяхъ; провинціи составляли всегда самое больное мѣсто республики, на которое врагъ долженъ былъ обратить свое первое вниманіе, что и указываетъ исторія Іоанна III.

Таковы общіе недостатки, вытекающіе уже изъ сущности самой формы городской республики.

Посмотримъ теперь на частные недостатки новгородскаго устройства.

Новгородъ не прошелъ періода господства аристократіи, какъ это видно изъ сейчасъ разсмотрѣнной нами исторіи. Родовое устройство, изъ котораго въ древнихъ республикахъ выработались аристократическія учрежденія, какъ римскій сенатъ, спартанская герусія и аѳинскій совѣтъ аристократовъ, не пустило въ началѣ никакихъ корней и было остановлено въ своемъ развитіи абсолютною властью князей. Затѣмъ, въ періодъ отъ 1117 до 1135 года, новгородское вѣче, прямо уже какъ демократическое собраніе, пріобрѣтаетъ верховную власть. Въ результатѣ оказалось, такимъ образомъ, что между княземъ съ посадникомъ и народомъ не было никакого посредствующаго учрежденія, какъ сенатъ, герусія, совѣтъ 500, ареопагъ,—учрежденія, состоящаго изъ меньшаго числа членовъ, чѣмъ вѣче, но число членовъ котораго все-таки было бы на столько значительно, чтобы оно могло пользоваться довѣріемъ народа и руководить его дѣйствіями. При недостаткѣ такого учрежденія, князь и посадники были, въ сущности, властями безконтрольными. Если они были въ согласіи, то могли почти дѣлать что имъ угодно, такъ какъ вѣче, очевидно, не могло за всѣмъ слѣдить; если они были въ раздорѣ, то не было другаго средства излечить зло, кромѣ изгнанія князя или посадника. Наконецъ, авторитетъ и довѣріе одного лица, какимъ бы уваженіемъ оно ни пользовалось, относительно слабы и не могутъ быть сравниваемы съ авторитетомъ собранія. При недостаткѣ такого собранія, которое могло бы руководить народнымъ мнѣніемъ, новгород-

ская демократія, предоставленная самой себѣ, конечно, часто впадала въ ошибки, увлеченія, и весь строй государства подвергался частымъ колебаніямъ. Какъ скоро довѣріе къ князю слабѣло, въ новгородскихъ учрежденіяхъ не было никакого другаго средства, чтобъ поправить дѣло, какъ казнить князя и пріискать новаго, который бы пользовался полнымъ довѣріемъ. Эта необходимость любимаго князя составляетъ коренной недостатокъ новгородскихъ учрежденій, вызывавшій частыя революціи. Еслибъ въ Новгородѣ былъ сенатъ или герусія,—словомъ, какое бы то ни было учрежденіе, пользовавшееся довѣріемъ народа,—оно могло бы контролировать князя и посадника, и тогда многія изъ новгородскихъ революцій сдѣлались бы совершенно излишними.

Наконецъ, третій недостатокъ новгородскаго устройства заключался въ отсутствіи правильно организованнаго суда по политическимъ преступленіямъ. Мы не знаемъ, сопровождался-ли судъ народнаго вѣча какимъ-либо формальнымъ процессомъ, да едва-ли такой процессъ и возможенъ; едвали цѣлое вѣче когда-либо было въ состояніи цѣлые дни собирать и взвѣшивать факты. Судъ народнаго вѣча, по необходимости вещей, былъ часто вспышкой гнѣва раздраженнаго властелина, пренебрегающаго судебными формальностями; а для обвиняемыхъ все равно, было-ли этимъ властелиномъ одно лицо, или цѣлое вѣче. Гнѣвъ и ярость сильнаго собранія были болѣе опасны для обвиняемаго, чѣмъ даже гнѣвъ одного лица. Судоустройство всегда составляло подводный камень городскихъ республикъ,—зло, размѣры котораго всѣми силами старались уменьшить великіе законодатели Греціи и Рима. Въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ, какъ вѣче, и именно его низшіе слои, воспользуются правомъ суда, для того, чтобы дѣлить имущество богатыхъ, или брать съ нихъ богатую контрибуцію. Это зло народнаго демократическаго суда составляло видную черту и древнихъ городскихъ республикъ. Аристотель, въ главѣ о мѣрахъ поддержанія демократіи, обращаетъ вниманіе на это зло, какъ на самое важное. „Въ наше время, говоритъ Аристотель, мно-

гіе демагоги, угождая народу, дѣлаютъ въ его пользу, посредствомъ суда, большія конфискаціи, но люди, заботящіеся о сохраненіи политическаго устройства, очевидно, должны дѣйствовать совершенно иначе; именно, они должны узаконить, что имущество лицъ, обвиняемыхъ судомъ, имущество, конфискованное въ пользу общества, нисколько не принадлежитъ лично самому народу, но должно быть употреблено на дѣла религіозныя. Такая мѣра ничуть не менѣе будетъ удерживать отъ противузаконности, потому что лица, поступающія незаконно, все равно будутъ подлежать взысканію, а между тѣмъ толпа, не имѣя въ виду получить что-нибудь, менѣе будетъ чувствовать охоты принуждать своими псифизмами подсудимыхъ къ наказанію. Кромѣ того, всегда должно стараться о томъ, чтобы къ суду народъ обращался какъ можно рѣже; средствомъ для того можетъ служить большой штрафъ на тѣхъ, которые сдѣлаютъ неправильное обвиненіе, что случается нерѣдко, потому что обвиненію въ этихъ судахъ обыкновенно подлежатъ не приверженцы народа, но люди знатные" (Полит., стр. 306).

Таковы недостатки новгородскаго политическаго устройства. Достоинство же его заключается въ общемъ свойствѣ таковыхъ учрежденій, которыя развиваютъ духъ предпріимчивости, смѣлости и будятъ въ человѣкѣ сознаніе его личнаго достоинства. Перейдемъ теперь къ подробностямъ новгородскаго устройства и управленія.

Въ этотъ же періодъ времени, столь богатый политическими событіями, совершилась и организація новгородскаго городскаго устройства и управленія.

При Всеволодѣ мы уже застаемъ въ Новгородѣ дѣленіе на сотни; но, спрашивается, когда образовалось это дѣленіе. Очень вѣроятно, что въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Россіи, дѣленіе на сотни явилось очень рано, при паденіи родоваго быта, но съ тѣмъ только различіемъ, что только городъ раздѣлился на сотни, тогда какъ въ области волости раздѣлились не на сотни, а на погосты. Но утверждать это положительно невозможно; во всякомъ случаѣ, во вто-

ромъ періодѣ новгородской исторіи (1019—1135) это раздѣленіе, рано или поздно, но совершилось. Дѣленіе на сотни въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Россіи могло служить первоначально для военной организаціи, и затѣмъ сдѣлаться основаніемъ и гражданской. Существованіе сотенъ предполагаетъ тысячу и тысяцкаго,—должность, которая въ остальной Россіи дѣйствительно уже существуетъ въ концѣ XI вѣка; точно также она существовала и въ Новгородѣ въ этотъ періодъ, первоначально, вѣроятно, съ тѣмъ же характеромъ, какъ и въ остальной Россіи, т. е. тысяцкихъ назначалъ князь, какъ начальниковъ земскаго ополченія; но съ измѣненіемъ значенія сотенъ измѣнилось значеніе и должность тысяцкаго, который дѣлается представителемъ черныхъ людей сотенъ, такъ какъ богатые граждане, кромѣ того, имѣли особую организацію. Если предполагать, что первоначально дѣленіе на сотни служило исключительно для военной организаціи, тогда можно думать, что и самые сотники первоначально назначались князьями. Но очень скоро военное значеніе этой организаціи отодвинулось на задній планъ, а гражданское выдвинулось впередъ, что повело къ преобразованію и въ устройствѣ сотенъ. Сотня сдѣлалась основной политической организаціей, сотникъ—выборнымъ представителемъ сотни; всѣ сотники вмѣстѣ—очень важными лицами, которыя, еслибы они образовали постоянный совѣтъ, то онъ бы могъ служить дѣйствительнымъ новгородскимъ сенатомъ. Но, къ сожалѣнію, о такой роли представителей сотенъ мы имѣемъ, какъ увидимъ ниже, только одно важное извѣстіе. Кромѣ сотенъ, Новгородъ раздѣлялся еще на 5 концовъ, и концы дѣлились на улицы, а потому весьма важно знать, появилось-ли то и другое дѣленіе одновременно, или, что также весьма вѣроятно, дѣленіе на концы было далеко позднѣйшаго происхожденія, или гораздо позднѣе получило политическое значеніе. Если справедлива догадка г. Малковскаго, что нѣкоторые концы явились еще во вторую половину XII столѣтія, то, можно думать, что въ разсматриваемый нами періодъ они вовсе не существовали и вся органи-

зація сосредоточивалась въ сотняхъ. Но даже если это было такъ, то мы все-таки не можемъ сообщить ничего болѣе, кромѣ сказаннаго, о томъ, въ какомъ отношеніи сотники были къ своей сотнѣ, какія дѣла они вѣдали. Можетъ быть сотни служили въ Новгородѣ той же цѣли, какъ и верви въ остальной Россіи; кромѣ того, сотники, можетъ быть, были полицейскими чинами сотенъ, судьями, сборщиками даней и служили представителями своихъ сотенъ у князя, какъ я скажу ниже. Кромѣ того, неизвѣстно, рѣшалъ-ли сотникъ дѣла сотни автократически, или, что болѣе вѣроятно, въ рѣшеніи участвовало вѣче сотни.

Кромѣ распредѣленія всего Новгорода на сотни, при Всеволодѣ установилась особая организація для торговаго сословія, для сословія купцовъ, которое, конечно, было важнѣйшимъ классомъ Новгорода. Эта организація примыкаетъ къ церкви Іоанна Предтечи на пескахъ. Организація торговаго сословія около церкви есть явленіе очень простое и естественное. Въ этотъ грубый вѣкъ, когда государственная власть была слаба, одно только нравственное вліяніе церкви было достаточно могущественно, чтобы внушить къ себѣ уваженіе. Церкви дѣлались хранительницами частныхъ сокровищъ, которыя помѣщались, какъ видно изъ лѣтописей, на особо устроенныхъ церковныхъ палатяхъ во Владимірѣ, а вѣроятно и въ Новгородѣ. Во время народныхъ движеній, сопровождавшихся грабежами домовъ и имуществъ, одна только церковь пользовалась достаточной безопасностью. Всѣ торговыя сдѣлки отчасти совершались на-вѣру и для совершенія ихъ тогда было гораздо болѣе нужно церковное вліяніе, чѣмъ мы это можемъ предполагать. Во Псковѣ Троицкій соборъ былъ положительно присутственнымъ мѣстомъ, въ ларѣ котораго хранились всѣ важнѣйшіе документы, относящіеся къ области всевозможныхъ торговыхъ сдѣлокъ. По Уставу Владиміра, церковь была хранительницею вѣсовъ и мѣръ, такъ что она здѣсь, такимъ образомъ, своимъ нравственнымъ авторитетомъ замѣняла контролирующую власть государства настоящаго времени. Всѣ эти при-

чины вмѣстѣ дѣлаютъ понятнымъ, почему организація торговаго класса находилась въ ближайшей связи съ церковью.

Время Устава можно опредѣлить довольно точно, по двумъ признакамъ, въ немъ самомъ заключающимся. Онъ былъ данъ во время посадничества Мирослава и послѣ построенія церкви Ивана на Петрятинѣ Дворище, которая тоже упоминается въ Уставѣ. Мирославъ получилъ посадничество въ 1126 году; церковь Ивана на Пятрятинѣ Дворище заложена въ 1127 году, а въ 1128 году посадничество получилъ Давидъ Дмитровичъ, слѣдовательно Уставъ могъ быть данъ въ промежутокъ между 1127 и 1128 годами.

По этому Уставу, у церкви Іоанна Предтечи было организовано особое учрежденіе, состоящее изъ представителей отъ всѣхъ новгородскихъ классовъ, въ большей или меньшей степени заинтересованныхъ въ торговлѣ Новгорода. Житьи, или зажиточные, и черные люди, организующіеся въ сотняхъ, имѣли здѣсь своимъ представителемъ тысяцкаго; торговыя и гостиныя сотни, на которыя, какъ видно, распадались торговые люди Новгорода, посылали сюда по старостѣ. Эти два старосты отъ торговыхъ людей и тысяцкій отъ черныхъ людей должны были „управливати всякія дѣла Иванскія, торговыя и частныя“ и вѣдали торговый судъ.

Весьма замѣчательно, что въ дѣла этой коллегіи трехъ лицъ не могли вмѣшиваться, по грамотѣ, ни посадникъ новгородскій, ни бояре; такимъ образомъ, торговый судъ былъ выдѣленъ изъ-подъ вѣденія новгородской администраціи и вліятельныхъ лицъ новгородскаго общества. Явленіе въ высшей степени важное и многознаменательное. Всякій, желающій пользоваться правами новгородскаго „пошлаго“. т. е. старшинаго купца, обязанъ былъ представить 50 гривенъ, изъ которыхъ половина оставалась при церкви, а другую раздѣляли между собою старые купцы, принимая въ свою среду новаго собрата. Всякій, не вложившій 50 гривенъ серебра, не имѣетъ права считаться пошлымъ купцемъ.

„А пошлымъ купцамъ, сказано въ Уставѣ, идти имъ

отчиною и складомъ", то есть сыновья пошлыхъ купцевъ имѣли право носить этотъ титулъ, не внося новаго вклада. Такимъ образомъ, всѣ пошлые купцы составляли особую корпорацію; но какую цѣль имѣла эта корпорація, какія права получалъ новгородецъ, становясь пошлымъ купцемъ,—объ этомъ нельзя сказать съ точностью. Весьма естественно, что пошлые купцы пользовались большимъ довѣріемъ и, слѣдовательно, имѣли большой кредитъ; можетъ быть, они имѣли и круговую поруку, потому что иначе какой же бы смыслъ имѣлъ взносъ 25 гривенъ для старыхъ купцевъ. Это назначеніе должны были имѣть и тѣ 25 гривенъ, которыя оставались въ церкви и, вѣроятно, служили обезпеченіемъ кредиторамъ, въ случаѣ несостоятельности купца; деньги могли идти кредиторамъ, а самъ купецъ исключиться изъ пошлыхъ купцевъ. Кромѣ того, какъ мы сейчасъ видѣли, пошлые купцы подлежали своему особому суду и къ нимъ могла примѣняться та статья Русской Правды, которая значительнымъ образомъ облегчаетъ уплату долговъ несчастному купцу,— льгота, которой не пользовались другіе должники.

При церкви Іоанна Предтечи, въ притворѣ, были мѣры и вѣсы; такъ какъ отъ вѣсовъ и мѣръ собирались пошлины, то всѣ торговыя люди, какъ корпорація, выбирали двухъ старостъ изъ числа пошлыхъ купцовъ, добрыхъ людей, которые производили вѣсъ. Изъ этихъ пошлинъ отъ вѣсовъ и мѣръ шло 25 гривенъ ежегодно князю и 25 гривенъ брали старосты. Церковь Іоанна Предтечи разъ въ годъ пышно и торжественно праздновала свой мѣстный праздникъ. Старосты иванскіе тогда должны были зажечь 70 свѣчей, приготовить темьянъ и ладонъ. Въ первый день праздника служилъ здѣсь владыка новгородскій и получалъ за это гривну серебра и сукно иноское; на другой день праздника служилъ архимандритъ Юрьева монастыря и получалъ полгривны серебра; на третій день служилъ игуменъ Антоніевскаго монастыря и получалъ тоже полгривны.

Такова была организація Новгорода. Эта организація имѣла нѣкоторое значеніе и въ отношеніи высшихъ представителей

власти въ Новгородѣ. Мы имѣемъ одно очень важное мѣсто въ Уставѣ Всеволода о церковныхъ судахъ. Вотъ это мѣсто: „я, князь Всеволодъ, увидя изъ греческаго Номоканона, что этихъ судовъ не подобаетъ судить ни князю, ни его дѣтямъ, ни его боярамъ, ни его шутамъ, а потому созвалъ десять сотскихъ, и старосту Болеслава, и барича Мирошку, и старосту Пванскаго Васиту, и посовѣтовавшись съ Владыкою и съ своею княгинею, съ своими боярами и съ десятью сотскими и старостами, далъ судъ и мѣрило, въ томъ же родѣ какъ въ Кіевѣ на торгу имѣетъ ихъ митрополитъ, такъ въ Новгородѣ пусть ихъ имѣютъ святая Софія, епископъ и староста иванскій и весь Новгородъ мѣрила торговыя и скалы вощаныя, лубы медовыя, гривну рублевую и локоть иванскій. Все это приказавъ святой Софіи и всему Новгороду моимъ мужамъ десяти сотскимъ: вы соблюдайте, а не соблюдете и вы сами дадите отвѣтъ въ день страшнаго суда.“

Это мѣсто чрезвычайно замѣчательно. Оно указываетъ, что члены дружины князей, или, что еще вѣроятнѣе, новгородскіе бояре, вмѣстѣ съ представителями житьихъ и черныхъ людей, то есть сотскими, составляли въ этомъ случаѣ совѣтъ князя и даже дѣлались блюстителями постановленій. Такой совѣтъ, еслибы онъ былъ учрежденіемъ постояннымъ, могъ бы значительно восполнять тотъ недостатокъ въ высшемъ учрежденіи, служащемъ посредникомъ между княземъ и вѣчемъ. Но, къ сожалѣнію, ни одинъ документъ не указываетъ на то, чтобы въ Новгородѣ существовало подобное учрежденіе, какъ постоянное. Въ самомъ дѣлѣ, довольно странно, что купцы, какъ мы видѣли выше, имѣли особое учрежденіе; житьи люди и черные люди имѣли свою организацію въ сотняхъ; почему же новгородское боярство не имѣетъ никакого организованнаго учрежденія, въ которомъ бы сосредоточивалась его сила? По логикѣ новгородскихъ учрежденій, они бы должны были имѣть особую корпорацію; но, съ другой стороны, о существованіи такой корпораціи нѣтъ данныхъ. Очень вѣроятно, что новгородскіе бояре, какъ лица вліятельныя, часто призывались княземъ на совѣтъ, но также

вѣроятно, что они не имѣли особаго учрежденія, значеніе котораго въ государствѣ было бы точно опредѣлено.

Наконецъ, намъ остается сказать о правахъ и обязанностяхъ князя и посадника, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и отношеніяхъ обоихъ къ народному вѣчу,—верховной власти Новгорода.

До того момента, когда вѣче начинаетъ пріобрѣтать власть, то есть до начала царствованія Всеволода, князь въ Новгородѣ былъ такимъ же автократомъ, какъ и въ остальной Россіи. Онъ былъ военноначальникомъ, судьею и управителемъ; онъ назначалъ посадниковъ или тіуновъ въ волости. Въ самой грамотѣ, по которой новгородцы изгоняютъ Всеволода, они говорятъ, что изгоняютъ его за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы заниматься судомъ и управленіемъ, занимался охотой; слѣдовательно, и тогда новгородцы считали эти обязанности прерогативами князя. Но съ того момента какъ вѣче пріобрѣтаетъ вліяніе, стремится сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, съ тѣхъ поръ какъ оно ставитъ рядомъ съ княземъ посадскихъ,—его власть мало-по-малу съуживается, изъ автократа князь дѣлается только главнымъ лицомъ города. Свою власть онъ отнынѣ долженъ дѣлить съ вѣчемъ и его представителемъ — посадникомъ; отчасти, какъ мы видѣли выше, онъ самъ отказывается отъ своихъ прерогативъ и отдаетъ торговый судъ коллегіи, независимой отъ посадника, а потому, конечно, независимой отъ князя. Право предводительствовать войскомъ, вѣроятно и теперь, какъ прежде, находилось въ рукахъ князя; но совершенно иное должно сказать о другихъ правахъ. Конечно, вопросы о походахъ, вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались теперь вѣчемъ, и князь, по собственному произволу не могъ задумать ничего; одною изъ причинъ изгнанія Всеволода было то, что въ этихъ вопросахъ онъ хотѣлъ быть самостоятельнымъ. Право назначать посадниковъ доселѣ было въ рукахъ князя; но мы видѣли выше, что въ 1132 году новгородское вѣче заявило претензію назначить посадниковъ и въ пригороды. Судебная власть доселѣ была

въ рукахъ князя, и онъ дѣлилъ ее только съ представителями церкви, по причинамъ, указаннымъ выше. Но теперь эта полнота судебной власти также значительно съуживается.

Прежде всего вѣче пріобрѣло себѣ право суда по политическимъ преступленіямъ. На этотъ судъ вѣча Мстиславъ смотрѣлъ еще какъ на незаконную узурпацію, но тѣмъ не менѣе, эта прерогатива вѣча была имъ удержана. И дѣйствительно, безъ права суда по политическимъ преступленіямъ вѣче не имѣло бы верховной власти, которой оно искало. Самъ князь добровольно уступилъ торговый судъ представителямъ торговаго сословія. Тысяцкій, какъ представитель черныхъ людей, судя по позднѣйшимъ даннымъ, также имѣлъ право суда. Такимъ образомъ, судебная власть князя, и теперь составляющая его главную обязанность, была имъ раздѣлена съ нѣкоторыми другими органами общества. Но и оставшуюся судебную власть князь, конечно, долженъ былъ дѣлить съ посадниками.

Отношеніе князя къ посаднику оставалось довольно неопредѣленное и въ позднѣйшія эпохи и, конечно, было еще неопредѣленнѣе теперь, когда посадники только еще показались, не пріобрѣли надлежащаго авторитета и давности.

Посадникъ былъ довѣренное лицо Новгорода и, конечно, могъ сдѣлать князю непріятности, а слѣдовательно, князь долженъ былъ жить съ нимъ по возможности въ мирѣ и совѣтоваться о дѣлахъ. Но болѣе этого общаго положенія едвали что-нибудь можно сказать.

Точно также осталось недокончennой и неопредѣленной организація самаго важнаго элемента новгородской жизни — новгородскаго вѣча. Существовали-ли сроки, въ которые бы постоянно собиралось вѣче, властелинъ Новгорода, для обсужденія текущихъ дѣлъ? На это нѣтъ прямыхъ данныхъ, но можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что оно не имѣло такихъ опредѣленныхъ сроковъ. Если не было опредѣленныхъ сроковъ, то, спрашивается, кто же созывалъ вѣче? Конечно, князь, когда ему нужно было посовѣтоваться съ вѣчемъ или предложить ему походъ, или другую какую-ни-

будь важную мѣру, могъ созывать вѣче, и конечно созывалъ его. Могъ-ли созывать вѣче посадникъ безъ князя? Едва-ли de jure это было опредѣлено, но de facto конечно созывъ посадника и его приглашеніе имѣли постоянный успѣхъ; какъ представитель вѣча, посадникъ долженъ былъ болѣе или менѣе часто, въ важныхъ случаяхъ обращаться къ нему. Наконецъ, простое частное лицо, еслибы оно рѣшилось зазвонить въ вѣчевой колоколъ, также могло бы созвать вѣче и, конечно, въ такомъ случаѣ, за напрасный созывъ, могло отвѣчать предъ вѣчевымъ судомъ. Кто имѣлъ право быть на вѣчѣ и какъ рѣшались на немъ дѣла? Въ этихъ вопросахъ, по общему мнѣнію, новгородское вѣче ничѣмъ не разнилось отъ вѣчей и въ остальныхъ нашихъ центрахъ, т. е. что присутствовать на немъ имѣли право всѣ свободные жители территоріи и дѣла рѣшались или единодушно, или тоже такимъ подавляющимъ большинствомъ, какъ и въ другихъ племенныхъ центрахъ. Нечего и говорить, что остальныя подробности устройства самого вѣча намъ почти неизвѣстны, да едвали и было какое-либо устройство въ эту пору, когда только что начиналась вѣчевая жизнь.

Переходимъ къ третьему и послѣднему періоду новгородской исторіи въ разсматриваемую нами эпоху. Въ этотъ періодъ, продолжавшійся сто лѣтъ (1135—1237), новгородское устройство сдѣлало еще нѣсколько шаговъ на пути своего развитія, но и въ этотъ же періодъ выказались всѣ слабыя стороны этого устройства, указанныя нами выше.

Въ теченіе этого короткаго періода въ 102 года, въ Новгородѣ было 38 княженій, если считать вторичное и третичное княженіе одного и того лица за самостоятельное княженіе, такъ что средняя продолжительность княженія по этому счету не составляетъ и полныхъ трехъ лѣтъ (2 года 9 мѣсяцевъ). Новгородцы брали себѣ князей изъ дома Святослава и изъ потомковъ Владиміра, въ лицѣ его двухъ особыхъ колѣнъ: потомковъ Юрія, князей суздальскихъ, и потомковъ Мстислава и Ростислава. Но по числу лѣтъ княженія и числу князей, самымъ любимымъ торжествомъ было въ

Новгородѣ потомковъ Мстислава и Ростислава, которые занимали столько же лѣтъ, сколько и обѣ другія отрасли вмѣстѣ. Это, впрочемъ, весьма понятно; новгородская конституція уже сложилась почти, какъ обокъ съ Новгородомъ образовалось сильное княжество, которое всѣми силами старалось овладѣть Новгородомъ. Чтобы выдти изъ этого опаснаго сосѣдства, новгородцы стремились приглашать князей болѣе отдаленныхъ областей—смоленской, кіевской, черниговской, изъ враждебныхъ суздальскимъ князьямъ домовъ. Только нужда заставила новгородцевъ отдавать свой столъ родственникамъ суздальскихъ князей, потому что это было очень опасно для новгородской свободы и самостоятельности, такъ что изъ 102 лѣтъ этаго періода суздальскіе князья занимаютъ не болѣе одной трети лѣтъ.

Въ силу этого опаснаго сосѣдства, въ теченіе этаго періода Новгородъ нѣсколько разъ стоялъ на краю пропасти. Въ 1167 г. Андрей Боголюбскій съ смолянами и поляками выжегъ Новый торгъ и Луки, занявъ всѣ пути отъ Новгорода на югъ, такъ что новгородцы не могли получить князя. Въ 1216 году новгородская свобода и самостоятельность висѣли, можно сказать, на волоскѣ, и только великимъ талантамъ и мужеству Мстислава новгородцы обязаны своей свободой. Въ 1224 году Всеволодъ III требовалъ у Новгорода выдачи семи его гражданъ, иначе грозилъ напоить своихъ коней Волховомъ, но новгородцы отказались и рѣшились умереть за святую Софію. Всякій разъ, какъ только начинались распри, въ Новгородѣ начинался хлѣбный вопросъ, который всегда былъ существеннымъ для этого государства, живущаго торговлей. Кромѣ неотпуска хлѣба, князья могли и другимъ способомъ давить новгородцевъ: они захватывали ихъ купцовъ, которыхъ во всякое время было много внѣ Новгорода. Такимъ образомъ, только соперничество между князьями спасало новгородскую свободу.

Въ теченіе этаго же періода смѣнилось 43 посадничества, такъ что среднее посадничество еще менѣе средняго княжества (2 год. 4 мѣс.); но между тѣмъ, какъ новгород-

скіе князья избирались изъ различныхъ домовъ, посадниковъ новгородцы выбирали въ незначительномъ кругу аристократовъ, такъ какъ тѣ же имена и прозванія весьма нерѣдко повторяются.

Разсмотримъ важнѣйшія происшествія этого времени, рисующія состояніе и развитіе новгородскихъ учрежденій.

„Подъ 1136 и 37 годами, во время княженія Святослава Ольговича черниговскаго, совершились событія, характеризующія политическую жизнь Новгорода. Въ этомъ году вѣчевымъ судомъ былъ убитъ и низвергнутъ съ моста нѣкто Юрій Ярославичъ и одинъ изъ „милостниковъ“ Всеволода покушался на жизнь князя. Въ 1137 году посадникъ Константинъ убѣжалъ къ Всеволоду и съ нимъ нѣсколько другихъ зажиточныхъ мужей. На вѣчѣ посадничество въ Новгородѣ отдали Якуну Мирославичу. Въ это время Всеволодъ получилъ тайное приглашеніе отъ нѣкоторыхъ новгородцевъ и псковичей и отправился во Псковъ; но едва узнали въ Новгородѣ объ этомъ, всталъ мятежъ; сторонники Всеволода должны были бѣжать, а домы ихъ были разграблены. На всѣхъ сторонниковъ Всеволода было взято полторы тысячи гривенъ и отданы для приготовленія къ войнѣ“.

Это извѣстіе, какъ оно ни сухо и ни лишено яркихъ подробностей, обличаетъ въ Новгородѣ страшную борьбу партій. Сторонники Всеволода, составлявшіе, какъ видно, меньшинство, не пренебрегали никакими средствами, даже покушались на жизнь князя. За то ихъ противники не жалѣли каръ судебныхъ и даже конфискаціи имущества. Только одно говоритъ въ пользу нѣкоторой легальности этой борьбы, что конфискованныя деньги шли на общественное дѣло.

Подъ 1141 годомъ мы встрѣчаемъ событіе весьма характеристическое. „Въ это время, говоритъ лѣтопись, Всеволодъ Ольговичъ, княжа въ Кіевѣ, прислалъ въ Новгородъ за княжившимъ тамъ братомъ его Святославомъ, предлагая новгородцамъ своего сына. Новгородцы согласились, но просили подождать его прихода. Святославъ, думая, что новгородцы хитрятъ съ нимъ, рѣшился тайно бѣжать съ однимъ новго-

родцемъ, Якуномъ. Но Якунъ былъ пойманъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Прокопіемъ, и новгородцы (на вѣчѣ) едва не убили его до смерти, обнажили его, какъ мать родила, и свергли съ моста; но Богъ избавилъ его: онъ приплылъ къ берегу, и больше его не били, а взяли у него 1,000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, какъ и у многихъ другихъ. Якуна, вмѣстѣ съ братомъ, заточили въ Чудь, приковавъ руки къ шеѣ. Оттуда взялъ ихъ къ себѣ Юрій и держалъ ихъ у себя въ милости. Всеволодъ Ольговичъ разгнѣвался, захватилъ пословъ, отправленныхъ новгородцами къ его сыну, и новгородцы сидѣли безъ князя 9 мѣсяцевъ. Новгородцы призвали изъ Суздаля Судилу, Нѣжату, Страшка, которые бѣжали изъ Новгорода отъ Святослава, и дали въ Новгородѣ посадничество Судилѣ. Потомъ новгородцы отправили за княземъ Юріемъ въ Суздаль, но онъ не пошелъ, а послалъ сына своего Ростислава, который былъ здѣсь прежде".

Изъ этого извѣстія можно съ достовѣрностью заключить, что какъ суздальскіе князья, такъ и кіевскіе, имѣли въ Новгородѣ своихъ приверженцевъ, преимущественно между аристократіей, могущей разсчитывать на мѣста посадниковъ въ городѣ и пригородахъ.

Одинъ приходъ Святослава Ольговича въ Новгородѣ заставилъ бѣжать въ Суздаль Судилу, Нѣжата, Страшку; какъ только новгородцы захотѣли пригласить на княженіе суздальскаго князя, они тотчасъ же избрали посадникомъ Судилу, который посадничалъ три года (отъ 1141 — 1144). Съ другой стороны, какъ только смѣнился Святославъ Ольговичъ, съ нимъ бѣжитъ и его посадникъ Якунъ. Внѣ сомнѣнія, что Якунъ, выбѣжавъ съ княземъ, сталъ бы тайно интриговать, какъ, вѣроятно, интриговали Судила и Нѣжата, и новгородцы самую попытку бѣгства разсматривали какъ политическое преступленіе. Но за то не можетъ быть никакого оправданія теперь въ денежномъ штрафѣ, который наложили новгородцы и который они, вѣроятно, раздѣлили между со-

бою. Такіе примѣры очень опасны для народныхъ правительствъ.

Эти же факты отношеній между княземъ и посадникомъ видны и изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1160 году новгородцы схватили и отправили въ Ладогу своего князя Святослава Ростиславича, посадивъ въ тюрьмы его дружину, и приняли къ себѣ княземъ Мстислава Ростиславича, внука Юрія. Въ ту же зиму было отнято посадничество у Нѣжаты. Въ слѣдующемъ 1161 году Святославъ былъ снова призванъ, „на всей его волѣ“, и посадничество было отнято у Нѣжаты и отдано Захарью. Въ 1167 году Святославъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Луки и оттуда прислалъ сказать новгородцамъ: „не хочу у васъ княжить“. Новгородцы (на вѣчѣ) цѣловали Св. Богородицу, что они всѣ также не хотятъ его, и пошли прогнать его съ Лукъ. Но Святославъ не довольствовался этимъ; онъ хотѣлъ, съ помощью родни, отнять у новгородцевъ возможность пригласить другаго князя, и занялъ всѣ пути. Новгородцы убили (конечно, на вѣчѣ) Захарью посадника, Неревина и Нѣзду бирюча за то, что они пересылаются съ княземъ.

Въ 1171 году въ Новгородъ пришелъ на княженіе Рюрикъ Ростиславичъ, а въ слѣдующемъ году онъ отнялъ посадничество въ Новгородѣ у Жирослава и выгналъ его изъ города. Жирославъ бѣжалъ въ Суздаль къ Андрею Боголюбскому, а въ Новгородѣ посадничество отдали Ивану Захарьичу. Но въ ту же зиму Рюрикъ вышелъ изъ Новгорода и новгородцы послали къ Андрею просить у него князя, а Жирославъ избранъ посадникомъ.

Всѣ эти факты до очевидности указываютъ, что князь и посадникъ въ Новгородѣ, по самой сущности новгородскихъ учрежденій, должны быть въ мирѣ, иначе было бы невозможно дѣйствовать ни тому, ни другому. Отсюда у каждаго княжескаго дома есть свои приверженцы, которые тотчасъ дѣлаются посадниками, какъ скоро тѣ дѣлаются князьями. Но выгодно-ли это было для новгородцевъ? Новгородская

исторія этой эпохи представляетъ два яркіе примѣра невыгодъ этого положенія.

Подъ 1209 годомъ лѣтописецъ заноситъ одно изъ самыхъ ужасныхъ событій новгородской исторіи. „Новгородцы, пришедше къ Новгороду (изъ Чернигова), сотворили вѣче на посадника Дмитра и на братью его: они повелѣли на новгородцахъ брать серебро, а по волостямъ сбирать куны, отъ купцовъ брать виру дикую и повозы возить. Новгородцы пошли на дворы ихъ грабежемъ, дворъ Мирошкинъ и Дмитрія зажгли, села ихъ и челядь распродали, захватили безчисленное количество награбленныхъ сокровищъ и остатки роздали по жребію, по 3 гривны всему городу. А кто что схватилъ тайно, того Богъ вѣдаетъ, и отъ того многіе разбогатѣли. Все, что у посадника было на доскахъ (т. е. долги), отдали князю. Въ томъ же году привезли Дмитра Мирошкиничя мертваго изъ Владиміра и погребли у св. Георгія въ монастырѣ; новгородцы хотѣли его свергнуть съ моста, но это запретилъ имъ дѣлать архіеп. Митрофанъ. И цѣловали новгородцы св. крестъ, чтобы не желать никогда (на посадничество) дѣтей Дмитровыхъ".

Это событіе весьма замѣчательно. Въ 1205 году въ Новгородѣ княжилъ сынъ Всеволода, Святославъ. Въ этомъ же году въ Новгородъ отправилъ пословъ самъ Всеволодъ и сказалъ: „въ землѣ вашей рать ходитъ, а сынъ мой Всеволодъ малъ, я даю вамъ старшаго сына Константина. Едва пріѣхалъ Константинъ, какъ новгородцы смѣнили прежняго посадника, конечно, по просьбѣ Константина, и дали посадничество Дмитру Мирошкиничю. Въ 1207 году новгородцы помогали Всеволоду въ его походѣ на Черниговъ и, конечно, жаловались на своего посадника, потому что Всеволодъ, по лѣтописи, сказалъ: „кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните". Посадникъ Дмитръ, узнавъ объ этомъ, и къ тому же раненый, остался въ Суздалѣ и съ нимъ лучшихъ семь мужей. Новгородцы, отправившись въ Новгородъ, совершили вышеприведенную казнь. Всѣ эти факты до очевидности убѣждаютъ, что посадникъ Дмитръ, разсчитывая на связи съ

Константиномъ, распоряжался совершенно произвольно въ Новгородѣ. Онъ, какъ видно, безъ согласія вѣча ввелъ новую подать и въ городѣ и въ волостяхъ; въ противность Русской Правды, взыскивалъ дикую виру на купцахъ, хотя тѣ, вѣроятно, не были вкладчиками, и дѣлалъ другія административныя злоупотребленія, съ цѣлью вымогательства денегъ, „все зло“ по лѣтописи. Въ 1208 году, на княжескомъ дворѣ, по приказанію Бориса Мирошкинича, вѣроятно, его брата, былъ убитъ безъ вины какой-то Олекса Сбыславичь. Громадныя суммы, которыя нашлись у Дмитра, едва-ли понятны безъ страшныхъ административныхъ злоупотребленій, что подтверждаетъ и присяга новгородцевъ: не брать болѣе его дѣтей въ посадники. Вотъ къ какимъ страшнымъ злоупотребленіямъ могли вести связи посадника съ княземъ; новгородцы вышли изъ себя, потому что эти злоупотребленія выходили совершенно изъ границъ возможности. Что причиной этихъ поступковъ Дмитра были связи съ княземъ, это подтверждается словами князя Мстислава Мстиславича: „пришелъ къ вамъ, слышавъ насилье отъ князей, и жаль мнѣ стало отчины своей“. Въ Новгородѣ въ это время княжилъ уже не старшій сынъ Всеволода, Константинъ, а младшій, Святославъ. Очевидно, что Константинъ уже не рѣшился поѣхать опять въ Новгородъ. Но братъ его Святославъ поддерживалъ его партію и его политику, такъ что Мстиславъ Мстиславичъ едва вошелъ въ новгородскую область и изымалъ посадника и дворянъ Святославовыхъ (Новг. I, стр. 31).

Въ 1218 году мы встрѣчаемъ явленія другаго порядка, имѣющія также громадную важность. „Во время зимы, изъ Новгорода, говоритъ лѣтопись, побѣжалъ Матвѣй Душилъцевичъ; новгородцы догнали его и привели на дворъ князя въ Городище; по городу пошли слухи, что будто бы Твердиславъ (посадникъ) выдалъ князю Матвѣя. Они, половцы, зазвонили вѣче у святаго Николы, а Неревскій конецъ у святыхъ 40 мучениковъ; князь, услыхавъ, что въ городѣ мятежъ, отпустилъ Матвѣя. Они, половцы и неревляне, воору-

жившись, пали на Твердислава; Людинъ конецъ и пруссы встали за Твердислава, загородцы остались нейтральными Твердиславъ, воззря на св. Софію, сказалъ: „если я виноватъ, то я умру; если же я правъ, то оправь меня Ты, Господи!“ Началась битва, отчего на той и другой сторонѣ пало нѣсколько убитыми и много раненыхъ; по дьяволъ былъ попранъ, а Богъ и св. Софія возвеличены. Князь Святославъ прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать: „не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество“. Новгородцы спросили: „какая за нимъ вина?“ „Безъ вины“, отвѣчалъ князь. Твердиславъ сказалъ вѣчу: „я радъ, что на мнѣ нѣтъ вины; а вы, братья, вольны въ князьяхъ и посадникахъ“. Новгородцы послали сказать князю: „если за нимъ нѣтъ вины, то зачѣмъ ты преступаешь присягу, чтобъ безъ вины мужа (волости) не лишать; мы тебѣ кланяемся: посадникъ нашъ, и мы его тебѣ не дадимъ; и былъ миръ“. Но въ 1220 году вложилъ діаволъ въ сердце князя на Твердислава безъ вины; и пошелъ князь съ городища, окруженный дворомъ своимъ, на Твердислава, но за Твердислава встали въ оружіе пруссы, Людинъ конецъ и загородцы; видя это, Всеволодъ возвратился домой. Владыка помирилъ князя съ Твердиславомъ. Послѣдній отказался отъ посадничества и ушелъ въ монастырь.

Въ разсказѣ объ этомъ событіи замѣчательны три факта: 1) заступничество новгородцевъ за своего гражданина противъ князя и посадника; 2) междоусобная война вслѣдствіе различія мнѣній, когда вѣче раздѣлялось почти поровну; 3) отношеніе князя къ посаднику и отношенія новгородцевъ къ князю и посаднику.

Заступничество новгородцевъ за своего гражданина показывало, что новгородцы, въ лицѣ своихъ двухъ концевъ, были вполнѣ убѣждены, что князь и посадникъ, сговорясь вмѣстѣ, злоупотребляютъ своею властью противъ одного новгородца, и они единодушно возстали на его защиту. Но изъ самаго разсказа видно, что злоупотреблялъ властью князь, безъ вѣдома посадника. Вѣроятно, что Матвѣй былъ жите-

лемъ однаго изъ концевъ, заступившихся за него. Вообще, эта ревность дѣлаетъ честь гражданскому чувству новгородцевъ.

Но очень печально второе событіе, а именно, что, по одному пустому слуху, безъ суда, два конца пошли низвергать посадника и, вѣроятно, грабить домъ его. Это указываетъ снова на недостатокъ организованнаго суда, которому должны бы ввѣрить дѣло новгородцы. Въ силу отсутствія суда, а также въ силу отсутствія правильныхъ рѣшеній, посредствомъ большинства голосовъ, разногласіе вело прямо къ гражданской войнѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь видна самая слабая сторона новгородскаго устройства.

Но въ высшей степени отраденъ третій фактъ. Онъ показываетъ, что князья уже въ это время приносили присягу не смѣнять безъ вины правителей волостей. Въ силу этого положенія, князья не могли насажать въ посадники и судьи по волостямъ своихъ любимцевъ; за старыхъ посадниковъ, смѣняемыхъ безъ вины, встали бы новгородцы. Но относительно Новгорода, этотъ фактъ снова указываетъ на недостатокъ новгородскаго устройства: какъ скоро князь и посадникъ были не въ мирѣ, они не могли жить. Учрежденій, стоящихъ между княземъ и посадникомъ, между полномочнымъ министромъ Новгорода и народомъ – не было, а они, какъ я уже говорилъ выше, строго необходимы. По всему ходу дѣла видно, что Твердиславъ былъ человѣкъ безукоризненный; единственной его виной было то, что онъ не сходился съ княземъ.

Показавъ одну сторону новгородскаго устройства—отношеніе между княземъ и посадникомъ—посмотримъ на отношеніе между княземъ и вѣчемъ.

Въ 1148 году новгородцы выгнали Святополка, „злобы его ради“.

Въ 1154 году Ростиславъ ушелъ изъ Новгорода въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ своего сына Давида; но на сына вознегодовали новгородцы, „зане не сотвори имъ ряду, а болѣ раздора“, и показали ему путь.

Въ 1157 году была „котора зла“ въ людяхъ; встали на князя Мстислава Георгіевича и начали выгонять его изъ Новгорода; торговая же половина встала за него—мало не дошло до междоусобія. Мстиславъ бѣжалъ изъ города и черезъ три дня пришелъ другой князь.

Въ 1184 году новгородцы выгнали Ярослава Владиміровича, „зане много творяху пакости волости новгородской“.

Въ 1228 году новгородцы звали Ярослава въ Новгородъ слѣдующими словами: „поѣди, княже, забожницы отложи, суды по волости не мати; на всей воли нашей, на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь“. Вообще только про Святослава въ 1161 году лѣтопись говоритъ, что „новгородцы посадили на всей воли его“; о правахъ другихъ князей лѣтопись молчитъ, а начиная съ 1222 года новгородцы начинаютъ приглашать князей „на всей волѣ своей“. Очень вѣроятно, что съ этого времени новгородцы начали заключать съ князьями своими условіе на бумагѣ, хотя первый такой договоръ дошелъ до насъ отъ 1265 года.

Всѣ эти факты доказываютъ, что новгородское вѣче зорко смотрѣло за князьями и изгоняло ихъ, какъ скоро они не удовлетворяли его понятіямъ объ управленіи.

Въ чемъ же заключались права и обязанности князя? Если считать условія, записанныя въ первой дошедшей до насъ грамотѣ сложившимися уже прежде, какъ это видно изъ самой грамоты и фактовъ, приведенныхъ выше, то условія, на которыхъ новгородцы принимали князя, были слѣдующія:

1) Князь долженъ былъ держать Новгородъ по „пошлинѣ,“ то есть какъ „пошло“ изстари. Слѣдовательно, князь, безъ согласія вѣча, не могъ ни въ чемъ измѣнить установившагося порядка.

2) Князь не имѣлъ права раздавать волостей для суда и управленія безъ посадника. Это положеніе сложилось, какъ мы сейчасъ видѣли, уже въ 1228 году. Но едва-ли и князь вмѣстѣ съ посадникомъ, безъ согласія вѣча, всегда имѣли

раво раздавать, особенно главныя волости, какъ это мы видѣли въ прежней періодъ и какъ это видно и теперь изъ лѣтописи, подъ годами: 1177, 1180 и др.

3) Въ волости князь могъ ставить лишь новгородцевъ. Это постановленіе сдѣлано ввиду того, чтобы доходы отъ управленія шли чистымъ новгородцамъ, а не жителямъ другихъ областей, которыхъ привелъ бы съ собою князь.

4) Князь не имѣлъ права „безъ вины“ лишать волостей или смѣнять управителей волостей. Это постановленіе вполнѣ гарантировало независимость новгородскихъ головъ и есть одна изъ важнѣйшихъ особенностей новгородской конституціи.

5) Князь не имѣлъ права покупать въ собственность земель въ области новгородской, ни выводить въ свою землю новгородскихъ смердовъ. Очевидно, эта статья внесена подъ вліяніемъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, которые боялись, что если князь будетъ имѣть тамъ свои земли, то будетъ сманивать закуповъ изъ ихъ владѣній въ свои.

6) Дворяне князя не имѣли права брать подводъ у жителей области, исключая военныхъ извѣстій.

7) Князь имѣлъ опредѣленныя статьи дохода, на одной половинѣ Новгорода; въ Торжкѣ и Волжѣ князь держалъ своего тіуна, а слѣдовательно и бралъ въ свою пользу доходъ отъ суда съ этихъ волостей. Князь имѣлъ право осенью ѣздить въ Русу на звѣрей, то есть на охоту. Съ Ладоги князь получалъ опредѣленную часть рыбы и меда (С. Г. Г. и Д., т. I, № 1).

Такимъ образомъ, князь имѣлъ право высшаго надзора за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ Новгорода и „по винѣ“ могъ лишить ихъ мѣстъ. Такъ, князь Ярославъ въ 1215 году, заточилъ въ Тверь новоторжскаго посадника; Мстиславъ, въ 1217 году, конфисковалъ имѣніе Станилира, бывшаго, кажется, тоже посадникомъ (Новг. 1-я лѣт.). Новгородскія волости, по своему управленію; раздѣлялись на два рѣзко противуположные разряда: волости, находящіяся подъ управленіемъ и данью, куда Новгородъ отправлялъ своихъ посадниковъ, и волости, съ которыхъ новгородцы просто собирали

дань, какъ Печора, Югра и, въ этотъ періодъ, вѣроятно Заволочье. Въ первыхъ волостяхъ, какъ въ Псковѣ, въ Торжкѣ, Лукахъ и другихъ мѣстахъ, посадничали даже князья: такъ, въ 1177 году новгородцы посадили Мстислава въ Новгородѣ, Ярополка въ Новоторжскѣ и Ярослава въ Волоколамскѣ. Въ остальныя волости, населенныя инородцами, новгородцы посылали лишь данниковъ, какъ объ этомъ я говорилъ въ началѣ главы; такіе данники были болѣе или менѣе многочисленная и вооруженная толпа, которая даже могла вступать въ битвы, чему лѣтопись представляетъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ 1169 году Даньславъ отправился данникомъ за Волокъ съ 400 челов. дружины, и новгородскіе данники, встрѣтившись съ суздальскими, вступили съ ними въ бой. Болѣе сильныя волости, какъ Псковъ, Торжокъ, уже стремятся отдѣлиться отъ Новгорода, стать независимыми. Посадники въ своихъ областяхъ были судьями, управителями и воеводами.

Въ настоящую эпоху князь, какъ видно, потерялъ право располагать, безъ согласія вѣча, новгородскими землями отъ княженія Всеволода сохранились двѣ грамоты, по которымъ онъ лично даетъ Юрьеву монастырю земли, безъ согласія вѣча (Исторія Россійской Іерархіи, т. V, стр. 774). Но во время великокняженія Изяслава (1146 — 1155), вѣроятно въ то время, когда въ Новгородѣ княжилъ его сынъ и онъ самъ пріѣзжалъ туда, ни онъ, ни сынъ его не рѣшились дать грамоты Пантелеймонову монастырю на земли, а дали ихъ лишь съ согласія вѣча. Грамота читается такъ: „се язъ великій князь Изяславъ Мстиславичъ, по благословенію епископа Нифонта, испросивъ есми у Новгорода, далъ св. Пантелеймону село Витославичъ и смерды“ (Ист. Церк. Іерар., т. V, стр. 454).

Мы не имѣемъ данныхъ относительно финансоваго управленія Новгорода. Доходы государства и здѣсь состояли изъ даней, виръ, продажъ, какъ это видно изъ грамоты Святослава (Русс. Достоп., т. I, стр. 83). Эти три рода доходовъ шли, по грамотѣ, въ казну князя; слѣдовательно, посадники

и данщики получали лишь обыкновенный доходъ съ волостей, за исключеніемъ, вѣроятно, тѣхъ случаевъ, когда волости Новгородъ отдавалъ въ кормленіе князьямъ. Кромѣ того, князь получалъ, какъ мы видѣли выше, опредѣленное количество торговыхъ пошлинъ. Опредѣленіе количества дани, конечно, зависѣло отъ вѣча, хотя мы видѣли, что на это рѣшился и одинъ посадникъ, но былъ казненъ, слѣдовательно, онъ нарушилъ право или, вѣрнѣе, обычай Новгорода. Въ лѣтописи мы находимъ, что князь Михаилъ, въ 1229 году, освободилъ отъ даней, безъ согласія вѣча, смердовъ, перебѣжавшихъ съ чужихъ земель, а съ тѣхъ, кто жилъ и прежде въ Новгородѣ, уставилъ брать дань, „какъ уставили передніе князи". Можетъ быть, князь здѣсь обошелся безъ согласія вѣча, потому что онъ не прибавлялъ, а только освобождалъ отъ даней. Общественныя издержки, по лѣтописи, покрывались изъ конфискованныхъ имѣній политическихъ преступниковъ, но вѣроятно, вѣче налогало и сборы на эти цѣли; такъ, напримѣръ, издержки мощенія улицъ покрывались сборомъ съ жильцовъ, по Уставу Ярослава, а великій мостъ черезъ Волховъ строился на общественный счетъ.

Всего труднѣе относительно настоящей эпохи опредѣлить судебное устройство Новгорода. Князь имѣлъ верховное право суда уголовнаго; въ случаѣ убійства, внѣ сомнѣнія, вервь должна была заплатить виру въ тѣхъ случаяхъ, которые указаны въ Русской Правдѣ. Лѣтопись и въ эту эпоху упоминаетъ объ обществахъ дикой виры, слѣдовательно, и въ Новгородѣ былъ тотъ же порядокъ, какъ и въ остальной Россіи. Это же доказывается существованіемъ Русской Правды конца XIII столѣтія, написанной по повелѣнію новгородскаго князя, списокъ который ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ другихъ списковъ, такъ что можно сказать, что новгородское право ничѣмъ не разнилось отъ общерусскаго *).

*) Впрочемъ, въ договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами есть одна статья, которая показываетъ на разницу въ новгородскомъ правѣ съ общерусскимъ. Такъ, по договору, жена тогда только

Но новгородское судоустройство и судопроизводство, внѣ всякаго сомнѣнія, значительно рознилось отъ общерусскихъ учрежденій этаго рода. Торговый судъ, какъ мы видѣли выше, существовалъ отдѣльно и имѣлъ своихъ особыхъ представителей, но какія дѣла подлежали его суду? Судились-ли здѣсь только пошлые купцы, что очень вѣроятно, или и другія лица по торговымъ дѣламъ? Это неизвѣстно. Князь былъ источникомъ суда и верховнымъ надзирателемъ за всѣми административно-судебными чинами Новгорода. Но имѣлъ-ли право князь перерѣшать процессы, разобранные ими? Весьма вѣроятно. Присутствовалъ-ли кто-нибудь на судѣ у князя и посадниковъ? По духу новгородскаго устройства и по его позднѣйшимъ учрежденіямъ, о которыхъ мы знаемъ по судной грамотѣ, такое присутствіе также весьма вѣроятно.

Перейдемъ теперь къ организаціи Новгорода и его вѣча.

Ту власть, которую стремилось пріобрѣсти новгородское вѣче въ предшествующемъ періодѣ, оно не только сохранило, но это пріобрѣтеніе было признано князьями. Такъ, въ 1191 году, всѣ князья признали за новгородцами право, „гдѣ имъ любо туте собѣ князя поимаютъ“ (Новг. I, стр. 23). Въ 1209 году Всеволодъ призналъ за вѣчемъ новгородскимъ право суда надъ его преступниками, сказавъ „кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните“ (Тамъ-же, стр. 30). Великій князь Изяславъ проситъ у вѣча земли для монастыря.

Сами новгородскіе князья открыто признаютъ эту власть вѣча и всякій разъ испрашиваютъ его разрѣшенія, когда нужно сдѣлать походъ. Въ 1215 году Мстиславъ, собираясь оставить Новгородъ, созвалъ вѣче и говоритъ: „иду въ Русь по своимъ дѣламъ, а вы вольны въ князьяхъ.“ Вѣче несомнѣнно рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, назначаетъ посадниковъ въ главные города, имѣетъ право суда надъ своими гражданами, наблюдаетъ за княземъ чрезъ своего представителя-посадника. Только непосредственный надзоръ

отвѣчаетъ за долги мужа, когда она обязалась отвѣчать лично по договору (Андреевскій, О договорѣ Новгорода и Готландомъ).

за управленіемъ провинцій не лежитъ въ его правахъ въ эту эпоху. Но получивъ такую громадную власть, оно не достигло лучшей организаціи. Духъ законности не былъ властелиномъ въ Новгородѣ. Вмѣсто князя деспота, въ Новгородѣ деспотомъ было вѣче, которое справлялось съ своими противниками короткой расправой. Подъ 1230 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующее происшествіе: „въ этомъ году заспорили Степанъ Твердиславичъ (посадникъ) съ Водовикомъ (посадникомъ предшествующаго года) и Иванкомъ Тимошкиничемъ; Иванко побили люди посадника. На другой день собралось вѣче на посадника, пошли на дворъ его и разграбили. Но посадникъ опять „взвари“ весь городъ на Иванка, на Якима Влупповича и Прокшу Лашпева, пошли съ вѣча и много дворовъ разграбили, а Волоса Блуткиничя убили на вѣчѣ. Посадникъ сказалъ (вѣроятно одному изъ лицъ, которыхъ дворы были ограблены): „ты хотѣлъ мой дворъ зажечь, а зажегъ дворъ Прокшинъ“. Якимъ убѣжалъ къ князю, нѣкоторые спрятались, а Иванко убилъ Водовикъ. Богъ наказываетъ насъ, продолжаетъ лѣтописецъ, видя наше братоненавидѣніе и непокореніе другъ другу. На ту же зиму, на другой день послѣ отъѣзда князя Ростислава съ посадникомъ въ Торжекъ, убили Семена Борисовича, а домъ его и села—все разграбили, а тѣло погребли въ монастырѣ; также разграбили домъ и села Водовика, брата его Михаля, Дальслава, Бориса тысяцкаго и много другихъ дворовъ. Посадникомъ сдѣлали Твердислава, а тысяцкое отдали Микитѣ Петроловичю. Все, что ограбили, раздѣлили по стамъ; они трудились, а эти трудъ ихъ похитили“ (Новг. I, стр. 46).

Конечно, за все это время, разсмотрѣнное нами, это событіе представляетъ самое безотрадное явленіе новгородской исторіи; но и кромѣ того, лѣтопись подъ 1134, 1136, 1141, 1168, 1185, 1200, 1207, 1215 и 1229 годами рисуетъ не особенно привлекательныя картины народной расправы. Не смотря на громадную мощь, новгородское вѣче все еще рѣшало дѣла единогласно или подавляющимъ большинствомъ, а какъ скоро не было того и другаго, то дѣло должно было рѣшиться междоусобіемъ, чему мы и видѣли примѣры.

О самой организаціи Новгорода мы не можемъ сказать ничего новаго. Послѣднее событіе какъ будто указываетъ, что дѣленіе на сотни все еще было важнѣйшимъ; но разсказъ лѣтописца о борьбѣ за Твердислава даетъ наглядное доказательство, что въ эту эпоху уже существовала и организація по концамъ, даже собирались вѣча на концахъ. Но какъ относилось это дѣленіе на концы къ дѣленію на сотни, какое имѣло значеніе дѣленіе на сотни и концы въ частности, вообще чего-либо обстоятельнаго объ организаціи Новгорода за этотъ періодъ сказать нельзя.

Въ послѣдній періодъ разсматриваемой нами эпохи новгородское вѣче пріобрѣло новый и весьма важный источникъ вліянія: оно стало избирать новгородскаго владыку и, кажется, игуменовъ въ главные новгородскіе монастыри. При громадномъ значеніи, которое имѣли въ эту эпоху представители церкви, такое избраніе новгородскихъ владыкъ вѣчемъ было не только важнымъ, но и необходимымъ явленіемъ. Въ Новгородѣ это значеніе духовенства понималось также хорошо, какъ и въ Суздалѣ, но тамъ князья хотѣли воспользоваться духовнымъ вліяніемъ для усиленія княжеской власти, здѣсь — для поддержанія свободы. Подъ 1193 годомъ лѣтопись въ первый разъ подробно разсказываетъ о выборѣ архіепископа. „Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ и съ Софіяны и съ попы, гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартирія, а друзіи Грегина; и бисть распря въ нихъ. И положиша на святей трапезѣ тріе жребія и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дастъ, и выняся Божіею благодатію Мартирія, и послаша по него и абіе привезоша изъ Русѣ и посадиша въ дворѣ святыя Софія“. Подъ 1226 годомъ лѣтопись также несомнѣнно разсказываетъ объ участіи вѣча въ избраніи игумена Юрьева монастыря. „Въ этомъ году преставился игуменъ св. Георгія, Савватій, архимандритъ новгородскій... передъ своимъ преставленіемъ Савватій созвалъ владыку Антонія, посадника Ивапка и всѣхъ новгородцевъ и просилъ ихъ избрать игумена. Они избрали грека, священника въ церкви

Константина и Елены" (Новг. I, стр. 42). На основаніи этого яснаго извѣстія можно думать, что выборы вѣча въ игумены новгородскихъ монастырей начались ранѣе: подъ 1157 годомъ лѣтопись говоритъ, что скончался игуменъ св. Богородицы и „поставиша Ольклу на его мѣсто" (Тамъ-же, стр. 12). „Той же осени (1158 г.) поставиша Діонисія игуменомъ св. Георгія". Такимъ образомъ, мнѣ кажется, вѣче начало съ выбора игуменовъ и затѣмъ перешло уже къ выбору архіепископа новгородскаго. Первосвященники Новгорода начали называться архіепископами съ 1165 года, съ поставленія Иліи. Выборъ новгородскихъ архіепископовъ вѣчемъ могъ начаться не ранѣе 1187 года, потому что при выборѣ слѣдующаго архіепископа лѣтопись говоритъ: „опять Ярославъ и новгородцы... поставиша".

Что касается до новгородскихъ общественныхъ классовъ, то объ этомъ важномъ предметѣ, къ сожалѣнію, для настоящаго времени мы имѣемъ недостаточно данныхъ. Но въ одномъ вопросѣ едва-ли можно ошибиться, а это именно въ томъ, что въ новгородской области, больше чѣмъ гдѣ-либо, съ невѣроятной быстротой исчезалъ классъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и собственность поземельная сосредоточивалась, мало-по-малу, въ классѣ новгородскихъ бояръ и купцовъ. Договорныя грамоты, касающіяся слѣдующаго періода (1237—1547 г.), съ очевидною ясностью даютъ понять, какія усилія употребляла новгородская аристократія, чтобы, по возможности, уничтожить всѣ средства для низшаго класса искать защиты у князя. Если вѣрна наша догадка о принадлежности Новгороду полнѣйшей Русской Правды, съ ея чудовищной таблицей процентовъ, то она показываетъ, какія средства употребляла аристократія Новгорода для своего обогащенія. Эта политика новгородской аристократіи послужила не мало къ уничтоженію новгородской свободы, что я надѣюсь доказать въ слѣдующемъ томѣ сочиненія.

КОНЕЦЪ.

Пособія.

Акты Историческіе акты, Археографической Экспедиціи и Дополненія къ Актамъ историческимъ. Первые тома.

Акты Юридическіе.

Аксаковъ. Сочиненія. Т. 1-й.

Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ.

Аристовъ. Промышленность древней Руси.

Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. 3 тома.

Буслаевъ. Историческіе очерки руской народной словесности.

Бѣляевъ. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія.

Валуевъ. Сборникъ.

Временникъ

Гакстгаузенъ. Путешествіе въ Закавказскій край.

Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей.

Гедеоновъ. Отрывки о варяжскомъ вопросѣ.

Дмитріевъ. Исторія суд. инст. и гражд. апелл. судопроизводства.

Древняя Россійская Вивліоѳика.

Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Руси.

Записки Географическаго Общества за 1863-й г.

Извѣстія Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Исторія Россійской Іерархіи. Т. 5 и 7-й.

Кавелинъ. Сочиненія. 4 тома.

Казанскій. Исторія православнаго русскаго монашества.

Калайдовичъ. Памятники литературы XII вѣка.
Калачовъ. Архивъ историко-юридическихъ свѣденій.
— Предв. юрид. свѣд. для объясненія Русской Правды и Русская Правда.
— О значеніи Кормчей.
Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.
Каченовскій. Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ.
Кёне. Описаніе европейскихъ монетъ.
Киреевскій. Сочиненія. Т. 2-й.
Классенъ. Новые матерьялы для древней исторіи славянъ. Два выпуска.
Костомаровъ. Лекціи по русской исторіи.
— Сѣверно-русскія народоправства. Т. 2-й.
Котляревскій. Погребальные обычаи славянъ.
Кругъ. Критическія розысканія о древнихъ русскихъ монетахъ.
Ланге. Уголовное право Русской Правды.
Лербергъ. Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи.
Лѣтописи: Лаврентьевская, Ипатіевская, Никоновская, Новгородскія, Архангельская, Псковская и Переяславская.
Макарій, Преосв. Исторія церкви. 3 тома.
Макушевъ. Сказанія иностранныхъ писателей.
Миллеръ. Опыты историческаго обозрѣнія русской литературы.
— Илья Муромецъ.
Муравьевъ. Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новагорода.
Неволинъ. Сочиненія.
Никольскій. О началахъ наслѣдованія.
Опытъ о посадникахъ новгородскихъ.
Памятники старинной русской литературы. Т. 2-й.
Патерикъ Печерскій.
Пахманъ. О судебныхъ доказательствахъ.
Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 3 тома.
— Историко-юридическіе отрывки.
— Историческій сборникъ. Т. 1, 2, 3 и 7-й.

Поповъ. Путешествіе къ Черногорью.

Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики.

Рейцъ. Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ.

Розенкампфъ. Обозрѣніе Кормчей книги.

Русскій переводъ Библіи.

Русскія достопамятности. 3 тома.

Савельевъ. Магометанская нумизматика.

Сенковскій. Сочиненія. Т. 5-й.

Сергіевичъ. Вѣче и князь.

Славянскій. Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Любекомъ.

Снѣгиревъ. Русскіе простонародные праздники и обряды.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Соловьевъ. Исторія Россіи. 3 т.

— Объ отношеніи между русскими князьями.

— Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ Рюрикова дома.

Софійскій Временникъ.

Татищевъ. Исторія Россійская. 3 т.

Терещенко. Бытъ русскаго народа.

Труды Общества исторіи и древностей.

Утинъ и Лазаревичъ. Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ.

Чеглаковъ. Объ органахъ судебной власти въ Россіи.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Древностей Россійскихъ.

Шафарикъ. Славянскія древности. Т. 1 и 2-й.

Шлецеръ. Несторъ. 3 т.

Шпилевскій. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ.

Эверсъ. Предварительныя критическія изслѣдованія для русской исторіи. Т. 2-й.

Энгельманъ. Гражданскіе законы Псковской судной грамоты.

— О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву.

Comte, Auguste. Cours de la philosophie positive. T. 5-й.
— Charles. Traité de legislation. 4 тома.
Charmoy. Rélations de Massoudi въ Mémoires de l'Académie Impériale. 1834 г.
Grote. Histoire de la Grèce. T. 3 и 4-й.
Guizot. Histoire des gouvernements réprésententifs.
Lezardière. Lois politiques. T. 1 и 2-й.
Lois de Manou. Traduction française.
Niebuhr. Histoire Romaine.
Vico. Philosophie de l'histoire.

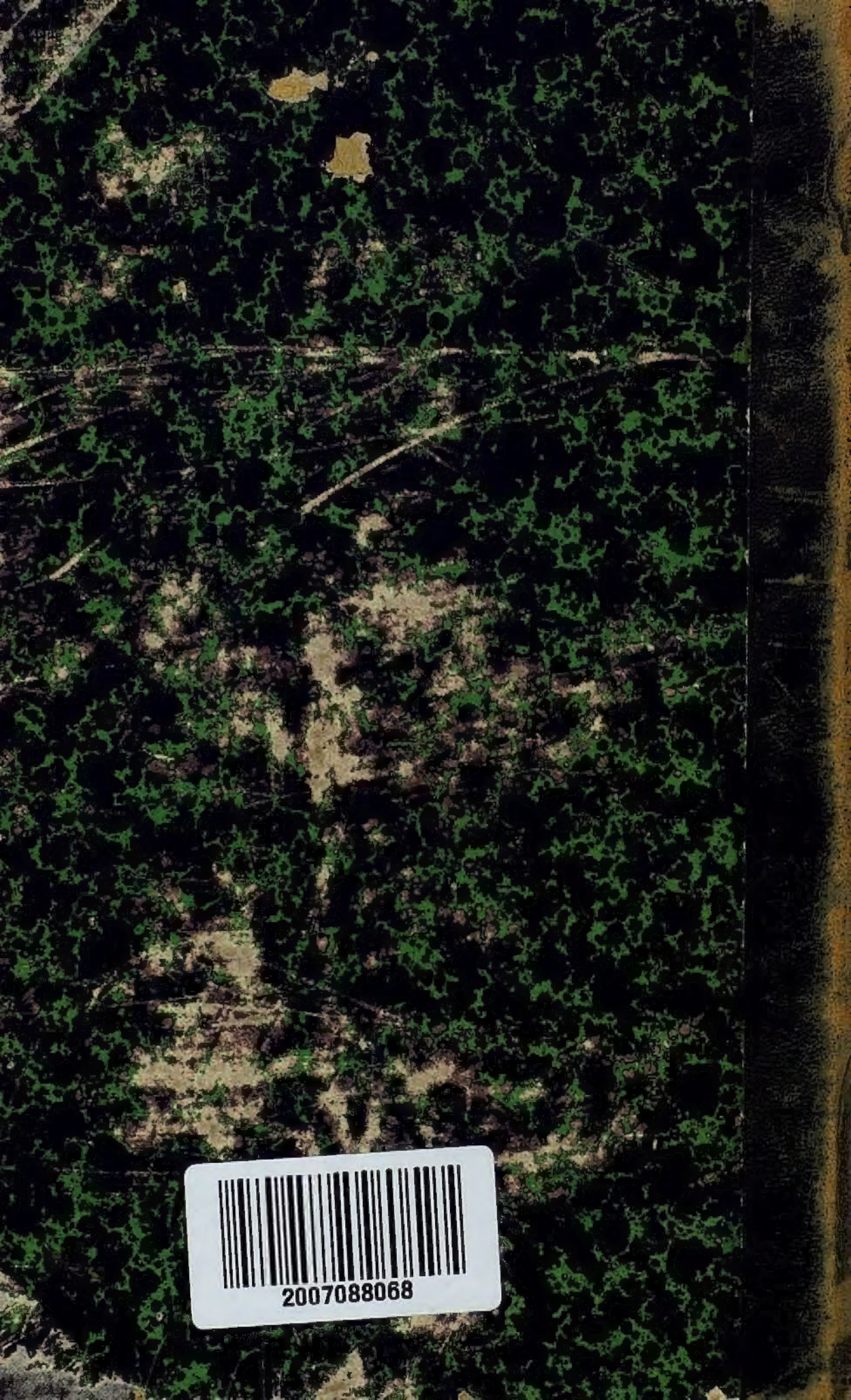
Adam von Bremen.
Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit; Einhard's Jahrbücher.
Dunker. Geschichte der Alterthums.
Hegel. Philosophie der Geschichte.
Helmhold. Geschichte der Hanzen.
Ihering. Geschichte des Römischen Rechts. T. 1-й.
Kemble. Die Sachsen in England. T. 2-й.
Klemm. Cultur Geschichte. 4 т.
Куникъ. Die Berufunng des Schwedischen Rossen.
Палацкій. Geschichte der Bömen. T. 1 и 2-й.
Sartorius. Urkundische Geschichte des Urssprunges der deutschen Ganze.
Savigny. Geschichte der Römischer Rechts.
Titmar von Merseburg.
Waitz. Deutsche Verfassungs Geschichte.
— Antropologie der Naturvölker. 5 т.
Wiedukind. Sächsische Geschichte.

Lecky. History of European Morals. T. 2-й.
Robertson. History of Amerika.

Stritter. Memoria populorum. T. 1-й.

Такъ какъ авторъ не имѣлъ возможности лично слѣдить за печатаніемъ этого сочиненія, то въ него вкрались нѣкоторыя погрѣшности, важнѣйшія изъ которыхъ мы здѣсь приводимъ:

Стр.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
4	4 сн.	вятячами	вятичами
17	6 св.	Bazani	Buzani
21	13 »	посельемъ	посемьемъ
23	5 сн.	невозможно,	возможно,
24	4 св.	grosse	Griesse
26	27 сн.	«а я	«а се
31	26 св.	«гнать»	«гонть»
32	3 сн.	семьянину	селянину
33	8 »	первенство	неравенство
36	1 св.	Во главѣ города	Въ главномъ городѣ
—	24 »	народъ	родъ
42	25 »	фаллюса,	фаллюса,
44	7 сн.	мироваго	пироваго
48	8 »	потребовалъ	потребовался весь
49	1 св.	значеніе	знаніе
—	— »	собственною нашею сущностью	собственно наше существо
—	18 »	любящими боговъ, богатые,	любимцами боговъ, богатыми,
58	2 »	Martz	Waitz
58	20 »	принимаетъ,	приноситъ,
—	21 »	объяснить; такъ,	объяснить такъ:
—	22 »	купли, набора,	купли невѣсты,
62	5 »	Абу-Исаака	Аль-Истаари
71	20 »	Улибъ	Улѣбъ
72	9 сн.	не славянскій	славянскій
77	3 св.	дѣлаетъ	думаетъ
81	6 »	«напѣсти	«налѣсти
82	12 сн	призванными	призвавшимъ ихъ
83	1 св.	племени	племенъ
87	5 сн.	«се дань	«се далъ
113	24 св.	возвышалась	возвысилась
117	13 »	норманов	норманъ
120	18 »	смягчала права мести	уничтожала права на месть
130	5 »	власти	волости
—	20 »	(messus)	(missus)
139	1 »	людяхъ	людей
140	6 сн.	все	вѣно
141	7 св.	съ рязанскими	съ рязанами
142	7 сн.	Михалоны Литвилы	Михалона Литвина
157	20 св.	продавшихъ	продавали ихъ
162	26 »	не вступаетъ	не вступается
175	16 »	Макарій. Нельзя	Макарій, нельзя
182	4 сн.	Патрокла	Гектора
186	2 »	физическую	фактическую
195	2 сн.	«наче развевеливати, река:	«нача размышляти, рекъ:
197	7 »	«нанесли потомъ	«налѣвали по́томъ
201	5 сн.	въ Увѣчигахъ	въ Увѣтичахъ
210	12 св.	Василька	Всеслава
213	9 »	родовъ	рядовъ
217	20 »	нагать	ногата
235	8 сн.	законовъ.	знаковъ.
246	13 »	законовъ	характера
251	13 сн.	тетеревскимъ	тетеревникъ
255	10 сн.	вѣрной	вирной
265	8 св.	донесеніе	дополненіе
280	5 »	вирью	вирѣ
281	6 сн.	Въ новомъ родѣ,	Въ Новгородѣ,
—	5 »	ни выливалась	не вмѣшивалась
305	10 св.	Терещенко, стр.	Троицкій, ст.
309	4 сн.	«пакимъ вѣрахъ	«паки ли варягъ


2007088068